

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XVI Международный
съезд славистов

Белград, 20–27 августа 2018 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

МОСКВА
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
2018

УДК 811.16
ББК 81.2
С47

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик РАН *С. М. Толстая* (ответственный редактор),
член-корреспондент РАН *Е. Л. Березович*,
доктор филологических наук *Ж. Ж. Варбот*,
кандидат филологических наук *Г. П. Пилипенко*,
доктор филологических наук *А. А. Плотникова*,
кандидат филологических наук *М. Н. Саенко*

Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / Отв. редактор С. М. Толстая. — М.: ИСл РАН, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-7576-0417-6

DOI: 10.31168/0417-6

Книга включает доклады российских лингвистов, подготовленные к XVI Международному съезду славистов (Белград, 20–27 августа 2018 г.). В них обсуждаются актуальные вопросы лингвистической славистики — праславянская лексика и этимология, балто-славянские отношения, морфология и синтаксис праславянского языка, праславянское наследие в отдельных языках и группах языков, история и типология грамматических категорий, лексические и грамматические инновации в славянских языках, диалектология и ареальные связи славянских языков и диалектов, языковые и культурные контакты, семантика и символика языка народной культуры и др.

Для лингвистов и филологов широкого профиля и всех, кто интересуется славянскими языками и их историей.

УДК 811.16
ББК 81.2

ISBN 978-5-7576-0417-6

DOI: 10.31168/0417-6

© Тексты, коллектив авторов, 2018
© Российская академия наук, 2018
© Институт славяноведения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I.

<i>Е. Л. Березович.</i> Славянские оттопонимические названия жителей: ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика	7
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Праславянские диалектизмы, гапаксы славянских языков и относительная хронология лексики реконструируемого праславянского	35
<i>В. Л. Васильев.</i> Южнославянские связи русской северо-западной (новгородско-псковской) топонимии	41
<i>Т. И. Вендина.</i> Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства.....	60
<i>М. Н. Саенко.</i> Общие инновации в базисной лексике праславянского и прабалтийского языков	82
<i>С. М. Толстая.</i> Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение	98

II.

<i>Т. С. Ганенкова.</i> О выявлении семантических структур предлогов в южнославянских языках	119
<i>М. Я. Дымарский.</i> К принципам описания синтаксического строя русского языка	130
<i>О. Ф. Жолобов.</i> Праславянское наследие и древнерусские претериты	145
<i>Е. Ю. Иванова.</i> Да-конструкция как фактор синтаксической дифференциации славянских языков	171
<i>М. М. Макарецев.</i> Да-формы в славянских идиомах Албании. К типологии албанско-славянских языковых контактов.....	206
<i>Я. А. Пенькова.</i> Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция	225
<i>Д. В. Сичинава.</i> Плюсquamперфект и связанные с ним формы в славянских языках: типологические и ареальные характеристики	244

III.

<i>Н. Е. Ананьева, С. С. Скорвид.</i> Островные западнославянские диалекты на территории России	269
<i>Д. Ю. Ващенко.</i> Кванторные слова в языках западнокарпатского региона: к проблеме языковых контактов.....	301
<i>К. В. Лифанов.</i> Асимметричная дивергенция словацкого и чешского литературных языков в XX веке	316

<i>С. А. Мызников.</i> «Словарь русских народных говоров»: некоторые итоги лексикографической работы	335
<i>С. Л. Николаев.</i> К реконструкции древнерусских стихотворных текстов	351
<i>О. А. Остапчук.</i> Языковой ландшафт многоязычного региона: публичная коммуникация на украинском Подолье в начале XIX в.	383
<i>А. В. Птенцова.</i> Эволюция конструкций со значением приблизительного количества в древнерусском и старорусском языке.....	402

IV.

<i>М. М. Валенцова.</i> Славянская мифологическая лексика карпатского региона: генезис особенностей (этнолингвистический аспект)	417
<i>К. В. Осипова.</i> Этнолингвистическое изучение народных традиций, связанных с пищей (на примере русских и инославянских культурно-языковых данных)	436
<i>А. А. Плотникова.</i> Карпато-балканские этнолингвистические параллели	453
<i>И. А. Седакова.</i> Концепт «любовь» в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале)	472
<i>Е. С. Узенёва.</i> Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология народной культуры.....	490
<i>О. В. Чёха.</i> Мотивационные модели названий лунных фаз в языках балканских славян и их соседей	511
<i>М. В. Ясинская.</i> Мотивы, связанные со зрением, в похоронно-поминальной обрядности славян: этнолингвистический аспект	527

I.

СЛАВЯНСКИЕ ОТТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ: АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Статья посвящена славянским названиям жителей деревень, городов, областей, регионов и др., которые образованы от соответствующего топонима — официального или неофициального: рус. *омичи*, *питерцы*, блр. *віцябляне/віцябчане* ‘жители Витебска’, польск. *śpisáki* ‘жители Спиша — исторической области в Словакии и Польше’ и проч. В ономастике для этих названий используется термин *катойконим*. Такое использование имеет устойчивую традицию, но не всегда удобно: в силу своей внутренней формы термин *катойконим* указывает на слова, связанные с ойконимами (обозначениями населенных пунктов), в то время как названия жителей могут быть производными от обозначений ландшафтных объектов, ср. рус. влг. *енталёнок* ‘житель бассейна р. Ёнтала’, серб. *динарац* ‘тот, кто проживает в Динарской горной системе’ и др. Этот лексический класс составлен существительными, реализующими специфические модели словообразования (обычно суффиксального¹), однако периферию

¹ Весьма редко встречаются иные способы субстантивного словообразования, например, бессуффиксный: рус. арх. *хавгѡра*, *кельчемгѡра* ‘жители дд. Хавгорá, Кельчемгорá’. Возможны также игровые номинации типа *долгона*, *долгонѣры* ‘жители г. Долгопрудный Московской области’ [Ахметова 2015б: 15].

Елена Львовна Березович,

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Автор благодарит М. В. Ахметову, М. Белетич, Т. В. Володину, М. В. Жуйкову, Н. И. Зубова, Х. Карликову, Ст. Клоферову, К. Колеву, Л. Кралика, А. Лому, О. В. Меркулову, Д. Мирич, Г. Мишева, И. И. Муллонен, И. А. Сedaкову, Л. Тодорову, С. Торкара, А. Тырпу, В. Б. Фридлендера, А. В. Юдина, И. Янышкову за помощь в сборе материала для статьи; особая благодарность С. М. Толстой и Л. А. Феоктистовой за ценные замечания и соображения, высказанные при знакомстве с текстом.

его образуют слова, не имеющие соответствующего оформления: например, в роли катойконимов могут выступать субстантивированные оттопонимические прилагательные (иркут., краснояр. *анга́рские* ‘о коренных жителях селений, расположенных на р. Ангаре’: «Ангарские-то и до сейчас обычаи знают свои» [СГБС 1: 346–347], перм. *ви́шерский* ‘человек, живущий в г. Красновишерске, в деревне, расположенной на берегу реки Вишеры’: «Вишерски-те побили уральских, всё отобрали» [СРГСПермК 1: 244]). Это периферия с точки зрения словообразования, а есть еще периферийные случаи в плане номинации и семантики. Номинативная периферия представлена словами, чьи производящие основы имеют спорный статус на оси «имя нарицательное — имя собственное»: так, укр. *западенець* и польск. *góral* образованы от слов *zapaд* и *góra*, имеющих в данном случае проприальное значение — указание на Западную Украину и горный массив на юге Польши (ср. смысловую разницу между польск. *góral* и рус. *горец*). Семантическую периферию составляют, к примеру, слова, которые обозначают не постоянных жителей какого-либо места, а его временных посетителей или обитателей: рус. *охотноря́дец* ‘торговец Охотного ряда в Москве’, арх. *му́рманцик* ‘помор, промышляющий в Северном Ледовитом океане, на Мурмане’ [Дуров 2011: 231].

Славянские оттопонимические названия жителей рассматривались исследователями преимущественно в словообразовательном (историко-словообразовательном), социолингвистическом, лингвогеографическом, лингвостилистическом и лексикографическом аспектах (М. В. Ахметова, А. М. Бабкин, В. М. Генкин, И. Л. Городецкая, В. О. Горпинич, Л. К. Граудина, Х. Гурнович, А. А. Дементьев, Е. А. Левашов, В. П. Фролова, Б. Моссаковска, Г. И. Петровичева, М. Чаплицка-Недбалска, М. Шапиро, З. С. Шеломенцева, М. Ярач и др.).

При этом мало изучен потенциал **ассоциативно-деривационной семантики** названий жителей. Самая важная для лингвистического исследования зона такой семантики — значения семантических и семантико-словообразовательных дериватов, поскольку они «воплощают в себе ту часть выраженного в вербальной форме знания о явлениях действительности, которая наиболее устойчива, верифицирована системой языка и даже в известной мере создана ею — в процессах разного рода внутриязыковых притяжений и сближений» [Березович 2014: 14]. В результате семантической деривации появляются производные со смысловыми наращениями: рус. ворон. *астраха́нец* ‘грубый, некультурный, отчаянный человек, чаще ребенок’ [СВоронГ 1: 44], серб. воевод. *стапарка* ‘о женщине, любящей сплетничать, не занимающейся тяжелым крестьянским трудом’ [сообщено Д. Мирич] <жительница с. Стапар, находящегося недалеко от с. Бачки Брестовац, где записано данное слово>; ср. также

семантико-словообразовательные дериваты: рус. арх. *вагáнить* 'делать что-н. небрежно, кое-как' [АОС 3: 22] <*вагáн* 'житель бассейна р. Вага'>, моск. *намосквичиться* 'перенять манеры и ловкость москвичей' [СРНГ 20: 41], серб. *динарачки* 'как свойственно динарцам <жителям Динарского нагорья>: решительно, неутомимо' [РСЈ: 281]. Интересующие нас семантические дериваты могут функционировать не только в нарицательной лексике, но и в проприальной: детские витамины *Сибириячок* (ср. рекламу этих витаминов: «Чем известны сибиряки? Тем, что они имеют крепкое здоровье. Поэтому название для витаминов выбрано вполне подходящее»). Важная информация кроется и во **фразеологической семантике слова**, проявляющейся в тех смысловых связях, которые устанавливаются у слова в составе идиоматических сочетаний, устойчивых сравнений и пр.: рус. влг. *байкаловцы приехали* 'об окончании запасов воды в доме' [КСГРС] <*байкаловцы* — жители д. Байкалово в Кичменгско-Городецком р-не, где не было реки>, польск. *wesoły jak krakowiak* [НКРР 2: 190], болг. брацигов. *инат като равногорец* <упрямый как равногорец (житель с. Равногор в Родопях неподалеку от Брацигово)> [сообщено Г. Мишевым]. В этих выражениях катойконимы представлены в своих исходных значениях, однако при включении их в состав устойчивого сочетания одни смыслы укрупняются и акцентируются (*байкаловцы* живут без реки, *равногорцы* упрямы и проч.), другие отходят на второй план, поэтому подобный материал тоже представляет для нас интерес.

Критерием отбора материала является величина смыслового наращения, преобразующего семантику катойконима. Не рассматриваются многочисленные метонимические производные, содержащие минимальный семантический шаг (сужение значения). К ним относятся, к примеру, обозначения военных по месту формирования подразделения (самое известное из таких наименований — *запорожцы*; есть другие казаки — *донцы*, *кубанцы*, *уральцы*, *забайкальцы*; среди неказачьих наименований — *измайловцы*, *семеновцы*, *преображенцы* — гвардейцы из полков, формировавшихся в соответствующих селах). Более того, подобные названия, по всей видимости, лишь формально совпадают с катойконимами, поскольку представляют собой стандартные словообразовательные дериваты от соответствующих прилагательных (*Преображенский полк* > *преображенцы*). Не учитываются и наименования социально-территориальных групп по конфессиональному признаку, к примеру, *перховцы* 'члены религиозной общины, образовавшейся при с. Перхово Вышневолоцкого уезда Тверской губ. под влиянием воззрений Л. Толстого' [Мгеладзе, Колесников 1965: 56], *бухтарминцы* 'старообрядцы, живущие в Алтайских горах по р. Бухтарме,

правому притоку Иртыша' [<https://pravoslavnaya.academic.ru/3403/БУХТАРМИНЦЫ>] и др. Однако возможно дальнейшее развитие семантики подобных слов, когда сема, указывающая на территорию, отходит на второй план или вовсе нивелируется — и соответствующее указание остается только во внутренней форме слова. В этом случае лексические единицы становятся объектами нашего исследования, ср., к примеру, польск. *krakusy* 'солдаты польской легкой кавалерии' [Тугра 2016a] <жители Кракова>, укр. *москаль* 'солдат', *москальня* 'солдаты' [Гринченко 2: 447], рус. костр. *вѣтчана* 'старообрядцы' [ЛКТЭ] <жители бывшей Вятской губернии>, устар. обл. *кержѣк* 'старообрядец' [ССРЛЯ 5: 927] <старообрядцы на Урале и др. в начале XVIII в. могли быть выходцами с р. Керженец (левый приток Волги) [Фасмер 2: 224]>.

Коннотации, которые могут быть выявлены в результате анализа катойконимических дериватов и фразеологизмов, входят в **ядро языковых региональных стереотипов** (под последними в этой работе условно понимается наивный образ жителя какой-либо местности, имеющий языковую закрепленность). Например, в чешском языке (особенно в моравских говорах) отражен образ ганака — жителя Ганы (плодородной низины в центральной и северной Моравии). Из семантических дериватов на основе слова *hanák* можно узнать, что ганаки торгуют свининой (морав. *hanák* 'торговец свининой' [ALJ]), выращивают овощи и питаются преимущественно ими (морав. *hanácká svad'ba* <ганацкая свадьба> 'капуста и горох: каждый из ингредиентов готовят и едят отдельно, ложку одного и ложку другого, либо оба смешивают' [Bartoš 1906: 90]), нарядно одеваются (юж.-морав. бржецлав. *hanák* 'человек, одетый по-городскому' [Там же]), немногословны и медлительны (морав. *hanák* 'немногословный человек, который мало ходит, медленно говорит' [сообщено И. Янышковой, Ст. Клоферовой]).

О коннотациях в семантике катойконимов нет, кажется, обобщающих исследований. Имеются немногочисленные работы, посвященные коннотативному фону отдельных названий жителей, ср., к примеру, исследования о польских силезцах («слензаках») [Grybosiova 2007; Misztá 2016], мазурах [Тугра 2006; Березович, Кучко 2017], гуральях [Rak 2015: 47–63], кельчанах [Marczewska 2007], ташкентцах [Шафранская 2014], при этом последние две работы выполнены на материале литературных языков. Чаше (но в целом нечасто) встречаются исследования, в которых катойконимические дериваты изучаются в ряду других семантических производных от соответствующих топонимов, ср., например, статьи о Вятке [Казакова 2011], Питере [Кривошапова 2012], Москве [Березович, Кривошапова 2011], Сибири [Березович, Кривошапова 2015], Варшаве [Тугра

2016b], Кракове [Тугра 2016a]. Некоторые примеры рассматриваются также в нашей статье, посвященной дериватам от русских местных топонимов (преимущественно микротопонимов) [Березович 2012]. Имеются исследования региональных языковых стереотипов, выполненные на ином материале — данных лингвистических экспериментов: так, в [JWP] представлены результаты анкетирования, в ходе которого испытуемым предлагались стимулы *warszawiak*, *krakowianin*, *poznaniak*, *góral*, *ślązak* [Там же: 241–246; 252–257; 293–299; 303–308; 326–330]. Экспериментальный материал (дополненный отдельными фразеологическими и паремиологическими примерами) лег также в основу статьи В. Писарека, которая, кажется, является одним из первых исследований, посвященных региональным языковым стереотипам [Pisarek 1975]. Как считает автор, наиболее устойчивыми в польском языке являются *warszawiak*, *krakowiak*, *poznaniak*; менее устойчивы — *ślązak* и *góral*; еще менее — *kaszub* и *mazur* [Там же: 75]. Думается, что более полное привлечение данных системы языка и диалектного материала могло бы внести коррективы в эти выводы.

В настоящей статье ставится задача выявить некоторые общие закономерности формирования ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики славянских катойконимов. Материал будет анализироваться с позиций этнолингвистики (для которой он значим, поскольку помогает понять, как расставлены акценты на социокультурной карте (славянского) мира), а также теории ономастической семантики. Привлечение внимания к этим лексическим единицам весьма полезно также для семантической реконструкции и этимологии. К примеру, решая вопрос о происхождении рус. *безу́к* ‘хороший плотник’ [СРНГ 2: 201], этимологи (А. Е. Аникин, О. Н. Трубачев, Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев) видят здесь сложение приставки *без-* и основы *ук-* ‘учить’ [Аникин РЭС 3: 50 (с литературой); Варбот 2015: 49]. Однако в смоленских говорах отмечено слово *бизюки*, не попавшее в [СРНГ], но имеющееся в [ССГ], которое является наименованием жителей д. *Бизюково* (неоф. *Бизюки*) в Дорогобужском р-не Смоленской обл., известных своим плотницким искусством: *бизю́к* устар. ‘плотник из деревни Бизюки, работающий по найму’ (с комментарием: «Дорогобужские плотники, или *бизюки* (под которыми разумеются рабочие из соседней с Бизюковской волостей, всего более 200 человек), расходятся по всей Смоленской губернии»), ‘хороший плотник’ [ССГ 1: 178–179]; в контекстах к этому слову, помимо формы *бизюк*, есть и вариант *бизук* [Там же: 179]². Такое

² Эту версию происхождения слова *безук* высказала (не комментируя подробно) О. Д. Сурикова [Сурикова 2016: 132].

расширение значения («профессионал из какой-либо местности» → «профессионал вообще») типично для катойконимов; подобные модели будут изучаться в настоящей работе.

Основной массив слов и фразем, рассматриваемых в статье, — факты русских народных говоров и просторечия (лексические единицы, связанные с книжной традицией, учитываются в меньшей степени); из инославянских данных привлекаются к анализу главным образом польские, реже — белорусские, украинские, сербские, болгарские, чешские; единично представлены словенские, словацкие, нижнелужицкие материалы. При подаче лексических единиц без ссылок на источник даются материалы ономастических картотек Топонимической экспедиции Уральского университета; указывается только область и район фиксации факта.

Трудности разработки данной темы связаны главным образом с тем, что материал крайне скупо фиксируется лексикографическими источниками. По сути, изучаемые лексические факты «падают в щель» (и пропадают) между материалом толковых и ономастических словарей: их не берут составители словарей катойконимов, поскольку они нацелены главным образом на фиксацию словообразовательных вариантов и выбор среди них нормативного; ими пренебрегают и составители толковых словарей нарицательной лексики, поскольку относят их «к ведомству» ономастов. Характерен такой случай: в [КСРНГ] есть урал. *тамбóвец*, самар. *тамбóш* ‘колонист из русских’, но эти факты не попали в соответствующий печатный выпуск [СРНГ]. Еще один показательный факт: жителям бывшего Советского Союза (и, думается, других стран Европы) известен стереотип одессита — весельчака, юмориста. Однако указание на коннотации в семантике слова *одесити* (*одесситы*) не вошло не только в толковые словари украинского и русского языка, но даже в «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина [Отин 2004]. Таким образом, попадание этого материала в словари является, к сожалению, в известной мере случайным. Чаше (но ненамного) он фиксируется в диалектных словарях, составители которых более свободно относятся к проприальному / апеллятивному статусу слов.

Помимо этого субъективного фактора, определяющего трудности при сборе материала, есть и объективный, связанный с логикой расстановки семантических и номинативных акцентов в языке. Языковые региональные стереотипы, несомненно, существуют — и в ряде случаев являются очень сильными, яркими и многогранными. Но инициативу обрисовки неформального портрета обитателей тех или иных поселений у катойконимов нередко «перехватывают» характеризующие неоттопонимические имена — коллективные прозвища, которые описывают язык, одежду, занятия, особенности

поведения жителей и т.п.³ Таким образом, «энергия» языка оказывается перераспределенной: коннотации находят номинативный выход не столько в семантической деривации на основе катойконимов, сколько в создании специальных прозвищных имен (и даже особого фольклорного жанра — географических песен, где используются не только прозвища, но и разного рода описательные конструкции, характеризующие обитателей какой-либо местности)⁴.

Кроме того, стереотипные представления о жителях какой-либо местности могут закрепляться иными способами — например, в атрибутивных сочетаниях, составленных оттопонимическим прилагательным и существительным: рус. *ленив, как клéпенский мужик* ‘о лентяе, полном бездельнике’ (Смолен. губ., Сычевск. уезда, село Клепени, где все нищие, по обычаю) [Даль ПРН₂ 2: 51], забайк. *ботало енисейский (анисейский)* ‘болтливый человек, пустослов’ [СГСЗ: 49], вят. *казанский жулик* ‘бранное выражение’ [СРНГ 12: 310], укр. *львівський охайний хлопчик* ‘недотепа, дурень’ [ЛЛ: 421], польск. *wygadana jak przekupka warszawska* (бойкая на язык, как варшавская торговка) [НКРР 3: 616] и т. п.

Но все же коннотативные катойконимы устойчиво фиксируются в системе языка и должны стать объектами анализа.

³ Такие прозвища могут употребляться как отдельно, так и в составе различных фольклорных жанров, например: рус. арх. *ельцы* и *опалёны овцы* ‘жители дд. Матвера и Верховье Пинежского района’: «Матверцы рыбачат на Пинеге: основная их добыча елец, оттого их и прозвали ельцами. Бывало сверху на плотах плывут книзу, мы им с берега: “Верховцы — опалены овцы!” А они наотвёт: “Матверцы — ельцы женились на овцы!” Так и препираемся» [Воронцова 2011: 109]; блр. *пыняк* ‘житель гор. Мстиславль — за частое употребление слова *пыни* («Я, пыні, кажу табе!»)’ [Ю. В. 1923: 43]; польск. диал. *siercanie* ‘жители Подхале, историко-географической области в Южной Польше, за одежду *sieraka* ‘епанча с капюшоном’ [Rak 2015: 47]; слов. *rajčania* — *kožkari* <райчане — живодеры> ‘жители гор. Раец’, *žilinci* — *kapustniari* <жилинцы — капустники> ‘жители гор. Жилина’ [Záturecký 2005: 536] и мн. др. Жители одного и того же населенного пункта или местности могут получать целую серию прозвищ, характеризующих их с разных сторон: *белотельцы*, *белотелы*, (ярославские) *водохлёбы*, *запевалы*, *конфетчики*, *красавцы*, *красавцы-белотелы*, *кукушкины детки*, *луковицы*, *луковцы*, *песенники*, *чистоплюи* ‘жители Ярославля’ [Воронцова 2011: 441], *ацовань*, (вятские) *баламуты*, (хлыновские) *бояре*, *вани* (*ваньчѣ*, *ваньчі*), *водохлёбы*, (вятская) *ворона*, (хлыновские) *воры*, *вотяки*, *гады*, *гамаюны*, (вятские) *дули*, *кля́нчи*, *колды́к*, *лапотники*, *поросятники*, (вятские) *похлёбки*, *роговьѣ*, *рождк* (вятские), *ротозеи*, *свиносады*, *свистоплясы*, *синекощульники* вятские, *слепороды*, *толокноеды*, *толоконники* (вятски), *чалдо́ны* ‘жители Вятской губернии’ [Там же: 422] etc.

⁴ О жанре географических песен см. специальное исследование [Калуцков, Иванова 2006].

«Нулевая ступень» семантической деривации

Многokrатно фиксируются случаи, когда можно говорить о сформированном стереотипе жителя какого-либо места, в котором четко выделяются доминантные черты, но нет закрепления этих черт на системно-языковом уровне. Ср. размышления относительно стереотипов жителей разных районов Словакии: «Жители зоны Захорие (пояс от австрийской границы до Малых Карпат) считаются “простаками” — может быть, отчасти из-за “грубого” в акустическом плане диалекта; жители придунайской юго-западной Словакии (плодородная низменность в отличие от горных областей) — меркантильные спекулянты; население восточной Словакии любит выпить и т. д. Но все это остается только на уровне своеобразного “ментального познания”, а отражения в языке пока не находит — в отличие от известных лексикографически “паспортизированных” деэтнонимов типа *cigán* ‘нечестный человек’» [Л. Кралик, письменное сообщение].

Однако есть **языковые сигналы**, говорящие о том, что процесс семантической деривации стартовал, пройдена «нулевая ступень» этого процесса.

Такие сигналы бывают имплицитными. Скажем, в контексте катойконим может занимать семантически сильную позицию, свидетельствующую о том, что в его значении подспудно произошла своеобразная конденсация характеризующих смыслов. Показателен отрывок из романа Н. Абгарян «Манюня», где описывается ссора родителей глазами ребенка: «“Кировоба́дцы!” — орал папа в ответ. Когда папа называл маму “кировоба́дцы”, то всем становилось ясно — у папы закончились аргументы. Кировобад — это город, где жила семья моей мамы. В народе шла молва, что девушки из Кировобад славятся капризным, неуступчивым характером. Что они сильно избалованы и не видят ничего дальше своего носа. И что каши с ними не сваришь. Поэтому, когда у папы заканчивались аргументы, он прибежал к жалкой попытке заткнуть маму. “Кировоба́дцы!” — грохотал он. “Упря́мый бердский осел”, — крыла в ответ мама. Тот же народ нарек жителей нашего города ослами за жуткую неуступчивость». Другой пример из нашей полевой практики: жители куста деревень Великодворье в Тотемском р-не Вологодской обл. воспринимаются населением соседнего куста деревень Усть-Печеньга как недотепы, «пошехонцы». Рассказы об их оплошностях и чудачествах нередко кончаются словами «Великодворяна, что с них взять!» Сербы, ставшие беженцами из Лики (в Хорватии) в 90-е годы XX в., в качестве одобрения в адрес друга друга могут использовать возглас «*Ликота!*»: это слово — в отличие

от нейтрального обозначения личан по месту жительства — отражает автостереотип жителей Лики (здоровый, крепкий, щедрый человек, труженик) [сообщено Д. Мирич]. В подобных случаях слова типа *кировобадцы* или *ликота* имеют характеризующую контекстную семантику.

Сигналы приобретения катойконимом оценочной семантики могут быть и эксплицитными. На уровне лексической сочетаемости к этим сигналам относится способность катойконима сочетаться с характеризующими маркерами типа *настоящий*: рус. *настоящий пскович*, *уралец*, *вологжанин* (ср. многочисленные интернет-страницы, где перечислены, к примеру, 15 признаков *настоящего уральца*), чеш. морав. *praví hanáci* <настоящие ганаки — жители низины Гана> [ALJ], словен. *pristen Gorenjec* <настоящий горенец — житель Гореньского региона> [http://bos.zrc-sazu.si/cgi/a03.exe?name=sskj_testa&expression=gorenjec&hs=1] и др. Примерно те же смыслы носят сочетания с прилагательным *истинный*: «Через сорок минут он уже входил в мой номер — все такой же стройный, сухощавый, корректный, *истинный петербуржец*, почти не тронутый временем» <В. П. Катаев>; «... Колеса по этой (как всякий *истинный москвич*, своей Олег ее не чувствовал — и имел честность себе в этом признаваться) гигантской, бесформенной и “безвидной” стране <...> Олег регулярно и не без подспудного ужаса убеждался в страшной зыбкости всего здесь» <А. Гаррос, А. Евдокимов>. Прилагательное *коренной* при катойкониме может указывать не только на место рождения человека и его родителей, но и нести оценочный смысл: *коренной москвич* или *петербуржец* — это, как правило, интеллигент, хорошо знающий город etc.⁵ Интересно сочетание катойконима со словом *закоренелый*: иркут. *ангáрец* ‘коренной житель селения, расположенного на р. Ангаре’: «Он *закоренелый* был *ангарец*. С характером. Он обман не терпел, воровство» [СГБС 1: 342–343]. Возможны и другие маркеры, например: арх. «*Самые помористые* — мезенцы, приморяне (жители Приморского района) и онежане, до Холмогор — все поморы» <информант из поморской д. Патракеевка> [Дранникова 2017: 9], яросл. «*Такая вологодская черепанка — ой какая!*» <о жительнице Череповецкого р-на Вологодской обл.> [ЯОС 10: 53], польск. диал. *bardziyi Górálu, pół-Górálu, racyi nie-Górálu* <более чем гураль, половина гуралья, скорее не гураль> [Rak 2015: 50]. Оценка косвенно проявлена и в сочетаниях типа польск. *Warszawianka prosto od krowy*

⁵ Ср.: «Старшина ненавидел москвичей, одесситов и прочих интеллигентов в солдатской робе; те, по возможности, платили ему взаимностью» <А. Михайлов>.

<варшавянка прямо от коровы> (с комментарием: «только что приехала из деревни») [НКРР 3: 616].

Встречаются также фонетические, словообразовательные или лексические преобразования катойконима, которые имеют семантические последствия. К примеру, в сербском языке бытуют насмешливые фонетические варианты слов *београђанин* и *новосађанин*: в первом случае утрируются гласные *ео* и удлиняется *о*, во втором — удлиняются все гласные, что характерно для во-еводинских (лалинских) говоров [сообщено Д. Мирич]. Эти слова имитируют речь жителей гг. Белград и Нови Сад. На Русском Севере жителей Череповецкого р-на Вологодской обл. дразнят *цереповца́не*, изображая цоканье, свойственное их речи: «Цереповцане це же англичане, только наречие на це». При изображении говора жителей столицы в русском просторечии с гипертрофированным аканьем произносится слово *москвич*. Богаты словообразовательные возможности создания семантических приращений. Так, в польском языке есть слово *warszawka* — ‘пренебрежительно о жителях Варшавы как легкомысленных, несерьезных’ [SJPD 9: 851]. В говорах Подхале катойконим *góralusia* звучит одобрительно по отношению к гуралю, а *góralicha* — негативно [Rak 2015: 51]; в донских говорах слово *черкаса́* является пренебрежительным названием черкасских казаков [КСРНГ], а в костромских и нижегородских говорах *ветлуга́й* употребляется иронично по отношению к жителям бассейна Ветлуги [СРНГ 4: 195]. Особенно результативно эксплуатируется этот прием в том случае, если есть вариантные катойконимы, один из которых нормативен. Так, для жителей Тамбова неприятен и едва ли не оскорбителен катойконим *тамбовцы* (а не *тамбовчане*), поскольку рифмуется со словом *овцы*, для жительницы Ярославля — вариант *ярославка* (а не *ярославна*), так как совпадает с обозначением породы коров, для жителей Каргополя — *каргополы* (а не *каргопольцы*), потому что используется в присловьях типа *каргополы – двери полы* [Ахметова 2015а: 28, 32, 35]. Что касается лексических преобразований, то в качестве примера можно привести рус. влг. *банде́ровцы* ‘жители д. Байдарово Никольского р-на Вологодской обл.’ <прозваны за драчливость> [Воронцова 2014: 130] — результат притяжения *байдаровцы* ↔ *Бандера*.

Все перечисленные случаи показывают возможность обретения катойконимом не только относительной, но и характеризующей (в том числе оценочной) семантики. Однако в этих случаях нет изменения референциальной базы значения, для такого изменения только создаются предпосылки. Поэтому мы говорим о нулевой ступени семантической деривации.

Какие катойконимы получают коннотации? Взаимодействие коннотаций топонима и катойконима

Способности к семантической деривации обнаруживают главным образом те **названия жителей, которые образованы от макротопонимов** — обозначений столиц стран, крупных городов, значимых в экономическом и социокультурном смысле регионов (рус. *москвич*, *сибиряк*, польск. *mazur*, *warszawiak*). В семантике таких слов может быть обнаружен целый спектр коннотаций, ср., к примеру, языковой стереотип жителя Москвы в русских говорах: москвичу приписывается разговорчивость, умение хорошо и красиво говорить; бойкость, доходящая до плутовства; общая культура и знания; привычка красиво одеваться; высокое благосостояние; заносчивость и снобизм⁶; неспособность по-настоящему работать; пристрастие к чаю (ср. костр. *москвич* ‘тот, кто важничает, ведет себя заносчиво’, арх. *москвичка* ‘неженка, любительница «чистой» работы’, моск. *намосквичиться* ‘перенять манеры и ловкость москвичей’ и т. п. [Березович, Кривошапова 2015: 88–89]). Однако такие спектры выявляются достаточно редко; обычно представлены одна-две характерные черты. Скажем, жители болгарского города Габрово, ставшие персонажами многочисленных анекдотов, известны своей скупостью: болг. *габровец* разг. ‘чрезмерно бережливый человек, который во всем руководствуется мелочными интересами; скупердый’ [<http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/габровец/>]. Помимо скупости, габровцам приписывается драчливость: болг. диал. *правя си устата като габровец за бой (лобут, дрянова тояга)* (хотеть, «раскатать губы», как габровец хочет драки / побоев / терновой палки) ‘недвусмысленно и грубо намекать на то, что кто-л. чего-л. хочет’ [<http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/габровец/>]. Аналогичная черта выделяется в языковом стереотипе *перничанина* (жителя болгарского гор. Перник), ср. ироничное выражение *кротък като перничанин* <тихий, мирный, как перничанин> [сообщено Г. Мишевым]. То же говорят о жителях сербского региона Срем: серб. воевод. *сремац* ‘задира, драчун’ (к тому же, как правило, любитель выпить); что касается жительницы Срема, то слово *сремлица* имеет производные значения ‘властная, решительная

⁶ Вообще, высокомерие нередко приписывается жителям столиц. К примеру, в болгарском языке слова *търновец* (разг. *търновлия*) и *преславянин*, обозначающие, соответственно, жителей гор. Велико Тырново и Велики Преслав (которые были столицами Болгарского царства), приобрели вторичное значение ‘состоятельный и высокомерный человек’ [сообщено Л. Тодоровой и К. Колевой].

женщина', 'прилежная домохозяйка' [сообщено Д. Мирич]. *Сицкари* (< *ситскари*), живущие по р. Сить в Мологском уезде Ярославской губ. (преимущественно обрусевшие карелы), характеризуются так: яросл. *сицкарь* 'о неловком, нерасторопном человеке' [ЯОС 9: 34].

Семантическая филиация катойконимов скорее ожидаема в тех зонах, где наблюдаются особо **резкие контрасты между жителями соседних населенных пунктов или регионов** (в плане этнической, конфессиональной принадлежности, материальной культуры, рода занятий, природных условий и проч.). Так, резко отличаются от русских (и православных) соседей по языку и вероисповеданию *тасимцы* — жители с. Тасимова (офиц. Кояново) Пермского р-на Пермского края, населенного башкирами, перешедшими на татарский язык, ср. перм. ильин. *тасимцами жить* 'жить, не соблюдая общепринятых обычаев': «Тасимцами-то мы сейчас живем, родятся — не крестятся, помрут — не отпеты» [ФСПГ: 124]. Если говорить о макрорегионах, то «контрастным» является, например, Полесье — лежащая в центре Европы «окраина» нескольких стран (Белоруссии, Украины, Польши и России, а при более широком подходе — еще Латвии и Литвы), отсюда образ полешука в соответствующих языках (см. ниже).

При этом далеко не всегда причины появления коннотаций лежат на поверхности. К примеру, многолетняя полевая работа на территории вологодско-вятско-костромского пограничья показала нам, что слова *костромичи*, *вологжане* и *вятчане* асимметричны в плане коннотаций: первые два слова не обладают особой нагрузкой, в то время как *вятчане* дают развернутый коннотативный спектр (об этом слове см. в [Казакова 2011]). Иначе говоря, костромичи, к примеру, хранят в своем языковом сознании яркий образ жителя Вятки (производные от катойконима *вятчанин* и топонима *Вятка* дают представление о чертах внешнего облика вятчан, особенностях их речи, характере и поведении, а также о традиционной деятельности), но не имеют потребности закрепить в номинациях образ вологжанина. С чем это связано, если учесть, что эти области примерно «равновелики» в смысле своей географии, истории, экономики etc. (т.е. имеют, разумеется, отличия друг от друга, но, кажется, вполне «симметричные»)? На этот вопрос трудно предложить исчерпывающий ответ. Очевидно, язык сигнализирует нам о том, что постепенное накопление лингвистических и этнографических различий дает на Вятке определенный «взрыв». Подобные «взрывные» зоны могут быть большими и малыми, на них всегда указывает наивное языковое и культурное сознание соседей, ближних и дальних, ср. высказывание Д. Маркиша: «Родись Иуда Гросман, скажем, в Минске, никому и в голову не пришло бы об этом помнить: минчанин и минчанин. Одессит — дело другое; “одессит” выжжено на лбу, как тавро». Разобраться в «логике взрыва» (говоря словами Ю. М. Лотмана) — важная этнолингвистическая задача.

Взаимодействие коннотаций топонима и катойконима свидетельствует, в частности, о своеобразном **наложении стереотипов человека и места**. К примеру, в образе сибиряка, сложившемся в русском языке, «просвечивают» черты Сибири — огромной территории, места каторги и ссылки, где суровый климат и тяжелые условия жизни, требующие закалки и сытной, но неприхотливой пищи, ср., к примеру, простореч. *сибиряк* ‘выносливый, закаленный человек’, ворон. *сибиряк* ‘о грубом, дерзком человеке’ [СРНГ 37: 267], омск. *сибиряцкие щи* ‘густые щи с овощами и крупой’ [Там же], подробнее см. [Березович, Кривошапова 2011]. Суровость приписывается жителям и других территорий с холодным климатом, что отражено, например, в названии граненых стаканов «Суровый уралец», рекламируемых на многих Интернет-сайтах. Другие примеры: Париж красив, что передается парижанам (*Парижанин (Париж)* ‘житель д. Натальино’: «Красивый парень, что твой Париж» [Костр: Буй]); Кубань плодородна, значит, ее жители способны добиваться хороших урожаев (*кубанцы* ‘жители д. Труново’: «Нашу деревню называли кубанцы — усадьбы хорошие, и всё росло, как на Кубани» [Влг: В-Важ]); Чухлома и Тюмень — далекая провинция, что определяет невысокий культурно-интеллектуальный облик жителей (литер. *чухломá* ‘провинциал; недалекий, отсталый человек’; собир. ‘провинциалы, отсталая масса людей’ [Отин 2004: 385–386], жарг. *тюмень* ‘провинциал; недалекий, некультурный человек’ [Там же: 334], ср. также жарг. *Ванька из Криворожья* ‘провинциал’ [Там же: 204]).

Если говорить о номинативной стороне дела, то наиболее типична ситуация, когда коннотация топонима проецируется в коннотативный спектр катойконима (а не наоборот): например, сема удаленности, присутствующая в семантике топонима *Камчатка*, «проникает» в значение катойконима *камчадал* — ‘шутливое название плохих учеников, сидящих в классе на самых задних партах’ [ССРЛЯ 5: 739]. Не случайно Е.С. Отин, анализируя коннотативные значения слов *пошехонцы* и *Пошехонье*, пишет: «Перед нами, вероятно, нетипичный случай: пейоративная коннотация оттопонимного именованя (катойконима) семантически обогатила хороним *Пошехонье*: это место, где живут *пошехонцы* ‘тупые, беспросветно отсталые, захолустные обыватели, совершающие анекдотические глупости’» [Отин 2004: 286–289]⁷. Наши наблюдения подтверждают этот вывод. К числу

⁷ Кстати, во многих краях и областях есть свои «пошехонцы». К примеру, в Карелии знамениты *киндасовцы* (жители дер. Киндасово Пряжинского района): они мастерили себе берестяные крылья, чтоб взлететь, били лошадь, чтоб она сама себя запрягла, носили ложкой масло из амбара в избу и проч. [<https://gov.karelia.ru/Regions/Praja/h2o.html>; <https://gazeta-licey.ru/bloglicey/6272-byli-nebyliczy-skazki-ankedyoty>].

редких случаев «возвратного», «бриколажного» наделения топонима коннотациями, которые изначально присущи катойкониму, можно отнести еще пару *Ташкент* — *ташкентцы*. У слова *ташкентцы* (во многом благодаря Салтыкову-Щедрину) в русском языке конца XIX–XX вв. была производная семантика ‘коррупционеры, рвачи, крупные и мелкие хищники, примазавшиеся к «казенному пирогу»’, отсюда *Ташкент* получил «отраженное» значение ‘место, где царит произвол, куда едут насыщаться и богатеть’ (о судьбе этой метафоры см. в [Шафранская 2014]).

Взаимодействие топонимической и катойконимической семантики диктует ситуацию, когда типичный перенос «столица → вся страна (государство)» влечет за собой перенос «жители столицы → население страны». Так, во многих языках Евразии обозначение Москвы порождает не только название жителя столицы России, но и лексему с семантикой ‘россиянин’, ср. болг. *московец*, блр. *москва*, итал. *moscovita*, тур. *Moskof* и т. п.; особенно яркий пример — слово *москаль* и его соответствия в других языках (рус., укр. *москаль*, блр. *маскаль*, болг. *москал*, польск., чеш. *moskal*, румын. *muscal* и др.) ‘житель Москвы и России’ (подробнее см. [Березович, Кривошапова 2015: 87–88]), при своем дальнейшем семантическом развитии «москаль» ведет себя как этноним (см. следующий раздел настоящей статьи).

Семантический параллелизм катойконимических и этнонимических производных

Дериваты этнонимов и катойконимов обнаруживают сходные закономерности смыслового развития (что вполне ожидаемо). Интересно, что сходство проявляется не только в общих направлениях такого развития, не только в идеографических сферах принимающей семантики (характеристики речи, интеллекта, бытовые привычки etc.), но и в конкретных значениях, в которых обе разновидности дериватов выступают семантико-мотивационными параллелями по отношению друг к другу.

Так, в ряде случаев в основе смыслового развития лежат этнографические особенности, характеризующие материальную культуру жителей того или иного региона или страны. Допустим, есть ряд наречий, характеризующих способ повязывания женских головных платков. Некоторые из них производны от катойконимов: рус. влг. *питеря́нкой*, *питеря́ночкой* (*завязать*) ‘о способе ношения платка (узел завязывается на затылке)’: «Питеряночкой платок завязала. Из города питерянки приезжали, дак и носили» [КСГРС], влг. тотем. *кокиша́ркой* ‘то же’: «Старушки раньше всё носили концами

вперёд платки-те. Кто помоложе — стали кокшаркой носить, концами назад» [Там же] <кокш^арка — жительница бас. р. Кокшеньга>, ср. также польск. диал. *po krakowsku* 'о способе завязывания платка сзади, на затылке, известном перед Первой мировой войной' [Тугра 2016a]. Подобные образования могут быть и отэтнонимическими: рус. забайк. *калмычкой* 'о способе повязывания платка или шали в виде кички' [СГСЗ: 190], р. Урал *татарочкой* 'по-татарски': «Повязалась — поперед конечики, а мне жарко, я повязалась назад — татарочкой» [Малеча 4: 240].

Смысловое родство обнаруживается и в дериватах, отражающих представления о чертах характера и особенностях поведения людей. Так, региональное (национальное) «обличье» приписывается скупцам. Как уже упоминалось выше, своей скупостью известны болгарские габровцы. Жадность в Болгарии приписывается также, к примеру, жителям с. Розово Пазарджикской обл.: болг. *розовец* 'жадный и хитрый человек' [сообщено Г. Мишевым]. Сербы считают скупыми жителей Пиротского округа: серб. *пироћанац* 'скупой человек' [сообщено М. Белетич]; словенцы — население Гореньского региона в Верхней Крайне, ср. словен. разг. *gorenc* (литер. *gorenjec*) 'то же' [сообщено С. Торкаром]. Скупость приписывается и жителям Жемайтии (историческое русское название *Жмудь*) — региона на северо-западе современной Литвы; ср. рус. пск. *жмўйда*, смол. *жмудяга* 'скупой человек, скряга', сарат. *жмўди* 'скупые люди, скряги', ряз., тамб. *жмуть* 'тот, кто притесняет, обижает кого-либо, жмот' (об этих словах и о роли процессов аттракции в формировании стереотипов о скупости жемайтов подробнее см. в [Березович 2007: 462]). В среднерусских и севернорусских говорах (а также в дочерних говорах Урала и Сибири) известны подобные коннотации у лексемы *керж^ак* — 'скупой человек, скряга' [СРНГ 13: 186] (появившейся через промежуточное звено — устар. обл. *керж^ак* 'старообрядец', см. выше). Что касается собственно этнических стереотипов, то широкой известностью обладают образы скупого шотландца, еврея и проч. (подробнее о скупых инородцах см. в [Березович 2007: 410–411]; там же приводится пример из исследования К. Мюллера об этнонимических дериватах в романских языках, где указаны следующие этнонимические основы, кроме «еврея» и «шотландца», на базе которых образуются романские названия скупцов: «американец», «араб», «житель Оверни (провинция во Франции)», «болгарин», «англичанин», «галисиец», «генуэзец», «грек», «итальянец», «кафр (представитель одного из племен банту)», «каталонец», «мавр», «негр», «тосканец», «турок», «ханаанец», «цыган», «зулу»).

Фиксируется также остроумная номинативная модель, в рамках которой погодные катаклизмы интерпретируются как некие

«картинки», действия или события, героями которых становятся жители тех регионов, откуда надвигается метель, дует ветер и проч. Допустим, костромичи шутят, что туман — это дым от бань, которые топят на соседней Вятке (костр. *вятские баню топят* ‘о тумане’ [ЛКТЭ]); пермяки считают, что жители Чердынского р-на (на крайнем севере Пермского края) могут «запирать» или «отпирать» холодный ветер (перм. «Сивер подул — видно *чердики ворота растворили*» [СРНГ 37: 269]), свердловчане приписывают аналогичные способности самим пермякам (свердл. *пермяки поехали* ‘о ветре, несущем дождь’ [записано автором статьи], а жители деревень в Архангельской и Костромской областях — своим соседям (арх. холмогор. *хавгóra вениками замахали* ‘о ветре южного направления, дующем со стороны д. Хавгора’ [КСГРС] <*хавгóra* — жители д. Хавгорá>, костр. *вохом. артюжáтами запахло* ‘о северном ветре’ [ЛКТЭ] <*артюжáта* — жители одноименной деревни>); жители окрестностей Котбуса в Нижней Лужице связывают движение туч с настроением будышинцев из Верхней Лужицы (н.-луж. *budychara se smeju* (жители Будышина смеются) ‘прояснение неба’ [Кондратенко 2000: 101]) и т. п. Есть подобные фразеологизмы и с участием этнонимов, ср. польск. *cygany* (*cygani*) *idą (jadą)* ‘о надвигающихся грозовых тучах’ [SGP IV/3: 577], кашуб. *švèžè melò krèpè* <шведы крупу мелют> ‘идет мелкий сухой снег’, *švejðè jadu* <шведы едут> ‘собирается дождь’, *švejðè uiz ùeži (zbùejže)* ‘о дожде, который пошел в то время, когда вывозили хлеб’, *švejðè už vejvòuzlè* ‘хлеб уже вымок’, *švèžè skubò gàsè* <шведы гусей щиплют> ‘снег падает крупными хлопьями’ [Sychta 5: 311] и др.

В ряде случаев катойконимические дериваты отражают не индивидуализированные представления о соседях или жителях каких-либо удаленных территорий, а такие, которые могут быть приписаны любым чужакам. Тем самым они сближаются с *ксенонимами*, если понимать под последними слова и выражения, воплощающие в своей внутренней форме **обобщенные** представления о чужом [Березович 2007: 407]. Так, катойконимы и этнонимы функционируют в обозначениях неприятных физиологических состояний, ср., к примеру, номинации *menses* с внутренней формой «чужаки = неприятные гости приехали»: польск. диал. *krakusy* <жители Кракова> *pszyjechały* [Турпа 2016а], рус. костр. *вётчана* <жители Вятки> *приехали* [ЛКТЭ], перм. *вятские приехали* [СПГ 1: 154]; в подобных случаях к французам «приезжают» англичане, ср. *débarquement des anglais* <высадка английского десанта> ‘*menses*’, а к испанцам — готы: *godo* <гот> ‘то же’ [Березович 2007: 442].

Ксеномотивация представлена также в обозначениях воробья: польск. *mazurek* [SW 8: 732], бучач. *madzur* [Турпа 2006: 188], укр. надднistr. *ма́зур* [Шило 2008: 165], блр. *мазурак* [ЖС: 41], польск.

żydek [SW 8: 732], укр. полес. *жид*, *жидок* [Аркушин 1: 155], блр. диал. *жыд*, *жыдок*, *жыдзюк* [ЖС: 41], рус. пск. *еврей*, ростов. *хохол*, пенз. *чалдон* [Гришанова 2015: 182]. Мотивировка проявляется в укр. «Воробці то так як мазури, що в чуже гніздо лізуть» (намек на мазурскую колонизацию в Восточной Галиции) [ГРП 1: 258]; в ряде случаев в представленном выше ряду фигурируют названия полевого воробья, известного тем, что он ворует зерно. Понятно, что способность «налетать» на чужое приписывается практически любым инородцам.

Другой пример ксенонимов — обозначения гриба подосиновика: чеш. морав. *hanák* <житель Ганы> [Bartoš 1906: 90], диал. *cikán*, *pěmčesk* [ALJ], польск. диал. *moskalik* [Тугра 2011: 109], блр. диал. *маскаль* ‘подосиновик’ [ЭСБМ 6: 246], серб. диал. *турчин* [Симоновић 1959: 73]; ср. также чеш. диал. *kozak* [ALJ], серб. *козак* [Симоновић 1959: 73], блр. диал. *паніч* ‘то же’ [РасС: 277]. Очевидно, для реализации представлений о благородном ценном грибе с красной шляпкой привлекается образ успешного, богатого, молодцевато выглядящего чужака; возможно, значим здесь и красный цвет головного убора.

Граница между обобщенной ксеномотивацией и мотивацией, отражающей конкретные свойства какого-либо народа или территориальной группы, является нежесткой. Скорее, есть смысл говорить о шкале: лексические единицы, представленные на ней, имеют разное сочетание обобщающих и индивидуализирующих мотивационных признаков. Скажем, даже по отношению к словам со значением ‘скупец’ трудно сказать, какого рода мотивировка здесь представлена: с одной стороны, свойство скупости обычно приписывается тем, кто имеет хорошее (или, наоборот, плохое) материальное положение (по сравнению с окружающими), занимается торговлей, предпринимательством и проч.; с другой стороны, в скупости могут обвиняться едва ли не все этнические или региональные соседи.

Своеобразие катойконимических дериватов в сравнении с этнонимическими

При всем сходстве семантического развития на основе катойконимов и этнонимов в том и другом случае есть свои акценты.

Различия проявляются главным образом в **идеографических сферах принимающей семантики**. Не имея возможности в небольшой статье перечислить все сферы, назовем лишь некоторые характерные.

Вполне естественно, что катойконимические производные делают акцент на социально-экономических характеристиках жителей тех или

иных регионов. Соответствующие лексемы сначала метонимически означают выходца из какой-либо местности, являющегося, к примеру, носителем определенной профессии или рода занятий; затем происходит расширение значения (любой профессионал в этой области). Разумеется, образования с подобной семантикой есть и на основе этнонимов (ср. хотя бы слово *швейцар*), однако катойконимическим дериватам они свойственны в большей степени. Такие слова особенно характерны для языка столиц и крупных городов, куда отовсюду приезжают на заработки. Так, в языке дореволюционной Москвы *кимряками* назывались сапожники (изначально это приезжие из Кимр, а затем слово *кимряк*, по мнению И. Кокорева, стало употребляться в общем метонимическом смысле ‘сапожник’), а *ярославцами* — трактирные половые, официанты [ЯСМ: 250, 704]; в языке Петербурга (а затем и близких северных и северо-западных говорах) отмечалось слово *копóрка* новг., петерб., пск., арх, влг. ‘женщина, нанимавшаяся работать на огородах; поденщица’: «Копорки — это девки под Ленинградом на огородах только работали» (новг.) [СРНГ 14: 293; ПОС 15: 211; НОС 4: 106], образованное от названия села Копорье вблизи Петербурга; в Нижнем Новгороде и окрестностях бытовало название официанта *любимовец* — по топониму *Любим* (в бывш. Костром. губ.), «потому что у жителей этого местечка был широко распространен данный вид заработка» [Фасмер 2: 544].

Среди слов такого рода особо заметны две группы. Во-первых, наименования торговцев, купцов: без уд. петерб., сиб. *суздак*, нвсиб., перм., иркут. *су́зда́л* ‘выходец из Суздальского уезда, часто работавший развозным торговцем мелких товаров’, ‘так в Сибири называется *суздалец*; один из так называемых суздаков или вязниковцев (т. е. торговцев, разъезжающих с товаром)’, иркут. *сузда́ла* ‘торговцы-разносчики мелких товаров из южных губерний России’ [СРНГ 42: 184–185], *буха́рец*⁸ литер. устар. ‘странствующий торговец, продающий бухарские товары’ [ССРЛЯ 1: 711], влг. ‘коробейник’: «Приедут бухарцы с красным товаром, с матерьялом, откуль он — бог знает» [СГРС 1: 235], старорус. *сурожа́не* ‘высший разряд московского купечества в XIV–XVIII вв.’ [Мгеладзе, Колесников 1965: 57] <от *Суроуж* (совр. *Судак*) — порт, через который велась торговля с Византией, затем с Турцией и др.>. Подобные слова могут давать развитие значений: карел. *вытего́р* ‘тот, кто извлекает прибыль, продавая что-н. дорого’ [СРГК 1: 302], орл. *су́здыль* ‘пьяница’ [ССГ 10: 140], *хлы́новец* ‘барышник (первоначально о выходе из г. Хлынова — старое название Вятки); плут, мошенник’ [ССРЛЯ 17: 223] etc.

⁸ Слово *бухарец* в этом значении, по всей видимости, образовано не столько от *бухарец* ‘житель Бухары’, сколько от *Бухара*, *бухарский (товар)*.

Во-вторых, значительная группа составлена обозначениями наемных работников. Для носителей севернорусских говоров это в первую очередь многочисленные наемники, трудившиеся в Петербурге: севернорус. *пи(е)тенбу́р*, собир. *пе(и)тенбу́ра*, арх. *петербуржец*, ярсл. *питерцик*, *питерянец*, костр. *питерцик*, устар., прост. *питерец*, *питерцик*, разг. *питеряк*, арх. *петенбу́ры* и др. (при этом питерские отходники могли характеризоваться с разных позиций: со стороны своих односельчан и самих петербуржцев, привыкавших к новому соседству) [Кривошапова 2012: 110]. Такие слова нередко расширяли значение, «отрываясь» от рабочих в Петербурге, ср. влг. *пíтерец* ‘бродяга’ [СРГК 4: 521]. Аналогичное развитие значений наблюдается у слов, обозначающих наемников, пришедших с берегов вологодской р. Кокшеньга и архангельской р. Вага: влг. *кокиша́ра*, *кокиша́ры собира́т. пренебр.* ‘наемные рабочие из других областей’ [СГРС 5: 235], влг. тотем. *кокиша́р* ‘бродяга, попрошайка’: «Кокшары с котомками ходили, попрошайничали», «Кокшары через Тотьму шли, у кого чего попросят, люди им подавали» [КСГРС]; арх. прим. *вага́н* ‘приезжий наемный работник’ [АОС 5: 22], влг. тарн. *вага́н* ‘бродяга, попрошайка’ [КСГРС]. Последнее слово, вероятно, является гетерогенным по происхождению: помимо вклада со стороны оттопонимического *ваган*, нельзя отрицать и возможную связь с польск. *wagant* ‘бродяга’ (далее к лат. *vagāns*) [Аникин РЭС 5: 313–314]. Ср. также инославянский материал: польск. варм. *westfalaki* ‘люди, работающие далеко от дома’ [Тугра 2011: 175] <Вестфалия — область на западе Германии, куда жители Вармии и Мазур ездили работать в шахтах>.

Выявление различных идеографических групп может оказать помощь при **семантической реконструкции темных наименований**, поскольку даст в наше распоряжение семантические параллели, нужные для реконструкции. Скажем, выше уже приводились примеры названий групп старообрядцев по месту первоначального проживания (в том числе в бассейнах рек): *кержаски*, *бухтарминцы*, *ветчана*. Факты такого рода служат аргументом в пользу «географической» мотивации для такого названия старообрядцев Забайкалья, как *семейские*, которое является спорным в этимологическом отношении. Наиболее распространена версия, согласно которой оно образовано от *семья* (приезжали в Сибирь семьями), причем это специально *ad hoc* образованное слово, чтобы отличить от ожидаемого *семейные*. Однако есть гипотеза А. М. Селищева, связывающая *семейских* с р. *Сейм* в Курской губ., которая имеет диалектное название *Семь* (с формами *на Сями*, *за Семью*); затем могло произойти народно-этимологическое притяжение к *семья* (изложение версий см. в [Юмсунова 2005: 18–19]). Хочется поддержать именно эту версию, поскольку, повторим, есть «локативная» модель номинации старообрядцев. Дополнительные

аргументы в пользу указанной версии: семьями переселялись далеко не только семейские; в говорах Забайкалья присутствуют другие однокоренные обозначения *семейских*, дальше отстоящие от *семья* (например, собир. *семежьга*, жен. *семесяха* [СГСЗ: 424]); большинство фонетических и грамматических черт говоров семейских свойственно также говорам юго-западной диалектной зоны (о диалектных чертах см. в [Юмсунова 2005: 232]), куда входит курское наречие.

Вот еще один пример, связанный со словами, имеющими предположительно «старообрядческую» этимологию. В [СРНГ 25: 82] отмечено темное слово *ошевень* (без уд.), встречающееся в текстах Барсова в значении ‘человек, уклоняющийся от воинской службы’ (?): «Глядят: и ошевень дома — Алексей. И с сыном Петром, которого нужно было на военную службу взять». Есть и другие сходные по форме и значению негативные характеристики человека: влг. череп. *ошевэня* ‘неуклюжий, медлительный человек’ [СРГК 4: 357], ‘неловкий, неуклюжий человек’ [СРНГ 25: 82]. Можно предположить, что эти слова связаны с катойконимами *ошевэ́нцы*, *ошевэ́ни*, называющими жителей куста деревень Ошевенье (в Каргопольском р-не Архангельской обл.), который находится недалеко от Череповецкого р-на Вологодской обл., где записано слово *ошевэ́ня*. В Ошевенье расположен известный Ошевенский монастырь (офиц. Успенский Александро-Ошевенский монастырь), до сих пор действующий. Жители Ошевенья слывут «церковниками» и староверами, что показывают их прозвища: *богомольнички*, *монахи*, *кадилы*, *староверы* [Воронцова 2011: 398]. Исполнителям причитаний из сборника Барсова Ошевенский монастырь был известен, что доказывает контекст *Доходы Ошевенски, а расходы Соловецки* с пометой «Барсов» [СРНГ 25: 82]. В СРНГ этот контекст дается с вопросом к значению слова *ошевенский*. Кажется, вопрос можно снять: понятно, что Ошевенский монастырь имел куда меньше доходов, чем Соловецкий, знаменитый своим богатством. Что касается характеристик человека, то они прочитываются из первоначального значения *‘монахи и староверы Ошевенья’: выходцы из староверов уклонялись от военной службы, воспринимались как «чужие» — и соответствующие слова вполне могли приобретать негативные значения.

Отличие катойконических дериватов от этнонимических состоит не только в сферах развития значения, но и в **характере мотивационных признаков**, положенных в основу семантического переноса. Так, для этнонимических дериватов не свойственна, кажется, мотивация, апеллирующая к событиям, связываемым с какой-либо группой людей. Однако такая мотивация встречается у семантических производных от названий жителей. Например, в русском языке конца XIX–XX в. фиксировалось слово *охотнорядец*

‘о крайнем черносотенце, погромщике’ [ССРЛЯ 8: 1768], образованное от названия торговцев Охотного ряда (где продавали дичь и живую птицу) в Москве, принимавших деятельное участие в погромах, которые организовывались полицией, преимущественно в разгроме студенческих сходок и демонстраций. Мотивационное сходство с *охотнорядцем* обнаруживает польск. *kielczanin*, который тоже воспринимается как погромщик и ксенофоб [Marczewska 2007], поскольку в городе Кельце в 1946 г. произошел самый крупный в Польше послевоенный еврейский погром. Событийная мотивация «стирается» в целом быстрее, чем другие типы мотивировок (поскольку память о событии может оказаться менее долговечной, чем представления о каких-то качественных свойствах группы людей), и чаще подвергается переосмыслениям: так, погромы более чем столетней давности забылись — и слово *охотнорядец* в русском языке конца 90-х годов XX в. — начала XXI в. обозначает уже депутата Государственной Думы (по месту расположения здания Думы) [<http://politike.ru/termin/ohotnordjadcy.html>]⁹.

Лингвопрагматика катойконимических дериватов

В семантике оттопонимических наименований жителей может быть отражена точка зрения говорящего, что позволяет изучать их с позиций лингвопрагматики. Наиболее простое и очевидное отражение позиции говорящего состоит в том, что по катойконимическому деривату можно определить «радиус актуальности» того или иного регионального стереотипа. Допустим, в чеш. *líšeňka* ‘о бойкой, драчливой женщине’, ‘о той, кто всюду лезет вперед, протискивается’, ‘о непоседе’ [сообщено И. Янышковой, Ст. Клоферовой], *má hubu proříznutou jak líšeňka* <имеет прорезанный рот, как у лишенки> ‘о том, кто много болтает, не лезет за словом в карман’ [сообщено Х. Карликовой] отражены представления о жительницах местечка Лишен, которые занимаются торговлей. Оно является пригородом Брно, поэтому образ лишенки актуален именно для брненцев.

Довольно часто дериваты от одного и того же катойконима транслируют несколько точек зрения. Так, производные от обозначения сибиряка в русском и инославянских языках обнаруживают следующие позиции: 1) внутреннюю точку зрения жителей данного региона (забайк. *сибиряк* ‘православный старожил Сибири, не старообрядец — в отличие от семейских старообрядцев’); 2) точку зрения жителей страны, в которой находится регион, но проживающих

⁹ Возможно, «старое» значение при этом негативно влияет на «новое».

за его пределами, которая может быть как внешней (ср.-урал. *сибиряк* ‘старообрядец’), так и внутренней, точнее, совпадающей с внутренней (ворон. *сибиряк* ‘о крепком, здоровом, закаленном человеке’); 3) внешнюю точку зрения, принадлежащую жителям других (преимущественно соседних) стран, ср. польск. *sybirak* ‘заключенный или бывший заключенный, высланный на восток Советского Союза, часто в Сибирь’¹⁰ (см. об этом в [Березович, Кривошапова 2011]).

Внутренняя точка зрения отражает автостереотип, который включает в себя как объективно-нейтральные черты, так и поданные оценочно, причем оценка, как правило, мелиоративна (ср., к примеру, перм. *уралка* ‘бойкий, подвижный человек’: «Внук-то у меня уж больно хорош — уралка» [СПГ 2: 479]). Во внешнем стереотипе может измениться как набор черт, так и полюс оценки, при этом степень ее негативности и мера удаления от той зоны, которая обозначена исходным катойконимом, не связаны напрямую (как может показаться на первый взгляд). Нередко ближние соседи дают более негативные оценки, чем дальние. Показательна логика формирования стереотипа одессита. Автостереотип, разумеется, положителен, он включает в себя обширный комплекс свойств, некоторые из них названы в известной песне «Мишка-одессит»: «Ты одессит, Мишка, а это значит, Что не страшны тебе ни горе, ни беда! Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет, И не теряет бодрость духа никогда!» (автор текста, В. Дыховичный, хоть и не был одесситом, транслирует здесь внутреннюю точку зрения жителей Одессы). Ближние соседи (например жители Одесской области) полагают, что одесситы, помимо всего прочего, любят «понтоваться»: простореч. *понтуется, как одессит* [сообщено В. Б. Фридлендером]. Ср. более развернутую характеристику: «Одесситов в позднесоветские годы окрестные жители считали хитрыми, кручеными, пройдошливыми, скользкими, торгашами, “понтовиками”» [сообщено А. В. Юдиным]. В более широкий «соседский» стереотип одессита входит и такая черта, как еврейство, что проявляется в представлениях о внешнем виде, роде деятельности, языке и др., ср. просторечное слово *одессиш* (< *Одесса* + *идиш*), которое используется для обозначения «одесского языка», изображаемого во множестве анекдотов (еще один языковой сигнал «еврейскости» состоит в том, что практически во всех анекдотах про одесситов героями являются *Рабинович, Ципя, Фима, Моня, Сарочка, Роза Абрамовна* и проч.). В дальнем стереотипе одессита (преимущественно российском) на первый план

¹⁰ Здесь перед нами скорее не дериват катойконима, а производное от топонима Sybir (но «подстроенное» под слово *сибиряк* по форме).

выходят такие черты, как чувство юмора и остроумие. Этот стереотип несомненно позитивный, он существует в сознании как носителей городской культуры (для которых одесситы — Бабель, Ильф и Петров, Жванецкий, Карцев, команда КВН и т. п.), так и деревенской, ср. прозвище *Одесса (Одессит)* ‘житель д. Погорелово’: «Веселый, остроумный был, приврать любил» [Влг: Влгд]. Разумеется, структура языкового стереотипа одессита многократно сложнее и тоньше; нам было важно лишь проиллюстрировать непрямой характер зависимости между удаленностью оценивающего взгляда и полюсом оценки.

Полифония точек зрения, отраженных в стереотипе, зависит, конечно, от степени его известности, а также от «разноликости» возможных субъектов оценки. К примеру, в своем роде уникален образ полешука, поскольку Полесье, как говорилось выше, находится на территории нескольких стран, что предопределяет разнообразие оценивающих взглядов. Есть знаменитый анекдот про полешука из Пинского уезда, многократно цитировавшийся этнографами и фольклористами: блр. «“А скуль чалавек?” — “Я не чалавек, я *пінчук*”. І таму называюць іх пінчукамі, а не людзьмі» (цит. по: [Энгелькінг 2017: 150]). Внутреннее объяснение слов пинчука таково: «Простой народ называет обыкновенно свое сословие в Белоруссии “людзе” или “людзи”, но сердятся, когда его назовут в единственном числе “человек”, как в Великороссии, где это кличка прислуги <...> Белорусский крестьянин не выносит высокомерного обращения с собою» [Савич-Заблоцкий 1892: 1457]. Таким образом, с внутренней точки зрения пинчук (и полешук) имеет самоуважение и чувство собственного достоинства, ср.: «Сям-там пападаліся тыповыя постаці *палешукоў* і *палешучак*, надзвычай паважных і нават гордых, бо яны так зняважліва паглядалі на ўсё, што не было палешуком...» <Я. Колас>. С внешних позиций (например, в наивном сознании поляков) те же слова пинчука трактуются иначе: пинчук (полешук) — болотный «недочеловек», имеющий едва ли не звериные и демонические черты (см. об этом в [Энгелькінг 2017: 156–160]). Для орловских крестьян полешук — недотепа, ср. орл. *полéха* ‘о необразованном, невежественном человеке’ [СОГ 10: 102] etc.

* * *

Данная статья только открывает тему, связанную с изучением коннотаций катойконимов. Этот материал крайне важен для понимания логики наивного конструирования так называемой локальной идентичности, являющейся одним из важнейших способов человеческого самоопределения. Особенно актуальны поиски локальной идентичности у славян в последние десятилетия —

в эпоху перекраивания государственных и административных границ (яркий пример — приводившееся выше серб. *ликота*, используемое сербскими беженцами из Лики как знак одобрения, за которым стоит чувство группового единения; по сути, это слово исполняет ту же роль, что имя жителя в знаменитом «Ты одессит, Мишка...»). Несомненно, наибольший простор для смысловой эволюции катойконимы получают в такой языковой стихии, как народные говоры: для носителей диалектов территориальные группировки являются одновременно важнейшими социальными объединениями; представления о них включены в систему инструментов общественного познания.

В языковой системе изучаемые дериваты кажутся маргинальными. Это происходит из-за их «сомнительного» положения на оси «имя нарицательное» — «имя собственное», а вследствие этого — крайне низкой степени фиксации материала в толковых словарях. Думается, что языковой статус изучаемых лексических единиц не должен вызывать сомнений: сдвиг в референциальной отнесенности делает слово деонимом, включая его в класс апеллятивной лексики; в случае, когда деонимизация еще не произошла, перед нами имя собственное с коннотативной семантикой. Как бы ни определялся этот статус, данная лексическая группа отнюдь не маргинальна в языковой системе и должна стать объектом лексикографического описания.

Важно осуществить возможно полную идеографическую интерпретацию материала. В этом случае мы получим важное подспорье для этимологических занятий: из-за неизученности материала и его низкой «предсказуемости» (как части лексической системы) катойконимические дериваты крайне редко становятся аргументами в этимологическом споре, что приводит к ошибочным толкованиям.

Литература

- Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007—. Вып. 1—.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й. М., 1980—. Вып. 1—.
- Аркушин — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1—2.
- Ахметова 2015а — *Ахметова М. В.* «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги / Steps. Т. 1. 2015. С. 21—41.
- Ахметова 2015б — *Ахметова М. В.* От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М., 2015.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007.

- Березович 2012 — *Березович Е. Л.* Местные топонимы в свете деривационной и фразеологической семантики // *Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева* / Отв. ред. проф. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012. С. 25–52.
- Березович 2014 — *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Березович, Кривошапова 2011 — *Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // *Пространство и время в языке и культуре*. М., 2011. С. 110–157.
- Березович, Кривошапова 2015 — *Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Деривационно-фразеологическое гнездо «Москва» в русском и иностранных языках // *Slavia*. 2015. № 1 (84). S. 82–94.
- Березович, Кучко 2017 — *Березович Е. Л., Кучко В. С.* Еще раз об этимологии рус. *мазурик* ‘мошенник’ (в свете культурно-языкового образа *мазура* в славянских традициях) // *Slověne*. 2017. № 1. С. 413–448.
- Варбот 2015 — *Варбот Ж. Ж.* Уже не гапаксы // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф.* Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2015. С. 48–51.
- Воронцова 2011 — *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М., 2011.
- Воронцова 2014 — *Воронцова Ю. Б.* Коллективные прозвища жителей восточного вологодско-костромского пограничья: материалы к словарю // *Вопросы ономастики*. 2014. № 1 (16). С. 128–149.
- Гринченко — *Словарь украинского языка* / Сост. Б. Гринченко. Киев, 1907–1909. Т. 1–4.
- Гришанова 2015 — *Гришанова В. Н.* Номинации воробья как отражение мировосприятия носителей говоров // *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*. 2015. СПб., 2015. С. 178–183.
- ГРП — *Галицько-руські приповідки: У 3-х т. / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко.* Львів, 2006. 2-е вид.
- Даль ПРН₂ — *Пословицы русского народа* / Сб. В. Даля. М., 1993. Т. 1–3.
- Дранникова 2017 — *Дранникова Н. В.* «Патракеевка — поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // *Арктика и Север*. 2017. № 28. С. 5–23.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011.
- ЖС — *Жывёльны свет: Тэматычны слоўнік*. Мінск, 1999.
- Казакова 2011 — *Казакова Е. Д.* *Вятка и вятчане* в русской языковой традиции // *Вопр. ономастики*. 2011. № 2 (11). С. 19–50.
- Калуцков, Иванова 2006 — *Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
- Кондратенко 2000 — *Кондратенко М.* Лексика народной метеорологии. Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений. München, 2000.
- Кривошапова 2012 — *Кривошапова Ю. А.* *Питер* в русской народной языковой традиции // *Труды Карельского научного центра РАН*. 2012. № 4. С. 104–113.

- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛЛ — *Хобзей Н., Сімович К., Ястремська Т., Дидик-Меуш Г.* Лексикон львівський поважно і на жарг. Львів, 2009.
- Малеча — *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002–2003. Т. 1–4.
- Мгеладзе, Колесников 1965 — *Мгеладзе Д. С., Колесников Н. П.* Слова топонимического происхождения (топонимы) в русском языке. Тбилиси, 1965.
- НОС — Новгородский областной словарь: в 12-и вып. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995.
- Отин 2004 — *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967–. Вып. 1–.
- РасС — Раслінны свет. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2001.
- РСЈ — Речник српскога језика / Уред. М. Николић. Нови Сад, 2007.
- Савич-Заблоцкий 1892 — *Савич-Заблоцкий В. К.* Счастливейшая Марыся // Благовест. 1892. С. 1457–1458.
- СВоронГ — Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева. Воронеж, 2004–. Вып. 1–.
- СГБС — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. СПб., 2007–2008. Т. 1–4; Иркутск, 2010–. Т. 5–.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- СГСПермК — Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2011–. Вып. 1–.
- Симоновић 1959 — *Симоновић Д.* Ботанички речник: Имена биљака. Београд, 1959.
- СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып. 5–.
- СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-и вып. / Отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск, 1974–2005.

- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.; Л., 1948–1965.
- Сурикова 2016 — *Сурикова О. Д.* О нетривиальной семантике русских слов с приставкой *без-* // Русский язык в научном освещении. № 1 (31). 2016. С. 130–157.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- ФСПГ — Фразеологический словарь пермских говоров / Сост. К. Н. Прокошева. Пермь, 2002.
- Шафранская 2014 — *Шафранская Э. Ф.* Резонансный контекст одной щедринской метафоры // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 78–92.
- Шило 2008 — *Шило Г. Ф.* Наддністрянський регіональний словник. Львів, 2008 (Серія «Діалектологічна скриня»).
- Энгелькінг 2017 — *Энгелькінг Г.* «Паляшук» у нарадазнаўчым дыскурсе. Эскіз да партрэта паводле Ludu Кольберга // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Мінск, 2017. С. 150–163.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун, Мінск, 1978–. Т. 1–.
- Юмсунова 2005 — *Юмсунова Т. Б.* Язык старообрядцев — семейских Забайкалья. М., 2005.
- Ю. В. 1923 — *Ю. В.* Народны падзел між беларусамі // Крывіч (Коўна). 1923. № 1. Чэрвень. С. 42–43.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-и вып. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- ЯСМ — *Елистратов В. С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. 2-е изд., испр. М., 2004.
- ALJ — Archiv lidového jazyka českého uložený v dialektologickém oddělení ÚJČ v Brně.
- Bartoš — *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1905–1906. D. 1–2.
- Grybosiova 1997 — *Grybosiova A.* Językowo-kulturowy wizerunek Ślązaka na tle wizerunku obu sąsiadów // Poliszczyna śląska. Historia i współczesność / Red. B. Wyderka. Opole, 1997. S. 83–90.
- JWP — Język. Wartości. Polityka: Zmiany rozumienia nazw wartości w okresie transformacji ustrojowej w Polsce. Raport z badań empirycznych / Pod red. E. Bartmińskiego. Lublin, 2006.
- Marczewska 2007 — *Marczewska M.* Swój i obcy w mieście — kilka uwag o stereotypie kielczanina (rzecz o stosunkach polsko-żydowskich) // Etnolingwistyka. 2007. T. 19. S. 163–173.
- Miszta 2016 — *Miszta A.* Językowo-kulturowy a tekstowy obraz Ślązaka i Ślązaczki we współczesnych piosenkach śląskich. Kraków, 2016.
- NKPP — Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga / Red. J. Krzyzanowski, S. Swirko. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- Pisarek 1975 — *Pisarek W.* Wyobrażenia o polskich stereotypach regionalnych // Zeszyty Prasoznawcze. 1975. Z. 1. S. 73–78.
- Rak 2015 — *Rak M.* Kultuuremy podhalańskie. Kraków, 2015 [Biblioteka «LingVariów». T. 19].

- SGP — Słownik gwar polskich. Kraków, 1979—. T. 1—, Z. 1—.
- SJPD — Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
- SW — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8.
- Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
- Tyrpa 2006 — *Tyrpa A.* Losy etnonimu «Mazur» // Onomastyka regionalna / Pod red. Jerzego Dumy. Olsztyn, 2006. S. 181–193 [Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie. № 230].
- Tyrpa 2011 — *Tyrpa A.* Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich. Kraków, 2011.
- Tyrpa 2016a — *Tyrpa A.* Kraków w gwarach i folklorze // *Polonica*. XXXVI. 2016. S. 167–180.
- Tyrpa 2016b — *Tyrpa A.* Opowieść o Warszawie wysnuta ze słowników i tekstów folkloru // *Slavica. Onomastica. Regionalia: Prace dedykowane Panu Profesorowi Jerzemu Dumie* / Red. Maria Biolik, Alina Naruszewicz-Duchlińska, Wanda Szulowska, Ewa Wolnicz-Pawłowska, Wojciech Włoskiewicz. Olsztyn, 2016. S. 213–224.
- Zátúrecký 2005 — *Zátúrecký A. P.* Slovenské příslovia, porekadlá, úslovia a hádanky. Bratislava, 2005.

Сокращения

- Буй — Буйский район Костромской области
 В-Важ — Верховажский район Вологодской области
 Влг — Вологодская область
 Влгд — Вологодский район Вологодской области
 Костр — Костромская область

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ, ГАПАКСЫ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЛЕКСИКИ РЕКОНСТРУИРУЕМОГО ПРАСЛАВЯНСКОГО

Признание современной славистикой диалектного членения праславянского языка (хотя бы и с отнесением диалектного состояния разными исследователями к различным периодам истории праславянского) неизбежно предполагает диалектные различия в отдельных характеристиках праславянских диалектов, в том числе различий в лексике. Лексические различия могут выражаться противопоставлениями лексем как дихотомическими, так и с большим количеством членов противопоставления, с различным территориальным охватом каждого из соотносимых диалектизмов [Popowska-Taborska 1993: 100–105; Вендина 2014: 306–338]. Соответственно перед опытами реконструкции праславянского лексического состава особенно актуально и остро стоят сложные вопросы относительно происхождения лексем, ограниченно представленных в славянских языках, и их квалификации как праславянских диалектизмов [Popowska-Taborska 1993: 106]. Представляется очевидным, что принцип допустимости количественно ограниченной фиксации означает внимание также и к гапаксам отдельных славянских языков.

Работа по реконструкции праславянского лексического состава (которая является одной из задач «Этимологического словаря славянских языков», имеющего подзаголовок «Праславянский лексический фонд» — далее ЭССЯ) привела к включению в него ряда праславянских диалектизмов, обоснованием реконструкции которых стали территориально ограниченные лексемы отдельных славянских языков. Аргументацией этих оценок являются структурные и семантические характеристики лексем. Особые трудности представляют именно гапаксы отдельных славянских языков. Традиционно возникают вопро-

Жанна Жановна Варбот,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

Статья написана в рамках проекта «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы», поддержанного грантом РГНФ №15-04-00072.

сы об их реальности как лексем. Однако при отсутствии убедительных обоснований подобных сомнений, существенным стимулом для рассмотрения гапаксов в качестве реликтов праславянских диалектизмов представляются возможности их включения в группу родственных праславянских образований. Несомненным аргументом в пользу внимания к гапаксам является и вероятность их обнаружения в ранее не охваченных исследователями источниках (и, следовательно, их исключения из категории гапаксов). Ниже излагаются два опыта этимологии гапаксов, отраженные в последних выпусках ЭССЯ.

Первый сюжет касается производных от праслав. **(v)ęz(a)ti*. Рефлексам и.-е. корня **anġh-* ‘узкий; стягивать, связывать’ (греч. *ἄρχω*, лат. *angō*) в праславянском языке признаются не только закономерные по огласовке корня **qza, qziti*, но также и **vezti/*vezati* [Pokorny I: 42]. Две структурные характеристики этого последнего глагола всегда считались требующими объяснения: корневой вокализм и начальное *v*. Корневое *ę* толковалось как вторичное славянское новообразование [Vaillant. Gr. compar. III: 248] или результат контаминаций [см. литературу: Фасмер III: 374], но недавно предложено объяснение на праиндоевропейском уровне — как рефлекс праиндоевропейской ступени редукции **H₂mġh-* [Фурлан 2015]. Начальное *v* наиболее уверенно толкуется как средство предотвращения зияния в синтагмах [Pokorny I: 42], в последнее время — с уточнением вероятной структуры синтагмы: **nu H₂mġh-énti* ‘и (они) вяжут’ [Фурлан 2015].

При этом исследователи редко обращали внимание на отсутствие фиксаций славянского глагола с закономерной для корня с начальным *ę* протезой *j* — **jęz-* (ср. структурно аналогичное **językъ*). В доказательности русск. диал. *язать* ‘обещать’ и *язаться* ‘обязаться’ усомнился Фасмер, поскольку здесь можно предполагать декомпозицию формы *об-язать* [Фасмер IV: 549]. Но позднее был обнаружен достаточно убедительный случай — русск. диал. донск. *суязно* ‘дружно’ (*суязно живут*) как продолжение праслав. **sq-jęz-* [Варбот 1991: 169–170], по мотивационной модели тождественное праслав. **sъ(j/w)qzъ*, однако *суязно* было гапаксом, что могло стать поводом для сомнений в реальности формы. Однако при работе над 40-м выпуском ЭССЯ был обнаружен еще один гапакс с той же структурой корня **jęz-* — не замеченное ранее русск. диал. костр. *пáязь* ж. р. ‘чиненное, зашитое или заштопанное место в одежде’ [Даль² III:27; СРНГ 25:309]. Предположение Даля о производности этого слова от *паять* маловероятно, поскольку последний глагол обозначает только соединение металлов, а суф. *-язь* неизвестен. Семантически генетическая связь *пáязь* ‘чиненное, зашитое или заштопанное место в одежде’ с гнездом **vez(a)ti* очевидна. Таким образом, два однокоренных и структурно близких гапакса взаимно поддерживают их реальность как лексем. При этом

существенна вероятность древности их структур. Для **pajęzъ* это не только вариант корня с огласовкой *ę* и протетическим *j*, но также и префикс *pa-*, что означает вероятность производности имени от глагола ***pojęz(a)ti* по древней модели — с участием удлинения гласного префикса в отглагольном имени [Кореѣнŭ ESSJ I:160]. Эти характеристики обосновывают включение в 41-й выпуск ЭССЯ словарную позицию **pajęzъ* в качестве праславянского диалектизма.

В связи с реконструкцией праслав. **pajęzъ* как праславянского диалектизма русского языка встает вопрос о его хронологическом соотношении с однокоренными вариантными диалектизмами **pa(j/v)qъzъ* / **pavqъzъ* / **paveqъzъ*: продолжением **pa(v)qъzъ* является польск. *rawqъzъ* ‘шест, которым прижимают снопы, сено, солому на возу; шест для переноски тяжестей’, **pavqъzъ* — чеш. *paviza* ‘толстое бревно, которым прижимают высокую поклажу на возу’, **paveqъzъ* — чеш. *paveza* то же, **pajqъzъ* — русск. *пáюс* ‘икряной мешочек рыбы’ [ЭССЯ 40: 219–220]. Из этих форм почти очевидна вторичность чеш. *paveza* (вероятно, позднее воспроизведение модели или даже преобразование древнего чеш. *paviza*). Остается проблема соотношения форм с **-vqъzъ* / **-jęzъ* / **-jqъzъ*. При обоснованности реконструкции всех трех форм для хронологического уровня конца праславянского состояния (на который и ориентируются современные опыты реконструкции праславянского лексического фонда [ЭССЯ и SP]) очевидно, что если формы **-vqъzъ* и **-jęzъ* как соответствующие регулярному распределению протез перед начальными гласными корня могут быть синхронными образованиями раннепраславянского периода (см. особенно рефлекс чередования корневого гласного в **-vqъzъ*), то структура **-jqъzъ* с нарушением этой регулярности должна толковаться как образование более позднее.

Очевидна возможность одновременного возникновения праславянских образований, структурные характеристики и региональная ограниченность фиксации которых позволяет квалифицировать их как праславянские диалектизмы. Подобная квалификация необходима для суждения о диалектном состоянии праславянского языка в разные периоды его истории, учитывая ее протяженность (определяемую в пределах от 1,5 до 2,5 тысячелетий).

Особенно очевидной становится необходимость пристального внимания к генетическим и хронологическим характеристикам гапаксов как потенциальным производящим основам этимологически трудных праславянских лексем. Такой представляется ситуация относительно польск. диал. *patać* ‘махать, трепетать крыльями’ [Śl. gw. pol. IV: 55; Warsz. IV: 85]. До сих пор этот глагол не интересовал этимологов-славистов. Разумеется, смущает его языковая ограниченность. Нельзя, однако, пренебречь возможностью сопоставления его (и, соответственно, родством) с гнездом и.-е. **pet-* / **petā-* / **ptē-* /

**ptō-* ‘рушиться, стремиться, лететь, падать’, к которому возводятся, например, др.-инд. *pātati* ‘летать, стремиться’, авест. *pataiti* ‘лететь, спешить’, греч. гомер. *πέτομαι* ‘лететь’, лат. *petō* ‘устремляться’; отсюда производятся названия перьев: др.-инд. *pāttra* ‘перо’, др.-в.-нем. *fedara* ‘перо’, греч. *πτερόν* ‘перо’, а также названия птиц: др.-кипр. *eterin* ‘птица’, вторая основа сложного лат. *acci-piter* ‘сокол’ [Pokorný I: 825–826]. Очевидно, польский диалектизм нельзя игнорировать, пока не доказано его звукоподражательное (или иное позднее) происхождение, поэтому он учтен в ЭССЯ 41 как праславянский диалектизм польского языка с потенциальным и.-е родством. Этот глагол тем более интересен, что предоставляет возможность объяснить происхождение этимологически трудного названия некоторых птиц — слав. **pata*.

Праслав. **pata* / **patъ* реконструируется на основе сербохорв. *pāta* увеличит. к *patka* ‘утка’, в.-луж. *pata* ‘наседка’ и зоол. ‘сорочий сорокопут’, н.-луж. *pata* ‘наседка, клуша’ (при диал. (зап.) ‘название одного вида грибов’, (район Коттбуса) ‘о любом большом грибе’) и болг. диал. *pat* ‘селезень’; к ним примыкают производные болг. *patka* ‘утка’, обл. ‘гусыня’, диал. *patka* ‘гусь (как название вида); гусыня’, *patъkъ* ‘гусыня’, ‘домашняя птица утка’, ‘гусыня; (перен.) глупая женщина’, ‘гусыня; (презр.) тугодум; (дет.) слабый в учении’, *patiца* ‘птица Анас’, макед. диал. *patiца* ‘утка’, болг. *patъr* ‘гусь’ [ЭССЯ 41]. История этимологических исследований этого слова представляет несколько версий. Толкование в качестве варианта праслав. **ptъ-* ‘птица’ [см. Младенов ЕПР 414, Schuster-Šewc. Histor.-etym. Wb. 14: 1051] предполагает различные нерегулярные преобразования (ср. также вторую часть сложения *куропатка* как возможный результат подобного преобразования, однако здесь вероятно южнославянское влияние — см. ст.-русс.-цслав. *patka* ‘утка’). Фонетически близкими словами в балканских языках (алб. *pat* ‘гусыня’) и других и.-е. и не-и.-е. языках обосновывали версию балканизма [Skok II: 619], которая не учитывает фиксацию слова в лужицких языках. Постоянно повторяется версия звукоподражательного происхождения [Skok II: 619 — производность от подзывных слов для птиц в болг. и серб.; БЕР 5: 89; Младенов ЕПР: 414 в статье *patъ* упомянул подзывные междометия *patъ-patъ*], однако известна модель образования подзывных междометий от названий животных [Азарх 1977: 233]. Последняя по времени версия: сближение с болг. *пача* ‘нога человека’, макед. и болг. *пачу́нка* ‘копыто’ (восходящим к тур. *paça* ‘блюдо из овечьих или свиных ног; штанина’, которые возводятся к перс. *pa-* ‘нога’) является базой для гипотезы о мотивационной модели ‘птица с широкими лапами (характерными для водоплавающих)’ [Белова 2015: 64–65], но ср. значение ‘наседка’ в лужицких языках. Уязвимость всех упомянутых версий (более подробно все версии и их анализ см. в ЭССЯ 41) оставляет пер-

спективу поисков других толкований происхождения праслав. **pata* / **patъ*. Представляется полезным учесть возможность производности этого слова от рассмотренного выше праслав. **patati* ‘махать крыльями’, что и предложено в [ЭССЯ 41]. Следует отметить близость языков, представляющих фиксацию **patati* — польского и одну из фиксаций **pata* — лужицких. Таким образом, по предлагаемой версии, реконструированный праславянский диалектизм **patati* оказывается связующим звеном между праслав. **pata* / **patъ* и и.-е. **pet-* / **petā-* / **ptē-* / **ptō-* ‘рушиться, стремиться, лететь, падать’.

Два рассмотренных случая реконструкции праславянских диалектизмов на базе гапаксов отдельных славянских языков, при всей возможности сомнений и критики, предлагается рассматривать как повод для пристального внимания к категории гапаксов отдельных славянских языков в качестве резерва реконструкции праславянского лексического фонда (причем вполне допустимо — как праславянских диалектизмов).

Литература

- Азарх 1977 — Азарх Ю. С. Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Белова 2015 — Белова М. Н. Птица *патица* в болгарском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. IV. Этимология. М., 2015. С. 59–69.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–7–. София, 1962–2010–.
- Варбот 1991 — Варбот Ж. Ж. Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале «Словаря русских донских говоров») // Современные русские говоры. М., 1991. С. 169–171.
- Вендина 2014 — Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М., 2014.
- Даль² — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. Изд. 2. СПб. — М., 1880 (= 1955).
- Младенов ЕПР — Младенов С. Етимологически и правописен речник на български книжовен език. София, 1941.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–46), С. А. Мызников (вып. 47–49–). СПб, 1966–2016–.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973 (=1986–1987, 1996).
- Фурлан 2015 — Фурлан М. Праиндоевропейский корень **H₂mg^h-* ‘вязать’ в славянских языках. К проблеме происхождения в плане относительной

- хронологии славянских отношений *qz- : *(ц)ęz-‘вязать’ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. IV. Этимология. М., 2015. С. 333–363.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О.Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41 в печати). М., 1974–2015–.
- Kopečný ESSJ — *Kopečný F.* Etymologický slovník slovanských jazyků. Sv. 1–2. Praha. 1973, 1980.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.
- Popowska-Taborska 1993 — *Popowska-Taborska H.* Wczesne dzieje Słowian w świetle ich języka. Warszawa, 1993.
- Schuster-Šewc. Hist.-etym. Wb — *Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. Bd. I–IV (Lief. 1–24). Bautzen, 1978–1989.
- Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srbskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- Sł. gw. pol. — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków, 1900–1911.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII–. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1974–2001–.
- Vaillant. Gr. compar. III — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Paris, 1966.
- Warsz. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. I–VIII. Warszawa etc., 1952–1953 (=1904–1927).

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ РУССКОЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ (НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКОЙ) ТОПОНИМИИ

К новгородско-псковской топонимии, рассматриваемой в статье, отнесены географические названия из области средневекового новгородского пятинно-погостского деления (так называемых пригородных земель Великого Новгорода) и из сопредельной средневековой Псковской земли, которая многими веками взаимодействовала с Новгородом и на первых порах была частью новгородских владений. Сегодня это территория Новгородской, Псковской, Ленинградской областей и северной части Тверской области, а в плане гидрографии — преимущественно бассейн Чудско-Псковского озера с рекой Великая и бассейн озера Ильмень с реками Волхов, Ловать, Шелонь, Мста. Исследователи по-разному трактуют характер колонизации славянами исторических Новгородской и Псковской земель, различно интерпретируют генезис местных говоров, но в сущности все согласны в том, что: 1) очерченный регион относится к территории раннего славянского заселения (допускается появление здесь славян в VI н.э. или даже ранее, см. [Седов 1999: 123–125]); 2) это была периферийная, удаленная территория, сохранившая много языковых пережитков.

Новгородско-псковская топонимия находит множество междialectных и межъязыковых переключек (иначе говоря, параллелей, соответствий, схождения) во всех исторически славянских регионах. Многие местные топонимы неожиданно проявляют себя, как бы «всплывают» в самых разных точках общеславянского пространства, не считаясь ни с современными границами славянских языков и государств, ни с традиционным членением Славии на три языковые группы. Названия раритетные, изолированные и поэтому зачастую не объяснимые внутри одного региона, могут получить весомые подтверждения в контексте топонимии другого региона, а достоверность этимологических трактовок в этом (другом) регионе нередко обеспечивается и многочисленностью соответственных названий, и наличием

живых апеллятивных коррелятов, и даже естественно-географическими условиями местности. В лингвоэтноисторическом отношении особенно интересны отдаленные (если точнее, отдаленно-прерывистые) межъязыковые параллели. Они характеризуются тем, что связывают названия двух или более регионов Славии, которые, во-первых, заняты разными славянскими языками, во-вторых, находятся на значительном расстоянии друг от друга и, в-третьих, разделены обширной зоной отсутствия сравниваемых названий. Отдаленно-прерывистые параллели выразительны в аспекте хронологии, поскольку, как правило, отсылают к раннеславянскому периоду (преимущественно к периоду распада праславянского языка), равно как в плане территориальной дистрибуции, ибо обычно выступают осколками прежних центральных ареалов.

В статье представлены около пяти десятков топонимных гнезд (часто совместно с коррелятами из географической лексики и/или антропонимии), которые связывают исторические Новгородскую и Псковскую земли с далеким от них южнославянским языковым пространством, а также с регионом Карпат. За основу новгородско-псковского топонимического материала взяты названия из исторической документации, преимущественно из писцовых книг XV–XVI вв., дополненные названиями современными и диалектной лексикой ландшафта. Отдаленно-прерывистые параллели репрезентированы либо малоизвестными единичными фактами в обоих сравниваемых отдаленных регионах, либо фактами, единичными в одном регионе, но массовыми в другом, либо фактами, массовыми и в одном и в другом регионе. Сравнимые названия объединяет то, что они минуют западнославянские языки или же проявляются на славянском западе гораздо реже, нежели на юге (второе более относится к новг.-пск.-южнославянско-карпатским связям, среди которых встречаются и зап.-слав. факты). На огромном восточнославянском пространстве приведенные названия и термины, помимо Новгородско-Псковского региона, нередко проявляются еще и на Русском Севере, куда они занесены новгородской колонизацией и где они квалифицируются как новгородские элементы, а также в северо-западных областях Украины. Параллели, которые образованы восточнославянскими названиями, показывающими связи со славянским югом, но без отчетливого территориального тяготения к Новгородско-Псковскому региону, в нижеследующий список не включены.

Барца д. в погосте (далее — пог.) Рождественском на Усть-Северы 1539 г. [НПК IV: 286], новг. *bára* ‘болото’ Новг., Дем., ‘дорога’ Мош.: «Бара, где едут <...> совсем худая дорога» [НОС 2010: 19] + в Словении *Bárka*, *Bárje*, в Сербии *Бара* (очень часто), *Ибабара*, *Црна Бара*, *Крива Бара*, *Милкова Бара*, *Бјелобара*, *Колубара* и др., *Metu-baris* для междуречья Савы и Дравы, в Македонии *Barišta*, pp. *Bara*, *Bara-potok*,

Barica системы р. Вардар, в Греции *Μπάρα* на острове Скирос (= *Bara*) и др., наряду со словен. *bára* ‘болото, топь’, сербохорв. *bara* ‘лужа’, ‘луг’, болг. *bára* ‘лужа’, ‘маленький поток’, словац. диал., чеш. диал. *bara* ‘большое болото’ и др., согласно [ЭССЯ 1: 153–155; Snoj 2009: 53; Павлович 1996: 375–376; Лома 2013: 25; Vasmer 1941: 113, 163, 235; Duridanov 1975: 89, 135, 329, 332; Ан. РЭС 2: 186].

Бѣгуници, или *Бѣгуници*, с. Ильинского Заможского пог. 1500 г. [НПК III: 578, 592] (= совр. д. *Бегуници* на западе Ленинградской обл.) + *Véginje* для двух сел в Словении, возводимое к личному имени *Вегитъ* [Snoj 2009: 54].

Бѣжсане с. на восточном берегу оз. Ильмень 1539/40 г. [ПKNЗ 1: 365], *Бѣжани* в Лужском уезде под 1838 г. [ОСПбгуб: 101] (= совр. д. *Бежаны* в верховьях Луги), *Бѣжаничи* с. Пусторжевского уезда 1583 г. [Янин 1998: 145, № 34] (= совр. пос. *Бежаницы* на востоке Псковской обл.) + в Греции *Μπεζάνι* с. в Лаконии и *Μπεζάνοι* с. на острове Эвбея, сопоставляемые с серб., хорв. *Bežanija* [Vasmer 1941: 112, 170], сюда же сербохорв. личное имя *Vježan* (с XIII в.), болг. *bežán* ‘беглец’ и другие юж.-слав. факты [ЭССЯ 2: 92].

Бѣжичи, или *Бѣжицы*, г. на юго-востоке Новгородской земли, впервые под 1137 г. (= совр. г. *Бежецк* Тверской обл.), наряду с пск. *бѣжа*, *бѣжище* ‘укрытие, убежище’ [ПОС 1: 145, 146] + в Греции *Βεζήτςα* с. в Эпире неподалеку от г. Янина [Vasmer 1941: 22].

Бердово дд. Заборовского и Ужинского пог. 1495 г., *Бердово* займище и *Забердые* пожня в Егорьевском пог. во Млеве 1545 и 1551 гг., *Высокие Бердницы* д. в пог. Воскресенском Осечна 1545 г., *Бердуга* д. Бельского пог. 1498 г., *Бербицо* отхожая пожня в Должинском пог. 1539 г. [НПК I: 21, 363; IV: 107, 440; V: 573; VI, 92, 326, 304, 306] (*Бербицо* явно приравнивается к фонетически «правильному» *Бердище*), далее *Прабердо* оз. Торопецкой земли 1540 г. [ПKNЗ 4: 527, 649], *Берка* д. в Юго-Западном Приильменье начала XX в. [СНМНГ III: 34–35, 106–107] (из **Бердка* ‘поселение при берде’), *Бердо* — д., пос. и усадьба близ оз. Меглино к востоку от Боровичей в начале XX в. [СНМНГ VI: 26–27], *Бердище* руч. у д. Волынь близ Новгорода [ЛЗап], *Бердово* — две дд. в Псковской обл., *Бёрдо* место неподалеку от г. Удомля [Строгова 1991: 7], *Бёрда*, *Бёрдо* — мель и тоня в оз. Селигер [Никитин 1966: 79], наряду с новг. *бёрдо*, *бёдро* ‘небольшой холм, возвышение’ Холм., Ст., Бор., *бердѹха* ‘то же’ Ст., *бердѹнка* ‘то же’ Валд., *бёрдо* ‘отмель’ Ок., Бор., *Бердѹха* участок леса Ст., *Бёрдо*, *Первое Бёрдо*, *Второе Бёрдо*, *Заднее Бёрдо* — пастбища у д. Арханьско Дем., *В Бёрденицу* тоня Дем. [НОС 2010: 36], *бёрдога* ‘глубокое место в реке’ ленингр. [СРГК 1: 60] + в Словении гидронимы *Brdski Potok*, *Brdar*, *Brški Potok*, *Brcka*, *Brdec*, *Brjač* и др., топонимы *Brce*, *Brda*, *Brdinje*, *Brdo* и др. (не менее пяти десятков названий), в Хорва-

тии *Brda*, *Brđani* [Bezl. SVI I: 81; Snoj 2009: 75–76], в Сербии *Брдо*, *Велје Брдо*, *Голо Брдо*, *Грдийно Брдо*, *Плано Брдо* и др. [Лома 2013: 36], в Греции *Βερδίτσα* (= *Вьрдьсе*), *Ζαβέρδα* (= *Zabьrda*) и др. [Vasmer 1941: 34, 62, 66, 70, 126, 182] и множество прочих названий от **bьrdo* применительно к холмам, высоким или низким горам, скалам и т.п. прежде всего на славянском юге, на Западной Украине, реже у западных славян [Толстой 1969: 96–97; ЭССЯ 3: 164–165; Ан. РЭС 3: 105].

Бологинец оз. Быстреевского пог. 1571 г. [НПК V: 176], *Болгино* д. Деманского пог. 1496 г. [ПKNЗ 1: 87] (из **Бологын'/*Бологын-*) и *Благиня* как личное имя (Благиня Петр Кириллов, 1563 г., в Олонце [Веселовский 1974: 40]) + сербохорв. личное имя *Blàgiŋa*, наряду со ст.-слав. БЛАГЫНИ ‘доброта, добро’, сербохорв. стар. *блăгиња* ‘благость, доброта’ и т.п. факты на славянском юге, собранные в [ЭССЯ 2: 174–175].

Борзоево д. Туренского пог. 1495 г. [НПК I: 387] (< **Бързѣво*, от *Бързей*) + болг. личное имя *Бързей*, др.-серб. *Брzej* [Заимов 1988: 41; Грковић 1977: 46].

Велиже Поле д. в волости Морева 1495 г. (= *Вележся Поля*, XVIII в.), *Велижно*, или *Велѣжно*, *Волежно*, дд. Чернычевичского и Ручьевского пог. 1495 г. [НПК II: 110, 129, 371, 733], *Велиж*, или *Велижсье*, руч. в среднем течении Волхова, *Велиж* г. при р. *Велижска* в сопредельной Смоленской обл., известный с XIV в. + в Сербии (Метохия) с. *Veleža* севернее г. Призрен, с. *Вележъ* в Болгарии [Заимов 1973: 81], быть может, сюда же греч. *Βελίτζι* в Морее (Ахaya) [Гильфердинг 1868: 293], если оно передает слав. *Велижи*. Этимология твердо не установлена: к **velēti* ‘велеть’ или к **velьbъ* ‘большой’ и др., см. [Васильев 2012: 559].

Велиль, или *Велил*, г. среди «градов Залесских» конца XIV в. [НПЛ: 477; ПСРЛ VII: 241], ставший центром волости *Велиля* XV в. [НПК II: 736–784] (= совр. с. *Велилы* Новгородской обл.) + др.-болг. мужское личное имя *Велил*, женское *Велила* [Заимов 1988: 46]. Новг. топоним является йотовым посессивом от данного антропонима.

Видомиръ оз. в Бежецкой пятине, по берестяной грамоте № 579 3-й четверти XIV в. [Зализняк 2004: 570] (= совр. *Видимиръ*, или *Видимирское*, оз. к югу от пос. Хвойная Новгородской обл.), *На Выдомерѣ* д. в волости Морева 1495 г. [НПК II: 723], она же *Выдомеръ* XVI в. [ПKNЗ 5: 384] + в Сербии *Видомирићи* (совр. *Видомирић*) с., известное с 1455 г. [Лома 2013: 43], а также серб. личное имя *Видомир* [Грковић 1977: 53], болг. *Видимир*, *Видимира* [Заимов 1988: 49].

Витебско оз. в среднем течении Мсты 1495 и 1550–1560-х гг. [НПК II: 10, 29, 80; ПKNЗ 5: 116, 118], *Вытепско*, иначе *Вытевско*, д. Илеменского пог. 1498 и 1552–1553 гг. [НПК IV: 557; V: 176, 180, 186, 187], *Видбино* (*Вибино*) оз. в соседней Торопецкой земле конца XV в. [НПК II: 822] и сопредельное блр. *Витебск* на р. *Витьба*, город,

упоминаемый с 1021 г. + словен. *vība* ‘спираль’, сербохорв. *viba* ‘путь’ (в загадке), которые выводят из **vъjьba*, к **viti* [Куркина 1992: 113]. Отражено неполное структурное соответствие др.-пск., др.-новг. диал. **vityba* ‘извилины, изгиб’ и юж.-слав. **vъjьba* (при общем корне и суффиксе *-ьba*, но с различием элементов *-j-* и *-t-* при том, что эта деталь ареально проявляется и в других образованиях от данного корня; ср., например, словен. *veja*, болг. *вейка*, *вैया* ‘ветвь, ветка’, но др.-новг. *вътъ*, рус. *ветка*).

Вонѣжица р. и при ней *Воежитцы* д. Пажеревицкого пог. 1539 г. [НПК IV: 398] (= *Вонѣжицы*, или *Вонег*, д. конца XVIII в. [Андрияшев 1914: 325]), далее *Воньжицы* д. Городенского пог. 1571 г. [НПК V: 344], др.-новг. личное имя *Воюньгъ* на штукатурке новгородской Софии, надпись № 192 [Медынцева 1978: 127] + юж.-слав. *Войняговица*, *Войнягово*, *Войнежа*, *Войнеговци*, *Войнягова* Чукла, топонимы в болгарских и сербских землях [Заимов 1967: 238; 1973, 85], др.-болг. личное имя *Войнег*, *Войняг* [Заимов 1988: 55], серб. *Војнег* [Морошкин 1867: 45; Грковић 1977: 57].

Выползово д. под Новгородом около 1500 г. [НПК III: 492], новг. *вътолзово* ‘место, где расположены крайние в городе или небольшом селении дома; предместье’, 1858 г., новг. *вътолзовские жители* ‘слобожане’ [СРНГ 5: 330], наряду с полусотней селений *Выползово* преимущественно на новг., пск. и сев.-рус. территории + в Словении *Vipolže* с. (упоминаемое с 1170 г. как *Wipelsach*, *Wipolzano*, *Vipolsana* и др.) и *Wipolsach* с. в Корошке, с 1244 г. [Bezł. ESSJ III: 84; Snoj 2009: 457].

Грем д. у р. Шелонь в Ретенском пог. 1539 г. [НПК IV: 489, 500], наряду с новг. *грѣм* ‘мелкий кустарник’, ‘непроходимый лес’, ‘бугор, бугорок, небольшое возвышение’, ‘кочка на болоте’, *грѣмѣк* ‘кочка’, ‘несколько деревьев, растущих рядом’ и др. [НОС 2010: 194], пск. *грѣм* ‘кочка, бугор на болоте или на лугу’, ‘холм, горка’, ‘возвышенность на дне водоема’, ‘покрытое кочками, неровностями место’, пск. *грѣмья*, *грѣмка*, *грѣмѣк*, *грѣмина* в этих и связанных с ними значениях [ПОС 8: 15] (с центром новг.-пск. ареала между озерами Ильмень, Псковское и Чудское [Васильев 2001: 138–143, 248]) + в Словении топонимы *Gr̃m*, *Gr̃mōvlje* (= *Gremelach* под 1359 г.) [Snoj 2009: 154–155], ст.-слав. ГРѢМЬ ‘кустарник’, болг. диал. *грѣм* ‘куст’, *гром*, *грм* ‘густой куст’, макед. диал. *грм* ‘куст’, ‘куча, груда’, сербохорв. *грм* ‘вид дуба’, ‘кустарник’, словен. *gr̃m* ‘куст’, *gr̃múča* ‘куча’, ‘ком’, *gr̃múlja* ‘то же’, по [ЭССЯ 7: 159].

Дертина д. Боротенского пог. 1498 г. (= совр. *Дертины* д. Псковской обл.), *Дертицыно* пустошь в Посонском пог. 1495 г. [НПК V: 73, 74; I: 52], *Дертно* оз. в бассейне Ловати, наряду с сев.-рус. *дерть* ‘распаханная подсека с остатками пней’ в Костромской губ., *дѣрти* ‘кусты, растущие возле пней заброшенного после жатвы поля’ Костром.,

1858 г. [СРНГ 8: 26], *ро́здерть* ‘поднятая из-под лесу целина, распашь’ [Даль ТСЖВЯ 4: 27], блр. *дзерць* ‘место, где выкорчеваны лес, кусты или разработана залежь под поле; новина’ Мин. [Яшкін 1971: 58], др.-рус. *роздерть* ‘вид угодя’ [СлРЯ XI–XVII 22: 205] + словен. гидронимы *Drtno*, *Drt*, *Drti*, *Drtica*, *Drtiči*, *Drtrėje*, *Drtine*, *Drtniki*, наряду с названиями села *Razdrto* в Словении, двух сел *Razdrto* в Хорватии, сербохорв. *Razdrta draga*, и др., согласно [Bezl. SVI I: 150; Snoj 2009: 349; Куркина 2011: 125].

Днико (*Dnika*) оз. в истоках Ловати [Vasm. WRG I: 589, 629] на пограничье Псковской обл. и Витебской обл. + в Словении гидронимы *Dnika*, *Dniki*, *Dnike* [Bezl. SVI I: 126].

Донец р. на окраине древнего Новгорода, по грамоте 1147 г. [ГВНП: 159, № 102] (сегодня — затон *Донец* в черте Новгорода), *Донец* протока в дельте Мсты неподалеку от Новгорода, *Донское 1-е* и *Донское 2-е* — пара озер в окрестностях г. Порхов на начало XX в. [Шкапский 1912: 133], *Донка* р. близ г. Бологое середины XIX в. [Менде], *Дно* с. Смоленского пог. 1552–1553 и 1576 гг. [НПК IV: 568; V: 655] (сегодня — г. *Дно* Псковской обл.), *Дно*, *Донцо Малое*, *Донец-Захонье*, *Донцо*, *Забродье-Донцо*, *Донец*, *Донца*, *Донец-Палкино*, *Марковы Донца*, *Дни* в ближних окрестностях оз. Ильмень и к западу, северо-западу от него [НПК I: 720, 746; III: 628, 731, 735, 740, 741; IV: 14, 311, 313; V: 291, 296, 298, 385; ПКНЗ 4: 159] + в Словении названия водоемов и иных объектов природного ландшафта: *Danjski Potok*, *Danski Potok*, *Danski Studenec*, *Dno*, *V Dnu*, *V Dnah*, *V Dne*, *Dnišče*, *Dnišca*, *V Niščeh*, *Pri Dniščeh*, *Dnjača*, *Gnjača*, *Velika Dnina*, *Dninica* и др. [Bezl. SVI I: 126–127], *Dáne*, применительно к трем селам, с XIV–XV [Snoj 2009: 105]; на сопредельной сербохорватской территории чаще в сложениях: *Dnopolje*, *Dnepolje*, *Dnovoda*, *Dnoluka* [Bezl. SVI I: 127]. Новг.-пск. топонимия от **dъ(b)no* ‘дно’ указывает на понижения среди холмов и овраги с текущими на дне ручьями, а западноюжнославянская — на понижения в высоких горах, на места выхода подземных вод. За пределами данных славянских регионов топонимия с корнем **dъ(b)no* ‘дно’, характеризующая пониженные участки ландшафта, похоже, довольно редка.

Дор, *Дорок*, *Дора*, *Дорка*, *Дорицы*, *Дорица*, *Дорицо* и т. п. названия более сотни селений в пятинах Великого Новгорода XV–XVI вв. [НПК. Указ.: 128], наряду с сев.-рус. (Арх., Волог., Север.) *дор* ‘вновь расчищенное место под сенокос или под пашню’, ‘новое селение на чистом возвышенном месте’, новг. ‘слегка возвышенная местность, поросшая строевым лесом в виде отдельных роц’ [СРНГ 8: 129] + *Dor*, ряд топонимов в Сербии и Словении [Bezlaј 1958: 87–88; ЭССЯ 5: 79–81], греч. *Δόριτςα*, *Δόριτςα*, *Dorica* как названия мест в Морее (Лакония) и Элладе (Этолия, Фокида), *Ντόριτςα* в окрестностях Тепелени, согласно [Гильфердинг 1868: 292, 295; Макушев 1871: 158; Илиади 2010: 170].

Дретона вол. и *Дретенской* пог. в Шелонской пятине 1498 г. (= совр. *Дретено* д. вблизи г. Старая Русса), *Дретона* д. Воскресенского пог. 1539 г. (= совр. *Дретенка* д.), *Дретовно* Ильинского Тигодского пог. 1500 г., *Дретец* пожня и *Дретка* р., обе в Дремянском пог. 1571 г., по данным [НПК IV: 237, 465; V: 52, 53, 254–255, 476, 477, 494; III: 302], сюда же совр. *Дретно* д. на западе Ленинградской обл. и *Дретуни* д. близ верховий в Тверской обл., *Дретунь* оз. в Витебской губ. [Vasm. WRG I: 640] + в Словении *Dréta*, или *Drétja*, р. (под 1243 г. — *super fluvio Driete*), *Dréčnik* (под 1424 г. — *u Drity*), *Dretulja* р. в Хорватии, *Drietoma* р. в Словакии; сюда же и словен. топоним *Drtija* (ср. его ранние записи: *Dritey* 1320, *Dretey* 1322 г., затем *pei der Dritey*, *Drittey*, *Dreytey*) и гидроним *Drtijščica* [Snoj 2009: 126, 127]. В новг.-пск. и словенском ареалах предполагается сходное фонетическое развитие (с метатезой гласного и плавного) корня **dyr-t-* в сельскохозяйственном значении; ср. параллели с *Дертина*, *Дертно*, *Дор*, выше.

Дупле, *Дупля*, *Дуплево*, *Дуплевец*, *Дуплецо*, *Дупелца*, *Дуплехово* как названия более трех десятков селений в основном в южных и юго-восточных (Деревской и Бежецкой) пятинах Новгородской земли конца XV–XVI вв., см. [НПК I: 36, 46, 104, 113, 148, 176, 178, 356, 422, 426, 479, 738; II: 208, 322, 680; III: 431, 441; IV: 42, 83, 370; V: 250; VI: 99, 100, 167, 325, 381, 432, 477, 478, 490, 531, 534, 558, 794; ПКНЗ 1: 48, 150, 151, 183; 2: 7, 140, 228, 239; 4: 22, 149, 152, 299; 5: 250], новгородские и псковские гидронимы *Дупелька* (трижды), *Дупле*, *Дупля*, *Дупельское*, *Дуплеватое*, *Дуплевский*, наряду с др.-рус. церк.-слав. *дупль* ‘расселина, углубление; пещера’ XII в. [СлРЯ XI–XVII 4: 376] и преимущественно новг., пск., твер. и сев.-рус. *дуплѣ*, *дупля* и т.п. в функции обозначений дупла, дуплистого дерева, емкостей из дерева [СРНГ 8: 258–262] + в Словении топонимы *Duplja*, *Duplo*, *Dupljak*, *Duplenica*, *Duplje* (дважды), *Duplica*, *Duplek*, *Dupeljne*, *Dupljice*, *Dupli*, *Dupla Dolina*, *Dupla Graba* и др., сербохорв. *Dupljani*, *Veliko Duplje*, *Poddupljane*, *Dupljaštica* и др., в Греции др.-слав. топонимы *Δουπιάκοι* (= макед. *Dupjak*), *Δοῦπιανή* в Фессалии, соотнесенное с сербохорв. *Dupljane* [Vasmer 1941: 89, 191], наряду со словен. *dúplja* ‘углубление’, ‘дупло’, ‘грот, пещера’, сербохорв. *дупље* ‘дупло’, диал. *dúple* ‘пещера’, по данным [Bezl. SVI I: 161; Snoj 2009: 129–130; ЭССЯ 5: 159–160]. В новг.-пск. ареале топонимы от **duplj-* (с мягким *л*) отмечают места между холмов, впадины.

Ждино д. в Ситенском и Тухольском пог. 1495/96 г. [НПК I: 578, 711] + *Ždinja vás* с. в Словении (= нем. *Sittichsdorf*, *Sittigendorf*, по записям 1250 г.) [Snoj 2009: 486]. См. *Ждовли*, ниже.

Ждовли д. в Бельском пог. 1571 г.: «Дер. во Ждовлях Горка Обросова»; «Во Ждовлях дер. Волосово»; «Дер. Ждовли» [НПК V: 533, 535] + *Ždovlje* с. в Словении, впервые отмеченное в немецком источнике в

локативной форме *Seidolach*, 1246 г. [Snoj 2009: 486–487]. Трактовка новг. *Ждовли* и *Ждино*, как и словен. *Ždovlje*, *Ždinja*, не очевидна: похоже, в них отражены этнонимические основы **Židovin-* и **Židin-* (ср. др.-рус. *жидовин* и *жидин*), преобразованные под воздействием **žьdati*, **žьdъ* ‘ждать, жду’ с апофоническими вариантами *(o)*židati*, *židъ*. Новгородская топонимия XV–XVI вв. хорошо знает этнооснову *Жидов-* (названия дд. *Жидова*, *Жидовичи*, *Жидовка* р. [НПК II: 595; IV: 156, 255; V: 378, 642] и др.), «редуцирование» которой в *Ждов-* (: *Ждовли*) было вызвано не чем иным, как сближением с глагольным корнем *жид-/жд-*; ср. еще «полный» и «редуцированный» варианты основы личного имени (*Жидило* и *Ждило*), отраженные новгородскими названиями дд. *Жидилово* и *Ждило* [Там же II: 191, 209; IV: 112].

Згоще оз. в пог. Покровском в Полянах 1545 г. [НПК VI: 301–302, 304] + макед. *Згошта* с. в области Чемерница (сегодня территория Албании), известное с XIV в. как *Зьгошта*, *Изгошт*, *Згожда*, *Згожде*, а также *Zgošća* — р. и с. в Боснии, *Zgōša* — р. и с. в Словении (образования с притяжательным йотовым суффиксом от личного имени **Zьgostъ*/**Sьgostъ*) [Станковска 2007: 378–379; Snoj 2009: 480].

Извар р. бассейна Систы, впадающей в Финский залив (иначе — *Изворь* р. в бывшей Петербургской губ. [Vasm. WRG II: 125]), *Изварка* р. бассейна Луги и новг. *изв́арина* ‘низменное место с выступающей на поверхности водой’ Др. [НОС 2010: 345] + болг. *Извар* как название луга с несколькими родниками, источника и поля вокруг, *Извар* и *Извор* pp. бассейна Днестра, *Izvor*, *Izvorštica*, *Izvorčica* pp. в бассейне Вардара, в Греции *Τσβορος*, *Τσβορι* и другие топонимы от юж.-слав. *izvor* [Гильфердинг 1858: 288; Vasmer 1941: 36, 74, 183, 198, 205], старое сербохорв. *izvar* ‘родник, источник’, болг., макед. *извор*, сербохорв. *izvor*, словен. *izvòr*, словац. *izvor* ‘источник’ и др., по [ЭССЯ 9: 90; Duridanov 1975: 57, 58, 63, 70, 107, 108; Трубачев 1968: 253, 254].

Кадно оз. в Великопорожском пог. конца XV в., *Кадница* д. в пог. Никольском Рай 1545 г., *Каденское* д. в Вельевском пог. 1495 г., *Кадное* для дд. 1545 г. в пог. Егорьевском во Млеве, Михайловском в Лошмеле и Покровском, *Малое Кадное* починок в Петровском Тихвинском пог., по данным [НПК I: 225, 490; VI: 243, 339, 358, 405, 410, 491, 1044]; из более поздней топонимии: *Кадня* р. в среднем Помостье к северо-востоку от Новгорода, *Кадницы* д. близ г. Пестово Новгородской обл. (оба названия известны с конца XVIII в.), *Кадници* оз. в верховьях Мсты, XIX в. [Менде] и ряд других названий на *Кад-/Кадн-*, преимущественно тяготеющих к области средневековых пятин Великого Новгорода, наряду с новг. *ка́дка* ‘запруда, где накапливается вода’ Лод. [СРГК 2: 310], которое считают семантическим новообразованием сев.-новг. говоров [Герд МЭССГ 8: 178] + в Словении гидронимы *Kadice*, *V Kadi*, *Kadunc*, оронимы *Kadca*, *Kadica*, *Kadnik*, *Kadice*, *Kadnica*, *Kadence*,

Kadunca и др. [Bezl. SVI I: 245–246], наряду со словен. доленск. *kadica* ‘вырытая водой котлообразная яма’ [Толстой 1969: 227]. Выступают гидрографическими метафорами от **kadъ*, **kadъsa* и т.п. обозначений хозяйственных емкостей. К этому же типу топониминаций относится старый новгородский гидроним *Камвиша* в Бежецкой пятине 1564 г. [НПК VI: 1044], известный как совр. *Кáдвиша* р. севернее г. Боровичи: он образован при помощи суффикса *-ище* от **kadъвъ*, ср. рус. диал. *кадовъ* ‘большой чан’ [СРНГ 12: 299], подр. [Васильев 2012: 403].

Камницы д. на оз. Пирос в Рютинском пог. 1495 г. [НПК I: 452], *Камно* пог. рядом со Псковом, упоминаемый летописями под 1238, 1341, 1407, 1487 гг. [Янин 1998: 120; Мельников 1984: 76–78] (= совр. городище *Камно*, рядом с р. *Камёнка*, притоком Великой), наряду с волог. *кáмница* ‘груда камней’, ‘куча каких-либо предметов’, ‘беспорядочное расположение (домов, построек и т. п.)’ [СРНГ 13: 27] + в Словении гидронимы *Kamno*, *Kamno Brdo*, *Kamnik*, дважды *Kamniški Potok*, *Kamnica*, *Na Kamni* и средневековый, под 1524 г., топоним *Skamnitza* с префиксом *s-* [Bezl. SVI I: 247–248], названия селений *Kámmnik*, *Kamniško Sédlo*, *Kamnje*, *Kamno*, самые ранние из них отмечены с XI–XII вв. [Snoj 2009: 183–184], греч. *Καμνίτζα* (= *Камница*) в Эпире, обл. Авлонская, и, вероятно, *Σκαμνίτσα* в Лаконии [Гильфердинг 1868: 284, 296], наряду с хорв.-кайк., диал. словен. *kaman*, род. *kamna* ‘каменный’, чеш. *kamna* ‘печь’ [Skok ERHSJ II: 26]. Приведенные лексемы суть дериваты адъективной основы **kamyъn-*: от *kama*, *kat*, обозначения камней, утратившего консонантное склонение; ср. еще ст.-новг. *кама* (Приселигерье) и сербохорв. диал. *кама* ‘камень’ [ЭССЯ 9: 137–138].

Копорье г. Новгородской земли, известный с 1240 г. [НПЛ: 78] (= совр. с. *Копорье* Ленинградской обл.) (к праслав. **koro-ryje* [ЭССЯ 11: 22–23]), наряду с *копарóичка* ‘о курице, роющей в земле’ Тул., *уйти в копóрье* ‘умереть’ Олон. [СРНГ 14: 285, 293] + в Сербии село *Копорићи*, или *Копориће*, известное с XIV в. (вероятно, из **Копорьйићи*, патронимического образования на **-it’-i* от праслав. **koporyja*), и др.-серб. *Копориња* под 1453 г. [Лома 2013: 113].

Креж и *Крежна Нижняя* — дд. в Шелонской пятине 1539 г. [НПК IV: 242, 276], *Кряж* и *Кряжье* — озера в бассейнах Мсты и Шелони, наряду с весьма употребительными в новг., пск. и сев.-рус. говорах терминами *кряж*, *креж*, *криж*, обозначающими крутые склоны, берега, обрывы, высокие места [НОС 2010: 471–472; ПОС 16: 292–295; СРНГ 15: 207, 362] + в Болгарии *креж* ‘голая или покрытая мохом и мелкой растительностью скала’, диал. *креш* ‘скалистая возвышенность, заросшая кустарником и мелким лесом’, *кръш* ‘пологий склон’, ‘голый крутой склон, острая каменистая вершина’, ‘каменистая земля’ [Григорян 1975: 108; Куркина 1979: 47; ЭССЯ 12: 148].

Кук д. Доворецкого пог. 1581 г. (Западное Приильменье) [Андрияшев 1914: 185] + в Словении *Kuk*, *Kukársko Brdo*, *Kučer* как названия гор, наряду со словен. *kuk* ‘холм, бугор’ [Bezl. SVI I: 317; Куркина 1979: 46; ЭССЯ 13: 94].

Кчера и *Кчеры* для пары дд. западнее оз. Ильмень (Батецкий и Шимский р-ны Новгородской обл.), не выявленные ранней письменностью, но, похоже, восходящие к формам **Кычера*, **Кычеры* (ср. рядом и д. *Кук*, см. выше) + в Словении и Хорватии горные топонимы *Kičer*, *Kičer*, в Македонии *Kičarica* [Snoj 2009: 187], в Болгарии горные топонимы *Кичер*, *Кичера* и термин *кичерá* ‘склон с молодым густым лесом’, на сербохорватской территории *Kičer*, *Kicer*, *Kičelj* и сербохорв. диал. *кичер* ‘выступающий утес’, *Kyczera*, *Kyczara*, *Kyczерky* как названия многих вершин в Карпатах, укр. *кичера* ‘гора, покрытая лесом, кроме вершины’, румын. *chicera* ‘вершина’, словац. диал. *kičera* ‘скала, голая вершина’, чеш. диал. *kyčera* ‘вершина’ и другие зап.-слав. факты, по данным [Куркина 1979: 44; ЭССЯ 13: 258–259; Мурз. СНГТ 1: 282–283].

Люботин и *Люботино*, вол. и с. Ильинского пог. 1499 г. [ПКНЗ 1: 220], *Люботино* д. Михайловского пог. конца XV в. [НПК I: 173], *Люботина* р. в Орлинском пог. 1500 г. [ПКНЗ 1: 103], *Люботино* д. на р. Псковица близ Пскова + в Греции топоним *Λομπωτινή* (= *Люботини*, по [Гильфердинг 1868: 292]), наряду с др.-словен. личным именем *L'ubota* из документа IX в. на территории Австрии [Kronsteiner 1981: 208; Kos 1886: 124], серб. *Любота*, *Люботин* [Miklosich 1927: 71, 73; Грковић 1977: 123].

Меглино оз. и *Малое Меглинцо* оз. в вол. Велила, рядом с которыми дд. *Меглино*, *На Меглине Горе* и *Над Мегленкою*, 1495 и 1550/51 гг. [НПК II: 746, 747, 755, 748, 784; ПКНЗ 5: 366, 369, 370, 375], *Мглино* оз. в соседней вол. Стерж около 1495 г. [НПК II: 701], *Меглин* д. Молвятицкого пог. 1495 г. [НПК I: 662], *Неглино* д. в округе Деман около 1495 г. и под 1538/39 г. [НПК II: 541, 542; ПКНЗ 4: 248, 249], *Меглино* д. в вол. Удомля в Никольском пог. около 1499 г. [ПКНЗ 1: 192] и многие другие топонимы Новгородской земли на *Меглин-/Неглин-* (к праслав. **тъгльнѣъ*, **тъгльнѣъ* ‘туманный; мглистый’ [ЭССЯ 21: 95, 97]), равно как на *Могл-/Моглин-* (*Моглинка* приток Плюссы к северо-западу от оз. Ильмень, *Могловский* среди притоков Волхова и др., отсылающие к форме вариантного праслав **тъгла* ‘туман’ со вторичным «ер») + в Словении гидронимы *Meglana Jama*, *Maglene Drage*, *Magolnik*, *Neglenik* и др., объясняемые словен. *megla*, *tagla* ‘туман’, *meglen* ‘туманный’ [Bezl. SVI II: 6]; согласно П. Скоку, сюда относится и макед. *Moglana*, или *Meglen*, применительно к исторической области в Греции, северо-западнее г. Салоники [Skok ERHSJ II: 353]. Следует, однако, иметь в виду, что на Русском Севере, особенно в архангель-

ских, олонечких, вологодских говорах, ареал *Меглин-/Неглин*-топонимии от обозначений мглы, тумана, мглистых, темных мест смешивается с (но по большей части, замещается) гетерогенным ареалом омонимичных топообразований от обозначений дерева лиственницы, таких как *мегла́*, *ме́гла*, *мегли́на*, *не́гла* и т. п. (самое полное собрание которых представлено в [Матвеев 1996: 236]); подробный анализ этих двух пересекающихся и трудно разграничиваемых ареалов см. в [Васильев 2012: 444–452].

Мирогоща пожня на протоке Перемять у южного берега Ильменя под 1501 и 1561 гг. [Андрияшев 1914: 276] (= совр. д. *Мирогоща*), *Мирогоща* урочище на р. Мологе в Петровском пог. 1545 г. [НПК VI: 494] + в Греции *Μικρογοῦῆ* место близ г. Салоники (= *Mirogošči*, посессиву от праслав. личного имени *Mirogostь*; здесь *Μικρο-* «народно-этимологически» преобразовано из слав. *Miro-*) [Vasmer 1941: 207].

Невадино д. в бассейне Шелони 1498 и 1576 гг. [НПК IV: 174, 176, 177; V: 685, 689, 690], *Невадицы* д. на р. Череха к востоку от Пскова, *Неважа* приток Волхова, *Неваж* приток Оломны, впадающей в Волхов + *Невадска* р. в Сербии [Павловић 1996: 363], *Nevada* как названия сел в Сербии и Герцеговине (по [ЭССЯ 25: 63]), др.-серб. личное имя *Невад*, с 1330 г. [Грковић 1977: 144].

Невль д. в Егорьевском Лужском пог. 1500 г. [НПК III: 38, 48–50, 54] к северо-западу от Новгорода, *Невель* г. (по духовной грамоте 1504 г. царя Ивана III — волость *Невле* [ДДГ: 357, № 89]) у оз. *Невель* (*Невль*) на юге Псковской обл. + в Словении *Névlje* с. (= *Newel* под 1228 г.) близ р. *Névljica*, далее словен. *Mévlja* (*Névlja*) р. и на сербско-болгарском пограничье два топонима *Névlja* и *Névljanska Reka*, согласно [Snoj 2009: 283; Bezlaј 1958: 110; Bezl. SVI II: 20]. Трактуются не уверенно. Основа могла быть усвоена частью праславян (с дальнейшим перенесением на славянский юг) как готовый гидроним от соседних с ними балтов, в древнем ареале которых названия на *Nev-l-/Nev-el-* повторяются несколько раз (ср. еще и лит. *Nevelis* р. неподалеку от Клайпеды); балты же, в свою очередь, восприняли эту основу от соседей-финнов [Buga 1961: 508, 887]; ср. приб.-фин. *neva* ‘болото’, к которому восходят названия крупного болота *Невий Мох* в окрестностях Новгорода (восточнее оз. Ильмень) и д. *Нъвуя* близ оз. Вельё севернее оз. Селигер в Демянском уезде начала XX в. [СНМНГ II: 24] (< фин., карел. **Neva-oja* ‘болотистый ручей’).

Некишино д. на Волхове близ г. Чудово (< **Нъгъшино*) и др.-новг. личное имя *Нъгошька* из берестяной грамоты Старой Руссы, № 22, XII в. [Зализняк 2004: 767], сев.-рус. *Некишино* д. на Северной Двине вблизи Великого Устюга [Vasm. RGN VI 1: 130] + болг. личное имя *Нягша*, *Нягшо*, XV в. [Займов 1988: 172].

Обрадово д. Никольского пог. на Вышнем Волочке у Столпа 1545 г., *Обрадово* д. над оз. Лучаном в Лопастницкой вол. 1495/96 г. [НПК II: 800, 801; VI: 40], рушанин Павел *Обрадович*, убитый литовцами в 1234 г. [НПЛ: 73, 283], пскович *Обрад* Клевчевич, XV в. [ГВНП: 330] и на путях новгородской колонизации Русского Севера три дд. *Обрадово* в окрестностях Великого Устюга [Vasm. RGN VI 2: 329] + топонимы *Обрадовци*, *Обрадица*, *Обрадово* в разных болгарских землях [Заимов 1967: 266; 1973: 135], сербохорв. *Obradovo*, *Obradovci*, *Obradci*, *Obradovac*, *Obražda* и др. [Rospond 1983: 102; Imenik mesta 1956: 312], *Обрадов Брод* в бассейне Ибра [Лома 2013: 161], болг. личное имя *Обрад* XIII в., *Брад* XV в. (сокращено из *Обрад*) [Заимов 1988: 32, 172], серб. личные имена *Обрад*, *Обрадац*, *Обрадило*, *Обрадин* [Грковић 1977: 150; Морошкин 1867: 141], др.-чеш. *Obrad*, *Obradec* [Svoboda 1964: 102].

Онегость р. бассейна Свири юго-восточнее Ладожского оз. + в Герцеговине и Словении топонимы *Onogošt'* и *Onogošta*, наряду с личным именем *Onogost* у сербов, хорватов и словенцев [Rospond 1983: 104; Miklosich 1927: 83].

Осое д. Пажеревичкого пог. 1539 г., *Усое* д. Сабельского пог. 1498 г. (= *Осои* под 1571 г.) [НПК IV: 395; V: 157, 513] + в Словении *Osóje*, *Osójnik*, *Osójnica*, *Osojáne* для многих гор и селений, на сербохорватской территории *Osóje*, *Osoja*, *Osójnik*, *Osojani*, *Osojane* [Snoj 2009: 294–295], *Osojani* в Сербии и в Герцеговине [Лома 2013: 165], макед. *Osojnica*, *Osojska reka*, притоки в бассейне р. Вардар [Duridanov 1975: 65, 172, 175], *Осо́ѣя* (= *Осо́я*) в Греции, *Osou(il)*, *Osoie*, *Osoui*, *Osoii* в Румынии, зап.-укр. *Osij*, род. *Osója*, гора в Карпатах, наряду с болг. *осо́я*, *осо́й*, *осо́е* ‘место, мало доступное солнцу’, то же *усо́е*, *усо́й*, макед. *осо́ј* ‘сырое, затемненное место’, *осоен* ‘тенистый’, сербохорв. *òsoj*, *òsoje* ‘тенистая сторона’, ‘северный склон горы’, словен. *osòj*, *osóje* ‘тенистое место; место, где мало солнца’ и др., согласно [Трубачев 1968: 195, 261; Duridanov 1975: 65; Гильфердинг 1868: 284; ЭССЯ 29: 251–253].

Понѣзино пустошь в пог. Волок Держдков 1564 г. [НПК VI: 1034] + личное имя *Понѣзь* из сербского источника XI–XIV вв. [Морошкин 1867: 154; Грковић 1977: 159].

Пожнице, *Поженка*, *Поженки* — дд. Новгородской земли XV–XVI вв. [НПК II: 230; III: 45; VI: 39, 168], *Пожанка*, *Поженка*, *Поженный* — водоемы в Новгородско-Псковском регионе, наряду с привычным в новг., пск. и сев.-рус. говорах термином *пóжня*, обозначением сенокосного луга, то же новг. *пóжница* и т.п. [НОС 2010: 875–876; СРНГ 28: 299] + в Словении топонимы *Požnica* и *Poženik* (= *Bosenik* под 1160 г.), в Хорватском Приморье *Požnja* и *Požanj* [Bezljaj 1967: 139–140].

Присай оз. в бассейне Чагоды [Шанько 1929: 460] + в Словении *Prisoja*, *Prisojak*, *Prisojnik*, итал. *Monte Prisenicco* (< словен.) и словен.

prisójen ‘обращенный к солнцу’ [Bezl. ESSJ III: 285; Snoj 2009: 334], в Сербии, Македонии и Боснии топонимы *Присојница*, др.-серб. *Prisoii*, *Присоиникъ* [Лома 2013: 180], макед. *Prisoj* р. бассейна Вардара, наряду с болг. термином *prisój*, *prisóe*, сербохорв. *prisoje*, *prisoj*, словен. *prisoj* ‘солнечная сторона, солнцепек’ [Duridanov 1975: 114, 235], ц.-слав. *присое* ‘солнцепек’ [Фасм. ЭСРЯ III: 731].

Радуля д. Свинорецкого пог. 1552–1553 гг. [НПК IV: 557], *Радуля* для смежных реки, озера и деревни в среднем течении Мсты + в Сербии гидронимы *Радулова*, *Радуловачка*, *Радуловачки* [Павловић 1996: 359, 368, 394], в Словении *Rádulja* [Snoj 2009: 345], наряду с др.-серб. личными именами *Радул*, *Радула*, *Радуле* [Грковић 1977: 168], болг. *Радул* [Морошкин 1867: 164]; кроме того, личное имя *Радул* и соотносимая с ним топонимия (*Радулин*, *Радулина*, *Радуловка*, *Радуль*) широко распространены на территории Украины.

Ракомо с. под Новгородом на р. *Ракомка*, упоминаемое с 1015 г. [НПЛ: 174], *Рачица* р. среди притоков верхней Ловати близ г. Великие Луки, сев.-рус. *Рачка* р. бассейна Мезени [Vasm. WRG IV: 13, 14], ср.-рус. *Рачка* р. бассейна Москвы и ряд других вост.-слав. гидронимов от *ра́ка* ‘гроб’, а переносно ‘углубление на местности; желоб’ (подр. см. [Васильев 2012: 533]) + в Словении гидронимы *Raka* (с 1577 г.), *Račica*, *Rače*, *Rački Potok* и др., ойконимы *Raka* (с XII в.), *Dolga Raka*, *Rake*, *Rački Vrh*, *Račica* и др., производные от словен. *ráka* ‘мельничный лоток’, ‘обделанное деревом русло ручья; желоб’ [Bezl. SVI II: 132, 133–134, 139–140; Snoj 2009: 340, 341, 346], в Сербии *Рачица* р. [Павловић 1996: 382], *Račice*, *Račnik*, с 1260 г. [Bezl. SVI II: 133].

Соино д. в Паозерье под Новгородом 1498 г., *Соино* д. в пог. Прокофьевском на Белой, *Соино* д. в пог. Волок Держков 1564 г. [НПК IV: 6; VI: 547, 849, 1025], *Соино* пустошь в Никольском пог. в Слезкине 1545 г., *Соитно* д. Туренского пог. 1495 г. [НПК I: 389] (= *Соино* под 1550/51 г. [ПKNЗ 4: 169]), *Соино* д. Богородицкого Кирияжского пог. 1500 г. [ПКВод: 136], *Соины Горы* д. в Петровском Борисоглебском в Боровичах пог. 1564 г. [НПК VI: 953], *Соино* д. у оз. *Соинское* близ г. Пустошка Псковской обл., наряду с новг. *со́йка* ‘небольшой возвышенный остров среди воды’ Дем. [НОС 10: 112; СРНГ 39: 228] + словен. *sojen*, жен. *sojna* — то же, что *prisojen* ‘обращенный к солнцу’, наряду с *soj* ‘сияние, свечение’ [Bezl. ESSJ III: 285]. Следовательно, новг.-пск. топонимы типа *Соино* отражают адъективную основу **sojъnъ* (*jb*), будучи указаниями на солнечное место (как и новг. *Присай*, см. выше), а новг. *со́йка* скорее обозначает открытую солнцу возвышенность (остров).

Темя д. Спасского Орлинского пог. около 1500 г. [НПК III: 103], (?) *Тѣметукое*, иначе *Тиметукое*, оз. в пог. Михайловском в Смерде XV–XVI в. [НПК I: 208; ПKNЗ 4: 112] + др.-серб. топоним *Тѣме*, серб.

Тјеме в Боснии, *Теме* около Дубровника, *Темена* в Черногории, к праслав. *těmę* ‘темя, часть головы’ [Лома 2013: 214] (метафора ‘темя’ > ‘возвышенное место’).

Теребонежье д. в пог. Михайловском на Волхове, XVI в. [ПKNЗ 2: 67] (= совр. *Теребонижье*) + личное имя *Trebiněgъ* (в источнике: «*Trebenge*», 1217 г.) у древних альпийских славян на территории Австрии [Kronsteiner 1981: 211].

Черёха р., 145 км, правый приток Великой, течет из оз. *Черешно*, упоминается впервые под 1352 г. [НПЛ: 100], наряду с новг. *черёха* ‘вода красноватого цвета’ Чуд. [НОС 2010: 1275], *черёх* ‘ягода (?)’ Тихв. [СРГК 6: 776], пск. *черёха* ‘какая-то рыба’ [Шкапский 1912: 70] + в Македонии *Cerska reka* (иначе *Crna*, *Сърна*, *Џерна*) бассейна р. Вардар возле сел *Cer*, *Crsko*, названия которых И. Дуриданов возводит к **Črcha* ‘черная’ [Duridanov 1975: 203–207] с учетом болг. *чер* ‘черный’ (< **čьrxъ*) [Георгиев 1958: 31]; к болг.-макед. фактам добавляют *Черхавка* р. бассейна Днестра (< **Čьrxava* [Трубачев 1968: 90]). Новг.-пск. *Черёха*, *черех(a)* отражают развитие праслав. диал. **čьrx(a)* благодаря рефлексу *ьrt* > *ьrbt*, характерному для местных говоров.

Краткие выводы

Приведенные топонимно-апеллятивные параллели объединяют Новгородско-Псковский регион преимущественно с сербохорватско-словенской подгруппой, особенно со словенским языком. Половина всех параллелей приходится только на эту северо-западную подгруппу. Исключительно с юго-восточной, болгаро-македонской подгруппой, топонимические следы которой проявляются также в славянской топонимии Греции и Албании, Новгородско-Псковский регион объединяют всего 5 или 6 параллелей, из них наиболее показательны дериваты от праслав. **kręžь*, **čьrxъ*. Остальные имеют общеюжнославянскую дистрибуцию, проявляясь спорадически или массово в разных частях Балканского полуострова и в Восточных Альпах. В целом мои топонимические данные подкрепляют вывод, полученный прежде на материале русской диалектной лексики, о том, что южнославянские ареальные связи новгородских, псковских, архангельских и вологодских говоров «ориентированы на северо-запад Южной Славии, а именно на словенские, сербские, хорватские диалекты, связи с болгарскими и македонскими диалектами представлены менее выразительно» [Вендина 2009: 324, 325]. Среди новг.-пск.-общеюжнославянских параллелей наблюдается заметный процент дериватов от праслав. антропонимии: *Vidmirъ*, *Vojněgъ*, *Nevadъ*, *Obradъ*, **Sъgostъ* и др. Часть общеюжнославянских фактов продолжается в регионе Карпат, образуя новг.-пск.-общеюжнослав.-карпатские параллели.

Изложенные топонимно-апеллятивные схождения исключительно или преимущественно со славянским югом занимают в структуре межславянских связей Новгородско-Псковского региона ограниченное место. Проведенное ранее исследование новгородско-псковской топонимической архаики показало, что по количеству южнославянские связи более чем в два раза уступают как новг.-пск.-общеславянским (т.е. проявляющимся сразу у восточных, южных и западных славян), так и новг.-пск.-западнославянским связям (см. списки в [Васильев 2012: 675–676]). Тем не менее, эти отдаленно-прерывистые схождения со славянским югом очень ярки и важны: во-первых, тем, что дополнительно высвечивают праславянскую языковую архаику, лучше сохранившуюся на отдаленных друг от друга периферии Русского Северо-Запада и в периферийных областях Южной Славии, во-вторых, значимостью для оценки диалектного генезиса Новгородско-Псковского региона. Они служат существенным аргументом в пользу так называемого южного пути проникновения ранних славян в будущие новгородско-псковские земли — из Галиции, от северных Карпатских предгорий. Об этом, в частности, свидетельствует наличие в Новгородско-Псковском регионе топонимных следов терминологии, связанной с Карпатами, а через них и с балканским горным ландшафтом: **bara*, **bъrdo*, **jъzvarъ* и **jъzvorъ*, **kyčera*, **krěžъ*, **obsojъ*/**obsoje*, **prisoje* и **sojъ*, **sojъmъ*, очевидно, и **duplja* (эта последняя лексема приобрела топонимическую продуктивность в горном ландшафте, перенесенную затем на Русский Северо-Запад). Существенно, что топонимно-апеллятивные факты связей со славянским югом, обнаруживаются и на собственно псковской территории (бассейн Великой, Причудье), и на новгородской территории (Приильменье, включая местности восточнее широты Новгорода), что говорит о единстве всех местных говоров и подрывает традиционное мнение о западославянских истоках древнепсковского диалекта.

Появление отдаленно-прерывистых новг.-пск.-южнославянских параллелей, на мой взгляд, в общем плане нужно объяснять сложным распределением лексических изоглосс и ареалов, которые в разных направлениях, мозаично членили диалектный континуум славянской прародины накануне широкомасштабных миграций славян. Во 2-й половине I тыс. н. э. славяне распространили общие лексические элементы к северу, югу и востоку от прародины. Разумеется, нельзя не учитывать и типологически сходных поздних тенденций независимого развития, приводивших к выработке тождественных языковых образований.

Литература

- Ан. РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–.
- Андряшев 1914 — *Андряшев А. М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Вып. I: Списки селений; Вып. II: Карты погостов. СПб., 1914.
- Васильев 2001 — *Васильев В. Л.* Новгородская географическая терминология: (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.
- Васильев 2012 — *Васильев В. Л.* Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Вендина 2009 — *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
- Веселовский 1974 — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- Георгиев 1958 — *Георгиев В.* Въпроси на българската етимология. София, 1958.
- Герд МЭССГ 8 — *Герд А. С.* Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // Севернорусские говоры. Вып. 8. СПб., 2004. С. 173–235.
- Гильфердинг 1868 — *Гильфердинг А.* История сербов и болгар. Кирилл и Мефодий. Обзор чешской истории // *Гильфердинг А.* Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1868.
- Григорян 1975 — *Григорян Э. А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
- Грковић 1977 — *Грковић М.* Речник личних имена код Срба. Београд, 1977.
- Даль ТСЖВЯ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1998.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
- Заимов 1967 — *Заимов Й.* Заселване на българските славяни на Българския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.
- Заимов 1973 — *Заимов Й.* Български географски имена с -jъ. София, 1973.
- Заимов 1988 — *Заимов Й.* Български именник. София, 1988.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Илиади 2010 — *Илиади А. И.* Об одном типе лексических изоглосс // Язык и традиционная культура Русского Северо-Запада. Сборник статей памяти Лидии Яковлевны Петровой. Великий Новгород, 2010. С. 169–175.
- Куркина 1979 — *Куркина Л. В.* Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков) // Этимология 1977. М., 1979. С. 39–54.

- Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- Куркина 2011 — *Куркина Л. В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
- ЛЗап — личные полевые записи автора 1990–2000-х годов.
- Лома 2013 — *Лома А.* Топонимија Бањске хрисовуље. Београд, 2013.
- Макушев 1871 — *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Албании в Средние века. Варшава, 1871.
- Матвеев 1996 — *Матвеев А. К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 211–254.
- Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.
- Мельников 1984 — *Мельников С. Е.* О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984.
- Менде — Межевой атлас Тверской губернии / Под ред. А. И. Менде. СПб., 1853.
- Морошкин 1867 — *Морошкин М. Я.* Славянский именослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
- Мурз. СНГТ — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1–2. М., 1999.
- Никитин 1966 — *Никитин А. В.* О некоторых местных географических именах Новгородской, Псковской и Калининской областей (Из наблюдений над микротопонимией рыболовных и земельных угодий) // Учен. зап. Новгородского гос. пед. ин-та. Т. 2. Новгород, 1966. С. 76–98.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2010.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПК. Указ. — Новг. писцовые книги. Указатель к первым шести томам (I–VI). Имена географические. Пг., 1915.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ОСПбгуб — Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838.
- Павловић 1996 — *Павловић Зв.* Хидроними Србије. Београд, 1996.
- ПКВод — Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851; Кн. 12. М., 1852.
- ПKNЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1. М., 1999; Т. 2. СПб., 1999; Т. 3–6. М., 2001–2009.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967–.
- ПСРЛ VII — Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856.
- Седов 1999 — *Седов В. В.* Древнерусская народность. М., 1999.

- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (Вып. 1–6), Ф. П. Филин (Вып. 7–10), Д. Н. Шмелев (Вып. 11–14), Г. А. Богатова (Вып. 15–26), В. Б. Крысько (Вып. 27–). М., 1975–2008–.
- СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I–VIII. Новгород, 1907–1912.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–47–. СПб., 2002–2014–.
- Станковска 2007 — *Станковска Л.* Македонско-словенечки топонимски паралели // *Jezikoslovni zapiski* 13, 1–2: Merkujev zbornik. Ljubljana, 2007. S. 375–388.
- Строгова 1991 — *Строгова В. П.* Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991.
- Толстой 1969 — *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.
- Трубачев 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968.
- Фасм. ЭСРЯ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Шанько 1929 — *Шанько Д. Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
- Шкапский 1912 — *Шкапский О. А.* Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов. Псков, 1912.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31); Под ред. А. Ф. Журавлева (Вып. 32–40–). Вып. 1–40–. М., 1974–.
- Янин 1998 — *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
- Яшкін 1971 — *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія / Рэд. М. В. Бірыла. Мн., 1971.
- Bezl. ESSJ — *Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. D. I–V. Ljubljana, 1977–2007.
- Bezl. SVI — *Bezlaj F.* Slovenska vodna imena. D. I–II. Ljubljana, 1956–1961; D. I–IV. Ljubljana, 1976–1982.
- Bezlaj 1958 — *Bezlaj F.* Stratigrafija Slovanov v luči onomastike // *Južnoslovenski filolog.* 1958. XXII/1–4. S. 83–95.
- Bezlaj 1967 — *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
- Buga 1961 — *Būga K.* Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.
- Duridanov 1975 — *Duridanov I.* Die Hydronymie des Vardarsystems als Geschichtsquelle. Köln, 1975.
- Imenik mesta 1956 — *Imenik mesta.* Pragled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.
- Kos 1886 — *Kos F.* Ob osebnih imenih pri starih Slovencih // *Letopis Matice slovenske za leto 1886.* Ljubljana, 1886. S. 107–151.

- Kronsteiner 1981 — *Kronsteiner O.* Die alpenoslavischen Personennamen. Wien, 1981.
- Miklosich 1927 — *Miklosich F.* Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen: drei Abhandlungen. Heidelberg, 1927.
- Rospond 1983 — *Rospond S.* Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -jъ. Wrocław, 1983.
- Skok ERHSJ — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- Snoj 2009 — *Snoj M.* Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana, 2009.
- Svoboda 1964 — *Svoboda J.* Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
- Vasm. RGN — Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Bd. I–X. Wiesbaden, 1962–1980.
- Vasm. WRG — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Bd. I–V. Berlin; Wiesbaden, 1961–1969.
- Vasmer 1941 — *Vasmer M.* Die Slaven in Griechenland. Berlin, 1941.

ПРАСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

Развитие лингвистической географии сегодня достигло столь большого размаха, что во многом изменился гносеологический облик лингвистики XXI в. Пространственный дискурс в сочетании со структурным и функциональным сформировал своеобразное гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени. Благодаря лингвистической географии, мы имеем возможность прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой реализации его словообразовательных моделей почувствовать «дыхание времени».

Следует отметить, что изучение словарного состава праславянского языка, а также ареальных связей славянских языков как неотъемлемой части более общей проблемы — проблемы славянского этногенеза, долгое время было сопряжено с такой объективной трудностью, как отсутствие надежной фактографической базы. Реконструкция и описание языковой системы праславянского языка строились в основном на базе исторической фонетики славянских языков, тогда как лексика привлекалась лишь эпизодически как иллюстрация различных фонетических процессов. Более того, во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX — начала XX в. сама идея пространства была сильно размыта. Характеристика ареалов тех или иных лексем была во многом случайна и часто опиралась лишь на интуицию ученого.

Поэтому праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции: «достаточно было фиксации какой-либо лексики в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» [Толстой 1997: 111].

Объясняется это, по-видимому, тем, что славистика прошлого не располагала данными о древних лексических изоглоссах (не случайно

во многих сравнительных грамматиках славянских языков в качестве иллюстрации праславянских диалектизмов приводились одни и те же лексемы, такие, например, как *бук, береза, сосна, лиса, ворон, гусь, лосось* и др.).

Отсутствие должного внимания к лингвогеографическому изучению праславянской лексики было связано во многом и с тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Каждое слово, согласно этой точке зрения, живет в диалекте «своей жизнью» и «распространяется в своих собственных границах» (Н. С. Трубецкой), порождая пестроту и дробность диалектного ландшафта. Возник даже образ «путешествующего слова» (Л. Гоша), которое, подобно страннику, останавливается там, где ему захочется. Отсюда делался вывод, что распространение слова в значительной степени зависит от случайности. Поэтому лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка.

В этих суждениях, освященных именами Р. Раска, К. Бругмана, А. Мейе, Н. С. Трубецкого и других ученых, на первый взгляд, есть известная доля истины. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов (в отличие от лексических, наблюдающихся лишь в отдельных словах, реже — в группе слов), и в этом смысле они достаточно рельефно обнажают различия между языками. Однако, не вдаваясь в вопрос о том, насколько продуктивна языковая модель, не насыщенная лексически, следует признать, что все эти аргументы, строго говоря, не выдерживают критики. Открытость и подвижность словарного состава языка, в том числе и праславянского, является относительной, если учесть и другой важный экзистенциальный принцип любой лексической системы, а именно ее консерватизм, который и позволяет языку выполнять коммуникативную и эпистемическую функции.

Сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций — динамики и консерватизма определяется общим механизмом эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это прекрасно доказали карты «Общеславянского лингвистического атласа», продемонстрировавшие хорошую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

С выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» (а это восемь томов лексико-словообразовательной серии, в частности: т. 1 «Животный мир» (Москва, 1988), т. 2 «Животноводство» (Warszawa, 2000), т. 3 «Растительный мир» (Минск, 2000), т. 4 «Сельское хозяйство» (Братислава, 2012), т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва, 2007), т. 8 «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa, 2003), т. 9 «Человек» (Kraków, 2009), т. 10 «Народные обычаи» (СПб., 2015) и семь томов фонетико-грамматической серии: т. 1 «Рефлексы *ё» (Београд, 1988), т. 2а «Рефлексы *е» (Москва, 1990), т. 2б «Рефлексы *о» (Warszawa, 1990), т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa, 1994), т. 4а «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб, 2006), т. 4б «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), т. 5 «Рефлексы *о» (Москва, 2008), т. 6 «Рефлексы *е (Москва, 2011), ситуация в корне изменилась, так как впервые идея пространства и времени была последовательно реализована как на этапе сбора диалектного материала, так и на этапе его систематизации. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придало его картам особую ценность, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня. Атлас позволил не только локализовать межъязыковые связи, но и оценить их с ареальной точки зрения. Благодаря ОЛА появилась возможность «паспортизировать» праславянскую лексику и проследить ее судьбу в пространстве terra Slavia.

О чем же говорят карты атласа?

Прежде всего, они говорят о жизни праславянского слова в современных славянских диалектах.

Судьба его оказалась разной. Одни слова, обладая огромной жизненной силой, сумели противостоять времени, которое оказалось над ними не властно. Плотнo покрывая всю территорию Славии, они образуют так называемые системные ареалы (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*¹, *kon-j-b*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *osm-b*, *toj-b*, *toj-a*, *sol-b*, *šnop-b*, *rog-b*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a*, *med-b*, *sedm-b*, *šest-b*, *tret-bj-b*, *vesel-bj-e*, *ber-e-tb*, *devet-b*, *(j)ezer-o//ozer-o*, *(j)elen-b//*

¹ Примеры приводятся в обобщающей морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА, которая позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

olen-b, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексы *е» и др.). Подобные ареалы можно соотнести с законом открытого слога, которые пережили все славянские языки в начале своей истории.

Другие слова оказались подвержены влиянию времени, ибо их ареалы стали разрушаться (ср., например, ареалы лексем *ot-ъc-ъ*, *ov-ъc-a*, **ovъs-ъ*, **gost-b*, **krъt-ъ*, *mъk-a*, *sq-sěd-ъ*, *pros-i-ть* и др.). Этот тип ареала соотносится с теми фонетическими процессами, которые проходили в славянских диалектах позднее и дали разные результаты.

Первый тип ареалов представляет собой довольно редкое явление (в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии Атласа только лишь в томе «Растительный мир» встретилась такая карта — к. 39 'малина' с лексемой *mal-in-a* (**malina* < и.-е. **mel-* [ЭССЯ 17: 160])), тогда как второй — широко распространенное. Разрушение ареалов праславянских лексем прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии.

О разрушительных процессах, протекающих в пространстве *terra Slavia*, свидетельствует факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареал лексемы *dъb-ъ* на к. 26 'дуб' т. 3 «Растительный мир», которая широко распространена в северной Славии, но имеет ограниченные ареалы в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ней конкурируют лексемы *xvъrst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ*; или ареал лексемы *mъk-a* на к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которую в южнославянских диалектах активно теснят лексемы *borš-ъn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o*. О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хрв., мак. *dъb-ov-in-a* (хрв. *du'bovina*, серб. *'dubovina*, мак. *dubo'vina*), серб., мак. *dъb-ov-o* *deriv-o* (мак., серб. *'dubovo* *'dŕvo*) к. 28 'древесина дуба' т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dъb-ov-a šum-a* (мак. *děbova šuma*), серб. *dъb-ov-a gor-a* (*du'bova 'gora*) к. 27 'дубовый лес' т. 3 «Растительный мир»; или блг., мак. *мучник*, болг. *мъчник* 'ларь, в который сыпается мука на водяной мельнице').

Вместе с тем и одни, и другие слова говорят о реальном существовании праславянского языка, причем не просто как некой абстрактной модели, а как о живом языке, во всем его диалектном многообразии. Об этом свидетельствуют ареалы лексем, имеющих индоевропейское происхождение, но не имеющих статус общеславянских, ср., например, распространение лексем *vъls-y* к. 25 'волосы человека' т. 9 «Человек» (**vъlsъ* < и.-е. **wel-k-* [Фасмер I: 343; Шапошников 1: 137; **uel(ə)* Boryś: 704]), *brъv-i* к. 11 'брови' т. 9 «Человек» (< **bry* < и.-е. **bhrū-s*

[ЭССЯ 3: 64]), *žel-qd-ъk-ъ* к. 52 ‘желудок’ т. 9 «Человек» (**želqđъkъ* < и.-е. **ghelond-*, *gholond-* [Фасмер II: 44; Шапошников I:267; **g^hel-on-d-o* Boryś: 755]), *lyž-ъk-a* к. 52 ‘ложка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (**lyžъka* < **lyga* < и.-е. **leu-*, *lu* [ЭССЯ 17: 63]), которые отсутствуют в южнославянских языках.

Материалы Атласа позволяют ответить на вопрос, **где происходит чаще всего разрушение ареала?**

На картах Атласа отчетливо видно, что разрушение ареала лексем, имеющих праславянское происхождение, может происходить как в центре современной Славии, так и на периферии.

Примером разрушения ареала праславянских лексем в центре современной Славии могут служить ареалы лексем *ov-ъc-a* и *žen-a* в украинских и белорусских диалектах. Ареалы этих слов являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются возникшими на их основе лексемами *žen-ъk-a* и *ov-ъcъ-ъk-a*.

Что касается периферии, то материалы Атласа говорят о том, что такой периферией чаще всего является юго-восток южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексемы *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’ т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в восточной и западной Славии и ограниченный — в южной, где ее вытесняют лексемы *už-in-a*, *rqč-ъk-ъ*, *pol-u-dъn-e*; или лексемы *sq-sěd-ъ* (**sqšědъ* < и.-е. **saṃsāt(d)* [Фасмер III: 726; ЕСУМ 5: 482]) к. 2 ‘сосед, человек, живущий в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в восточно- и западнославянских диалектах, а также в словенских и хорватских, но имеет ограниченный ареал в сербских диалектах (шумадийско-воеводинских, восточногерцеговинских, зетско-сенинских и косовско-ресавских) и точечный в северо-восточных болгарских (п. 128), поскольку здесь получила широкое распространение лексема турецкого происхождения (*komš*)-*i-j-a*; сходный ареал имеют лексемы *myš-ъ* к. 14 ‘мышь’ т. 1 «Животный мир»; *žed-j-a* к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи»; *vъ-kqs-ъn-ъ* к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство приготовление пищи»; *ot-ъc-ъ* к. 7 т. 5 «Рефлексы *o») и др.

Особенно много ареалов такого типа представлено на картах фонетических томов Атласа, ср., например, карты *on-ъ* (**onъ* < и.-е. **eno-/ono-/no-* [Фасмер III: 140; Шапошников 2: 69]); *ogn-ъ* (**ognъ* < и.-е. **ognis* / **egnis* [Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414]); *ovъs-ъ* (**ovъsъ* < и.-е. **awiĝ-* [Фасмер III: 113; ЕСУМ 4: 150]); *stol-ъ* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-* [Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419]); *dom-ъ* (**domъ* < и.-е. **dōm-*,

dēm-, **d̥m-* [Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72]); *дън-о* (**dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-* [Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174]); *гор-а* (**gora* < и.-е. **gʷer-*, **gʷor-* [Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29]); *сох-а* (**soxa* < и.-е. **kā̋k-* [Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362]); *ног-а* (**noga* < и.-е. **onogh-*, **ongh-*, **ŋgh-* [Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161]); *кост-ь* (**kostь* < и.-е. **ost-* [ЭССЯ 11: 167]), *гост-ь* (**gostь* < и.-е. **ghost(i)s* [ЭССЯ 7: 67]), *пот-ь* (**potь* < и.-е. **poktos* [Фасмер III: 342; ЕСУМ 4: 417]), *вој-ьн-а* (**vojьna* < и.-е. **ueia-*, **ueī-* [Фасмер I: 334; ЕСУМ 1: 431]), *торор-ь* (**tororь* < и.-е. **ter-/tor-* [Фасмер IV: 79; Шапошников 2: 422]) т. 5 «Рефлексы *о»; или карты *led-ь* (**ledь* < и.-е. **ledu-* [ЭССЯ 14: 91]), *нес-л-ь* (**nesь* < и.-е. **nesti* < и.-е. **enek-*, **nek̐*, **nk̐-* [Фасмер III: 67; ЭССЯ 25: 19]); *репел-ь/попел-ь* (**pepelь//popelь* < и.-е. **pel-/pol-* [Фасмер III: 234; Шапошников 2: 117]) т. 6 «Рефлексы *е» и др.

Другой такой периферией *terra Slavia*, где часто наблюдается разрушение ареалов праславянских лексем, являются русские диалекты, в которых лексемы, имеющие праславянское происхождение, локализируются часто или в латеральном ареале на границе с украинскими и белорусскими диалектами — ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; тогда как в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); сходный ареал имеет и лексема *оѣ-и* (**oko*, **oči* < и.-е. **ok-*, **okʷ* [Фасмер III: 128; Шапошников 2: 65]) к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек», которая плотно покрывает территорию южной и западной Славии, а также украинских и белорусских диалектов, тогда как в русских она отмечена в основном в южнорусских смоленских и брянских говорах); или в небольшом островном ареале — ср. распространение лексемы *(j)agn-ε* к. 29 Nsg ‘(j)agne’ т. 2 «Животноводство», которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнополесских говорах и микроареал — в южнорусских (пп. 841, 846); сходный ареал имеет и лексема *list-ьj-e* (**listъje* < *listь* [ЭССЯ 15:148]) к. 8 ‘листа’ (coll) т. 3 «Растительный мир», обширный ареал которой отмечен в южно- и западнославянских, а также в украинских и белорусских диалектах, тогда как в русских ее ареал является разорванным, так как более широкое распространение получила лексема *list-ьv-a*.

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему центрально-периферийной противопоставленности инноваций и архаизмов, в соответствии с которой архаизмы лучше сохраняются на окраине, нежели в центре.

Исследование показало, что ареалы архаизмов часто локализируются не на периферии, а в центре. Кроме того, они могут иметь не только островные, но и обширные ареалы. Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает большую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления (подробнее см. [Вендина 2013: 479]).

Карты Атласа позволяют проследить, **как происходит разрушение ареала праславянских лексем**, имевших ранее общеславянское распространение.

Показательна типология этого процесса, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Обладая огромной жизненной силой, слова праславянского происхождения способны к порождению своих производных. И в этих новых лексемах продолжается жизнь праславянского слова (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *ov-ъcъ-ъk-a*, *žen-ъk-a*, *||ež-ъk-ъ*, *||ež-ak-ъ*, *||ež-ik-ъ*, *měst-ъc-e*, *myš-ъk-a* и др.).

В этом отношении чрезвычайно любопытен ареал лексемы *měst-o* (*měst-o* < и.-е. **meit(h)*-, **mēit*- [ЭССЯ 18: 206]) к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточно- и западнославянских, особенно в польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *měst-ъc-e*; под влиянием польского языка происходит разрушение и восточнославянского ареала этой лексемы, так как в украинских и белорусских диалектах все более широкое распространение получает лексема *měst-ъc-e*.

Сходный ареал имеет и лексема *pъrst-en-j-ъ* к. 40 'кольцо с камнем, перстень' т. 10 «Народные обычаи», которая широко распространена в южнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в западнославянских, особенно в чешских и польских, где ее активно вытесняет возникшая на ее основе лексема *pъrst-en-ъk-ъ*.

Нередко в процессе языковой эволюции на основе базовых значений праславянских слов возникают переносные, о чем свидетельствует метафорический характер значения некоторых лексем (ср. ареалы лексем *neb-o* к. 21 'нёбо' т. 9 «Человек»; *sold-ъk-ъ* к. 65 'вкусный' (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *въгхъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *konj-ъk-ъ* к. 43 'кузнечик' т. 1 «Животный мир»; *do-by-t-ъk-ъ* к. 24 'общее название скота' т. 2 «Животноводство»; *gor-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир» и др., характерных для восточно- и южнославянских диалектов).

Таким образом, мы видим, что материя не исчезает бесследно, на месте уходящих праславянских слов появляются новые, в которых сохраняется как бы «мерцающий свет» старых. Так формируются ареалы слов, которые часто не знают государственных границ.

Карты Атласа дают возможность проследить, **как происходит образование новых ареалов слов.**

Формирование славянских ареалов происходит под воздействием двух противоположных, но тесно связанных эволюционных процессов — разрушительного и созидательного. Разрушительный процесс приводит к распаду славянского языкового континуума, к усложнению его пространственной структуры, т.е. в конечном итоге к диалектной дифференциации. Созидательный процесс, напротив, имеет интеграционный характер, так как в ходе дифференциации междиалектные контакты сохраняются, что ведет к образованию новых ареалов.

В общей картине ареальных связей славянских диалектов отчетливо просматриваются по крайней мере два хронологических среза — древний, относящийся к истокам формирования славянского языкового единства, и более поздний, связанный с процессами, основанными на общности предшествующей эпохи, но протекавшими в разных частях Славии самостоятельно и приведшими к их последующему диалектному членению и образованию современных славянских языков.

Именно с этим связана высокая степень расчлененности диалектного ландшафта Славии. Среди множества ареалов, представленных на картах Атласа, отчетливо просматривается несколько групп:

первую группу образуют слова, которые имеют глубокие корни и восходят к периоду праславянской языковой общности (это ареалы общеславянских лексем или слов, которые, несмотря на свои разорванные ареалы, известны в трех славянских языковых группах);

вторая группа ареалов детерминируется факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов, их образуют ареально ограниченные диалектизмы, восходящие часто к эпохе самостоятельного развития славянских языков);

существование третьей группы ареалов определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и/или параллельным развитием того или иного языкового явления;

наконец, четвертая группа ареалов связана с формированием этно-политического самосознания, стремлением через язык выразить свою культурно-национальную специфику (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

Поэтому «современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи» [Куркина 1985: 64].

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на мозаичность лингвистического ландшафта Славии на картах Атласа довольно часто просматривается разделение ее по линии **север ~ юг**, ср.: север *//ašč-er-* (*//ašč-er-ъ*, *//ašč-er-ic-a*, *//ašč-er-ъk-a*) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ъ*, *gušč-er-ic-a*, *gušč-er-ъk-a*) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир»; север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* к. 4 'некастрированный самец овцы' т. 2 «Животноводство»; север *kot-* (*kot-ъ*, *kot-j-ur-ъ*) ~ юг *mač-* (*mač-ъk-ъ*, *mač-or-ъ*, *mač-or-ъk-ъ*) к. 10 'самец кошки' т. 2 «Животноводство»; север *tel-ęt-ъk-o*, *tel-en-ъč-ъk-ъ* ~ юг *tel-ęn-ъc-e* к. 39 *dem* 'Nsg telę' т. 2 «Животноводство»; север *ten-ъ* ~ юг *χold-ъ* к. 6 'тень под деревом' т. 3 «Растительный мир»; север *les-ъ* ~ юг *sum-a* к. 11 'лес' т. 3 «Растительный мир»; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* к. 17 'сосна' т. 3 «Растительный мир»; север *baran-in-a* ~ юг *ov-ъč-ęt-in-a*, *ov-ъč-bj-E* (subst) (блг.) к. 24 'мясо барана' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; север *slov-o* ~ юг *besěd-a* (слн.), *dum-a* (блг., мак.), *rěč-ъ* (хрв., серб.), *съ-bor-ъ* (мак.) к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; север *čěl-u-j-e-tъ* ~ юг *ljub-i-tъ* к. 4 'целует' т. 10 «Народные обычаи»; север *съ-čęst-bj-e* ~ юг *съ-ręt-j-a*, *съ-rět-j-a* к. 7 т. 10 «Народные обычаи»; север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* к. 19 'курит' т. 10 «Народные обычаи»; север деминутивные суффиксы с консонантным элементом -k- (*-ik-ъ*, *-ъk-ъ*, *-ъk-ъ*, *-ъk-o*, *-ъk-a*, *-ič-ъk-a*, *-ъč-ъk-a*, *-ič-ъn-ъk-a*, *-ъč-in-ъk-a* и др.) ~ юг деминутивные суффиксы с консонантным элементом -c- (*-ic-a*, *-ъc-ъ*, *-ъn-ъc-e*, *-ъc-e*, *-ъš-ъc-e*, *-ič-ic-a*, *-ъč-ъc-e*, *-en-ъc-e*, *-ъč-en-ъc-e*, *-ъč-ic-e* и др.) и -č- (*-ič-ъ*, *-ъč-е*, *-ič-e* и др.) к. 66 'деминутивные суффиксы' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и т. д.), тогда как противопоставление по линии запад ~ восток практически не прослеживается.

И эта ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности, в частности на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы (см. [Бернштейн 1961: 68]).

Наличие обширных ареалов, локализующихся в северной Славии и противопоставляющих северную Славию южной (см. также ареалы слов *uš-ъk-o* к. 15 *dem* 'ухо' т. 9 «Человек»; *rpč-ъk-a* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *nož-ъk-a* к. 43 *dem* 'нога' т. 9 «Человек»; *gor-ъk-a* к. 28 *dem* 'гора' т. 5 «Рефлексы *о»; *pal-ъc-ъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *porž-ъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), невольно наталкивает на мысль о существовании в позднепраславянский период восточно-западнославянского единства, в рамках которого протекали совместные языковые процессы. О существовании такого единства косвенно свидетельствует и тот факт, что среди праславянских лексем, имеющих общеславянское распространение, особенно много тех, которые имеют разрушенный

ареал именно в южнославянских диалектах, тогда как в восточно- и в западнославянских он до сих пор остается монолитным (ср., например, ареалы праславянских лексем, имеющих и.-е. соответствия: **ovъsъ* < и.-е. **awīg-* [Фасмер III: 113; ЕСУМ 4: 150]); *nes-l-ъ* (**neslъ* < и.-е. **nesti* < и.-е. **neŋk-*, **neŋk*, *ŋk-* [Фасмер III: 67; ЭССЯ 25: 19]); *vojъn-a* (**vojъna* < и.-е. **ueia-*, **ueī-* [Фасмер I: 334; ЕСУМ 1: 431]); *gor-a* (**gora* < и.-е. **g^uer-*, *g^uor-* [Фасмер I: 438; ЭССЯ 7: 29]); *dom-ъ* (**domъ* < и.-е. **dōm-*, *dēm-*, **dm-* [Фасмер I: 526; ЭССЯ 5: 72]); *дъn-o* (**dъno* < **dъbno* < и.-е. **dhubh-/dheubh-* [Фасмер I: 519; ЭССЯ 5: 174]); *nog-a* (**noga* < и.-е. **onogh*, **ongh-*, **ŋgh-* [Фасмер III: 78; ЭССЯ 25: 161]); *ogn-ъ* (**ognъ* < и.-е. **ognis*/**egnis* [Фасмер III: 78; ЕСУМ 1: 414]); *он-ъ* (**онъ* < и.-е. **eno-*/**ono-*/**no-* [Фасмер III: 140; Шапошников 2: 69]); *stol-ъ* (**stolъ* < и.-е. **st(h)el-* [Фасмер III: 764; ЕСУМ 5: 419]); *sox-a* (**soxa* < и.-е. **kāk-* [Фасмер III: 729; ЕСУМ 5: 362]); *bob-ъ* (**bobъ* < и.-е. **bhābhā* [Фасмер I: 180; ЭССЯ 2: 148]); (*j)ežъ-/ožъ* (*(*j)ežъ*/**ožъ* < и.-е. **eg'hjo*, **egh-jo* [Фасмер II: 10; ЭССЯ 6: 37]); *medj-a* (**medja* < и.-е. **medhio-*, **medhja* [Фасмер II: 592; ЭССЯ 18: 46]) и др.

Об этом свидетельствуют и факты праславянской фонетики (ср., например, судьбу сочетаний **ort*, **olt* в позиции начала слова, рефлексация которых объединяет восточные и западнославянские диалекты в их противопоставлении южнославянским; или явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда в интерконсонантных сочетаниях **tъrt*, **tъlt*, наблюдающееся в диалектах северной Славии: **рус.** *p'er'voj*, *v'er'x*; **укр.** *ver'x*, *ser'p*; **блр.** *v'er'x*, *čac'v'er'x*; **плс.** *v'ešx*, *v'ežba*; **луж.** *w'er'ba*, *w'er'x*; **чеш.** *vil'k*; **слц.** *vil'k*; *vil'hotni* см. ОЛА т. 3 «Рефлексы **ьг*, **ьг*, **ьл*, **ьл*» (Warszawa 1994).

На существование такой общности осторожно указывает и С.Б. Бернштейн, который пишет: «Некоторая общность процессов в **tort*, **tert* между восточнославянскими языками и языками лехитской группы свидетельствует о наличии определенного сближения между этими диалектами в тот период истории праславянского языка, когда южнославянские диалекты продвинулись далеко на юг и когда установились тесные связи между ними и древними чешскими и словацкими диалектами» [Бернштейн 1961: 219].

Карты Атласа говорят о том, что большинство ареалов северной Славии имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией контактно-генетического родства восточно- и западнославянских диалектов. Об этом свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем в роли **языка-донора выступают чаще всего западнославянские диалекты**, преимущественно польские и словацкие (ср., например, распространение таких

лексем, как *stud-ъn-j-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *stьkl-ѣn-ъk-a* к. 6 'стакан' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *gъs-in-a* к. 25 'мясо гуся' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *doj-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krav-ъc-ъ* к. 16 'человек, который шьет одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *mѣst-ъc-e* к. 46 'место' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *qtr-ob-a* к. 54 'печень человека' т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские** (ср., например, распространение лексем *сѣl-uš-ъk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krin-ic-a* к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и **белорусские** (ср. распространение лексемы *mold-iv-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korm-y-sl-a* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Нетрудно заметить, что большая часть лексических параллелей представлена суффиксальными образованиями от праславянских основ (ср., например, лексемы *doj-ъk-a*, *gъs-in-a*, *mold-iv-o*, *kraj-ъč-ik-ъ*, *za-bъd-e-tь* и др.), что указывает на поздний характер формирования их ареалов. Примечательно, что среди этих лексем нередко встречаются такие, которые являются собственно восточнославянскими или западнославянскими суффиксальными новообразованиями от праславянских основ (ср. вост.-сл. *lѣj-ъk-a*, *za-bъd-e-tь*, *doj-ar-ъk-a*, *krъš-ъk-y*; или зап.-сл. *podъ-večer-ъk-ъ*, *kroj-i-tь*, *kroj-e-tь*, *stud-ъn-j-a*), которые, однако, в процессе языковой истории смогли расширить свои ареалы. Эта группа ареалов, связанных с явлением интерференции, детерминруется факторами пространственно-генетическими и относится к эпохе самостоятельного развития славянских языков.

На картах Атласа существует еще одна серия праславянских слов, имеющих локальные ограничения в своем распространении. Это слова, характерные только для одной группы языков — восточных, западных или южных.

И здесь также прослеживается интересная закономерность. В Атласе практически не обнаруживается ареалов лексем, плотно покрывающих территорию западнославянских или южнославянских диалектов, тогда как восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем), ср., например, ареалы следующих лексем:

//*ěd-a* к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в восточнославянских диалектах, только в украинских и частично белорусских ее ареал ограничивают лексемы //*ěd-j-a*, //*ěd-j-en-bj-e*, *sъ-trav-a*;

šeg-ъ к. 49 'шаг' т. 9 «Человек»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, только в говорах Правобережной Украины, а также Полесья ее теснят лексемы *stqр-ъn-ъ* и заимствованная из западнославянских языков лексема *krok-ъ*;

vor-ъ к. 55 'человек, который крадет' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема составляет принадлежность восточнославянских диалектов, хотя в белорусских и украинских диалектах широко распространена и лексема *zъl-o-děj-b*;

krop-iv-a (**krapiva* < **kopriva* [ЭССЯ 11: 25]) к. 22 'крапива' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах, только в некоторых украинских и русских говорах ее ареал ограничивают лексемы *žędl-iv-a* и *stręk-av-a*;

ob-ěd-a-j-e-tъ (**obędati* < **obędъ* [ЭССЯ 27: 181; Шапошников 2: 36]) к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет тотальное распространение во всех восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских и в отдельных белорусских диалектах она находится в отношениях конкуренции с лексемой *pol-u-dъn-a-j-e-tъ*;

sъ-kaž-e-tъ (**sъkazati* < **kazati* [Шапошников 2: 324]) к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *po-vęst-b*;

rъt-ъ (< **rъtъ* < и.-е. **ru-to* < **reu-* : *rou-* [Шапошников 2: 287]) к. 16 'рот' т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию всей восточной Славии и только в некоторых юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивает лексема *pyск-ъ*, а также в северо-западных белорусских — заимствованная из польских диалектов лексема *gqб-a*;

vis-ъk-ъ, *vis-ъk-y* (**visъkъ* < *visęti* [Шапошников 1: 120]) к. 4 'висок' т. 9 «Человек»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и только в юго-западных украинских говорах ее ареал ограничивают лексемы *vqls-ъn-ic-a* и (*puls*)-ъ и др.

(*pasx*)-*a* к. 49 'Пасха' т. 10 «Народные обычаи»: эта заимствованная из греческого языка лексема (*πάσχα* < др.-евр. *pēsah*) широко распространена во всех восточнославянских диалектах и только в говорах Правобережной Украины и в западных белорусских диалектах ее ареал ограничивают лексемы *vel-ik-o-dъn-j-a* и *vel-ik-ъ dъn-ъ*;

krъš-ъk-y к. 19 'крошки' (хлеба) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославян-

ских диалектах и островной — в польских, где она распространена в основном в говорах на территории позднего заселения выходцами из восточнославянских земель;

korm-y-sl-o (*korm-y-sl-a*, *korm-y-sl-ъ*) к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема плотно покрывает территорию восточнославянских диалектах и имеет микроареалы в тех польских диалектах, жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий;

prošč-a-j-e-tъ se (< *prost-j-a-j-e-tъ se*) к. 18 ‘прощается’ т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в восточнославянских диалектах и микроареалы — в новых польских переселенческих говорах и т.д.

Многие из этих лексем имеют индоевропейские соответствия, словообразовательная структура их часто не мотивирована на почве праславянского, а ареалы являются, как правило, обширными, хотя и со следами разрушения. В связи с этим можно предположить, что они являются иллюстрацией диалектного многообразия уже праславянского языка.

Системный, а главное континуальный, характер ареалов этих лексем, говорит о том, что эти ареалы могли сформироваться еще до распада восточнославянского языкового единства. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что некоторые из них зафиксированы в древнейших памятниках письменности, например, лексемы **сѣкажеть** и **пасѣха** в Остромировом евангелии XI в. [СРЯ XI–XVII 24: 165; 14: 168]; **рътъть** Надп. Соф. Новг. XI–XII в. [СРЯ XI–XVII 22: 220]. Однако нельзя исключить и возможности образования их ареалов в рамках собственной истории восточнославянских языков, так как в памятниках письменности эти лексемы фиксируются довольно поздно (например, др.-рус. **крапива** — в XVI в. [СРЯ XI–XVII 8: 14]; др.-рус. **овѣдати** — в XV–XVI вв. [СРЯ XI–XVII 12: 26]; др.-рус. **ви-соукъ** — в XVI в. [СРЯ XI–XVII 2: 190]; др.-рус. **прощатися** — в XVI в. [СРЯ XI–XVII 21: 13];

Ареальная картина, характерная для восточнославянских языков, коррелирует с данными исторической фонетики, свидетельствующими о том, что это единство своими корнями уходит в праславянскую эпоху (ср., например, судьбу сочетаний *tj, *dj или *kt, *gt перед j и гласными переднего ряда: во всех трех восточнославянских языках развились одинаковые рефлексy, связанные с появлением шипящих; или судьбу сочетаний *tort, *tert с их полногласием; начальное *o в словах типа *осень, олень, озеро*; деназализацию носовых с одинаковыми континуантами во всех трех восточнославянских языках, наконец, одинаковую рефлексацию редуцированных в сильной

позиции, и в частности, отсутствие их совпадения, характерного для словенских, сербских, хорватских, северномакедонских, польских и чешских диалектов, а также отдельных словацких и лужицких и др.). Все эти фонетические процессы своей однотипностью выделяют восточнославянские языки на всем пространстве Славии.

Карт, иллюстрирующих **гомогенный западнославянский ареал**, очень немного, ср., например, ареалы следующих лексем.:

sikor-ъk-a (< **sykora* < **sykati* [Brückner: 490; Boryś: 547]) к. 26 'синица' т. 1 «Животный мир»: лексема широко распространена в западнославянских диалектах и не выходит за их пределы, хотя в чешских и польских диалектах ее ареал является дисперсным, так как наряду с ней распространена и лексема *sikor-a*;

soľv-ik-ъ (< **soľvъjъ* [Boryś: 559]) к. 28 'соловей' т. 1 «Животный мир»: лексема плотно покрывает всю территорию западнославянских диалектов, хотя в чешских моравских говорах, а также в польских говорах Силезии ее ареал ограничивает возникшая на ее основе лексема *soľv-ič-ъk-ъ*;

pyt-ak-ъ (< **pytъ* < и.-е. **rōu-/rēu-/rū-* [Boryś: 502]) к. 16 'птица' т. 1 «Животный мир»: лексема представлена во всех западнославянских диалектах, но имеет ареальные ограничения в восточнославянских диалектах, где распространена возникшая на ее основе лексема *pyt-ač-ъk-ъ*, в лужицких, где зафиксирована лексема *pyt-aš-ъk-ъ*, в польских кашубских говорах, где отмечена лексема *pyt-ax-ъ*, а также в мазовецких, где под влиянием восточнославянских диалектов получила распространение лексема *pyt-aš-ъk-a*;

stud-ъn-j-a, *stud-ъn-bj-a* (< **studъnja* Brückner: 523; Boryś: 585) к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема плотно покрывает территорию всех западнославянских диалектов и имеет небольшие островные ареалы в украинских юго-западных и полесских говорах на границе с польскими и словацкими диалектами, а также в белорусских юго-западных, среднебелорусских и северо-восточных говорах.

Обращает на себя внимание не только немногочисленность подобных ареалов, но и то, что эти лексемы являются производными от праславянских основ, что само по себе является свидетельством позднего формирования их ареалов.

На фонетическом уровне черт, являющихся иллюстрацией единства западнославянских языков, также немного. Практически это лишь судьба сочетаний **kv*, **gv* в позиции перед **ě*. Что касается других фонетических признаков, традиционно приводимых в качестве иллюстрации своеобразия западнославянских языков, а именно сочетаний **tl*, **dl*, **tort*, **tolt* или **ort*, **olt*, то они, скорее, свидетельствуют о диалектной дифференциации, поскольку в среднесловацких диалектах

в сочетании *tl, *dl, в отличие от других западнославянских языков, произошла утрата взрывного элемента, в польских и лужицких диалектах, в отличие от чешских и словацких, сочетания *tort, *tolt трансформировались в trot, tlot, тогда как в чешских и словацких — в trat, tlat, а сочетания *ort, *olt в среднесловацких диалектах дали rat, lat, тогда как в чешских, польских и лужицких диалектах — rot, lot. Наконец, самой яркой иллюстрацией диалектной дифференциации западнославянских языков является разный результат рефлексации носовых (в частности, сохранение их назальности в польских диалектах, что выделяет их на всем пространстве terra Slavica), а также проявления редуцированных в сильной позиции, совпадение рефлексов которых наблюдается лишь в польских и чешских диалектах, тогда как в остальных — картина более сложная (см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 2а «Рефлексы *ę» (Москва, 1990), т. 2б «Рефлексы *q» (Warszawa, 1990), т. 3 «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa, 1994), т. 4а «Рефлексы *ь, *ь» (Zagreb, 2006), т. 4б «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003).

В южнославянских диалектах сходная ситуация, так как ареальный сценарий, демонстрирующий единство южнославянских языков, также встречается довольно редко, ср. распространение следующих лексем:

gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a (< и.-е. *geu-sker [ЭССЯ 7: 179]) к. 30 'ящерица' т. 1 «Животный мир»;

žit-o (< *žiti [Фасмер II: 57; ЕСУМ 2: 200]) к. 57 'рожь, пшеница, ячмень, овес и другие злаковые культуры, вместе взятые' т. 4 «Сельское хозяйство»: лексема имеет обширный ареал в южной Славии, однако в словенских диалектах ее ареал ограничивает лексема *žit-ъ*, в хорватских — лексемы *žit-ъk-ъ* и *žyrn-bj-e*, в болгарских — заимствованная из турецкого языка лексема *(zajr)-e*; в восточнославянских диалектах в этом значении широко распространена лексема *xlěb-ъ*, в западнославянских и пограничных украинских и белорусских диалектах — лексема *съ-bož-bj-e*, в чешских и словацких, кроме того, лексема *obil-bj-e*, а в лужицких — заимствованная из немецкого языка лексема *trajd-a* (нем. Getreide);

zid-ar-ъ к. 6 'человек, который строит каменные дома' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах, только в македонских и болгарских ее ареал ограничивает заимствованная из греческого языка лексема *(mastor)-ъ* и из турецкого — лексема *(d'ulger)-in-ъ*.

Все эти лексемы широко представлены в южнославянских диалектах и не выходят за их пределы.

Из праславянской фонетики, иллюстрирующей своеобразие южнославянских языков, можно указать на судьбу сочетаний *ort, *olt,

которые дали иную рефлексию (*ra-*, *la-*) по сравнению с западно- и восточнославянскими диалектами (*ro-*, *-lo-*). Что касается других фонетических признаков, то они, скорее, свидетельствуют о дифференциации южнославянских диалектов, ср., например, наличие вокальной долготы и тоновых различий гласных, которое выделяет словенские, сербские, хорватские диалекты; наличие билабиальной или лабиодентальной протезы перед инициальным **o* в словенских диалектах или палатальной *j*-протезы в хорватских кайкавских говорах; разную рефлексию носовых, повлекшую за собой ареальную дифференциацию южнославянских диалектов (ср., например, рефлексию праславянского **ę*, с характерным для нее варьированием подъема гласного, являющегося его континуантом, от высокого гласного *i* (хрв. кайк., слн.) до самого низкого гласного *a* (мак., серб., слн., хрв.), *a*: (слн., хрв.), *a* (блг., хрв. кайк.), *a*: (блг., хрв. кайк.), а также его дифтонгизацию (слн., хрв. кайк.). Наконец, об этом свидетельствует и разная рефлексия редуцированных в сильной позиции, так как в словенских, сербских, хорватских, северномакедонских диалектах (пп. 95, 98) наблюдается совпадение их рефлексов: в словенских, сербских штокавских, в хорватских чакавских диалектах рефлексы редуцированных в сильной позиции совпали: **ъ* и **ь* > *a*. В хорватских кайкавских диалектах рефлексия редуцированных в сильной позиции также совпала, но результат этого совпадения иной: **ъ* и **ь* > *e/ę*. Такая же ситуация представлена в торлакских и северномакедонских диалектах, в которых **ъ* и **ь* имеет одинаковый рефлекс **ъ* и **ь* > *ə*. Другие рефлексы имеют ареальные ограничения: в зетско-сеникских говорах, например, наряду с рефлексом *a* встречается и рефлекс *ə*; в словенских диалектах представлены ареально ограниченные рефлексы *ə*, *o*, *a*, *q*, которые в дальнейшем могли подвергаться изменениям (например, > *e*, *ę*, *i* и т. д.); тогда как в большинстве македонских диалектов совпадения в рефлексии редуцированных не наблюдается, так как **ъ* > *o*, а **ь* > *e*, причем в некоторых македонских диалектах могли происходить вторичные изменения этих рефлексов, в результате которых **ъ* > *u* или *ə*; в некоторых центральномакедонских, западных и восточных говорах в отдельных лексемах наблюдается изменение **ъ* > *a*; в болгарских диалектах рефлексами сильного **ъ* являются *o*, *o*ː, *ə*, *a*, *a*ː, *q*; рефлексами **ь* — *e*, *e*ː, *ə*, *a*, *a*ː, *q* (подробнее см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 2а «Рефлексы **ę*» (Москва, 1990), т. 2б «Рефлексы **q*» (Warszawa, 1990), т. 3 «Рефлексы **ьг*, **ьг*, **ьл*, **ьл*» (Warszawa, 1994), т. 4а «Рефлексы **ъ*, **ь*» (Zagreb, 2006), т. 4б «Рефлексы **ъ*, **ь*. Вторичные гласные» (Скопје, 2003), а также «Болгарские материалы» Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая (София, 2015).

Параллели между лексическими и фонетическими изоглоссами прослеживаются и в рамках отдельных межславянских соответствий.

Так, в частности, карты Атласа говорят о том, что в западнославянских диалектах наблюдается повышенная **концентрация западно-южнославянских изоглосс в чешских, западно- и среднесловацких говорах**. Именно здесь чаще всего локализуются обширные ареалы корреспондирующих лексем. Это особенно хорошо видно при сопоставлении с польско-южнославянскими ареалами, которые являются, как правило, либо островными, либо точечными. Эти изоглоссы, объединяющие чешские и словацкие диалекты с южнославянскими (особенно словенскими и хорватскими), подтверждают существование переходной зоны между языками западной и южной групп (на существование которой указывали П. Ивич, С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова, Л. В. Куркина и др. слависты), ср., например, распространение лексем: (*j*)*ag-od-a* к. 45 'земляника' т. 3 «Растительный мир»; *gob-a* к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир»; *věver-ic-a* к. 7 'белка' т. 1 «Животный мир»; *řž-ъ* к. 37 'рожь' т. 4 «Сельское хозяйство»; *meľz-iv-o* к. 32 'молоко коровы сразу после отела' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *svet-ъk-ъ* к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; *ne-věst-a* к. 10 'невеста, женщина, имеющая жениха, будущая жена' т. 10 «Народные обычаи»; *tes-ar-ъ* к. 4 'человек, который строит деревянный дом'; *kol-ar-ъ* к. 9 'человек, который делает колеса для телег' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.

Чешско-словацко-южнославянская изоглоссная область прослеживается и на основе общности судьбы группы **tort*, **tert*, которые, благодаря метатезе и удлинению гласных развились в *trat*, *tret*, тогда как в восточнославянских языках они изменились в полногласные формы, а в языках лехитской группы произошла лишь метатеза и они превратились в *trot*, *tret*; чешские и словацкие диалекты сближает со словенскими, сербскими и хорватскими диалектами наличие вокальной долготы и тоновых различий гласных, отсутствующих в других славянских языках. Так, например, в этих диалектах рефлексом праславянского долгого **e*: являются долгие гласные [V:] и дифтонгические сочетания типа [i+V], [V+i], [VV], см. т. 6 «Рефлексы **e*» (Москва, 2011).

В самой южной Славии также вырисовывается неоднородная ареальная картина. Здесь отчетливо выделяются диалектные зоны, в которых наблюдается повышенная концентрация сепаратных изоглосс.

Это, прежде всего, **юго-западная словенско-хорватская** диалектная зона, в которой «лидирующими» часто являются словенские диалекты. Причем иногда эти ареалы могут противостоять всей остальной юж-

ной Славии, так как корреспондирующие лексемы локализируются только в этой зоне, ср., например, распространение следующих лексем:

//*už-in-a* к. 59 'обед, еда в дневное время' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в словенских и хорватских диалектах, имеет островные ареалы в сербских косовско-ресавских и зетско-сеникских говорах и микроареал — в западноболгарских;

vesel-bj-e к. *Nsg* 'радость' т. 10 «Народные обычаи»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в хорватских кайкавских говорах;

ryb-ij-ь к. 58 'человек, который ловит рыбу' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в прилегающих к ним хорватских кайкавских говорах;

drob-ьt-in-y к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной ареал — в хорватских кайкавских говорах;

cvir-ьk-y, *ob-cvir-ьk-y* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и в пограничных с ними хорватских говорах;

tat-ь к. 55 'человек, который крадёт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в словенских диалектах и островной — в прилегающих к ним хорватских кайкавских и чакавских говорах.

Центральная сербскохорватская диалектная зона, в которой в роли своеобразных «лидеров» могут выступать как сербские, так и хорватские диалекты. Так же, как и в предыдущем случае, они нередко противостоят всей остальной южной Славии, так как корреспондирующие лексемы локализируются только в этой зоне, ср., например, распространение следующих лексем, которые широко представлены в сербских и хорватских диалектах (*đbrv-o-sěč-a* к. 5 'человек, который рубит лес' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *rad-ь* к. 44 'работа' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *nov-ьc-ь*, *nov-ьc-i* к. 49 'деньги' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»); а также лексем, которые широко распространены в сербских диалектах и имеют островной, латеральный или микроареал в хорватских (*svet-ьc-ь* к. 39 'праздник' т. 10 «Народные обычаи»; *žed-j-ь* к. 9 'желание, потребность пить' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mъl-z-il-bj-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *čvar-ьc-i* к. 30 'пережаренные кусочки сала' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *běl-ьn-ьc-e* к. 42 'белая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»); или об-

ратная ситуация, когда лексема широко распространена в хорватских диалектах и имеет ограниченные ареалы в других южнославянских диалектах (ср. *lěšč-ъn-ъ* = *-ak-ъ* к. 49 'лесной орех' т. 3 «Растительный мир»; *rqč-ъk-ъ* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sqd-ъc-ъ* к. 30 'человек, который судит в суде' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»).

Юго-восточная болгаро-македонская диалектная зона, в которой в роли своеобразных «лидеров» могут выступать то болгарские, то македонские диалекты, причем нередко они также могут противостоять всей южной Славии, так как корреспондирующие лексемы локализуются только в этой зоне, ср., например, распространение следующих лексем — *got-ъv-i-тъ* к. 45 'варит, готовит' (обед) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *got-ъv-ač-ъk-a* к. 22 'женщина, которая готовит еду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *kraj-itj-ъn-ik-ъ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», а также лексем, которые широко распространены в болгарских диалектах и имеет ареальные ограничения в македонских — *kobyl-ic-a* к. 2 'кормысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krad-ъc-ъ* к. 55 'человек, который крадёт' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *za-kqs-ъk-a* к. 58 'завтрак, утренняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ši-v-ač-ъ* к. 16 'человек, который шьёт одежду' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; или обратная ситуация, когда лексема широко распространена в македонских диалектах и имеет ограниченный ареал в болгарских — *kъnig-a* к. 39 'бумага' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *тъlz-ač-ъk-a* к. 34 'женщина, которая доит коров' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *žblt-j-ъk-a* к. 43 'желтая часть яйца' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sir-om-aš-ъk-a* к. 65 'бедная женщина' т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.

В рамках этой юго-восточной зоны выделяется **сербско-македонско-болгарская диалектная зона**, в которую входят сербские зетско-сеникские, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры, а также болгарские (чаще всего западные) и северо-западные македонские диалекты, ср., например, распространение следующих лексем:

trox-y к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в болгарских диалектах, островные — в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах, микроареал — в македонских (пп. 104, 112);

troš-ъk-y к. 19 'крошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах, в западных македонских и болгарских диалектах;

bolg-ъ к. 65 'вкусный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в болгарских диалектах и имеет микроареалы в сербских призренско-тимокских (п. 87) и в западных македонских (п. 90) говорах;

kold-ъn-ъc-ъ к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в восточных болгарских и в западных македонских диалектах; микроареал — в сербских призренско-тимокских говорах (пп. 85, 87);

kobyl-ъk-a к. 2 'кормысло' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островные ареалы в западных болгарских диалектах, в сербских косовско-ресавских и призренско-тимокских; микроареал — в северных македонских (п. 98) говорах;

kad-ъc-ar-ъ к. 8 'человек, который делает деревянные бочки и кадки' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островные ареалы в восточно- и западномакедонских диалектах, а также в западной группе болгарских; микроареал — в сербских призренско-тимокских говорах (п. 87).

Эта неоднородная картина ареальной дифференциации южной Славии поддерживается и фактами исторической фонетики, в частности судьбой сочетаний *tj, *dj в болгарском и сербскохорватском языках, различием в рефлексации губных с j в болгарском и македонском языках, сохранением сочетаний *tl *dl в словенском, разной рефлексацией праславянского *ѣ, а также носовых в сербских, словенских и болгарских диалектах, наконец, судьбой редуцированных, прояснение которых в сильной позиции дало разные результаты в словенских, болгарских и македонских диалектах и т.д. (подробнее см. соответствующие тома «Общеславянского лингвистического атласа»: т. 1 «Рефлексы *ѣ» (Белград, 1988); т. 2а «Рефлексы *ѣ» (Москва, 1990); т. 2б «Рефлексы *ѣ» (Warszawa, 1990); т. 3 «Рефлексы *ъ, *ѣ, *ь, *ьl, *ьl» (Warszawa, 1994); т. 4а «Рефлексы *ъ, *ь» (Zagreb, 2006); т. 4б «Рефлексы *ъ, *ь. Вторичные гласные» (Скопје, 2003). Все эти дифференциальные фонетические признаки своими корнями уходят в праславянский период.

Такая ареальная картина, представленная на картах «Общеславянского лингвистического атласа», позволяют по-новому взглянуть и на **проблему существования праюжнославянского и празападнославянского языков.**

Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков бывшее единство общезападнославянских и общеюжнославянских ареалов было разрушено временем, практическое отсутствие в них гомогенных ареалов лексем праславянского происхождения является серьезным аргументом против существования в прошлом их

историко-культурного, территориального и языкового единства, говорившего бы о существовании в праславянский период подлинной языковой общности в виде праюжнославянского и пражпаднославянского языков.

На картах Атласа отчетливо видно, что лексемы праславянского происхождения и общеславянского распространения часто локализируются в одних и тех же ареалах. Это, прежде всего, чешские (особенно ляхские говоры, в частности п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеницкие, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, но с локальными ограничениями (подробнее см. [Вендина 2014: 397]).

И хотя современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского, однако представляется, что повторение этих ареалов не является случайным.

Обширные материалы Атласа свидетельствуют о том, что мы имеем дело с массовыми показаниями лексики. И эту массовость невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя.

Карты Атласа, таким образом, опровергают скептическое отношение компаративистов XIX в. к фактам лексики и словообразования, которые традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка. Поэтому если раньше при реконструкции и описании языковой системы праславянского языка, а также при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты (а иногда лишь интуиция ученого), то с созданием «Общеславянского лингвистического атласа» они получают твердые основы и достаточно убедительную аргументацию. Общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из лексических изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Поэтому Атлас является безальтернативным источником исторических сведений о судьбе праславянского слова. Используя метафору польского ученого В. Дорошевского, можно сказать, что «слова в нем — это мосты, переброшенные над веками».

Литература

- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Вендина 2013 — *Вендина Т. И.* Типология архаичных ареалов Славии // XV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2013.
- Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М.; СПб., 2014.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Куркина 1985 — *Куркина Л. В.* Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // Вопросы языкознания. 1985. № 4.
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Славянская лексикология и семасиология. Т. 1., М., 1997.
- Шапошников — *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 2010.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, М., 1974 –. Т. 1–.
- Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Brückner A — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.

ОБЩИЕ ИННОВАЦИИ В БАЗИСНОЙ ЛЕКСИКЕ ПРАСЛАВЯНСКОГО И ПРАБАЛТИЙСКОГО ЯЗЫКОВ¹

1. Несмотря на то, что дискуссия о балто-славянском единстве продолжается уже свыше ста лет, в научной среде по-прежнему нет консенсуса по вопросу, существовал ли общий язык, распавшийся на славянскую и балтийскую ветви. Традиционно в вопросах классификации для сравнительно-исторического языкознания наибольший вес имеют общие инновации в фонетике и морфологии, в значительно меньшей степени — в лексике и синтаксисе. Однако фонетические и морфологические изоглоссы в данном случае не столь многочисленны и зачастую могут трактоваться двояко.

Например, такое яркое фонетическое изменение, как переход *s в *š после i, u, r, k, с одной стороны, объединяет праславянский и прабалтийский, но, с другой стороны, оно протекало в этих языках неодинаково и не является эксклюзивной изоглоссой [Чекман 1981]. Именно то, что количество уникальных балто-славянских инноваций в фонетике, морфологии и синтаксисе сравнительно невелико, является поводом для сомнений в правомерности постулирования единства.

Лексические схождения также регулярно служили в качестве аргумента в пользу наличия общности. Знаковым событием, конечно, стал выход в 1923 году словаря Р. Траутманна, включавшего большое количество балто-славянских лексических изоглосс. На качественно новый уровень анализ праславянской лексики вывели многотомные ЭССЯ и SP. Основываясь на этих изданиях, попытку создания нового балто-славянского словаря предпринял А. Е. Аникин (к сожалению, вышел только первый выпуск, буквы *a* — *go*). В литературе накоплено значительное количество балто-славянских лексических изоглосс, из

¹ В отличие от нашей предыдущей работы на данную тематику [Саенко 2014] был привлечён новый материал, соответствующий стандартам проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных», вместо прабалтийского списка базисной лексики использован правосточнобалтийский, несколько пересмотрена реконструкция праиндоевропейского списка.

которых не менее 200 являются общими инновациями [Дини 2002: 164]. Однако противники гипотезы единства полагают, что количество эксклюзивных изоглосс переоценено, кроме того, кое-какие из них являются индоевропейскими архаизмами, а часть объясняется общим субстратом или древними заимствованиями [Лаучюте 2009: 301]. О. Н. Трубочёв также указывал на наличие существенных лакун в таких сферах, как производственная лексика, социальные отношения и окружающий ландшафт [Трубочёв 2004: 307–308].

Таким образом, основной уязвимостью лексического аргумента является отсутствие адекватного масштаба: неясно, достаточно ли 200 найденных изоглосс для доказательства периода языкового единства, или же такое количество общих слов могло появиться и в результате других причин.

Как нам кажется, выход можно найти, если использовать ограниченный корпус лексики. Если взять определённое количество славянских лексем и сопоставить его с данными других ветвей индоевропейской семьи, можно получить точные индексы лексического сходства. Если же при этом количество балто-славянских сходжений окажется значительно выше среднестатистического, это можно будет рассматривать как аргумент в пользу наличия единства.

2. Здесь нам может прийти на помощь стословный список базисной лексики (список Сводеша), используемый в лексикостатистике. Он является ограниченным по размеру, в него входит лексика, которая плохо заимствуется и сравнительно медленно вытесняется инновациями. Наконец, в рамках проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных» (далее — GLD) накоплено значительное количество аннотированных списков Сводеша, которые могут быть использованы для целей нашего исследования.

Список базисной лексики был составлен Сводешем таким образом, чтобы отвечать двум взаимосвязанным критериям — универсальности, т.е. его можно перевести на любой язык мира (состав списка см. ниже в таблице 2), и устойчивости к заимствованиям. Известны случаи сравнительно массированного наполнения списка Сводеша заимствованиями, но они редки и обычно связаны с экстремальными ситуациями. Например, порядка 17 заимствований можно найти в 100-словном списке истрорумынского языка, но этот факт, конечно, находится в прямой связи с вымиранием истрорумынского и переходом его носителей на хорватский, из которого происходит большая часть этих заимствований.

Многие ученые достаточно негативно относятся к лексикостатистике как научному методу. Это связано, главным образом, с рядом критических публикаций, появившихся в качестве ответа на пионерские статьи по лексикостатистике. Отметим, однако, что эта критика,

во многом справедливая, относится к глоттохронологии — подсчету лингвистического времени при помощи лексики². В данной статье лексикостатистика используется для генеалогической классификации языков, где, как кажется, она зарекомендовала себя с достаточно выгодной стороны³.

Традиционная лексикостатистика не различает архаизмов и инноваций при сравнении изучаемых языков, важен лишь процент совпадений между списками базисной лексики. В то же время, при построении генеалогического древа языков наиболее важны именно общие инновации, тогда как сохранение архаизмов почти не играет роли.

Отделить инновации от архаизмов в рамках базисной лексики можно, если сравнить праиндоевропейский список Сводеша с праславянским и прабалтийским и определить, есть ли в праславянском и прабалтийском общие инновации и насколько их много. Такая методика имеет свои недостатки: мы не знаем, насколько хорошо реконструированные списки отражают реальность в силу утраты со временем многих исходных данных, ср. предпринятый нами эксперимент [Саенко 2018]. Однако принципиальное отличие лексики от морфологии и фонетики заключается в использовании большого количества сравнительно равнозначных элементов сравнения (фонетические или морфологические инновации обладают разным весом), поэтому наличие в сравниваемых списках нескольких лакун и/или ошибок хоть и несколько влияет на конечный результат, но все же не обесценивает его, поэтому использование списков праязыковой базисной лексики имеет полное право на существование.

Мы считаем, что комбинированное использование обоих методов способно в некоторой степени уравновесить присущие им недостатки, поэтому ниже предпримем два сравнения: по обычной лексикостатистической методике, т. е. непосредственную конфронтацию списков Сводеша, и сопоставление праязыковых списков с учетом только общих инноваций.

Лексикостатистика уже привлекалась для решения балто-славянской проблемы. Следует упомянуть о схемах, полученных В. Зепсом [Zeps 1985], А. Гирденисом и В. Мажюлисом [Girdenis, Mažiulis 1994],

² Наиболее яркой критической публикацией была статья К. Бергсланда и Х. Фогта [Bergsland, Vogt 1962]. Важнейшие усовершенствования методологии лексикостатистики см. в [Старостин 2007а], о методологии применении лексикостатистики как метода классификации см. [Старостин 2013].

³ Стословного списка недостаточно для построения генеалогического древа для сравнительно молодых диалектных континуумов (например романских языков), однако в прочих ситуациях лексикостатистика вполне справляется с этой задачей, см. таблицу 1 ниже.

В. Блажеком и П. Новотной [Blažek, Novotná 2007]. Важным отличием данной работы является не только применение метода общих инноваций, но и использование материалов проекта GLD, который характеризует строгий отбор лексики для списков (см. подробнее в [Kassian et al. 2010]), исключение заимствований из лексикостатистических подсчетов (поскольку они нарушают естественный порядок языковых изменений), а также упор на данные диалектов и малых языков.

3. Попробуем провести методами традиционной лексикостатистики сопоставление нескольких славянских, балтийских и других индоевропейских идиомов на материале данных проекта GLD⁴.

В таблице 1 представлены результаты сравнения 100-словных списков следующих языков и диалектов: чакавский говор деревни Орбаничи, малопольский говор деревни Венцюрка, южнорусский говор деревни Деулино; литовский, латышский, исландский, датский, шведский языки⁵, итальянский диалект города Фолиньо, валлонский диалект деревни Трансенн, каталанский диалект Барселоны, димотика, фарасийский греческий, каппадокийский греческий⁶, иронский осетинский, ягнобский, парачи⁷.

Жирным в таблице выделены «подскоки» в количестве совпадений, указывающие на возможное родство. Как легко можно убедиться, границы славянского, балтийского, германского, романского, греческого и иранского таксонов очерчены достаточно резко. Балто-славянские сопоставления дают 40–48% процентов совпадений при 70–80% внутриславянских и 64% литовско-латышских. При этом сравнение балтийских и славянских списков со всеми остальными, представленными в таблице, дает показатель 10–31%.

4. Теперь попробуем разобраться, вызвано ли это общим наследством или общими инновациями. Для этого нам понадобятся 100-словные списки праиндоевропейского, праславянского и правосточнобалтийского языков⁸.

Дабы установить некоторые ориентиры, с которыми можно сопоставить балто-славянские данные, привлечем также 100-словные списки для ведийского санскрита (по Атхарваведе), авестийского⁹, древне-

⁴ Все списки с аннотацией доступны по адресу: <http://starling.rinet.ru/new100/main.htm>.

⁵ Германские списки собраны Г. С. Старостиным.

⁶ Греческие списки собраны А. С. Касьяном и А. А. Евдокимовой.

⁷ Иранские списки собраны О. И. Беляевым и А. А. Трофимовым.

⁸ В отличие от предыдущих публикаций на данную тематику было решено ограничиться восточнобалтийским материалом без привлечения прусского в связи с плохой сохранностью и ненадежностью прусского материала.

⁹ Собраны А. А. Трофимовым.

Таблица 1.

**Проценты совпадений
между 100-словными списками ряда индоевропейских idiомов***

	орб.	вен.	деу.	лит.	лат.	исл.	дат.	шв.	фол.	вал.	кат.	дим.	фар.	кап.	ос.	ягн.	пар.
орб.		80	71	46	42	23	25	26	23	21	20	16	16	15	26	17,5	27
вен.	80		70	42	36	20	22	23	20	18	17	12,5	12	11	18	15	22
деу.	71	70		48	40	21	25	26	20	18	16	14	14	13	24	15	24
лит.	46	42	48		64	17	20	19	19	18	14	12	12	11	20	12	23
лат.	42	36	40	64		15	18	19	17	16	14	10	11	11	18	10	19
исл.	23	20	21	17	15		93	88	31	31	28	22	23	21	18	17	23
дат.	25	22	25	20	18	93		96	32	32	29	23	24	22	20	17,5	26
шв.	26	23	26	19	19	88	96		31	31	28	22	23	21	20	17	26
фол.	23	20	20	19	17	31	32	31		77	77	22	25	23	24	24	29
вал.	21	18	18	18	16	31	32	31	77		84	21	23	21	20	24	29
кат.	20	17	16	14	14	28	29	28	77	84		19	22	20	18	27	22
дим.	16	12,5	14	12	10	22	23	22	22	21	19		79	81	16	17	26
фар.	16	12	14	12	11	23	24	23	25	23	22	79		87	17	21	26
кап.	15	11	13	11	11	21	22	21	23	21	20	81	87		16	17,5	24
ос.	26	18	24	20	18	18	20	20	24	20	18	16	17	16		39	50
ягн.	17,5	15	15	12	10	17	17,5	17	24	24	27	17	21	17,5	39		47
пар.	27	22	24	23	19	23	26	26	29	29	22	26	26	24	50	47	

* Совпадения указаны в процентах, заимствования не учитывались.

греческого языка Платона¹⁰ и архаической латыни Плавта (все списки с развернутыми комментариями доступны на сайте проекта GLD. Список для праиндоевропейского мы приводим в двух вариантах: реконструкции Д. Адамса [Adams, Mallory 2006: 97–99] и авторской¹¹.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что все эти идиомы относятся к разному историческому времени, и их стословные списки содержат разное количество инноваций по сравнению с прасостоянием, однако поскольку на таких временных интервалах в списке базисной лексики остаются, в основном, наиболее устойчивые позиции, возникающей погрешностью, по нашему мнению, можно пренебречь.

В ряде случаев наша реконструкция отличается от принятой у Адамса. Как мы убедимся далее, эти расхождения почти не сказываются на конечном результате, однако стоит кратко обосновать наш выбор того или иного слова:

– all: Адамс отдает предпочтение балто-славяно-индоиранскому схождению, однако распределение корня *pant- в рамках генеалогического древа значительно лучше: греч. *πᾶς* «весь», тох. В ро/pont- «весь».

– breast: согласно стандартам проекта GLD мы должны внести в список лексему «грудь (вообще)», а не «женская грудь», как Адамс. В то же время поиск праиндоевропейского слова со значением «грудь (вообще)» вызывает серьезные сложности, поэтому мы оставляем эту строку пустой.

– fire: хотя *reH₂ur, по всей видимости, древнее, мы не видим оснований не реконструировать *H₂rǵnis в значении «огонь» уже для праязыка.

– green: поскольку для древнейших состояний хеттского, санскрита и древнегреческого зафиксирована желто-зеленая система цветообозначений (ḥaḥḥal-uwant- / ḥaḥli-want-, hárīḥ и χλωρός соответственно), не разделяющая эти два цвета, мы не видим причины не проецировать ту же систему на праиндоевропейский язык и не восстанавливать корень *ǵ^hel- «желтый/зеленый».

– kill: схождение хеттск. kue(n)-(Zl)/kun-/kuwa(n)-, тох. А ko-, санскр. hán-, др.-греч. θείνω, др.-ирл. gonim [Pokorny 1959: 491–493], означающих «убивать», практически не оставляет сомнений, что именно корень *ǵ^{wh}en- употреблялся в праиндоевропейском языке в данном значении.

¹⁰ Собран А. С. Касьяном.

¹¹ Существуют также реконструкции С. А. Старостина [Старостин 2007b: 807–815] и А. С. Касьяна, М. А. Живлова и Г. С. Старостина [Касьян et al. 2014]. Однако, к сожалению, в первой реконструкции имеются значительные лакуны, а вторая охватывает только 50-словный список, хотя, как нам известно, в настоящее время ведется работа над составлением более полного варианта.

Таблица 2.

100-словные списки
приндиоевропейского языка и ряда его потомков
(жирным выделены общие инновации между языками в таблице)

	Адамс	автор	санскр.	авест.	Платон	Плавт	праслав.	прабалт.
all	*wīk-	*pant-	vísva-	vīspa-	πάς	omnis	*wьхь	*wīsas
ashes	*h ₂ éh _x ōs	*HeHs-	ása-	ātrīa-	τέφρα	cinis	*pepeľь	*pelenai
bark	*lóubho/eh _a -	*loub-	-	-	-	liber	*kora	*žeiwē
belly	*udero-	*udero-	udára-	udara-	γαστήρ	venter	*čerwo	*wēderas
big	*meġh _a -	*meġ(H)-	mahánt-	mazant-	μέγας	magnus	*weľь	*didis
bird	*h _a ewei-	*Hauis	pakṣín-	vi-	ὄρνις	avis	*pyta	*put-
bite	*denk-	*denk-	damś-	daṣ-	δάκνω	mordere	*kṣati	*kansti
black	*k ^w tsnós	*kṛsnos	kṛṣná-	syāva-	μέλας	ater	*čьmь	-
blood	*h ₁ ésh _{2f}	*HesH ₁	ásrk-	vohunī-	αἷμα	sanguis	*kry	*asin-
bone	*h ₂ óst	*Hasti	asthi-	ast-	ὀστέον	os	*kostь	*kaulas
breast	*psténos/ speno-	-	úras-	varah-	στήθος	pectus	*rysь	*krūtis
burn	*dheg ^{wh} -	*d ^h eg ^{wh} -	dah-	daž-	κάω	urere	*žekti	*deginti
nail	*h ₃ nogh(w)-	*HnogHos	nakhá-	srū-	ὄνυξ	unguis	*nogъь	*nagas
cloud	*nébhes-	*neb ^b os	nábhās-	maēya-	νέφος	nubis	*obwolka / *obwolko / *obwolкь	*debesis
cold	*gel-	*(s)gel-	śítá-	aota- / sarata-	ψυχρός	frigidus	*xoldьnь	*šaltas

Продолжение таблицы 2

come	*g ^w em-	*g ^w em-	gam-	gam-		ηκω / ἐλθω	venire	*-jiti	*atejti
die	*mer-	*mer-	mar-	mar-		ἀποθνῆσκει	mori	*meriti	*miri
dog	*k(u)wōn	*k(u)wōn	śván-	*k(u)ions		κύων	canis	*рьсь	*šwōn
drink	*peh ₃ (i)-	*peh ₃ (i)-	pā-	*poH-/ *piH- / *He ^{g^{wh}} -		πίνω	bibere	*piti	*gerti
dry	*saus-	*saus-	śuska-	*sausos		ξηρός	siccus	*suxь	*sausas
ear	*h _a óus-	*h _a óus-	kárna-	*Haus		οὖς	auris	*uxo	*ausis
earth	*dhéghōm	*dhéghōm	bhūmi-	*dh ^{g^h} oms		γῆ	terra	*zemь	*žemē
eat	*h ₁ édmi	*h ₁ édmi	ad-	*Hed-		ἐσθίω / φάγω	edere	*ēsti	*ēsti
egg	*h _a ō(w)iom	*h _a ō(w)iom	āṇḍá-	*Houiom		ὠόν	ovum	*aje	*paūtas
eye	*h ₃ ok ^w	*h ₃ ok ^w	akš-	*Hok ^w -		ὀφθαλμός / ὄμμα	oculus	*oko	*akis
fat	*selpes-	*selpes-	pívas-	*selp-		-	pingue	*tukь	*taukas
feather	*pet(e)r-	*pet(e)r-	parñá-	*petr		πτερόν	penna ~ pinna	*pero	-
fire	*péh ₂ ur	*péh ₂ ur	agní-	*peHur, *Hngnis		πῦρ	ignis	*ogn'ь	*ugnis
fish	*dhéghuh _x -	*dhéghuh _x -	mátasya-	*dh ^{g^h} uHs		ἰχθύς	piscis	*ryba	*žuvis
fly	*pet-	*pet-	pat-	*pet-		πέτομαι	volare	*letėti	-
foot	*péds	*péds	pád-	*pots		πούς	pes	*noga	*kājā
full	*plh ₁ nós	*plh ₁ nós	pūmá-	*plHnos		πλήρης / μεστός	plenus	*rynь	*pilnas

Продолжение таблицы 2

give	*deh ₃ -	*doH-	dā-	dā-	δόωμι	dare	*dati	*doti
good	*h ₁ (e)su-	*Hsu-	vasu-	vanhu-	ἀγαθός	bonus	*dobrъ	*labas
green	*kyeh ₁ -	*g ^h el-	hárita-	zairi-	γλαυκός	viridis	*zelenъ	*žaljas
hair	*kripo-	*krip-	keša-	varasa-	θρίξ	capillus	*wolsъ	-
hand	*ghes-r-	*g ^h esr̥	hasta-	zasta-	χείρ	manus	*rōka	*rankā
head	*k̥r̥r̥eh ₂	*k̥ersr̥	śiras-	sāra-	κεφαλή	caput	*golwa	*galwā
hear	*kleu-	*kleu-	śrav-	sraṇ-	ἀκούω	audire	*slyšati	*girdēti
heart	*kērd	*kērd-	h̥ṛdaya-	zərəd-	καρδιά	cor	*syrdьko	*širdis
horn	*ker-	*k̥m-	śrīnga-	srū-	κέρας	cornu	*rogъ	*ragas
I	*h ₁ eġ	*ēġ ^(h) o(m)	aham-	azəm	ἐγώ	ego	*azъ	*eš
kill	*neġ-	*g ^w hen-	han-	jan-	ἀποκτείνω	occidere	*-biti	-
knee	*gónu	*gónu	janu-	žnu-	γόνυ	genu	*kolěno	*kelis
know	*weid-	*uejd-	vid-	vid-	οἶδα / εἰπίσταμαι	scire	*wēdēti	*žmāti
leaf	*bhel-	*b ^h el-	paṇa-	varaka-	φύλλον	folium	*listъ	*lapas
lie	*kei-	*kei-	śay-	saē-	κατάκειμαι	iacere	*ležati	*gulēti
liver	*yéġ ^w r̥(t)	*ġek ^w r̥	yákr̥t-	yākarə-	ἥπαρ	iecur	*ętro	*ieknās
long	*dl _{h1} ghós	*d _l Hg ^h os	dīrghá-	daraga-	μακρός	longus	*dylgъ	*līgas
louse	*lu-	*lu-	-	-	-	pedis	*wъšь	*utis
man	*h ₁ nēr	*Hner-	nar-	nar-	άνήρ	vir	*mōžъ	*wītras
many	*pélh ₁ us	*polHu	purú-	pouru-	πολύς	multus	*mъnogo	*daugi

Продолжение таблицы 2

meat	* _(s) kwéh _x tis	*meHms	māmsā-	gav-	κρέας	caro	*mešo	*mensā
moon	*méh ₁ nōt	*meHn-	candrā-	māṇh-	σελήνη	luna	* luna / *mēsekъ	*mēnōn
mountain	*g ^w orh _x -	*g ^w orH-	giri-	gaini-	ὄρος	mons	*gora	*kalnas
mouth	*h ₁ /4dh ₁ (e)s-	*HoHos	ās-	āṇhan-	στόμα	os	*usta	-
name	*h ₁ nōmṇ	*noHmen	nāman-	ṇaman-	ὄνομα	nomen	*jыnę	*wardas
neck	*moni-	*mon-	grīvā-	manaοθri-	αὐχὴν	collum	*šija	*kaklas
new	*néwos	*neuos	náva-	nava-	νέος	novus	*nowъ	*ṇiajas
night	*nek ^w t-	*nok ^w ts	rātrī	xšap-	νύξ	nox	*nokty	*naktis
nose	*h _x náss	*nass	nas-	nāṇh- / vaēnā-	ῥίς	nasum	*nosъ	*nāsis
not	*ne	*ne	na-	nōit	οὐ ~ οὐκ ~ οὐχ	non	*ne	*ne
one	*h ₁ oin-	*sem-	éka-	aēuua-	εἷς	unus	*ediny / *edyňь	*weinas
man (person)	*dhghm-ón-	*manus	jāna-	mašia-	ἄνθρωπος	homo	*čelowékъ	*žmōn
rain	*h ₁ wers-	*suH-	varšā-	vār-	ὄμβρος	pluvia	*dъžъ	*lejtus
red	*h ₁ reudh-	*Hrouð ^h os	lōhita-	raoiðita-	έρυθρός	ruber	*čerw(ʼ)enyъ	*raudas
road	*póntōh ₂ s	*Hejṭr	panthā-	paθ-	ὁδός	via	*pōty	*keljas
root	*wr(h ₃)d-	*urHd-	mūla-	varāša.ji-	ρίζα	radix	*kory	*šaknis
round	*serk-	-	-	skarēna- / zgarēna-	στρογγύλος / περιφερής	rutundus	*krogъ	*apwalus
sand	*samh _x dhos	*samdh ^h os	sikata- / pāmsū-	pašnu-	ἄμμος	harena	*pēsъkъ	*smēlis

Продолжение таблицы 2

say	*wek ^w -	* _{ue} kw-	brav- / āh-	mrav- / vak-	φημί / εἶπα	dicere	*rekti	*sakti
see	*derk ^z -	* _{ue} id-	paś- / darś-	vañ- / daṛas-	ὀρώ / εἶδον	videre	*widēti	*regēti
seed	*seh ₁ men-	*seHmen	bīja-	taoxman-	σπέρμα	semen	*sēmē	*sēklā
sit	*sed-	*HeHs-, *sed-	ās-	āḥh-	κάθημαι	sedere	*sēdēti	*sēdēti
skin	*pēln-	*(s) _{ue} kuts/ * _{ue} ek-	tvac-	sūri-	δέρμα	cutis	*koza	*ādā
sleep	*swep-	* _{ue} p-	svap-	x'ap-	καθεύδω	dormire	*sṛpati	*meigāti
small	*pau-	*paū-	ārbhaka-	kasu-	σικκρός	parvus	*malḥ	*maḥzas
smoke	*dhuh ₂ mós	* _{dh} uHmos	dhūmā-	-	καπνός	fumus	*dymḥ	*dūmai
stand	*(s)te _h -	*staH-	sthā-	stā-	ἵστημι	stare	*stojati	*stāvēti
star	*h ₂ stēr	*Hsters	tārakā-	star-	ἀστήρ	stella	*gwēzda	* zvaigždē
stone	*h ₄ ékmōn	*akmons	ásman-	asman-/ zarštuua-	λίθος	lapis	*kamy	*akmōn
sun	*sé _h ul	*seHul	sūrya-	hvar-	ἥλιος	sol	*sṛhnyko	*saulē
swim	*pleu-	*snaH-	plav-	frav-	νέω	nare ~ natare	* pluti	* plaukti
tail	*puk(ēh ₃)-	*puk-	pucha-	duma-	κέρκος	cauda	*xwostḥ	*ōdegā
that	*so	*so / *Hei-	a-	ava-	ἐκεῖνος	ille / iste	*owḥ / *omḥ	*anas
this	*Kis	*Kis	i- / e- / a-	a- / i- ana-	οὗτος	hic	*sṛ	*sis
you	*túh _x	*tuH/*tu	tuwām	tuuām	σύ	tu	*ty	*tū
tongue	*dṛghuh _a -	*dṛgh ^h u-	jihvā-	hizū-	γλῶττα	lingua	*ēzykḥ	*dinzuwis
tooth	*h ₁ dōnt-	*Hdōnts	dant-	dantan-	ὀδόν	dens	*zqbḥ	*dantis

Окончание таблицы 2

tree	*dóru	*doru	vrkša-	vanā-	δένδρον	arbor	*derwo	-
two	*dwéh ₃ (u)	*d(u)uoH	dvá-	dva-	δύο	duo	*dъwa	*dwō
go	*h ₁ ei-	*ei-	i-	i-	εἶμι	ire	*jiti	*eiti
warm	*g ^w hermós	*tep-	uṣṇá-	garəma-	θερμός	calidus	*tepľь	*šiltas
water	*wōdŕ	*uodŕ	udaká-	āp-	ὕδωρ	aqua	*woda	*wandōn
we	*wéi	*uei, *mes	vayám / asma-	vaēm / ahma-	ἡμεῖς	nos	*my	*mes
what	*k ^w id	*k ^w id	kád	kaŕ / ciŕ	τί	quid	*čь	*kas
white	*h ₄ elbhós	*Hig-/ *Harg-	śvetá-	spaēta-	λευκός	albus	*bēľь	*baltas
who	*k ^w ós	*k ^w os	ká-	ka-	τίς	quis	*kъ	*kas
woman	*g ^w énh _a	*g ^w enH-	nári-	nāriŕ-	γυνή	mulier	*žena	-
yellow	*ghel-	*ghel-	hárita-	zairi-	ξανθός	fulvus	*žьľь	*geltānas

– *meat*: вместо введенного Адамсом пункта *flesh* мы сохраняем стандартное *meat*.

– *one*: мы полагаем, что образования от **Hoǵ-*, широко распространившиеся в различных ветвях индоевропейской семьи, все же являются вторичными в этом значении, и они вытеснили **sem-* (греч. εἷς, арм. *mi*, тох. В *ṣe*).

– *man* (person): в данном случае приходится выбирать между **dʰǵʰmons* (италийская, кельтская, германская и балтийская группы) и **manus* (индоиранская, германская¹² и славянская группы). Как географическое распределение, так и прозрачная мотивированность первого слова (от **dʰǵʰem-* «земля») говорят в пользу большей древности второго.

– *rain*: на роль праиндоевропейского названия дождя претендуют корни **suH-* и **ǵers-*. Производные от глагольного корня **suH-* в основном значении «дождь» фиксируются в тохарских (тох. А. *swase*, тох. В. *swese*), древнегреческом (ὕετός), албанском (*shi*) и прусском (*suge*) языках. **ǵers-* в значении «дождь» выступает только в санскрите (*varsáḥ*), в близком к нему значении «ливень» в гэльском (*fras*), а также в древнегреческом ἔρση «роса» и хеттском *warša-* «туман». Тохарско-греческо-албанско-прусское сходжение в семантике корня **suH-* говорит в пользу того, что, скорее всего, именно он в праиндоевропейском обозначал «дождь».

– *road*: в отличие от Адамса, вносящего в список слово «тропа», мы оставляем в нем более традиционное «дорога», которое для праиндоевропейского можно реконструировать как гетероклитическую основу **Heǵtr* (<**Heǵ-* «идти») на основании сходжения хеттск. *itar* «путь», тох. А *utār*, тох. В *utārye* «путь, дорога» и лат. *iter* «путь, поездка, дорога, тропа» [Pokorny 1959: 294–295].

– *round*: разноречив в разных ветвях индоевропейской семьи заставляет серьезно усомниться в возможности реконструкции прилагательного «круглый» для праязыка.

– *see*: хотя Адамс восстанавливает для этого пункта корень **derk-*, представленный санскр. *adarśat* (aor.), др.-греч. δέρκομαι, др.-ирл. *ad·condarc* (perf.), более подходящим кандидатом кажется **ǵeid-*, сохранившийся в основном значении «видеть» в славянских и балтийских языках, в лат. *videō* и др.-греч. *εἶδω, в производном от него «искать» в санскр. *vindati*, арм. *gtanem*, др.-ирл. *ro·finnadar* «обнаружить», и широко распространенном в перфектном значении «знать» [Pokorny 1959: 1125–1127].

– *skin*: наиболее вероятным кандидатом на праиндоевропейское обозначение «кожи» является *(s)*keuts*, которое сохранилось в основном значении «кожа» в лат. *cutis*, прусск. *keuto*, тох. А *kās*, а также

¹² Если, конечно, не соглашаться с Г. Кроненом, что прагерманское **mann-* восходит к **dʰǵʰem-* [Kroonen 2013: 353–354].

в др.-греч. σκῦτος «выделанная кожа» и др.-норв. húð, др.-англ. hyd, д.-в.-н. hut «кожа, шкура». Альтернативным вариантом является индохеттское *tjek-.

– swim: два глагола, *pleu- и *snaH- могут претендовать на статус праиндоевропейского слова со значением «плавать». Оба широко распространены в индоевропейских языках и, несомненно, восходят к праязыку, что означает, что в праязыке между ними была определенная семантическая разница. Вероятно, такое изначальное различие в семантике этих глаголов демонстрирует древнегреческий, где νῆω — активное действие (swim), а πλέω — пассивное (float) [Кисилиер 2007: 374].

– warm: в данном случае Адамс помещает в список слово со значением *hot* «горячий», однако стандартный стословный список Сводеша предусматривает warm «тёплый». Поэтому в список следует скорее внести корень *ter-.

– white: наиболее вероятный кандидат, обнаруживающийся в основном значении в хеттском (ḫarki- / ḫargai-), тохарских (A. ārki, B. ārkwi), санскрите (ājunaḥ) и близком к основному древнегреческом ἄρυός «белый, блистающий, сверкающий», это *Hr̥ǵ-/ *Harǵ- [Pokorny 1959: 64–65]. В пользу этого корня свидетельствует представленность в древнейших языках индоевропейской семьи.

Серьезную сложность представляет слово *that*. Поскольку ситуация с системой указательных местоимений в праиндоевропейском выглядит достаточно запутанной, мы не учитывали пункты *this* и *that* при подсчете общих инноваций.

Отметим также, что как общую инновацию мы не учитывали балто-славянское обозначение желтого цвета, поскольку отсутствие сатэмизации в данном слове может указывать на потенциальное кентумное заимствование (это справедливо также для слова «камень»).

Найдем количество общих инноваций между вышеназванными идиомами при сопоставлении с праиндоевропейским списком. В верхней части таблицы приведены данные при сопоставлении с авторским списком, в нижней — со списком Адамса.

Таблица 3.

**Общие инновации
между отдельными ветвями индоевропейской семьи**

	санскрит	авестийский	Платон	Плавт	праслав.	прабалт.
санскрит		14	0	1	6	4
авестийский	13		1	1	7	4
Платон	0	0		0	0	0
Плавт	2	1	2		2	3
праслав.	6	6	1	4		14
прабалт.	4	3	0	4	14	

Отметим, что хотя праславянский демонстрирует большее количество совместных с индоиранскими языками инноваций, чем правосточнобалтийский, это может быть вызвано в том числе тем, что восстановленный нами правосточнобалтийский список имеет целых восемь лакун.

Количество балто-славянских схождения явно не может быть объяснено случайным совпадением или параллельными изменениями. Безусловно, некоторые из них не являются эксклюзивными, например «весь», «один», «плавать» и «дорога» присутствуют также в индоиранской ветви¹³, есть отдельные совпадения и с другими группами индоевропейских языков. Но даже если исключить их из рассмотрения, количество оставшихся схождения будет все равно значимым и, что крайне важно, сопоставимым с количеством ведийско-авестийских схождения.

5. Мы полагаем, что полученные результаты являются достаточно показательными и позволяют сделать следующие выводы:

а) лексикостатистика является полезным инструментом генетической классификации языков. Несмотря на некоторые ограничения, ее полезно применять для этих целей наряду с более традиционными методами;

б) сопоставление 100-словных списков базисной лексики ряда индоевропейских языков показывает, что процент совпадений между славянскими и балтийскими идиомами выше, чем этого следовало бы ожидать в ситуации отсутствия некоего периода общности;

в) сопоставление реконструированных списков базисной лексики праиндоевропейского, праславянского и правосточнобалтийского языков показывает наличие 14 общих балто-славянских инноваций в 100-словном списке. Это сопоставимо с 16 инновациями в авестийском и ведийском списках;

г) при рассмотрении вопроса существования балто-славянского единства эти факты следует учитывать наряду с наличием общих инноваций в фонетике, морфологии и синтаксисе.

Литература

- Аникин 1998 — Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Новосибирск, 1998.
Дини 2002 — Дини П. Балтийские языки. М., 2002.
Касьян et al. 2014 — Касьян А. С., Живлов М. А., Старостин Г. С. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства: формализованное срав-

¹³ В иранских языках есть обозначения пепла, образованные, возможно, от того же корня, что и балто-славянские [Стеблин-Каменский 1999: 258], но, скорее, всего, это поздняя и независимая параллель.

- нение реконструированной базисной лексики // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII. СПб., 2014. С. 382–408.
- Кисилиер 2007 — *Кисилиер М. Л.* Перемещение в воде в древнегреческом языке // Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007. С. 351–379.
- Лаучюте 2009 — *Лаучюте Ю. С.* Этноязыковые контакты во времени и в пространстве (на материале балтийских и славянских языков) // Балто-славянские исследования XVIII. М., 2009. С. 300–312.
- Саенко 2014 — *Саенко М. Н.* Инновации в прабалтийском и праславянском списках Сводеша как аргумент в споре о балто-славянском единстве // Вопросы языкового родства. № 12. 2014. С. 21–30.
- Саенко 2018 — *Саенко М. Н.* О точности реконструкции семантики праязыковой лексики: латинский список Сводеша как тестовый пример // Славянское и балканское языкознание. Выпуск 16. М., 2018. В печати.
- Старостин 2007a — *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М., 2007. С. 407–447.
- Старостин 2007b — *Старостин С. А.* Indo-European among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships. // *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 806–820.
- Старостин 2013 — *Старостин Г. С.* Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 1: Методология. Койсанские языки. М., 2013.
- Стеблин-Каменский 1999 — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
- Трубачёв 2004 — *Трубачёв О. Н.* Славянские и балтийские этимологии // *Трубачёв О. Н.* Труды по этимологии. Т. 2. М., 2004. С. 307–316.
- Чекман 1981 — *Чекман В. Н.* Древнейшая балто-славо-индоиранская изоглосса (*s_{i-k} > *š) // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 27–37.
- Adams, Mallory 2006 — *Adams D. Q., Mallory J. P.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Indo-European World. Oxford, 2006.
- Bergsland, Vogt 1962 — *Bergsland K., Vogt H.* On the validity of glottochronology // Current anthropology. Vol. 3. № 2. 1962. P. 115–153.
- Blažek, Novotná 2007 — *Blažek V., Novotná P.* Glottochronology and its application to the Balto-Slavic languages // *Baltistica*. XLII (2–3). 2007. P. 185–210, 323–346.
- Girdenis, Mažiulis 1994 — *Girdenis A., Mažiulis V.* Baltų kalbų divergencinė chronologija // *Baltistica*. XXVII (2). 1994. P. 4–12.
- Kassian et al. 2010 — *Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V.* The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Вопросы языкового родства. № 4. С. 46–89.
- Kroonen 2013 — *Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston, 2013.
- Pokorny 1959 — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Zeps 1985 — *Zeps V.* Is Slavic a West Baltic Language // General Linguistics. Vol. 24. № 4. 1985. P. 213–222.

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ТИПЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Сравнительные грамматики славянских языков и специальные труды, посвященные праславянскому глаголу [Stang 1942; Белић 1935/2000; Леков 1934; Топоров 1961; Иванов 1981 и др.], реконструируют систему праславянского глагола на материале древнейших памятников письменности и на показательных примерах отдельных славянских языков, причем преимущественно в ретроспективном плане, по отношению к индоевропейскому состоянию. Появление общеславянских этимологических словарей [ЭССЯ, SP, Кореčný 1981], восстанавливающих праславянский лексический фонд в максимально возможном полном объеме применительно к определенному (позднему) состоянию праславянского языка, позволяет составить до определенной степени целостное представление о праславянском глаголе на основе если не полного, то во всяком случае значительного по объему лексического материала, при этом не столько ориентируясь на индоевропейское или балто-славянское прошлое, сколько двигаясь в «перспективном» направлении — с учетом последующего развития глагольной системы в отдельных славянских языках и диалектах. В данном случае нас будет интересовать лексическая проекция праславянской глагольной системы, т.е. отражение в глагольной лексике системных отношений праславянского глагола.

С лексико-словообразовательной точки зрения среди основного корпуса глаголов (глагольных лексем) выделяются первичные глаголы, непроеизводные для праславянского уровня, или корневые: **bosti*, **klasti*, **nesti*, **viti*, **čuti* и т. д., и вторичные двух видов — производные от имен: **bělēti*, **běliti* < **běľь*, **lixovati* < **lixь*, **nagotovati* < **nagota*, **strašiti* < **straxь* и т. д. и отглагольные, производные — от первичных глаголов: **bodati* < **bosti*; **padati* < **pasti*; **bodnŋti* < **bosti*, **badati*; **mignŋti* < **migati*; **nositi* < **nesti* и т.п. и от вторичных глаголов: **lipnŋti*, *ľpnŋti* < **lipěti*, **lipati* < **ľpti* [ЭССЯ 15: 119]; **nalivati* < **naliti* < **liti*; **nasilovati* < **nasiliti* < **siliti* < **sila* и т. п. Производные глаголы (как отыменные, так и отглагольные) во

многих случаях сохраняют отчетливую семантику и функцию (значения каузативности, инхоативности, дуративности, итеративности и др.) и потому могут рассматриваться как полноценные словообразовательные типы; некоторые из них сохраняют продуктивность в истории славянских языков вплоть до нашего времени. Таковы, например, глаголы на *-i* с семантикой каузатива, соотносительные с однокоренными ятевыми глаголами, имеющими стативное или процессуальное значение (ср. **černiti* и **černěti*), или однократные глаголы на *-nq* с инхоативным значением (ср. **kričati* и **kriknqti*), имперфективные дериваты от перфективных глаголов: **pasti* — **padati*, **jъzbęgti* — **jъzbęgati*, **jъzbaviti* — **jъzbavjati*, **naduti* — **naduvati*, **kusiti* — **kušati*, **nastqpi* — **nastqpati* и т.п., итеративные дериваты от глаголов разных семантических классов типа **-goditi* — **-gadjati*, **nalępiti* — **nalępjati* и т.п. Однако многие глагольные основы (особенно в отдельных славянских языках) остались вне этих продуктивных типов и утратили свою исходную семантическую функцию и связь с производящими именами или глаголами либо были втянуты в продуктивные типы глаголов с другими видами основ.

Тем не менее общая система отношений между разными типами праславянских глагольных основ выглядит достаточно стройной: большинство глаголов имеет свои однокоренные параллели в нескольких других глагольных классах, так что этимологическое гнездо, в которое входит глагол, оказывается оснащенным разными (иногда многими) типами основ. Примеры такой «многоосновности» можно в изобилии почерпнуть из этимологических словарей: **bęgti* — **bęgati* — **bęgnqti* — **bęžati*, **blazněti* — **blazniti* — **blaznovati*, **blęsti* — **blędati*; **čupati* — **čupiti* — **čupęti* — **čupnqti*, **dvigti* — **dvigati* — **dvignqti* — **dvizati* — **dvižati* — **dvižiti*; **glęsti* — **ględati* — **ględěti* — **ględiti* — **ględnqti*, **goldati* — **goldęti* — **golditi* — **goldovati*, **goręti* — **goriti* — **gorati* — **gornqti*, **gqsti* — **gqdati* — **gqděti* — **gqđiti*, **gręzti* — **gręzati* — *gręziti* — *gręznqti*, **gybati* — **gybęti* — **gybiti* — **gybnqti*, **jъzbęgti* — **jъzbęgati* — **jъzbęgnqti* — **jъzbęžati*, **kortati* — **kortęti* — **kortiti*, **krępiti* — **krępęti* — **krępnqti*, **krivati* (*se*) — *krivęti* — **kriviti* (*se*) — **krivjati* (*se*), **kysati* — **kysęti* — **kysiti* — **kysnqti*, **nastigti* — **nastigati* — **nastignqti*, **legti* — **legnqti* — **ležati* — **lęgati*, **sęsti* — **sędati* — **sęděti* и т.д. Это значит, что по существу мы имеем дело со своего рода парадигмой глагольных основ (в каждом отдельном случае более или менее полной), члены которой находятся между собой в отношении формальной и семантической производности. Теоретически от каждого первичного (корневого) глагола могут быть последовательно или параллельно образованы все типы основ, однако в действительности подобные парадигмы чаще всего неполны (или неравномерно запол-

нены): одни типы основ представлены массово, у многих глаголов, другие — только в некоторых гнездах. Так во всяком случае выглядит картина лексического распределения праславянских глагольных основ по данным общеславянских этимологических словарей.

Прежде чем обратиться к материалу, необходимо уточнить понятие глагольной основы. Принято говорить, что каждый праславянский глагол как единица лексической системы имеет две основы — презентную, от которой образуются личные формы наст. вр., императива и прич. наст. вр., и — претеритную (или аористную, или основу инфинитива), от которых образуются все остальные формы глагола (личные формы аориста, имперфекта, инфинитива, причастий прош. вр.). В дальнейшем нас будет интересовать не морфология глагола, а глагол как лексическая единица, поэтому мы будем исходить из «словарной» формы, т. е. инфинитива, но в случае неоднозначности инфинитивного исхода будем учитывать также презентные основы. Например, инфинитив на *-ati* может принадлежать как глаголам типа **pisati, pišq* (**а-основы**), так и глаголам типа **čitati/čitajq* (**aj-основы**) и **minovati/minujq*, **risovati/risujq* (**ovaj-основы**), каждый из которых имеет не только свои формальные (морфонологические) особенности в парадигмах спряжения, но и разные соотношения с основами других глагольных лексем своего гнезда. Так же приходится различать основы на *-ěti* типа **kypěti/kypl'q* (**ě-основы**) и типа **bolěti/bolějq* (**ěj-основы**), основы на твердый сонорный типа **derti/dьrq*, **perti/pьrq* (**R-основы**) и основы на мягкий сонорный типа **borti/bor'q*, **kolti/kol'q* (**R'-основы**), многочисленные основы на *-iti* типа **groziti/grožq*, **prositi/prošq* (**i-основы**) и основы глаголов на *-iti* типа **biti/bьjq*, **liti/lьjq* (**корневые основы**) и некоторые другие подгруппы внутри инфинитивных основ одного вида¹. Между разными типами глагольных основ существуют более или менее регулярные деривационные отношения.

1. Начнем с первичных глаголов **«корневого»** типа с атематической инфинитивной основой (имеющих в презенсе тематический гласный *e*).

1.1. К ним относятся прежде всего глаголы с консонантной основой (**С-основы**), т. е. глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на со-

¹ ЭССЯ в глагольных статьях не указывает презентных форм, а имеющийся материал разных языков не всегда позволяет их восстановить и тем самым определить тип глагольной основы. В отличие от него, SP последовательно приводит презентные формы и тем самым однозначно определяет тип основы, однако основания для подобной реконструкции не всегда очевидны (как по причине неизбежной неполноты материала, так и по причине позднейшего взаимовлияния и смешения разного типа основ). Это же касается видовой характеристики глаголов, которая дается в [Кореšný 1981], но отсутствует в [SP] и [ЭССЯ].

гласный плюс *-ti*: **bagti*, **bergti*, *bęgti*, **bļęsti*, **bl'usti*, **bosti*, **brestī*, **čękti*, **čerti*, **čersti*, **čisti/čьtq* **čьlpti*, **čьrsti/čьrtq*, **delbti*, **depsti*, **dvigti*, **gqsti*, **gnesti*, **grebti*, **gręsti/grędq*, **gręzti*, **gryzti*, **krasti*, **kvisti*, **legti*, **lękti*, **lęzti*, **melzti*, **mesti*, **mogti*, **nesti*, **pasti/padq*, **pasti/pasq*, **pekti*, **plesti*, **pъlзti*, **rekti*, **stigti*, **tekti*, **vesti*, **vezti*, **vęzti*, **zębsti*² и др.

Эти глаголы стоят первыми, исходными в деривационной цепочке праславянских глагольных основ. Они, как правило, не имеют производящих в рамках праславянского, но многие из них находят прямое соответствие за его пределами, прежде всего в балтийских и германских языках. С другой стороны, они могут быть производящими для многих других типов основ — **aj-основ**: **čьsti* > *čitati*, **bosti* > **bodati*, **pasti* > **padati*, **bęgti* > **bęgati*³, **dvigti* > **dvigati*, **sęsti* > **sędati*, **grebti* > **grebati* / **grębati*, **ě-основ**: **sęsti* > **sędęti*, **glęsti* > **ględęti*, **gqsti* > **gqđęti*, **i-основ**: **nesti* > **nositi*, **vezti* > **voziti*, **klasti* > **kladiti*, **lęzti* > **laziti*, **sęsti* > *saditi*, **pъlзti* > **polziti sę*, **borti sę* > **boriti sę*, **dъlbtī* > **dъlbiti*, **nq-основ**: **zębsti* > **zębnqti*, **gręzti* > **gręznqti*, **bosti* > **bodnqti*, **kvisti* > **kvitnqti*, **legti* > **lęgnqti*. При этом семантика тематических дериватов атематических основ и их оппозиция исходным глаголам не вполне четкая: иногда производящий и производный глаголы почти не отличаются по значению, следовательно, тематическое оформление служит лишь большей формальной «выразительности» и подключению к более регулярному классу: **bosti* — **bodati*, **dъlbtī* — **dъlbiti*, **gqsti* — **gqđęti*, **gręzti* — **gręznqti* (ср. рус. *стыть* и *стынуть*, *избежать* и *избегнуть*, *достичь* и *достигнуть* и т.п.)⁴, тогда как в других случаях дериват получает новое аспектуальное (акциональное) значение — разнонаправленного или повторяющегося действия (**vezti* — **voziti*) или однократного действия (**bosti* — **bodnqti*).

² Ср. рус. диал. *збѣти*, *збѣу*, *збѣшь* ‘мерзнуть, збѣнуть’ [СРНГ 12: 49].

³ Ср. мнение О. Н. Трубачева о соотношении форм **bęgti* и **bęgati*: «Несмотря на то, что здесь представлено несколько случаев совершенно очевидной вторичной репродукции <...> праславянской модели **bęg-ti* в новых условиях <...>, а также несмотря на то обстоятельство, что **bęgti* охватывает меньшее, сравнительно с **bęgati*, **bęzati* число славянских языков, следует именно форму **bęgti* считать основной и наиболее древней формой этого глагольного гнезда. Об этом говорят такие внутриславянские данные, как тенденция к имперфективности (и в целом — к развитию видовых отношений) славянских глагольных основ, причем выразителем дуративно-итеративного значения стало именно новообразование **bęgati*; далее о том же свидетельствует типологическое сравнение атематического (и следовательно — древнего) **bęg-ti* и тематизированного **bęgati* (инновация)» [ЭССЯ 2: 59].

⁴ Семантический параллелизм корневых атематических глаголов и глаголов на *-nq* облегчается формальным совпадением их парадигм при усечении *nq* (ср. рус. *достиг* — и от *достичь*, и от *достигнуть*).

Как видим, в перечне производных от корневых основ отсутствуют *а*-основы и *ěj*-основы. Для глаголов с *а*-основой объяснение состоит в том, что они наравне с корневыми глаголами чаще всего выступают как первичные, непроединительные для праславянского состояния, и сами служат производящими для других типов (подробнее см. ниже).

Тем не менее следы былой связи *а*-основ (и других тематических основ) с корневыми глаголами в некоторых случаях реконструируются на основе косвенных свидетельств — данных внешнего сравнения, внутренних системных отношений или каких-то «аномалий» формального характера. Так, в ЭССЯ реконструируется глагол с консонантной основой ***česti* (к **česati*)⁵, сопоставимый с лит. *kàstu, kasù* ‘рыть’ и поддерживаемый другими деривативными парами той же модели, например ***orti* — **orati* [ЭССЯ 4: 86]. Несколько тематических глаголов, для которых не засвидетельствованы производящие корневые глаголы, тем не менее в отдельных своих формах указывают на возможность своего происхождения от них. Таковы реликтовые формы страдательных причастий наст. вр. (впоследствии превратившиеся в прилагательные): **olkomъ* (рус. *лакомый*), соотносимое с **olkati*, **vëdomъ* (рус. *неведомый*, пол. *wiadomy*), соотносимое с **vëdati*, которые, однако, закономерны только для незасвидетельствованных корневых глаголов ***olkti*, ***vësti* (ср. [Фасмер 2: 453; Vaillant 1966: 115–116]). По образцу корневых глаголов образованы также рус. *искомый* от **jъskati*, пол. *niewidomy* ‘слепой’ от **vidëti* (при «правильном» рус. *видимый*)⁶, ср. «правильное» причастие *rzekomy* от корневого глагола **rekti*. Вероятно, к этому ряду можно было бы добавить причастие ***pitomъ* (ср. рус. *питомец, питомник*), соотносимое с гла-

⁵ Здесь и далее двойным астериском отмечены праславянские формы, реконструируемые на основании косвенных данных и не имеющие прямого отражения в славянских языках.

⁶ Недавно А. А. Гиппиус обратил внимание на др.-рус. формы причастий наст. вр. *видучи, завидуочи* в надписи-граффито XII в. из Новгородского Софийского собора, которые он истолковал как формы глагола *видѣти*, образованные по атематическому типу, и указал на аналогичные формы в новгородских грамотах и в летописях, а также в чешском языке [Гиппиус 2017]. К этому можно добавить, что подобные формы от незасвидетельствованной в свободном употреблении атематической основы (***visti < vid-ti*) хорошо известны в русских говорах: арханг. *видущей* ‘представительный, дородный’, *видомость* ‘возможность видеть’, *видость* ‘зрительный опыт, увиденное во очию’ [АОС 4: 93], пск. *видущий, видучий* ‘обладающий зрением, зрячий’ и ‘видный, заметный’ [ПОС 4: 13], забайкальск. *видущий* ‘обладающий зрением’: «Он тёмный, а мы видущие» [Юмсунова: 78], влад. *завидующий* ‘привлекательный’: «Завидуши семяны в поле — горох да репа, в народе — вдова да девка» (пословица); арханг., яросл., костром., волог., сиб., алт. *завидость* ‘зависть’, смол. ‘жадность’ [СРНГ 9: 315].

голом **pitati*, но формально восходящее к незасвидетельствованному атематическому ***pisti* (*pit-ti*). Глагол **orati* ‘пахать’ имеет в славянских языках двойные формы — по типу *a*-основ (**orati*, *orǫ*) и по типу атематических основ (**orati*, *orǫ*), ср. рус. диал. *Дураков не сеют, не орют, они сами родятся и Пахут плугом, а орут оралкой* [СРНГ 23: 329]⁷, чеш. *orat*, *ori* при словац. *orat'*, *orie* и т. п., что дает основание этимологам реконструировать незасвидетельствованную праславянскую основу **orti*, находящую соответствие в лит. *árti*. См. [Boryś 2005: 394; ЭССЯ 32: 106–110].

Аномальная парадигма русских *i*-глаголов *ошибиться*, *ушибиться* (*ошибётся*, *ушибётся*, *ошибся*, *ушибся*) указывает на исходный глагол с консонантной основой ***šibti*, для которого такие личные формы были бы стандартны. В ряде случаев корневые глаголы с консонантной основой, утраченные в литературном языке, сохраняются в диалектах, например, в русских диалектах отмечены *бечь*, *бечи*, *бегти*, *бегчи*, *густы*, *ревти* и т. п.; о закономерности последних двух форм свидетельствуют «аномальные» личные формы: *гудёт* («Идёт-гудёт зеленый шум») — форма, закономерная для атематического глагола, но не для ятевого глагола *гудеть* (ср. *свистеть* — *свистит*), а также формы *ревёт*, *ревут*, невозможные для глагола *реветь* (< **r'uti* — **revǫ*): должно быть **ревит*, **ревят* и т. п. (см. [Толстая 2006]). При этом не исключено, что некоторые из подобных форм могли возникать вторично, по образцу других атематических глаголов с консонантной основой, но и в этом случае они лишь подтверждают устойчивость праславянской модели⁸.

Что касается отсутствия *ěj*-глаголов среди дериватов от атематических основ, то это объясняется тем, что они, как правило, имеют в качестве производящих не глаголы, а имена. В отличие от них, среди *i*-глаголов, которые тоже в большинстве случаев производны от имен, некоторые могут соотноситься с корневыми глаголами, когда они связаны с семантикой многократности или разнонаправленности действия: **nesti* > **nositi*, **vesti* > **voditi*, **vezti* > **voziti* и т. п.

В качестве первичного глагола консонантные основы могут иметь дублетные образования с *nǫ*-основой: **bagti* — **bagnǫti*, **dvigti* — **dvignǫti*, **kvisti* — **kvitnǫti*, **zēbsti* — **zēbnǫti* и т. п.

В семантическом плане тематические дериваты корневых глаголов по-разному соотносятся со своими производящими: *aj*-основы,

⁷ Омонимичный глагол **orati* ‘кричать’, который ЭССЯ тоже относит к праславянскому фонду, образует личные формы и причастия наст. вр. по образцу атематических глаголов (*ору*, *орут*, *орущий*).

⁸ А. Мейе среди глагольных форм, восходящих к атематическому типу основ, указывает, помимо причастий *лакомъ* и *видомъ*, еще ст.-слав. причастие горѣще, чеш. *horoucí*, пол. *gorący* [Мейе 2011: 164].

когда они образуются от перфективных консонантных основ, получают имперфективное значение (**pasti* — **padati*), когда они образуются от имперфективных основ — итеративное значение; дериваты с *i*-основами имеют имперфективное или итеративное значение (**vezti* — **voziti*); дериваты с *nq*-основами регулярно получают инхоативное значение; тогда как в остальных случаях (дериваты с *ĕ*-основами и *i*-основами) семантические отношения между производящими и производными не столь регулярны; в некоторых парах производные почти синонимичны производящим основам, ср. **gqsti* — **gqđeti*, **borti se* — **boriti se*, **dylbti* — **dylbiti*, почему впоследствии один из членов таких пар утрачивался или оттеснялся на периферию (в просторечие, диалекты и т. п.). См. [Толстая 2006].

1.2. Корневые глаголы с основой **на сонорный** представлены в праславянском двумя вариантами — твердым в презенсе (**derti* / *dbrq*, **meriti* (*mьrti*) / *mьrq*, **perti* / *pьrq*, **terti* / *тьrq*, **verti* / *вьrq*, **žerti* / *žьrq*) или мягким в презенсе (**borti* / *bor'q*, **koliti* / *kol'q*, **melti* / *mel'q*, **porti* / *por'q*). Первые из них, как уже упоминалось, имеют дублетные инфинитивы на *-ati* (**derti* — **dbrati*, **perti* — **pьrati*) и образуют через стадию префиксации имперфективы-итеративы с *aj*-основами (*-dirati*, *-mirati*, *-pirati*, *-tirati*, *-virati*, *-žirati*). Глагол **bьrati* / *berq* с твердым сонантом в исходе основы имеет аномальный для этого типа основ инфинитив на *-ati* и образует стандартный имперфектив *-birati*; в отличие от **dbrati* у него нет консонантного варианта инфинитивной основы. Вторые образуют презентные формы по образцу *a*-основ (ср. рус. *колю*, *колющий* аналогично *пишу*, *пишущий*).

Корневые глаголы с носовыми гласными в основе инфинитива и сонорными в презентной основе: **doti* / *dьmq*, **četi* / *чьmq*, **jēti* / *jьmq*, **klēti* / *klьmq*, **mēti* / *мьmq*, **pēti* / *пьmq*, **žēti* / *žьmq*, **žēti* / *žьmq* — образуют имперфективы на *-ati* с *aj*-основой: *-dymati*, *-činati*, *-klinati*, *-minati*, *-pinati*, *-žimati*, *-žinati*.

1.3. Корневые глаголы с **вокалической основой** инфинитива и йотовой основой презенса: **biti*, **briti*, **čati*, **čuti*, **duti*, **gniti*, **grēti*, **kryti*, **liti*, **myti*, **nyti*, **pēti*, **piti*, **ryti*, **smēti*, **spēti*, **šyti*, **tyti*, **viti*, **znati*, **žiti* и т. п. — в качестве производных имеют, кроме приставочных перфективов, имперфективы с суффиксом *-vati*/*-vajq*, присоединяемым непосредственно к корневому гласному: *-bivati*, *-brivati*, *-čuvati*, *-duvati*, *-gnivati*, *-grēvati*, *-kryvati*, *-livati*, *-myvati*, *-nyvati*, *-pēvati*, *-pivati*, *-ryvati*, *-spēvati*, *-vivati*, *-znavati*, *-živati*.

1.4. К корневым глаголам относятся также несколько глаголов на *-ati*, имеющие аналогичную с рассмотренными выше глаголами на сонорный и йот презентную парадигму: **gьnati* / *ženq*, **lьgati* / *lьgq*, **sьsati* / *sьsq*, **sьrati* / *serq*, **tьkati* / *tьkq*, **zьvati* / *zovq*, **žьdati* / *žьdq*, **žьrati* / *žerq*. В некоторых случаях они имеют параллельные фор-

мы инфинитива с консонантной основой, например **derti* — **dъrati*, **žerti* — **žъrati*, однако между ними не устанавливается отношение производности и обе они выступают как первичные основы, ср. мнение О. Н. Трубачева, согласно которому глагол **dъrati* «едва ли имеет смысл воспринимать как некую тематизацию в славянском духе, скорее мы имеем здесь использование аористической основы и.е. **drā-*» [ЭССЯ 5: 218]⁹.

Таким образом, из корневых глаголов наиболее продуктивными в системе праславянского глагольного основообразования оказываются глаголы с консонантной основой (С-глаголы), могущие служить производящими практически для всех других видов основ. Вместе с тем архаичностью этого типа объясняется утрата многих конкретных консонантных основ или их замена «ближайшими» производными — с а-основами (***orti* > **orati*, *orъ*, ***česti* > **česati*, *češъ*), *aj*-основами (***olkti* > **olkati*) или *nъ*-основами (**bagti* > **bagnъti*, **dvigti* > **dvignъti*, **vęzti* > **vęznъti*), что не исключает возможности вторичного образования глаголов этого типа, не засвидетельствованных в праславянском, в отдельных славянских языках (ср. рус. диал. арх. *грабти*, *прозебти*, *conти* и т. п.).

2. Глаголы с **а-основой**, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ati* и имеющие в презенсе тематический гласный *e*¹⁰ с йотацией конечного согласного основы (**pisati* — *pišъ*, *pišetъ*, **plakati* — *plačъ*, *plačetъ*), как уже было сказано, в большинстве случаев, наряду с корневыми основами, возглавляют деривативную цепочку глагольных основ и служат производящими для многих других типов основ, при этом для некоторых из них известны или реконструируются производящие корневые инфинитивы, т. е. сами они являются производными (вторичными).

Они выступают в основном в качестве первичных глаголов и во многих случаях имеют соответствия в других и.е. языках (или только в балтийских): **batati*, **čapati*, **čepati*, **česati*, **čupati*, **depъsati*, **divati* (*div'ъ*), **drēmati*, **dristati*, **dvoxati*, **glamati*, **glodati*, **gvizdati*, **jachati*, **jъskati*, **klepati*, **klikati*, **kolēbati*, **kresati*, **kazati*, **lizati*, **maxati*, **mazati*, **metati*, **olkati*, **orati*, **pisati* (*pъsati*), **plakati*, **plęsati*, **ręzati*, **skakati*, **sypati*, **sъlati*, **stъlati*, **ščipati*, **svistati*, **tesati*, **trepati*, **trepetati*, **tykati* и т. п. Сюда же относятся глаголы с йотовым исходом корня: **bajati*, **brujati*, **smějati sę* и т. п. Будучи ма-

⁹ Однако в случае имперфектива **dirati* (от **derti* / **dъrati*) мы имеем дело именно с тематизацией консонантной основы как средством основообразования, когда эта тематизация приводит к образованию основы другого типа (*aj*-основы).

¹⁰ Три глагола на *-ati* аномально имеют в презенсе тематический гласный *i*: **sъpati* — *sъpjo*, *sъpitъ*, **sъcati* — *sъcitъ*, **bojati sę* — *boitъ sę*.

лопродуктивными и сравнительно немногочисленными, *a*-основы тем не менее хорошо сохранились в большинстве славянских языков.

В качестве вторичных *a*-основы могут быть дериватами *C*-основ: **jьmati* < **je̯ti*, **čitati* < **čisti*, **vezati* < **vezti*, для некоторых из них с разной степенью убедительности реконструируются незасвидетельствованные корневые основы (см. выше). Единственно где *a*-основы обнаружили продуктивность, это звукоподражательные и экспрессивные глаголы: **babrati*, **balamotiti*, **blebetati*, **blemotati*, **blykati*, **bolbotati*, **bobotati*, **brechati*, **brekati*, **brekotati*, **brъsati*, **brъmotati*, **buchati*, **brъblati*, **drebrъtati*, **druzgotati*, **dъpotati*, **ękotati*, **gogotati*, **golgolati*, **golgotati*, **gromotati*, **ščebetati*, **šъrъtati* и т. д. В отыменной деривации *a*-основы практически не участвуют.

Наиболее тесно *a*-основы связаны с *aj*-основами и во многих случаях составляют с ними параллельные образования (особенно в звукоподражательных и экспрессивных глаголах): **bekati* — *bečq* и *bekajq*; **brъsati* — *brъšq* и *brъsajq*; **brekotati* — *brekočq* и *brekotajq*; **brezgati* — *brežďžq* и *brezgjajq*; **brukati* — *bručq* и *brukajq*, **bukati* — *bučq* и *bukajq*; **cipati* — *cip'q* и *cipajq*; **drapati* — *drap'q* и *drapajq*; **duxati* — *dušq* и *duxajq*; **dъrъtati* — *dъrъčq* и *dъrъtajq*; **gasati* — *gašq* и *gasajq*; **globati* — *glob'q* и *globajq*; **гъмъzati* — *гъмъžq* и *гъмъzajq*; **klokatati* — *klokočq* и *klokotajq* и т. д. Семантически они оказываются тождественными, и можно сказать, что *aj*-основы при своей явной продуктивности (в том числе за счет вторичной имперфективации) замещают непродуктивный тип *a*-основ, принимая на себя обобщающую (не специализированную) акциональную семантику глагола. Эта тесная взаимосвязь двух типов глагольных основ дает о себе знать до сих пор: ср. колебания в рус. парах *махаю* (*aj*-основа) и *машу* (*a*-основа), *метаю* и *мечу*, *распахая* и *распаху* и т. п.

Для отдельных *a*-глаголов отмечается семантический параллелизм с *i*-глаголами и *ě*-глаголами: **batati* — **batiti*, **gamati* — **gaměti* — **gamiti*, **golgolati* — *golgolěti* — **golgoliti*, **gogъnati* — **gogъniti*, **gorati* — **gorěti*, **гъмzati* — **гъмzěti* — **гъмziti*, **kresati* — **kresiti*, **krěvati* — **krěviti*. В некоторых случаях глаголы с *a*-основами выполняют роль имперфективов-итеративов по отношению к *no*-основам: **bekati* — **bekno̯ti*, **blyxati* — **blyxno̯ti*, **brъsati* — **brъsno̯ti*, **capati* — **capno̯ti*, **čapati* — **čapno̯ti*, **čepati* — **čepno̯ti*, **česati* — **česno̯ti*, **čupati* — **čupno̯ti*, **drěmati* — **drěmno̯ti* и т. д., однако маркированными (и, следовательно, производными) здесь выступают вторые члены указанных пар с инхоативным значением.

3. Глаголы с **ě-основой**, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ěti* и имеющие в презенсе тематический гласный *i* (**brъděti*, **bolěti* (*болить*), **gorěti*, **gōděti*, **grměti*, **kypěti*, **letěti*, **polěti*, **sěděti*, **svъrběti*, **тъrpěti*, **velěti*, **viděti*, **visěti*, **въrtěti*, **zvъněti*), подобно многим

a-глаголам, относятся к первичному глагольному фонду и обычно находят соответствие в балтийских языках. Они еще малочисленнее, чем *a*-глаголы, и лишь единичные из них могут считаться производными, вторичными по отношению к корневым глаголам, ср. **bēžati* (**bēgēti*) < **bēgti*, **gōdēti* < **gōsti*, **sēdēti* < **sēsti*. В. А. Дыбо рассмотрел несколько праславянских глаголов с *ě*-основой, у которых не зафиксированы производящие корневые (атематические) основы, но которые сохраняют типичные для корневых глаголов тематические презентные формы (главным образом причастия наст. вр.): **do-vlēti* (ст.-слав. довьлеть), **gorēti* (ст.-слав. горѣшти), **letēti* (др.-рус. летуца, рус. летучий), **vbrēti* (ц.-слав. впроуц-), **bēgēti* (> *bēžati*), ср. рус. бегу, бегут; менее очевидно «вхождение в эту группу глаголов, у которых наряду с *ě*-основой инфинитива уже в старославянском была зафиксирована корневая основа: власти, процвисти» в соответствии с праславянскими формами инфинитива **voldēti*, **kvētēti* [Дыбо 2011: 145–146]¹¹.

Формы презенса *ě*-основ совпадают с презентной парадигмой *i*-основ, поэтому уже в праславянском эти два типа могли быть параллельными и семантически эквивалентными, ср. **čadēti* — **čaditi*, **čytēti* — **čytiti*, **dbržati* (< **dbrgēti*) — **dbržiti*, **gomēti* — **gomiti*, **gomonēti* — **gomoniti* (оба < **gomonь*), **gōdēti* — **gōditi*, **gymēti* — **gymiti* и т. п.¹² С другой стороны, некоторые из *ě*-основ имеют параллельные *aj*-основы: **glēdēti* — **glēdati*, **letēti* — **letati*, **sēdēti* — **sēdati*, **skripēti* — **skripati*, **svistēti* — **svistati*, **vidēti* — **vidati*.

К этому типу основ относятся также глаголы на *-ati* (< *-ēti*) с шипящими (исторически — заднеязычными) в исходе основы: **dbržati* (< **dbrgēti*) — *dbržitь*, **bažati* — *bažitь*, **bēžati* — *bēžitь*, **čurčati* — *čurčitь*, **dyšati* — *dyšitь*, **ležati* — *ležitь*, *slyšati* — *slyšitь*, **gorčati* — *gorčitь* (< **gorьkь*).

4. Глаголы с *aj*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ati* и имеющие в презенсе тематический гласный *e* (**čitati* — *čitajō*, *čitajetь*, **padati* — *padajō*, *padajetь*) составляют, вероятно, самый многочисленный класс, получивший продуктивность уже в праславянском, благодаря своей роли в системе видообразования (имперфективации). Среди них сравнительно мало первичных глаголов: **jьgrati*, **xvatati*,

¹¹ Ср. многочисленные русские литературные и диалектные формы подобного типа: ревучий, смердучий, гремучий, кипучий, скрипучий, терпучий, летучий, вертучий, свистучий и т. д. [Инверсионный индекс 2000].

¹² Ср. у Мандельштама: «А ведь раньше лучше было, / И, пожалуй, не сравнишь, / Как ты прежде шелестила, / Кровь, как ныне шелестить». Первая из выделенных мной глагольных форм построена по типу *i*-основ, вторая нормальна как для *i*-основы, так и для *ě*-основы, к которой в литературном языке принадлежит глагол шелестеть (форма прош. вр. шелестела).

kpsati*, **laskati*, **motati*, **pleskati*, **pytati* и нек. др. Вторичность, производность характеризует даже самые старые глаголы этого типа, которые оказываются либо отыменными дериватами (čьrtati* < **čьrta*, **dělati* < **dělo*, **dolati* < **dola*), либо дериватами с итеративно-дуративным или имперфективным значением от глаголов с разным видом основы, в том числе от **корневых** (**badati* < **bosti*, **barati* < **borti*, **běgati* < **běgti*, **birati* < **брьati*, **bivati* < **biti*, **čitati* < **čisti*, **děbati* < **debsti*, **dirati* < **derti*, **gnětati* < **gnesti*, **grěbati* < **grebti*, **kupati* < **kupiti*, **klikati* < **klikti*, **legati* < **legti*, **magati* < **mogti*, **načinati* < **načeti*, **pinati* < **pēti*, **rěkati* < **rekti*, **trēsati* < **trēsti*, **tinati* < **tēti*; -*kryvati* < **kryti*, **myvati* < **myti*, **žimati* < **žeti*), **ѣ-глаголов** (**bydati* < **бьдѣti*, **gorati* < **горѣti*, **kypati* < **кьпѣti*, **zirati* < **зьрѣti*), **і-глаголов** (**bavjati* < **baviti*, **xadjati* < **xoditi*, **gan'ati* < **goniti*, **gadjati* < **goditi*, **glušati* < **glušiti*, **gnušati* < **gnušiti*, **grožati* < **groziti*, **končati* < **končiti*, **lěp(j)ati* < **lěpiti*, **učati* < **učiti*), **нѣ-глаголов** (**čezati* < **čeznōti*, **drъgati* < **drъgnōti*, **glědati* < **glědnōti*, **lipati* < **lipnōti*, **mekati* < **meknōti*, **visati* < **visnōti*, **vykati* < **vyknōti*).

К этому же типу основ относятся глаголы на **-vati**, разделяющиеся на две морфонологические группы: глаголы на **-ovati** (**-evati/-ъvati**), преобразующие в презенсе *ov* (*ev*, *ъv*) в *uj* (**bl'ъvati*, *bl'ujō*; **radovati sę*, *radujō sę*), и имперфективы-итеративы на **-ivati** (**-yvati**), не отличающиеся от вторичных имперфективов «стандартных» *aj*-глаголов. Глаголы первой группы представляют собой либо первичные глагольные типы: **bl'ъvati*, **klъvati*, либо вторичные — отыменные дериваты: **bičevati* < **бичь*, **cělovati* < **cělъ*, **čarovati* < **čarъ*, **čьstovati* < **čьstъ*, **darovati* < *darъ*, **dědovati* < **dědъ*, **děverovati* < **děverbъ*, **děvovati* < **děva*, **divovati* < **divъ*, **dobrovati* < **dobrъ*, **domovati* < **domъ*, **gadovati* < **gadъ*, **gostevati* < **gostъ*, **mozgovati* < **mozgъ*, **milovati* < **milъ*, **radovati sę* < **radъ* и т.п. или отглагольные дериваты: **davati* < **dati*, **kameněvati* < **kameněti*, **livati* < **liti*. Глаголы второго типа регулярно соотносятся с несколькими видами производящих основ: **а-основ** (**kazyvati* < **kazati*), **aj-основ** (**čityvati* < **čitati*, **xvatyvati* < **xvatati* и т.п.), **і-основ** (**xvalivati* < **xvaliti*, **manivati* < **maniti*) и др.

В своем общем значении, не маркированном с точки зрения аспектуальности (акциональности), *aj*-глаголы нередко обнаруживают параллелизм с другими типами основ — *i*-глаголами, *ѣj*-глаголами, *ѣ*-глаголами, *нѣ*-глаголами: **apati* — **apēti* — **apiti*, **avati* — **aviti*, **bajati* — **bajiti*, **běsedovati* — **běsediti*, **botati* — **botiti*, **bratati* — **bratiti*, **brъzati* — **brъziti*, **capati* — **capiti*, **dryxati* — **dryxnōti*, **xvatati* — **xvatiti*, **gabati* — **gabiti*, **gan'ati* — **goniti*, **glědati* — **glědēti*, **glōbati* — **glōbiti*, **glъzdati* — **glъzdēti* — **glъzditi*,

*gnětati — *gnětiti, *gněvati — *gněviti, *goldati — *golděti — *golditi — *goldovati (< *goldъ), *gotovati — *gotoviti, *grabati — *grabiti, *grakati — *gračiti, *grudati — *gruditi — *gruděti, *gubati — *gubnōti, *gvarati — *gvariti, *gybati — *gyběti — *gybnōti, *gъmъzati — *gъmъziti — *gъmъzěti, *kapati — *kapiti, *katati — *kotiti, *klopati — *klopiti, *kortati — *kortěti — *kortiti (< *kortъ), *kysati — *kysěti, *lazati — *laziti, *lomati — *lomiti и т. п.

5. Праславянские глаголы с **ěj-основой**, оканчивающиеся в инфинитиве на -ěti и имеющие в презенсе тематический гласный *e* (*bělěti — bělějetь, *bolěti — bolějetь, *gověti — govějetь, *jъměti — jъmějetь, *odolěti — odolějetь, *uměti — umějetь, *zъrěti — zъrějetь), обнаруживают продуктивность главным образом в сфере отыменной деривации, где они выступают в паре с **i-глаголами**. Эти два типа основ составляют семантическую оппозицию по признаку стативности, состояния ('быть, выглядеть, становиться каким-л., чем-л., кем-л.') и — каузативности ('делать каким-л., чем-л., кем-л.'): *bělěti — *běliti (< *bělъ); *bermeněti — *bermeniti (< *bermę), *blazněti — *blazniti (< *blaznъ), *bogatěti — *bogatiti (< *bogaty), *cělěti — *cěliti (< *cělъ), *čěrněti — *čěrniti (< *čěrnъ), *čъrstvěti — *čъrstviti (< *čъrstvъ), *debelěti — *debeliti (< *debelъ), *dobrěti — *dobriti (< *dobrъ), *durěti — *duriti (< *durъ), *ędrěti — *ędriti (< *ędro), *gladěti — *gladiti (< *gladъ), *glupěti — *glupiti (< *glupъ), *gostěti — *gostiti (< *gostъ), *koreněti — *koreniti (< *korenъ), *korěti — *koriti (< *kora), *krasěti — *krasiti (< *krasa), *kurěti — *kuriti (< *kurъ), *mokrěti — *mokriti (< *mokrъ) и т. п. Разумеется, существуют и непарные дериваты этих типов, ср. *blěděti (< *blědъ), *bolěti (< *bolъ), *cěpěněti (< *cěpěnъ) с **ěj-основой**, с одной стороны, и *bagriti (< *bagrъ), *babiti (< *baba), *blazniti (< *blaznъ), *bliziti, *bližiti (< *blizъ), *bočiti (< *bokъ), *bolžiti (< *bolgъ), *cěniti (< *cěna) с **i-основой** — с другой.

6. Глаголы с **i-основой**, оканчивающиеся в инфинитиве на -iti и имеющие в презенсе тематический гласный *i*, отличаются высокой продуктивностью. Об их активности в сфере отыменной деривации было сказано выше. К приведенному перечню можно добавить имперфективы: *besěditi < *besěda, *běditi < *běda, *blqđiti < *blqđъ, *borniti < *borna, *bъdriti < *bъdrъ, *čistiti < *čistъ, *diviti < *divo, *dostatčiti < *dostatъkъ, *doržiti < *dorgъ, *drqčiti < *drqkъ, *družiti < *drugъ, *ętriti < *ętro, *ějziti < *ějza, *gatiti < *gatъ, *gněviti < *gněvъ, *gnězditi < *gnězdo, *gnojiti < *gnojъ, *goliti < *golъ, *golsiti < *golsъ, *gorditi < *gordъ, *graniti < *grana, *grěšiti < *grěxъ, *gromiti < *gromъ, *groziti < *groza, *grustiti < *grustъ, *gvozđiti < *gvozđъ и еще немалое число отыменных дериватов. Им соответствуют регулярные префиксальные перфективы: *naučiti, *poraziti, *zasloniti и т. п. Лишь немногие **i-глаголы** выражают перфективность в своем исходном,

бесприставочном виде: **aviti*, **kupiti*, **pustiti*, **rešiti*, **skočiti*, **stq̃piti*, **vortiti*; несколько глаголов являются двувидовыми: **raniti*, **rešiti*.

Другой областью активности *i*-основ является образование каузативных глаголов, как от имен, так и от глаголов: **baviti*, **buditi*, **daviti*, **dēliti*, **drobiti*, **gasiti*, **goniti*, **grq̃ziti*, **gubiti*, **kaditi*, **kropiti*, **lēpiti*, **lomiti*, **loviti*, **ložiti*, **lupiti*, **maniti*, **močiti*, **moriti*, **pojiti*, **raniti*, **rušiti*, **saditi*, **točiti*, **učiti* и т. д. Ряд старых имперфективов этого типа относится к древнейшему глагольному фонду и имеет соответствия в других и.-е. языках: **blq̃diti*, **broditi*, **činiti*, **grabiti*, **groziti*, **xvaliti*, **xoditi*, **kropiti*, **mēsiti*, **prositi*, **orbiti*, **slēditi*, **svētiti*, **služiti*, **tratiti*, **ivoriti* и др. В этой функции *i*-основы количественно значительно превышают другие типы основ. По типу *i*-основ образуются также многочисленные звукоподражательные и экспрессивные глаголы: **bolboliti*, **bolbositi*, **bъrboriti*, **bъrbositi*, **buniti*, **bušiti*, **glomoziti*, **gomoniti* и т. п.

Еще одна, исторически древнейшая и узкая сфера присутствия этого типа основ — производные от корневых глаголов с разными аспектуальными оттенками значения — итеративности, недетерминативности и др.: **bl'uditi* < **bl'usti*, **broditi* < **bresti*, **gnētiti* < **gnesti*, **laziti* < **lēsti*, **nositi* < **nesti*, **otvoriti* < **otverti*, **voditi* < **vesti*, **voziti* < **veziti*.

Имперфективы и итеративы от самих *i*-глаголов образуются двойным способом — с суффиксом *a* (йотирующим) по типу *aj*-основ (**lēpiti* > **lēpljati*, **saditi* > **sadjati*) и с суффиксом *-uva/-iva* (**maniti* > **-manivati*, **nositi* > **-našivati*). Принцип выбора из этих двух моделей не до конца ясен, во многих случаях от одного и того же глагола возможны оба типа дериватов (**prositi* > **-prošati* и **-prašivati*; **saditi* > **sažati* и **-saživati*)¹³.

7. Глаголы с *nq̃*-основой, оканчивающиеся в инфинитиве на *-nq̃ti* и имеющие в презенсе тематический гласный *e*, составляют значительную по числу группу глаголов в праславянском и сохраняют продуктивность в истории отдельных славянских языков (вплоть до наших дней). Они являются прежде всего вторичными глаголами (за редкими исключениями, например, **gasnq̃ti*¹⁴), дериватами с более или

¹³ Для русского языка, во многом сохраняющего праславянскую модель имперфективации, правила выбора модели, как недавно установил А. А. Зализняк, определяются в подавляющем числе случаев акцентологическими характеристиками глагола (местом ударения в страд. причастии прош. вр.). См. [Зализняк 2016].

¹⁴ В ЭССЯ этот глагол признается первичным, продолжающим и.-е. форму с суф. *ne* [ЭССЯ 6: 104–105], тогда как в SP он трактуется как инхоатив к **gasiti* [SP 7: 59]. В пользу первой трактовки говорит то, что **gasiti* имеет явное каузативное значение ('делать так, чтобы нечто погасло').

менее отчетливым инхоативным значением и тем самым принадлежат системе видообразования, производя перфективы от разных типов основ (кроме *i*-основ) — **корневых**: **bodnŋti* < **bosti*, **seǵnŋti* < **-seǵti*, **dvignŋti* < **dvigti*, **legnŋti* < **legti* и т.п., ***a*-основ**: **lŋznŋti* < **lŋzati*, **maxnŋti* > **maxati*, **skaknŋti* < **skakati*, ***aj*-основ**: **bacnŋti* < **bacati*, **groxnŋti* < **groxati*, **klepnŋti* < **klepati*, **kliknŋti* < **klikati*, **kreŋnŋti* < **kretati*, **mignŋti* < **migati*, **motnŋti* < **motati*, **minŋti* (ср. **mijati*), **tisknŋti* < **tiskati*, **zěvnŋti* < **zěvati* и т.д., ***ě*-основ**: **bŋdnŋti* < **bŋdēti*, **kriknŋti* < **kričati* (< **krikēti*), **gybnŋti* < **gybēti*, **lepŋti* < **lŋpēti*, **mŋrznŋti* < **mŋržēti* (ЭССЯ 21: 164).

Имперфективное (а не инхоативное) значение имеют древние *nŋ*-глаголы, производные от корневых глаголов: **greŋnŋti* ‘погрязать’ (< **greŋti*), **kvitnŋti* ‘цвести’ (< **kvisti*), **zēbnŋti* ‘зябнуть’ (< **zēbsti*), реже от тематических глаголов, ср. **bagnŋti* ‘жаждать’ (< **bagati*), **visnŋti* ‘виснуть’ (< **visēti*), а также сравнительно немногочисленные деноминативы с процессуальным значением: **blēdnŋti* ‘бледнеть’ (< **blēdŋnŋ*), **glŋxnŋti* ‘глохнуть’ (< **gluxŋ*), **gorŋknŋti* ‘горкнуть, горчить’ (< **gorŋkŋ*), **gŋstnŋti* ‘густеть’ (< **gŋstŋ*), **kysnŋti* ‘киснуть’ (< **kys(ě)lŋ*), **krēpnŋti* ‘крепнуть’ (**krēpŋkŋ*), **moknŋti* ‘мокнуть’ (< **mokŋ*), **sŋxnŋti* ‘сохнуть’ (< **suxŋ*) и др.

Глаголы на *-nŋ* с инхоативным значением допускают дальнейшее основообразование путем префиксации, не меняющей тип основы, с дальнейшей имперфективацией, т. е. образованием вторичных имперфективов с новым типом основы. Вторичные имперфективы от приставочных перфективных *nŋ*-глаголов образуются по типу *aj*-основ с усечением форманта *nŋ* двояким способом: с суффиксом *a* (**-gybnŋti* > **-gybati*, **-kysnŋti* > **-kysati*, **-moknŋti* > **-mokati*, **-mŋknŋti* > **-mŋkati* и т.п.) или (реже) с суффиксом *-yva* (*-iva*): **-xlebnŋti* > **-xlebyvati*, **-lŋznŋti* > **-lizyvati* и т. п.

Приведенный обзор праславянских глагольных основ дает основание заключить, что распределение глаголов по классам основ (и соответственно типам спряжения) не является собственно распределением (т.е. закреплением каждого «лексического» глагола за определенным типом основы), а представляет собой в полной мере деривационную систему, в которой каждый «лексический» глагол характеризуется «многоосновностью», причем соотношение между разными основами в пределах словообразовательно-этимологического гнезда обладает свойством регулярности — как в формальном, так и в семантическом отношении.

Эта многоосновная система глагола скрепляется двумя основными факторами — регулярностью образования глаголов от имен и регулярностью видовых корреляций между основами. В области отыменного словопроизводства участвуют и взаимодействуют разные виды

основ. О продуктивности **деноминативов** с *ěj*-основами и *i*-основами и их семантической коррелятивности было подробно сказано выше. Менее продуктивны глаголы, образованные от имен и оформленные по другим типам основ (или по нескольким типам основ): **červenati* (< **červenъ*), **drozgati* (< **drozga*), **besēdovati* и **besēditi* (< **besēda*), **bičevati* (< **bičъ*), **bojevati* (< **bojъ*), **čarovati* (< **čarъ*), **časovati* (< **časъ*), **domovati* (< **domъ*), **drebnŋti* (< **dreбъ*), **dъrnovati* (< **dъrnъ*), **durovati* — **durēti* — **duriti* (< **durъ*), **ēsneŋti* — **ēsniŋti* — **ēsŋti* (< **ēsŋъ*), **godēti* — **goditi* — **godovati* (< **godъ*), **gostiti* — **gostevati* (< **gostъ*), **kupovati* (< **kupъ* ‘купля, покупка’) и т. п. Часть таких дериватов может представлять собой продукт «конденсации» устойчивых словосочетаний с соответствующими именами типа *вести беседу* > *беседовать*, *бичь бичом* > *бичевать*.

Главным фактором, обеспечивающим взаимодействие разных типов глагольных основ в праславянском языке, безусловно, является имперфективация и перфективация, связанные с формированием и все возрастающим значением **категории вида** в истории славянских языков: «Эволюция видовых отношений в славянских языках в течение их истории обнаруживает все большее стремление к универсализации этой категории и к подчинению всей глагольной системы (даже в ее неличных формах) видовой дихотомии. Этот процесс еще и сейчас не закончен полностью, хотя во всех славянских языках категория вида стала уже определяющей и основной» [Топоров 1961: 48]. Абсолютное большинство бесприставочных праславянских глаголов — имперфективы и лишь несколько глаголов с разными типами основ имеют перфективное значение: среди атематических глаголов это **pasti/padŋ* (в отличие от **pasti/pasŋ*), **legti*, **rekti*, среди тематических — это *i*-глаголы: **aviti*, **kupiti*, **pustiti*, **rěšiti*, **skočiti*, **stŋpiti*, **vortiti*, а также **minŋti*. Главным средством перфективации является префиксация, при которой тип основы не меняется, а также присоединение суффикса инхоативности *nŋ*, при котором глагол получает новый тип основы.

Высокой продуктивностью в праславянском отличается вторичная имперфективация с помощью суффиксов и изменения типа основы, остающаяся актуальной до нашего времени. От части корневых глаголов вторичные имперфективы образуются путем трансформации их в *i*-основы (**nesti* > **nositi*, **vesti* > **voditi*, **vezti* > **voziti* и др., см. выше) или *aj*-основы (**bęgti* < **bęgati*, **bosti* > **bodati*, **čisti* > **čitati*, **dvigti* > **dvigati*, **pasti* > **padati*, **stigti* > **-stigati* и т.д.); этот же способ характерен для ряда *nŋ*-глаголов с процессуальным значением: **-gasnŋti* > **-gasati*.

Вторичная имперфективация префиксальных глаголов происходила путем суффиксации и оформления глаголов по типу *aj*-основ;

она затронула все типы производящих основ, причем во многих случаях имперфективная основа в бесприставочном виде не выступает (ср. **-bl'udati*, **-činati*, **-gryzati*, **-kupati* 'покупать', **-pasati*, **-pirati*, **-pletati*, **-rěkati*, **-stigati* и т. п.; **-xvatyvati*, **-lizyvati*, **-mazyvati*, **-pisyvati*, **-prašivati*, **-pytyvati*, **-vězyvati* и т.п.). Благодаря продуктивности этого типа деривации, *aj*-основы получают исключительно широкое распространение во всех славянских языках. В следующей таблице приведены примеры вторичных имперфективов для разных типов праславянских основ.

Тип основы	Первичная форма	-iti	-ati	-ivati/-yvati/-ěvati
Корневые основы	nesti	nositi		
	vesti	voditi		
	pasti		padati	
	merti		-mirati	
	běgti		běgati	
	gręzti		gręzati	
	-čęti		-činati	
	kolti			-kalyvati
	piti			-pivati
	borti			-baryvati
а-основы	pisati			-pisyvati
	kazati			-kazyvati
	lizati			-lizyvati
	drěmati			-drěmyvati
	mazati			-mazyvati
ě-основы	gorěti		-garati	
	zърěti		-zirati	
	тъrpěti			-тъrpěvati
	bolěti			-balivati
	ględěti			-ględывati
	dърžati			-dърžивati
aj-основы	čitati			-čityvati
	kazati			-kazyvati
	xvatati			-xvatyvati

ěj-основы	kameněti			-kameněvati
	pustěti			-pustěvati
	zbrěti			-zbrěvati
i-основы	xvaliti		-xval'ati	-xvalivati
	prošiti		-prašati	-prašivati
	učiti		-učati	-učivati
	groziti		-grožati	
	xoditi			-xaživati
	činiti		-čin'ati	
	dělit		-děl'ati	
	gorditi			-goraživati
	govoriti			-govarivati
ny-основы	-xlebnŋti			-xlebyvati
	-gybnŋti		-gybati	
	-kysnŋti		-kysati	
	-moknŋti		-mokati	
	-mьlkŋti		-mьlkati	

Таким образом, праславянские глагольные основы составляют определенную систему с устойчивыми деривационными отношениями между ее составляющими. В начале деривационной цепочки стоят первичные корневые глаголы, от которых могут образовываться все другие виды основ, а ее завершающим звеном являются вторичные имперфективы на *-ivati*, *-yvati*, *-ěvati*, которые не образуют дальнейших глагольных дериватов.

В целом, как уже было сказано, система праславянских глагольных основ в более или менее преобразованном виде сохранилась во всех славянских языках до наших дней. Тем не менее в ходе развития она, естественно, не оставалась неизменной, непродуктивные, формально невыразительные и семантически немотивированные типы уступали место продуктивным и мотивированным: атематические консонантные основы и *a*-основы переходили в класс продуктивных *aj*-основ, *ěj*-основы — в класс *i*-основ или *ěj*-основ. В результате принцип «парадигмы» (многоосновности), характерный, хотя и не абсолютный, для праславянского, нарушился в пользу принципа «распределения» глаголов по типам основ (одноосновности), а двуосновность (реже многоосновность) сохранилась лишь в тех случаях, когда эти основы имели четко выраженную грамматическую семантику — каузативности, однократности, завершенности, итеративности и т. д. При

этом нередко модель «разноосновности», преодоленная в целом литературными языками, осталась не чужда диалектам (ср. рус. диал. *гудеть* — *гудать* — *гудить* — *густь/густы* при единственном литературном *гудеть*; *глядеть* — *глядать* — *глянуть* — *глястися* при литер. *глядеть*, *глянуть*; *сопеть* — *сопти* — *сопать* — *сопить* при литер. *сопеть* и т.п.). С другой стороны, большая часть старых глагольных лексем оформлена в разных языках одинаково, а процесс преобразования системы основ, их контаминации и подчинения продуктивным моделям продолжается до сих пор и обнаруживает значительную общность в разных языках. Как бы то ни было, очевидно, что праславянская морфонологическая модель глагольной основы, определяющая парадигму спряжения и формальные правила отглагольной деривации каждой глагольной лексемы, оказывается важнейшим структурным фактором, сохранившим свое значение на протяжении веков самостоятельного развития грамматической системы отдельных языков; она проступает сквозь все слои позднейших изменений и напластований в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании современных славянских языков и диалектов.

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецово́й. М., 1980—. Вып. 1—.
- Белић 1935/2000 — *Белић А.* Постанак прасловенске глаголне системе // Глас СКА. Књ. CLXIV. Други разред. Београд, 1935. С. 1–40. [То же: Белић А. Упоредна словенска лингвистика. Т. 1. Београд, 2000. С. 411–438.]
- Гиппиус 2017 — *Гиппиус А. А.* «Зло видуче, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // *Russian Linguistics*. 2017. Vol. 41. № 3. Р. 261–282.
- Дыбо 2011 — *Дыбо В. А.* Ё/ї и ё/е-глаголы в балто-славянском и их акцентные типы // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлёва. М., 2011. С. 145–157.
- Зализняк 2016 — *Зализняк А. А.* Из русской морфонологии: *закалять* и *закаливать* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. [Вып.] IX. История русского языка и культуры. Памяти В. М. Живова. С. 417–432.
- Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Инверсионный индекс 2000 — Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров / Сост. Ф. П. Сороколетов, Р. В. Одеков. Под ред. Ф. Гледни. СПб., 2000.
- Леков 1934 — *Леков И.* Праславянските глаголни форми и отраженията им в днешните славянски езици. София, 1934.
- Мейе 2011 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. Изд. 3. 2011.

- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л./СПб., 1967–. Вып. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л./СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Толстая 2006 — *Толстая С. М.* «Разноосновные» глаголы в русском языке // *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Prof. Romanowi Laskowskiemu.* Kraków: LEXIS, 2006. S. 365–372.
- Топоров 1961 — *Топоров В. Н.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *Вопросы славянского языкознания.* 1961. Вып. 5. С. 35–70.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4.
- Юмсунова — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.
- Boryś 2005 — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Kopečný 1981 — *Kopečný F.* Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII. Wrocław, 1974–2001.
- Stang 1942 — *Stang Chr.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Vaillant 1966 — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. Paris, 1966.

II.

О ВЫЯВЛЕНИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ПРЕДЛОГОВ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Предлоги являются весьма популярным объектом исследования в лингвистике, поскольку позволяют проанализировать различные проблемы, к которым относится и вопрос об устройстве семантики многозначных единиц. В рамках когнитивной семантики предполагается, что семантическая структура предлога представляет собой сеть значений, в ее центре находится основное значение, от которого отходят цепочки значений. Образование одного значения от другого происходит путем метафоры или метонимии.

Отдельную проблему составляет выработка критериев для выделения значений. Одним из решений данной проблемы является метод «семантических карт». Этот метод заключается в том, что значения языковой единицы представляются в виде схемы, где чем теснее связаны значения между собой, тем ближе они располагаются друг к другу, при этом «любые два значения на семантической карте кодируются одним и тем же средством тогда и только тогда, когда это же средство кодирует все значения, расположенные между ними» [Татевосов: 33]. Определение близости значений производится на основании того, какие значения из анализируемых выражаются одним и тем же показателем в других языках. Например, если в языке X одним показателем выражаются значения A, B, C и D, в языке Y — B, C и D, а в языке Z — A, B и C, это означает, что теснее всего связаны между собой значения B и C, к B примыкает A, а к C примыкает D.

В настоящей работе рассматриваются возможные пути выявления семантических структур предлогов литературных южнославянских языков на примере предлога *на* в македонском языке методом «семантических карт». Выбор предлога обусловлен его высокой частотностью и большим числом значений, находящихся на разных этапах грамматикализации.

Согласно теории метода «семантических карт», значения, которые во всех южнославянских языках выражаются предлогом *на*, тесно

связаны между собой и находятся в центре семантической структуры. Если же в некотором примере предлог *на* в македонском переводится другими средствами в болгарском, сербском и словенском, это означает, что в таком примере реализуется значение, располагающееся дальше от центра семантической структуры.

Первое известное нам сопоставление предлогов в славянских языках в зависимости от того, насколько часто некоторый предлог переводится таким же предлогом в других языках, провел Рупрехт фон Вальденфельс (в докладе на конференции Societas Linguistica Europaea в 2014 г.) на материале Параллельного корпуса славянских и других языков ParaSol [Waldenfels, Meyer].

Параллельные корпуса широко используются в современной лингвистике, поскольку позволяют проводить исследования на большом объеме данных, используя различные автоматизированные процессы. Для решения нашей задачи, однако, необходимо понять не только насколько часто предлог *на* в македонском переводится предлогом *на* в болгарском, сербском, словенском языках и насколько часто — иными средствами, но и в каких значениях. Особая проблема состоит в том, что для ответа на эти вопросы необходима «ручная», неавтоматизированная разметка всех примеров. Учитывая, что поиск предлога *на* только в произведении И. Андрича «Мост на Дрине» на македонском языке выдает 4182 примера, сложно недооценить объем работы. Для того, чтобы понять, какого рода данные можно получить при работе с таким материалом, мы разметили первую тысячу примеров. Из анализа были исключены 27 примеров, где *на* является приставкой и два примера, где *на* является опечаткой. Для некоторых предложений с предлогом *на* в македонском поиск не выдал предложения-эквивалента (для болгарского 19, для сербского 6, для словенского 18). Это связано с проблемами выравнивания границ предложений в тексте на разных языках при автоматической обработке. Кроме того, «ручная» проверка 1000 примеров показала, что в болгарском тексте в написании предлога *на* допущена опечатка в 23 примерах. Это следует учитывать при автоматическом сравнении количества употреблений предлога *на* в македонском и болгарском (при поиске предлога *на* в болгарском варианте текста система не выдаст примеры с опечатками). Не учитывались также примеры, где в эквивалентах изменена структура предложения (ср. мак. *И навистина, на дринскиот мост се првите детски прошетки и првите игри на момченцата* букв. «И в самом деле, **на дринском мосту** первые прогулки и первые игры всей здешней детворы» и слов. *In res, most čez Drino je prizorišče prvih otroških sprehodov in prvih deških iger* букв. «И в самом деле, **дринский мост** — место первой прогулки и первых игр всей здешней детворы»): в болгарском 93, сербском 21, словенском 135.

Оставшиеся примеры мы сгруппировали по тому принципу, какими средствами выражения в болгарском, сербском и словенском передается македонский предлог *на*, и попробовали определить, какие значения в них выражаются.

Самую большую группу составляют примеры с посессивным значением (405)¹, примеры 1а-г)², 2а-г). В болгарском в этом случае употребляются предлоги *на* (336), *от* (11), *за* (2), *в* (1), *край* (1), прилагательное (10) или предлога нет (1). В 31 примере изменена структура³. В сербском — Рп (326), Дп (3), предлог *на* + Пп (1), *за* + Вп (1), прилагательное (61). В 10 примерах изменена структура. В словенском — Рп (253), Дп (4), предлог *z/s* + Рп (2), *na* + Пп (1), *med* + Вп (1), *po* + Пп (1), *z/s* + Рп (1), *za* + Вп (1), прилагательное (70). В 62 примерах изменена структура. На основе этих данных можно сделать вывод о том, какие средства являются основными для выражения посессивных значений македонского предлога *на* в других южнославянских языках: в болгарском это предлог *на* 1б), 2б). В словенском и сербском используются притяжательные прилагательные, если посессор выражен именем собственным и некоторыми другими существительными без определений 2в,г), а в других случаях — родительным падежом 1в,г).

1а) *Во споредба со жителите на другите места* (По сравнению с жителями других мест).

1б) *В сравнение с жителите на други места.*

1в) *U poređenju sa stanovnicima drugih mesta.*

1г) *V primeri s prebivalci drugih mest.*

2а) *По наредбата на везирот* (По приказу везира).

2б) *По заповед на везира.*

2в) *Po vezirovom naređenju.*

2г) *Na vezirjev ukaz.*

Во второй группе реализуются пространственные значения (401 пример). Пространство при этом трактуется весьма широко и, если это возможно, абстрактные связи представляются в пространственных терминах. В болгарском языке употребляются предлоги *на* (258), *по* (26), *в/във* (17), *към* (12), *върху* (11), *с/със* (9), *над* (7), *от* (6), *за* (5), *до* (4), *при* (4), *из* (1), *през* (1), *у* (1). В 33 примерах изменена струк-

¹ В двух круглых скобках указывается количество примеров.

² Номера примеров указываются с одной круглой скобкой. Все примеры из македонского языка маркированы буквой *a*, из болгарского — *b*, сербского — *v*, словенского — *z*. Сербские примеры приводятся на латинице — так, как они даны в Корпусе [Waldenfels, Meyer].

³ Еще для 12 примеров нет предложений-эквивалентов, что связано с упомянутой выше проблемой выравнивания границ предложений. В дальнейшем такие примеры не будут упоминаться.

тура предложения. В сербском — *na* + Пп (257), *na* + Вп (115), *u* + Пп (4), *u* + Вп (4), *uz* + Вп (2), *do* + Рп (1), *iznad* + Рп (1), *po* + Пп (1), *sa* + Твп (1). В 5 изменена структура. В словенском — *na* + Пп (195), *na* + Вп (96), *v* + Пп (11), *h/k* + Дп (6), *ob* + Пп (6), *v* + Вп (4), *pri* + Пп (3), *po* + Пп (3), *do* + Рп (2), *iz* + Рп (2), *nad* + Вп (2), *z/s* + Рп (2), *čez* + Вп (1), *med* + Вп (1), *nad* + Твп (1), *od* + Рп (1), *ob* + Вп (1), *z/s* + Твп (1), *za* + Вп (1). В 47 изменена структура. В сербском и словенском языках последовательно используется винительный падеж при обозначении направления движения и предложный — статического положения в отличие от болгарского и македонского, утративших именное склонение. Предлог *na* указывает на нахождение/движение на поверхность локализатора (Л): говорящий выделяет в Л его поверхность, верхний слой, сводит Л к его внешним границам. При этом одни и те же денотаты могут по-разному осмысляться в каждом конкретном языке. Например, для моста во всех южнославянских языках важна поверхность, верхний слой (об этом сигнализирует употребление предлога *na*), но для улицы в сербском важнее наличие боковых сторон/границ, что приводит к использованию предлога *u*, а не *na/pa* как в болгарском, македонском и словенском. Некоторые лексемы допускают вариативность в рамках одного языка. Говорящий выбирает один из двух предлогов в зависимости от того, на чем он акцентирует внимание — на поверхности или боковых сторонах/границах и объеме: ср. мак. 3а) *na nebo* «на небо/небе» и 4а) *vo nebo* «в небо/небе», 5а) *na Kipar* «на Кипр/Кипре (острове)» и 6а) *vo Kipar* «на Кипр/Кипре (государстве)». К пространственным относятся также значения нахождения/движения на опору, где локализатор — опора для локализуемого объекта 7а–г); нахождение/движение в пространство, входящее в зону влияния локализатора 8а–г); нахождение/движение в пространство, открытое воздействию некоторого явления 9а–г), нахождение/движение на отметку 10а–г). В примерах 10б–г) в болгарском, сербском и словенском используются другие средства, нежели предлог *na*. Предлог *na* при этом, как показала наша проверка (за рамками корпуса)⁴, является все же основным показателем для выражения значения отметки 11а–г), 12а–г).

7а) *Потскокнува на осакатените нозе* (Подскакивает на изуродованных ногах).

⁴ При проверке носителям болгарского, македонского, сербского и словенского языков предлагалось оценить правильность наших примеров. Хотелось бы выразить сердечную благодарность коллегам М. М. Макаrcеву и Е. В. Шатько за консультации и перевод примеров (№ 11, 12, 14, 18, 21, 24–28) на болгарский (М. М. Макаrcев), сербский и словенский (Е. В. Шатько), а также их проверку у носителей соответствующих языков.

- 7б) Подскача **на** осакатените си крака.
- 7в) *Skakuće... на osakaćenim nogama.*
- 7г) *Skaklja на pohabljenih nogah.*
- 8а) *Toj се пренесува... на портата* (Он переносится... к воротам).
- 8б) *Toj се пренася... на капията.*
- 8в) *On се prenosí... на карíju.*
- 8г) *Preide... на vrata.*
- 9а) *Стоеше мостот, бел и неизменет, на сонцето* (Стоял мост, белый и неизменный, на солнце).
- 9б) *Стоеше мостът, бял и непроменен на слънцето.*
- 9в) *Stajao је most, beo i nepromenjen, на suncu.*
- 9г) *Pa је... stal most v soncu, ves bel in nespremenjen.*
- 10а) *Да се приготви се што треба за денеска на пладне да биде жив набоден на кол* (Подготовить все, что необходимо, чтобы сегодня в полдень он был посажен на кол живьем).
- 10б) *Да се приготви всичко, което е нужно, днес по пладне да бъде набит жив на кол.*
- 10в) *Da се spremi sve što treba da danas u podne bude živ nabijen na kolac.*
- 10г) *Pripravijo naj vse potrebno, da ga opoldne živega nataknejo na kol.*
- 11а) *Радио-апаратите беа запечатени со црвен восок на станицата Софија* (Радиоприемники были запечатаны красным воском на частоте станции «София»).
- 11б) *На станция София радиоприемниците бяха запечатени с червен восък.*
- 11в) *Radio prjemnici su bili zapečaćeni crvenim voskom на stanici «Sofija».*
- 11г) *Radijski sprejemniki so bili zapečateni z rdečim voskom на postaji «Sofija».*
- 12а) *На Велигден сум се заљубил* (Я влюбился на Пасху).
- 12б) *Влюбих се на Велигден.*
- 12в) *Zaljubio sam се на Uskrs.*
- 12г) *Zaljubil sem се на veliko poč.*

В примерах со значением нахождения в процессе перемещения/действия (4) в болгарском языке используется предлог *на* (3), в одном примере изменена структура. В сербском — *на* + Пп (3), в одном примере изменена структура. В словенском — *v* + Пп (3), в двух примерах изменена структура.

13а) *Обично ќе ги изненадат на спиење* (Обычно удивят их во время сна).

13б) *Обикновено ги изненадват **на** сън.*

13в) *Obično ih iznenade **na** spavanju.*

13г) *Navadno jih presenetijo **v** spanju.*

В результате дополнительной проверки удалось найти примеры, где значение нахождения в процессе перемещения или действия реализуется при помощи предлога *на* и в словенском языке 14г).

14а) ***На** излегување ме викна и мене* (Выходя, он позвал и меня).

14б) ***На** излизане повика и мене.*

14в) ***Na** izlazu je pozvao i mene.*

14г) ***Na** izhodu je poklical tudi mene.*

К пространственным примыкает группа (7), где реализуется значение основания для характеристики локализуемого объекта через ощущения «наблюдателя» или внешность/части тела объекта 15а–г). В болгарском языке употребляется предлог *на* (3), *със* (1). В трех примерах изменена структура. В сербском — *na* + Вп (6), Рп (1). В словенском — *na* + Вп (2), *v* + Пп (2), Рп (1). В двух примерах изменена структура.

15а) *Тогаш Јамак ќе оглувне и **на** здравото уво* (Тогда Ямак оглохнет и **на** здоровое ухо).

15б) *Тогаш Јамак оглушаваше и **със** здравото си уво.*

15в) *Jamak tada ogluhne i **na** ono zdravo uho.*

15г) *Takrat je postal Jamak gluhi še **na** tisto zdravo uho.*

Как видно из примера 15б), в болгарском в этом значении используется предлог *със*.

Данные словенского языка выделяют из пространственных значений группу со значением дистанции (10). В болгарском языке употребляется предлог *на* (6) или предлога нет (1). В двух примерах изменена структура. В сербском — *na* + Вп (6), *za* + Вп (1), без предлога (1). В двух примерах изменена структура. В словенском — без предлога (4), *na* + Вп (2), *po* + Пп (1), *za* + Вп (1). В двух примерах изменена структура. Проверка показала, что предлог *на* в этом значении в словенском языке встречается редко:

16а) *Востаниците дојдоа до **на** два часа одење од касабата* (Участники восстания дошли до места, находящегося в двух часах ходьбы от внутреннего города).

16б) *Въстаниците стигнаха **на** два часа път от градчето.*

16в) *Ustanici su došli do **na** dva sata hoda od kasabe.*

16г) *Uporniki so... se približali trgu **na** dve uri hoda.*

Всего 9 примеров на значение условия совершения действия 17а–г), 18а–г). В болгарском языке используется предлоги *по* (5), *на* (2), в двух примерах изменена структура. В сербском — *na* + Вп (7),

и + Пп (1), в одном примере изменена структура. В словенском — *na* + Вп (2), *po* + Вп (2), *po* + Пп (1), *za* + Вп (1), Дп (1). В двух примерах изменена структура.

17а) *Со... мустаки чудно засучени* **на** *унгарски начин* (С... усами, странно закрученными **по**-венгерски).

17б) *С... мустаци, чудно засукани* **по** *унгарски*.

17в) *Sa... brkovima čudno uzvijenim* **na** *mađarski način*.

17г) *S... in nekam čudno, kakor* **na** *mađžarski način zavihanimi brki*.

В результате проверки удалось найти примеры, где во всех южнославянских языках значение условия совершения действия выражается предлогом *на* 18а–г).

18а) *Виното не се врзува* **на** *гладно шкембе* (Вино не пьют натошак).

18б) *Вино не се пие* **на** *гладен стомах*.

18в) *Вино се не пије* **на** *prazan želudac*.

18г) *Vina ne pijeto* **na** *prazni želodec*.

К пространственным также примыкает группа примеров, где реализуется значение основы для описания/совершения действия (10). В болгарском употребляется предлог *на* (10), в сербском — *na* + Вп (10), в словенском — Дп (10):

19а) *Тоа не личеше* **на** *она тело...* (Это не было похоже **на** то тело...)

19б) *Той не приличаше* **на** *онова тяло...*

19в) *To nije ličilo* **na** *ono telo...*

19г) *Prav nič ni bilo podobno tistemu telesu...*

Группа со значением инструмента (7), по-видимому, связана со значением нахождения на поверхности инструмента 20а–г) В болгарском языке употребляются предлоги *с/ със* (3), *на* (2), *за* (1). В одном примере изменена структура предложения. В сербском — *na* + Пп (4), *о* + Пп (4), *и* + Вп (1). В словенском — *na* + Вп (4), *s* + Твп (1), *v* + Пп (1). В одном примере изменена структура предложения.

20а) *Тропа* **на** *шаргија* (Стучит в бубен).

20б) *Бие тамбура*.

20в) *Kuca* **u** *šarkiju*.

20г) **Na** *tamburico brenka*.

Дополнительные анкеты показали, что предлог *на* регулярно встречается в болгарском в значении инструмента (например, 21б): *Свири на мандолина* «играет на мандолине»), а в словенском это значение чаще выражается беспредложным винительным падежом.

Три примера составляют группу со значением каузации реактивного типа, когда действие является ответной реакцией на некоторое

другое действие 22а–г). В болгарском языке употребляется предлог *на* (2). В одном примере изменена структура предложения. В сербском — *на* + Вп (3). В словенском — *ob* + Вп (1). В одном примере изменена структура предложения, и для одного примера поиск не выдал эквивалента предложения, однако в ходе проверки текста романа Андрича удалось найти соответствующий перевод.

22а) *На секој удар од камшикот одговарале со безумното прашање* (**На** каждый удар плеткой они отвечали безумным вопросом).

22б) *На всеки удар отговаряха с безумния въпрос.*

22в) *Na svaki udarac biča odgovarale bezumnim pitanjem.*

22г) *Na vsak udarec z bičem odgovarjale z nesmiselnim vprašanjem.*

Большую группу составляют примеры, где предлог *на* выражает значения адресата, реципиента, бенефактива, экспериенцера, стимула и внешнего посессора (109). В болгарском языке употребляются предлоги *на* (73), *до* (3), *за* (4), *към* (3), *върху* (1), *от* (1), *по* (1), *пред* (1), *у* (1). В 20 примерах изменена структура предложения. В сербском — Дп (104), Рп (1), предлог *на* + Пп (1), *на* + Вп (1), прилагательное (1). В одном примере изменена структура предложения. В словенском — Дп (84), Рп (1), *на* + Вп (2), *на* + Пп (2), *k* + Дп (1), *pred* + Вп (1), *v* + Вп (1). В 16 примерах изменена структура предложения.

23а) *Абидага им објасни на луѓето...* (Абид-ага объяснил людям...)

23б) *Абид ага објасни на хората...*

23в) *Abidaga je objasnio ljudima...*

23г) *...je Abid aga razložil ljudem...*

Таким образом, выявление семантических структур на материале параллельного корпуса наталкивается на ряд ограничений. На материале корпуса хорошо выделяются основные средства выражений для частотных значений (например посессивные для предлога *на* в македонском языке). Для значений, которые реализуются всего лишь в двух-трех примерах, это невозможно без проведения дополнительного исследования и проверок. Следует также учесть, что использование переводных текстов в параллельных корпусах привносит элемент субъективности, поскольку переводчик свободен в выборе средств для передачи смысла оригинала и может довольно сильно менять структуру переводимого предложения.

Кроме того, даже очень большой объем корпуса не является гарантией того, что в текстах языковая единица встретится во всех своих значениях, включая самые редкие. Для проверки, все ли значения предлога *на* встретились в размеченных нами примерах из корпуса, был взят список значений предлога *на* из диссертационной работы [Ганенкова 2015: 40–74], а примеры на эти значения были переведены

на болгарский, сербский и словенский. В результате оказалось, что к группам, выделенным выше в статье на материале корпуса, следует добавить еще несколько.

Первая из них — группа, где предлог *на* употребляется в значении участия в событийном фрейме (болгарский — *на*, сербский — *na* + Вп / *kod* + Рп, словенский — *do* + Рп / *k* + Дп). Участие в событийных фреймах типа *свадьба*, *война* и т. п. во всех южнославянских языках выражается предлогом *на*. Он же в отличие от сербского и словенского языков используется в болгарском и македонском при кодировании событийного фрейма через указание на специализированное функциональное пространство типа кино, театра 24а,б) и некоторых профессий типа парикмахера или врача 25а,б). В последнем случае имеется в виду не движение к конкретному человеку, а участие в действии: у парикмахера — в стрижке, у врача — в обследовании на приеме и т. д. Это выделяет данное значение из пространственных.

24а) *Тројца продолжуваа да одат заедно — на плажа, на кино* (Все трое продолжали ходить вместе: на пляж, в кино).

24б) *И тримата продолжават да ходят заедно: на плаж, на кино.*

24в) *Troje je nastavljalo da hoda на плажу, u bioskop.*

24г) *Trije so skupaj nadaljevali na poti до плаже, v kino.*

25а) *Одам на фризер* (Иду к парикмахеру).

25б) *Отивам на фризьор.*

25в) *Idem kod frizera.*

25г) *Grem k frizerju.*

Не представлено в размеченных предложениях значение общего направления движения, которое объясняет возникновение значения каузации реактивного действия у предлога *на* 26а–в): болгарский — *против*, сербский — *na* + Вп, словенский — *nad*.

26а) *Двајцата браќа тргнаа на непријателот* (Двое братьев ринулись на врага).

26б) *Двама браќа тргнаха против непријателя.*

26в) *Dvojica brata su jurnuli na neprijatelja.*

26г) *Brata sta planila nad sovražnika.*

А в примерах со значением каузации (см. 22а–г)) не встретились типичная для македонского, сербского и словенского языков конструкция *на* + глагольное существительное:

27а) *На секое лавнување од кучињата се разбудуваат* (Они просыпаются всякий раз, как залают собаки).

27б) *Будят се от всеки кучешки лай.*

27в) *Na svako lajanje psa se probude.*

27г) *Na vsako pasje lajanje se zbudijo.*

Дополнительная проверка показала, что особо выделяется значение соотношения, которое в словенском языке оформляется без предлога (болгарский — *на*, сербский — *на* + Вп).

28а) *Има само една болница на два града* (Есть только одна больница **на** два города).

28б) *Има само една болница на два града.*

28в) *Ima samo jedna bolnica na dva grada.*

28г) *Dve mesti imata le eno bolnišnico.*

Подводя итог, можно сделать вывод, что параллельные корпуса являются прекрасным инструментом для построения семантических структур предлогов. Требуется, однако, проведение дополнительного исследования и проверка того, как выражаются в анализируемых языках менее частотные значения предлога. На примере македонского предлога *на* удалось выявить следующую семантическую структуру. В ее центре находятся различные пространственные значения, выражаемые в болгарском предлогом *на*, в сербском и словенском *на* + Пп и *на* + Вп. К ним примыкают значения нахождения в процессе перемещения/действия (болгарский — *на*, сербский — *на* + Пп, словенский — *v* + Пп / *na* + Пп), основания для характеристики локализуемого объекта (болгарский — *на*, сербский — *на* + Вп, словенский — *na* + Вп / *v* + Вп), соотношения (болгарский — *на*, сербский — *на* + Вп, словенский — без предлога), дистанции (болгарский — *по*, сербский — *на* + Вп, словенский — без предлога / *na* + Вп), условия совершения действия (болгарский — *на*, сербский — *на* + Вп, словенский — *na* + Вп / *po* + Вп), основы для описания/совершения действия (болгарский — *po/na*, сербский — *na* + Вп, словенский — Дп), инструмента (болгарский — *с/съ/на*, сербский — *на* + Вп / *o* + Пп, словенский — *na* + Вп), каузации реактивного типа (болгарский — *na/ot*, сербский — *на* + Вп, словенский — *ob* + Вп / *na* + Вп), участия в событийном фрейме (болгарский — *на*, сербский — *на* + Вп / *kod* + Рп, словенский — *do* + Рп / *k* + Дп), общего направления движения (болгарский — *против*, сербский — *на* + Вп, словенский — *nad*).

Дальше от центра находятся значения адресата, реципиента, бенефициара, экспериенцера, стимула и внешнего посессора (болгарский — *на*, сербский и словенский — Дп) и посессивные значения (болгарский — *на*, сербский и словенский — Рп или прилагательное).

Литература

Ганенкова 2015 — Ганенкова Т. С. Семантическая структура предлогов в современном литературном македонском языке: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.

- Татевосов — *Tatevosov C. G.* Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М., 2002.
- Waldenfels, Meyer — *Von Waldenfels R., Meyer R.* ParaSol, a Corpus of Slavic and Other Languages. Available at parasol.unibe.ch. Bern, Regensburg or by citing Waldenfels (2011) <http://parasolcorpus.org/> (31.08.2017). 2006–.

К ПРИНЦИПАМ ОПИСАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Потенциал традиционных описательных грамматик далеко не исчерпан. Под традиционными — применительно к русскому языку — подразумеваются в данном случае три академические грамматики второй половины прошлого века: [Грамматика... 1952–1954], [Грамматика... 1970] и [Русская грамматика 1980]. К ним также следует причислить (с некоторыми оговорками) и «Краткую русскую грамматику» [Краткая... 1989]. За десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет «Русской грамматики», в русистике разработан ряд альтернативных моделей описания грамматического строя (некоторые из перечисляемых ниже моделей начинали разрабатываться еще в 1960-е годы, но результаты были опубликованы позже «Русской грамматики»): функциональная геср. коммуникативная [ТФГ 1987–1996; Золотова и др. 1998; Всеволодова 2000, 2004; Мустайоки 2006], когнитивная — как в структурно-когнитивном [Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010], так и в «собственно»-когнитивном вариантах [Норман 2013], модель «Смысл ⇔ Текст» [Mel'čuk, Pertsov 1987; Mel'čuk 1988; Мельчук 1995; 2012], «корпусно-типологическая» [Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>)]. Однако ни одна из перечисленных моделей не отвечает полностью трем минимальным требованиям, которые лежат в основе традиционных описаний:

- 1) целостность: описание должно охватывать весь (грамматический) строй языка;
- 2) единство: описание должно опираться на единую концепцию;
- 3) полнота: описание может служить грамматическим тезаурусом, для чего оно должно с максимально достижимой полнотой представлять синтаксические конструкции, допустимые в данном языке (во всяком случае — в его нормированной общенациональной разновидности).

[ТФГ 1987–1996] не удовлетворяет требованиям (1, 3), поскольку она преследует цель не столько собственно описания, сколько теоре-

тического обоснования развиваемой концепции и выполнена на материале разных языков.

Работа [Золотова и др. 1998] не удовлетворяет требованию (3), о чем свидетельствует замечание в кратком предисловии «От авторов», которые «не стремились к исчерпывающей полноте описания» [Там же: 3]. Кроме того, и грамматический строй языка охвачен в работе далеко не целиком.

Работа [Всеволодова 2000], как видно уже из ее названия, не удовлетворяет, по меньшей мере, требованию (1). То же относится и к работам [Мустайоки 2006; Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010; Норман 2013].

В рамках концепции «Смысл \leftrightarrow Текст» пока не создано работы, отвечающей требованиям (1, 3).

Наконец, [Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>)] пока не отвечает требованию (3) и никогда не будет отвечать требованию (2), что следует из принципов, опубликованных на сайте Проекта: «Описание жестко не привязано ни к одной из существующих лингвистических теорий, что защищает его от опасности “устареть” вместе с теорией и обеспечивает его доступность самому широкому кругу читателей. При этом описание теоретически “открыто”: в нем по возможности учитываются последние достижения, сделанные в рамках самых разных лингвистических направлений» [<http://rusgram.ru/about>].

Генеративистская модель описания грамматического строя в данном случае не рассматривается, так как задач, которые бы перекликались с требованиями (1, 3), она перед собой не ставит, — во всяком случае, соответствующие публикации, если они существуют, мне не известны.

Таким образом, перечисленные концепции могут быть названы альтернативными по отношению к традиционной описательной грамматике лишь условно. Реальной альтернативы ей они не составляют; зато учет их достижений представляется обязательным — что в обоснованиях и не нуждается.

Современная грамматика традиционного типа должна строиться компактнее сводов второй половины XX в. Очертим принципы такого построения применительно к синтаксису, сопровождая их, по мере необходимости, комментариями.

1. Существуют две дескриптивные стратегии моделирования в синтаксисе:

1) «алгоритмическая» (генеративная), в которой в качестве моделей выступают типизированные алгоритмы;

2) «номенклатурная», где в качестве моделей выступают готовые паттерны — например, структурные схемы словосочетаний и предложений.

Описательная грамматика опирается на вторую стратегию: в противном случае она не сможет удовлетворять требованию (3). Однако в грамматиках 1970 и 1980 гг. эти модели заданы развернутыми списками; системные отношения между ними не просто скрыты — вопрос о них даже не ставится. Между тем они, как представляется, должны составлять основу описания.

Опыт подобной систематизации синтаксических моделей представлен в [Золотова и др. 1998]: пяти базовым значениям предиката соответствуют пять базовых моделей предложения, все остальные интерпретируются как производные от них, получаемые путем различных модификаций [Там же: 101–206]. Правда, систематизация всех этих модификаций и получаемых в результате производных моделей, включая производные 2-го и далее порядков, в книге лишь намечена. В полной грамматике эта задача должна быть решена. В этом случае синтаксическая система неизбежно получит многоуровневое описание, возможные принципы построения которого очерчены в [Дымарский 2013а].

2. В целом описание может быть построено по принципу полевого структурирования, с выделением ядра, околождерной зоны, ближней периферии и дальней периферии. Применительно к различным звеньям синтаксической системы количество зон, разумеется, может варьировать: ср., например, шестичленную структуру синтаксического поля предложения в [Золотова и др. 1998: 205], которая на самом деле была предложена еще в монографии [Золотова 1982].

3. Ядро системы составляют 1) система синтаксических связей; 2) набор семантических типов предикатов с их актантным окружением; 3) базовые способы оформления предикативного центра (базовые модели простого предложения); 4) регулярные способы его модификации (изменения при введении отрицания, фазовые, модальные и т. п. модификации — и соответствующие производные модели простого предложения); 5) модели присловного распространения (словосочетания); 6) модели присхемного распространения (детерминации); 7) модели номинализации; 8) базовые модели актуального членения и порядка слов.

3.1. Система синтаксических связей может быть описана по меньшей мере в двух различных аспектах: формальном («техническом») и содержательном. Первый подразумевает внимание к средствам, обеспечивающим связь, второй — к отношениям между элементами, актуализируемым данным видом связи.

В плане «техники», с точки зрения манифестации, синтаксические связи подразделяются на коннективные и иннективные.

Коннексия — простое соположение соединяемых элементов (ср. примыкание как разновидность подчинения, связь детерминанта с

предикативным ядром предложения, некоторые бессоюзные предложения, бессоюзные однородные ряды). Сущность коннексии состоит в отсутствии специальных грамматических средств, маркирующих связь как таковую, за исключением интонации и порядка компонентов. Последние же не являются специфическим средством, отличающим коннективную связь от иннективной, поскольку они присутствуют при любом виде связи.

Иннексия, в отличие от коннексии, предполагает наличие специальных грамматических средств, к которым (в русском языке) относятся флексии, предлоги, союзы. Можно различать два вида иннективных связей: с лексикализованным коннектором и без такового (подробно см. [Дымарский 20136]).

В содержательном плане различаются предикативная связь, подчинение и сочинение. Каждый из этих видов связи может быть оформлен как иннективно, так и коннективно. Так, в предложениях с некусом (координированными главными членами, по Н. Ю. Шведовой) предикативная связь оформлена иннективно, а в предложениях типа *Яблоки к полднику хорошо* — коннективно.

Подчинение и сочинение могут быть описаны как оппозиция внутри категории логического порядка, образующей поле, в ядре которого находятся наиболее ярко маркированные связи с иннективным оформлением — в таких конструкциях, как сложносочиненное предложение (с семантикой конъюнкции /дизъюнкции /противопоставления) vs. сложноподчиненное предложение, однородный ряд с сочинительными союзами vs. подчинительное словосочетание (с управлением или согласованием). За пределами ядра находятся связи, сочинительное vs. подчинительное оформление которых не (вполне) поддерживается отношениями, которые этими связями актуализируются: это связи в таких конструкциях, как предикативный центр + субъектный детерминант (оформлено как подчинение, но в реальности подчинения нет)¹, сложносочиненные предложения с семантикой присоединения, пояснения и градации (обязательный для сочинения признак грамматического равноправия здесь ослаблен и осложнен противоположным по смыслу признаком семантического неравноправия), так называемые взаимоподчиненные сложные предложения. Еще дальше от ядра находятся связи с коннективной манифестацией: предикативный центр + обстоятельственный детерминант (наречие), словосочетания с примы-

¹ Если субъектный детерминант рассматривается не только как носитель предикативного признака в семантическом плане (А. В. Бондарко), но и грамматически как (неканоническое) подлежащее (ср. [Циммерлинг 2012]), то данная связь должна рассматриваться как предикативная, причем вопрос о характере связи в таком случае заслуживает отдельного обсуждения.

канием и — в особенности — аппозицией, бессоюзный однородный ряд, бессоюзные предложения разных типов. По мере движения от ядра к периферии нарастает присутствие коннексии — вплоть до ее полного господства на дальней периферии поля.

Структура поля логического порядка здесь лишь бегло очерчена, она требует углубленной разработки, которая, несомненно, внесет в намеченную схему существенные уточнения. Можно надеяться, что решение этой задачи приведет к удовлетворительной систематизации синтаксических связей, отсутствие которой ощущается столь же остро, сколь и давно.

3.2–3. Второй ядерный компонент синтаксической системы в целом — набор семантических типов предикатов с их актантным окружением, а также система базовых структурных моделей предикативного центра.

В классификациях семантических типов предикатов недостатка нет (имеются в виду работы П. Адамца, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, В. В. Богданова, Т. В. Булыгиной, Л. М. Васильева, В. Г. Гака, Ф. Данеша и К. Гаузенблаза, Г. А. Золотовой, О. Н. Селиверстовой, Ю. С. Степанова, Н. Ю. Шведовой, Т. В. Шмелевой и мн. др.), как нет и сомнений в том, что именно эти типы лежат в основе базовых семантических структур.

Сложность состоит в выборе базовой концепции и в определении принципов иерархизации: с одной стороны, такие обобщенные компактные классификации, как трехчленная типология в [Арутюнова 1976], представляются стоящими слишком далеко от реального многообразия материала; с другой стороны, такая дробность классификации, как в [Русские глагольные... 2002], не способствует прояснению системных отношений между моделями предложений.

Еще одна трудность заключается в том, что базовые семантические структуры связаны с базовыми структурными моделями предложения (структурными схемами) не взаимно-однозначными, а, скорее, множественно-вероятностными отношениями. Г. А. Золотова демонстрирует связь «основных моделей предложения» и их «типовых значений» серией примеров: *Сестра шьет* (глагольный предикат, действие субъекта) — *Сестре скучно* (предикат — категория состояния, состояние субъекта) — *Сестра добрая* (предикат — прилагательное, свойство предмета) и т. д. [Золотова и др. 1998: 105]. Однако вывод, будто предложения, выражающие состояние субъекта, всегда строятся по модели «слово категории состояния + дативный субъект», был бы неверен, поскольку предложение *Сестра скучает* выражает то же, но строится иначе. Соответственно, был бы неверен и вывод, будто все предложения, которые строятся по схеме $N_I V_p$, выражают действие субъекта.

Опыт авторов работ [Русские глагольные... 2002; Kiklewicz, Korytkowska 2010] показывает, что систему структурных схем, как моделей наиболее отвлеченных, целесообразно использовать как первичную данность; изложение в этом случае организуется по принципу «данная семантическая структура может реализоваться в следующих структурных схемах». В этом случае описание системы структурных схем предложения (базовых способов оформления предикативного центра) должно предшествовать характеристике семантических типов предикатов с их актантным окружением.

3.4. Регулярные способы модификации базовых моделей предложения хорошо известны: это изменения при введении отрицания, лексически выраженных фазовых и модальных значений, а также круга вспомогательных значений, выражающих становление признака, его сохранение, обнаружение, оценку с точки зрения его реальности и т.п.

Некоторые модификации ведут к появлению производных моделей предложения. Например, предложения с предикатами существования, наличия, обнаружения и т. п. (*У нас есть время поговорить; У Петровых было двое детей; В кармане нашлись спички и одна сломанная сигарета*) при введении отрицания существенно меняют грамматическое оформление предикативного центра: *У нас нет времени поговорить; У Петровых не было детей; В кармане не нашлось ни спичек, ни даже сломанной сигареты*. Модель, в которой отрицается существование, наличие, обнаружение субъекта, кодируемого в этом случае генитивом и лишшающегося, таким образом, статуса подлежащего (по меньшей мере канонического), следует рассматривать как производную.

Аналогичным образом стоит интерпретировать и модель, которая у Н. Ю. Шведовой приводится в одном ряду с другими — *Ни N₂* (*Ни ветерка; В комнате ни души*). (Следует еще раз подчеркнуть, что вопрос об отношениях производности между структурными схемами в трех грамматиках под редакцией Н. Ю. Шведовой не ставится, все модели даны как базовые.)

То же касается и ряда моделей с участием инфинитива в роли подлежащего: *Промолчать было разумно; Отказаться было обидеть; Дозвониться было проблемой; Промолчать было некстати*². С одной стороны, очевидно, что семантическая структура таких конструкций включает две пропозиции (начальный инфинитив выступает как имя первой из них) и, следовательно, они неэлементарны. С другой стороны, ясно, что в основе этих конструкций лежат модели с начальным компонентом *N₁* (ср.: *Молчание было разумно; Задача — учиться*³;

² Примеры В. А. Белошапковой.

³ Пример Н. Ю. Шведовой.

Решение этой задачи было неотложной необходимостью; Молчание было некстати), а замена имени инфинитивом вызвана, прежде всего, ограничениями на образование имен действия в русском языке (*молчать* → *молчание*, но *промолчать* → ∅), и в особенности тем, что даже при наличии имени действия от данного глагола аспектуальные свойства последнего сохраняются в производном имени лишь частично (см. [Пчелинцева 2016]).

3.5. Модели (подчинительных) словосочетаний представляют собой не что иное, как модели присловного распространения. Можно было бы описывать эти модели так, как это делали еще в XVIII в., рассматривая по отдельности синтаксические свойства имен, глаголов и т.д., ср. главы «О сочинении имен», «О сочинении глаголов» и др. в «Наставлении шестом, о сочинении частей слова» в [Ломоносов 1755: 183 и сл.]. Однако такое морфологически ориентированное раздельное описание не отвечает представлению о единой подсистеме синтаксического строя и не вскрывает системных отношений между описываемыми моделями. Вместе с тем, выделение словосочетания в качестве самостоятельной синтаксической единицы (и вообще множественность выделяемых единиц синтаксиса) вносит противоречие в теорию уровневого строения языковой системы. Более целесообразным представляется подход, предполагающий единственность центральной единицы синтаксического строя — предложения — и вспомогательный статус других (синтаксемы в смысле Г. А. Золотовой, словосочетания) — как единиц, скорее, описания, нежели собственно строевых. Выражение именно этого смысла преследуется в данном случае использованием формулы «модели присловного распространения».

3.6. В разделе, посвященном способам присхемного распространения (детерминации, в смысле Н. Ю. Шведовой), представляется целесообразным описывать только те виды детерминантов, которые автор понятия характеризовала как «формирующие неэлементарные семантические компоненты» предложения [Русская грамматика 1980: 150]. Так называемые субъектные детерминанты (*Мне грустно; У папы неприятности на работе*) и внешне локальные, но по сути обозначающие характеризуемый локус как носитель предиктируемого признака (*Дома уютно; На улице ветрено*), которые, по Шведовой, «формируют элементарные компоненты семантической структуры предложения» [Там же], должны описываться в разделе, посвященном семантическим типам предикатов с их актантным окружением и базовым способам оформления предикативного центра (основным структурным схемам). Причины очевидны. Следовательно, в данном разделе должны получить характеристику только случаи типа *У приятелей ты гений; Для юноши призвание — это серьезно; По мне ты*

можешь совсем сюда не являться; Тебе он самый умный; Среди животных овцы — самые пугливые (примеры Н. Ю. Шведовой [Там же: 153–154]), а также детерминанты с обстоятельственными значениями, за исключением локальных со значением субъекта характеристики.

3.7. Модели номинализации, насколько можно судить, до сих пор не выделялись в грамматиках в особый сюжет. Между тем такое решение кажется уместным, поскольку способы свертывания предикативной единицы в номинативную не только составляют важный компонент синтаксической системы, но также играют существенную роль в порождении высказывания. Описать устройство даже такого незамысловатого предложения, как *Приезд брата обрадовал сестру*, без опоры на понятие номинализации (*Брат приехал* → *приезд брата*) невозможно.

Развернутое представление способов номинализации органично связывает организацию семантически неэлементарного (полипропозитивного) предложения, с одной стороны, с моделями присловного распространения (в приведенном примере субъект исходной пропозиции принимает роль присловного распространителя при имени действия), с другой — с моделированием сложного предложения, поскольку любая полипропозитивная структура может быть развернута в сложное предложение (*Брат приехал, и сестра обрадовалась; Когда брат приехал, сестра обрадовалась; Брат приехал — сестра рада; То, что брат приехал, обрадовало сестру*). В этом смысле модели номинализации занимают одно из центральных мест в синтаксической системе, почему и представляется необходимым описать их в составе ее ядра.

3.8. Тезис о вхождении основных моделей актуального членения и порядка слов в базовый компонент синтаксической системы, как кажется, в доказательствах уже не нуждается. Более того, помимо классической книги [Ковтунова 1976] и опирающейся на нее детально разработанной концепции Т. Е. Янко [Янко 2001; 2008], мы располагаем прекрасными работами, в которых уже построены различные версии исчисления этих моделей: [Падучева 2016; Циммерлинг 2016]. Относительно некоторых решений можно дискутировать (например, исходное допущение А. В. Циммерлинга о необходимости «постулата о наличии единого порядка слов для всех конструкций данного языка: для русского языка достаточным будет постулат о том, что подлежащее при базовом порядке слов всегда стоит слева от сказуемого» [Циммерлинг 2013: 268]; полемику см. в [Дымарский 2017]); однако несомненно, что названные работы могут служить надежным фундаментом для данного раздела.

4. Околоядерная зона включает важнейшие средства осложнения и, в конечном счете, финального оформления высказывания: 1) спо-

собы структурного осложнения предложения (однородность, обособление); 2) способы коммуникативного осложнения (вокативность, вводность); 3) производные модели актуального членения; 4) закономерности расположения клитик.

4.1–2. Противопоставление структурного (структурно-семантического) осложнения коммуникативному предложено С. Г. Ильенко [1989/2003: 402–403]. Если введение однородных рядов или обособленных компонентов осложняет как структуру, так и семантику предложения, то использование обращений, вставных и вводных компонентов влияния на структуру не оказывает, их главное назначение — коммуникативная адаптация предложения, формирование его коммуникативного эскорта.

4.3. Под производными понимаются модели актуального членения, получаемые в результате линейно-акцентных преобразований (термин Е. В. Падучевой) — таких, как экспрессивная препозиция собственно ремы, дислокация ремы, в том числе с рецессией темы, тема-рематическая инверсия, тематизация ремы, контрастная тема, контрастная рема, суперпозиция ремы и др. [Падучева 2015].

4.4. Закономерности расположения фразовых клитик в таких языках, как русский, не грамматикализированы [Циммерлинг 2013]. Тем не менее, тенденции, напоминающие о том, что в древнерусском языке (по меньшей мере, в его новгородском диалекте), как показал А. А. Зализняк [2008], действовал закон Ваккернагеля, в современном русском языке сохраняются. Чтобы в этом убедиться, достаточно проанализировать хотя бы иллюстративный материал посвященных частицам статей толковых словарей, в том числе диалектных. Так, данные 11 словарей свидетельствуют о том, что сослагательная частица *бы* (*б*) в абсолютном большинстве приводимых примеров занимает строго ваккернагелевскую позицию⁴. Сопоставление употребительности вариантов типа *Ты прилег бы* (пример из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова) и *Ты бы прилег* с помощью поисковой системы Google убедительно свидетельствует о том же: для первого варианта система выдает 40 вхождений (причем половина из них — цитаты из названного словаря), в то время как для второго объем выдачи превышает 3000 документов.

Носитель русского языка обычно не задумывается над тем, где расположить клитику, но это не значит, что соответствующим тенденциям не место в грамматическом описании. Во-первых, тенденция к сохранению за клитикой ваккернагелевской позиции ведет, как минимум, к интонационным модификациям базовых моделей предложения: просодия в *Ты прилег бы* и *Ты бы прилег* очевидно различна. В первом

⁴ См.: [Друпп 2018].

варианте, где позиция частицы при глаголе как бы наиболее логична, тема *Ты* подвергается интонационной редукции (вплоть до атонирования). Во втором варианте *Ты*, отделенное от ремы клитикой, получает более отчетливое самостоятельное ударение и более отчетливое оформление восходящим тоном (ИК-3). Во-вторых, грамматическое описание, которое служит основой, в том числе, учебных пособий по русскому языку как неродному и как иностранному, должно содержать подобные сведения в обязательном порядке.

5. Ближняя периферия формируется 1) базовыми моделями сложного предложения (например, двукомпонентные сложноподчиненные с изосемянным придаточным); 2) регулярными производными образцами простых предложений.

5.1. Отнесение базовых моделей сложного предложения к ближней периферии может показаться спорным, если исходить из представления о его вхождении в классическую для второй половины XX в. триаду синтаксических единиц «словосочетание — предложение — сложное предложение», не говоря уже о расширенных версиях (например, с включением в этот круг синтаксемы в смысле Г. А. Золотовой). Однако, как уже сказано выше, представляется более целесообразным считать единицей синтаксического уровня языковой системы Предложение вообще (прототипически — простое). С таксономической точки зрения, перечисленные единицы образуют в этом случае не таксоны одного уровня, а иерархическую систему. Роль таксономического универсума в этой системе отводится Предложению, а простое, осложненное, сложное предложения занимают позиции таксонов в рамках этого универсума.

В теории сложного предложения (СП) важную роль играет тезис, согласно которому грамматическим значением СП является отношение между смыслами входящих в его состав предикативных частей, а кроме того, тезис о «смысловых приращениях», «порождении добавочной информации (если иметь в виду слушателя), или в высвечивании пресуппозиций (из которых исходил говорящий): *Книга была о бабочках, но брат ее прочел* (говорящий исходит из известного ему факта: бабочки брата не интересовали)» [Ильенко 2016: 265]. Однако подобные приращения смысла отнюдь не прерогатива СП: та же пресуппозиция без труда прочитывается и во фразе *Брат почему-то прочел книгу о бабочках*, хотя она представляет собой простое — и даже ничем не осложненное — предложение.

Многочисленные явления семантического изоморфизма между простым, простым осложненным и сложным предложением ясно говорят о том, что СП, как и осложненное предложение, не отдельная единица синтаксиса, а подтип Предложения, один из таксонов данной иерархической системы. Этот факт, а также факт очевидной производ-

ности (в синхронном плане) СП от простого предложения и заставляя отнести базовые модели СП к ближней периферии синтаксического поля, а производные от них модели — к дальней периферии.

В качестве базовых целесообразно рассматривать модели СП с наиболее прозрачным, прототипическим соотношением семантики и формы. Это означает, что, например, из сложносочиненных предложений с соединительными союзами сюда попадут не все, а только предложения с временными отношениями (открытой структуры). Предложения же с семантикой обусловленности, неожиданного результата, резкой смены событий, противопоставления, в которых наложение этих значений на базовое временное ведет к закрытию структуры, следует отнести к дальней периферии, так как они производны от первых и не вполне прозрачны в плане соотношения формы и семантики. То же касается, к примеру, сложноподчиненных предложений с целевыми союзами: в качестве базовой модели следует рассматривать только предложения с собственно целевой семантикой. Конструкции же, семантика которых квалифицируется как условно-целевая (*Чтобы иметь право судить, надо обладать мужеством беспощадно относиться к себе* (Ф. Гладков)), противительная-целевая (*Люди выдумывали себе пороки и извращения, лишь бы не прослыть пресными* (А. Н. Толстой)), причинно-целевая (*Солдаты не решались выпрыгнуть, чтобы не разбежались другие арестованные* (А. Фадеев)), образа действия (*Нужно рассуждать кратко, складно, чтобы слушать тебя было занятно* (М. Горький)), перечислительно-целевая (*Глаза Жюль Верна закрылись, чтобы никогда больше не раскрываться* (К. Андреев)) ([Ильенко 1962/2003: 299–303]; примеры отсюда же; приведенный перечень далеко не полон, см. [Данилова 2010]), должны быть безоговорочно отнесены к производным, находящимся на дальней периферии синтаксического поля.

5.2. Регулярные производные образцы простых предложений можно считать речевыми синтаксическими моделями. Они а) производны от базовых, б) обладают более сложной структурой, в) обладают ограниченной вариативностью коммуникативного задания и актуального членения, а также г) фиксированным с точностью до лексико-семантической группы (в отдельных случаях — до лексической единицы) способом выражения по меньшей мере одного из компонентов исходной языковой структуры. Возможно и более дробное членение: на базовые модели, речевые модели и модели высказываний (обоснованное в [Дымарский 2013а]). Примерами могут служить идентифицирующие модели *Так вот + [вопросительное предложение]*, ср. *Так вот о чем вы тут шептались!* или *Это / N₁ V_{ср}*, ср. *Это папа пришел*.

Соотношение базовой, речевой и модели высказывания можно проследить на примере регулярных дериватов от базовой структурной

схемы инфинитивного предложения *Inf*. Производные первого порядка включают обязательные частицы:

— ***Inf бы*** (оптативная модель, ср. *Выставить бы Филонова так, чтобы ахнул Париж!* (Е. Евтушенко));

— ***He Inf бы, Как бы не Inf*** (контроптативная модель, ср. *He уходить бы вам сегодня* (А. и Б. Стругацкие));

— ***He Inf же*** (модель со значением отвергаемой версии перспективы, ср. *He драться же ему с тещей* (В. Токарева, пример Алины Израэли из [Israeli 2016: 312] и целый ряд других).

В производных второго порядка закреплены эллипсис инфинитива и наличие обязательного распространителя (и не только детерминанта), который и берет на себя роль «представителя» модели:

— (***Interj_{эмоц.}***) (***D₁***) (***N₃***) ***бы N^{opt}_{2/4}*** (оптативно-объектная модель, ср. (*Ох,*) *теперь бы пивка; Мне бы вот эти часы*);

— ***N^{imp}₄*** | ***N₃*** (императивно-объектная модель, ср. *Кресло мне...* (М. Булгаков); *Звезду Суворову Александру Васильевичу!* (Рекламный ролик)).

Тем самым так называемые генитивные (или генитивно-аккузативные) предложения получают более удовлетворительную интерпретацию в качестве устойчивых неполных реализаций инфинитивной модели и исключаются из круга базовых моделей простого предложения.

6. Дальняя периферия включает 1) производные модели сложного предложения (например, с неизосемичной функцией придаточного, ср. модель со сравнительным придаточным в присубстантивной позиции ...*с таким гневом, будто...*, или стандартизированные многокомпонентные построения типа ...*сказали, что если..., то...*) и 2) (полу)фразаологизированные полипредикативные модели, сжатые до внешней монопредикативности (*Я не безумец лезть под пули*) — о последних см. [Дымарский 2016].

Предлагаемая модель описания синтаксического компонента грамматического строя русского языка, очерченная здесь, конечно, в самых общих чертах, позволяет, помимо прочего, наметить и разграничить уровни представления грамматических знаний: от минимального, необходимого при обучении русскому языку как иностранному и неродному, базового, элементы которого должны входить в школьную программу по русскому языку, — до основного, формирующего университетский курс, и далее.

Литература

Арутюнова 1976 — Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М., 1976.

- Всеволодова 2000 — *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. М., 2000.
- Всеволодова 2004 — *Всеволодова М. В.* Межнациональный проект «Модели славянских простых предложений с учетом их типовых значений и речевых реализаций». Задачи и перспективы // VI международный симпозиум. Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков. Тезисы (Белград, 1–4 июня 2004 г.). Белград, 2004.
- Грамматика... 1952–1954 — Грамматика русского языка: В 2-х т. М., 1952–1954.
- Грамматика... 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.
- Данилова 2010 — *Данилова Е. А.* Характеристика высказываний с семантикой антицели в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010.
- Друпп 2018 — *Друпп К. Р.* Русские фразовые частицы в лексикографической интерпретации (частицы *бишь, б (бы), дескать, же, ли, мол*): Магистерская диссертация / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2018.
- Дымарский 2013а — *Дымарский М. Я.* От моделей предложения — к моделированию высказывания // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 308–330.
- Дымарский 2013б — *Дымарский М. Я.* К типологии синтаксических связей (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. Институт лингвистических исследований РАН. М., 2013. С. 57–91.
- Дымарский 2016 — *Дымарский М. Я.* Прагматика синтаксической производности: игра «своего» и «чужого» в случае *Я не безумец лезть под пули* // *Acta Slavica Estonica VIII*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. *Свое — чужое* в языке и речи / Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2016. С. 64–77.
- Дымарский 2017 — *Дымарский М. Я.* Когда черемуха цвела? (К постулату о базовом порядке слов в русском языке) // Культура русской речи (Гротовские чтения): V Международная научная конференция. М., 2017. С. 32.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Золотова 1982 — *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова и др. 1998 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Ильенко 1962/2003 — *Ильенко С. Г.* К вопросу о сложноподчиненном предложении с придаточным цели в современном русском языке // *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 293–303. [Впервые опубликовано в 1962 г.]
- Ильенко 1989/2003 — *Ильенко С. Г.* Синтаксические единицы в тексте: Лекции // *Ильенко С. Г.* Русистика: Избранные труды. СПб., 2003. С. 389–460. [Впервые опубликовано в качестве пособия к спецкурсу для слушателей ФПК в 1989 г.]

- Ильенко 2016 — Современный русский язык. Синтаксис: учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общ. ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. М., 2016.
- Ковтунова 1976 — *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Краткая... 1989 — Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989.
- Ломоносов 1755 — *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755.
- Мельчук 1995 — *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл \leftrightarrow Текст». Венский славистический альманах. М.; Вена, 1995.
- Мельчук 2012 — *Мельчук И. А.* Язык: от смысла к тексту. М., 2012.
- Мустайоки 2006 — *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006.
- Норман 2013 — *Норман Б. Ю.* Когнитивный синтаксис русского языка. М., 2013.
- Падучева 2015 — *Падучева Е. В.* Коммуникативная структура предложения // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2015.
- Падучева 2016 — *Падучева Е. В.* Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М., 2016.
- Проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).
- Пчелинцева 2016 — *Пчелинцева Е. Э.* От глагола к имени: аспектуальность в русских, украинских и польских именах действия. СПб., 2016.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.
- Русские глагольные... 2002 — Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
- ТФГ 1987 — Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.
- ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.
- ТФГ 1991 — Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.
- ТФГ 1992 — Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.
- ТФГ 1996а — Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
- ТФГ 1996б — Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посевивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
- Циммерлинг 2012 — *Циммерлинг А. В.* Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сб. ст. в честь 80-летия чл.-корр. РАН А. В. Бондарко / Отв. ред. М. Д. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.

- Циммерлинг 2013 — *Циммерлинг А. В.* Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.
- Циммерлинг 2016 — *Циммерлинг А. В.* Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова. М., 2016. С. 76–103.
- Янко 2001 — *Янко Т. Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко 2008 — *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Israeli 2016 — *Israeli A.* Dative-infinitive constructions with the particle ЖЕ in Russian: taxonomy and semantics // *Slavic and East European Journal*. Vol. 60. № 2. 2016. P. 307–336.
- Kiklewicz, Korytkowska 2010 — *Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski* / Kiklewicz A. K., Korytkowska M. (red.). Olsztyn, 2010.
- Mel'čuk, Pertsov 1987 — *Mel'čuk I. A., Pertsov N. V.* Surface Syntax of English. A Formal Model within the Meaning-Text Framework. Amsterdam, 1987.
- Mel'čuk 1988 — *Mel'čuk I. A.* Dependency Syntax: Theory and Practice. Albany, N.Y., 1988.

ПРАСЛАВЯНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕТЕРИТЫ

«...даже историк литературы должен быть грамматистом»; «...грамматическое учение о формах логически *предшествует* всему остальному» [Бюлер 2000: 29].

Грамматические формы глагола, как никакие другие, насыщены дискурсивно-прагматическими функциями, определяя событийную и смысловую динамику в текстах. Грамматика глагола ментальна и концептуальна, так как обеспечивает выражение разного рода отношений между обозначениями различных сущностей. Глагольная грамматика тесно связана с дихотомией «речь» и «нарратив», с субъективностью и оценкой информации. Характер глагольных форм соотносится с типом текста.

Восточнославянские формы претеритов, будучи неспрягаемыми, противостоят инославянским, наиболее ярко отразив тенденцию к генерализации функционально-семантически наиболее сложной формы — перфекта. В древнерусских оригинальных источниках не было форм простого аориста и сигматического аориста (см. ниже), а значит, в сохранении других простых претеритов можно не сомневаться.

Праславянская система претеритов структурно наследует индоевропейский прототип, хотя фактическим индоевропейским архаизмом в ней является лишь аорист — асигматический и сигматический. Ведущую роль в дальнейшей трансформации претеритальной системы сыграло развитие новых форм имперфекта и перфекта, которое обусловило становление категорий аспектуальности и эвиденциальности.

Славянский имперфект и категория вида

Обращают на себя внимание существенные расхождения между славянской и балтийской системами претеритальных форм. Схождение имеет довольно узкий участок в виде совпадения претеритных основ

Олег Феофанович Жолобов,
Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 15-04-00283).

на *ā и *ē, к тому же оно не замыкается на балтийских и славянских языках, а вписывается в индоевропейский контекст (см. [Семереньи 1980: 277]). Сигматический аорист в древнеславянских языках является индоевропейским архаизмом. Тип основ сигматического аориста «был на поздней стадии существования индоевропейского праязыка самым продуктивным. Во многих языках еще в доисторический период он был слит в единую систему с перфектом, например в кельтских и в латинском. Однако самостоятельным он остался в индоиранских языках, греческом и славянских» [Семереньи 1980: 300].

Вместе с тем в древнеславянских языках уцелел и ряд форм индоевропейского имперфекта, которые после претеритального удвоения в праславянском и образования нового суффиксального имперфекта влились в систему аористных форм, лишив ее однозначной аспектальной прикрепленности. Имперфектное происхождение имеет архаичный аорист бѣ < *bhuē-t [Фасмер I: 141]. По происхождению с индоевропейским имперфектом связывают прежде всего формы простого аориста типа 1 л. ед. ч. *padь, 2–3 л. ед. ч. *wede, 3 л. мн. ч. *i₂dō, а также формы, вошедшие в парадигму сигматического аориста типа *mino, *xwali (см. [Мейе 2000: 199, 203; Семереньи 1980: 317]). Имперфектные формы 2–3 л. ед. ч. типа *nese, как известно, утвердились в качестве единственно возможных аористов для корневых основ на согласный. Вместе с тем данные формы точнее могли бы быть охарактеризованы как формы имперфекта-инъюнктива, поскольку претеритальные формы без аугмента в индоевропейском употреблялись не в собственно темпоральном значении, а выражали различные значения косвенной модальности. В индоевропейском инъюнктив образовывали претеритальные формы с вторичными окончаниями без аугмента, которые, таким образом, теряли значение реального, референтного прошедшего времени (см. [Елизаренкова 1982: 281–283; Иванов 1981: 34–36]). Сохранение архаичных имперфектных форм и переосмысление их в качестве аористных было обусловлено, судя по всему, параллельным употреблением рядом с новыми суффиксальными формами в праславянском (см. [Кузнецов 1961: 126]). Поскольку в древнеславянских языках сохранялись реликтовые формы инъюнктива в виде форм презенса 3 л. ед. и мн. ч. без вторичных окончаний *-t и *-nt, связанных по происхождению с имперфектом, сохранение имперфектного статуса древних форм было проблематично. Инъюнктивное или императивное употребление безаугментного имперфекта в индоевропейском могло также стать одной из причин его замены новой системой имперфектных форм в праславянском языке. Инъюнктивные формы презенса в древнеславянских языках были связаны с категорией потенциальности и обозначали действие, реальность которого не утверждается. В древнерусских источниках они чаще всего были

частью архаичных по происхождению конструкций, восходящих к ритуально-правовым формулам «если X — то Y» (см. [Жолобов 2016a]). Вариативность форм стандартного презенса и инъюнктивного презенса на **-ti* и **-t*, генетически связанного с имперфектом-инъюнктивом, сохранилась и в формах нового имперфекта (см. ниже).

В индоевропейском языке имперфект появился в результате своеобразного претеритального удвоения после образования форм с вторичными окончаниями от основы презенса, в результате чего двухчленное противопоставление превратилось в трехчленное: 3 л. ед. ч. **bhég-e-ti* ‘бежит’ ~ **(e)-bhug-é-t* ‘бежал’ > **bhég-e-ti* ~ **(e)-bhég-e-t* ~ **(e)-bhug-é-t*. Поскольку внешнее текущее время презенса во вторичном претерите — имперфекте — стало внутренним в противовес внешнему времени претерита, образовалась потенциальная категория аспектуальности, которая в праславянском языке получила развитие. Претеритальное удвоение и образование нового имперфекта в праславянском повторяет модель претеритального удвоения в индоевропейском. Как и в индоевропейском, праславянский имперфект совмещал дуративную семантику презенса со значением прошедшего времени. В праславянском языке наблюдается структурная компенсация эволюционных потерь в языке-предке. Формирование нового славянского имперфекта стало своего рода возвращением к исходному индоевропейскому состоянию вследствие размывания морфологических характеристик индоевропейского имперфекта-инъюктива в праславянском. Этот процесс можно сравнить с восстановлением корреляции количественных и порядковых числительных и развитием склонения у неизменяемых количественных числительных после утраты морфологической корреляции в ходе фонетических преобразований: **septm* ‘семь’ ~ **septm-o-s* ‘седьмой’ > **setь* ~ **sedm-ъ* > **setь* + **sedm-ъ* = **sedm-ъ* ~ **sedm-ъ-jь* (см. [Жолобов 2001: 97]). Толчком к новому удвоению претеритальных форм также стало затемнение морфологической структуры и корреляции словоформ.

Новый имперфект как форма прошедшего времени развивался вначале, по-видимому, в качестве разновидности сигматического аориста — фактического прошедшего, поскольку сохранял морфологическую связь с аористом, судя по консонантной основе суффикса **-x-/*-š-(*-s-)*¹. Вариативные формы 2 и 3 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. в старославянских евангелиях **нѣкаашѣта** vs. **нѣкаста**; **бѣпнѣшѣте** vs. **бѣпнѣастѣ**, **бѣпнѣаста**; **помѣшлѣашѣте** vs. **помѣшлѣастѣ** и под., как и в других древнеславянских источниках, указывают не столько на диахронические расхождения, сколько

¹ Исчерпывающий обзор гипотез о происхождении славянского имперфекта см. в [Кузнецов 1961: 110–127].

на диалектные различия в праславянском, поскольку в ряде древнеславянских памятников, прежде всего восточнославянских, формы первого типа не употребляются. Таким образом, имперфектные формы на *-sta*, *-ste* свидетельствуют о генетической зависимости имперфекта от суффиксального аориста. Основы нового имперфекта типа **nesē-* > **nesē-*, **wedē-* > **wedē-*, **znājē-* > **znaja-*, **mogē-* > **moža-*, **pekē-* > **peša-* могут рассматриваться как основы презенса с продленной ступенью тематического гласного (см. [Vondrák 1912: 510])². Откуда далее в новом типе *i*-глаголов, где, вероятно, *i*-степени могли варьировать: **nosi-ē-* > **nosja-* > **ноша-**, **wodi-ē-* > **wodja-* > **вожда-** / **вожа-** и под. В пользу последнего предположения свидетельствуют многочисленные случаи образования имперфекта от основы настоящего времени в древнеславянских памятниках письменности. А. Вайан [Вайан 1952: 271–272] приводит массу подобных примеров из Супрасльской рукописи, которые мы для большей наглядности дополняем формами инфинитива и презенса: **зѡвѣашѣ** (при **зѡвѣати** / **зѡвѣтъ**), **жѣнѣахѣ** (при **жѣнѣати** / **жѣнѣтъ**), **мѣлаашѣ** (при **мѣлѣати** / **мѣлѣтъ**), **прѣнѣмлаашѣ** (при **прѣнѣмати** / **прѣнѣмѣтъ**), **обращѣахѣ** (при **обращѣати** / **обращѣѣтъ**), **мѣштаахѣ** (при **мѣстати** / **мѣштѣѣтъ**), **бѣсѣдоуѣашѣ** (при **бѣсѣдовати** / **бѣсѣдоуѣѣтъ**), **красѡуѣашѣ** (при **красѡвати** / **красѡуѣѣтъ**) и др. В связи с этим становятся понятными и кажущиеся полностью искусственными формы с тремя гласными графемами в древнерусских евангелиях, наследующих старославянские формы: **нѣсѣмѣахѡуѣ** ЕвМст 97г22–23; **знаѣаашѣ** ЕвТип 469; **вѣпѣаашѣѣѣ** 40а16–17; **знаѣаашѣ** ЕвПант 216а14; **бѣаахѡуѣти** н 144в4 и под. Если в связи с вышеизложенным **знаѣаашѣ** < **znājē-āx-e-t* < **znājē-* (модифицированная основа презенса) < **znaje-* (тематическая основа презенса), то подобные формы, напротив, закономерны.

В то же время новые, имперфектные, основы на **ē* и **ā* в формальном плане близки аористным основам типа **birā-*, **dēlā-*, **imē-*, **sēdē-*. Не случайно древний имперфект **бѣхѣ** сливается с парадигмой аориста, а рядом развивается новый имперфект **бѣахѣ** с суффиксом, расширенным вокалическим компонентом. В Саввиной книге наблюдаются лишь формы с консонантным суффиксом (при одном исключении — **нѣсѣаашѣ**), что может свидетельствовать об основном характере форм **нѣвѣшѣ**, **плѣтѣхѡмѣ**, **вѣдѣхѣ** и под.,

² В формальном плане данные основы совпадали с индоевропейскими тематическими основами конъюнктива. Поскольку в конъюнктиве наблюдается вариативность первичных и вторичных окончаний, существует предположение о двух временах в конъюнктиве — презенте и имперфекте [Kuryłowicz 1964: 139].

которые принято связывать исключительно со стяжением гласных (см. [Вайан 1952: 268; Ван-Вейк 1957: 320]). Поскольку основы типа *nesē- = < *nese-e-, механизм развития вокализма в суффиксе — удвоение гласного основы, возможно, воспроизводят «аномальные» формы Супрасльской рукописи и Изборника 1073 г.: **НАУЪНЪЕХОМЪ** Супр 37, 9; **прѣстанѣшѣ** 258, 18 и под.; **бѣѣста** Изб 1073, 212в20; **жнѣѣшѣ** 259а23. Унификация суффикса в виде **-ах-/-аш-** была неизбежна ввиду развития форм **бѣраахъ**, **нѣкаашѣ** и под. Суффикс имперфекта с «тематическим» гласным *а- является структурной параллелью к тематическому суффиксу аориста типа *nesохъ.

Если исходить из модификации презентной основы и образования новой имперфектной основы типа *wede- > *wedē-, то нужно признать, что в значении нового славянского имперфекта важное место стало принадлежать обозначению внутреннего времени или структуры действия — иными словами, вида глагола, получившего особую форму морфологического выражения. Значение текущего, длящегося действия презенса, перенесенное в прошедшее, стало внутренним — аспектуальным — временем глагола. Как можно заключить из наблюдений над эволюцией славянского имперфекта, скепсис по отношению к развитию начальной стадии категории вида в индоевропейском не имеет под собой оснований. Славянские языки развили категорию, которая в зародышевом состоянии уже существовала в материнском языке.

Перфективный имперфект

Прочная связь имперфекта с имперфективными основами выражается в статистике форм в канонических старославянских памятниках: только 1 % имперфектов образован от перфективных основ, в то время как 40 % аористов связаны с имперфективными основами [Večerka 1993: 157].

О развитии славянского имперфекта в рамках складывающейся категории вида свидетельствуют древние формы перфективного имперфекта с рядом обособленных значений.

Ю. С. Маслов установил, что перфективный имперфект приобрел значение «множественно повторявшегося в прошлом действия, каждый отдельный акт которого достиг завершения» [Маслов 1954: 81]. После исследования Ю. С. Маслова принято считать, что ранние древнерусские памятники, в которых перфективный имперфект был обычным явлением, существенно отличаются как от старославянских источников, в которых данные формы практически отсутствуют, так и от древнерусских списков ранних южнославянских переводов [Зализняк 2008б: 98]. Напротив, В. Б. Крысько [Крысько 2011: 827–829; Крысько 2014: 123–124], ссылаясь на отдельные примеры перфективного им-

перфекта в источниках южнославянского происхождения, скептически оценивает восточнославянскую природу подобных форм и отмечает неизученность этого специфического явления «на широком материале различных по происхождению источников».

А. А. Зализняк [Зализняк 2008б: 97] впервые установил точный количественный вес перфективных имперфектов на фоне общего числа имперфектов в целом ряде древнерусских памятников. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия занимает в этом перечне четвертое место по количеству перфективных имперфектов в абсолютном выражении, однако на фоне общего большого числа имперфектов и количества слов в тексте абсолютные данные несколько теряют свою значимость. Тем не менее, имеет смысл прежде всего исходить именно из абсолютных цифр, поскольку употребление перфективных имперфектов диктуется типом дискурса и прагматикой текста. Согласно статистическим данным А. А. Зализняка, своеобразный рейтинг 6 древнерусских источников по абсолютному количеству «имперфектов совершенного вида» выглядит следующим образом (укажем из него 6 позиций):

Памятник	Количество имперфектов СВ	Общее количество имперфектов
1. ПВЛ по Лавр.	56	около 650
2. Житие Феодосия (нач. XII в.)	44	около 380
3. ПВЛ по Ипат.	42	около 620
4. Флав. (XI–XII вв.)	25	около 1800
5. Житие Андрея Юрод. (XI–XII вв.)	13	около 760
6. Гал.-Волын. лет. (XIII в.)	9	около 450

Установленные А. А. Зализняком статистические данные — прежде всего абсолютные — имеют важное значение: это показательный ориентир для оценки употребительности имперфектов совершенного вида в старославянских памятниках и других источниках. Менее важны и показательны относительные, процентные отношения, поскольку употребление мотивировалось тем или иным текстовым пассажем.

В старославянских евангелиях перфективный имперфект встречается очень редко, и это определяется типом текста. В SJS в каждой глагольной статье приводятся пометы вида глагола — совершенного («pf.») и несовершенного («imp.»). В статье **НАЗЪРЪТН** с пометой «pf.» приводится пример имперфекта совершенного вида из Мариинского евангелия: **НАЗЪРЪАХЪ Н КЪННЖЪНЦН ... АШТЕ ВЪ СОБОТЪ НЦЪАНТЫ-Н** L 6,7 Mar (**НАЗЪРААХЪ** Zogr As Ostr) [SJS II: 292].

Показательно, что в других евангелиях здесь представлен глагол несовершенного вида, в то время как в Мариинском евангелии подчеркнута многократность и постоянность действия, отражающего дистрибутивную множественность деятеля. Аналогичный пример из Саввиной книги обнаруживается в статье **пронтн** с пометой «pf.», где обозначена многократность, хабитуальность и исчерпанность действия полным охватом объектной направленности — в этом случае семантика дистрибутивности относится к объекту действия: **прондѣше ꙗкоу ꙗкоу грады вса** Mt 9,35 Sav (**проходяааше** Zogr Mar As Ostr) [SJS III: 352]. В отрицательных конструкциях с перфективным имперфектом **не дадѣаше** и аористом **не да** противопоставляются многократное законченное и однократное действия: **сѣдалншта продажштнхъ голжен испроврже · ꙗ не дадѣаше ннкому же мнмоне стн · съждъ сквозъ цръковь** Mc 11,15–16 Zogr Mar [SJS II: 211] vs. **прншьдъ же въ домъ · не да ннкому же выннтн съ собою · тѣкъмо петровн · ꙗноану · ꙗнѣкову · ꙗотѣꙗцю отроковнца · ꙗматерн** L 8,51 Zogr Mar As Sav Ostr [SJS I: 467]. Имперфект **не дадѣаше** ‘не позволял, так и не позволил, ни разу не позволил’ подчеркивает непреложность и исчерпанность действия — интенсивность запрета.

А. Вайан [Вайан 1952: 379] упоминает пример имперфекта совершенного вида из Сборника Клоца и отмечает, что имперфекты совершенного вида довольно часто встречаются в Супрасльской рукописи, где они обозначают возможность, обычность или кратность действия в прошлом.

По нашим подсчетам, в Супрасльской рукописи представлено по крайней мере 17 имперфектов от глаголов, которые охарактеризованы как перфективные в [SJS I–IV] и [CCC]: **дадѣаше** 104, 15³; **задѣхнѣаше са** 233об., 13; **нстрадаахъ** 46об., 4; **исъхнѣаше** 238об., 24; **нцѣлѣаше** 248об., 16; **науѣнѣхомъ** 37, 9; **обраштахъм са** 36об., 26; **обраштаахъ** 256, 21; **останѣахъ** 207, 18; **подвнгниѣаше** 173об., 12; **помолюхомъ** 36об., 23; **поразоумѣахъ** 256, 20; **проснаше са** 256, 26; **прѣмльѣаше** 206об., 23; **прѣстанѣаше** 258, 18; **сѣнндѣаше** 248об., 10; **снндѣаше** 248об., 16. Обращает на себя внимание большое количество имперфектов от основ настоящего времени.

Несомненно, 17 форм — это существенная величина. Общее число имперфектов здесь около 1250 форм — намного меньше, чем в Флав.

³ Указывается лист и строка рукописи по интернет-изданию на сайте manuscripts.ru.

Только в 4 древнерусских источниках представлено большее число имперфектов совершенного вида. Супрасльская рукопись в целом оказывается близкой по этому параметру древнерусским переводным памятникам письменности. В большей части контекстов данные формы имеют отчетливое кратно-перфективное значение. Целый ряд форм входит в целостные пассажи, образуя предикативные цепи. В переводе кратно-перфективное значение приходится передавать описательно или с помощью форм простого будущего — так называемого настоящего совершенного вида. Например, следующий ниже контекст может быть переведен таким образом: *Когда же мы в ратах обретались и всякий раз, как помолим Бога (всякий раз, как молили Бога), Он помог нам и мы одолевали, и все убегали, и мы одни числом сорок посреди них всякий раз оказывались (бывало, очутимся).* См.:

1–2	<p> нѣгда бо въ ратехъ бѣрѣтахомъ сѧ · нѣ помолихомъ бѣ · то помагаше намъ нѣ одѣлавахомъ · нѣ въсн побѣгдахъ · нѣ мы нѣдннѣмъ · прѣдоу нѣхъ бѣраштахъ сѧ Супр 36 об., 22–26. </p>
-----	---

Такое же законченное неопределенно-кратное действие обозначено имперфектами в других контекстах [Жолобов 2016б] (см. также [Жолобов 2016д]). *Не всегда ли, как начнем бороться, произносим этот псалом?*

3	<p> нѣ въсѣгда лн нѣгда наубнѣхомъ сѧ братн · глаголаахомъ псалмоса сего 37, 9–10. </p>
---	--

Поиск контекстуальных значений перфективного имперфекта можно признать рискованным занятием, если он препятствует выявлению центральных инвариантных значений. Кроме кратно-перфективного значения, другим инвариантным компонентом категориально-грамматической семантики может выступать более или менее отчетливо выраженная дистрибутивность либо деятеля, либо объекта или адресата.

«Генетическая соотнесенность большинства древнерусских рукописей с южнославянской книжностью обуславливает их огромное значение для палеославистики» [Крысько 2003: 339]. Безусловно, для того чтобы составить полное представление об употреблении перфективных имперфектов в старославянском языке, необходимо учесть свидетельства церковнославянских памятников древнерусского извода. Анализ этих данных еще более убеждает в том, что перфективный имперфект был довольно обычным явлением в старославянском языке, а мера частотности его форм определялась дискурсивно-прагматической природой текста.

В древнеболгарском Симеоновом изборнике, сохранившемся в древнерусском списке 1073 г., нами обнаружено 9 имперфектов с кратко-перфективным значением — немалая величина (при общем числе имперфектов около 480 словоформ). Все они не противоречат узуальному раннедревнерусскому типу, а часть носит отчетливо русифицированный характер: **прнѣзашѣ** Изб 1073, 151г2⁴; **подъложашѣ** 151г4; **нспростѣрашѣ сѧ** 151г5–6; **боудашѣ** 151г9–10; **въснѣшѣ** 151г11; **боудашѣ** 151г19; **прндѣяхоу** 257б16; **прндѣашѣ** 257б18; **прндѣяхоу** 257б20. Все формы сосредоточены лишь в двух нарративных пассажах, в которых говорится о многократных завершённых действиях в прошлом, представленных последовательной их цепью, когда действия сменяют друг друга установленным порядком, имеющим таинственную, сакральную природу⁵. Подобная прикреплённость к особому рода прагматико-дискурсивным формам доказывает сугубую функциональную направленность имперфектных словоформ совершенного вида. В первом пассаже представлены стяженные формы, а во втором — нестяженные, что не является редкостью в компиляциях. См. описание регулярной последовательности действий при гаданиях:

1–6	<p> да нгда оубо хоташѣ • сѧтнтѣль въпрашатн бѧ о коѧн любо рѣун • прнѣзашѣ н на рамѣннѣн посредоу прѣснн н подъложашѣ роуцѣ подъ нѣ • н нспростѣрашѣ сѧ на дланнѣ • акы дѣска • н зѣра на кфѣдѣ въпрашаашѣ бѧ • о въпросѣ • н аштѣ боудашѣ бѣу годѣ въпросѣ тоу аѧннѣ въснѣшѣ адамасѣ • н сѧетомѣ блнскаашѣ сѧ • аштѣ лн нѣ бѣашѣ годѣно • прѣбѣкаашѣ въ скоѧмѣ унноу • камѣкѣ • аштѣ лн хоташѣ бѣ на мѣу прѣдатн людн • боудашѣ крѣваѣ • аштѣ лн сѣмрѣть нантн хоташѣ урѣнѣ Изб 1073, 151в28–151г21. </p>
-----	--

На примере этого пассажа вновь можно видеть, какой высокой концентрации достигали перфективные имперфекты в определенного типа текстах в старославянской традиции: 6 к 13 — 46%.

⁴ Согласно [SJS III: 264] **прнѣзашѣ** — двувидовой глагол, но в приведенном ниже контексте предпочтительнее видеть перфективное употребление.

⁵ См. в связи с этим замечание В. А. Плунгяна: «Наиболее справедливой представляется поэтому гипотеза, согласно которой дискурсивное использование грамматических механизмов в естественных языках в основном осуществляется с целью разграничить разные типы пассажей» [Плунгян 2008: 20].

В Синайском патерике, который был переписан со старославянского кодекса в конце XI в. (или, возможно, в начале XII в.), нами обнаружено еще большее количество имперфектов совершенного вида — 22 (при общем количестве около 840 имперфектных словоформ). Это весьма значительная величина даже на фоне древнерусских памятников с высокой относительной частотностью перфективных имперфектов. Среди них много так называемых стяженных, а кроме того, русифицированных форм, а также форм от основ презенса: **вѣзѣмашѣ** СинП к. XI, 4об., 2; **вѣзѣмашѣ** 175об., 1–2; **вѣнѣмашѣ** 149, 18; **вѣсклѣпашѣ** 71, 18; **вѣсклѣпаху** 89об., 19–20; **нстаѣшѣ** 176об., 1; **обраѣахъ** 112, 11; **обраѣашѣ** 10об., 7–8; **обраѣашѣ** 117об., 16; **обраѣашѣ** 124, 3; **обраѣашѣ** 167, 19–20; **повѣлааху** 37об., 7; **покрѣиашѣ** 116об., 12–13; **положашѣ** 116об., 14; **прндааху** 37об., 6–7; **прндашѣ** 154, 4; **прндашѣте** 165, 7; **прнстоупашѣ** 4об., 3; **прѣбоудахъ** 71, 17; **прѣбоудахъ** 90, 1; **рѣѣашѣ** 92, 8; **сѣконьѣашѣ** 28об., 10–11.

Большое число перфективных имперфектов в Синайском патерике естественно вытекает из дискурсивно-прагматической природы текста, повествующего о жизни монашествующих с ее неизменным, раз и навсегда заведенным порядком, с регулярной последовательностью цепи завершенных действий. Приведенный ниже контекст, например, может быть переведен следующим образом: *И когда я преодолел все ступени, пребывал (пребуду) здесь всякий раз, пока не всклепало било, кланаясь и совершая молитву; и когда даст знак било, я отправлялся на службу.* См.:

1–2	н нгда сѣлѣзохъ степѣнь вѣсѣхъ · тоу прѣбоудахъ · дондѣже вѣсклѣпа бнло · кланѣа сѣ н молнтвоу твора · н нгда вѣсклѣпашѣ бнло · тѣгда хожахъ на слоужьбоу СинП к. XI, 71, 16–19.
-----	---

Приведем ниже еще контекст с подобными формами. Во всех случаях здесь со всей очевидностью выступает кратно-перфективное значение, как в следующем примере: ...где, бывало, найдет логовище льва, там и спал.

3	н м'ногашѣды охода · н прѣзѣваа вѣ братнннхъ · стѣго ннр'дана · ндѣже обраѣашѣ ложе львоко тоу сѣпашѣ 10 об., 6–8.
---	---

Ю. С. Маслов [Маслов 1954: 81] выделял 3 типа цепей с разным характером содержательных внутренних отношений: 1) кратно-парный, 2) кратно-цепной, 3) кратно-предельный. По-видимому, это закон

глагольной грамматической системы — глагольного морфосинтаксиса, который проявляется у разных типов форм. Так, Е. А. Мишина [Мишина 2002] установила, что в предикативных цепях у перфективного презенса реализуется модальное значение потенциальности. Согласно [Zholobov 2014], так называемые нулевые формы презенса также выступают в би- или полипредикативных цепях, где, как правило, только и могло реализоваться значение нефактивного, возможного действия. Трудно согласиться с Ю. С. Масловым в другом — в том, что именно внутренними темпоральными отношениями в цепях диктовалось появление перфективных имперфектов. Кратно-перфективное значение как категориально-грамматический феномен существует само по себе и реализуется в полипредикативных цепях, но вовсе не продуцируется ими.

Приведенные факты доказывают, что перфективные имперфекты как категориально-грамматическое явление наблюдаются в старославянском языке, однако, как и в древнерусских памятниках, они ассоциированы с особым типом повествования.

Большое количество перфективных имперфектов (**вѣсташѣ**, **нѣдѣашѣ** и под.) представлено в другом архаичном источнике такого же типа, что и Синайский патерик, — Скитском патерике, древний перевод которого предположительно может принадлежать Мефодию (см. [Крысько 2014: 123]).

Таким образом, наличие перфективного имперфекта в источниках старославянского происхождения доказывает, что славянский вид в основных своих чертах сложился уже в языке-предке, а существование перфективного имперфекта как категориально-грамматического явления свидетельствует о том, что новое удвоение претеритальных форм и развитие нового славянского имперфекта является отражением видового противопоставления в системе праславянского презенса, с которым имперфект коррелирует. Перфективный имперфект в древнерусском языке является праславянским архаическим наследием. Необычайно широкое использование перфективно-имперфектных словоформ в ранних древнерусских памятниках составляет особую черту языка восточных славян в XI–XII вв., хотя нельзя утверждать, что древнерусские источники не испытали влияния южнославянских письменных памятников (о перфективном имперфекте в древнерусских переводах и оригинальных текстах см. [Жолобов 2017: 72–81]).

Приведенные факты подтверждают аутентичность и функциональное родство как старославянских, так и древнерусских форм перфективного имперфекта, унаследованных из языка-предка. Имперфекты с кратно-перфективным значением фиксируют внимание в повествовательных текстах на особого рода реальности — хабитуальных завершённых ситуациях как мере и свидетельстве упорядоченности, неслучайного характера и причинной обусловленности событий.

Возможности употребления перфективного имперфекта, как можно предполагать, были отправной точкой в разнонаправленном развитии перфективных и имперфективных глаголов в разных славянских языках, в результате чего в «западных» славянских языках хабитуальные ситуации по-прежнему могут описываться перфективными глаголами (см. [Fortuin, Kamphuis 2015]). В то же время развитие перфективного имперфекта доказывает соотнесенность категории вида с категорией исчисляемости vs. собирательности, поскольку, как было установлено, плюрално-дистрибутивный тип деятеля или объекта и адресата провоцировал употребление перфективного имперфекта. Это второе по значимости мотивационное основание использования перфективного имперфекта.

Надеемся, что представленные новые материалы и комментарии к ним, оживят научную дискуссию по данной проблематике.

Имперфект с добавочным окончанием *-тъ*

О. Б. Страховой установлено 2 типа употребления имперфекта с добавочным окончанием в Житии Феодора Студита по списку конца XII в. В первой части ЖФС XII (л. 33об. — 99) масштабно представлен максимально расширенный тип употребления имперфектов на *-тъ* (81 форма), в то время как во второй части (л. 100–172) использовано лишь 2 формы [Страхова 2011: 254]. Согласно А. А. Пичхадзе, в двух частях ЖФС XII прослеживается использование разной переводческой техники — иными словами, деление текста объясняется работой двух переводчиков [Пичхадзе 2011: 38–39]. Приходится признать, что в одно и то же время существовали разные традиции употребления имперфектных форм с добавочным окончанием — одна ориентирована на «свободный стиль» и максимально широкое использование форм на *-тъ*, а другая, напротив, ориентирована на книжную речь с ее сдержанностью в использовании данных форм.

Известно, что Житие Феодосия Печерского, созданное не позднее начала XII в. также распадается на 2 части, при том что разделение вызвано другими причинами — сменой писца в середине столбца 46г: в отличие от первого писца, у второго писца не встречается имперфект 3 л. ед. ч. на *-тъ*, а также отсутствуют формы с отражением перехода *-тн н < -тъ н* в 3 л. мн. ч. Таким образом, употребление соответствующих форм объясняется орфографическими навыками писцов, меньшей или большей свободой в использовании вариативных форм.

В Евангелии с его древней старославянской традицией господствует принцип максимальной ограниченности древнерусских форм с добавочным окончанием, сведенный к узкому типу контекстов с по-

тенциально обесценным звучанием. Эта, ориентированная на Евангелие норма употребления, есть результат максимального сужения сферы использования имперфектов на -ть. В заново создаваемых текстах или переводах, как можно удостовериться, наблюдается совсем другая картина. Так, в записи к Мстиславову евангелию до 1117 г. писец использует привычную для него форму на -ть даже в составе плюсквамперфекта 3 л. ед. числа: **ѡже башѣтъ казашъ мѣстиславъ кѣназъ** ЕвМст 213a25–213b1. Здесь следует обратить внимание и на еще одну особенность данной формы: это так называемый стяженный имперфект, в то время как в самом евангельском повествовании полностью господствуют нестяженные формы, как в старославянском первоисточнике: **ѡскаахъ** ЕвМст 7613–14; **молаахуѣтъ** 41g12; **блудаахуѣ** 124b11; **хжлаашѣ** 161b24–25; **хотаашѣ** 206b2 и под. Сохраняются в отдельных случаях даже формы с тремя гласными графемами подряд: **нѣ сѣмѣаахуѣ** ЕвМст 97g22–23. Вместе с тем нестяженные формы несут отчетливую печать русификации в сравнении с исходными старославянскими формами: **молаахуѣтъ** < **молаахъ**; **блудаахуѣ** < **блудаахъ**; **хжлаашѣ** < **хуѣлаашѣ**; **хотаашѣ** < **хотѣашѣ** и т.д. Архаичные орфограммы с тремя гласными графемами, которые даже в старославянских источниках являются большой редкостью, наблюдаются и в более поздних древнерусских списках Евангелия в XII–XIII вв.: **бѣаашѣ** ЕвПант 65b3; **нмѣаашѣ** 112a11–12; **нмѣаашѣ** 115b3–4; **бнѣахуѣтн н** (< **бнѣахъ н**) 144b4; **знааашѣ** 216a14; **знааашѣ** ЕвТип 469; **вѣпнѣаашѣтѣ** 40a16–17; **бнѣахѣтъ н** 56g13 и др.⁶

Единичный пример форм 3 л. ед. числа на -ть в Остромировом евангелии 1056–1057 г. обусловлен речевым автоматизмом, поддержанным старославянским первоисточником:

н бѣша люднѣ жндѣще захарнѣ н уѣждаахъсѣ ѡже моѣждаашѣтъ въ црѣкѣвн н шѣдъ же · нѣ можаашѣ глѣтн кѣ ннмъ ЕвОстр 279a14–279b4*	уѣждаахъсѣ ѡже кѣшнѣашѣтъ въ црѣкѣвѣ L 1, 21 Mar (мжжаашѣ Zogr, моѣждаашѣ As) [SJS II: 95]
--	---

⁶ Такие формы встречаются лишь еще в глаголических четвероевангелиях — Мариином и Зографском (см. [Вайан 1952: 268]).

* Ср.: **і бѣша люднѣ жндѣще захарнѣ · н уѣждаахѣсѣ ѡже моѣждаашѣтъ въ црѣкѣ · н ішѣдъ нѣ можаашѣ глѣтн кѣ людѣмъ** ЕвТип 94a22–94b4.

Сочетание глагола и местоимения **моуждааше ть** было воспринято как единая словоформа только по той причине, что подобные формы существовали в речи писца. Нельзя исключать того, что и в старославянском здесь была представлена единая словоформа, а не словосочетание. Подобный же случай в старославянской Саввиной книге рассматривают именно так:

<p>н запрѣтн нмъ да ннкомоужѣ не повѣдѣть · єлккоже н запрѣщашѣтъ онн паучѣ проповѣдааху · н прѣнзлнха днвлѣахуѣса глѣюще · добрѣ въсе творѣтъ ЕвПант 156612–19</p>	<p>єлккоже имъ ть запрѣштаашѣ · онн же паучѣ излнха проповѣдаахж Mc 7,36 Zogr Ostr, запрѣщашѣтъ (sic!) Sav (заповѣдаашѣ Mar, запрѣти As) [SJS I: 655]*</p>
--	--

Тем не менее и в евангелия проникают под влиянием речевого автоматизма отдельные формы на **-ть**, не связанные со стандартной позицией форм 3 л. мн. ч. имперфекта перед энклитическим местоимением **н**: **Нѣаахуѣтъ же съ нмъ народн мнози** Ев-Тип 118a9–10; **н не імаахуѣтъ нмъ вѣры** 135611–12; **ѣако нападаахуѣтъ кѣмъ** ЕвМуз 49г17–18; **н слоужахуѣтъ кѣмоу** 113625; **твон бѣахуѣтъ н мѣнѣ ѣ далъ єн** 148в21–23⁷; **даахуѣтъ кѣмоу** 154г14–15; **прѣщахуѣтъ кѣмоу** ЕвПант 129a8–9; **оученици же прѣщахуѣтъ прѣносящнмъ** 13067–8; **н прѣщахуѣтъ єму** 132615; **рѣпѣтахѣтъ же нюдѣн на нь** 12a25–26; **н оужасахуѣса н послѣдъ ндоуше боахуѣтъса** 131619–20.

Помимо расширенного употребления перед разными формами анафорической местоименной энклитики **н**, здесь встречаются и не связанные с местоимением примеры, в том числе такие, которые свидетельствуют об исконном характере форм на **-ть**.

У раннедревнерусских писателей обнаруживается разнообразие в употреблении дополнительного окончания, но в целом сохраняется некий единый своего рода стандарт, который обычно является свободным от литургической нормы. См. в проповедях Кирилла Туровского:

єгоже спомъ бнѣмъ нарнцахуѣтъ кннжннннн СбТол XII2, 8 об.; **сѣбрахуѣтъса** въ нѣрлмъ 16об.; **не върѣахуѣтъ кѣмоу · нз прѣтнкоу**

⁷ Имперфект здесь находится не перед энклитическим местоимением, а перед проклитикой — союзом **н**.

* А. Вайан приводит также форму **можааше ть** из более поздней вставки в глаголическом Зографском четвероевангелии [Вайан 1952: 267].

бл҃гѣн хулаѣть 16об.; ꙗже н нѣса повѣдахуѣть звѣздаю 31об.; Нмѣишьѣ же съ собою ꙗ 35об.

Литургический, «редуцированный» тип употребления имперфектов с дополнительным окончанием почти исключительно перед новой энклитикой н ‘его’ для избежания неблагозвучных сочетаний автору Слов также хорошо знаком: сѣръѣтахуѣтн н СбТол XIII₂, 9 об. (с ранним южнорусским обозначением фонетического изменения -тъ н > -тн н) и др.⁸

Полная самостоятельность Кирилла Туровского при употреблении имперфекта проявляется и в другом: у него находим имперфект с полногласием полокаху ‘полоскали’ при разъяснении гебраизма кнѣзѣда, которое является уникальным в древнеславянской письменности⁹:

того радн при мнозѣ приде народѣ • кѣ соломонн кододрѣжн • нже наръцаѣтъса кнѣзѣда • снрѣуѣ шкъуа коупѣль • понеже тоу полокахуѣ жрътъннхуѣ овецѣ оутробѣ СбТол XIII₂, 17.

Добавочное окончание является наследием той эпохи, когда имперфект-инъюктив стал смешиваться с презенсом после появления претеритального удвоения и развития суффиксального имперфекта. В новой работе отмечаются формы имперфекта с добавочным окончанием в южнославянских кодексах Учительного евангелия Константина Преславского [Крысько, Мошков 2017: 380]. Этот факт не оставляет сомнений в праславянском происхождении имперфектов 3 л. с добавочным окончанием.

Аорист *рѣша*

Известно, что простой аорист, как и сигматический от консонантных основ, употреблялся в Древней Руси в текстах, переписанных с южнославянских рукописей. Архаичные формы сигматического и простого аориста встречаются в древнерусском списке 13 Слов Григория Богослова XI в., переписанного, вероятно, с глаголического первоисточника. См. формы 1 л. ед. ч., 3 л. дв. ч., 2 л. мн. ч. глаголов нзнемощн, нстрыгнѣтн, навѣстн, науѣтн, рѣцн:

н колънѣ мон нзнеможѣте постомѣ ꙗбѣ XI, 22б; се же н створиѣ • н аще малымъ взнше науѣсѣ 144а; н не показаху • макъуаншнмн брауѣканнмн навѣсѣ 301в; н дѣлѣ егоже не одѣжднху нсѣше • н рѣсте • мѣжнмъ са • навѣсѣ на кѣ градѣ • дѣкатю ѣзѣжъ показаа ... н жнѣа вашѣа побѣху • н зѣлобѣ вашѣа не нстрыгѣ 302а (если последняя форма не причастная).

⁸ См. [Жолобов 2015].

⁹ Реконструируется праслав. *polkati наряду с *polskati; срв. укр. *полóкати* ‘полоскать’, ст.-сл. плакатн [Фасмер III: 315].

16 форм простого аориста засвидетельствовано в Захариинском паримейнике 1271 г. Встречается и видоизмененный сигматический аорист, например: *си ми дасть ѿ дрѣва н снѣхъ* Зах 1271, 46г13–15 vs. *снѣдохъ* Григ XII/XIII, 22; *всь днь разворъшася* всн нстоунни бзданы Зах 1271, 84а7–10 vs. *разврхъшж* сд Григ XII/XIII, 35 и под. [Zholobov 2016: 163–164]. Г. А. Мольков недавно установил новые факты хорошего знакомства древнерусских писцов с простым аористом в ранний период: в Погодинском евангелии XI в. представлено 22 формы простого аориста, а в Толстовской псалтыри XI в. — 124 формы (!). Это полностью опровергает устоявшуюся точку зрения о чрезвычайной редкости форм простого аориста в славяно-русской письменности [Мольков 2017].

В то же время в оригинальных древнерусских текстах таких форм нет. Это доказывает их диалектный характер, с одной стороны, а с другой — узуальный, живой характер претеритов, которые встречаются в оригинальных древнерусских текстах.

Другая картина наблюдается в случаях с употреблением сигматического аориста глагола *рѣун/рѣци*. Так, западностарославянский тип форм преобладает в позднедревнерусском Захариинском паримейнике 1271 г., однако нужно иметь в виду, что здесь и сам перевод имеет кирилло-мефодиевское происхождение. Соотношение здесь такое: 1 л. ед. число *рѣхъ* — 11, *рѣсхъ* — 2; 3 л. дв. число *рѣстѣ*, *рѣста* — 2, *рѣкоста* — 0; 2 л. мн. число *рѣстѣ* — 1, *рѣкостѣ* — 2; 3 л. мн. число *рѣша* — 11, *рѣкоша* — 6; *нарѣша* — 0, *нарѣкоша* — 1 [Zholobov 2016: 164].

Данный глагол в последних работах включается в число ключевых единиц ренарратива как разновидности категории эвиденциальности (см. [Коптев 2014]). В проповедях Кирилла Туровского обнаруживаются почти исключительно формы сигматического аориста *рѣша* ‘сказали, говорили’, которые были характерны для кирилло-мефодиевских источников, помимо следующих форм:

Сн бо рече соломонъ помислиши н прѣльстишися ослѣпн^{бо} ѿ злоба нхъ • рѣкоша бо оуловниа правдыника • руганиемъ н ранами стажемъ его • н смѣртню беззѣпотною осудимъ его СбТол XIII², 9; Ыто же н иеще хощете ѿ мене слышати • понеже рѣкоу вамъ н не вѣрочете • еда н взи оученици его съ мною хощете быти 29об.; к немоще възгласивше стни наши рѣкоша ѿцн 40об.¹⁰

В Словах Кирилла Туровского лексико-грамматическая единица *рѣша* получила значение не просто введения прямой речи, а своего рода экспрессивно-документального подтверждения чужой речи. См.:

¹⁰ Нельзя исключать появления этих форм под пером переписчика.

нн въздаша хвалы бѣн • въздавнгоу възшоу раслабленаго ѿ Одра немощн • нн рѣша како ти са брате жнлы оукрѣпнша СбТол XIII₂, 20об.; моужн бо рѣша ганнаѣстнн что стонтѣ зраще на нѣо 33.

Особая функция данной словоформы подчеркивается ее вставным в прямую речь употреблением на месте энклитики:

нстрѣбнмъ бо рѣша памать него СбТол XIII₂, 10; Нъ испитанмъ рѣша добръ • въззовъмъ н ещѣ второе прозрѣвшаго 28об.¹¹

Оба способа употребления словоформ могут сочетаться в одном контексте:

сзннде бо рѣша на землю ннкому же не уюкшо • н се рабнн ноща шбраздъ възсуднтѣ • онн же рѣша не бсудемъ покорн • аще не оуслышнмъ слова бѣна СбТол XIII₂, 36.

Заметим, что подобное употребление не выделяется историческими словарями. Сходные случаи, однако, отмечаются с другой формой глагола, например, в Слове о полку Игореве: Помняшь бо, речь, прѣвхъхъ временъ усобицѣ (цит. по [Зализняк 2008б: 461]); «Хощу бо, рече, копѣ приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» (цит. по [Зализняк 2008б: 462]); А Святославъ мутен сон видѣ въ Кіевѣ на горахъ. «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, рече, чрьною паполомоу на кровати тисовѣ...» (цит. по [Зализняк 2008б: 467]). Сигматический аорист в Слове о полку Игореве отсутствует, см.: рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же» (цит. по [Зализняк 2008б: 466]); И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила» (цит. по [Зализняк 2008б: 467]); Нъ рекосте: «мужаймѣся сами, преднюю славу сами похитим, а заднюю ся сами подѣлимъ!» (цит. по [Зализняк 2008б: 468]). В Слове о полку Игореве лишь однажды прямая речь вводится глаголом мльвить. У Зализняка упоминаются без ранга в поздних источниках только энклитические формы реку, рече, ръци, которые носили «почти грамматический характер» [Зализняк 2008а: 45].

А. А. Гippiус отмечает, что с учетом поздних вставок «повествование о древнейшей истории Русской земли, легшее в основу Начальной летописи, вообще не знало новых форм аориста (типа рекоша), употребляя исключительно старые (типа рѣша)» [Гippiус 2009: 249].

Таким образом, у Кирилла Туровского сигматический аорист рѣша — это грамматикализованное, морфосинтаксическое средство, в

¹¹ В формальном отношении данные контексты близки русским: *Год, говорят, грибной будет*. Однако они имеют значение не документального свидетельства, а предположения с опорой на неопределенные источники. См. также в древнерусской летописи в конструкции с косвенной речью и предположительной семантикой бѣ бо нѣхъ пришло, творѣху, ꙗко нан боле, *Новг. I лет. 6736 г.*, где творѣти 'указывать, говорить что про кого-либо' [Срезн. III: 936].

качестве одной из единиц категории эвиденциальности обслуживающее указание на чужую речь. В чем здесь допустимо видеть переход языковой единицы с рубежа лексического на ступень грамматикализации или близкий к ней уровень? Отмечается употребительность сигматического аориста данного глагола в древнерусской письменности — прежде всего раннего периода — как переводной, так и оригинальной (см. [Пичхадзе 2011: 324–325]). В связи с этим формы типа *ръша*, пожалуй, основного глагола речи, могут отражать не только влияние кирилло-мефодиевской традиции, но и сохранение функционально обособленной праславянской формы. Данный факт может быть сопоставим с сохранением еще более глубокого, индоевропейского, архаизма — медиального перфекта *вѣдѣ* ‘я знаю’, являющегося ключевой лексико-грамматической единицей категории эвиденциальности в функции указания на непосредственный субъектный источник информации (см. [Žolobov 2016: 4–6]). «...Evidentiality... actually involves the speaker’s attitude toward the truth of the statement» [Friedman 1986: 186]. Прямая речь, сопряженная с употреблением *ръша*, несет большую дискурсивно-прагматическую нагрузку, придавая пассажам проповеди характер документального свидетельства. Итак, *ръша* < **rěšę* — это изолированный индоевропейско-праславянский архаизм с единственной функцией маркера чужой речи, тяготеющий к клитическому употреблению и контрастирующий с живыми аористами типа *рекоша*. Наряду с приведенными выше данными А. А. Гиппиуса, язык кирилловой проповеди в этом отношении может отсылать еще к праславянской традиции ренаррации.

Аорист на -тъ

Аорист 2–3 л. ед. числа с окончанием -тъ стал наследственной чертой кирилло-мефодиевской школы письменности (см. [Žolobov 2016: 164–168]), поэтому мы находим его даже в позднерусских списках западно-старославянских источников:

н прѣнѣтъ ѿ нѣмѣ мнѣхъ свою н сѣвѣтъ н сѣдѣхъ въ водѣ Зах 1271, 12г; н все ѿнѣко бѣ на соушѣхъ оумрѣтъ 84г–85а; ѿнѣ моѣ заклатѣ ма 162б–162в; жѣтъ нѣхъ нѣхъ ·рѣ· 164в; гѣ дасть гѣ штатѣ 180г–181а; н покрѣтъ ю ѿблѣхъ шѣсть дѣнѣ 246а и мн. др.

Такие формы могут соответствовать аористам без окончания -тъ в других списках, в том числе в среднеболгарском Григоровичевом примейнике:

н въроу <u>ѣтъ</u> н аврамъ Гѣн Зах 1271, 120в	і въроу <u>ѣтъ</u> аврамъ Гѣн Тр XIV ₂ , 52г	Н върѣ <u>ѣ</u> аврамъ Гѣовн Григ XII/XIII, 48
---	--	---

н <u>покрыѣ</u> ю <u>облакъ</u> <u>шесть</u> <u>днѣи</u> Зах 1271, 246а	н <u>покры</u> <u>него</u> <u>облакъ</u> · <u>ѣ</u> · <u>днѣи</u> Тр XIV ₂ , 141б
--	---

Каким бы ни было происхождение форм, модель на -тъ была генерализована и закрепились в группе глаголов с омонимичными формами страдательных причастий типа агъ, сѣнѣтъ, пѣтъ. Их близость была отмечена Ван-Вейком [Ван-Вейк 1957: 314]. На взаимосвязь активных форм аориста на -тъ и пассивных форм с суффиксом -т- в своем структуралистском описании старославянской глагольной системы указал Х. Кох [Koch 1990: 239]. Ассоциированность данных форм засвидетельствована менами при трансформации страдательных конструкций в активные. Яркий пример подобной трансформации приведен В. Б. Крысько со следующим комментарием: «О том, что аорист принѣтъ был для древнерусских книжников совершенно обычной формой, свидетельствует преобразование конструкции с омонимичным страдательным причастием: 3-й писец Соф заменил оборот, сохраненный другими писцами (С) в виде принѣтъ бѣ, на принѣтъ н сѣтън 135а20» [Крысько 2011: 826]¹².

Именно следствием этой традиции как раннего архаизма особой характеристикой проповедей Кирилла Туровского является стопроцентная реализация аористов с окончанием -тъ. Проповеди в этом отношении следуют исключительно западно-старославянскому типу. См.:

блѹдѣнѣца грѣхѹкъ ѡпустѣ принѣтъ СбТол XII₂, 5об.; вѣдѣнѣца · ѡ мъртѣвѣхъ своего сѣа сѣ дшею жѣа принѣтъ 5об.; аже ѡ беззаконѣнѣа за бѣгаа принѣтъ 6об.; н прѣзѣа сѣтънѣа вѣпроси н аще оуже оумреть пропѣтънѣи іѣ н оуѣдаѣа дасть тѣло ношнѣсу 10об.¹³; н коупнѣа плащѣнѣа сѣнѣтъ тѣло іѣко сѣ кѣта 10об.; акѣ пѣрѣѣнѣа принѣтъ него 30об.; ѡблакъ сѣтъѣа подѣнѣтъ н ѡ оуѣнѣ нѣа 35об.; наѣнѣтъ злѣе сѣа сѣнѣ 39; н наѣнѣтъ ѡканѣнѣнѣи снѣ догмѣнѣсѣнѣи 40.

Необычным может показаться тот факт, что в этом случае отсутствует вариативность, присущая как переписанным с кирилло-мефодиевских переводов источникам — например, Захариинскому паримейнику 1271 г., так и оригинальным древнерусским текстам — например, Житию Феодосия Печерского по списку XII в. в Успенском сборнике.

¹² Соф — Софийский пролог (РНБ, Соф. 1324, л. 1–160, XII–XIII вв.).

¹³ Форма оумреть (ст.-сл. оумрѣтъ), вероятно, содержит восточнославянское флексивное -тъ, однако в рукописи конечный ѣ в верхней части смыкается с перемычкой т и может быть прочитан как т. Такое же написание имеет форма дасть, которая довольно регулярно употреблялась в древнерусских источниках.

Перифрастические формы

Перфект — это самая многогранная семантически форма прошедшего времени, судя по её значениям в ведийском [Елизаренкова 1982: 287–288]. Поскольку синонимически перфект мог заменяться предикативным причастием, образование аналитического перфекта, по-видимому, является поздней диалектной инновацией в самом индоевропейском. Семантическая сложность перфекта в новое время обуславливается его структурой. Причастие обладает признаковостью и отнесенностью к прошлому, а связочный глагол относится к настоящему, однако это значение может поглощаться значением либо существования, либо — сущности, поскольку признание изначальной смысловой выхолощенности экзистенциального глагола *быти* следовало бы считать чрезмерно сильным допущением. В связи с аналитизмом формы допустимо видеть при употреблении перфекта реализацию одной из трёх потенциальных функций с акцентом на одной из них: характеризующее обозначение, свидетельство о событии или явлении на основе имеющейся информации, апелляция к внутреннему смыслу, сущности события или явления. Экзистенциальная семантика связочного глагола продуцирует развитие у перифрастических форм эвиденциальной категориальности, а качественная семантика причастия и дефинирующее назначение связочного глагола способствуют развитию эпистемической модальности. Именно по этой причине инвариантное значение у перфекта в древнеславянских языках трудно выявить, хотя его чаще всего (пожалуй, всегда) называют, опираясь на индоевропейскую традицию: текущее состояние, достигнутое в результате действия в прошлом. Вместе с тем в индоевропейском «состояние» изначально было противопоставлено «времени — презенсу как знаку действия» [Семереньи 1980: 351].

Перфект — одна «из наиболее сложных и загадочных граммем в языках мира» [Плунгян 2016: 7]. На эволюционный дрейф древнеславянского перфекта проливают свет дискуссии по эвиденциальности. Эвиденциальный перфект в старославянском упоминают Б. Гаспаров [Гаспаров 2003: 237–238] и Б. Конески [Конески 1986: 174], так что его истоки можно усматривать в праславянском. Инвариантное значение славянских эвиденциалов до сих пор выявить не удастся, как и ограничиться пучком конкретных значений, а также полностью отделить эвиденциальность от эпистемической оценки, если судить по неутихающей дискуссии и обилию разноречивых гипотез. Автор недавнего монографического исследования видит в этой сложной ситуации выход в обращении к пространству балканского текста, где эвиденциальность и эпистемичность оживают, а эвиденциальные и

эпистемические значения разграничиваются при анализе, тогда как в тексте обычно сосуществуют [Макарцев 2014: 49 и др.]. При этом функции самой эвиденциальности неоднородны: она раздваивается по крайней мере на инферентив и репортатив¹⁴.

Полагаем, что перфект может сходным образом изучаться в пространстве древнерусского текста, когда берется во внимание культурный архетип текста. Древнерусский учительный дискурс опирается на авторитет Священного Писания, поэтому функции инферентива, репортатива и эпистемической модальности в нем неизбежно присутствуют, так что становится заметной тенденция их грамматикализации.

Так, у проповедника второй половины XII в. Кирилла Туровского очень большой частотностью отличаются формы перфекта — прежде всего 3 л. Всего представлены в самой близкой к оригиналу редакции по Толстовскому сборнику второй половины XIII в. 53 формы: 26 форм 2 л. ед. числа и 2 формы 2 л. мн. числа; 25 форм 3 л. ед. числа, из которых 4 без связки и еще 3 формы не имеют связки, находясь в цепи связочных форм. Обращает на себя внимание факт равного распределения форм 2 и 3 л. ед. ч. В проповедях фиксируется лишь 5 форм плюсквамперфекта. Для сравнения в другом, более раннем шедевре — Житии Феодосия Печерского при близком объеме встречается лишь 13 перфектов и 27 плюсквамперфектов. Это сравнение демонстрирует, насколько сильно на частотность перифрастических форм влияли различия дискурсивно-прагматического характера и типы текстов.

Рядом с аористом, обозначающим исторический, физический факт, перфект оказывается необходим как своего рода экзегетический инферентив, чтобы оценить и вскрыть текущий общезначимый и надфизический смысл действия: *Крѣкъ сѣ водою нздревръ ѿстоунъ • нмаже телесною всю скверну шунстнѣхъ н дѣла ѹлѣуа ѿстѣлъ ѿстѣ СбТол XIII₂, 13*. Не случайно перфект входит в состав придаточного относительного предложения. Перфект у Кирилла значим именно в связи с его исконной традиционной многозначностью. Кирилл видит новые, свежие обертоны, демонстрируя исконную смысловую подвижность перфекта. Поскольку связочный глагол *ѿстѣ* имел двойное значение существования и утверждения сущности чего-либо, перфект зачастую обслуживал текущую смысловую оценку фактов прошлого вместе со свидетельствованием о них (см. [Жолобов 2016в; Жолобов 2016г]). Мы видим,

¹⁴ «Although expressing the current relevance of a past situation is the central and prototypical meaning of the perfect, I know of no perfects that only have this function. I propose the following tentative universal: *If a gram has the CR meaning, it also has at least one of the following meanings: resultative; experiential (indefinite past); inferential; reportative*» [Lindstedt 2000: 378].

как в следующем пассаже Кирилл не только погружает паству в евангельские события, одновременно толкуя их, перфект он использует как некий слом ума: формы перфекта заменяют однокоренной аорист, чтобы указать на духовное, невидимое следствие, названное аористом. См.:

Нѣина луна сѣ вѣшнѣаго сѣступнѣзшии степенн • болшемѹ сѣтънѹ ѿтъ подаваеъ • оуже вѣтхѹи законѹ по писанню сѣ сѣботамн преста • н прѣрѣзѹ хѣѹ законѹ сѣ недеѣлю ѿтъ подаеъ • Нѣина зѣна грѣхѹвнаѹ покаианнемѹ престала естъ н лѣдѹ невѣрна бѣобразумнемѹ растайса зѣна оубо ѣззыѹскаго кѹмнрослуженнѹ • апѣльскѹмѹ оуѹеннемѹ н хѣвою вѣрою престала естъ • лѣдѹ же фомнѹ невѣрна показаннемѹ хѣѹ рѣбрѹ растайса СбТол XIII, 1.

Чрезвычайно показательны контексты, в которых рядом с простыми претеритами во 2 л. ед. употребляется перфект во 2 л. ед. числа. Они опровергают предположение об экспансии перфекта 2 л. в связи с омонимией 2 и 3 л. ед. числа простых претеритов:

нѣ сѣхранн тѣ ѿ тѣхѹ иѣѹ негоже тѣѹ хранаше тѣло • не оубоѣаѣзса гнѣѣа жѣдѹска • не прѣценнѹ жреѹска • нн напрасно оубнѣаѹщнхѹ вѣннѹ не оустрашнса • не пожалнн по мнозѹмѹ бѣтъствѹ • ѹаѹа трѣднѣкаго вѣскрѣннѹ • Нѣ паѹе вѣсѹхѹ сѣѹхѹ подвнзаша иешн бѣбѣжнѹи нѣшнѣ • н паѹе вѣсѹхѹ нмѣашн дерзнѣеннѹ кѣ хѣѹ 15об.

В приведенном пассаже простые претериты обозначают исторические и физические действия, в то время как перфект — подвергшийся текущей оценке, общезначимый, надысторический, в том числе метафизический их смысл. Перфект создает некую «параллельную реальность» на фоне аориста и имперфекта. Мы видим, что перфект, в отличие от аориста, не продвигает повествование, а информирует и интерпретирует: «the perfect does not narrate, but objectivizes» [van Schooneveld 1959: 94].

«Сущности, отождествляемые как перфект, демонстрируют высокую степень полисемии, контексты их употреблений в разных языках, как правило, не совпадают, иногда весьма существенно» [Плунгян 2016: 7]. Древнеславянский перфект имеет особую функциональную природу, что наглядно проявляется в переводах с греческого, где корреляция соответствующих «сущностей» наблюдается в очень ослабленном виде.

Источники

Григ XII/XIII — Григоровичев паримейник, XII–XIII вв. РГБ, Григ. 2. 104 л.; Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримейник. Скопје, 1998.

ЕвМст — Мстиславово евангелие, до 1117 г. ГИМ, Син. 1203. 213 л.; Интернет-издание подгот. Д. С. Корнилова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377).

- ЕвМуз — Музейное евангелие, XII–XIII вв. РГБ, Рум. 104. 158 л. Интернет-издание подгот. О. В. Зуга, Е. В. Рябова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819).
- ЕвОстр — Остромирово евангелие, 1056–1057 гг. РНБ, Ф.п.1.5. 294 л.; Интернет-издание подгот. Т. В. Кокорина, О. Головизнина, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436).
- ЕвПант — Пантелеймоново евангелие, XII–XIII вв. РНБ, Соф. 1. 224 л.; Интернет-издание подгот. О. В. Зуга, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270).
- ЕвТип — Типографское евангелие, XII в. РГАДА, Тип. 1. 193 л. Интернет-издание подгот. Е. В. Рябова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871).
- ЖФС XII — Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Изд. подгот. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшенко; под ред. С. И. Коткова. М., 1977.
- Изб 1073 — Изборник 1073 г. ГИМ, Син. 1043. 266 л.; Интернет-издание подгот. Т. В. Кокорина, А. А. Соколова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42519074).
- Зах 1271 — Захаринский паримейник, 1271 г. РНБ, Q. п. I. 13. 264 л.; Интернет-издание подгот. О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005).
- СБТол XIII₂ — Толстовский сборник, второй половины XIII в. РНБ, Ф. п. I. 39. 184 л.
- СинП к. XI — Синайский патерик / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967; ГИМ, Син. 551. 184 л. Интернет-издание подгот. Т. В. Кокорина, А. А. Соколова, О. В. Зуга, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44386403).
- Супр — Супрасльская рукопись XI в. Народ. библ. Варшавы, собр. Зам. № 21 — 151 л.; Унив. библ. Любляны, Cod. Кор. 2 — 118 л.; РНБ, Q.п.72 — 16 л. 285 л. Интернет-издание подгот. Е. В. Рябова-Чернова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364).
- Тр XIV₂ — Паримейник, второй половины XIV в. РГБ, Тр. 4. 142 л.; Интернет-издание подгот. О. Ф. Жолобов, А. И. Кузовенкова, при поддержке ИАС «Манускрипт» (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88206084).

Литература

- Бюлер 2000 — Бюлер К. Теория языка. М., 2000.
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Ван-Вейк 1957 — Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.
- Гаспаров 2003 — Гаспаров Б. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о грамматическом значении) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 5 (1). С. 215–242.
- Гиппиус 2009 — Гиппиус А. А. Рекоша дружина Игореву... — 3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. 2009. XVII/2. С. 248–287.

- Елизаренкова 1982 — *Елизаренкова Т. Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.
- Жолобов 2001 — *Жолобов О. Ф.* Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 94–109.
- Жолобов 2015 — *Жолобов О. Ф.* О древнерусском имперфекте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 28–35.
- Жолобов 2016а — *Жолобов О. Ф.* Древнерусский глагол: к истории презенса. Казань, 2016.
- Жолобов 2016б — *Жолобов О. Ф.* От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64–80.
- Жолобов 2016в — *Жолобов О. Ф.* Функционирование сложных претеритов в памятниках древнейшей поры // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Том 158. Кн. 5. С. 1234–1245.
- Жолобов 2016г — *Жолобов О. Ф.* Заметки о словоформе *e* ‘есть’ в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne*. 2016. Vol. 5, № 1. С. 114–125.
- Жолобов 2016д — *Жолобов О. Ф.* Простой индикатив в Выголексинском сборнике // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. 1 (63). С. 91–99.
- Жолобов 2017 — *Жолобов О. Ф.* Древнерусская грамматика: простые претериты и *praesens historicum*. Казань, 2017.
- Зализняк 2008а — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк 2008б — *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
- Иванов 1981 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Конески 1986 — *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1986.
- Копотев 2014 — *Копотев М. В.* Эволюция русских маркеров ренарратива: синтаксис или лексика? // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. Русский язык: грамматика конструкций и лексическо-семантические подходы / Ред. С. С. Сай, М. А. Овсянникова, С. А. Оскольская. СПб., 2014. С. 712–740.
- Крысько 2003 — *Крысько В. Б.* Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и русского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 339–355.
- Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011. С. 798–837.
- Крысько 2014 — *Крысько В. Б.* Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122–148.
- Крысько, Мольков 2017 — *Крысько В. Б., Мольков Г. А.* Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2017. Bd. 73. H. 2. S. 331–395.

- Кузнецов 1961 — *Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Макарецов 2014 — *Макарецов М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2014.
- Маслов 1954 — *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954. С. 68–138.
- Мейе 2000 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2000.
- Мишина 2002 — *Мишина Е. А.* Настоящее узальное и потенциальное в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2001. Сб. статей. М., 2002. С. 199–228.
- Мольков 2017 — *Мольков Г. А.* Простой аорист в древнерусской письменности // Русский язык в научном освещении. 2017. 1 (33). С. 199–175.
- Пичхадзе 2011 — *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Плунгян 2008 — *Плунгян В. А.* Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М., 2008. С. 7–36.
- Плунгян 2016 — *Плунгян В. А.* К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Исследования по теории грамматики. Вып. 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб., 2016. С. 7–20.
- Семереньи 1980 — *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- ССС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999.
- Страхова 2011 — *Страхова О. Б.* Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // *Palaeoslavica*. 2011. XIX (2). С. 240–293.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986–1987.
- Friedman 1986 — *Friedman V. A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian // *EVIDENTIALLY: The Linguistic Coding of Epistemology* / W. Chafe, J. Nikols (ed.). Norwood, New Jersey. Pp. 68–87.
- Fortuin, Kamphuis 2015 — *Fortuin E., Kamphuis J.* The Typology of Slavic aspect: a review of the East-West Theory of Slavic aspect // *Russian Linguistics*. 2015. DOI 10.1007/s11185-015-9144-7. This article is published with open access at Springerlink.com.
- Koch 1990 — *Koch C.* Das morphologische System des altkirchenslavischen Verbums. München, 1990. (Münchener Universitäts-Schriften. Reihe der Philosophischen Fakultät, 22/I).
- Kuryłowicz 1964 — *Kuryłowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

- Lindstedt 2000 — *Lindstedt J.* The Perfect — aspectual, temporal and evidential // Tense and Aspect in the Language of Europe/ Ed. by Östen Dahl. Berlin; New York, 2000. P. 365–383.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. I–IV. Praha, 1956–1997.
- van Schooneveld 1959 — *van Schooneveld C. H.* Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. s-Gravenhage, 1959.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. Vol. II: Die innere Satzstruktur. Freiburg, 1993.
- Vondrák 1912 — *Vondrák W.* Altkirchenslavische Grammatik. Berlin, 1912.
- Zholobov 2014 — *Zholobov O.* On reflexes of ti- and t-forms of verbs in Ancient Russian // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. № 1. P. 121–163.
- Zholobov 2016 — *Zholobov O.* Synthetic Indicative in Cyril and Methodius' sources (to the Paroemiarion Zacharianum of 1271 internet-edition) // Russian Linguistics. 2016. 40 (2). P. 153–172.
- Žolobov 2016 — *Žolobov O.* Present tense forms variability in the Paroemiarion Zacharianum d. 1271 (to the parchment internet-edition) // Zeitschrift für Slawistik. 2016. 61 (2). S. 305–321.

ДА-КОНСТРУКЦИЯ КАК ФАКТОР СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ¹

Важнейшие синтаксические различия между славянскими языками связаны с фактором отсутствия/наличия в грамматической системе языка так называемой *да*-конструкции (*да*-форм). Расхождения, обусловленные этим фактором, просматриваются на многих крупных участках синтаксической системы, соотносимых с семантическими зонами ирреальности/нефактивности.

Наибольшее внимание лингвисты обычно уделяют тому факту, что *да*-конструкция появилась на инфинитивных позициях. Но это объясняет лишь часть отличий балканославянских языков (болгарского, македонского) от других славянских, включая небалканизированные южнославянские языки (например, словенский, литературный сербский). В балканославянских языках значительно сужена сфера действия «славянского» условного (сослагательного) наклонения, так что средства выражения ирреальных значений особым образом перераспределены.

С этим вопросом связана первая задача данной статьи: в разделе 1.3.1. мы сравним зоны функционирования условного наклонения и *да*-конструкции в болгарском языке как представителе балканославянских языков, показав их на фоне русского языка как языка с широкими функциями сослагательного наклонения. Затем в разделе 1.3.2 на

¹ Выражаю благодарность РГНФ/РФФИ за поддержку научного проекта № 16-04-50019 «Южнославянская *да*-конструкция и ее русские параллели», в рамках которого осуществляется это исследование. Выражаю признательность Биляне Марич (Сербия), Лиляне Митковской и Элени Бужаровской (Македония), Красимире Алексовой и Алле Градинаровой (Болгария), Младену Ухлику (Словения), Зое Шановой (Россия) за обсуждение данной работы и предоставленные примеры, а также проверку всего иллюстративного материала в окончательном тексте работы. Не все из теоретических рекомендаций моих коллег удалось реализовать, особенно учитывая, что они были иногда диаметрально противоположны. Вся ответственность за неточности и окончательные формулировки полностью лежит на авторе статьи.

материале нескольких южнославянских языков будут сопоставлены средства выражения гипотетической ситуации на примере конструкций с относительными придаточными.

Вторая задача данной статьи — выяснить, как отражаются особенности союза *да* в тех случаях, когда он является частью составного союза (раздел 2). Известно, что, например, в сербском и словенском языках союз *да/da* — это союз недифференцированного значения с иными, по сравнению с болгарским и македонским языками, линейно-синтаксическими свойствами. Насколько сохраняются в составных союзах те кардинально различные характеристики, которые демонстрирует одиночный союз *да* в балканославянских (балканизированных) и небалканизированных славянских языках? Мы попытаемся ответить и на вопрос, почему не все из составных союзов в болгарском и македонском языках диктуют присущие *да*-формам темпоральные ограничения на сказуемое зависимой предикации (раздел 2.4), хотя все структурные особенности *да*-конструкции при этом реализуются (2.1–2.2).

Первые разделы статьи (1.1. и 1.2.) носят вводный, ознакомительный характер. В них представлены известные расхождения между балканизированными и небалканизированными южнославянскими языками в грамматических и линейно-синтаксических особенностях частицы и союза *да/da*, — особенностях, которые в последующих разделах будут обсуждаться на материале зависимых предикаций с составными союзами, включающими *да/da*.

Раздел 1. Полисемичное *да* в южнославянских языках

1.1. *Да* в балканославянских языках

Процесс вытеснения старославянского инфинитива, супина и некоторых видов причастий конструкцией *да*+PRES² в части языков южнославянской группы хорошо описан в лингвистике, хотя все этапы этого процесса еще требуют научного внимания. Балканская конструкция, представляющая собой сочетание личных форм глагола со служебной частицей (греч. *va*, рум. *să*, алб. *të*, слав. *да*) и обладающая набором грамматических и семантических характеристик (см. ниже), получила широкое распространение в балканославянских языках (македонском и болгарском, а также ряде сербских говоров) как результат конвергентных процессов на балканской языковой территории³.

² Об этапах расширения этой конструкции другими временами см. [Деянова 1986].

³ Об истории становления *да*-конструкции имеется обширная литература, назовем лишь те, которые были особенно полезны для нашего исследования [Грицкат 1975; Мирчев 1978; Цыхун 1981; Sedláček 1982; Дограмад-

1.1.1. Функции да-конструкции

Да-конструкция имеет как зависимое, так и независимое употребление. В зависимой позиции да-конструкция прежде всего вытеснила инфинитив после глаголов намерения, желания и в целевых придаточных, постепенно расширив сферу своего действия на многие типы сложных предложений, в основном с ирреальным значением (см. разделы 1.2-1.3. и 2). В простом предложении зависимая да-конструкция оформляет основной глагол в составном глагольном сказуемом, например, болг. *Започнах да рисувам на 14–15 години* ‘Я начал рисовать лет в 14–15’.

В независимом употреблении болгарская и македонская да-конструкции используются в разнообразных функциях. Да может выступать как императивная и оптативная частица:

(1) болг. а. *Да не казва нищо!* ‘Пусть ничего не говорит!’ б. *Аз да тръгвам вече* ‘Пойду-ка я’. в. *Да си го носиш със здраве!* ‘Носи с удовольствием!’ (букв. ‘Носи на здоровье’). г. *До утре да си почистила всичко!* ‘К завтрашнему дню чтоб все убрала!’. д. *Да бяхте хапнали нещо* ‘Съели бы вы что-нибудь’, см. подробнее, например, в [Ницолова 2008: 415], с русскими параллелями в [Иванова, Градинарова 2015: 53–57].

(2) мак. а. *Да пишуваш појасно!* ‘Пиши отчетливей!’ б. *Да не одиш таму!* ‘Не ходи туда!’ / ‘Не надо ходить туда’. в. *Ех, да дојдеа!* ‘Эх, вот бы они пришли!’ г. *Да не си мрднал оттука!* ‘Чтоб ни шагу отсюда!’, букв. ‘Чтобы не сдвинулся отсюда’, см. подробнее, например, в [Субјунктив 2015].

Частица да в этом употреблении была известна и старославянскому языку, но значительное распространение ее в оптативно-императивной зоне связывают именно с балканским влиянием. Набор форм в да-конструкциях был постепенно расширен и прошедшими временами — перфектом (1г), (2г), плюсквамперфектом (1д), имперфектом (2в). По данным М. Деяновой [Деянова 1986: 488], в конструкциях с волюнтативным значением перфект фиксируется начиная с XV в. (3а), а первые вхождения имперфекта обнаруживаются в да-маскинах (3б).

жиева 1984; Деянова 1985, 1986; Минчева 1987; Joseph 1983; Асенова 2002; Грковић–Мејџор 2004]. Обзор функций болгарской да-конструкции из работ на русском языке см. в [Маслов 1981: 192–193, 285–290; Иванова 2015], в последней работе приводится и основная литература по изучению болгарской да-конструкции. Подробные сведения о грамматических и функциональных свойствах македонской да-конструкции можно найти в коллективной монографии [Субјунктив 2015], с широким сопоставительным фоном и богатой библиографией.

(3) а. *А за добитъка... да го **сте дали** (PERF) све* (Влх 1420-26, XIII 59).

б. *да **можеше** (IMPERF) еднакъ да идоу и сега слѣдь тебе да ги гледамъ чѣстното лице* (Тих 198).

Инновацией более позднего периода является и распространение *да* в сферу вопросительности. Использование *да* в «дубитативных» вопросах (выражение колебания, неуверенности) связывается с процессами конвергенции [Асенова 2002: 189]. Впрочем, спектр семантических возможностей в вопросах не ограничен дубитативными оттенками, см. из более новой литературы [Ницолова 2008: 424–428; Сашева 2015; Mitkovska, Bužarovska, Kusevska 2015], в том числе с русскими параллелями в [Иванова, Градинарова 2015: 72–73; Иванова, Бужаровска 2016]:

(4) болг. а. *Да вземате в евро? ‘А в евро берете?’* б. *Да не те чака някой? ‘Тебя что, кто-то ждет?’*

(5) мак. *Леле, да не дојдоа гостите? А ние уште не сме готови! ‘Боже, никак, гости пришли? А мы еще не готовы!’* б. *Да не отидеш таму!? ‘Как, ты не пошел туда!’ / ‘Ты — и чтоб не пошел туда?!’*

Расширение функций независимых *да*-форм ведет, с одной стороны, к усложнению семантического потенциала *да*-конструкции: не только внедрение ее в зону интеррогативности, но и освоение промежуточных между оптативностью и вопросительностью зон («пристрастные» вопросы и апрехенсивные высказывания; см. [Иванова, Бужаровска 2016; Mitkovska, Bužarovska, Ivanova 2017]), и, с другой, — к случаям нарушения жесткой связи *да* и последующего глагола, прежде всего при возникновении новых частиц. Наиболее яркое тому проявление — формирование особой эпистемической частицы *да не* [Бужаровска, Митковска 2015] в македонском языке, нарушающей правило контактности *да* и глагола (6а) и даже допускающей еще одно отрицание (6б), см. примеры из [Иванова, Бужаровска 2016]:

(6) мак. а. *Да не нешто се случи? ‘Неужто что-то случилось?’* б. *Да не воопшто не се вратила? ‘А может, [она] и вообще не вернулась?’*

Общим семантическим инвариантом для всех разнообразных употреблений независимой *да*-конструкции в современных балканизированных славянских языках считается нефактивность [Ницолова 2008: 328; Тополињска 2008: 56; Бужаровска 1999; Amman, Auwera 2004 и др.]. Это же значение с некоторыми исключениями (см. далее) распространяется и на зависимые употребления.

Помимо перечисленного выше, частица *да* может использоваться и как модальный эпистемический модификатор, например для выражения предположительного или аппроксимативного значения: *Оттук до селото да има два километра* ‘Отсюда до деревни километра два’, — пример Р. Ницоловой, которая рассматривает подобные упо-

ребления как «да-формы за возможность» [Ницолова 2008: 426–427]. Эта функция *да* в славистике еще недостаточно изучена.

Кроме того, частица *да* может выступать и как формообразующая: она входит в состав форм будущих времен; см. исчерпывающий список этих форм для болгарского языка в [Куцаров 2007]. Обычно формообразующие функции частицы *да* не связывают с понятием *да-конструкция*, см. иную позицию в [Симов, Колковска 2004; Викторова 2005: 223].

1.1.2. Основные грамматические характеристики *да-конструкции*

Да-конструкция характеризуется значительными модально-темпоральными ограничениями на форму последующего глагола и обязательной контактностью элемента *да* с глаголом.

Ограничения на темпоральные формы выражаются в сокращенном наборе времен после *да*. Так, в болгарских предложениях с целевым *да* (7а) используется только настоящее время, а в изъяснительных, помимо настоящего (7б), возможны перфект, реже плюсквамперфект; см. подробнее в [Ницолова 2009: 121 и след.]:

(7) болг. а. *За да се разбираме* (PRES), *трябва да се изслушваме* ‘Чтобы мы понимали друг друга, нам надо друг друга выслушивать’.

б. *Не вярвам да ме лъже* (PRES.IPFV) / *излъже* (PRES.PFV) ‘Я не думаю, что (букв. ‘Не верю, чтобы’) он меня обманывает / обманет’.

в. *Не вярвам да ме е излъгал* (PERF) ‘Я не думаю, что (букв. ‘Не верю, чтобы’) он меня обманул’.

Особенно значим как темпоральное ограничение запрет на формы аориста: подчеркнутая фактивность этого времени идет вразрез со значением нефактивности, присущем *да-конструкции*, и каждый случай употребления аориста требует тщательного анализа, см., например, [Vužarova 2006; Иванова, Бужаровска 2016].

Ограничения на модальные формы в *да-конструкции* выражаются в выборе только изъявительного наклонения глагола. Возможны также пересказывательные формы, см. пример (8) Ю.С. Маслова с его же переводом и комментарием: «говорящий воспроизводит содержание советов, данных ему другим лицом: *Остави Деяна*» [Маслов 1981: 288]⁴, а также пример (54) с целевым предложением в разделе 2.4.1.1:

(8) болг. *Но защо сега нещо му беше тъмно и чоглаво? Да оставел Деяна... Да се борели... Но с кого? И как?* (Г. Караславов) ‘Но почему сейчас ему было что-то непонятно и не по себе? Оставить Деяна... Бороться... Но против кого? И как?’ [Маслов 1981: 288].

⁴ См. другие контексты для пересказа императивно-оптативных *да-конструкций* в [Чакьрова 2009: 85–86].

Требование контактности между элементами *да*-конструкции реализуется как ограничения на разрыв *да* и глагола. Между ними допускаются лишь показатель отрицания *не*, местоименные клитики и клитические формы вспомогательного глагола *съм/сум*. Это касается и случаев, когда *да* выступает как союз, вводящий подчиненную предикацию, ср. македонские примеры (9а) и (9б).

(9) мак. а. *Да не* (NEG) *му* (DAT) *се* (REFL) *јавуваи!* ‘Не звони ему’. б. *Те замолив да не* (NEG) *му* (DAT) *се* (REFL) *јавуваи* ‘Я попросил тебя не звонить ему’.

Все указанные ограничения *да*-конструкция сохраняет в подавляющем большинстве случаев (иное будет показано ниже) во всех позициях, в которых она функционирует в болгарском и македонском языках. Такое постоянство ее морфосинтаксических характеристик, как и близкая функциональная соотнесенность с условиями употребления конъюнктива/субъюнктива в языках с морфологическим оформлением данного глагольного значения, вновь активизирует дискуссию о том, что, по-видимому, *да*-конструкция представляет собой особый балканский (аналитический) тип субъюнктива (из более новых работ на эту тему см., прежде всего, сборник [Субјунктив 2015] с богатой предшествующей литературой, см. и краткий обзор в [Alexova, Tisheva 2000; Тишева 2001]). При любой теоретической квалификации несомненен тот факт, что функции *да*-конструкции, по меньшей мере, являются конъюнктивоподобными. Напомним и до сих пор вызывающую споры в болгаристике позицию Ю.С. Маслова, указывавшего на наличие в болгарском языке конъюнктива в виде *да*-конструкции: «конъюнктив выполняет ряд специфических функций в языке <...> как модальных (выражение пожелания, неуверенности, нереальности), так и иных (служит функциональным эквивалентом инфинитива других языков)» [Маслов 1981: 193].

1.2. *Да* в небалканизированных южнославянских языках (в сопоставлении с балканославянскими)

Небалканизированные южнославянские языки демонстрируют противоположный путь синтаксического развития *да*.

В сложном предложении *да* является подчинительным союзом недифференцированного значения с широкой сферой действия. Внутриязыковые и внешнеязыковые причины, приведшие к иному синтаксическому статусу *да*, подробно описаны и подтверждены на историческом материале в значительном количестве лингвистических работ, см., прежде всего, [Седлачек 1970; Грицкат 1975; Sedláček 1982; Деянова 1985, 1986; Грковић Мејдор 2004].

Так, союз *да* в сербском языке описывается как наиболее частотный подчинительный союз, как союз асемантический, функция ко-

торого — указывать на подчинение: «Везник *да* се, рецимо, јавља као знак везе свих, или скоро свих, зависних реченица с реченицама од којих зависе...» [Стевановић 1964: 820], см. также [Седлачек 1970; Грицкат 1975; Ружић 2006: 194–195 и др.]. Ср., например, в (10) некоторые типы сербских сложноподчиненных предложений с союзом *да*, где в балканославянских языках *да* употребить недопустимо. Пример (10е) демонстрирует многофункциональность *да* (стилистически нежелательную) в едином предложении.

(10) серб.⁵

а. Мисао *да* ће она отићи тешко га је погодила ‘Мысль о том, что она уйдет, сразила его’.

б. Чула сам *да* ускоро путујеш у Москву ‘Я слышала, что ты скоро едешь в Москву’.

в. Како *да* се суочим с тим *да* нас је тата напустио ‘Как мне примириться с тем фактом, что папа нас покинул’.

г. Бит ће тридесет година *да* је дошао у Загреб ‘Вот уже тридцать лет, как он приехал в Загреб’.

д. Толико се трже *да* јој се коса просу по врату, букв. ‘[Она] так вздрогнула, что ее волосы рассыпались по шее’.

е. Очигледно је *да* ми морамо *да* сарађујемо много више, много интензивније *да* не дође до ситуације *да* у подрумима поново исповедамо хришћанство (И) ‘Очевидно, что нам нужно сотрудничать гораздо больше, гораздо интенсивнее, чтобы не дошло до ситуации, когда христианство проповедуется в подвалах’.

Полифункциональность сербского *да* не значит, разумеется, что этот союз может свободно заменять иные разнообразные сербские союзы, см. интересные наблюдения о соотносительности *да* и других сербских союзов в разных типах предложений в [Симић, Јовановић 2002: 831–1028; Пипер, Клајн 2015: 503; Ружић 2006: 194–206 и др.]. В сербском языке отмечается ряд позиций, когда союз *да* противопоставлен союзу *што*, который маркирует ситуацию как уже реализованную [Грицкат 1975: 118; Пипер, Клајн 2015: 503, 519 и др.], а пример *Радујемо се што је све у реду* ‘Мы рады, что все в порядке’ демонстрирует случай, когда замена союза на *да* невозможна [Пипер, Клајн 2015: 503].

Примеры выше показывают и иные линейно-синтаксические свойства серб. *да*: будучи обычным синтаксическим союзом, он стоит в самом начале зависимой клаузы, в противоположность обязательной контактности болгарского и македонского *да* с глаголом.

Словенский союз *da* продвинулся еще дальше в направлении полного освобождения от модальной семантики, см. показательный

⁵ Основная часть сербских примеров здесь и ниже — из грамматик, прежде всего [Пипер, Клајн 2015], также [Стевановић 1964; Трофимкина 2014].

сопоставительный обзор всех типов подчиненных клауз в словенском языке в сопоставлении с болгарским в [Деянова 1985], из новейших работ — [Uhlik, Žele 2018], также [Ухлик, Желе 2018] с русскими параллелями, ср. и примеры (13), (14) далее. См. о причинах, обусловивших разное развитие западно-южнославянских и восточно-южнославянских союзов, прежде всего, в [Седлачек 1970; Грицкат 1975; Sedláček 1982; Грковић Мејдор 2004].

Итак, способность сербского подчинительного союза *да* или словенского *da* вводить как реальные, так и ирреальные положения дел полярным образом отличает их от болгарского и македонского *да*, которое, как правило, вводит ирреальные ситуации или ситуации, не охарактеризованные во временном и модальном отношении.

При этом в балканославянских языках «нефактивное» *да* оказывается противопоставлено союзам, маркированным по фактивности. Особенно отчетливо это противопоставление проявляется в изъяснительных (дополнительных) предложениях, ср. *да* и болг. *че*, мак. *дека*, *што*. Примеры (11)–(13), содержащие придаточные с фактивным значением, иллюстрируют отличия южнославянских языков в выборе союзов: в болгарском и македонском в таких случаях должен быть использован союз, маркированный по признаку «+фактивность», как *че* и *што* в (11), а в сербском и словенском языках употребляется союз *да/da*, как в (12)–(13) или (10а,б) выше.

(11) а. болг. *Известно е, че там има нефт* ‘Известно, что там есть нефть’. б. мак. *Благодарна сум што дојдовте* ‘Я благодарна вам за то, что вы пришли’.

(12) серб. а. *Познато је да кафа штоди срцу* ‘Известно, что кофе вредно для сердца’. б. *Да избор инфинитивског облика или да-конструкција зависи и од конкретне глаголске лексеме најбоље потврђује модални глагол хтети, који у сложеном предикату увек има облик инфинитива* (пример из лингвистического комментария в [Синтакса 2005: 326]) ‘То, что выбор инфинитивной формы или *да*-конструкции зависит также от конкретной глагольной лексемы, лучше всего подтверждает модальный глагол *хтети*, который в составном сказуемом всегда имеет форму инфинитива’.

(13) словен. а. *Vsi so vedeli, da ga ne bo več nazaj* ‘Все знали, что он уже не вернется’. б. *Da ga ne posluša, ni samo grdo, ampak preprosto ni prav* ‘То, что он его не слушает, не только плохо, но и просто неправильно’, пример из [Ухлик, Желе 2017: 90].

С учетом этого различия в небалканизированных славянских языках ирреальность ситуации, вводимой союзом *да/da*, выражается формами времен и наклонений, см. словенское придаточное изъяснительное с формой кондиционала в (14а). Таким же образом ирреальность ситуации может быть выражена после союза *да* и в обстоятельственных придаточных, например целевом (14б):

(14) словен. а. *Želim, da bi pismo prišlo* (COND) *jutri* ‘Я хочу, чтобы письмо пришло завтра’, пример из [Ухлик, Желе 2018]. б. *Poklical ga je, da bi mu povedal* (COND) *dobro novico* ‘Он позвонил ему, чтобы рассказать хорошую новость’, пример из [Ухлик, Желе 2017: 90].

В завершение этой темы обратим особое внимание на то, что балканославянская оппозиция *да* и фактивно маркированных союзов *дека*, *што* последовательно реализуется только в македонском. В болгарском языке присутствует зона, в которой это противопоставление не вполне выражено. Так, при глаголах непосредственного перцептивного восприятия, вводящих сообщения о реальном положении дел, возможно присоединение придаточных как с помощью *да*, так и с помощью *че*. В литературе отмечается, что и здесь нет полной взаимозамены союзов. Предложения с *да* (*Усетих някой да ме докосва по рамото* ‘Я почувствовал, как кто-то трогает меня по плечу’) в положительной форме значительно менее частотны [Ласкова 2009; Петрова 2015], чем в отрицательной, снимающей истинность вводимой пропозиции: *Не усетих някой да ме е докосвал/докоснал* ‘Я не почувствовал, чтобы кто-нибудь дотрагивался/дотронулся до меня’.

Труднее объяснить распределение *че* и *да* в придаточных в роли предикативного определения. Данные придаточные появились на месте старославянских причастий: *и обрѣте въ црѣкѣве ... пѣнажъники сѣдѣшта* (Иоан, II, 14), ср. совр. болг. *Намери в църквата ... сарафи да седят* (PRES) / *че седят* (PRES) [Мирчев 1978: 260]. Они тоже вводятся предикатами восприятия и близкими к ним предикатами обнаружения, ретровосприятия (см. подробнее в [Иванова 2016]). В этом типе предложений возможен как вариант с союзом *че*, так и с *да* (*Вчера те видях, че говориш с него / да говориш с него* ‘Я вчера видел, как ты с ним разговариваешь’), причем вариант с *да* в современном болгарском языке является наиболее распространенным даже при положительном статусе управляющего глагола и единственно возможным — при отрицательном: *Не го помня да е боледувал*, букв. ‘Не помню [его], чтобы болел’. Способность *да* вводить реальное положение дел в этой позиции является наиболее весомым аргументом для того, чтобы считать маркированным в оппозиции *да/че* именно второй союз, который всегда, без исключений, вводит фактивные предикации.

По-видимому, причины синонимии болгарских союзов *да* и *че* в указанных позициях необходимо искать в истории болгарского языка. С одной стороны, реально-фактическое значение *да* развилось позже других, ср. убедительные примеры употребления *да* после глаголов перцепции в положительной форме лишь начиная с XVII в., например с хабитуальным значением: *любѣше да гледа да се бѣахъ людѣе* (Троян 89) [Деянова 1986: 494]. С другой стороны, *че*, являясь довольно

молодым союзом⁶, в новоболгарский период еще не занял ту семантическую зону, которую он имеет в современном языке, а в некоторых болгарских диалектах *че* отсутствует и до сих пор [Мирчев 1978: 259; Деянова 1986: 494].

В простом предложении в небалканизированных южнославянских языках у частицы *да* наблюдается иное направление развития по сравнению с союзной функцией.

В словенском языке сохранился, хоть и с существенными ограничениями, ряд функций *да* как модальной частицы. В то же время произошло вытеснение *да* из императивной зоны другими частицами, прежде всего *naj* [Деянова 1982: 325–327]. Важные наблюдения о статусе *да* и соотносительности *да* и *naj* в современном словенском языке содержатся в статьях [Uhlik, Žele 2018; Ухлик, Желе 2018].

Что касается языков сербохорватской территории, они занимают промежуточное положение, располагая и недифференцированным подчинительным союзом *да*, и, в отличие от словенского, более активной *да*-конструкцией в оптативно-императивной парадигме, например, [Грицкат 1975]. На этой проблеме в данной статье нет возможности останавливаться даже с целью обзора. См. о различиях сербского синтетического императива и побудительной *да*-конструкции в [Пипер, Клајн 2015] и мн. др.; из последних русскоязычных трудов [Маслова 2008; Стешевич 2015]. Отдельные зоны сохраняет *да*-конструкция как элемент составного сказуемого в конкуренции с инфинитивом, см. о разных факторах, влияющих на выбор между этими формами в сербском языке, например, в [Синтакса 2005; Пипер, Клајн 2015].

1.3. *Да*-конструкция и кондиционал: перераспределение сфер действия маркеров нефактивности в балканославянских языках

Утрата инфинитива и распространение *да*-конструкции как грамматического образования, характеризующегося контактностью *да* с глаголом, ограничениями на состав времен и семантически связанного с областью нефактивности, ведет к особому перераспределению средств выражения ирреальных значений в балканославянских языках. Прежде всего это выражается в сужении сферы действия услов-

⁶ По данным К. Мирчева [Мирчев 1978: 259], союз *че* не употреблялся ни в староболгарских, ни даже в среднеболгарских памятниках. Впервые он зафиксирован в приписке в Хлудовском паримейнике конца XIII — начала XIV в., но и то только в роли причинного союза. В поздних влахо-болгарских грамотах XV–XVI в. он обнаруживается в функции уже активного не только причинного, но и дополнительного (изъяснительного) союза, часто в виде *ча*.

ного наклонения в болгарском и македонском языках за счет активности *да*-форм и, в меньшей степени, «балканского» кондиционала. Это доказывают многочисленные исследования как более частного, так и обобщающего характера: [Пантелеева 1998], коллективные монографии [Субјунктив 2015] и [Статусот на модалната морфема *БИ* 2018] и мн. др. Сразу же оговоримся, что распространенность и функции как «славянского» условного наклонения с формантом *би*, так и «балканского» кондиционала (см. 1.3.3.) в болгарском и македонском языках несколько различаются, см. в сопоставительном аспекте [Kramer 1987/1988]. Кроме того, и в новейшей истории македонского языка наблюдаются колебания в сокращении/расширении сферы употребления условного наклонения, не говоря уже о разной ситуации в диалектах [Тополинска 2008; Гајдова 2008; Митковска 2018]. В настоящий момент в македонском литературном языке фиксируется «оживление» *би*-форм, прежде всего в аподозисе условного периода, что связывают как с влиянием сербского языка, так и с внутриязыковыми факторами [Конески 1987: 500; Бужаровска 2018].

Далее мы кратко продемонстрируем соотнесенность областей функционирования условного наклонения в русском и болгарском языках, показав те сферы, которые в болгарском языке вытеснены *да*-формами (1.3.1). В разделе (1.3.2) на материале нескольких славянских языков будут сопоставлены средства выражения ирреальной ситуации в относительных придаточных предложениях.

1.3.1. Русское сослагательное наклонение и болгарская *да*-конструкция

Если попытаться выявить зоны, в которых функционирует условное (сослагательное) наклонение в русском и болгарском языках (см. подробнее [Иванова 2018]), мы увидим существенные области расхождений, связанные с тем, что сослагательное наклонение в болгарском языке значительно сузило зону своего распространения в результате экспансии *да*-форм и «балканского» кондиционала (1.3.3).

Кратко охарактеризуем распределение этих средств выражения ирреальных значений в болгарском языке на фоне русского сослагательного наклонения, имеющего широкую сферу функционирования.

1.3.1.1. Широкая сфера действия русского сослагательного наклонения в сложном предложении обусловлена активным внедрением частицы *бы* в разные типы связующих средств (прежде всего *чтобы*), включая комбинации частиц (*вот бы, лишь бы, как бы*) с последующей *л*-формой или инфинитивом (так называемое несобственно сослагательное наклонение [Добрушина 2012]), — все это те области, которые в болгарском языке завоеваны *да*-конструкцией, например (15):

(15) болг. а. *Войникът го подзе под мишниците да го вдигне и отвлече настрана* (Д. Жотев) ‘Солдат ухватил его под мышки, чтобы поднять и оттащить в сторону’. б. *Попита, колкото да каже нещо* ‘Спросил, лишь бы что-то сказать’.

В сфере условных ирреальных придаточных русское сослагательное наклонение не имеет явных пересечений ни с *да*-конструкцией, ни с болгарским условным наклонением. Болгарский язык, в отличие от русского, уже полностью отошел от симметричного оформления условным наклонением частей сложного предложения с ирреальным условием, не считая пословиц, где отражено предшествующее состояние языка, допускавшего кондиционал в обеих частях (*Да би мирно седяло, не би чудо видяло*, букв. ‘Сидело бы спокойно, не увидело бы чудес’, ср. *Не дразни собак, и лаять не станут*).

В болгарских конструкциях с нереальным и гипотетическим условием обычно используются: в главной части — формы будущего в прошедшем («балканского» кондиционала), а в придаточной — имперфекта или плюсквамперфекта, как в (16а). Условное наклонение вместо будущего в прошедшем может появиться лишь в главной части (16б), см. о контекстах для его использования в [Китина 1991; Пантелеева 1998; Ницолова 1998; Иванова, Градинарова 2015: 337–341]. Условный союз *да*, иногда употребляемый при нереальном условии (16б), не имеет связи с *да*-конструкцией инфинитивного происхождения.

(16) болг. а. *Щях да падна* (PFUT), *ако не бях се опряла* (PPERF) *на стената* ‘Я бы упала, если бы не прислонилась к стене’.

б. *И десета година да бях* (IMPERF) *тук, опитът ми едва ли би бил* (COND) *по-богат* (Б. Райнов) ‘Будь я здесь хоть десять лет, едва ли мой опыт был бы богаче’.

1.3.1.2. В независимых предложениях отчетливые параллели русского с болгарским условным наклонением просматриваются при выражении собственно оптативного (желательного) значения, готовности к совершению действия — это основное значение условного наклонения в современном болгарском языке, см. примеры (17) из двуязычного корпуса⁷. В (18) представлено и прагматическое употребление (смягчение категоричности высказывания), оформляющееся условным наклонением в обоих языках:

(17) а. *Колбаску би он сега тожже ломанул, хороши кусице!* (А. Рыбаков). — *Сега би нагънал* (COND) *и някое голямо парче салам* (пер. З. Петровой).

б. *Виж, на теб не бих се наел да го обяснявам* (К. Топалов) ‘Знаешь, тебе бы я не взялся это объяснять’.

⁷ Примеры с указанием фамилии переводчика взяты из корпуса «Успокоен корпус на руски и български текстове» (<http://rbcorpus.com/index2.php>).

(18) *Бих искал* (COND) *да кажа* няколко думи на баща ви във връзка с това (Д. Димов) ‘Я бы хотел сказать несколько слов вашему отцу в связи с этим вопросом’.

Однако и в независимых предложениях наблюдаются значительные зоны, где русскому сослагательному наклонению (особенно в его «несобственных» формах) соответствует болгарская *да*-конструкция. Это связано с тем, что значение желательности в независимых употреблениях сослагательного наклонения в русском языке часто трансформируется в значение целесообразности (19а), сожаления о неосуществленном действии (19б), приказа или строгого запрета (19в) и таким образом входит в императивную зону, где в болгарском языке активна именно *да*-конструкция, которая выражает эти значения прежде всего через вариации результативных форм прошедшего плана — перфекта и плюсквамперфекта [Ницолова 2008: 409–423].

Ср. русские переводы в примерах (1)–(2) выше или болгарские параллели для русских примеров (19а–в):

(19) а. *Лег бы ты уже / Лечь бы тебе уже. — Да беше вече си легнал* (PPERF).

б. *Эх, вернуться бы нам тогда. / Если б нам тогда вернуться! — Да бяхме се върнали* (PPERF) *тогава*.

в. *Чтоб ноги твоей здесь не было! — Да не си стъпил* (PERF) *повече на прага ми!*

Апребенсивное употребление частицы *как бы не* и «контроплативного» инфинитива в русском языке [Добрушина 2006; Дымарский 2015] показывает параллели с аналогичным апребенсивным значением отрицательной *да*-конструкции:

(20) болг. а. *Да не ни засекаат!* ‘Как бы нас не засекли!’ б. *Да не падна!* ‘Как бы [мне] не упасть! / Не упасть бы!’

В целом, как в простом, так и в сложном предложении именно *да*-конструкция охватывает наибольшую часть тех значений, что выражает русское сослагательное наклонение. Общность сфер употребления сослагательного наклонения в русском языке и *да*-конструкции в болгарском связана со значением возможности, гипотетичности, которое является, с одной стороны, основным для *да*-конструкции как в самостоятельном, так и в зависимом употреблении, и, с другой, свойственно и «несобственно» сослагательному наклонению в русском языке.

Показательной иллюстрацией этого является группа относительных придаточных с «гипотетическим» [Добрушина 2011; Dobrushina 2012] значением.

1.3.2. Относительные предложения: оформление ирреальных значений

Ярким примером грамматических различий между славянскими языками в использовании средств выражения ирреального значения

являются относительные предложения, определяющие несуществующие объекты или такие, о существовании которых ничего не известно. В русском языке, как показано Н.Р. Добрушиной [Добрушина 2011; Добрушина 2016], в таких относительных придаточных употребляются (или могут употребляться, наряду с индикативом) формы сослагательного наклонения. Как маркируется это значение в балканизированных и небалканизированных языках южнославянской группы?

В болгарском языке в таких придаточных при релятиве регулярно появляется модальное наращение *да* [Gołąb 1954: 73; Пенчев 1984: 118; Bužarovska, Mišeska Tomić 2009; Иванова, Градинарова 2015: 277–279]. Условия употребления сочетания релятива с модальной частицей *да* совпадают с выделенными Н. Р. Добрушиной условиями, требующими использования русского сослагательного наклонения в таких относительных придаточных. Перечислим основные типы контекстов:

а) отсутствие существования или наличия характеризуемого объекта; в главном предложении это обозначается предикатным отрицанием, глаголами с семантикой создания нового объекта, введения нового объекта в личную сферу говорящего и др. [Добрушина 2011], см. (21)–(22);

б) сомнение в существовании объекта, например имплицированное в вопросе (23);

в) малая вероятность существования объекта, выраженная обстоятельствами (24):

(21) *Няма жена на тоя свят, **която** поне веднъж през живота си да не направи нещо безумно и непоправимо* (П. Вежинов) ‘Нет женщины, которая хоть раз в жизни не совершила бы чего-то безрассудного и непоправимого’ (пер. М. Тарасовой).

(22) *Трябва ни човек, **който да** вкарва по 15–20 гола на сезона* (И) ‘Нам нужен человек, который бы забивал по 15–20 голов в сезон’.

(23) *Има ли човек, **който да** го надприказва?* ‘Есть ли человек, который бы его переговорил?’

(24) *Рядко се срещат хора, **които да** не притварят блажено очи, когато усетят нежния аромат на ванилия* (И) ‘Редко встречаются люди, которые бы не прикрывали блаженно глаза, когда почувствуют нежный аромат ванили’.

Появление болгарского условного наклонения в подобных контекстах отмечается прежде всего в прагматической функции при модальных глаголах:

(25) *Он проспал остаток дня, ночь и продолжал спать так, что казалось, нет в мире силы, которая **могла бы*** (COND) *нарушить его сон* (Б. Полевой) ‘Проспа остаток от дня, ночь и продолжаваше да спи така, като че ли нямаше на света сила, която **би могла** (COND) да наруши съня му’ (пер. К. Георгиева).

Первые примеры употребления болгарского *да* как маркера ирреальности, сопровождающего другие подчинительные союзные средства, в частности в определительных (относительных) придаточных, отмечены М. Деяновой в Чергедских молитвах XVI в., пример (26а), ср. и более поздний пример (26б). В народной речи XVII–XIX вв. преобладали, однако, такие определительные придаточные, в которых относительное местоимение вообще отсутствовало (26в):

(26) а. ...*че друга помощ мие нимаме, от гѣула **фто да** ни слободи*. б. ...*требе да учредите в него и едно книгохранилище, в кое по малко **да** се сабират книги* (Рилска преправка на История славяноболгарская). в. *чловѣка немаме **да** помогне нам* (Л 88а); *нема мѣсто нигде него **да** задрѣжи* (Троян 228) [Деянова 1986: 491, 493].

Такие примеры не исключены и в современном болгарском, особенно в разговорном языке:

(27) *Около мен не познавам никой **да** живее под наем* (И) ‘В моем окружении я не знаю никого, кто бы жил на съемной квартире’.

В македонском языке отсутствие релятивного местоимения в относительных придаточных является литературной нормой (28а), ср. болг. (28б):

(28) а. мак. *Нема никој **да** те замени* ‘Нет никого, кто бы тебя заменил’. б. болг. *Няма никой, **който да** те замени* (То же).

Отсутствие релятива ведет к формальному неразличению относительных придаточных с *да* и целевых предложений. Проблеме обнаружения условий для выявления определительной или целевой семантики подобных построений посвящена содержательная статья [Bužarovska, Mišeska Tomić 2009], где показана важнейшая роль референциальных факторов (ср. соответственно примеры (29а) и (29б):

(29) мак. а. *Барам човек **да** го поправи кровот* ‘Мне нужен человек, который бы отремонтировал крышу’. б. *Барам скала **да** го поправам кровот* ‘Мне нужна лестница, чтобы ремонтировать крышу’.

Современный сербский язык также располагает возможностью введения придаточного с *да* без релятива, однако для более точного выражения данного значения имеются и иные способы, прежде всего использование релятивных клауз с формой кондиционала (30а); см. и статью [Јанић 2014], где автор предлагает (в качестве другого функционального варианта для выражения данного значения) придаточное, вводимое союзным подчинительным комплексом *а да* (30б):

(30) серб. а. *Обдукуција показала **да** на тијелу Лазаревског нису пронађене повреде **које** би увјетовале (COND) смрт* (И) ‘Вскрытие показало, что на теле Лазаревского не найдены травмы, которые могли бы закончиться смертью’. б. *Тражим посао **а да** није тежак*, букв. ‘Я ищу работу, но чтобы не трудная’.

В словенском языке возможны (в разных контекстах с разными оттенками значений) как формы условного наклонения (31а), так и

индикатив. Показательно привлечение футуральных форм (31б) для обозначения гипотетических ситуаций.

(31) словен. а. *Ni človeka, ki ne bi slišal* (COND) *zanj* ‘Нет человека, который бы не слышал о нем’. б. *Zdaj ji moraš nujno povedati nekaj, kar jo bo pomirilo* (FUT) ‘Сейчас ты должен непременно сказать ей что-нибудь, что бы ее успокоило’.

1.3.3. «Балканский» кондиционал

Как известно, значительная сфера ирреальности в болгарском и македонском языках охвачена формами так называемого балканского кондиционала⁸. Поскольку здесь невозможно дать даже краткий обзор сфер его функционирования, предлагаем в качестве примера список основных функций болгарского будущего в прошедшем. Эта форма имеет, помимо прямого темпорального значения (следования в прошлом), такие функции в сфере ирреальности, как обозначение неосуществленного или маловероятного действия в условном периоде (32), авертив (33), намерение в прошлом (34), прерванное действие (35), припоминание (36).

(32) *Ако не се беше разплакала, щях отново да я нахокам* (П. Вежинов) ‘Если б она не расплакалась, я бы ее опять отчитал’.

(33) *Щях да забравя!* ‘Чуть не забыл!’

(34) *Ние щяхме да ходим на Витоша, но времето се развали* ‘Мы собирались на Витошу, но погода испортилась’.

(35) *Той щеше да ѝ помогне, но тя го погледна с ненавист* ‘Он хотел было помочь ей, но она посмотрела на него с ненавистью’.

(36) *Какво ли щях да ти кажа...* ‘Что же я хотел тебе сказать...’

Итак, в балканославянских языках в связи с исчезновением инфинитива и расширением сферы действия *да*-конструкций (как тех, которые заменили инфинитив, так и возникших на иных позициях) произошло сужение функций условного наклонения. Часть ирреальных значений взял на себя «балканский» кондиционал.

Спецификация этих трех форм зоны ирреальности позволила З. Тополинской заключить, что славянские балканские языки сейчас располагают тремя сериями парадигм для выражения нефактивных положений дел: «наследената словенска парадигма во функција на potentialis со формант *би*, новоизградениот по балкански модел velle-conditionalis со две парадигми (praesentis и praeteriti) и *да*-subjunctivus (praesentis и praeteriti)» [Topolińska 2009: 306].

⁸ Македонский и болгарский «балканский» кондиционал, по крайней мере в литературных языках, различается формально (ср. болг. *щях да чета* и мак. *ќе читав*), а также имеет некоторые функциональные отличия, которых мы здесь не касаемся, см. об этом, например, [Тополинска 1996: 81–82].

Раздел 2. Составные союзы как отражение разной судьбы *да* в южнославянских языках

Далее мы покажем, сохраняют ли балканизированные и небалканизированные южнославянские языки указанные выше различия в грамматических и семантических свойствах предикаций с союзом *да* в тех случаях, когда *да* становится частью многокомпонентного союза. В 2.1.–2.3. характеристики предложений с составными союзами в языках с недифференцированным по фактивности/нефактивности союзом *да* (на материале сербского и, в меньшей мере, словенского языка) будут сопоставлены с ситуацией в балканославянских языках (на материале болгарского и, контрастно, македонского языков). Мы будем рассматривать только союзы с *да* в обстоятельственных предложениях, поскольку ни в изъяснительных, ни в относительных придаточных болгарского и македонского языков таких составных союзов нет⁹.

Сначала необходимо отметить случаи, при которых сочетание частицы *да* с союзом, по нашему мнению, не должно рассматриваться как составной союз.

1. Нет оснований рассматривать как составные союзы такие сочетания, в которых союз может быть употреблен самостоятельно, а роль *да* состоит только в модальной маркированности подчиненного сказуемого. Выше был разобран случай с болгарскими относительными придаточными, содержащими модальное наращение *да*. Есть и другие союзы с такими свойствами: пары союзов болг. *докато* и *докато да*, их варианты *дорде* (*да*), *догдето* (*да*), а также *откъдето* (*да*) различаются лишь модальностью в случае наличия *да*. На это обратила внимание еще М. Деянова [Деянова 1979: 424], ср. ее же пример (37а) и пример (37б) без модального наращения:

(37) а. *Никога не сме се изкатерили чак там, **откъдето да** може да се види и Бялото море* (устная речь) ‘Мы никогда не поднимались туда, откуда можно было бы увидеть Эгейское море’. б. *Никога не сме се изкатерили чак там, **откъдето** може да се види и Бялото море* ‘Мы никогда не поднимались туда, откуда можно увидеть Эгейское море’.

М. Деянова, однако, относит к этому же ряду и другие синтаксические явления, ведущие к соположению союзов, см. ее же пример (38) далее.

⁹ Напомним, что *да* в относительных придаточных мы рассматриваем как модальное наращение к релятиву (см. 1.3.2), а союзный комплекс *да не би да* в изъяснительных придаточных — как сочетание апрехенсивной частицы *да не би* с союзом *да* (см. 2.2). Других составных комплексов с *да* в этих типах придаточных нет.

2. Простые союзы могут соединять в сложное предложение сочиненные *да*-конструкции. Обычно такие *да*-конструкции представляют самое общее обозначение действия — как это свойственно, например, абстрактной семантике инфинитива в других языках, см. об этом [Маслов 1981: 290]; в таких случаях нет оснований считать, что *да* принадлежит составному союзу, см. пример (38), где сочиненные элементы *да правиш* и *да отстъпваш* соединены простым союзом *като* ‘как’¹⁰. При этом в болгарском языке существует и составной союз *като да* со специфицированным сравнительным значением, см. раздел 2.4.3.2.

(38) *Да правиш рокади същото ли е като да отстъпваш?* ‘Делать замены (букв. рокировки) — это то же самое, что (букв. как) уступать?’. Ср. трансформацию с номинализацией: *Правенето на рокади същото ли е като отстъпване?*

Точно так же от составного союза *отколкото да* (39) необходимо отличать разрывную компаративную конструкцию с наречием в сравнительной степени в главной части и союзом *отколкото*, соединяющим две сочиненные *да*-конструкции (40):

(39) *По-добре говори с него, отколкото да му пишеш* (пример Й. Пенчева [Пенчев 1998: 128]) ‘Лучше говори с ним, чем ему писать’.

(40) *Оказа се, че да управляващ такъв самолет е по-лесно, отколкото да се научиш да караш велосипед* (Л. Дилов, БНК) ‘Оказалось, что управлять таким самолетом легче, чем научиться ездить на велосипеде’.

(41) *Страхът прави нещата много по-различни, отколкото са* (А. Стойкова и др.) ‘Страх делает вещи совсем не такими, какие они есть’, букв. ‘...намного более другими, чем они есть’.

Кроме того, пара союзов *отколкото* и *отколкото да* является примером того, что наличие *да* может привести к изменению семантико-структурного типа обстоятельственного предложения. Союз *отколкото* вводит предложения меры и степени (компаративный подтип), ср. примеры (40)–(41), в то время как союз *отколкото да* (39) вводит придаточное с замещающей семантикой (см. 2.4.1.2), впрочем, традиционно и необоснованно относимое тоже к компаративным. Убедительные наблюдения над синонимией *отколкото да* и замещающих союзов *вместо да*, *наместо да* и более редкого *нежели да* приведены в [Радева 2015: 405–407].

3. Имеются промежуточные случаи между союзным комплексом и составным союзом (*да не би да*, *та да*, *па да*, которые рассматриваются в разделе 2.2).

¹⁰ В [РБЕ] лексема *като* в сравнительно-уподобительном значении в рамках простого предложения определяется как «наречие-предлог». Мы считаем ее союзом во всех ее сравнительных употреблениях, подобно русскому союзу *как* в разного рода сравнительных конструкциях [Кустова 2013: 115–118; Летучий 2015].

2.1. Дистанционность /контактность составного союза и предиката зависимой части

В небалканизированных южнославянских языках, как было показано выше, например (10), допускается свободное помещение ортотонических слов между *да* и сказуемым. Это свойство сохраняется и в предложениях с составными союзами, т.е. составной союз неразрывен и всегда занимает начальное положение в придаточной части, как и любой типичный союз. Примеры (42) иллюстрируют отсутствие контактности *да* и сказуемого (последнее подчеркнуто). В примере (42б) сразу за союзом *тако да* следуют элементы глагольной формы — футурный маркер *ће* и возвратная частица *се*, но это связано с тем, что сербский язык относится к языкам 2Р-позиции, т.е. допускает «ваккер-нагелевский» вынос клитик.

(42) серб. а. *Фудбал је омиљена тема кафанских разговора, **толико да** чак и политику баца у засјенак* ‘Футбол — любимая тема разговоров в кафе, настолько, что даже и политика уходит на второй план’, пример из [Пипер, Клајн 2015: 524].

б. серб. *Четвртак и петак су празнични дани, **тако да** ће се засједање наставити у понедељак* ‘Четверг и пятница — праздничные дни, так что заседание будет продолжено в понедельник’.

в. серб. *Радије слушам друге људе уместо да сама говорим* ‘Я предпочитаю слушать других, вместо того чтобы самой рассказывать’.

г. словен. *Žal pogosto ne pomaga nič, **razen da** dojenčka nosimo na rokah* ‘К сожалению, часто ничего не помогает, разве что младенца носить на руках’.

В балканославянских языках в составных союзах сохраняется категорический запрет на вставку иных элементов, кроме отрицания и клитик, между компонентом *да* и сказуемым (43).

(43) болг. *Обиди ме, **без да** съм ти направил (PERF) нищо* (С. Вьлев) ‘Ты обидел меня, хотя (а ведь) я тебе ничего не сделал’.

В [Корубин 1969: 48–49] приведены примеры из македонского языка со вставкой частей придаточного между составным союзом и предикатом, но автор однозначно квалифицирует их как ошибочные и связывает их с влиянием сербского языка.

2.2. Возможность разрыва компонентов союза

В небалканизированных южнославянских языках не допускается разрыв компонентов составных союзов элементами вводимого придаточного предложения.

В балканославянских языках нормативен (за исключением болг. *за да* и, по-видимому, *колкото да* в целевом значении [Иванова 2017а;

Мосинец 2018]) разрыв компонентов составных союзов: частицами, актантными синтаксическими группами, группами обстоятельственного значения (далее подчеркнуты). Этот разрыв связан с тем, что элемент *да* требует контактности с глаголом, поэтому он не может сохранить свою позицию, если глагол стоит не сразу после союза.

Между частями союза могут оказаться как тематизированные компоненты, так и — реже — коммуникативно выделенные.

(44) болг. а. *Смята се, че е автор на повече от хиляда творби, **макар те никога да** не са описани* ‘Считается, что он автор более чем тысячи произведений, хотя они никогда не были описаны’.

б. *Сам обясни всичко на хората, без да се пали и **без тях да** пали* (Б. Димитрова) ‘Он все объяснил людям, сам не кипятясь и их не заводя’.

(45) мак. а. *Та си кажаа по пријателите и по родовите **за никој од дупка надвор да** не излегува* ‘И сказали приятелям и родным, чтобы никто [из крыс] из норы наружу не высывался’ [Усикова 2003: 273].

б. *Зборувајте француски **без воопшто да** го учите* (И, реклама) ‘Говорите по-французски, вообще не уча его (букв. без вообще чтобы учить его)’.

Это свойство составных союзов свидетельствует о незавершенном обретении болгарскими и македонскими союзными комплексами с *да* статуса цельных союзов, что является следствием процесса с прямо противоположным структурным эффектом, а именно тенденции к грамматикализации *да* как конъюнктивоподобной частицы. Показательным является и поведение компонентов союза в случаях повтора при связывании сочиненных частей: при втором сочиненном компоненте достаточно использования только элемента *да*:

(46) мак. ***За војната да** не се повтори и **да** се потрети, треба да се војува* (В. Малески) ‘Чтобы война не повторилась и не началась в третий раз, нужно воевать’ (пример и его перевод из [Усикова 2003: 273]).

Составной союз или союзное соединение? Существуют союзные соединения с *да*, допускающие вставку значительных по объему синтаксических групп из подчиненной предикации и даже другие предикативные единицы. Такие случаи мы называем союзными соединениями и далее не рассматриваем. Наибольшие возможности для вставки синтаксически разнообразных групп демонстрирует болгарский союз *да не би да*, что позволяет, наряду с семантическими аргументами, предположить, что этот комплекс представляет собой не сложный союз, а апренхенсивную частицу *да не би* с последующим союзом *да*; см. подробнее в [Иванова 2014]; о функциях частицы *да не би* в независимых предложениях [Иванова, Бужаровска 2016]¹¹.

¹¹ Те же структурные свойства демонстрирует и *да не би да* в изъяснительном предложении, где это единственный союзный комплекс с *да*: *Навар-*

(47) болг. а. *Любопитните винаги обичат да държат главите си над другите глави, **да не би** случайно нещо от погледа им **да** убегне* (Й. Радичков) ‘Любопытные всегда стараются держать свои головы выше других, а то вдруг случайно что-то от их взгляда ускользнет’.

б. *Казвал съм вече, че човек трябва да внимава, когато чете книги — **да не би** самолекувайки се по напечатани медицински и фармацевтични учебници и справочници, **да** умре от печатна грешка, например* (БНК) ‘Я уже говорил, что нужно быть осторожным, читая книги, — чтобы [‘а то вдруг’], лечась самостоятельно по медицинским и фармацевтическим учебникам и справочникам, не умереть, например, от опечатки’.

Такие же сомнения вызывают сочетания типа *та да, па да*, представляющие, на наш взгляд, соположение простого сочинительного союза с семантикой следствия (*та*) и последовательно совершающихся действий (*па*) и целевого союза *да*. Каждый из компонентов комплекса сохраняет свое значение при совместном употреблении, возможны и нехарактерные для составных союзов случаи разрыва, например вставка зависимой предикативной конструкции *като дойда*:

(48) *Апарата мога да го донеса понеделник, вторник... Обади ми се, **та** като дойда **да** гонося* (И) ‘Я могу принести (фото)аппарат в понедельник-вторник. Позвони мне, [так что] когда пойду, чтобы я его захватил’.

2.3. Способность к обозначению реальных / ирреальных ситуаций

В небалканизированных южнославянских языках, где недифференцированный союз *да* способен вводить как ирреальное, так и реальное положение дел, это его свойство сохраняется и при составных образованиях с *да*:

(49) серб. а. *С **обзиром на то да** је сезона при крају, не очекујемо још много туриста* [Пипер, Клајн 2015: 522] ‘С учетом того, что сезон приближается к концу, мы уже не ожидаем много туристов’.

б. *Зјенице јој се раширише **толико да** се уплаши сама себе* (Ј. Барковић) ‘Зрачки у нее расширились так, что она испугалась самой себя’.

(50) словен. ***Kljub temu da** je konkurenca zelo močna, je podružnica naše banke zelo uspešna* ‘Несмотря на сильную конкуренцию, у филиала нашего банка дела идут хорошо’.

*но се плашеха **да не би** «въздушните крепости», раздразнени, **да** си хвърлят над тях страшния товар* (П. Вежинов) ‘Наверное, боялись, как бы «летающие крепости», разъярившись, не сбросили на них свой страшный груз’ (пер. Л. Лихачевой); см. подробнее [Иванова, Градинарова 2015: 313–317].

В балканославянских языках свойство *да*-конструкции обозначать ситуацию как ирреальную в большинстве случаев при составных союзах сохраняется, но может быть и нейтрализовано. В разделе 2.4. мы подробнее рассмотрим этот вопрос с учетом темпоральной парадигмы сказуемого в этих предикациях.

2.4. Особенности модально-временной парадигмы сказуемого в составных союзах с *да* в балканославянских языках

Составные союзы, включающие *да*, в балканославянских языках диктуют разную степень темпоральных ограничений на сказуемое зависимой предикации. Мы рассмотрим это на материале болгарского языка (приводя македонский язык в качестве контрастивного).

По степени наличия/отсутствия темпоральных ограничений для сказуемого придаточной части можно выделить три группы союзов.

1. Первая группа составных союзов диктует жесткие темпоральные ограничения, налагаемые союзом *да*, т.е. только (или как правило) настоящее время сказуемого зависимой клаузы: *за да, колкото да, отколкото да, вместо да* и др.

2. Вторая группа допускает еще и формы перфекта и, реже, плюсквамперфекта (*преди да, без да*).

3. Наконец, третья группа составных союзов с *да* (уступительные, условные, сравнительные) имеет лишь небольшие темпоральные ограничения на сказуемое вводимой клаузы.

Тем не менее, и третья группа составных союзов с *да* в современном болгарском языке характеризуется контактностью *да* с глаголом.

Встает вопрос, почему, приняв такую важнейшую характеристику *да*-конструкции, как контактность с глаголом, предложения с союзами третьего типа имеют широкие темпоральные возможности, не характерные для *да*-конструкции? Ответ на этот вопрос, предположительно, может быть следующим. С одной стороны, грамматикализация *да* как конъюнктивоподобной частицы привела к распространению структурных свойств *да*-форм на смежные зависимые употребления, в частности уступительные¹². С другой стороны, широкий набор времен подчиненного сказуемого в этих предложениях — результат иной истории становления этих предложений (см. п. 2.4.3) и, помимо того, поддерживается и типом придаточного предложения: те придаточные, которые способны обозначать разные (по временному соотношению с ситуацией главной части) положения дел, фактивные и нефактивные

¹² См. ряд примеров из исторических памятников, свидетельствующих об этапах перемещения *да* к глаголу и становлении его как уступительного союза в [Деянова 1986: 492].

ситуации, сохраняют широкие темпоральные возможности. К ним как раз относятся уступительные предложения, а также — с некоторыми оговорками — сравнительные. Если же придаточные предназначены для обозначения гипотетических ситуаций — основной сферы действия *да*-конструкций, — в них удерживается узкий набор времен (как в целевых и заместительных). Хотя эти предположения требуют отдельного объемного исследования, в том числе и данных о развитии союзов в разные исторические эпохи, мы постараемся ниже показать это на примере современного состояния.

2.4.1. Союзы с жесткими временными ограничениями

2.4.1.1. Жесткие временные ограничения (только настоящее время глагола, иное редко) демонстрирует вся группа составных союзов, имеющих целевое значение. Это основной целевой союз *за да* ‘чтобы’, союз приоритетной цели *само да* ‘только бы’, союз ограниченной цели или формально осуществляемого действия *колкото да* (‘лишь бы’)¹³, желательной цели — *дано да*¹⁴, сложный союз *с цел да* ‘с целью того чтобы’ и нек. др.:

(51) *Изважда да му бушоните, за да пести* (PRES) *ток* (Ц. Марангозов) ‘Выкручивала у него пробки, чтобы экономить электричество’.

(52) *Викаше и размахваше ръце, само да обърне* (PRES) *внимание върху себе си* ‘Кричал и размахивал руками, только бы обратить на себя внимание’.

(53) *Стойна изви очи към Лазара, дано той да я задържи* (PRES), *но той нищо не каза...* (Д. Талев) ‘Стойна взглянула на Лазара в надежде, что он ее остановит, но он ничего не сказал’.

Ограничения на время сказуемого подчиненной предикации здесь наиболее значительные, так как все целевые предложения содержат сообщения о гипотетической ситуации, что полностью соответствует основному значению подчиненной *да*-конструкции. Случаи употребления других времен редки. Так, оба примера на имперфект в [ГСБКЕ 1983: 382] фиксируются при союзных комплексах *та (дано) да* и *да да не би да*, статус которых как цельного составного союза подвергается нами сомнению (см. 2.2). В Болгарском национальном корпусе фиксируются также случаи имперфекта после союза *за да* в контекстах рассказа о прошедших событиях («согласование времен»), в основном

¹³ О специфике союза *колкото да* и его русских соответствиях см. [Иванова 2017а].

¹⁴ При использовании союза *дано (да)* выражаются «целевые отношения, сочетающиеся с модальной семантикой желания и надежды» [Градинарова 2010: 106], ср. рус. *в надежде, что*.

формы глагола *мога*. Однако в исследованиях современной художественной речи [Мосинец 2018] таких употреблений (из 700 контекстов с *за да*) не отмечено.

Строгие ограничения времен при союзе *за да* имеются в македонском языке. Случаи употребления условного наклонения вместо презентных форм расцениваются как нарушающие норму и связываются с влиянием сербского языка [Минова-Гуркова 1994: 260; 1997: 37].

Заметим также, что целевые предложения являются тем типом обстоятельственных придаточных, которые чаще всего допускают (для выражения чужой цели, а не цели субъекта речи) пересказывательные формы, а именно формы пересказа для настоящего времени в болгарском языке [Мосинец 2017: 415], и формы перфекта с пересказывательным значением в македонском языке. Такие предикации обозначают только гипотетические ситуации:

(54) *Криста седна до него и веднага ги пхна под носа му, за да ги помиришел* ‘Криста села рядом с ним и сразу сунула их ему под нос, чтоб, мол, понюхал’.

(55) мак. *Тенковите одеа во Дебарца за да гонеле наши војски* ‘Танки шли в Дебарцу, чтобы якобы преследовать наши войска’ [Минова-Гуркова 1994: 260].

2.4.1.2. Жесткие ограничения демонстрируют и все болгарские союзы с замещающим значением: *вместо да* (*наместо да*, устар. *нежели да*), *отколкото да* (см. о нем выше). Эти ограничения поддерживаются семантикой придаточного: замещаемое действие может в реальности осуществляться (или уже осуществиться) или быть только планируемым, но форма глагола в придаточной части никак не маркирует эту информацию, таким образом сообщая о действии безотносительно времени его реализации (как инфинитив в других языках, см. и переводы ниже). Данные о гипотетичности или осуществленности действия выявляются только из контекста.

(56) а. *А сега, вместо да се успокоя* (PRES), *изведнџ се почувствах в някакъв идиотски вакуум* (П. Вежинов) ‘Однако, вместо того, чтобы окончательно успокоиться, [я] почувствовал себя в каком-то странном вакууме’ (пер. М. Тарасовой).

б. *Вместо да се занимаваш* (PRES) *с глупости, започни да ходиш на фитнес* (И) ‘Вместо того чтобы заниматься глупостями, начни ходить на фитнес’.

Темпоральная нейтрализация подчиненной предикации наблюдается и в предложениях с союзом *освен да* ‘кроме как’. В отличие от союзов *освен че* и *освен дето* (‘кроме того что’), он обозначает действие, исключающее все другие, тем самым сближаясь семантически с замещающими союзами. Этот союз всегда указывает на действие безотносительно времени его реализации, используя наименее мар-

кированную форму настоящего времени глагола. О функциональных соответствиях этому союзу в русском языке см. [Градинарова 2017: 307–320]:

(57) а. *Какво можеше да каже утре на майката, **освен да** разстрои и нея?* (П. Вежинов) ‘Что он скажет завтра матери? Только еще больше расстроит’ (пер. Л. Лихачевой), ср. и: ‘Что он мог сказать завтра матери, кроме как расстроить и ее?’

б. *И не можеше да направи нищо в тоя миг, **освен да** диша дълбоко и да усеца как постепенно се възвръщат силата му и неугасимата жажда за живот* (П. Вежинов) ‘И ничего не мог поделать с собой в эту минуту — только глубоко дышал, чувствуя, как возвращаются к нему силы и неугасимая жажда жизни’ (пер. Р. Белло), ср.: ‘кроме как глубоко дышать и чувствовать, как...’

2.4.2. Союзы с допуском перфектных форм: реинтерпретация глагольных граммем подчиненного сказуемого

Важная характеристика составных союзов с временными ограничениями на форму сказуемого связана с тем, что глагольные граммемы подчиненного предиката могут подвергаться переосмыслению под воздействием показателя нефактивности *да*, что особенно очевидно при союзах *преди да*, *без да*, где набор глагольных форм сказуемого включает не только настоящее время, но и перфектные формы. Эти «добавочные» формы не соотносятся напрямую с прошедшим действием. О переосмыслениях глагольных категорий в предложениях с *без да* см. работу [Иванова 2017б]. Здесь проиллюстрируем наше утверждение на примере предложений с союзом *преди да*.

В болгарских предложениях с союзом *преди да* перфект (вместо настоящего) служит для отражения разных значений категории результативности по отношению к гипотетическим ситуациям. Ср. (58а) и (58б): предложение с презентной формой указывает только на временные рамки основного действия, а в предложении с перфектом наступление темноты представлено как неизбежная и нежелательная ситуация:

(58) а. *Мисля да съм там малко **преди да** се смрачи* (PRES), към 18:30 ‘Я планирую быть там незадолго до того, как стемнеет, примерно в половине седьмого’.

б. *Работното време на търговските обекти е фиксирано така, че те да затварят **преди да** се е смрачило* (PERF), *когато опасността се увеличава* ‘Рабочее время торговых объектов определено так, чтобы они закрывались до того, как стемнеет, когда опасность увеличивается’.

Ср. и следующую пару предложений: в (59) в придаточном предложении с глаголом в настоящем времени уточняются темпоральные рамки осуществления действия в главной части, в то время как в (60) перфектная форма в придаточном указывает на необходимость предотвращения действия:

(59) *Той пил вино, **преди да** убие (PRES) детето* ‘Говорят, он выпил вина, перед тем как убить ребенка’.

(60) *Трябва да го заловим, **преди да** е убил (PERF) още някого* ‘Мы должны поймать его, пока он не убил кого-нибудь еще’.

В македонском языке союз *пред да* всегда употребляется только с настоящим временем глагола, ср. македонское соответствие примеру (60) — как единственно возможный вариант: *Требва да го фатиме **пред да** убие (PRES) уште некој*.

2.4.3. Союзы с минимальными временными ограничениями

Третья группа составных союзов с *да*, — это союзы, вводящие уступительные, условные, сравнительные придаточные предложения. Отсутствие существенных темпоральных ограничений здесь во многом объясняется иной историей *да*, появившегося не на инфинитивных позициях. В старославянском языке имела частица *да*, сопровождавшая условные и условно-уступительные союзы, она постепенно обрела союзные функции, стала сама вводить условное предложение, а также вошла в состав уступительных союзов [ГСБКЕ 1983: 393, 403–405; Деянова 1986: 492–493, 495; Дограмаджиева 1984: 194, 210; ГСБЕ 1993: 509].

Характерной особенностью данных предложений является то, что они приняли такую важнейшую характеристику *да*-конструкции, как прилагательное поведение элемента *да*, что обуславливает возможность разрыва компонентов союза (пример 61 ниже) и возможность вставки только клитических элементов между *да* и глаголом, но никакие другие, семантические и грамматические, особенности *да*-конструкции на них не распространяются. Набор времен подчиненного предиката ограничен лишь несущественно. Рассмотрим подробнее.

2.4.3.1. В уступительных предложениях элемент *да* присутствует в союзах «собственно»-уступительных (*макар да* ‘хотя (и)’), условно-уступительных (*и да*, *дори и да* ‘пусть и’), а также в местоименно-союзных комплексах с усилительно-уступительным значением (*който и да* ‘кто бы ни’, *когато и да* ‘когда бы ни’ и др.).

Времена в предложениях с уступительными союзами в целом употребляются в своих обычных значениях. Уступительные союзы могут вводить реальные ситуации. Ср. констатацию из [ГСБКЕ 1983: 403]: «Все уступительные союзы и союзные средства могут быть использо-

ваны при реальном условии, некоторые из них только при реальном (*макар че, при все че, колкото и да*), другие при реальном и потенциальном (*макар и да, ако и да*), а третьи еще и при ирреальном (неосуществимом) условии (*и да*)». Так и в примерах (61)–(62) союз *макар да* вводит реальные положения дел:

(61) *Макар представлението да беше започнало* (PPERF), *пред касата на театъра все още се тълпяха войници* (П. Вежинов) ‘Хотя представление уже началось, перед кассой театра все еще толпились солдаты’.

(62) *И те бяха направени от същите материали, макар да се различаваха* (IMPERF) *по форма* ‘И они были сделаны из того же материала, хотя и различались по форме’.

При этом сказуемое здесь используется без существенных темпоральных отличий от предложений с союзом *макар че*, включающим «фактивный» союз *че*. Единственное ограничение для *макар да* касается времен будущего временного плана и кондиционала [Ницолова 2004: 125]. Но это ограничение, думается, связано не с модальной семантикой *да* (которой здесь нет), а с требованием контактности *да* с глаголом, в связи с чем не допускается вставка проклитических элементов *ще* и *би*. Ср. такую возможность для союза *макар че*:

(63) *Никой магазин не е снабден с всичко, макар че ще се опитат* (FUT) *да ви убедят, че е точно така* ‘Никакой магазин не снабжен всем, хотя вас попытаются убедить, что это именно так’ (И).

В усилительно-уступительных составных комплексах «относительное местоимение/наречие + усилительная частица *и* + *да*» ограничения на временную форму сказуемого касаются тоже времен будущего плана (футурум, футурум экзактум и будущее в прошедшем) [Дограмаджиева 1974: 421], но преобладающими являются форма настоящего времени и — для прошедшего плана — имперфект, причем от глаголов совершенного вида, что подчеркивает значение многократности и хабитуальности:

(64) *Който и да дойдеше* (IMPERF.PFV) *на власт, забравяше старите, болните и бедните* (И) ‘Кто бы ни пришел к власти, он забывал старых, больных и бедных’.

В условно-уступительных придаточных болгарского языка имеется разнообразный набор времен, близкий к временам условных предложений [Ницолова 2004] (там же — о всех видо-временных возможностях болгарских уступительных предложений).

2.4.3.2. Широкий набор времен сказуемого подчиненной предикации демонстрируют и сравнительные придаточные с союзом *като да* (‘как будто’, ‘как если бы’, ‘словно’), устанавливающие подобие двух ситуаций. Времена употребляются в своих основных значениях, как и при составном союзе *като че* ‘как будто’, ‘словно’ (см. подробнее в [ГСБКЕ 1983: 371; Иванова, Градинарова 2015: 361–363]).

(65) а. *Продължаваше да лежи с неподвижно лице и спуснати клепачи, **като да** не чуваше (IMPERF) гласа ми* (А. Гуляшки) ‘Он продолжал лежать с неподвижным лицом, прикрыв глаза, словно не слышал моего голоса’.

б. *Вратата сама се отвори, **като да** ги бе очаквал (PPERF) някой зад нея* (Д. Талев) ‘Дверь открылась сама, как будто кто-то ждал их за нею’.

В таких сравнительных предложениях реальной (референтной) обычно считается ситуация в главном предложении, а придаточное с союзом типа *като да/като че* вводит ирреальную ситуацию (не имевшую/не имеющую места). Тем не менее в сравнительных предложениях обе ситуации уподобляются одна другой, что определяет и аналогичные темпоральные формы главной и зависимой частей. В болгарском языке оба союза — *като че* и *като да* функционируют одинаково, без различия по признаку модальности или нефактивности, без значительных темпоральных отличий вводимого предиката.

В македонском языке имеется союз *како да*, охватывающий всю ту сферу значений, что и оба болгарских союза *като да* и *като че*, в том числе с функциями эпистемической частицы [Bužarovska 2006], подобно рус. *как будто*. Мак. *како да* тоже допускает употребление подчиненного сказуемого в прошедших временах:

(66) мак. *Oj, тешко тебе, слабо се отсва жената **како да** беше попадната (PPERF) во некое длабоко долиште* (Ж. Чинго) ‘Ой, несчастный ты, слабо отозвалась жена, как будто попала в какую-то глубокую яму’, пример и перевод из [Усикова 2003: 275].

2.4.3.3. Расширенный набор временных возможностей подчиненного предиката демонстрируют и условные придаточные [Ницолова 1998], в том числе включающие *да*. Союз *да* выступает здесь преимущественно как одиночный, см. пример (166) в разделе 1.3.1.1. Как элемент союза он входит, если не считать устаревший комплекс *ако да*, в состав союзов *само да* [ГСБКЕ 1983: 393] и *стига да* ‘если (бы) только’, ‘только бы’ и др.; см. об их русских эквивалентах в [Градинарова 2017: 339–350], отсюда же и пример (70). Но даже и эти относительно новые союзы допускают, кроме частотного настоящего времени (67)–(68), также и прошедшие времена (69)–(70) для выражения разных типов условий, что характерно в целом для набора времен в придаточных с другими условными союзами (*ако*, *в случай че* и др.).

(67) *Аз мога, **стига да** искам (PRES)* ‘Я-то могу, если захочу/стоит только захотеть’.

(68) *На адвоката **само да** му кажеш (PRES) добър ден и ще ти иска 150 евро* ‘Адвокату только скажи «здравствуйте», и с тебя уже 150 евро’.

(69) *Бихме отслабвали по-лесно, **стига да** беше (IMPERF) по-весело* ‘Может, мы бы легче худели, если б только это было веселее’.

(70) *Завърших 8-ма гимназия, а можех да уча в английската или в италианския лицей, **стига да** бях поискала* (PPERF) ‘Я закончила 8-ю гимназию, а могла бы учиться в английской или в итальянском лицее, если б только захотела’.

Заключение

1. Утрата инфинитива и распространение *да*-конструкции как грамматического образования, характеризующегося контактностью *да* с глаголом, ограничениями на состав времен и семантически связанного с областью нефактивности, ведет к особому перераспределению средств выражения ирреальных значений в балканославянских языках. Это выражается прежде всего в сужении сферы функционирования условного наклонения, что мы показали на примере, во-первых, зон пересечения русского сослагательного наклонения и болгарской *да*-конструкции и, во-вторых, сравнением способов выражения ирреальности в относительных придаточных в южнославянских языках, которые, как известно, имеют значительные расхождения в путях развития *да*.

2. Исходя из того, что специфические характеристики *да*-форм в балканославянских языках существенно отличаются от статуса *да* в других языках южнославянской группы (1.1.–1.2), в разделе 2 мы постарались дать ответ на вопрос, какие из этих черт сохраняются в случае, когда *да* является частью составного союза. В 2.1.–2.3. предложения с составными союзами в языках с недифференцированным по модальности союзом *да* были сопоставлены с ситуацией в балканославянских языках.

Как показал анализ, при включении *да* в составной союз и балканизированные, и небалканизированные южнославянские языки сохраняют те специфические линейно-синтаксические особенности, которые демонстрирует и одиночный союз *да* в этих двух языковых группах, что дополнительно свидетельствует о размежевании синтаксических функций *да* в южнославянских языках. В балканославянских языках придаточные с рассмотренными составными союзами реализуют все структурные особенности *да*-форм, что является результатом грамматикализации *да* как конъюнктивоподобной частицы. Однако семантическое ограничение на введение нефактивного положения дел в болгарских и македонских составных союзах с *да* имеется не всегда. Мы выделили три разные группы болгарских сложноподчиненных предложений с составными союзами, имеющих разную степень ограничений на временную форму подчиненного предиката, и показали, что это связано и с историей формирования того или иного типа сложного предложения, и со спецификой самого типа подчиненной предикации.

Список сокращений

COND — кондиционал (условное наклонение)
 DAT — дательный падеж
 FUT — будущее время
 IMPERF — имперфект
 IPFV — несовершенный вид
 NEG — отрицательная частица
 PERF — перфект
 PFV — совершенный вид
 PFUT — будущее время в прошедшем
 PPERF — плюсквамперфект
 PRES — настоящее время
 REFL — рефлексивная частица

Список сокращений источников

Влх — Влахобългарски грамоти (*Л. Милетич*. Нови влахобългарски грамоти от Брашов, СБНУ XIII).

Л — Люблянският Български ръкопис (*Ст. Аргиров*. Люблянският Български ръкопис от XVII в. СБНУ XII).

Тих — Тихонравовский дамаскин (*Е. И. Демина*. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Т. II. София, 1975).

Троян — Троянски дамаскин (*А. Иванова*. Троянски дамаскин. Български паметник от XVII в. София, 1967).

БНК — Български национален корпус, <http://search.dcl.bas.bg/>

И — Интернет

Литература

Асенова 2002 — *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. Велико Търново, 2002.

Бужаровска 1999 — *Бужаровска Е.* Независните да-конструкции во македонскиот јазик и нивните корелати во грчкиот јазик // Македонски јазик. 1999. № 51–52.

Бужаровска 2018 — *Бужаровска Е.* Функцијата на *би* за изразување обусловени дејства во македонскиот јазик // Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник: акад. З. Тополињска. Скопје, 2018.

Бужаровска, Митковска 2015 — *Бужаровска Е., Митковска Л.* Негираните независни да-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските да-конструкции / Уредник акад. З. Тополињска. Скопје, 2015. С. 23–46.

Викторова 2005 — *Викторова К.* Функционален развој на да-конструкцијата во съвременниот български език // Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение / Съст. С. Коева. София, 2005. С. 185–224.

- Гајдова 2008 — *Гајдова У.* Условниот период во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 2008.
- Градинарова 2010 — *Градинарова А. А.* Фрагменти болгарско-руског сопоставителног синтаксиса. Учебн. пос. для студентов-русистов старших курсов болгарских вузов. Sofia, 2010.
- Градинарова 2017 — *Градинарова А. А.* Очерки по сопоставителному синтаксису болгарского и русского языков. София, 2017.
- Грицкат 1975 — *Грицкат И.* Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975.
- Грковић Мејџор 2004 — *Грковић Мејџор Ј.* Развој хипотактичког *да* у старо-српском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2004. № 47 (1–2). С. 185–203.
- ГСБЕ 1993 — Граматика на старобългарскиј език. Фонетика. Морфологија. Синтаксис / Глав. ред. И. Дуриданов. Ред. кол. Е. Дограмаджиева, А. Минчева. София, 1991.
- ГСБКЕ 1983 — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983.
- Деянова 1979 — *Деянова М.* Към синтактичните функции на съюза *да* // Български език. 1979. № 1. С. 70–71.
- Деянова 1982 — *Деянова М.* За функциите на служебната дума *да* в словенскиј книжовен език (в сравнение с български) // Български език. 1982. № 4. С. 319–329.
- Деянова 1985 — *Деянова М.* Подчинени изречения със съюз *да* в съвременния словенски книжовен език. София, 1985.
- Деянова 1986 — *Деянова М.* Из историята на *да*-конструкцията в българскиј език // Български език. 1986. № 6. С. 485–495.
- Добрушина 2006 — *Добрушина Н. Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
- Добрушина 2011 — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение в относительных придаточных с союзом *который* // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2011. № 6. С. 69–83.
- Добрушина 2012 — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
- Добрушина 2016 — *Добрушина Н. Р.* Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2016.
- Дограмаджиева 1974 — *Дограмаджиева Е.* Синтактична характеристика на съчетанията от типа *който* и *да* в съвременния български книжовен език // В памет на професор Стойко Стойков. Езиковедски изследвания. София, 1974. С. 417–423.
- Дограмаджиева 1984 — *Дограмаджиева Е.* Обстоятелствените изречения в книжовния старобългарски език. София, 1984.
- Дымарский 2015 — *Дымарский М. Я.* Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.

- Иванова 2014 — *Иванова Е. Ю.* Апрехенсивное значение в русском и болгарском языках // *Studi Slavistici*. Firenze University Press. XI. 2014. С. 143–168 (<http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/15347>).
- Иванова 2015 — *Иванова Е. Ю.* Русские параллели болгарской *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник акад. Зузана Тополинска. Скопје, 2015. С. 101–153. <http://ical.manu.edu.mk/books/ZbornikSubjunktivICAL2014.pdf>
- Иванова 2016 — *Иванова Е. Ю.* *Да*-конструкция в позиции предикативного определения в болгарском языке // XXI Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции, 14–21 марта 2016 г., г. Санкт-Петербург / Отв. ред. О. В. Васильева, З. К. Шанова. СПб., 2016. С. 41–50.
- Иванова 2017a — *Иванова Е. Ю.* Предложения с союзом *колкото да* и их русские соответствия // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Выпуск XI. Шумен, 2017. С. 5–21.
- Иванова 2017б — *Иванова Е. Ю.* Придаточное неосуществленного действия в болгарском языке и его русские параллели // *Rhema*. Рема. 2017. № 2. С. 41–69 (<http://mngu.pf/ob-mpgu/izdaniya-mpgu/zurnal-rhema-rhema-arhiv/>).
- Иванова 2018 — *Иванова Е. Ю.* Частица *by/bi*: значение, употребление, синтаксис (русско-болгарские параллели) // Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник акад. З. Тополинска. Скопје, 2018.
- Иванова, Бужаровска 2016 — *Иванова Е. Ю., Бужаровска Э.* Эпистемические вопросительные частицы *да не* в македонском и *да не би* в болгарском языках // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3 / М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). М., 2016. С. 140–158.
- Иванова, Градинарова 2015 — *Иванова Е. Ю., Градинарова А. А.* Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М., 2015.
- Китина 1991 — *Китина А.* За значението «иреалност» на формите за бъдеще време в миналото в български език и техните съответствия в руските преводи // Български език. 1991. Кн. 2. С. 101–109.
- Јанић 2014 — *Јанић А.* Субјунктивне релативне клаузе у српском и бугарском језику // Наслеђе. 2014. Број 28. С. 111–122.
- Конески 1987 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот јазик. Скопје, 1987.
- Корубин 1969 — *Корубин Б.* Јазикот наш денешен. Скопје, 1969.
- Кустова 2013 — *Кустова Г. И.* Синтаксис современного русского языка: Курс лекций. М., 2013.
- Куцаров 2007 — *Куцаров И.* Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007.
- Ласкова 2009 — *Ласкова Л.* Имперфект и плусquamперфект в подчинени *да*-изречения след глаголи за възприятие // Български език. 2009. Приложение. С. 169–185.
- Летучий 2015 — *Летучий А. Б.* Сравнительные конструкции. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

- Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Маслова 2008 — *Маслова А. Ю.* Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск, 2008.
- Минова-Ѓуркова 1994 — *Минова-Ѓуркова Л.* Синтакс на македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1994.
- Минова-Ѓуркова 1997 — *Минова-Ѓуркова Л.* Сврзувачки средства во македонскиот јазик. Скопје, 1997.
- Минчева 1987 — *Минчева А.* Старобългарският език в светлината на балканистиката. София, 1987.
- Мирчев 1978 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.
- Митковска 2018 — *Митковска Л.* Можниот начин надвор од условниот период во современот македонски јазик // Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник акад. З. Тополинска. Скопје, 2018.
- Мосинец 2017 — *Мосинец А. Г.* Становление целевых союзов в болгарском языке: от древнеболгарского до современного состояния. Вестник СПб-ГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Том 14. Выпуск 3. Сентябрь 2017. С. 407–419.
- Мосинец 2018 — *Мосинец А. Г.* Сложные предложения с придаточными цели и причины в болгарском языке в сопоставлении с русским. Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2018.
- Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Условные конструкции в болгарском языке // Типология условных конструкций / Храковский В. С. (отв. ред.). СПб., 1998. С. 129–161.
- Ницолова 2004 — *Ницолова Р.* Уступительные конструкции в болгарском языке // Типология уступительных конструкций / Храковский В. С. (отв. ред.). СПб., 2004. С. 95–136.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- Ницолова 2009 — *Ницолова Р.* Таксис в болгарском языке // Типология таксисных конструкций / Храковский В. С. (отв. ред.). СПб., 2009. С. 117–137.
- Пантелеева 1998 — *Пантелеева Х.* Кондиционалът в съвременния български книжовен език. София, 1998.
- Пенчев 1984 — *Пенчев Й.* Строеж на българското изречение. София, 1984.
- Пенчев 1998 — *Пенчев Й.* Синтаксис // *Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й.* Съвременен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София, 1998. С. 498–655.
- Петрова 2015 — *Петрова Г.* Сложни изречения с да-комплемент за изразяване на контрахипотетичност // Да (пре)откриваш думите: Юбилеен сборник, посветен на проф. д.ф.н. Вера Маровска. Пловдив, 2015. С. 77–84.
- Пипер, Клајн 2015 — *Пипер П., Клајн И.* Нормативна граматика српског језика. Нови Сад, 2015.
- Радева 2015 — *Радева П.* Рестриктивният съюз *отколкуто да* в системата на подчинителните съюзи в съвременния български език // Проглас. 2015. Кн. 2. С. 403–413.

- РБЕ — Речник на българския език. Институт за българския език, София, 1977 (<http://ibl.bas.bg/rbe/>).
- Ружић 2006 — *Ружић В.* Допунске реченице у савременом српском језику. II // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XLIX. 2006. Св. 2. С. 103–267.
- Сашева 2015 — *Сашева В.* Полифункционалното *да* в българския език (Функционално-семантични и модални особености на независимите *да*-изречения в съвременния български език). Велико Търново, 2015.
- Седлачек 1970 — *Седлачек Ј.* Српскохрватске потврде о развоју реченице са *да* у јужним словенским језицима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XII. 1970. Св. 2. С. 59–69.
- Симић, Јовановић 2002 — *Симић Р., Јовановић Ј.* Српска синтакса. I–II. Београд, 2002.
- Симов, Колковска 2004 — *Симов К., Колковска С.* Интерпретација на *да*-конструкциите в опорната фразова граматика // Славистиката в началото на XXI век — традиции и очаквања. София, 2004. С. 153–162.
- Синтакса 2005 — Синтакса савременого српског језика. Проста реченица / Пипер П., Антонић И., Ружић В. и др. Уред. акад. М. Ивић. Београд, 2005.
- Статусот на модалната морфема *БИ* 2018 — Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник акад. З. Тополињска. Скопје, 2018.
- Стевановић 1964 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски јазик. Београд, 1964.
- Стешевич 2015 — *Стешевич В. Ю.* Категория императивности и средства ее объективации в русском и сербском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Субјунктив 2015 — Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник акад. З. Тополињска. Скопје, 2015.
- Тишева 2001 — *Тишева Љ.* Подчинително сврзване в сложното изречение. Комплементизаторите в българския език // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив, 2001. С. 164–173.
- Тополињска 1996 — *Тополињска З.* Студии од македонско-бугарската јазична конфронтација. Скопје, 1996.
- Тополињска 2008 — *Тополињска З.* Полски-македонски: Граматичка конфронтација. Т. 8. Развитие на граматичките категории. Скопје, 2008.
- Трофимкина 2014 — *Трофимкина О. И.* Синтаксис сложного предложения в сербском языке. СПб., 2014.
- Ухлик, Желе 2017 — *Ухлик М., Желе А.* Семантичките и синтаксичките особености глаголов *bati se* ‘бояться’ и *upati (se/si)* ‘надеяться; отжаивањся’ в словенском предложении // Slovenski jezik — Slovene Linguistic Studies. 11. 2017. С. 87–109.
- Ухлик, Желе 2018 — *Ухлик М., Желе А.* *ДА*-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5.
- Ускова 2003 — *Ускова Р. П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
- Цыхун 1981 — *Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балкано-славянского языкового ареала. Минск, 1981.

- Чакърова 2009 — Чакърова К. Императивът в съвременния български език Пловдив, 2009.
- Alexova, Tisheva 2000 — Alexova Kr., Tisheva Y. Bulgarian *da-* and *che-*clauses after verbs of perception // Papers from 3rd Conference «Formal Approaches to South Slavic and Balkan Languages», Plovdiv, September 1999. University of Trondheim. Working Papers in Linguistics. 34. 2000. P. 97–109.
- Amman, Auwera 2004 — Amman A., van der Auwera J. Complementizer headed main clauses for volitional mood in the languages of South-Eastern Europe — a Balkanism? // Balkan Syntax and Semantics. Amsterdam, 2004. P. 293–314.
- Bužarovska 2006 — Bužarovska E. Pathways of semantic change: From similarity marker to sensory evidential // Slavia Meridionalis. Studia Linguistica et Balcanistica. 6. Warszawa. 2006. S. 185–311.
- Bužarovska, Mišeska Tomić 2009 — Bužarovska E., Mišeska Tomić O. Subjunctive relative clauses in Macedonian and Bulgarian // Investigations in the Bulgarian and Macedonian nominal expressions / Dimitrova-Vulchanova M., Mišeska Tomić O. (eds.). Trondheim, 2009. P. 204–229.
- Dobrushina 2012 — Dobrushina N. R. Subjunctive complement clauses in Russian // Russian linguistics. 2012. Vol. 36. Issue 2. P. 121–156.
- Joseph 1983 — Joseph B. D. The Synchrony and diachrony of the Balkan infinitive: A study in areal, general and historic linguistics. Cambridge, 1983.
- Gołąb 1954 — Gołąb Z. Funkcja syntaktyczna partykuły *da* w językach południowosłowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbochorwackim) // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Zeszyt XIII. 1954.
- Kramer 1987/1988 — Kramer C. Towards a comparison of conditionals in Albanian, Bulgarian and Macedonian // Македонски јазик. № 37. 1987/1988. С. 263–270.
- Mitkovska, Bužarovska, Ivanova 2017 — Mitkovska L., Bužarovska E., Ivanova E. Apprehensive-epistemic *da*-constructions in Balkan Slavic // Slověne = Словѣне. 2017. № 2. S. 57–83.
- Mitkovska, Bužarovska, Kusevska 2015 — Mitkovska L., Bužarovska E., Kusevska M. Macedonian ‘*da ne*’ constructions as distance markers // Distance in Language, Language of Distance / Sonnenhauser, A. Meermann (eds.). Cambridge, 2015. P. 243–262.
- Sedláček 1982 — Sedláček J. Modální perifráze *da*+indikativ v jižní slovanštině // Slavia. 1982. № 51. S. 24–27.
- Topolińska 2009 — Topolińska Z. Балканското во граматичката структура во словенските балкански јазици // Z Polski do Macedonii: Studia językoznawcze. Tom II. Kraków, 2009.
- Uhlik, Žele 2018 — Uhlik M., Žele A. Predmetni *da*-odvisniki v slovensko-ruski sopostavitvi // Slavistična revija. Številka 2. 2018. Vol. 66. S. 213–233.

ДА-ФОРМЫ В СЛАВЯНСКИХ ИДИОМАХ АЛБАНИИ. К ТИПОЛОГИИ АЛБАНСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Славянская речь Албании в настоящее время существует в виде языковых идиомов разной степени сохранности, находящихся в разной языковой ситуации. Особенности ее конфигурации заданы разным распределением следующих исходных элементов и параметров:

Элементы

1. *Территориальные славянские диалекты Албании*, как правило, являются основой, на которой формируются славянские идиомы Албании: в идеальном случае регистрируемый идиом является идиолектом территориального диалекта, а его носитель не владеет никакими другими языками и диалектами. Именно территориальные славянские диалекты Албании традиционно привлекают основное внимание исследователей. В основном эти диалекты носят периферийный характер для соответствующих ареалов, находящихся на территории сопредельных государств. Так, диалект района Враки¹ продолжает зетско-ловченский ареал (хотя и имеет сильно смешанный характер из-за множественных миграций — ср. [Steinke, Ylli 2013: 24]); диалект в албанской части района Горы является переходным между ареалами Дебар-Реки и Горни-Полога, с одной стороны, и Призрен-Средски — с другой [Видоески 1998: 349], входя в более широкий пояс призренско-тимокских диалектов; районы Голоборда и Поле продолжают дебарские диалекты

¹ Используются традиционные названия районов Албании, где есть славянское население. Они не совпадают с современным административным делением страны.

Максим Максимович Макарец,
Институт славяноведения РАН (Москва) / Institut für Slavistik, Carl von
Ossietzky Universität (Oldenburg)

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект №18-012-00607 А «Корпусные и полевые исследования сентенциальных дополнений в балканских языках и диалектах»)

([Видоески 1998: 339, 341], о Голоборде см. также [Соболев, Новик 2013]); диалекты западного и южного берега Охридского озера (Лин, Тушемишт, Пешкэпия) входят в охридско-стружский ареал [Видоески 1998: 341–344]; диалект в албанской части района Преспы входит в более широкий преспанский ареал [Конески 1957]; в Вэрнике тот же самый диалект, что и в районе Корестиа на территории Греции [Видоески 1998: 347]². Самым крупным сводным описанием славянских диалектов Албании последнего времени является четырехтомная монография К. Штайнке и Дж. Юллы [Steinke, Ylli 2007; 2008; 2012; 2013], куда включена также подробная библиография вопроса. Кроме того, на территории Албании есть три островных славянских диалекта. Два из них переселенческие: в селах Боракай и Коджас живут переселенцы из района Мостара (сюда они попали в результате *мухаджирских* переселений из Боснии в конце XIX в. [Steinke, Ylli 2013: 137]; отсюда и самоназвание *madžiri* [ПМА: Макарецв: 2012, Боракай]), диалектной области, переходной между екавским и икавским штокавскими ареалами; а в районе Фиера (как в самом городе Фиер, так и в окрестных селах Рет-Либофша, Петова, Дерменас, Хамиль) живут переселенцы из района Нови-Пазара (по местному преданию, с 1924 г., при переселении они несколько лет провели в долине Эльбасана), исходный диалект которых принадлежит к новипазарско-сеничскому ареалу (см. [Barjaktarević 1966]). В селах Бобошница и Дренова³ неподалеку от Корчи существует славянский языковой остров, который структурно относится к юго-восточным македонским диалектам, хотя и имеет ряд уникальных особенностей, среди которых как архаические черты, так и инновации, вызванные долговременным контактом с албанским языком. О диалекте Бобошницы, помимо классических монографий [Mazon 1936; Mazon, Bajrova 1965], см. [Steinke, Ylli 2007; Makartsev (in print)²; Макарецв 2013].

2. *Стандартные славянские языки.* В настоящее время единственным регионом Албании, где возможно обучение на славянском языке в государственных школах, является Преспа (по данным на 2015 г., 8 школ в Преспе были македоноязычными — [Hada 2015: 75]). Обучение македонскому языку на курсах в Корче, сербскому языку в регионе Фиера и боснийскому в с. Боракай — частная инициатива,

² См. также последнюю по времени публикацию по диалекту с. Дреновы региона Корестиа [Koroloff 2015].

³ В настоящее время в Бобошнице осталось всего трое носителей диалекта, знающие его достаточно фрагментарно; Ильо Кунешка (1925 г.р.), у которого диалект был наиболее сохранным, умер в январе 2017 г. В настоящей работе использованы записи, которые я сделал с ним в 2010–2014 гг. Трое носителей диалекта из Дреновы — два брата (1922 и 1929 г.р.) и сестра (1927 г.р.) — в настоящее время живут в городе Корча.

поддерживаемая местными сообществами, и она не входит в школьную систему. Существует нерегулярно выходящая пресса на македонском языке (газета «Преспа», журнал «Илинден»), но, как правило, она доступна только через соответствующие политические и культурные организации, а в свободной продаже не появляется. В пограничных районах доступны также радио- и телеканалы (во Враке — черногорские, в Горе, Голоборде и Преспе — македонские)⁴. Это привело к тому, что, за исключением Преспы, влияние славянских литературных языков достаточно ограничено. Кроме того, принадлежность славянских сообществ Албании оспаривается в академическом и политическом дискурсе: двумя основными оппозициями здесь являются болгарский vs. македонский (Бобошница, Вэрник, Голоборда, Поле, Преспа) и боснийский vs. сербский (Боракай, Врака, Фиер). Наиболее сложная ситуация в Горе: ее диалект принадлежит к переходной зоне между сербским и македонским, обе диалектологические традиции включают его в свою диасистему. Существенно, что в настоящее время Гора разделена государственными границами на три части: 18 сёл находятся в Косове, девять — в Албании, два — в Македонии. Для косовских горанских сёл длительное время в качестве *Dachsprache* выступал сербскохорватский, а в настоящее время конкурируют сербский (через систему сербских школ Косова, подчиненную Белграду) и боснийский (в школах, находящихся в системе частично признанной Республики Косово), и ведутся попытки кодификации горанского литературного языка ([Номати 2015]). В то же время, македонские диалектологи традиционно включают Гору в македонский диалектный ареал, а болгарские — в болгарский, что дает горанцам четыре конкурирующих стандартных языка (и один малый литературный язык, находящийся в процессе кодификации). Хотя на территории албанской части Горы преподавание ведется только на албанском языке, благодаря географической близости и фактическому упразднению границ (пересечение албанско-косовской границы максимально облегчено, причем местные жители также активно пользуются нелегальными переходами), горанцы с албанской стороны знают о существующих оппозициях стандартных языков и также могут ориентироваться на тот или иной стандарт⁵ (подробнее о языковой ситуации у славян Албании по со-

⁴ Внутри страны доступны только через Интернет (телевидение также через спутник).

⁵ Сложность ситуации с языком и идентичностью в регионе нашла свое отражение в ежегодном отчете албанского уполномоченного по правам человека (*Avokat i popullit*) за 2014 г., где упоминается, что по албанскому законодательству горанцы (*goranët*) имеют статус «сообщества» (*komunitet*), хотя на самом деле в отличие от соседнего Косова, такого статуса у них нет: в албанских официальных документах и официальном дискурсе в качестве «сообществ» упоминаются только египтяне и бошняки ([Raporti 2014: 89] и далее).

стоянию на середину 2016 г. и до принятия последнего закона о меньшинствах см. [Korhonen, Makartsev, Petruševska & Spasov 2016]). Стандартные славянские языки в рассматриваемых сообществах не носят характер основного средства общения, а служат в качестве вектора ориентации. В речи носителей славянских идиомов Албании стандартные славянские языки часто представлены через набор языковых маркеров, которые выступают как акты идентичности и указывают на политическую ориентацию говорящего (перформанс), в то время как речевая практика определяется в первую очередь территориальным славянским диалектом и может иметь характер смешанной речи (основанной на территориальном диалекте с добавлением элементов стандартных языков и других диалектов)⁶. В то же время, окончательный облик языковой практики у каждого говорящего определяется его личной языковой историей (наличие/отсутствие длительного контакта с носителями других славянских идиомов Албании или носителями стандартных языков). Влияние стандартных славянских языков может принимать достаточно причудливые формы, так, в функционировании л-форм в речи Ильо Кунешки (Бобоштица) прослеживается влияние чешского литературного языка (Ильо получил высшее образование в Карловом университете в Праге — [Макарцев 2013]).

3. *Территориальные варианты албанского языка.* Албанские крупные диалектные ареалы имеют ряд ярких особенностей на всех уровнях языка. Основным является деление север/юг, т.е. на гегскую и тоскскую диалектные области. С гегскими диалектами контактируют славянские диалекты Боракая, Враки, Горы, Голоборды и Поля, а также переселенцы в Дурресе, Тиране и Эльбасане. С тоскскими — диалекты западного и южного берега Охридского озера, Бобоштицы и Дреновы, Вэрника и Фиера.

Параметры

1. *Степень сохранности славянского идиома* определяется через возможность коммуникации на нем. По этому параметру можно определить три группы говорящих: монолингвальные носители территориального славянского диалекта, билингвальные носители территориального славянского диалекта и одной из форм албанского языка (стандарт или территориальный диалект), эритажные говорящие (для которых семейным языком первых лет жизни был территориальный славянский диалект, но социализация проходила уже на одной из форм албанского языка), которые в основном используют одну из форм ал-

⁶ См. [Макарцев 2017; Makartsev (in print)¹].

банского языка, но могут ограниченно общаться на территориальном славянском диалекте.

2. *Место проживания* (город/село). В селе славянские идиомы наиболее сохранны и используются в коммуникации в долгосрочной перспективе, в то время как в таких городах, как Дуррес, Корча, Тирана и Эльбасан уже второе поколение переселенцев (первое, выросшее в городе) использует славянские идиомы ограниченно (обычно для коммуникации в семье и с друзьями). В то же время, в отличие от сельских сообществ, городские сообщества славян Албании вступают в контакты друг с другом, что потенциально может оказывать влияние на их языковую практику.

Перечисленные элементы и параметры определяют языковой профиль говорящего, представляющий собой, таким образом, уникальную конструкцию из неуникальных элементов (если перефразировать известное высказывание Т. В. Цивьян о балканской модели мира). Поэтому, если учитывать только ареальное распределение элементов, значительная часть важных феноменов просто выпадает из поля зрения, иными словами, при изучении славянских идиомов Албании диахрония отступает на второй план⁷, а на первый план выходит типология языкового взаимодействия. Для иллюстрации этого тезиса в настоящей работе описываются особенности структуры *да*-форм в диалекте Бобоштицы на материале речи двух говорящих, которые различаются особенностями освоения диалекта и степенью его владения. Исследование основано как на записях интервью (монологи и диалоги), так и на экспериментальном анкетировании, проведенном с одним из носителей диалекта Бобоштицы⁸.

Да-формы в албанском языке

Формы балканских языков, включающие в себя элемент, который В. Фридман предлагал называть «дентальным модальным субординатором» (*Dental Modal Subordinator* — [Friedman 1986])⁹, представляют собой удобный материал для анализа языковых контактов. С одной

⁷ Что вовсе не значит, что ей следовало бы пренебречь — без учета того, какой территориальный диалект лежит в основе рассматриваемого идиома, его описание будет далеко не полным.

⁸ Анкетирование проведено в рамках проекта по комплементации в славянских идиомах Албании, материалы которого готовятся к печати [Markartsev (in print)²].

⁹ Обращая внимание на то, что в албанском, греческом, румынском и балканославянских языках (а также в цыганском) эта грамматическая частица (*da, na, sã, tẽ, te...*) состоит из кластера CV, в котором согласная является или зубной, или нёбной. При глоссировании в настоящей статье будет использоваться помета Agr(eement). Во всех случаях перевод мой.

стороны, они легко отождествляются (по У. Вайнрайху) говорящими в разных языках (на это влияет как фонетическое сходство, так и структурная близость). С другой — албанский и балканославянский морфосинтаксис этих форм при всем сходстве различаются достаточно сильно, чтобы можно было увидеть, как именно балканославянские формы структурно изменяются под албанским влиянием. Далее предлагается конспективное описание албанской системы форм с дентальным модальным оператором *të* и некоторых других похожих форм (без претензии на полноту описания, внимание будет обращаться прежде всего на те элементы, которые отличают албанскую систему от балканославянской).

1 *Po fillo-n*

CONT начинать-PRES.3Sg

të mos më pëlqe-jë

AGR NEG DAT.1Sg нравиться-PRES.CONJ.3Sg

kjo dhomë dhe kjo

эта.FEM комната и эта.FEM

kohë e keqe

погода AGR плохая.FEM

‘Мне перестает нравиться эта комната и эта плохая погода’

[Gramatika 2002: 185].

Дентальный модальный субординатор в албанском имеет вид *të* (иногда *t'*, когда он агглютинирует с клитиками). Глагол в сфере действия *të* обычно ставится в конъюнктиве, который албанская академическая грамматика называет *mënyra lidhore* «связывающее наклонение». Большинство его форм совпадает с формами изъявительного наклонения. В настоящем времени второе и третье лицо ед.ч. имеют особые формы, ср. изъявительное наклонение *ti punon* «ты работаешь», *ai punon* «он работает»¹⁰ vs. *ti fillon të punosh* «ты начинаешь работать», *ai fillon të punojë* «он начинает работать». Кроме того, есть ряд ограничений на формы ТМА, которые могут использоваться в сфере действия *të* (например, не может использоваться будущее время, аорист и т.д.).

Среди основных отличий албанских *të*-форм от балканославянских *да*-форм следующие:

1) Албанский язык сохраняет особый индоевропейский модальный маркер отрицания *mos* — см. пример (1). С изъявительным наклонением используются другие маркеры (например, 1а с «поднятым отрицанием»):

¹⁰ Албанская Praes.2Sg = Praes.3Sg.

- 1a *Nuk po fillo-n*
 NEG CONT начинает-PRES.3Sg
të më pëlqe-jë...
 AGR DAT.1Sg нравиться-PRES.CONJ.3Sg
 ‘Мне не начинает нравиться’.

2) В сфере действия *të* в зависимых модальных и аспектуальных конструкциях может использоваться имперфект (в македонском употребление имперфекта после *да* в главных предложениях возможно в повелительных конструкциях — [Belyavski-Frank 1986: 352] называет это «attenuated, „polite“ imperative»; в пожеланиях — [Kramer 1986: 40]; в неосуществимых директивах — [Там же: 46]; а также в независимых директивных конструкциях с имперфектом типа *A да се јавеше неко-гаи?* (А как насчет позвонить хотя бы разок)¹¹ — [Tofoska 2015], но не в зависимых модальных и аспектуальных конструкциях [Бужаровска, Митковска 2015]). Он используется (в современной разговорной речи факультативно и наряду с настоящим временем), если предикат, в сфере действия которого находится *të*, стоит в одном из прошедших времен:

- 2 *Djali fillo-i të qesh-te*
 парень.DEF начал-AOR.3Sg AGR смеяться-IMPF.3Sg
në kabin-ën e tij
 в хижине-ACC.DEF AGR его
 ‘Парень начал смеяться в своей хижине’ [Gramatika 2002]¹².

3) В конструкциях цели может факультативно добавляться усиливающее *që* (среди его значений — комплементатор, относительное местоимение и т.д.):

- 3 *Po shko-j në dyqan*
 CONT иду-PRES.1Sg в магазин
(që) të ble-j patate.
që AGR купить-PRES.1Sg картошка.Pl
 ‘Я иду в магазин, чтобы купить картошки’.

Хотя на первый взгляд использование *që* избыточно (в примере 3 видно, что оно не несет с собой никакого дополнительного значения), его редундантное употребление с *të* в конструкциях цели мотивировано контекстами, где оно необходимо для снятия омонимии.

¹¹ Обращение ко второму лицу.

¹² Но допустимо также *Djali filloi të qeshë* (Praes. Conj.3Sg) *në kabinën e tij*.

В стандартном албанском языке (а также в большинстве албанских диалектов, см. [ADGjSH 2007: 376, harta 305]) будущее время выражается по следующей модели: петрифицированная форма *do* ‘хотеть. Pres.2-3Sg’ + конъюнктив (*lidhore*). Это значит, что во втором и третьем лице единственного числа предложения типа «ты/он/она хочешь/т делать что-то» и «ты/он/она будешь/т делать что-то» омонимичны (4а). Для снятия омонимии используются два способа: либо опущение частицы *të* в формах будущего времени (4б), либо добавление *që* после глагола ‘хотеть’ (4с):

4

- a *Ai do të shko-jë atje*
он хочет.PRAES.3Sg Agr пойти-CONJ.PRES.3Sg туда
а) ‘Он пойдет’.
б) ‘Он хочет пойти’.
- b *Ai do shkojë*
он хочет.PRAES.3Sg пойти-CONJ.PRES.3Sg
‘Он пойдет’.
- c *Ai do që të shkojë*
он хочет.PRAES.3Sg что Agr пойти-CONJ.PRES.3Sg
‘Он хочет пойти’.

4) В албанском языке есть ряд конструкций, в которых в сфере действия *të* стоит неизменяемое причастие.

Первая из них — с предлогом *për* ‘для’, выражающая цель (см. подробнее [Buchholz, Fiedler 1987], где она называется «sogenannter Infinitiv»¹³):

5

- E mor-ën vesh*
ACC.SG (взяли-AOR.3Pl уxo) = поняли
problem-in e tmerruar
проблему-ACC.DEF AGR ужасающую.PTCP
që duh-ej të zgjidh-nin
что нужно-IMPF.3Sg AGR решить-IMPF.3Pl
për të dalë faqebardhë
за AGR выйти.PTCP с.белым.лицом
‘Они поняли ужасную проблему, которую надо было решить, чтобы остаться с незапятнанной честью’ [Gramatika 2002].

Вторая — с предлогом *me* ‘с’, выражающая второстепенное действие, темпорально предшествующее действию, выраженном в главном

¹³ Албанская академическая грамматика называет эту форму «formë analitike foljore me vlerën e një paskajoreje me funksione sintaksore të kufizuara» («аналитическая глагольная форма, используемая в качестве инфинитива с ограниченными синтаксическими функциями»).

предложении («Ersatz für Temporalsätze der Vorzeitigkeit» — [Buchholz, Fiedler 1987: 183]):

- 6 *Po me të dalë nëbot-ën e madhe,*
 но с AGR выйти.PTCP в мир-ACC.DEFAGR
 большой.FEM
humb-i kontroll-in e vetë-s
 потерять-AOR.3SG контроль-ACC.DEF AGR себя.
 самого-GEN
 ‘Но выйдя в свет, он потерял контроль над собой’.

О. Буххольц и В. Фидлер выделяют также форму с *një* («Absolutiv II»), по семантике совпадающую с формами типа *me të dalë*: *Një të marrë flakë dhe u bë shkrumb e hi* «Занявшись пламенем, он сгорел дотла» (досл. «он стал угольками и пеплом»). Функционально *të* в таких формах является связующим артиклем (с парадигмой *i/e/të/së*) и его следует трактовать как омоним грамматической частице для введения конъюнктива *të*, но фонетическое совпадение этих двух показателей — один из возможных факторов языкового влияния, который нельзя исключать при анализе. Албанские формы *të* + причастие академическая грамматика интерпретирует как субстантивированные существительные [Gramatika 2002: 82], что позволяет увидеть структурное сходство между албанскими конструкциями с *me* ‘с’ и *një* ‘один’ и македонскими (а также другими балканскими) с эквивалентными показателями. Так, в македонских диалектах описаны формы типа *со отворање* (7), состоящая из предлога *с* и отглагольного существительного, а также *едно влегување* (8), состоящая из числительного *один* и отглагольного существительного:

- 7 *Со отворање-то на врата-та, врева-та нарасн-а*
 с открытие-DEF на дверь-DEF шум-DEF возрос-AOR
и му се стор-и уште пострашна
 и ему.DAT.MASC.SG REFL показалась-AOR еще
 более.страшный

‘Когда дверь открылась, шум возрос и показался ему еще более страшным’ [МДАБЯ 1997: 100].

- 8 *Едно влегување во двор маж-от со тоар-о коприна,*
 одно вхождение в двор муж-DEF с груз-DEF
 шелк
и дал вик по жена-та да си излез-и да
растоар-ат
 и дал.LPTCP крик по жена-DEF AGR REFL.DAT
 выйти.-PRS.3Sg AGR разгружать-PRS.3Sg (PRS.3Pl?)

‘Войдя во двор с грузом шелка, муж позвал жену, чтобы она вышла разгружать’ [Там же].

Инновации в да-формах в Бобоштице

Славянский диалект Бобоштицы засвидетельствован в большом количестве текстов 1870–1880-х годов (церковные проповеди, переводы из евангелий, официальное письмо), 1930-х годов (фольклорные тексты, частная переписка)¹⁴; а также в публикациях диалектных материалов последних 25 лет. В настоящей работе анализируется материал из речи двух информантов (Ильо Кунешка, 1925–2017, инженер-технолог, образование высшее, закончил Карлов университет в Праге, далее ИК, и Эльпи Манчо, род. в 1937, образование среднее специальное, учительница албанского языка и литературы в школе, далее ЭМ) с привлечением публикаций по диалекту.

В записях А. Мазона да-формы в диалекте выглядят со структурной точки зрения вполне ожидаемым образом (9). Иногда факультативно может добавляться предлог *za* (10–11). В то же время есть примеры, в которых факультативно добавляется усиливающее *ščo* (⁺*umo*, о чём далее):

- 9 *I toj šleáp-jo fát-i*
и тот слепой-DEF начал-AOR.3Sg
da víč-i
AGR кричать-PRAES.3Sg
'И слепой начал кричать' [Mazon 1936: 124; 1880-е, Лк 18: 35–38].

- 10 *kípi-j éna niva, i íma-m*
купил-AOR.1Sg одно.FEM поле и имею-PRAES.1Sg
iktíza za da ód-a
нужда за AGR пойду-PRAES.1Sg
da jo víd-a
AGR ee.ACC.FEM.Sg увижу-PRAES.1Sg
'Я купил поле и мне нужно пойти посмотреть его' [Mazon 1936: 123; 1880-е, Лк 14: 19].

- 11 *i kógase priblíz-a toj čoveák-o šleáp,*
и когда REFL приблизился-AOR.3Sg этот человек-DEF
слепой
Rístos go upít-a, i mu réč-e:
Христос его спросил-AOR.3Sg и
ему.DAT.MASC.Sg сказал-AOR.3Sg
«Ščoijt-iš da ti stór-a?»
Что хочешь-PRAES.2SgAGR тебе.DAT.2Sg сделаю-
PRAES.1Sg

¹⁴ Опубликовано А. Мазоном и М. Филиповой-Байровой [Mazon 1936; Mazon, Bajrova 1965], библиографию по диалекту см. также в [Steinke, Ylli 2007].

A tojmu réč-e: «Za da púl-em»
 А он емы.DAT.MASC.Sg сказал-AOR.3Sg за AGR
 вижу-PRAES.1Sg

‘И когда приблизился этот слепой человек, Христос спросил его и сказал ему: „Что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой?“ — А тот ему сказал: „Чтобы я прозрел“» [Mazon 1936: 124; 1880-е, Лк 18: 40–41].

В стандартном македонском *за* может использоваться факультативно перед *да* для введения обстоятельства цели, выраженного глаголом (или для введения придаточного цели), обычно после 1) глаголов движения типа *седне* ‘сесть’, *легне* ‘лечь’, *наведе* ‘нагнуться’, *стане* ‘встать’ и т.д.; 2) глаголов со значением «отсутствие движения»: *остане* ‘остаться’, *зстане* ‘остановиться’; 3) глаголов, выражающих движение семантического актора придаточного предложения [Георгиевски 2009: 81 и далее]:

12 *Испрат-и кај лозари-те еден*
 отправил-AOR.3Sg к виноградарям-PL.DEF одного
слуга, за да го прибер-е
 слугу за AGRego.ACC.MASCзабрать-PRAES.1Sg
од нив плод-от
 от них.OBL плод-Def.SG

‘Он отправил к виноградарям одного слугу, чтобы забрать у них плод’. [Георгиевски 2009: 84: македонский перевод Мк 12:2].

Даже если *за* опускается, пример всё равно остается грамматическим:

12а *Испрати кај лозарите еден слуга да го прибере од нив плодот.*

Использование *за* в других контекстах, не связанных с конструкциями цели, возможно только в нескольких диалектных ареалах. Так, в регионах Лангада и Драма (Эгейская Македония) это допустимо также после глагола *може* ‘мочь’:

13 *Ni mo ‘ž-i za da sta ‘n-i*
 Neg может-PRAES.3Sg за AGR произойти-PRAES.3Sg
tas r ‘abuta
 это.FEM дело
 ‘Это не может произойти’ [Геговски 2015: 91],

что рассматривается как «общая для южных македонских диалектов тенденция к объединению показателей субъюнктивной комплементации и отношений цели» [Там же]. Область, в которой *за* может использоваться после глаголов желания, образует широкий пояс периферийных западных и южных балканославянских диалектов (Дебар,

Мала-Река, Птолемаида (Кайлар), Дойран, Серес, Разлог — [Там же: 96–97]. Как кажется, Бобоштицу следует включить в зону с широким использованием *za*: не только в конструкциях цели, но и после показателей деонтической модальности (10), и шире — для введения субъюнктивного компонента.

Второй показатель для введения придаточного цели, который мы находим в текстах, записанных А. Мазоном — *ščo da* (перед *da* ставится *ščo*, которое в диалекте и шире в македонском диалектном языке может выступать также как комплементатор и как *relativum generale* и тем самым семантически — но и структурно — сближается с албанским *që*):

14 *vi dáv-am povēla*
вам.DAT даю-PRAES.1Sg приказ
ščo da topči-te nat zmie
что AGR наступать-PRAES.2Pl на меи.Pl
'Я даю вам приказ наступать на змей' [Mazon 1936: 124; 1880-е, Лк 10: 19].

15 *Ami kóga da póst-iš,*
но когда AGR постишься-PRES.2Sg
da bánd-iš izmien gláva i óbraz,
AGR будешь-PRES.2Sg вымыт.PTCP голова и лицо
ščo da ne se poznáv-aš pret ljudi-ti óti póst-iš
что AGR NEG REFL узнаваться-PRES.2Sg
пред людьми-DEF что постишься-PRES.2Sg
'Но когда постишься, пусть у тебя будут вымыты голова и лицо, чтобы люди не видели, что ты постишься' [Mazon 1936: 131; 1880-е, Мф. 6: 17–18].

При введении придаточного цели (или обстоятельства цели, выраженного глаголом) в диалекте Бобоштицы конструкции с кластерами *za da* и *ščo da* являются синонимическими.

В речи ИК удалось обнаружить только *za da* (в транскриптах, опубликованных в [Steinke, Ylli 2013: 337–347], 11 употреблений, из них абсолютное большинство для введения придаточного цели или обстоятельства цели, выраженного глаголом¹⁵). *Ščo da* он не использует. В то же время, ЭМ предпочитает именно *ščo da*, которое в ее речи

¹⁵ Один пример не очень ясен; по всей видимости, ИК пытался лучше сформулировать свою мысль и несколько раз перестраивался в середине высказывания (на что указывает и более продолжительная пауза после *ščo* и еще одна после *za da*): *na vtórata kniga/támo se piši mnógo/dóbre/ščo//za da/sákale/cínki tǎgnafme mnógo ot tózi//ot//ot otománite* ([Steinke, Ylli 2013: 337], расшифровка уточнена по диску, приложенному к книге).

имеет два варианта: *šo da* и *so da* (они не показывают никакого распределения и являются аллофонетическими реализациями. *Ščo da* ЭМ не использует). В расшифровке ее речи (около 10 000 слов) *za da* встречается только один раз, в то время как *šo da* (16, 18) и *so da* (17) — семь (если исключить примеры с *šo* в функции комплементатора, *relativum generale* и т. д.). Во всех случаях *šo* и *so* являются факультативными элементами и могут быть пропущены без изменения значения (19–20). Они используются в конструкциях со значением цели (придаточные цели и обстоятельства цели, выраженные глаголом), а также для глагольных дополнений после показателей деонтической модальности (19), конструкций, выражающих эмоции (20) и других. Как видно, конструкция *so da* не связана с албанской *me të*, что видно не только по ее структуре (ср. параллелизм конструкций с *për të* и *za da*), но и по значению.

16 *Kélko mnógo rabót-i d'-im-aš paténo,*

Сколько много дел-PL AGR-имеешь-PRES.2Sg
имевший.PTCP

za pjet minút-i vo telefón

На пять минут-PL в телефон

ím-aš paténo vrjéme,

имеешь-PRES.2Sg имевший.PTCP время

šo da zbórv-iš

что AGR говоришь-PRAES.2Sg

‘Сколько бы у тебя дел ни было, чтобы поговорить по телефону пять минут, у тебя время есть’ [ПМА: Макарец 2010: ЭМ].

17 *Tóko da ésti, bállë-përbállë mu veli-me,*

Только AGR есть.PRES.3Sg лоб.в.лоб (= напротив)ему.DAT
говорим-PRES.3Pl

če da se púl'-e. Nje odzádi. Nje na kraj.

что AGR REFL видит-PRES.3Sg NEG сзади NEG с краю

Tóko, bállë-përbállë mu veli-me nie,

но лоб.в.лоб ему.DAT говорим-PRES.3Pl мы

so da se púl-i

что AGR REFL видит-PRES.3Sg

‘Но он должен быть *bállë-përbállë* (албанск. ‘напротив’), как мы говорим. Чтобы его можно было видеть. Не сзади. Не с краю. Но *bállë-përbállë* (албанск. ‘напротив’), как мы говорим, чтобы его можно было видеть’ [ПМА: Макарец 2010: ЭМ].

18 *I A. bitís-a daskála-ta séga,*

и A. закончила-AOR.3Sg school-DEF now

zafát-i éno mjésto

start-AOR.3Sg one place
šo da rabót-a
 that AGR work-PRAES.3Sg
 ‘И А. сейчас закончила учиться, она нашла место для работы’
 [ПМА: Макарец 2010: ЭМ].

19 *Trjebi (šo) da dojd-a porano.*
 нужно.PRAES.3Sg (что) AGR прийти-PRAES.1Sg
 раньше
 ‘Мне нужно прийти пораньше’ [Макарец: Опросник 2016, ЭМ].

20 *Imat straj (šo) da ne panv-i*
 имею.Praes.1Sg страх что AGR NEG упадет-PRAES.3Sg

20a *Kam frikë (që) të mos bjerë*
 имею.Praes.1Sg страх что AGR NEG упадет.PTCP
 ‘Я боюсь, как бы он/а не упал/а’ [Макарец: Опросник 2016, ЭМ].

Второй ключевой момент, где в речи говорящих возможны значительные расхождения, вызванные албанским влиянием, — это модально-временные ограничения в сфере действия *da* (в придаточном цели или глагольном обстоятельстве цели). Как уже отмечалось выше, если в албанском матричный предикат стоит в одном из прошедших времен, то в зависимой части может употребляться имперфект (см. пример 2). В стандартном македонском употребление имперфекта в зависимой части невозможно (оно допустимо только при независимом употреблении *da* в директивных и указательных конструкциях).

В текстах, опубликованных А. Мазоном, в славянском диалекте Бобоштицы ни в одном случае в сфере действия *da* не зарегистрировано синтетическое прошедшее время (будь то аорист или имперфект). Однако в речи и ИК, и ЭМ употребление имперфекта после *da* становится допустимым и зарегистрировано после глаголов желания (21), в атрибутивных предложениях (22) и под. в случае, если глагол, в сфере действия которого находится *da*-конструкция, стоит в одном из прошедших времен:

21 *náši-jat dāržáva sáka-še*
 наш-DEF.MASC государство хотело-IMPF.3Sg
da ima-še nékoj dolári
 AGR иметь-IMPF.3SG какие-то.Pl доллары.Pl
mu tréb-aše
 ему.DAT.MASC было.нужно-IMPF.3Sg
 ‘Наше государство хотело доллары, они были ему нужны’
 [Steinke, Ylli 2007: 344: ИК].

22 *ne mje-jme kordhele šo*
 Neg имели-IMPF.1Pl обув что
da odje-jme vo daskala,
 AGR ходить-IMPF.1Pl в школу
ne mie-jme šo da jed-fejme
 NEG имели-IMPF.1Pl что AGR есть-IMPF.1Pl
 ‘У нас не было обуви, чтобы ходить в школу, у нас не было что
 есть’ [ПМА: Макарец 2010, ЭМ]¹⁶.

В случае ЭМ неполное владение структурой диалекта порождает колебания в спряжении глаголов, которые могут служить основой для выстраивания грамматических оппозиций *ad hoc* по албанской модели (23а, ср. эквивалентную фразу на корчанском диалекте албанского в 23b):

23
 а *I zborv-i kajn[as]... toko da zborv-e*
 и говорит-PRES.3Sg на.языке.кайнас но AGR
 говорит-PRES(?).3Sg
i jeskej ne go zborv-a
 и я NEG его.Sg говорю.PRES.1Sg
mnogo dobre toko se razberv-ime!
 очень хорошо но REFL понимаем-PRES.1Pl
 ‘И он говорит на языке кайнас¹⁷, только насчет говорить и я
 на нём не очень хорошо говорю, но мы понимаем друг друга!’ [ПМА:
 Макарец 2010, ЭМ].

б *dhe llafos-Ø kajnas... por tē llafos-i*
 и говорит-PRES.3sg на.языке.кайнасно AGR говорит-
 CONJ.3sg
as unë nuk e llafos-Ø...
 ни я NEG Acc.Sg говорю-PRES.1sg

Более того, особенность речи ЭМ состоит в том, что в ней утеряна оппозиция по виду. Глаголы совершенного и несовершенного вида могут использоваться как синонимы без различий в дистрибуции:

24 *Ita da dojd-a / grjed-a sega*
 want.PRAES.1SG AGR come-PRAES.1SG now
 (PFV)/(IPFV)
 ‘Я хочу прийти сейчас’ [ПМА: Макарец 2010, ЭМ].

¹⁶ Следует отметить, что если первое *šo* имеет грамматическую функцию усиления *da*, то второе *šo* вводит дополнение («у них не было что по-есть»).

¹⁷ Автоним для славянского диалекта Бобоштицы *kajnas* < *kaj nas* ‘как мы’.

Падение категории вида в речи ЭМ затрагивает все случаи употребления и не зарезервировано исключительно за сферой действия *da*. Даже глаголы с имперфективирующим суффиксом *-v-* в ее речи могут использоваться для точечных событий, ср. предложения, которые она отметила как допустимые и перевела на албанский язык (см. также ошибочное употребление *most* ‘мост’ вместо *rjeka* ‘река’):

25 *Toj pán-a/pánv-a vo most.*
(PFV)/(IPFV)

Ai ra-Ø në lum.

он упал-AOR.3SG в реку

‘Он упал в реку’ [ПМА: Макарец 2016, ЭМ].

26 *Toj tarč-jěše i pán-a/pánv-a.*
(PFV)/(IPFV)

Ay vrapo-nte dhe ra-Ø.

Он бежал-IMPF.3Sg и упал-AOR.3SG

‘Он бежал и упал’ [ПМА: Макарец 2016, ЭМ].

Если резюмировать сказанное об особенностях *da*-форм в Бобошнице, ИК продолжает использование форм с кластером *za da*, отмеченных для диалекта в конце XIX — начале XX в. (им находится соответствие в албанском языке, но структура в данном случае сильно различается: отглагольное существительное в албанском, личная форма глагола в славянском). ЭМ предпочитает конструкцию с кластером *šo da*, периферийно встречающуюся в ранних записях диалекта и структурно схожую с албанским аналогом. Албанское влияние сказывается и на ИК, и на ЭМ (оба могут факультативно использовать конструкции с имперфектом в сфере действия *da*), но в случае ЭМ оно гораздо более сильно выражено (что проявляется в падении категории вида и в возможности перекомпоновки форм по модели албанского конъюнктива).

Это можно связать с языковым профилем говорящих. ИК говорил на диалекте с детства — так, во втором томе монографии А. Мазона приводится его письмо брату в Париж, написанное на диалекте в 1933 г. — [Mazon, Bajrova 1956], в то время как ЭМ, по ее собственным воспоминаниям, в детстве говорила на албанском (хотя ее и ругали за это в семье), а на славянском диалекте заговорила только в молодости, когда в течение нескольких лет ухаживала за больной матерью. Ее владение диалектом достаточно ограничено, что проявляется в обилии албанских кáлек и широком использовании заимствованных *ad hoc* слов. Таким образом, элементы языкового профиля говорящих совпадают (один территориальный славянский диалект в основе, отсутствие систематического доступа к близкородственным

славянским стандартным языкам, один территориальный албанский диалект). Из параметров совпадают место проживания (село; ЭМ живет в нем всю жизнь, ИК долгое время работал на заводе в Корче, но продолжал жить в Бобоштице), и единственный различающийся параметр — это степень владения славянским диалектом.

Значительные различия между языковыми структурами, используемыми говорящими на одном славянском диалекте Албании, показывают, что необходимо учитывать ряд факторов, обычно являющихся предметом исследования социалингвистики, но не диалектологии (языковая аттриция, особенности контакта со структурно различным языком). Хотя территориальные диалекты служат основой для объединения говорящих в речевые сообщества [Morgan 2014], для описания языковой ситуации в этих сообществах следует обращаться к языковым фенотипам говорящих, которые могут быть классифицированы иным образом, не обязательно с привязкой к диалектам. Предполагается, что ряд говорящих из разных славянских речевых сообществ Албании можно было бы объединить в группы, не привязанные к отдельным сообществам, на основе реализации тех или иных признаков, обусловленных языковой аттрицией, контактом с албанским языком и с иными славянскими диалектами. В частности, ожидается, что и у других говорящих, не освоивших в совершенстве славянский диалект («полуговорящие», или *semi-speakers*, по определению Н. Дориан, [Dorian 2014/1977], будут наблюдаться схожие процессы (например, падение вида и употребление имперфекта в сфере действия *da*). Границы этих процессов (в частности, манифестируются ли они в речи одноязычных говорящих на славянских диалектах Албании) предполагается определить в дальнейшей работе по изучению и описанию многообразия славянской речи Албании.

Литература

- ADGjSH 2007 — *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe*. V. I. Tirana–Napoli: Instituti i gjuhësisë dhe letërsisë, Akademia e shencave e Shqipërisë; Università degli studi di Napoli l'orientale, 2007.
- Barjaktarević 1966 — *Barjaktarević D.* Novopazarsko-sjenički govori. (Srpski dialektološki zbornik 16). Beograd, 1966.
- Belyavski-Frank 1986 — *Belyavski-Frank M.* Constructions with DA plus the -I participle, aorist, or imperfect in Slavic // *Da, ná, sã, tẽ: Constructions with subordinating complementizers in the Balkans* / Ed. by H. I. Aronson. Columbus, 1986. (Folia Slavica 7.3)
- Buchholz, Fiedler 1987 — *Buchholz O., Fiedler W.* Albanische Grammatik. Leipzig, 1987.
- Dorian 2014/1977 — *Dorian N.* The problem of the semi-speaker in language death // *Dorian N.* Small-language fates and prospects: lessons of persis-

- tence and change from endangered languages: collected essays. Leiden, 2014. С. 137–145. (Brill's Studies in Language, Cognition and Culture; 6.) (Репринт из The problem of the semi-speaker in language death // International Journal of the Sociology of Language 12. 1977. С. 23–32.)
- Friedman 1986 — *Friedman V.* Balkan Romani modality and other Balkan languages // *Da, ná, sã, tẽ, te*: Constructions with subordinating complementizers in the Balkans / Ed. by H. I. Aronson. Columbus, 1986. (Folia Slavica 7.3.)
- Gramatika 2002 — *Gramatika e gjuhës shqipe. V. I. Morfologjija.* / Domi M. (kryered.). Tiranë, 2002.
- Hada 2015 — *Hada J.* Mbrojtja e minoriteteve dhe trajtimi i tyre në Republikën e Shqipërisë. Tiranë, 2015.
- Korhonen, Makartsev, Petruševska & Spasov 2016 — *Korhonen J., Makartsev M., Petruševska M. & Spasov Lj.* Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status // In search of the center and periphery — linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans / Ed. by Maxim Makartsev & Max Wahlström. Helsinki, 2016. P. 13–50. (Slavica Helsinkiensia 49.)
- Koroloff 2015 — *Koroloff L.* Drenòveni: The life and demise of a Macedonian village. Toronto, 2015.
- Kramer 1986 — *Kramer Ch. E.* Analytic modality in Macedonian. München; Berlin; Washington, 1986. (Slavistische Beiträge. Bd. 198.)
- Makartsev (in print)¹ — *Makartsev M.* Linguistic identity of two Slavic speaking (sub)urban groups in Albania: Fier and Elbasan // *Slovène. International journal of Slavic studies* (in print).
- Makartsev (in print)² — *Makartsev M.* On clausal complementation in two Slavic varieties in Albania // *Clausal complementation in South Slavic* / B. Wiemer, B. Sonnenhauser (eds.) (Trends in Linguistics. Studies and Monographs).
- Mazon 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d'études Balkaniques — V.)
- Mazon, Bajrova 1965 — *Mazon A., Filipova-Bajrova M.* Documents slaves de l'Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d'études Balkaniques — VIII.)
- Morgan 2014 — *Morgan M.* Speech Communities. New York, 2014. (Key topics in linguistic anthropology.)
- Raporti 2014 — Raport vjetor për veprimtarinë e Avokatit të Popullit. 1 Janar — 31 Dhjetor, Viti 2014. Tiranë, 2015. <http://www.avokatipopullit.gov.al/sites/default/files/ctools/RAPORTI%202014.pdf> (20 September 2016).
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 1. Teil. Prespa — Vërnik — Boboshtica. München, 2007.
- Steinke, Ylli 2008 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2. Teil. Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm. München, 2008.
- Steinke, Ylli 2012 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 3. Teil. Gora. München, 2012.
- Steinke, Ylli 2013 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 4. Teil. Vraka — Borakaj. München, 2013.
- Tofoska 2015 — *Tofoska S.-S.* Independent directive (a) *da*-constructions with the imperfect tense in the Macedonian language // *Rocznik Slawistyczny. T. LXIV.* 2015. S. 141–157.

- Видоески 1998 — *Видоески В.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје, 1998.
- Геговски 2015 — *Геговски Д.* Околу субјунктивните комплементарни реченици во дијалектите на македонскиот јазик // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Скопје, 2015 (Морфосинтаксички студии III.) С. 93–106.
- Георгиевски 2009 — *Георгиевски Г.* Да-реченицата во македонскиот јазик. Скопје, 2009. (Посебни изданија — кн. 61).
- Конески 1957 — *Конески Бл.* Материјали за преспанскиот говор од збирката на С. Н. Томик // Македонски јазик. VIII. 1957. С. 173–219.
- Бужаровска, Митковска 2015 — *Бужаровска Е., Митковска Л.* Негираните независни *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Скопје, 2015. С. 22–58.
- Макарцев 2013 — *Макарцев М. М.* Инновации в глагольной системе славянского говора Бобоштицы (обл. Корчи, Албания) // Славянское языкознание. XV международный съезд славистов, Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М., 2013. С. 512–534.
- Макарцев 2017 — *Макарцев М. М.* Идентичность и власть, перформанс и практика в полевом исследовании. К изучению балканославянских идиомов в неславянском окружении // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: Этнокультурная и этноязыковая ситуация: Языковой менеджмент: Языковая политика. Книга III. Г. П. Нешименко (ред.). М., 2017. С. 261–294.
- Макарцев: Опросник 2016 — Опросник по комплементации в славянских диалектах Албании. Рукопись.
- МДАБЯ 1997 — Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа / Сытов А. П. (отв. ред.), Соболев А. Н., Воронина И. И., Лопашов Ю. А., Русаков А. Ю. (ред.). СПб., 1997.
- Номати 2015 — *М. Номати.* О начале новой «дезинтеграции» и «интеграции» сербохорватского языка: этнолект горанцев и их идентичность в социолингвистическом освещении // Балканский тезаурус: Начало / М. М. Макарцев, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). М., 2015. (Балканские чтения 13. Тезисы и материалы.) С. 125–127.
- ПМА — Полевые материалы автора.
- Соболев, Новик 2013 — *Соболев А. Н., Новик А. А.* (eds). Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010. СПб.; München, 2013. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas / Hrsgb. von H. Schaller und A. Sobolev. Band 6.)

СЛАВЯНСКОЕ ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ

В работе пойдет речь о конструкции, иначе называемой предбудущим, объединяющей показатели футурума и предшествования моменту референции. Предбудущее в системе глагола среди славянских языков имеют только современные сербохорватский, болгарский и македонский:

(1) Сербохорв. *Будете ли лети хладовали, ви ћете зими гладовати*. 'Если летом **прохлаждались**, зимой будете голодать' [Стевановић 1986: 684];

(2) Болг. *Нека ме вземе и убие — **ще** ме **е** убил той...* 'пусть меня возьмёт и убьёт — меня уже **убил** он' (В. Мутафчиева) [Ницолова 2008: 315];

(3) Макед. *Дури ти да дојдеш, той **ќе** ја **има** решено таа работа*. 'Когда ты придешь, он уже **решит** это дело' [Lunt 1952: 99].

Ограниченное в настоящее время только Балканами, второе будущее в более ранний период засвидетельствовано практически во всех славянских языках, которые унаследовали его еще из праславянского¹, ср.:

(4) Старосл. ...прѣклонѣтъ сѧ и падѣтъ егѣда **оудоваѣлъ вждѣтъ** оувогымъ. '...преклонится и падет, когда **одолеет** бедного' (Пс. 9, 31) [Син.Пс.: 14];

(5) Древнечеш. *Shřěši-li v tobě bratr tvůj, jdi a treskci jej, uposlúchá-li tebe, **získal budeš** bratra tvého*. 'Согрешит ли против тебя брат твой, иди и обличи его, послушает ли тебя, значит, тем самым ты **приобрел/приобретешь** брата своего' (Mat. 18, 15 EvZimn.) [Gebauer 1958: 426];

¹ Форма, восходящая к праславянской, но утратившая ретроспективность, известна в польском, кашубском, словенском, кайкавском сербохорватском, русинском, западноукраинских и восточнословацких говорах.

(6) Древнерус. Ты, Нестере, про ынцакъ пришлн ко мнн грамоту, с кнмъ **будещъ послаалъ**. ‘А ты, Нестер, про шишакъ пришли мне грамоту, с кем **пошлешъ/послалъ**’ (БГ № 358) [Зализняк 2004].

До сих пор подробных исследований славянского второго будущего на материале славянских языков не предпринималось. Среди работ, выходящих за рамки одного языка, можно назвать монографию Х. Кржижковой [Křížková 1960: 76–108, 156–173], рассматривающей предбудущее на материале древних западнославянских языков, старославянского и древнерусского, статью К. Рёслера, посвященную перифразам футурума [Rösler 1952], диссертацию [Migdalski 2006] о синтаксисе аналитических форм в славянских языках, работу [Todorović 2007] о способах выражения будущего в славянских языках и [Војводић 2014] о грамматикализации будущего времени в сербском, русском и польском языках.

Обзор литературы по второму будущему в старославянском, древнерусском, древнецерковнославянском см. в [Пенькова 2014, 2017]. Исследования по предбудущему в современных сербохорватском и болгарском многочисленны, их подробное освещение выходит за рамки возможностей данной статьи (см., например, [Movchan; Vuković 2014]). Несмотря на большое количество частных работ, существует еще очень много белых пятен на семантико-синтаксической, диахронической и типологической карте предбудущего (вне языков Европы оно вовсе не исследовалось).

Целью настоящей работы является частичное восполнение данного пробела в славистике: описание структурных особенностей, семантики и диахронической эволюции второго будущего в славянских языках в сопоставлении с его структурными соответствиями в других европейских языках. Материалом исследования послужили славянские памятники XI–XVIII вв.², грамматики современных славянских языков и электронные ресурсы (параллельный русско-болгарский корпус, интегрированный в НКРЯ, НКБЯ, РК). Особое внимание к диахроническим данным позволило проследить семантическую и структурную эволюцию предбудущего.

Структурные особенности второго будущего в славянских языках

В славянских языках предбудущее связано с системой перфекта — синхронно или исторически, если семантический перфект оказывается утрачен (например, в древнерусском). Однако формальные особеннос-

² Рамки данной статьи не позволяют представить полный перечень изученных источников.

ти второго будущего в конкретных языках имеют довольно существенные различия. Можно выделить следующие структурные типы:

Сербохорватский (общеславянский) тип: перфективный презенс от основы *bqd-* + *l*-форма. Второе будущее образуется по данной модели в литературном сербохорватском и в большинстве древнеславянских языков, унаследовавших эту конструкцию из праславянского: старославянском, среднеболгарском, древнехорватском/древнесербском, древнерусском, староукраинском, старобелорусском и древнечешском (вопрос о существовании предбудущего в древнепольском в дописьменный период требует отдельного рассмотрения, см. ниже). Полное отсутствие свидетельств о предбудущем в глагольной системе демонстрируют только полабский, верхне- и нижнелужицкий [Andersen 2006], не имеющие, однако, древней письменной традиции.

Особую разновидность данного типа представляют конструкции с приставочным вспомогательным глаголом от основы *узбуд-*, изредка встречающиеся в штокавских текстах XVII–XIX вв. (о формах презенса с приставкой *уз-* см. [Стевановић 1986: 695–696]).

Болгарский (севернобалканский) тип. В исконной системе второе будущее несимметрично аналитическому будущему первому (с вспомогательным ‘хотеть’ и под.), т. е. не соотносится ни с одним из аналитических способов образования футурума³, но, напротив, коррелирует в большей степени с перфективным презенсом, также осуществлявшим референцию к будущему, и с перфектом и плюсквамперфектом. Южнославянские языки стремятся преодолеть эту асимметрию с футурумом и соотнести второе будущее не только с системой перфекта, но и будущего времени. Так, в современном болгарском языке *бъда* перестал функционировать как вспомогательный глагол для образования предбудущего, хотя еще в языке XIX в. такая форма встречается [Мирчев 1963: 203]. В современном болгарском предбудущее уже структурно перестроилось по модели футурума с частицей *ще*: *ще бъда* / *ще съм* (няма да при отрицании) + *л*-форма (см. пример выше). Заметим, однако, что *бъда* практически вышел из употребления в данной конструкции [Ницолова 2008: 313], хотя его по-прежнему фиксируют грамматики болгарского языка. Так, в параллельном русско-болгарском корпусе будущее предварительное встречается только с *съм* (условное обозначение для всех лиц).

Болгарская модель образования предбудущего структурно соответствует румынской, в которой второе будущее также включает вспомогательный ‘быть’ в форме аналитического будущего и причастие: *Veî fi visa-t* — быть-FUT.2SG спать-PART.

³ Аналитическое будущее типа «буду + инфинитив» возникает в славянских языках позднее, не ранее конца XIII в.

Сербохорватское второе будущее также обнаруживает некоторую тенденцию к перестройке по *севернобалканской* модели, однако формы с вспомогательным *бити* в форме будущего времени признаются периферийными и не в полной мере литературными:

(7) Сербохорв. *Биће пао снег. 'Вероятно, выпал снег'* [Стевановић 1986: 631];

(8) Сербохорв. *Кад се поново видимо, ја ћу бити положио све испите. 'Когда мы снова увидимся, я уже сдам все экзамены'* [Там же].

Такие формы зафиксированы и в более раннюю эпоху — уже в старочакавских памятниках [Rösler 1952: 116] и спорадически в штокавских грамотах XVII–XIX вв. Современный сербохорватский (по крайней мере в части штокавских, в средне- и южночакавских говорах⁴), таким образом, имеет фактически два способа образования предбудущего.

Две формы в сербохорватском распределены стилистически и отчасти семантически. Конструкция типа *ће бити* + *л-форма* представляет собой, согласно [Стевановић 1986: 630–631], модальную разновидность перфекта, употребляющуюся в основном в значении эпистемической возможности, дубитативности или даже апрехензивности. Основная форма предбудущего — *футур други* — употребляется, как правило, в условных и временных придаточных для обозначения будущей ситуации, предшествующей или одновременной ситуации в главном предложении, чисто модальные употребления для этой конструкции ограничены [Стеванович 1986: 692].

В болгарском наблюдается во многом сходная тенденция противопоставления модального предбудущего и чисто таксисного. Конструкцию типа *ще съм* + *л-форма* одновременно можно отнести в парадигму изъявительного наклонения (как футуральный перфект) и в парадигму презумптива [Герджиков 1984: 121–130; Иванова 2016]. Иными словами, в презумптивном значении могут употребляться две конструкции: *ще съм* + *л-форма* (предбудущее или презумптив без частицы *да*) и презумптив в перфекте с *да*, ср.:

(9) Болг. «Окраде Русия» — казват. Как така *ще е окрал Русия? От хазната ли взема пари?* — «Обокрал Россию», — отвечают. Как это **обокрал** Россию? Берет деньги из казны? (Александър Литвиненко. (Здравка Петрова, 2003)) [НКРЯ];

(10) Болг. *Не ще да са го пратили от добро да работи.* — Не с добра, **видно, послали** работать-то. (Н. Островски. (Людмил Стоянов, 1944)) [НКРЯ].

⁴ Автор сердечно благодарит Мислава Бенича за предоставленную информацию о ситуации в современных чакавских говорах.

Частица *да* не является строго обязательной для презумптива, который, однако, не всеми болгаристами признается как отдельное наклонение⁵. Как следует трактовать подобное употребление: как омонимию или грамматическую многозначность предбудущего? Ограничимся пока констатацией того, что и в болгарском имеет место та же тенденция, что и в сербохорватском, — развести разные функции предбудущего: темпоральную и модально-эвиденциальную.

Македонский (южнобалканский) тип во многом отличается от двух предыдущих и представляет собой аналитическое будущее от вспомогательного глагола 'иметь' в соединении с неизменяемым причастием, формально омонимичным форме среднего рода (например, *ке имам дойдено*). Такая форма является калькой арумынского предбудущего, да и в целом вся система перфекта с вспомогательным 'иметь' соответствует арумынской системе перфекта (см. [Gołąb 1984: 133–135]). Старый македонский перфект с вспомогательным 'быть', в свою очередь заимствованный арумынским, развивает эвиденциальные употребления [Конески 1982: 459–475].

Македонский тип структурно соответствует модели предбудущего в других балканских языках: новогреческом и албанском, которые используют неизменяемые частицы *џа* и *до* соответственно, восходящие к формам глагола 'хотеть', в соединении с вспомогательным 'иметь' и причастием. Арумынский также образует предбудущее по модели *аналитическое будущее вспомогательного глагола 'иметь' + неизменяемое причастие* [Бара и др. 2005: 179] (заметим, впрочем, что эта же модель присутствует и в болгарском, однако только для отрицательных форм предбудущего).

Семантические разновидности, синтаксические типы употребления предбудущего и эволюция⁶

1. В работах, посвященных перфекту, предбудущее рассматривается обычно как транспозиция перфекта в план будущего, а его значение признается чисто композиционным: **результативность в будущем / предшествование в будущем**. При этом в первом случае обстоятельство времени указывает не на время события, а на момент наличия состояния, ср. пример из современного болгарского языка:

⁵ Согласно другим подходам, форма признается модальным употреблением будущего предварительного [Маслов 1981: 360] или перфекта [Андрейчин 1978: 206], или «предположительным наклонением» наряду с конклюдзивными формами [Пашов 1999: 190–196].

⁶ Рассматриваются только наиболее часто встречающиеся конструкции.

(11) Болг. *След двајсет години **ще съм го забравил***. ‘Через двадцать лет я его **забуду**’ [Иванова 2016] со ссылкой на [ГСБКЕ 1983: 349].

Примеры такого употребления предбудущего фиксируются и в древнеславянских памятниках, однако чрезвычайно редко (на весь огромный корпус исследованных текстов лишь два-три надежных случая), ср.:

(12) Древнерус. да занеже не будетъ в то время мужа добра, нъ всн **будоуть погыбан**⁷. ‘Потому не будет в то время хорошего человека, но все **будут погибшие**’ [ЖАЮ: 5316–5317].

2. Таксисное значение **предшествования будущего события другому событию в будущем** является прототипическим для предбудущего в языках Европейского языкового союза (в составе, определенном в [König, Haspelmath 1999]). Именно так описывается основное значение этой формы в грамматиках европейских языков, например:

(13) Португал. *Quando chegares, já **terei partido***. ‘Когда ты придешь, я уже **уюду**’ [Oliveira 1995: 111];

(14) Итал. *Alle 5 di domani **sarà già uscito***. ‘Завтра в 5 он уже **уйдет**’ [Squartini 1995: 126].

Очевидно, типичными для чисто таксисных употреблений являются контексты предбудущего с обстоятельством времени или придаточным временем. Последнее в данном случае обозначает момент, до которого произойдет событие, как в примерах выше и в (15):

(15) Болг. *Ще съм вече надолу по реката. До вечерта **ще съм излязла в открито море***. ‘Я уже буду внизу по течению реки. До вечера я уже **выйду** в открытое море’ (Колелото на времето 4) [НКБЯ].

Можно говорить о том, что предбудущее в современном болгарском языке перестроилось под общеевропейскую модель, так как таксисные употребления для этой конструкции вполне типичны. Характерны для него и вторичные презумптивные употребления, также регулярные для предбудущего в подавляющем большинстве европейских языков (за исключением, пожалуй, английского) и в балканских языках (в частности албанском, румынском, новогреческом). Условимся называть данный семантический тип *новым* славянским предбудущим в противоположность *старому*, восходящему еще к праславянской системе.

Старое славянское предбудущее, напротив, почти не знает чисто таксисных употреблений, подобных примеру из современного болгарского. Нетипичны такие контексты и для предбудущего (*футур други*) в современном сербохорватском [Стевановић 1986], которое, очевид-

⁷ О различном категориальном статусе л-форм (претерит/причастие-прилагательное) см. ниже.

но, сохраняет генетическую связь с предшествующим периодом и на структурном, и на семантическом уровне.

3. Контекст **условного протазиса** следует признать одним из основных типов употребления *старого* предбудущего в славянской письменности:

(16) Старослав. ...н мѣтва вѣрна сѣсетъ болащаго, н нсѣѣнть н Гѣ, н аще грѣхы **будеть сътворнѣ**, ѡтдадѣтъся емоу. ‘и молитва веры спасет больного, и исцелит его Господь, и если [окажется, что он] **совершил** грехи, то они будут отпущены’ (Иак. 5, 15) [Апост.Христ.];

(17) Древнерус. ...ѡже сѧ гдѣ **буду ѡписалъ**. нлн **переписалъ** нлн **не дописалъ**. ѹтнѣ исправнѡва Ба дѣла. ‘Если я где-нибудь **описался**, или **написал** лишнее, или не **дописал**, читайте, исправляя ради Бога’ [СЛ: 173];

(18) Стародубровн. *Ma pokora ufan'e mi dava uzdano primit platu rajskijeh, ako za n'u oprostio moj Bog bude grijehe moje i bude mi dopustio milosrdje sveto svoje*. ‘Моя епитимья дает мне надежду получить награду на небесах, если за нее **простит** мой Бог грехи мои и **допустит** до милосердия Своего света’ [Zima 1887: 247–264].

Обычно чисто таксисные и условные употребления не разграничиваются в исторических и современных грамматиках славянских языков и других более частных работах при описании семантики предбудущего, ср., например, [Večerka 1993: 180; Andersen 2006(a)]. Условные контексты, однако, принципиальным образом отличаются от описанных выше в п. 1–2. Во-первых, событие в протазисе далеко не всегда, хотя и часто, хронологически предшествует событию в аподосисе, ср. пример из [Comrie 1985: 73]: *If it rains tomorrow, we'll have worked in vane yesterday*. Во-вторых, европейские языки строго делятся на те, в которых футуральные формы возможны в условном протазисе⁸, и те, в которых такое употребление неграмматично (так называемое *present eventive constaint*). Так, предбудущее не употребляется в условном протазисе в большинстве неславянских языков средневропейского стандарта. *Новое* предбудущее в современном болгарском, согласно [Ницолова 1998], хотя и может находиться в условном протазисе, однако, в отличие от сербохорватского предбудущего, такое употребление не является для него типичным (исследовательница приводит комбинации, наиболее часто встречающиеся в условных конструкциях, среди которых нет условного протазиса с будущим предварительным).

⁸ При этом условные придаточные следует отграничивать и от придаточных времени, так как существует более жесткое ограничение на употребление будущего времени в первых в сравнении с вторыми: если футурум может употребляться в условном протазисе, он также возможен и во временных придаточных, но не наоборот [Hedin 2000: 330].

Напротив, для древних славянских языков и для литературного сербохорватского именно условный протазис — одна из основных сфер употребления второго будущего, и это сближает их с турецким и другими языками, имеющими особое условное наклонение для выражения реальной посылки, а также с латинским языком, в котором второе будущее также широко употреблялось в условных придаточных [Ernout 1972: 375].

Еще более показательна в этом отношении ситуация в португальском языке, который имеет два футуральных перфекта, один в системе индикатива (13) и один в системе конъюнктива:

(19) Assim que **tiveres arranjado** o moinho... deixas-me de todo? 'Как только ты **установишь** мельницу... оставишь меня совсем?' [Sten 1973: 290].

И если для индикативной формы характерны таксисные употребления, то футуральный перфект конъюнктива, как и *старое* предбудущее в славянских языках, типичен как раз для условного протазиса и других зависимых предикаций [Там же: 260–261; 290]. Типологически сходные особенности демонстрирует условное наклонение в агульском, различающее формы прошедшего, настоящего и будущего времени. Последние характерны для тех же синтаксических структур, что и славянское предбудущее: условных, определительных и косвенного вопроса (см. подробно в работе [Майсак, Мерданова 2004]).

Придаточные определительные не менее типичны для старого славянского предбудущего, чем условные⁹. Представляется целесообразным, однако, не выделять их как отдельный тип употребления, а рассматривать здесь в одном ряду с условными, поскольку и те, и другие имеют общее происхождение — развиваются из вопросительных (общего или частного вопроса).

Итак, два основных типа употребления старого славянского второго будущего — это зависимые предикации условного или близкого к условному характера. Только таким образом функционирует предбудущее в древненовгородском диалекте. Условные и определительные придаточные — преимущественная сфера употребления предбудущего в древне- и старорусских памятниках, как собственно русских, так и церковнославянских. Довольно высока доля такого рода контекстов и в древнечешских, среднеболгарских, древнехорватских чакавских, новочакавских памятниках (см., например, [Kalsbeek 1998: 298]) и штокавских текстах вплоть до современного литературного сербохорватского языка [Стевановић 1986: 681]. *Футур други* в современном

⁹ Старочакав. *I će bude dobil, pogubit* [Malić 1997: 4];

Штокав. ...и остало покуће подјелили смо им на троје, који **буде преузео**, да један другому исплати [Комар 2009: 170].

сербохорватском, согласно [Vuković 2014], не обязательно маркирует предшествование, а скорее — будущую ситуацию в зависимой предикации: в придаточных условных, определительных и временных.

Таким образом, следует признать, что *старое* славянское второе будущее никогда не было средством чистого таксиса — по крайней мере, в письменную эпоху¹⁰. Едва ли целесообразно отрицать его существенное продвижение в сфере употребления косвенных наклонений, а возможно, и принадлежность к таковым, наряду с кондиционалом. Последний выражает ирреальное условие, образуется симметрично *старому* предбудущему и диахронически также связан с перфектом, только не в будущем, а в прошедшем (о гипотезе происхождения славянского кондиционала из плюсквамперфекта см. [Сичинава 2013: 179–186]).

Сходные идеи о близости славянского предбудущего косвенным наклонениям ранее уже выражали Ф. И. Буслаев, называвший предбудущее *будущим временем условного наклонения* [Буслаев 1869: 144–146], а примерно сто лет спустя — П. Выскочил [Vyskočil 1956: 260–261]. Однако их мнение не нашло поддержки среди славистов. К недавним попыткам говорить о втором будущем как о *предположительном наклонении* относится описание этой конструкции в древненовгородском диалекте А. А. Зализняка [Зализняк 2004: 606]. Сторонники этой же концепции есть и в сербском и хорватском языкознании. К таковым, к примеру, принадлежат А. Мусич и М. Стеванович, автор грамматики современного сербохорватского языка [Стевановић 1986: 694].

4. В значении **следования в будущем** славянское второе будущее употребляется существенно реже, чем в условном протазисе. Обычно, хотя и не всегда (22), это **аподосис условного предложения**. Если в протазисе предбудущее маркирует реальное (потенциальное) условие, то в аподосисе — реальное (потенциальное) следствие¹¹:

(20) Старосл. *Ѧште на то створнмъ, Владыкы **подражаѡ** вѣдѣмъ*. ‘Если мы это совершим, [то тем самым] мы **подражали** Владыке’ [Супр.: 379, 11];

(21) Древнерус.: *Ѧще ѡн намъ ѡдолѣють, женамъ **воудоуть** ѡдолѣѡ*. ‘Если они нас одолеют, **овладеют** нашими женщинами’ [(Александрия) НКРЯ];

(22) Древнечешск. *...máš umřieti, i budeš pykal*. ‘Ты должен будешь умереть и **будешь страдать**’ Hod. 84b [Gebauer 1958: 427].

¹⁰ Ср. схожие гипотезы о плюсквамперфекте с вспомогательным *был*-в работе [Сичинава 2013: 187–203].

¹¹ Обращает на себя внимание сходство с плюсквамперфектом, для которого типологически свойственно «употребление в гипотетических конструкциях со значением ‘ирреальное (контрфактивное) условие’» [Там же: 33].

Употребления такого рода кажутся наиболее вероятными источниками реграмматикизации предбудущего в обычное неретроспективное будущее, которое имело место в истории целого ряда славянских языков (и некоторых неславянских: в латыни и далматинском, см. [Holtus et al. 1989: 523]; о грамматикизации предбудущего в неславянских языках Европы см. также [Пенькова 2018]). В [Пенькова 2016; 2017] реконструируется следующий путь семантического переосмысления предбудущего в аподосисе условной конструкции: 'результативность в будущем' → 'вывод, следствие' → 'следование в будущем' → 'футуральность'. Эта модель, однако, не объясняет, за счет чего могла вырасти частотность прежде маргинального в узусе предбудущего и, в особенности, его неретроспективных употреблений. Рассмотрим данные славянских языков и попробуем дать ответы на эти вопросы.

Форму аналитического будущего времени, формально соответствующую праславянскому предбудущему, имеют современный польский, кашубский, кайкавские говоры, карпаторусинский (на основании данных РК можно с уверенностью говорить в этом отношении только о говорах на территории Венгрии и Польши), западноукраинские говоры и словенский. Если для карпаторусинского и западноукраинского можно также предполагать влияние польского языка (хотя не исключено и самостоятельное развитие), то для остальных идиом требуются объяснения иного характера.

Во всех перечисленных языках, кроме словенского, перифраза футурума с *l*-формой (будем называть ее L-перифраза) употребляется только для глаголов НСВ. Это видовое различие между польским и словенским, а также некоторые другие ее особенности в древнепольских памятниках, склоняют некоторых исследователей к предположению, что польская L-перифраза не является прямым потомком праславянского второго будущего, а представляет собой более позднюю инновацию, поскольку аналогичная форма от глаголов СВ в древнепольских источниках (почти) не зафиксирована ([Mönke 1971: 115–123; Właszczak 2014: 186]).

Следует поискать объяснение такому видовому различию, в противном случае придется признать инновацией L-перифразы не только в польском и кашубском, но и в кайкавском наречии сербохорватского, которое генетически близко именно словенскому.

Показательным является существование во многих из названных идиом двух форм аналитического будущего¹², имеющих общий вспомогательный глагол: L-перифразы и конструкции с инфинитивом (будем называть ее INF-перифразой). Таковы польский и кашубский (в

¹² Возможны и другие аналитические способы выражения будущего, однако здесь мы их не учитываем.

последнем наличие INF-перифразы, скорее всего, является заимствованием из польского [Andersen 2006]). Кроме того, в древнечешском, в истории кайкавского, чакавского и штокавского наречий конкуренция данных конструкций также засвидетельствована. В старокайкавском и в старочакавском обе перифразы образовывались как от имперфективных, так и от перфективных глаголов. В штокавских памятниках XVII–XIX вв. INF-перифраза также зафиксирована от глаголов СВ/НСВ.

Такое же видовое безразличие INF-перифразы отличает и сербо-лужицкие языки. Его принято связывать с немецким влиянием [Там же: 16]. Как же в таком случае следует объяснять аналогичную ситуацию в сербохорватских говорах и, напротив, только НСВ глаголов в INF-перифразе в древнечешском, польском и кашубском, также находившихся под сильным немецким влиянием? По-видимому, только лишь языковыми контактами объяснить такие различия едва ли возможно.

Описывая аналитические формы глагола в славянских языках, В. Г. Гак замечает, что «один из языков может показывать, что было в прошлом у другого, или, наоборот, предсказывать, что может ожидаться в другом языке» [Гак 1997: 48–49]. Возможное объяснение ситуации в польском могут дать диахронические и микродиахронические изменения в сербохорватских говорах. L-перифраза от глаголов СВ и НСВ представлена в современных северно-кайкавских говорах, граничащих со словенским, тогда как в других разновидностях кайкавского наречия она образуется только от глаголов НСВ [Andersen 2006: 20]: формы СВ вытеснены перфективным презенсом. INF-перифразы в современной кайкавщине отсутствуют, однако фиксируются в старокайкавском как от глаголов НСВ, так и СВ [Karpetanović 2013]. То же отсутствие видового ограничения в обеих перифразах имело место в истории чакавского и штокавского наречий.

В современном литературном сербохорватском языке, в основе которого лежит штокавское наречие, ситуация во многом начинает сближаться с ситуацией в кайкавских диалектах: INF-перифраза утрачена, а *футур друи* здесь употребляется преимущественно от глаголов НСВ (структуры с *l*-формой от глаголов СВ встречаются только в 11% случаев, по данным Хорватского национального корпуса [Vuković 2014]). Предбудущее при этом не обязательно маркирует именно предшествование, а скорее — просто будущую ситуацию в зависимой предикации (см. также выше).

Важной особенностью сербохорватских говоров является также то, что обе конструкции (L-перифраза и INF-перифраза) ограничены в основном зависимыми предикациями, прежде всего условными, временными и определительными, ср. пример с INF-перифразой и контексты 16–18 выше:

(23) Старочакав. *Ako ti pravo ova virovati budeš...* On hoće napraviti sve zgrišenje I krivice tvoje. ‘Если ты **будешь** правильно **веровать**, Он [Бог] простит твою вину и все прегрешения твои’ [Zima 1887: 247–264].

Итак, в условных и определительных придаточных конструкции от глаголов СВ конкурировали с перфективным презенсом. Такая конкуренция могла привести к тому, что L-перифразы СВ постепенно вытесняются перфективным презенсом¹³. Это подтверждается данными истории кайкавского наречия и ситуацией в современном сербохорватском. Более того, контекстная синонимия предбудущего от глаголов СВ, перфективного презенса и INF-перифразы СВ, с одной стороны, и L- и INF-перифраз HCB в условном протазисе, с другой стороны, могли способствовать тому, что предбудущее утрачивало ретроспективный компонент, так как идея предшествования условия следствию уже присутствует в самом условном контексте, а форма, маркирующая предшествование (L-перифраза от HCB), оказывается эквивалентна форме без показателя предшествования — INF-перифразе от глаголов HCB. Ср. примеры, в которых предбудущее от глаголов СВ функционально эквивалентно перфективному презенсу, а формы предбудущего от глаголов HCB — INF-перифразе от имперфективных глаголов):

(24) Кайкав. *Jako ti jozdravim, moja luba bodeš*. ‘Если я тебя **исцелю**, моей супругой станешь’ [Там же];

(25) Кайкав. *Ti baba, ako ne budeš moje brate nazaj oživila, onda moj cucek bude tebe zaklal*. ‘Ты, баба, если обратно не **оживишь** моего брата, то мой пес тебя загрызет’ [Там же];

(26) Штокав. *Kouja* [так в изд.!] *буду судити...* што јесам чинио... ‘Которые **будут судить**... то, что я делал’ [Комар 2009: 122];

(27) Штокав. *Koji bude...* *судио* потље 1741 года да један другоме исплати... ‘Кто **будет**... **судить**... после 1741 года, что один другому заплатил...’ [Там же: 197].

Такую эволюционную модель можно предположить и для польского языка: конкуренция с презенсом совершенного вида привела к выходу из употребления форм будущего с *l*-причастием и инфинитивом от глаголов совершенного вида еще в дописьменную эпоху. Тем более что примеры L-перифразы с СВ в старопольских памятниках sporadически также встречаются [Mönke 1971: 115–123].

Таким образом, только лишь конвенционализацией имплицатуры в аподозисе (см. выше) эволюцию ретроспективного будущего в неретроспективное объяснить нельзя. Очевидно, существенную роль в этом процессе сыграла контекстная синонимия с перфективным презенсом и INF-перифразой.

¹³ Видовая специализация может быть характерна и для славянского плюсквамперфекта, см. [Сичинава 2018].

Еще одним фактором, способствовавшим такому переосмыслению предбудущего, могло быть сохранение *л*-формой атрибутивности. Атрибутивные употребления *л*-форм в древнерусских памятниках описаны М. В. Скачедубовой [Скачедубова 2016]. Наглядно эту особенность *л*-причастий показывает пример А. А. Потебни из Изборника 1073 г., приводимый в указанной работе. Здесь к одному глаголу-связке относятся одновременно *л*-форма, образующая с ним предбудущее, и два имени прилагательных: аште **вждеть** кѣто **старъ** нан **немоштѣнь** н **отънемогъса** ... [Там же: 82]. Следы такого архаичного значения *л*-причастий есть и в других славянских языках, и за их пределами (см., например, о чешских и старопольских образованиях на *-ly* — соответственно [Korešný 1958; Klemensiewicz 2015: 115]).

Косвенным подтверждением этому тезису может служить исходная ситуация в старославянском. Согласно [Плунгян, Урманчиева 2017], старославянский перфект имел не результативную, а характеризационную семантику, носителем которой являлось *л*-причастие, участвовавшее и в образовании предбудущего. Кроме того, переосмысление предбудущего в неретроспективное будущее в славянских языках могло подкрепляться влиянием конструкций с связкой *bqđq* при страдательных причастиях на *-n/-t*, которые имеют другую интерпретацию.

5. Модально-эвиденциальные употребления второго будущего весьма разнообразны и должны стать предметом отдельного внимательного исследования и описания, которое невозможно вместить в рамки одной небольшой статьи. Это употребления в значении предположения по отношению к событиям плана прошлого. Большинство контекстов можно отнести к **презюмptивным**¹⁴, поскольку говорящий, очевидно, не является свидетелем этих событий, но лишь предполагает, что они имели место, на основании своего опыта, логического вывода или других знаний:

(28) Древнерус. Сѣюу, аще члвкъ въ оубожествѣ оукрадетъ, то прочее помнѹн его... оубожество **прннудѹно** н **будеть** ‘сын, если человек в бедности украдет, то помилуй его... **должно быть**, нищета **вынудила** его’ (Пов. об Акире, 83) [НКРЯ];

(29) Древневосточноболг./древнесерб. **Вндѣлн воудете** дѣскы ледны по морю пловоуше н врѣхоу нхъ снѣгъ лежець? ‘**Наверняка вы видели** ледяные доски, плывущие по морю, и на них лежащий снег?’ [Шестоднев IV: 421];

¹⁴ Предбудущее в болгарском встречается также в конклюдивных, адмиративных и дубитативных употреблениях и этим сближается с болгарскими эвиденциальными формами (о семантическом спектре последних см. [Макарцев 2013]).

(30) Болг. *Детето е яло нещо зелено. От него **ще** му **е** прилошало*. ‘Ребенок ел что-нибудь незрелое. От этого, **должно быть**, ему **стало плохо**’ [Маслов 1956: 244];

(31) Чакав. *Nieće se na **biti** izbudila još*. — ‘Она, наверно, еще **не проснулась**’¹⁵.

Такие употребления типичны как для *старого*, так и для *нового* славянского предбудущего, однако они отсутствуют в древнечешском и не найдены в древнехорватских чакавских памятниках, а зафиксированы пока только в старославянских, древнерусских, и древневосточноболгарских, а также известны в сербохорватском (только в аппрехенсивных контекстах [Ковачевић 2009]).

О *новом* славянском предбудущем в болгарском, его синонимии с презумптивом перфекта и тенденции к разграничению предбудущего в чисто таксисном употреблении и в модально-эвиденциальном уже шла речь выше. Показательно, что такая же синонимия предбудущего с презумптивом характерна и для румынского языка, в котором презумптив предшествования и предбудущее могут обозначать предполагаемые в прошлом события. Более того, согласно [Haase 1995: 149], структурно более сложная форма презумптива в румынском при этом склонна заменяться на более простое второе будущее.

В других европейских языках, в которых отсутствует грамматизированный презумптив, именно предбудущее является одним из средств выражения презумптивной семантики:

(32) Немец. *Er ist eine recht eigenartige Erscheinung, das **werden** Sie ja selbst **gemerkt haben***. ‘Поистине он уникальное явление, это вы, **вероятно**, и сами **заметили**’ [Шендельс 1970: 77].

Можно предположить, что в балканских языках и болгарском в частности с его склонностью к омонимии форм именно модальные употребления будущего второго наряду с такими же употреблениями будущего первого являются основанием, своего рода минимальной парой для формирования парадигмы презумптива. Подобную ситуацию можно наблюдать в новогреческом, в котором частица *θα*, аналог болгарской *ще*, может сочетаться с любыми временными формами для выражения значений, близких к презумптивным. В одном из таких употреблений модальная конструкция с *θα*, как и в болгарском, формально совпадает с предбудущим [Hedin 1995: 250]. Формирование парадигмы презумптива (пробабилитива) с показателем *biću*, согласно мнению М. Бенича, можно наблюдать и в чакавских говорах.

¹⁵ Пример сообщен Миславом Беничем.

Некоторые выводы

В славянских языках предбудущее является очень нестабильным элементом системы. *Старое* предбудущее, унаследованное из праславянского, претендовало на роль предположительного наклонения, практически не имея чисто таксисных употреблений. В этой роли оно конкурировало с презенсом и/или с INF-перифразой, что привело к утрате ретроспективного компонента и превращению в перифразу футурума в части западных и юго-западных славянских языков или к полной утрате в других славянских языках, кроме юго-восточных болгарского, македонского и штокавского наречия сербохорватского.

В болгарском и македонском на месте *старого* возникло *новое* предбудущее, которое структурно и семантически перестроилось под общебалканскую и общеевропейскую модель и, помимо таксисных употреблений, развивает модальные — входит в парадигму конструкций с частицей *ще/ke/θα*.

Старое предбудущее продолжает сохраняться в сербохорватском литературном языке, однако здесь намечаются две тенденции. Первая — утрата ретроспективности — путь, по которому прошли другие юго-западнославянские языки (словенский, кайкавский). Вторая — развитие модальной конструкции *biće + l-*, структурно и семантически соответствующей болгарскому предбудущему.

Литература

- Андрейчин 1978 — Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1978.
- Бара и др. 2005 — Бара М., Каль Т., Соболев А. Н. Южноарумынский говор села Тулья (Пинд). Синтаксис, лексика, этнолингвистика, тексты. München, 2005.
- Буслаев 1869 — Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1–2. М., 1869.
- Войводић 2014 — Войводић Д. П. Проблематика развоја футура и његове граматикализације у словенским језицима (с посебним освртом на ситуацију у српском, руском и польском). Русе, 2014.
- Гак 1997 — Гак В. Г. Типология аналитических форм глагола в славянских языках // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 47–58.
- Герджиков 1984 — Герджиков Г. Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
- ГСБКЕ — Граматика на съвременния български книжовен език. Т. II. Морфология. София, 1983.
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Иванова 2016 — *Иванова Е. Ю.* Система будущих времен в болгарском языке: семантические переосмысления идеи следования // Рабочее совещание по типологии футурально-перспективной семантической зоны 8–10 декабря 2016 года. Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН). СПб, 2016.
- Ковачевић 2009 — *Ковачевић М.* Употреба футура II у простој реченици // Српски језик — студије српске и словенске. Бр. XIV. 1–2. 2009. С. 65–75.
- Конески 1982 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1982.
- Майсак, Мерданова 2004 — *Майсак Т. А., Мерданова С. Р.* «Проверительная форма» в агульском языке: структура, семантика и гипотеза о происхождении // Исследования по теории грамматики. Вып.3. Ирреалис и ирреальность / Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М., 2004. С. 430–455.
- Макарцев 2013 — *Макарцев М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. СПб., 2013.
- Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Мирчев 1963 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1963.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Условные конструкции в болгарском языке. Типология условных конструкций / Храковский В. С. (ред.). Типология условных конструкций. СПб., 1998. С. 129–160.
- Пашов 1999 — *Пашов П.* Българска граматика. Пловдив, 1999.
- Пенькова 2014 — *Пенькова Я. А.* К вопросу о семантике т. н. будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого») // Русский язык в научном освещении 1 (27). С. 150–184.
- Пенькова 2016 — *Пенькова Я. А.* Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели // Труды института русского языка. Вып. 10. М., 2016. С. 475–488.
- Пенькова 2017 — *Пенькова Я. А.* К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // Die Welt der Slaven. 2017. № 2 (62). S. 247–275.
- Пенькова 2018 — *Пенькова Я. А.* От ретроспективности к перспективности: предбудущее как источник грамматикализации футурума в языках Европы // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 53–70.
- Плунгян, Урманчиева 2017 — *Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю.* Перфект в старославянском. Был ли он результативным? // Slověne = Словѣне: International Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 6. № 2. С. 13–56.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава 2018 — *Сичинава Д. В.* Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков. М., в печати.
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* О некоторых особенностях функционирования -л-формы в Ипатьевской летописи // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевны

- Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2016. С. 78–83.
- Стевановић 1986 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Т. II. Београд, 1986.
- Шендельс 1970 — *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Andersen 2006 — *Andersen H.* Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation* / Eksell K., Vinther T. (ed.). Bern, 2006. P. 9–45.
- Andersen 2006(a) — *Andersen H.* Future and future perfect in the Old Novgorod dialect // *Russian Linguistics*. 2006. № 30/1. P. 71–80.
- Błaszczak 2014 — *Błaszczak J., Jabłońska P., Klimek-Jankowska D., Migdałski K.* The riddle of «future tense» in Polish // *Future times, future tenses* / De Brabanter, P., Kissine M., Sharifzadeh S. (ed.). Oxford, 2014. P. 165–204.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
- Ernout 1972 — *Ernout A., Thomas F.* Syntaxe latine. Paris, 1972.
- Gebauer 1958 — *Gebauer J.* Historická mluvnické jazyka českého. Díl III. Tvarosloví. II. Časování. Praha, 1958.
- Gołąb 1984 — *Gołąb Z.* The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia, SRF Yugoslavia. Skopje, 1984.
- Haase 1995 — *Haase M.* Tense, aspect and mood in Romanian. // *Tense Systems in European Languages. II* / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 135–152.
- Hedin 2000 — *Hedin E.* Future marking in conditional and temporal clauses in Greek // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Dahl Ö. (ed.). Berlin, 2000. P. 329–349.
- Hedin 1995 — *Hedin E.* The tense aspect system of modern Greek // *Tense Systems in European Languages. II* / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 233–252.
- Holtus 1989 — *Lexikon der romanistischen Linguistik Bd. III. Die einzelnen romanischen Sprachen und Sprachgebiete von der Renaissance bis zur Gegenwart: Rumänisch, Dalmatisch-Istroromanisch, Friaulisch, Ladinisch, Bündnerromanisch* / Holtus G., Metzeltin M., Schmitt Ch. (eds.). Tübingen, 1989.
- Kalsbeek 1998 — *Kalsbeek J.* The Čakavian Dialect of Orbanici Near Žminj in Istria // *Studies in Slavic and general Linguistics. Vol. 25* Amsterdam; Atlanta, 1998.
- Kapetanović 2013 — *Kapetanović A.* Dijatopijske varijacije starohrvatske književne čakavštine // *Hrvatski dijalektološki zbornik* 18. Zagreb, 2013. S. 163–174.
- Klemensiewicz 2015 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 2015.
- Kopečný 1958 — *Kopečný F.* Přišedší, zahynuvší — příšlý, zahynulý (Příspěvek k problému slovanského přičestí I-ového) // *Славянская филология. Вып. 2.* М., 1958. С. 138–163.
- König, Haspelmath 1999 — *König E., Haspelmath M.* Der europäische Sprachbund // *EuroLinguistik. Ein Schnitt in die Zukunft. Beiträge zum Symposium vom 24. bis 27. März 1997 im Jagdschloß Glienicke (bei Berlin)* / Reiter N. (ed.). Wiesbaden, 1999. S. 111–127.

- Křížková 1960 — *Křížková H.* Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvl. ruštině. Praha, 1960.
- Lunt 1952 — *Lunt H. G.* Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
- Migdalski 2006 — *Migdalski K.* The Syntax of Compound Tenses in Slavic. Ph.D. dissertation. 2006.
- Mönke 1971 — *Mönke H.* Das Futurum der polnischen Verba. München, 1971.
- Movchan — *Movchan Ya.* Vergleichende Analyse der Verbalsysteme in den slawischen Sprachen. [рукопись.]
- Oliveira 1995 — *Oliveira F., Lopes A.* Tense and aspect in Portuguese // Tense Systems in European Languages. II / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 95–116.
- Rösler 1952 — *Rösler K.* Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slawischen // Wiener slawistisches Jahrbuch. 2. 1952. S. 103–149.
- Squartini 1995 — *Squartini M.* Tense and aspect in Italian // Tense Systems in European Languages. II / Thieroff R. (ed.). Tübingen, 1995. P. 117–134.
- Sten 1973 — *Sten H.* L'emploi des temps en portugais moderne. København, 1973.
- Todorović 2007 — *Todorović B.* Prihodnjik v slovanskih jezikih. Magistrsko delo. Ljubljana, 2007.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.
- Vuković 2014 — *Vuković P.* Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku // Jezik: časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika. 2014. № 61 (3). S. 81–94.
- Vyskočil 1956 — *Vyskočil P.* Staroslověnské сътвориць бѣдѣ // Slavia. 25. 2. 1956. S. 260–261.
- Zima 1887 — *Zima L.* Ńekoje, većinom sintaktične razlike između čakavštine, kajkavštine i štokavštine // Djela Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. VII. Zagreb, 1887.

Источники

- Апост.Христ. — «Христинопольский» (или «Городисский») апостол. — Kaľuźniacki Aem. Actus epistolaeque Apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII-o scripti. Vindobonae, 1896.
- ЖАЮ — *Молдован А. М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Комар 2009 — *Комар Г. Ж.* Бока Которска: ћирилски споменци 17. 18. и 19. вијека (Acta Serbica). Херцег-Нови, 2009.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru>
- Параллельный корпус русских и болгарских текстов. http://rbcorpus.com/index_rus.php
- НКБЯ — Национальный корпус болгарского языка. <http://search.dcl.bas.bg/>
- РК — Corpus of spoken Rusyn. <http://parasolcorpus.org/Varchola2/index.php>
- Син. Пс. — MSC, Cod. Sin. slav. 3/N. www.manuscripts.ru

- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001.
- Супр. — *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасльски или ретков сборник. Т. I–II. София, 1982.
- Шестоднев — *Aitzetmüller R. A.* Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. I–VII. Graz, 1958.
- Malić 1997 — *Malić D.* *Žića svetih otaca.* Zagreb, 1997.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ФОРМЫ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

1. Введение

Исследование плюсквамперфекта в славянских языках в широком контексте (сопоставительном или типологическом) активно развивается сравнительно недавно. Однако уже в первые два десятилетия после поставившей эту тему работы [Молошная 1996] появился ряд принципиальных статей, затрагивающих различные аспекты темы, в том числе и связь плюсквамперфекта с такими категориями, как таксис, вид, модальность и залог (здесь нужно назвать прежде всего имена В. С. Храковского, Ю. П. Князева, М. Н. Шевелевой, А. Барентсена, П. В. Петрухина, Л. Попович и др.). Благодаря достижениям в типологии видо-временных категорий (ср., прежде всего, [Dahl 1985; Squartini 1999; Плунгян 2001, 2004]) «плюсквамперфектоведение», посвященное загадочному, во многих языках маргинальному и исчезающему реликту праславянской временной системы, стало полноправным разделом славистики. В 2013 г. появилась книга «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» [Сичинава 2013]. Вторая часть этой книги (соответствующая второй части заглавия) посвящена прежде всего современному восточнославянскому материалу, а также праславянской и древнерусской истории этих форм; только для них (и в меньшей степени для болгарских форм) привлечен широкий массив источников, в том числе корпусных. Формы остальных славянских языков там разбираются сравнительно кратко (включая первую часть, в рамках общей типологической картины), на материале небольшого

*Дмитрий Владимирович Сичинава,
Институт русского языка РАН (Москва);
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва)*

Статья написана при поддержке гранта РФФИ 17-29-09154 офи_м «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов».

числа трудов предшественников (ср. обоснованную критику одной из наших ранних работ в [Поповић 2012]). В настоящей статье мы даем обзор того, что сейчас известно о славянских плюсквамперфектных формах в семантическом отношении, в типологическом и ареальном контекстах. К сожалению, объем статьи не позволяет обсудить многообразие форм плюсквамперфекта, а также остановиться подробнее на ареальной стороне вопроса; мы надеемся сделать это в дальнейших публикациях (ср. [Сичинава 2018в, в печати]). Привлекаются источники и данные, не использованные в нашей книге, в частности данные корпусных исследований (вслед за А. Барентсеном мы используем, в том числе, материалы многоязычного параллельного корпуса) и анкетирования информантов (подробнее о методике анкетирования см. в указанной статье).

2. Славянский плюсквамперфект в европейском типологическом контексте: общие свойства

Употребительность плюсквамперфекта в различных славянских языках существенно различается [Барентсен 2015а]; так, в четырех текстах из параллельного многоязычного корпуса ASPAC эта форма встретилаcь в верхнелужицких и болгарских текстах порядка 1000 раз (столько же или дальше больше, чем в таких языках средневропейского стандарта с согласованием и последовательностью времен, как английский или нидерландский), в хорватском языке — уже вчетверо реже, в сербском и в македонском — вдесятеро реже, чем в болгарском, еще несколько реже в словенском, а в западно- (кроме верхнелужицкого) и восточнославянских языках представлена в «следовых» количествах или не представлена вовсе (без учета плюсквамперфекта кондиционала, о котором речь пойдет ниже). Известна тесная морфологическая (а отчасти и семантическая) связь европейского плюсквамперфекта с перфектом, который также в параллельных текстах распространен неравномерно. Последний в языках Европы выступает в качестве «сильной» (с широким спектром значений наподобие английского), «слабой» (низкочастотная форма, в большинстве случаев вытесняемая простым прошедшим; наиболее частотное употребление, как показано в [Сичинава 2016], — экспериенциальное) или «расширенной» (захватывающей сферу простого прошедшего, как в немецком или французском) форм (терминология по [Плунгян 2016]). В большинстве славянских языков представлен «расширенный» перфект, а старые прошедшие времена (аорист и имперфект) отсутствуют. Основной формой плюсквамперфекта является форма с перфектом вспомогательного глагола, так называемая сверхсложная форма; об этом феномене с типологической и ареальной точки зрения см. подробнее

[Петрухин, Сичинава 2006]). Лишь в лужицких, болгарском и македонском оппозиция перфекта и других прошедших времен неплохо сохраняется. Описанное явление примерно коррелирует с зоной активного плюсквамперфекта (это верно и за пределами славянской группы: так, обе формы «слабы» в литовском или греческом).

3. Таксисное значение

Частотность плюсквамперфекта в тексте прямо зависит от обязательности его употребления в основном значении, каковым традиционно считается таксисное — обозначение ситуации, предшествующей некоторой точке отсчета в прошедшем (ср. [Comrie 1985]). Грамматики большинства славянских языков описывают плюсквамперфект как форму именно с таким значением, отмечая одновременно его факультативность и маргинальность в системе, архаизацию (имеются носители, особенно молодые, не употребляющие его вовсе; употребительность ограничивается письменным языком и т. п.). В чешском эта форма «устаревшая и исчезающая» [Havránek, Jedlička 1960: 248], она используется как «архаизирующее стилистическое средство» [РМС 2008: 317]; в хорватском плюсквамперфектные формы редки, вытесняются перфектом и применяются либо для архаизации стиля, либо чтобы «особо подчеркнуть предшествование в прошедшем» [Silić, Pranjković 2007: 193]; в польском уже в середине XVIII в. она начинает исчезать из живой речи [Klemensiewicz 1985: 620] и остается как маркированный элемент литературного языка; плюсквамперфект «прежде всего употребляется в стилистически изысканных литературных текстах, в текстах бытового характера он может не употребляться вообще» [Saloni 2007: 19]. По данным параллельного польско-русского корпуса в составе Национального корпуса русского языка, активное употребление плюсквамперфекта в польских художественных текстах прекращается в начале XX в.; в дальнейшем он является стилистической приметой отдельных авторов (например у А. Сапковского в романах, действие которых происходит в Средневековье, он является способом легкой стилизации исторического колорита; по-видимому, в схожей функции использует плюсквамперфект, например, и украинский исторический романист В. Малик, ср. [Сичинава 2013: 313]). В словенском языке, согласно [Herrity 2000: 182], «это очень литературная форма, стилистически очень ограниченная в употреблении; она более не используется в разговорном языке, где заменяется на перфект, часто с добавлением *že*»; «антепретерит (предшествование в прошедшем) обычно выражается у словенских писателей с помощью перфекта глагола» [Pogorelec 1961].

Уже в старославянском греческий плюсквамперфект (*ἐκβεβλήκει*) с таксисным значением может меняться на аорист: *Ѣви сѧ прѣжде Марии Магдалини, ѡз [sic] неѣже **изгъна** ѡс [sic] бѣсъ* ‘(Иисус) явился прежде Марии Магдалине, из которой **изгнал** семь бесов’ (Мариинское ев., Мк. 16:9). Даже в современном болгарском, где употребление плюсквамперфекта в таксисной функции высокочастотно, он не является обязательным способом выражения предшествования в прошедшем, характерным для европейской «последовательности времен» [Ницолова 2009]. Например, во фразе *Казах ти, че **куних** книгата* [Ницолова 2009: 128] ‘Я сказал тебе, что **купил** книгу’ используется аорист. То же верно и для другого языка с «сильным» плюсквамперфектом — верхнелужицкого; при «относительной временной референции» (в отличие от «абсолютной») замена плюсквамперфекта на перфект даже в письменном языке относительно частотна [Faßke, Michalk 1981: 265]. Вообще в зависимых временных клаузах последовательность времен достаточно стандартно выражается обычным претеритом, как правило, совершенного вида, который уже в гипотаксическом режиме интерпретации [Падучева 2010] достаточен для обозначения таксиса предшествования (как это имеет место, например, в русском языке), ср. [Барентсен 2015б; Храковский 2015]. Показателен пример из параллельного корпуса («Винни-Пух» Милна):

Английский: «*Now listen all of you,*» said Rabbit when he **had finished** writing. ‘Ну, теперь все слушайте! — сказал Кролик, **кончив** писать’ (пер. Бориса Заходера).

Болгарский: *Сега слушайте всички!* — каза Заю, като **престана** (аорист).

Македонский: „*А сега слушнете сите*“, рече Зајачето, откако **заврши** (аорист) *со пишувањето*.

В следующем предложении из нашей плюсквамперфектной анкеты: ‘Он вернулся туда, откуда **начал**’ — наш боснийский информант дает однозначный перфект: *Vratio se odakle **je** i došao*. Для болгарского языка информант допускает два варианта, с аористом и плюсквамперфектом (*Той се върна там, откъдето **започна** / той се върна там, откъдето **беше** **започнал***), указывая, что эти варианты одинаково естественны: «начинание» рассматривается с перспективы момента речи или «возвращения». Вместе с тем, по словам этого же информанта, плюсквамперфект «точно нужен» вне сложного предложения. В языках с более редким плюсквамперфектом жесткого требования нет и в этом случае. По гипотезе Т. Бергера [Berger 2012], в истории чешского языка закрепление видовой оппозиции привело к тому, что к XVIII в. претерит совершенного вида стал основным выражением предшествования и плюсквамперфект оказался ненужным. Факультативность плюсквамперфекта в таксисном значении отмечается и в более ранних

славянских текстах: например, уже в словенской Далматиновой библии 1584 г., где плюсквамперфект употреблялся очень часто и местами даже более последовательно, чем в немецком переводе Лютера, он не полностью обязателен, так как «последовательность действий обычно более или менее ясно указана самим контекстом» [Meře 1997]; в переводе 1791 г. уже большинство плюсквамперфектов меняются на перфект. В древнерусском летописании в значении предшествования в прошедшем плюсквамперфект активно конкурирует с перфектом [Петрухин 2004а].

Факультативность (или даже редкость) плюсквамперфекта и показателей ретроспективного сдвига в значении предшествования в прошедшем — типологически широко распространенная и господствующая (за пределами достаточно небольшого числа языков «среднеевропейского стандарта») ситуация; ср. описание таксисных конструкций в отдельных языках в [Храковский (ред.) 2009] и резюме в [Сичинава 2013: 24].

4. Результат в прошедшем

Как представляется, заметно определеннее выступает славянский плюсквамперфект в контекстах результирующего состояния в прошедшем, которое типологи отделяют от таксисного (ср. [Squartini 1999]). Как отмечает применительно к болгарскому плюсквамперфекту Ю. С. Маслов, «простого хронологического предшества [...] действиям основной линии повествования бывает недостаточно для употребления плюсквамперфекта. Употребление плюсквамперфекта особенно настойчиво проводится в тех случаях, когда для говорящего или пишущего важна та или иная связь данного более раннего действия с действиями или состояниями, входящими в основную линию повествования» [Маслов 1956: 241]. Плюсквамперфект исторически представляет собой перенесение в план прошлого значения славянского перфекта, которое, в частности, включало в себя семантику достигнутого состояния; диагностическим контекстом такого употребления («перфект-в-прошедшем») считается предложение с обстоятельством времени, которое относится к точке отсчета, а не к моменту действия. В болгарском и боснийском переводах предложение, восходящее к известной анкете из [Dahl 1985], получило безальтернативный плюсквамперфектный перевод: *Kogato se прибрах вчера, той беше написал две писма*; *Kad sam došao kući, on je bio napisao dva pisma* 'Когда я пришёл вчера домой, он написал [уже] два письма'. Этот контекст (без пояснения «уже») неоднозначен, и плюсквамперфект снимает данную неоднозначность; без него последовательность событий, скорее всего, выглядела бы противоположным образом. Ср. факультативность плюсквамперфекта в боснийском переводе с обстоятельством

времени, указывающем на момент действия: *Jeste li zatekli brata kod kuće? Ne, nismo imali sreće; otišao je / bio je otišao neposredno pred naš dolazak*. ‘Застали ли вы брата дома? Нет, нам не повезло; он **ушёл** как раз перед нашим приходом’, а также результативные предложения в литературном сербохорватском XX в. типа *Sunce je već bilo prevалило подне kad je ostavio varoš*. ‘Солнце уже **прошло** полдень, когда я покинул городок’ [Стевановић 1969/1989: 666]. В словенском языке, где в речи молодого и среднего поколения плюсквамперфект в целом утрачен, в устной речи старшего поколения отмечены предложения со значением результирующего состояния в прошедшем: *Ko sem jo klicala, je že bila pripravila recepte*. ‘Когда я ей звонила, она уже **приготовила** рецепты’ (сообщено М. Ухликом). «Возникновение нового состояния» считает семантическим признаком плюсквамперфекта в словенском Б. Погорелец [Pogorelec 1961: 153], а еще в XVI в. переводчик Библии на словенский в контексте достижения состояния приносит эту форму туда, где ее нет у Лютера [Merše 1997]. По примерам видно, что указание на последовательность событий может дублироваться наречием ‘уже’ (сербохорв. *veћ / već*, словен. *že*), создающим достаточный контекст: это промежуточная стадия утраты данной формы. Ср. указание на грамматикализацию этого наречия, замещающего плюсквамперфект, в [Thomas 2000]; при переводе ряда предложений наш информант из Боснии указал, что для передачи предшествования в независимой клаузе употребляются слова *prije (toga)* ‘для этого’; сербский информант заметил, что слова *pre, ranije* ‘раньше’ и *već* ‘уже’ синонимичны плюсквамперфекту, и их употребление вместе с плюсквамперфектом избыточно.

Интересен также пример выраженного в независимой клаузе состояния в плане прошлого из параллельного корпуса. Здесь плюсквамперфект выбран не только в болгарском и верхнелужицком, но и в тех двух славянских переводах (македонском и хорватском), в которых эта форма используется вообще редко, а также, для типологического (и в какой-то мере ареального) контекста, в переводе на неславянский литовский язык, где все формы перфектного ряда являются «слабыми». Такое независимое схождение говорит о близости этого контекста к «инварианту» восточноевропейского плюсквамперфекта. По-видимому, в выборе плюсквамперфекта содержится также элемент снятия неоднозначности, хотя контекст (сам лексический выбор глагола ‘оставить’, логика повествования) здесь гораздо прозрачнее:

Английский: *And just when it was decided, Henry Pootel wriggled out of Kanga's arms and jumped to the ground. To his great joy Christopher Robin had left the door open*. ‘Но, едва получив новое имя, Генри Пушель вывернулся из объятий Кенги и прыгнул вниз. К его великому счастью, Кристофер Робин **оставил** дверь открытой’ (пер. Б. Заходера)

Литовский: *Ir vos tik tai buvo nuspręsta, Bonifacas Pūkėlis ištrūko iš Kengos glėbio ir nušoko žemėn. Didžiausiam jo džiaugsmui, Jonukas buvo palikęs duris praviras.*

Хорватский: *I upravo kad su to lijepo riješili, Rujko Pušić izmigoljio je iz Kloina naručja i skočio na pod. Na njegovu golemu radost Christopher Robin bio je ostavio vrata otvorena.*

Македонский: *Веднаш итом го донесоа ова решение, Хари Путел се извлече од рацете на Кенга и скокна наземи. За негова среќа Кристофер Робин беше ја оставил вратата отворена.*

Особо четко результативное значение плюсквамперфекта проявляется в контексте определенных глаголов совершенного вида, перфектные (а затем претеритальные) употребления которых имеют фактически статальную семантику. Так, в древнерусском это метафорические употребления глаголов типа *подступити*, описывающих расположение географических объектов [Петрухин 2008: 233–234]¹. Ср. в польском языке XIX–XX вв. примеры вроде: *Chociaż front jeszcze w styczniu przeszedł był przez te strony* (J. Andrzejewski. *Popiół i diament*) ‘И хотя фронт **проходил** в этих местах еще в январе’ (перевод Н. Я. Подольской), или особенно с глаголами *zwyknąć*, *nawyknąć*, которые в прошедшем времени являются фактически показателями хабитуальности (ср. англ. *used to*).

5. Аннулированный результат

Типологически хорошо известно, что плюсквамперфектные формы помещают ситуацию в неактуальный временной интервал (frame past или past temporal frame: [Dahl 1985; Squartini 1999], или discontinued past [Plungian, Auwera 2006]). Это логически «усиленное» выражение прошедшего времени; если «стандартное» прошедшее время в языках мира ничего не говорит о (не)сохранении ситуации, имевшей место в прошлом, в момент речи (ср. *Вчера был дождь* или языковую игру типа *С утра был вторник*), то «неактуальное» прошедшее эксплицитно утверждает нечто о некотором последующем моменте, в котором ситуация изменилась. Почти дословно такое описание используется для плюсквамперфекта в украинском языке в [Русановский (ред.) 1986]; схожие толкования применяются и к исчезающим формам в чешском («обозначение действия в прошедшем, которое перестало иметь место или перестало иметь место его последствие» [MSJ 1966: 533], «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» [Широкова 1961: 230]) и словацком («подчерк-

¹ О значении ‘перфект в прошедшем’ в древнерусском плюсквамперфекте см., особенно, [Шевелева 2007, 2015].

нудое выражение плана прошлого» [Horák 1964; Паулини 1982: 137; Маслов 1984/2004: 233]).

Класс употреблений, связанных с аннулированием достигнутого результата (частный случай «антирезультативных» значений [Плунгян 2001]), известен в большом числе языков мира [Dahl 1985] и на славянской территории является очень древним. По Г. А. Хабургаеву [Хабургаев 1986: 204–205] (причем в 1-м изд. его учебника «Старославянский язык» [Хабургаев 1974: 285–286] еще дается традиционная таксисная трактовка), «...в сохранившихся рукописях плюсквамперфект встречается довольно редко; а его употребление, как правило, подчеркивает отмену, недействительность прошлого действия или состояния к моменту следовавшего за ним действия или в связи с последующим (прошлым) состоянием, т. е. напоминает современные русские конструкции типа *хотел было, но...*»: *изгыблѣ бѣ и обрѣте сѧ* (Остромирово ев., Лк. 15:32) 'потерялся было, но вновь нашелся' («без этого оттенка плюсквамперфект здесь вообще неуместен, ибо две формы аориста в той же последовательности уже означали бы: 'сначала пропал, а потом нашелся'») [Хабургаев 1986: 205].

Обычна эта функция в древнерусском (ср. Слово о полку Игореве: *Тѣм бо два храбрая Святъславича Игорь и Всеволодъ уже лѣзѹ убуди[ста], которую то бѣше усилиъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великій Кіевскій — грозою бѣшетъ притрѣпеталь*), в том числе в перформативных предложениях в деловой письменности, где одна эта форма сигнализирует об отмене некого акта или распоряжения (см. [Петрухин 2013]). Активно значение аннулирования результата и в «простой мове» Великого княжества Литовского и отчасти сохраняется в современном украинском и белорусском, а также в русском языке XVIII в., в то время как для современного русского значение «чистой» отмены результата (*Дом сгорел было, но отстроен*) в финитных предложениях не столь характерно; подробнее см. [Сичинава 2013: 218–219, 306–310]). В [Стевановић 1969/1989: 669; Thomas 2000; Поповић 2012: 116] отмечено, что такие употребления («деактуализация») являются одними из самых обычных в сербохорватском (и его языках-наследниках). Ср. их наличие в наших анкетах по сербскому и боснийскому: *Ја сам (био) изгубио пасош, али сам га нашао*; *Bio sam izgubio pasoš, ali sam ga našao*. 'Я потерял паспорт, но нашел его' (безальтернативно); *Ја сам била купила ципеле, али сам их вратила назад*; *Kupila sam / Bila sam kupila cipele, ali sam ih vratila*. 'Я купила туфли, но отнесла их обратно'. Информант — носитель куклицкого диалекта (остров Угљане, Хорватия) указывает, что предложение 'Я потерял паспорт, но нашел его' может быть передано только как *Bi san izgubi osobnu, ali san je našo*, так как *izgubi san osobnu* подразумевало бы, что паспорт еще не найден (это единственный случай, когда плюсквампер-

фект в его анкете обязателен). В болгарском плюсквамперфект в этих предложениях анкеты факультативен и зависит от того, относится ли первое событие на передний (аорист) или задний (плюсквамперфект) план, но при этом он чуть более естественен, чем аорист, в контексте, когда говорящий признает свою ошибку: *Кой донесе млякото?* — *Ами че ти го донесе.* — *А, да, бях забравил (забравих)!* ‘Кто принёс молоко?’ — Ты сам и принёс. — Ах да, я **забыл!**’

В языке словенской Библии XVI в. одной из функций плюсквамперфекта является неактуальность результата события [Merše 1997: 15], например, в контексте «Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь **предавал** (*bil dal*) тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа» (1 Цар. 24:11); характерен несовершенный вид в русском синодальном переводе. Аннулированный результат маркируется в ряде контекстов плюсквамперфектом в польском (противопоставление временных планов). В примере ниже форма плюсквамперфекта переводит русскую частицу *было* (которая, как это для нее характерно, отменяет результат в составе причастного оборота), хотя в подавляющем большинстве контекстов с финитным глаголом такого соответствия нет: *Szpitalni kamraci Denisowa, którzy otoczyli byli Rostowa — człowieka świeżo przybyłego z wolnego świata — jęli się po trosze rozchodzić, gdy tylko Denisow zaczął czytać swe pismo* ‘Госпитальные товарищи Денисова, **окружившие было** Ростова — вновь прибывшее из вольного света лицо, — стали понемногу расходиться, как только Денисов стал читать свою бумагу’ (Л. Толстой, пер. А. Stawar).

6. Прекращенная ситуация и проблема несовершенного вида

Аннулированный результат обычно (если не считать итеративных контекстов) передается предельными глаголами совершенного вида. «Парным» к нему употреблением является так называемая прекращенная ситуация, которая кодируется глаголом в несовершенном виде (ср. в старославянском [*Мариѣ*] *видѣ дѣва аѣнѣла въ бѣлахъ сѣдаиша, единого оу главы і единого оу ногоу; идеже бѣ лежало тѣло Иѣво*, Мариинское ев., Ин. 20:12) и в целом в славянских языках редка. О виде и плюсквамперфекте в славянских языках см. специальные работы [Барентсен 2015б] и [Сичинава 2018б].

В русском языке несовершенный вид сочетается с частицей *было* в основном с глаголами желания и попытки: *хотел было, собирался было*. Уже в болгарском такое, по данным нашей анкеты, невозможно: *Исках (*Искал бях) тази нощ да отида на разходка* ‘Я **хотел было**

пойти этой ночью погулять [но не пошел]’ (ср. возможность в боснийском: *Bio sam htio / htio sam otići prošetati po noći*), причем с практически синонимичным глаголом совершенного вида плюсквамперфект допустим: ^{ок}*Бях решил тази нощ да отида на разходка ‘Я решил было...’*. В приведенном выше евангельском контексте плюсквамперфект в болгарском тексте используется, поскольку имперфект имел бы таксисное значение одновременности: *...където (по-рано) беше лежало тялото на Исус* [Барентсен 2015б]; широко употребим болгарский плюсквамперфект несовершенного вида в контексте неактуальной экспериенциальности (см. ниже).

В истории русского языка сочетаемость несовершенного вида с плюсквамперфектом ощутимо сокращалась. В древнерусском преобладающей была форма совершенного вида, а из глаголов несовершенного вида использовалось лишь ограниченное количество, прежде всего *слышати, быти, жити, видати* [Чернов 1961: 61]. Позже становится лексикализованной формула *жили-были* (см. также ниже; в некоторых говорах это сочетание сохранилось: муромское *У мен’а нѣ былъ въвѣхъ-тъ при нѣй, когд’а она ъжыла-тъ была*, ср. также данные северных говоров в [Пожарицкая 2015]), а в XX в. исчезают конструкции типа *шел было и говорил было* [Сичинава 2013: 216–218]. В «простой мове» Великого княжества Литовского почти все формы с *был-* стоят в совершенном виде, причем в судебных книгах ВКЛ рядом может находиться словоформа несовершенного вида, относящаяся к тому же моменту, в обычном претерите (Ф. Р. Минлос, личное сообщение). Из современных языков форма плюсквамперфекта НСВ отмечена в сербохорватском, особенно в ранних текстах и фольклоре ([Стевановић 1969/1989: 670–671]; ср. также выше боснийский пример) и словенском ([Toporišič 2000: 399], причем опять-таки чаще в языке XVI в. [Merše 1997: 15–16]), хотя и там, и там относительно редка. В словенском литературном языке начала XX в. интересно терминативное значение (*so bili že večerjali* ‘они уже отужинали’, *smo bili že molili* ‘мы уже кончили молитву’). А. Барентсен предполагает, что сужение употребительности плюсквамперфекта в несовершенном виде связано с тем, что ретроспективное восприятие ситуации более естественно в целостно представляющем ее совершенном виде (чем в несовершенном, помещающем «окно наблюдения» внутрь ситуации). Исключением является история чешского языка, где в древнечешский период глаголы совершенного вида решительно преобладают (95–97%), а в литературном языке времен национального возрождения XVIII–XIX вв. их доля падает до 69–77% (см. статистику [Чернов 1961: 80–81]). По гипотезе Т. Бергера [Berger 2012], это связано с закреплением и однозначностью таксисного значения у совершенного вида, в то время как несовершенный вид может означать и одновре-

менность. Сохранение же плюсквамперфекта совершенного вида Бергер объясняет немецким влиянием. В работе [Сичинава 2018б] мы показываем, что абсолютно-относительные времена (плюсквамперфект и предбудущее, о котором в связи с видом см., в частности, [Пенькова 2018 (наст. сб.)]), эволюционируя семантически в сторону некомпозиционной нетаксисной интерпретации, сужают и сочетаемость с видами: так, и в русском (конструкция с *было*) и в меньшей степени в сербохорватском характерен семантический дрейф в сторону антирезультативного значения.

7. Нарушение нормального хода ситуации

Конструкция с русским *было* представляет собой расширенный (и несколько ослабленный) вариант показателя неактуального прошедшего: она описывает «нарушение нормального хода» [Barentsen 1986] некоторой широкой «макроситуации» [Князев 2004]. Возможны следующие сценарии: ситуация задумана, но не осуществляется; она началась, но пресекается «на корню»; ситуация может осуществиться, но ожидаемые «инерционные» последствия («возможные миры») не имеют места [Kagan 2011]. Принципиально схожа (при наличии ряда семантических архаизмов, а во многих идиолектах и таксисных употреблений) ситуация с украинским и белорусским плюсквамперфектом (см. [Сичинава 2013: 304–306; Храковский 2015]). При переводе форм плюсквамперфекта в других языках (не только средневропейского стандарта, но и, скажем, весьма своеобразного плюсквамперфекта в греческом тексте Евангелия) частица *было* в русском языке (почти) не возникает и плюсквамперфектом на другие языки не переводится; у нее иные стимулы и модели перевода — глаголы попытки, обстоятельства непродолжительного протекания ситуации и т. п. [Сичинава 2013: 268–271; Барентсен 2015б].

Тем не менее прагматические импликатуры (о роли импликатур в семантике плюсквамперфекта см. [Майсак, Татевосов 2001]), предполагающие нарушение нормального развития событий и напоминающие русское *было*, есть и в южнославянских языках. Например, при переводе предложений нашей анкеты *Давным-давно люди придумали буквы; Жили-были дед да баба. Однажды дед пошел ловить рыбу...* на болгарский язык при выборе, соответственно, плюсквамперфекта (*Хората бяха измислили буквите преди много време*) или сверхсложной формы, являющейся аористом или плюсквамперфектом пересказывательного наклонения (*Веднџж дядото бил отишџл за риба*), предполагаются продолжения, соответственно: «... а этот полез с предложением писать иероглифами», «... а старуха заметила, что в доме нет лука». В сербохорватском [Стевановић 1969/1989; Поповић 2012] та-

кие примеры также есть: *Пошли смо били, али нас је једна четничка патрола скренула с пута* (М. Лалић, Лелејска гора) ‘Мы **пошли было**, но нас один патруль четников заставил повернуть с пути’; *Група људи покушала је била да се пробије мимо жандармеријског кордона који је стајао на плочницима* ‘Группа людей **попыталась было** обойти кордон жандармов, стоявший на мостовой’.

8. Авертивное значение

По-видимому, поздним и нетипичным для славянской территории является авертивное значение («недостигнутый результат»), активное в русском языке XVIII в. (я *умер было от желудка*, см. [Сичинава 2013: 219–221]) и сохраняющееся в говорах: *Он ф сельсовети одну с мосту* (‘с лестницы’) *был спустил* (муромские говоры, запись А. В. Тер-Аванесовой) [Тер-Аванесова 2016]; *Мы был* [sic! неизменяемая частица, застывшая в форме м. р.] *померли в сорок шестом гаду* (Задонский р-н Липецкой обл., запись И. И. Исаева и О. Е. Кармаковой). В современном литературном языке для него требуется наречие *совсем* или *уже*: *Я, деточка, совсем было погуб* (Б. Окуджава) или специальная конструкция *чуть было не* с факультативным *было*, о которой см. [Козлов 2015]. В польском языке в этом значении нам встретился плюсквамперфект конъюнктива — что неудивительно, ибо такие контексты по сути ирреальны: *O widzi pan, bylbym zapomniat* (J. Andrzejewski) ‘А, **чуть было совсем не забыл...**’

9. Экспериенциальное значение

С неактуальным прошедшим связано и употребление плюсквамперфекта, казалось бы, в противоположном значении — экспериенциальном. Дело в том, что чаще всего здесь речь идет о прошлом опыте человека, который отменяется недавней ситуацией (так называемый «неактуальный экспериенциал» [Вострикова 2010]): *и прослави Бѣ . ѿ бывшемъ не бѣ бо нѣкоторыи князь . Роускыи воевалъ землѣ . Чѣшьское* ‘и прославил [после похода в Чехию] Господа за все случившееся, ибо [еще] ни один русский князь не воевал чешскую землю’ (Галицко-Волынская летопись по Ипат., 1254, л. 276об.). Это значение хорошо иллюстрируется болгарскими, македонскими и сербскими примерами из анкеты RQRQ: *Никога не сѣм пил вино / Јас никогаш немам пиено вино / Ја никад нисам пио вино* (перфект) ‘Я никогда не **пил** вина [и сейчас не буду]’; *Никога не бях пил вино / Никогаш немав пиено / Ја никада нисам био пио вино*². ‘[Попробовав первый раз вино]. Я никог-

² Различие проведено только в части сербских и хорватских анкет; в анкетах других информантов оба контекста переводятся одинаково.

да не **пил** вина'. Ср. также в зависимом предложении: *И изведньѣж ми се стори странно, че досега не **бях чул** нищо за него* [Ницолова 2009: 125] 'И вдруг мне показалось странным, что до сих пор я не **слышал** ничего о нем', или, с эксплицитным противопоставлением позднешему опыту: *Да, аз убих двама души турци; аз, който муха не **бях убивал*** (И. Вазов) 'Да, я убил двух турок, я, который (раньше) и мухи не **убивал**' (ср. аналогичный пример с тем же глаголом из того же автора [Маслов 1956: 242]).

В дальнейшем значение «неактуального экспериенциала» может распространяться и на экспериенциальность в целом, что объясняет выбор плюсквамперфекта во многих языках мира. Восточнославянский сверхсложный плюсквамперфект сохраняет экспериенциальные значения в западноукраинских [Толстая 2000] и русских говорах [Пожарицкая 2015]. Интересен пример из параллельного корпуса: *Ale spytaj się swego ojca, w jakie położenie **popadł był** kiedyś, kiedy to zamierzał zstępować...dźwigać...* [Eliza Orzeszkowa. Nad Niemnem (1886–1887)] 'Но спроси у своего отца, в какое положение *попал* он однажды, когда **вздумал было** просвещать народ... снисходить к нему?' (пер. В. Лаврова, 1896 г.): здесь при переводе на русский язык частица *было* добавлена к глаголу попытки (что для польского языка не характерно), а польский плюсквамперфект ('была такая ситуация, что он попал') переведен простым прошедшим. В следующем примере из многоязычного корпуса акцентируется повтор некоторого действия в прошлом — так называемый ямитив (термин Э. Даля, от лат. iam 'уже'). Здесь форма встречается в том числе в языках со «слабым» плюсквамперфектом — хорватском и белорусском, а также в привлеченном для типологического фона литовском:

Английский: «*Many happy returns of the day,*» called out Pooh, forgetting that he **had said** it already 'Желаю много-много счастья! — кричал Пух, очевидно забыв, что он уже это **говорил**' (пер. Б. Заходера; обратим внимание на общефактический несовершенный вид).

Литовский: — *Širdingai linkiu tau viso labo! — šaukė Pūkuotukas, visai užmiršęs, kad šiandien jau **buvo sakęs** tą patį.*

Белорусский: — *Зычу здароўя і радасьці, — усклікнуў Пых, забыўшыся, што ён ужо **навіннаваў быў** Іа раней.*

Хорватский: — *Moje iskrene želje za tvoj rođendan — dovikivao je, zaboravivši da **je** ovo već **bio rekao**.*

10. Дискурсивные функции

Несомненно, центральное место в употреблении славянского плюсквамперфекта занимают его дискурсивные функции; «плюсквамперфект (в любом языке) — «дискурсивная категория par excellence», для

анализа которого нужен анализ контекста [Петрухин 2008: 214], причем форме могут приписываться различные интерпретации в зависимости от глубины этого контекста (например, могут конкурировать эвиденциальная и ретроспективная интерпретации: [Андріїв 2016]). В [Pogorelec 1961] отмечается, что словенский плюсквамперфект, акцентируя внимание читателя на соотношении событий, примыкает скорее к «экспрессивным» формам глагола (наклонения, пассив), нежели к собственно временным. В целом в языках мира плюсквамперфект (и показатели ретроспективного сдвига) маркируют ситуации, выпадающие из общей нарративной цепи, причем выполняют две противоположные функции — как выдвигения ситуаций на передний план (*foregrounding*), так и изложения фоновой информации (*backgrounding*), в том числе дигрессивных фрагментов [Плунгян 2004]. Известен даже случай (средневековая испанская повесть «Граф Луканор», [Klein-Andreu 1991; Петрухин 2004б]), где в тексте выступают две формы плюсквамперфекта, одна из которых отвечает за фоновую информацию (старая синтетическая форма на *-ra*), а другая за актуализацию (новая аналитическая). Как несколько импрессионистически отметил П.-Л. Тома, сербохорватский плюсквамперфект «задерживает читательское внимание и вводит элемент напряжения» [Thomas 2004]; сходное употребление (маркирование «темпа» повествования) наблюдается, например, в современной итальянской прозе [Bertinetto 2014].

В древнерусских текстах «летописец использует плюсквамперфект в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переключить внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [Петрухин 2008: 231] (ср. также [Скачедубова 2016: 282–283]); в текстах на «простой мове» «маркирует в рассказе о некотором происшествии начальную точку его сюжета, акцентируя внимание на этой “завязке”» [Жукова, Шевелева 2010: 185].

С типологической точки зрения плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг являются одними из главных способов выразить дискурсивную функцию «сдвиг начальной точки» [Сичинава 2013: 104–124] — частный случай *backgrounding*, маркирование начала рассказа. Классическим остатком этой функции является сказочная формула *жили-были* [Петрухин 2007]. Зачинная функция известна и в древнерусских берестяных грамотах, и в белорусских говорах [Сичинава 2013: 308]. В словенской Библии XVI в. [Merše 1997: 13] плюсквамперфект маркирует первое звено «цепи событий» (пример начала эпизода: «Рувим пошел (*je pak bil šal*) во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей», Быт. 30:14).

Существует правдоподобная гипотеза, согласно которой у плюсквамперфекта есть и симметричная функция подведения итогов и «суммирования» повествования в эпилоге (ср. на материале немецкого и украинского языков: [Андріїв 2016: 104–105]), однако для ее доказательства нужно больше примеров и типологического контекста.

11. Информационная структура предложения

Последние исследования на материале корпуса показывают [Сичинава 2018a], что русское *было* является показателем фокусного (рематического) выделения глагола в предложении (ср. схожие выводы с иной аргументацией в [Попова-Боттино 2009]). Порядок слов VS типа *пошел было Пётр* связан с дислокацией ремы (ср. [Падучева 2016]), с комментированием прямой речи и рядом других особых случаев, в том числе с «тетическими» нерасчлененными предложениями, вводящими объект в рассмотрение (именно такой порядок засвидетельствован в предложениях, вводящих объект в рассмотрение при помощи плюсквамперфекта, и в древнерусских текстах). В сербохорватских текстах у плюсквамперфекта есть функция маркирования нового («контрастивного») топика [Поповић 2012: 135]: *Четрдесет девете на првенству Србије у валтер-категорији био сам велики фаворит, али сам елиминисан још у предтакмичењу: он ме је тобио пресео*. Та же форма оставлена и в украинском переводе: *У сорок дев'ятому на чемпіонаті Сербії в середній категорії я був великим фаворитом, але був вилучений ще у відбірковому: це він мене був перестрів*. 'В сорок девятом на чемпионате Сербии в средней категории я был большим фаворитом, но отсеялся еще на отборочных: это он мне перешел дорогу'. Действительно, выделительное значение сильного акцента, неожиданного действия имеется в украинском языке: *Де вже йому до ікони, коли сюрприз такий викинув, що паски заборонив був пекти...* (М. Кулиш, 1928) 'Где уж ему к иконе, коли сюрприз такой выкинул — куличи запретил вдруг печь...'.

Акцентное выделение сочетается и со значением предшествования или результата в прошедшем. Так, в словенском языке плюсквамперфект особо контрастивно выделяет результат действия в прошлом: *Od daleč je bila prišla mati; iz vasi je prišla...* (I. Sankar) 'Издали пришла мать, пришла из деревни' (в первом случае подчеркивается самоотверженность персонажа) [Pogorelec 1961].

12. Ирреальность

Типологически известны также неиндикативные употребления плюсквамперфекта: модальные (а именно ирреальные) и эвиденциальные. Первые распространены прежде всего в аподосисе и/или протасисе

контрфактического условного предложения — согласно [Плунгян 2004], здесь они диахронически связаны с дигрессией и выбором между различными возможными цепочками событий. Славянские языки демонстрируют тут большое разнообразие. В болгарском языке используется обычный плюсквамперфект в протасисе контрактивного предложения, как в языках средневропейского стандарта (*Ако беше дошъл навреме, нямаше да загубим* ‘Если **бы** ты **пришел** вовремя, мы бы не проиграли’, из анкеты), известны такие случаи и в верхнелужицком, хотя и не закреплены нормой [Werner 1996: 138], в боснийском — факультативный кондиционал плюсквамперфекта в аподосисе (то же предложение: *Da si došao na vrijeme, ne bismo (bili) izgubili*), в словенском — он же в протасисе (*Če bi bila vedela, kako so dobre, bi jih več kupila* ‘Если **бы** (я) **знала**, какие они хорошие, купила бы их больше’, пример сообщен М. Ухликом), в украинском — он же в обеих частях предложения (*Коли б Леон учув був таку бесіду при других, він би, певно, був насміявся з неї* (І. Франко) ‘Если бы Леон **услышал** эти слова при других, он, наверно, **посмеялся бы** над ними’). Контрфактические употребления (как и в неславянских языках, например нидерландском или шведском, [Сичинава 2013: 34]) могут выступать и вне условной конструкции, ср. пример из изданной в 1932 г. во Львове «Голубой комнаты» П. Мериме в переводе В. Софронива: — *Левку, яке щастя! Ніколи не булаб я тебе пізнала під тими темними шклями. — Яке щастя! — сказав Левко. — Ніколи не був би я пізнав тебе під цим чорним серпанком. — Леон, Леон, какое счастье! Я никогда **бы** вас не **узнала** в этих синих очках! — Какое счастье! — ответил Леон. — Я **бы** никогда не **узнал** вас под этим черным вуалем!*’ (рус. пер. М. Кузмина³). Ирреальные употребления кондиционала имеются в современном чешском, словацком, польском, где в иных контекстах плюсквамперфект практически не встречается, ср. чешский пример (в параллель с аналогичным словенским) из многоязычного корпуса:

Словенский: *Vsak izmed vas — razen Zajca, Sove in Kenge — bi bil storil isto.*

Чешский: *Kdokoli z vás — až na Sovu, Králička a Klokánici — by byl učinil totéž.*

‘Любой из вас, за исключением Кролика, Совы и Кенги, на моем месте **поступил бы** точно так же’.

Редкая праславянская форма плюсквамперфекта на *by* дала начало и самому славянскому условному наклонению, выступающему, как правило, в обеих частях ирреального условного предложения (см. под-

³ В оригинале Мериме использована форма Conditionnel passé: *Léon, quel bonheur! Jamais je ne vous aurais reconnu sous ces lunettes bleues. — Quel bonheur! dit Léon. Jamais je ne vous aurais reconnue sous ce voile noir.*

робнее [Сичинава 2004; Крысько 2011]). В словенских пограничных диалектах как ирреальная форма грамматикализуется плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола (по-видимому, под итальянским влиянием: [Benacchio 2002; Петрухин 2004в]).

Сверхсложная форма в чистом виде (без **by*) выступает в ирреальной функции реже; это явление отмечено в словенских бовецких (северо-запад страны, ср., например, [Ivančič Kutin 2004: 181–182]) диалектах: *Saj sem bila rada šla, pa nimam avta* ‘Потому что я бы туда с удовольствием поехала, но у меня нет машины’.

В польском (а также в украинском и белорусском; об украинском подробнее см. [Андріїв 2016: 145 и след.]) плюсквамперфект оформляет прошедшее время модальных глаголов (*Ulewa musiała była przejść* ‘Дождь, **должно быть**, перестал’); подобная ненормативная форма (*могло было, следовало было*) известна и в русском. Кроме того, на восточнославянской территории плюсквамперфект кодирует такие разные модальные функции, как вполне обычное типологически смягчение категоричности и вежливую просьбу (украинский, русский язык XVIII в.: *Я пришесть-было къ тебѣ за тѣмъ, чтобъ услышать, какъ мнѣ можно быть щастливымъ* [Московский журнал, II (1791)]), так и грубое пожелание-проклятие (укр. *Щоб ти зів'яв був, невіглазе, як та морковочка...!* (О. Довженко) ‘Чтоб ты завял, невежда, как та морковочка...!’; бел. *Бадай ты спрогся быў, тупіца!* (Я. Колас) ‘Чтоб ты изжарился, тупица!’). Оптитивное употребление плюсквамперфекта известно в верхнелужицком, хотя и не вошло в литературную норму [Werner 1996 : 138]. Значения вежливой просьбы (*Бях ви помолити да ми запазите една книга* ‘Я бы хотел взять у вас почитать одну книгу’), «мягкого императива» (*Да бяхте поспали малко!* ‘Поспали бы вы немножко!’) и ирреального оптитива (*Ех, да бях се родил тогава!* ‘Эх, родился бы я тогда!’) отмечены в болгарском [Movchan 2013: 115–117].

13. Эвиденциальность

Эвиденциализация плюсквамперфекта распространена в южнославянских языках, где схожее развитие претерпевает сама I-форма (они входят в балканский ареал, а тот, в свою очередь, в так называемый эвиденциальный пояс Старого Света; ср. в ареальном контексте, в том числе западноевропейском, [Levin-Steinmann 2004]). Прежде всего это болгарский язык, где сверхсложная форма типа (*e*) *бил чел* отвечает за ряд эвиденциальных значений в плане прошедшего (ренарратив, конклюдив, дубитатив). Ср. знаменитый пример Л. Андрейчина, где выражено недоверие сообщаемой информации: *Война няма. Аз не съм чувал да има война. — Нямало било война! Вземи вестника и ще видиш...* (цит. по [Фридман 1983: 121]) ‘Войны нет. Я не слышал, чтобы

была война. — Ну да, как же, «**нет войны**»! Возьми газету и увидишь...», причем обычный плюсквамперфект не может описывать информацию, которая ставится под сомнение: **Иван ми каза, че Петър беше дошъл, но аз не вярвам* ‘Иван сказал мне, что Петр **пришел**, но я не верю’. В македонском языке сверхсложная форма носит эвиденциализированный и маргинальный характер: один из информантов в исследовании [Graves 2000: 493] употребил ее при сочетании значений ‘аннулированный результат’ и ‘эвиденциальность’. За первое значение отвечает македонский перфект с глаголом ‘иметь’, за второе — л-перфект (но без связки): *Koj ja имал изградено оваа кука?* ‘Кто строил этот (разрушенный) дом?’ Возможно, те или иные семантические обертоны, связанные с выражением значения «косвенной засвидетельствованности» (вывода о положении дел на основании наблюдаемых результатов), отмечены и в словенском (ср. [Pogorelec 1961]).

14. Итоги

Возвращаясь к представленным выше данным А. Барентсена [Барентсен 2005а] о частотности плюсквамперфекта в параллельном корпусе, можно дополнительно кратко охарактеризовать преимущественную семантику встретившихся в изученных нами параллельных текстах форм. Только верхнелужицкий (и в меньшей степени болгарский) отражает таксисное употребление, свойственное для средневропейского стандарта. В словенском (западные говоры и архаические употребления) и чешском представлены только ирреальные контексты с плюсквамперфектом кондиционала. В наследниках сербохорватского, македонском и отчасти болгарском важную роль играет результатив в прошедшем и подчеркивание временной последовательности. В украинском и белорусском формы слишком редки, чтобы сделать определенный вывод об их частотных предпочтениях; русское *было* в большинстве из межъязыковых соответствий с плюсквамперфектом не участвует.

Славянские формы плюсквамперфекта богатый набор типологически известной семантики, в котором центр тяжести переносится с чисто темпоральной ретроспективности (за исключением случаев разрешения неоднозначности) на прагматическую и дискурсивную маркированность (что также известно для плюсквамперфекта типологически).

Литература

- Андріїв 2016 — Андріїв О. Б. Функціонування плюсквамперфекта у німецькій і давноминулому часу в українській мовах. Дис. ... канд. філол. наук. Івано-Франківськ, 2016 (http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_andriiv.pdf).

- Барентсен 2015a — *Барентсен А.* Наблюдения о встречаемости плюсквамперфекта в переводах евангелий на славянские языки // В пространстве лингвистической славистики. Сборник научных статей. В честь 65-летия академика Предрага Пипера. Белград, 2015. С. 135–160.
- Барентсен 2015b — *Барентсен А.* Вид и плюсквамперфект в славянских языках // Аспектуальная семантическая зона: Типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 13–15 ноября 2015 г. Киото, 2015. С. 14–20.
- Вострикова 2010 — *Вострикова Н. В.* Типология средств выражения экспериментального значения. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, 2010.
- Жукова, Шевелева 2010 — *Жукова Т. С., Шевелева М. Н.* «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 171–191.
- Князев 2004 — *Князев Ю. П.* Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 296–304.
- Козлов 2015 — *Козлов А. А.* О механизме грамматикализации конструкции *чуть (было) не* // Доклад на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании», декабрь 2015, МГУ.
- Крысько 2011 — *Крысько В. Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль. Т. II: Указатели. М., 2011. С. 798–837.
- Майсак, Татевосов 2001 — *Майсак Т. А., Татевосов С. Г.* Ядерные формы глагольной парадигмы // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / А. Е. Кибрик (ред.-сост.). М., 2001. С. 345–366.
- Маслов 1956 — *Маслов Ю. С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
- Маслов 1984/2004 — *Маслов Ю. С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984; переиздано: *Маслов Ю. С.* Избранные труды. М., 2004. С. 21–302.
- Молошная 1996 — *Молошная Т. Н.* Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 564–573.
- Ницолова 2009 — *Ницолова Р.* Таксис в болгарском языке // Типология таксисных конструкций / Храковский (ред.) 2009. С. 117–160.
- Падучева 2010 — *Падучева Е. В.* Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 5–25.
- Падучева 2016 — *Падучева Е. В.* Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях / Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). М., 2016. С. 25–75.
- Паулини 1982 — *Паулини Э.* Краткая грамматика словацкого языка. М., 1982.
- Пенькова 2018 — *Пенькова Я. А.* Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности, эволюция // Настоящий сборник.

- Петрухин 2004а — *Петрухин П. В.* Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. 28. 2004. P. 73–107.
- Петрухин 2004б — *Петрухин П. В.* Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность/ Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). М., 2004. С. 313–329.
- Петрухин 2004в — *Петрухин П. В.* Рец. на кн.: Rosanna Benacchio. *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Societa Filologica Friulana, 2002 // *Вопросы языкознания*. 2004. № 6. С. 134–138.
- Петрухин 2007 — *Петрухин П. В.* *Жили-были*: вопрос закрыт? // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 268–282.
- Петрухин 2008 — *Петрухин П. В.* Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: Дискурсивные категории / В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.). М., 2008. С. 213–240.
- Петрухин 2013 — *Петрухин П. В.* К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge*. 1. 2013. S. 74–98.
- Петрухин, Сичинава 2006 — *Петрухин П. В., Сичинава Д. В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*. М., 2006. С. 193–214.
- Плунгян 2001 — *Плунгян В. А.* Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2004 — *Плунгян В. А.* О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 273–291.
- Плунгян 2016 — *Плунгян В. А.* К типологии перфекта в языках мира: предисловие // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XII. Ч. 2. 2016. С. 7–36.
- Пожарицкая 2015 — *Пожарицкая С. К.* Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // *Исследования по славянской диалектологии*. М., 2015. Т. 17. С. 373–403.
- Попова-Боттино 2009 — *Попова-Боттино Т. Л.* Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа // *Вопросы языкознания*. № 4. 2009. С. 72–86.
- Поповић 2012 — *Поповић Љ.* Функције плусквамперфекта у савременом српском и украјинском језику // *Јужнословенски филолог*. LXVIII. 2012. С. 113–145.
- Русановский (ред.) 1986 — *Украинская грамматика* / Русановский В. М. (ред.). Київ, 1986.
- Сичинава 2004 — *Сичинава Д. В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292–312.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Сичинава 2016 — *Сичинава Д. В.* Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XII. Ч. 2. 2016. С. 85–114.

- Сичинава 2018а — *Сичинава Д. В.* Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения // *Rhema — Рема*. 2018. № 1. С. 82–101.
- Сичинава 2018б — *Сичинава Д. В.* Абсолютно-относительные времена и их сочетаемость с видом в истории славянских языков // *La relation temps/ aspect: approches typologique et contrastive* / Milliaressi T. (ed.). Lille, 2018. P. 93–99.
- Сичинава 2018в, в печати — *Сичинава Д. В.* Славянский плюсквамперфект: пространство возможностей // *Вопросы языкознания*. 2018 (в печати).
- Скачедубова 2016 — *Скачедубова М. В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016»*. Вып. 3. М., 2016. С. 280–289.
- Стевановић 1969/1989 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик: граматички системи и књижевнojeзичка норма. II. Синтакса. 4 издање. Београд, 1989 (1 изд. 1969)
- Тер-Аванесова 2016 — *Тер-Аванесова А. В.* Формы, восходящие к плюсквамперфекту, в муромских говорах. Рукопись.
- Толстая 2000 — *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балто-славянские исследования 1998–1999*. [Вып.] 14. М., 2000. С. 134–143.
- Фридман 1983 — *Фридман В.* Значение на отдавна минало време за историята на българския език // *Исторически развой на българския език*. Доклады. Т. 1. София, 1983. С. 111–126.
- Хабургаев 1974 — *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974.
- Хабургаев 1986 — *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1986.
- Храковский (ред.) 2009 — *Типология таксисных конструкций*/Храковский В. С. (ред.). М., 2009.
- Храковский 2015 — *Храковский В. С.* Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках // *Ватрослав Ягич і проблеми слов'язнознавства*: Зб. наук. праць. Київ, 2015. С. 287–298.
- Чернов 1961 — *Чернов В. И.* Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1961.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шевелева 2015 — *Шевелева М. Н.* Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта...» // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 2 (30). С. 180–209.
- Широкова 1961 — *Широкова А. Г.* Чешский язык. М., 1961.
- Barentsen 1986 — *Barentsen A. A.* 1986. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. Amsterdam, 1986. Vol. 8. P. 1–68.
- Benacchio 2002 — *Benacchio R.* I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Udine, 2002.

- Berger 2012 — *Berger T.* Tempus und Aspekt im Tschechischen der Wiedergeburtzeit // Vortrag auf dem 11. Deutschen Slavistentag. Leipzig, 4. Oktober 2012 (материалы доступны на странице <http://www.slavistik.uni-tuebingen.de/m/berger/handouts.html>).
- Bertinetto 2014 — *Bertinetto P. M.* Non-conventional uses of the Pluperfect in the Italian (and German) literary prose // *Evolution in Romance Verbal Systems* / Labeau E., Bres J. (ed.). Bern etc., 2014. P. 145–170.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl 1985 — *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Faßke, Michalk 1981 — *Faßke H., Michalk S.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
- Graves 2000 — *Graves N.* Macedonian — a language with three perfects? // *Tense and Aspect in the Languages of Europe* / Dahl Ö. (ed.). Berlin; New York, 2000. P. 479–494.
- Havránek, Jedlička 1960 — *Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha, 1960.
- Herrity 2000 — *Herrity P.* Slovene: A Comprehensive Grammar. London, 2000.
- Horák 1964 — *Horák E.* Predminulý čas v slovenčine // *Slovenská reč*. 1964. R. 29. № 5.
- Ivančič Kutin 2004 — *Ivančič Kutin B.* 2004. Pripovedovalci in njihove pripovedi na Bovškem // *Bovški zbornik: ob 800-letnici prve pisne omembe župnije Bovec*. Tolmin, 2004. S. 179–196.
- Kagan 2011 — *Kagan O.* The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*. Vol. 34. 2011. P. 57–84.
- Klein-Andreu 2011 — *Klein-Andreu F.* Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of -ra in Spanish // *Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance* / Fleischman S., Vaughn L. (eds.). London, 1991. 164–178.
- Klemensiewicz 1985 — *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Levin-Steinmann 2004 — *Levin-Steinmann A.* Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen *l*-Periphrase. München, 2004.
- Merše 1997 — *Merše M.* Predpreteklik v Dalmatinovi Bibliji // *Jezikoslovni zapiski*. Letn. 3. št. 1. 1997. S. 9–24.
- Movchan 2013 — *Movchan Y.* Das Plusquamperfekt im Ukrainischen im Vergleich zum Bulgarischen // *Anzeiger für slawische Philologie*. XLI. 2013. S. 109–131.
- MSJ 1966 — *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava, 1966.
- Plungian, Auwera 2006 — *Plungian V., van der Auwera J.* Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals*. Vol. 59. 4. 2006. P. 317–349.
- PMČ 2008 — *Průruční mluvnice češtiny*. Praha, 2008.
- Pogorelec 1961 — *Pogorelec B.* O pluskvamperfektu v knjižni slovenščini // *Jezik in slovstvo*. L. 6, Št. 5. 1961. S. 152–160.
- Saloni 2007 — *Saloni Z.* Czasownik polski: odmiana, słownik. Warszawa, 2007.
- Silić, Pranjković 2007 — *Silić J., Pranjković I.* Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 2007.

- Squartini 1999 — *Squartini M.* On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology* 3. 1999. P. 51–89.
- Thomas 2000 — *Thomas P.-L.* Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // *Passe et parfait (Cahiers Chronos, 6)* / Carlier A., Lagae V., Benninger C. (eds.). Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 117–131.
- Thomas 2004 — *Thomas P.-L.* Плусквамперфекат — жива граматичка категорија савременог српског језика? // *Научни скуп слависта у Вукове дане.* 33/1. 2004. С. 111–122.
- Toporišič 2000 — *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Četrta izdaja. Maribor, 2000.
- Werner 1996 — *Werner E.* Studien zum sorbischen Verbum. Bautzen, 1996.

III.

ОСТРОВНЫЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

В последнее время усиливается внимание к славянским островным диалектам, свидетельством чего является, в частности, выход в свет польского коллективного труда [Słowiańskie wyspy... 2013] и монографии А. А. Плотниковой [Плотникова 2016], в которых понятие «островной ареал» используется не только в лингвистическом, но и в этнолингвистическом аспекте.

Западнославянские островные диалекты в России представлены польскими и чешскими говорами. Описание этих островных диалектов (т. е. образующих отдельные анклавы, существующие в условиях иноязычного — в данном случае русского — окружения) включает в себя решение трехчастного комплекса задач типологического характера:

1. установление типа миграционного процесса, в результате которого возник данный анклав;
2. лингвистическое описание говоров, репрезентирующих выделенные анклавы;
3. выявление закономерностей взаимодействия западнославянских островных диалектов с русским идиомом, в окружении которого они функционируют.

Как показало изучение современных западнославянских говоров на территории России, причины их образования (тип миграции) сходны для польских и чешских анклавов. Во всех случаях это была миграция, имевшая добровольный и экономический характер. Переселение происходило из районов, где у крестьян было мало земли или ее вообще не было, а также вследствие безработицы. Так, один из польских анклавов в Сибири (д. Вершина Боханского р-на Иркутской обл.)

*Наталья Евгеньевна Ананьева,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва)*
*Сергей Сергеевич Скорвид,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт славяноведения РАН (Москва)*

возник в результате переселения сюда утративших работу из-за кризиса 1905 г. жителей Домбровского угольного бассейна, относящегося исторически к Малой Польше, а в настоящее время — к Силезии. Добровольный характер миграции польского населения в Сибирь отличает ее, например, от принудительного перемещения носителей польских говоров с территории Украины в Казахстан в конце 30-х годов XX в., когда, в частности, возникли польские села Озерное и Степное под Кокчетавом (совр. Кокчетаяу).

Миграция с «материнских» территорий носителей западнославянских островных диалектов в России не была связана с причинами конфессионального характера (в отличие, например, от переселения русских старообрядцев в Польшу, в Латгалию или в Латинскую Америку). Большинство чешских и польских переселенцев исповедовали католицизм. Вследствие закрытия в 30-е годы XX в. костелов многие их потомки (например, старшее и среднее поколение поляков в д. Вершина) стали атеистами. В 90-е годы XX в. начинается возрождение польских католических приходов, восстанавливаются старые, построенные еще первыми переселенцами костелы (св. Станислава в Вершине, св. Антония в д. Белосток Кривошеинского р-на Томской обл. — последний, к сожалению, в 2017 г. сгорел). В силу незнания местными жителями латиницы распространяемые среди населения тексты католических молитв могли записываться кириллицей: например у чехов в Омской обл. и у поляков в д. Вершина¹.

Исключение из стереотипного представления о поляке как о католике составляют жители дд. Знаменка и Александровка в Западной Сибири — потомки переселенцев с традиционно протестантских территорий в бывшей Восточной Пруссии. Первоначально лютеране, они в период после Второй мировой войны массово переходили в баптизм.

Много общего между польскими и чешскими островными диалектами выявляет изучение их взаимодействия с русским языком в его литературной и диалектной формах. В отличие от современных западнославянских диалектов, функционирующих на исконной территории, которые испытывают воздействие соответствующего — идентичного им по своей языковой основе — литературного языка либо других диалектов того же этнического языка (*гомогенный* тип контакта), на островные западнославянские говоры влияет иноязычный, хотя и близкородственный идиом (*гетерогенный* тип контакта). Конкретный материал, приводимый ниже, демонстрирует сходство результатов данного гетерогенного типа контакта для польских и чешских островных говоров.

¹ О функционировании польских молитвенных текстов на гражданском варианте кириллицы см. [Ananiewa 2013].

В данной работе впервые предлагается конфронтативное описание польских и чешских переселенческих говоров на территории России с выявлением их исторической «прародины».

I

Польские анклавы на территории России представлены в сибирском регионе. На сегодняшний день выявлены три типа островных польских говоров, предки носителей которых переселились в Сибирь из разных частей Польши, с чем связаны и их лингвистические характеристики. Первый тип относится к северо-восточной разновидности польского периферийного диалекта, образовавшейся на белорусско-литовской территории с участием восточнославянского и балтийского элементов (остатки такого диалекта сохранились в д. Белосток; судя по отдельным лексемам, такая же разновидность польского языка функционировала некогда в д. Малиновка под Барнаулом). Второй тип — это генетически юго-западный, малопольско-силезский диалект д. Вершина, носители которого численностью до 200 чел. являются, как было указано, потомками переселенцев из района Домбровского угольного бассейна. Третий территориально-лингвистический тип представлен насчитывающим около 60 носителей диалектом дд. Знаменка и Александровка, находящихся на противоположных берегах реки Енисей и отстоящих друг от друга на 80 км (административно Знаменка относится к Хакасии, а Александровка — к Красноярскому краю). По происхождению это мазурский диалект — один из северо-восточных говоров мазовецкой группы.

Польские диалектные анклавы в Сибири начали возникать со второй половины XIX в. Так, одно из старейших в Сибири польских поселений д. Александровка образовалось в 1897 г., а д. Вершина — в 1910 г. Из Александровки вследствие причин социально-экономического характера большая часть носителей польского диалекта после Второй мировой войны переселилась в ранее русскоязычную д. Знаменка, которая с этого времени также является составляющей полоноязычного анклава.

Ряд информантов утверждает, что до поселения в Александровке их предки некоторое время проживали на территории Вольни и Подолья, однако сколько-нибудь заметных следов их контакта с украинским языковым окружением (возможно, вследствие непродолжительности пребывания носителей мазурского диалекта на Украине или замкнутого характера их сообщества) не обнаружено. Зато в речи жителей Знаменки-Александровки отражены, главным образом в лексике, результаты длительных контактов с немецким идиомом, возникших еще на территории распространения «материнского» диалекта в Пруссии и

продолжавшихся на новом месте проживания, куда вместе с мазурами переселялись и носители немецких диалектов. Появление в Сибири смешанных польско-немецких браков также создавало благоприятные условия для такого взаимодействия.

Северо-восточная разновидность периферийного (так называемого кресового) польского диалекта, реликтом которой является идиолект жительницы д. Белосток М. Маркиш, подробно описана в литературе, поэтому мы здесь ограничимся лишь констатацией того факта, что некоторые польские островные диалекты в Сибири (например белостокский) относятся к данному типу². Особенности вершинского и знаменско-александровского говоров с конца 90-х годов XX в. также стали предметом анализа в ряде публикаций (например [Гольцекер 1989; Гольцекер 1991; Decyk 1995; Decyk 1997; Figura 2003; Пасько 2011; Głuszkowski 2011; Ананьева 2011; Ananiewa 2012; Ананьева 2013а; 2013б; 2015; Ananiewa 2015; Stupiński 2008; Stupiński 2009а; Umińska 2013]), а о говоре д. Вершина даже издана монография [Mitrenga-Ulitina 2015], где описывается прежде всего его синхронное состояние. Фонетические особенности говора Александровки и Знаменки как идиома мазурского типа исследовал в своей кандидатской диссертации Е. Ступинский [Stupiński 2009b].

В говорах переселенцев с этнически польских территорий нас в первую очередь интересуют признаки «материнского» диалекта, которые и позволяют определить генетический тип говора. Южнопольский диалект д. Вершина и севернопольский говор дд. Знаменка и Александровка дают богатый материал для конформативного описания этих диалектов с опорой на шкалу дифференциальных признаков К. Нитча, релевантную для старых племенных диалектов, однако не существенную для «кресовых» говоров. При сопоставлении мы учитываем не только фонетические признаки, но также некоторые морфологические, словообразовательные и лексические особенности. В ходе анализа мы опираемся на материал, записанный в д. Вершина в 2010 г. и в Знаменке-Александровке в 2013 г. Мы также используем данные из обширного текстового приложения к диссертации Е. Ступинского, снабжая их ссылкой на работу или ставя букву С. после приведенного примера.

Как в Вершине, так и в Знаменке-Александровке на польском диалекте говорят в основном представители старшего и среднего поколений. Все они билингвы: владеют польским и русским языками, что способствует их частому переходу в ходе беседы с интервьюером с одного языкового кода на другой и функционированию в их польской речи значительного числа русскоязычных цитат.

² Об отдельных «кресовых» чертах в речи единственной в настоящее время носительницы польского белостокского диалекта М. Маркиш см. также [Ананьева 2013б].

Дети общаются между собой по-русски. Не случайно, что записи Е. Ступинского из Знаменки и Александровки получены от 33 носителей (большей частью носительниц) диалекта в возрасте от 50 до 91 года, за исключением единственной восемнадцатилетней информантки [Stupiński 2009b: 16]. Приведем высказывание одной из собеседниц Е. Ступинского о том, что дети не говорят по-польски, хотя и понимают польский язык, (причем речь самой диалектоносительницы также изобилует русизмами)³: *no u nas v deřevně vosnovn'om gadajaŋo na ruskim jazyku. no jeřli mi fřtřecami Polakuf, s Polakami gadaŋi po polsku. moje řeči uŋi poimovajŋo po polsku. uni tak ře ispolzujuť jazyk, no řesli mi opřaimřa, to uni poŋimajuť ten jazyk. vosnovn'om uni na ruskom jazyku i na tym jazyku...* [Stupiński 2009b: 225].

Эта ситуация свидетельствует о том, что в будущем полоноязычные анклавы в д. Вершина и дд. Знаменка-Александровка могут исчезнуть, разделив судьбу белостокского говора и других польских говоров за пределами Польши (например польского говора с. Поляцкое под Николаевом на Украине, о котором в настоящее время напоминает только комоним [Anapiewa 2007], или целого ряда польских сибирских сел). Так, С. Леончик, занимающийся историей образования польских анклавов в Сибири, отмечает, что из 59 польских сел «до настоящего дня сохранилось семь» [Новая Польша 2017, № 7–8: 31]. Такое положение дел стимулирует к скорейшему обследованию других сибирских пунктов, в которых проживало (или проживает?) полоноязычное население. Кроме обследованных Александровки, Знаменки, Вершины и Белостока, С. Леончик упоминает также Виленку и Канок в Красноярском крае и Десподзиновку в Омской обл.

Перейдем непосредственно к конфронтативному описанию польских диалектов д. Вершина и дд. Знаменка и Александровка, локализующихся в Восточной и в Западной Сибири (сокращенно ВСПв и ЗСПз/а). При этом используемые нами далее определения «южный», «юго-западный», «малопольско-силезкий» для ВСПв и «северный», «северо-восточный», «мазовецкий», «мазурский» для ЗСПз/а будут относиться к их генетической характеристике.

³ Фрагменты записей и примеры Е. Ступинского даются в авторской транскрипции. В других случаях применяется транскрипция, традиционная для записи польских и — во второй части работы — чешских диалектных текстов с некоторыми отступлениями. В частности, мягкость согласных в польских примерах передается, как правило, надстрочным знаком, за исключением *ł, ł', d', s' z'*, а в чешских — последовательно апострофом; это касается и записи *n'* (в польских примерах — соответственно *ń*). Ударение обозначается знаком ' перед ударным гласным, главным образом в русизмах и в некоторых других словах, где его место отличается от регулярного (на предпоследнем слоге в польских говорах и на первом в чешских).

1. В ВСПв представлен гласный *o*, возникший на месте **ā*, а также в результате аналогических процессов: *trova* — лит. trawa ‘трава’, *cytom* — лит. czytam ‘я читаю’, *jo* — лит. ja ‘я’, *tylė lot* — лит. tyle lat ‘столько лет’, *copki* — лит. czapki ‘шапки’, *mo tam syna* — лит. ma tam syna ‘у нее там сын’, *dovno* — лит. dawno ‘давно’, *dovnij* — лит. dawniej ‘раньше’, *v gorku* — лит. w garnku ‘в горшке, в кастрюле’, *zbiromy* — лит. zbieramy ‘мы собираем’, *meškoce* — лит. mieszkacie ‘вы живете, проживаете’, *pocekojće* — лит. poczekajcie ‘подождите’, *določ* — лит. dolać ‘долить’, *pňok* — лит. pniak ‘пень’, *ľoska* — лит. laska ‘палка’, *čostka* — лит. ciastka ‘пирожные, печенье’, *pokože* — лит. pokažę ‘я покажу’, *zočirka* — лит. zacierka ‘похлебка из кусочков теста, сваренных в воде или в молоке’, *kšok* — лит. krzak ‘куст’, *žiko* — лит. dzika ‘дикая’ (ср. в названии растения *žiko fša*), *bapsko* — лит. babska ‘женская’, *Novok (Novoki sum)* — лит. Nowak (фамилия) и мн. др. В ЗСПз/а континуанты **ā* и **ā* в подавляющем большинстве случаев слились в звуке *a*: *ja* = лит. ja, *lat* = лит. lat, *pomagam* = лит. pomagam ‘я помогаю’, *gada* = лит. gada ‘разговаривает’, ‘болтает’ и т. п.

Разная континуация **ā* и **ā* в ВСПв и ЗСПз/а приводит также к дифференциации в них морфологических и словообразовательных показателей: например, вокалических компонентов презентных показателей глаголов, соответствующих глаголам *am*-спряжения литературного языка (ср. в ВСПв *cytom* // *cytum* — о переходе *oN* = *uN* см. ниже; *cyto* — *cyta* и т. д.), или феминативных суффиксов, с помощью которых образуются фамилии женщин от фамилии или имени мужа (ВСПв: *Sojino* — от *Soja*, *Myckovo* — от *Mycek*; ЗСПз/а: *Kruskova*, *Syskova*).

2. В обоих говорах отмечается гласный *i* или *y*, возникший на месте **ē* и как результат аналогии, а также представлено сужение *e* перед носовым согласным. Примеры: *dopiro* — лит. dopiero ‘только’, *piñinzy* — лит. pieniędzy (род. мн.) ‘денег’, *jo ñe vim* — лит. ja nie wiem ‘я не знаю’, *žih* — лит. dzień ‘день’, *xlip* // *xlyp* — лит. chleb ‘хлеб’, *ožyñil se* — лит. ożenił się ‘женится’, *tyš* — лит. też ‘также’, *tyñ* — лит. ten ‘этот’ (ВСПв); *ni ma* (// *ñe*) ‘нет, букв. не имеет’, *xlip* — лит. chleb ‘хлеб’, *jicta* — лит. jedzcie ‘ешьте’, *bžidno* — лит. biednie ‘бедно’, *špšivac* — лит. śpiewać ‘петь’, *kobžyta* — лит. kobieta ‘женщина’, *ñita* — лит. wiecie ‘вы знаете’, *mliko* — лит. mleko ‘молоко’, *žyka* — лит. rzeka ‘река’, *drugigo* — лит. drugiego ‘второго’ — ср. формальный русский аналог *другого*, *šidym* — лит. siedem ‘семь’ (ЗСПз/а).

Утверждение Е. Ступинского о преобладании в ЗСПз/а «*e* чистого» (польск. *e jasne*) на месте как старопольского *ē*, так и старопольского *ě*, для континуанта *ē* нам не представляется корректным, тем более что сам он приводит отнюдь не малочисленные примеры с *y/i/yⁱ/e^y/eⁱ* на месте **ē* [Stupinśki 2009b: 29–31].

3. Континуанты **ō*, а также *o* перед носовым согласным в обоих сопоставляемых диалектах имеют суженный характер: *dum* — лит. dom ‘дом’, *do dumu* — лит. do domu ‘домой’, *f tym dumu* — лит. w tym domu ‘в этом доме’, *na kuñax* — лит. na koniach ‘на лошадях’, *po tej struñe* — лит. po tej stronie ‘по этой стороне’, *tumy* — лит. mamy ‘мы имеем, у нас есть’ и *tum* ‘я имею, у меня есть’ (в последних двух случаях **ā > o > u* перед носовым согласным; то же отмечается и в других глаголах диалектного *om*-спряжения: *naživum* — лит. nadziewam ‘надеваю’ и т. п.), *un* — лит. on ‘он’, *una* — лит. ona ‘она’, *uny* — архаизм ony ‘они’, *f tamtym kuñcu* — лит. w tamtym końcu ‘в том конце’, *na kuñcu* — лит. na końcu ‘на конце’, *kumu zešyū* — лит. komu uszył ‘кому сшил’ (ВСПв); *dum* (v *dumu*), *un*, *una*, *uñi*, *strunuf* — лит. stron ‘сторон’, *kuñ* — лит. koń ‘конь, лошадь’ (ЗСПз/а).

Отмечается также сужение *o* после заднеязычных и губных согласных: *pōxovany* — лит. pochowany ‘похороненный’, *vūjuval* — лит. wojował ‘воевал’ (ВСПв); *Pōl’acka* ‘полька’ (ср. рус. разг. *полячка*, польск. лит. Polka), *Pōl’ak* — лит. Polak ‘поляк’, *pōmagam* — лит. pomagam ‘я помогаю’, *kōl’et* ‘котлета’ (ЗСПз/а).

4. В обоих диалектах представлены суженные континуанты носовых гласных, причем в ВСПв отмечена обычная репрезентация конечного континуанта носового заднего ряда бифонемным сочетанием *-um* (реже *-un* или *-o*). Примеры из ВСПв: *řihñzū*, v *rynkaх* — лит. w rękach ‘в руках’, *miñke* — лит. miękkie ‘мягкие’, *fevra’la mešunca* — лит. mėšūnca lūto ‘февраля месяца’, *uny gryzum* // *gryzun* — лит. one gryžā ‘они кусаются’, *pšyvézum* — лит. przywiozā ‘привезут’, *sum* — лит. są ‘суть, являются’, *žimum* — лит. zimą ‘зимой’, *kuxarko byla* — лит. kucharkā byłą ‘была кухаркой’, *gunski nazyvajo* ‘гусеницами называют’ — лит. gąski (иное значение) nazywają; из ЗСПз/а: *mešunc* — лит. mėšūnca ‘месяц’, *žečontko* — лит. dzieciątko ‘ребенок’, *skont* — лит. skąd ‘откуда’, *robžo* — лит. robiā ‘делают’, *krašu* — лит. устар. kraszā ‘красят’, *su* — лит. są ‘суть’, *poľovajo* — лит. polewają ‘поливают’, *beñžeta* — лит. będziecie ‘будете’, *žešeñć* — лит. dziesięć ‘десять’, *jenzyk* // *ijzyk* — лит. język ‘язык’, *žencej* — лит. więcej ‘больше’, *švęnta* // *švynťa* — лит. święta ‘праздники’, на *minso* — лит. na mięso ‘на мясо’. В конце слова континуант носового переднего ряда в обоих говорах обычно представлен в виде *-e*: вин. п. ед. ч. *trove* — лит. trawę ‘траву’, 1 л. ед. ч. презенса *hoze* — лит. chodzę ‘я хожу’ (ВСПв); вин. п. ед. ч. *pušñine* ‘пушнину’ (русизм), *troxe* — лит. trochę ‘немного’, *tam šę rožila ja* — лит. tam się urodziłam ‘я там родилась’, *ja pokaze* — лит. pokażę ‘я покажу’, *prose* — лит. proszę ‘я прошу; пожалуйста’ (ЗСПз/а).

Если в ВСПв повсеместны полидиалектные (в том числе и малопольские) претеритальные формы глаголов на *-(n)qć* типа *vžun* — лит.

wziął, *vžena* — лит. *wzięła, vžėnė* — лит. *wzięli* ‘взял, взяла, взяли’, то в ЗСПз/а зафиксированы только аналоги форм литературного языка.

В ВСПв, с одной стороны, представлено обычное отсутствие ринезма в парадигме будущего времени глагола *być* ‘быть’ (*byde, byżeś* — лит. *bėdę, bėdziesz*), а с другой — формы с вторичной (неэтимологической) носовостью типа *jinžoro* — лит. *jezioro* ‘озеро’, *jangres* — лит. *agrest* ‘крыжовник’, *antrament* — лит. *atrament* ‘чернила’, *myntopyš* — лит. *pietoperz* ‘летучая мышь, нетопырь’. В ЗСПз/а функционируют как формы с носовым в корне парадигмы будущего времени глагола *być*, так и без ринезма (ср. *bežeta robžić* С.). Вторичная носовость зафиксирована только в лексеме *mentryka* (С.) — лит. *metryka* ‘метрика, метрическое свидетельство’.

5. Если в ВСПв различаются *i* и *y*, то в ЗСПз/а представлена типичная черта диалектов севера Польши: слияние *i* и *y* в одном звуке, который имеет разную степень сужения по идиолектам (*i, y*). Гласный *y* отмечается на месте **ē*. Примеры: *skont vi?* — лит. *skąd wy?* ‘откуда вы?’, *mi* — лит. *my* ‘мы’, *sin* — лит. *syn* ‘сын’, *duzi* — лит. *duży* ‘большой’, *pliva* — лит. *pływa* ‘плавает’. Эта особенность влияет на вид флексии 1 л. мн. ч. презенса глаголов ам-спряжения (-*ami*: *sazami* ‘сажаем’, *visazami* ‘высаживаем’, *zabacami* ‘забываем’, *kurami* ‘покупаем’ — польск. лит. *kuپیjemy*).

В ЗСПз/а, далее, отмечается такая полидиалектная особенность, как расширение этимологического *i* перед носовыми согласными и *l, l:* *jem* — лит. *im* ‘им’, *drugėmi* — лит. *drugimi* ‘другими’, *kupseya* — лит. *kupiła* ‘купила’ (С.). Представлены также отдельные случаи изменения *i* в *e* перед другими консонантами (например, перед *x*: *ix* — лит. *ich* ‘их’, *u nex* — лит. *u nich* ‘у них’, *tex* — лит. *tuch*, возможно, под влиянием адаптировавшегося в диалекте русизма *fšex* ‘всех’).

Помимо того в ЗСПз/а зафиксирован широко известный на этнически польской территории переход *i/y* в *u* перед *ц* в глагольных формах 3 л. ед.ч. м. р. прошедшего времени (*buц* — лит. *buł, robžbuц* — лит. *robił, no byłi, robžili, byца, robžiца*).

6. Если в ВСПв представлен совпадающий с литературным способ артикуляции палатального ряда губных (синхронная йотовая артикуляция или выделение *j* после губного), то в ЗСПз/а фиксируется последняя стадия асинхронного типа произношения, при которой фрикативный призвук или отвердевает, или становится единственным континуантом губного палатального (т. е. губная артикуляция утрачивается). Примеры: *kšaty* — лит. *kwiaty* ‘цветы’, *kobžyta* — лит. *kobieta* ‘женщина’, *Žel’ganoc* — лит. *Wielkanoc* ‘Пасха’, *žadro* — лит. *wiadro* ‘ведро’, *žencej* — лит. *więcej* ‘больше’, *žeńa* — лит. *ziemia* ‘земля’, *pañentam* — лит. *pamiętam* ‘я помню’, *pšyžezli* — лит. *przywieźli* ‘привезли’, *muži* — лит. *mówi* ‘говорит’, *ñau* — лит. *miał* ‘имел’, *gotožym*

(русизм 'готовим' — польск. лит. *gotujemy*). Эта особенность не только повлияла на звуковой облик слов, но и повлекла за собой морфологические и морфонологические последствия: функционирование флексии дат. п. ед. ч. м. р. *-ožu < -oū* (в текстах Е. Ступинского однократно отмечено и окончание *-oži*: *cyožekoži* С. из *-oū*) и чередования «твердый губной : *ž*» и «твердый губной : *š*» в парадигме существительных твердой разновидности перед флексией местн. п. ед. ч. *-e* (а у существительных ж. р. и дат. п. ед. ч.): *Moskva ~ v Moskše* (ср.: *v Moskše to kupata mlīko?* 'в Москве вы покупаете молоко?'), *krova ~ krože* (ср.: *po jėdnej krože tšimali* 'по одной корове держали', *na svojej krože* 'на своей корове' С.), *v ěbže* 'в небе' С., *f klubže* 'в клубе', *f cerkši* 'в церкви', *na stepše* 'в степи' С., *v izbže* 'в избе' С., *f Soubže* 'в Солбе' С. (от топонима *Souba*) и т. п. Отмечена также характерная для мазовецких говоров с асинхронным типом произношения палатального ряда губных форма с парадоксальным отверждением *v* в группе **s'v'*: *švūnta* — лит. *švięta*, *šfūņa* С. — лит. *šwinia* 'свинья'.

7. Нарушение оппозиции консонантных рядов *s z c ž*, *š ž ċ ž* и *ś ź ċ ź* представлено в обоих диалектах, хотя в ВСПв — в минимальном объеме. Здесь речь идет лишь о функционировании *s* в соответствии с лит. *ċ* (частичное мазурение, или цеканье): *copka* — лит. *czapka* 'шапка', *vnucka* — лит. *wnuczka* 'внучка' и т. д. Лексикализованные формы *Kustos* (фамилия), *zur* — лит. *žur* 'суп на мучной закваске' и *zarnu* — лит. *žarna* 'жернов' свидетельствуют о некогда более широком распространении мазурения в данном говоре. В ЗСПз/а фиксируются разнообразные нарушения оппозиции трех рядов: 1) полное мазурение — *s*, *z*, *c*, *ž* в соответствии с лит. *š*, *ž*, *ċ*, *ž* (*prose* — лит. *proszę*, *može* — лит. *može* 'может', *duzo* — лит. *dužo* 'много', *ja pokaze* — лит. *pokažę*, *zijo* — лит. *żyją* 'живут', *zabaciłi język* — лит. *zapomnieli język* 'забыли язык', в диалектах без мазурения *zabaczyli*, *obacita* — лит. *zobaczycie* 'увидите', *vnucka* — лит. *wnuczka* и т. п.); 2) «шаканье» — наличие твердых (или полумягких) *š* и *ž* на месте *ž* и *ś*: *šostrā* — лит. *siostra* 'сестра', русизм *fšo*, *fše* 'всё', 'все', *špševajo* — лит. *špiewają* 'поют', *še* — лит. *się* '-ся, -сь', *zaleže* — лит. *zalezie* 'залезет', *ženi* — лит. *ziemi* 'земли', реже встречается *ž* на месте *ź* (*žęšęć* — лит. *dziesięć* 'десять'); 3) в качестве лексикализованного Е. Ступинский отмечает явление «сяканья» (*ć ś ź ź* на месте *ċ š ž ž*), объясняя его сочетанием черт мазовецкого говора и русского идиoma [Stupiński 2009b: 77–78]. Как системное явление «сяканье» характерно для немазуракающих мальборкско-любавского и вармийско-острудского диалектов.

Таким образом, несмотря на мазурение, в ЗСПз/а наблюдается довольно высокая частотность звуков *ž* и *š*, появляющихся в результате асинхронного типа произношения палатальных губных и «шаканья», на месте **ř*, а также в заимствованиях (ср. германизм *šurek* 'мальчик'

или русизм *daže*). Системное мазурение в ЗСПз/а приводит к таким морфологическим последствиям, как, например, функционирование флексий 2 л. ед. ч. презенса *-es, -is, -as* (ср.: *pojažes* — лит. *pojedziesz* ‘поедешь’, *mužis* — лит. *mówisz* ‘говоришь’ и т. д.).

8. Спорадически в ЗСПз/а отмечается архаическое сохранение вибранта в континуанте **r̥*: *r̥ši* — лит. *trzy* ‘три’, *p̥šet* — лит. *przed* ‘перед’ и т. п. В ВСПв подобных примеров не зафиксировано.

9. Звонкому типу сандхи в ВСПв (в том числе в генетически составных формах типа *įezdem* — лит. *jestem* ‘я есть’, *ñuzem* — лит. *niosłem* ‘я нес’) соответствует глухой тип сандхи в ЗСПз/а, совпадающий с типом межсловной фонетики литературного польского языка. Форма *įezdem* отмечена в текстах Е. Ступинского, но в религиозном стихотворном произведении, что не может быть показателем ее местного происхождения (*ñe įezdem ĩa zaden prorok, a įezdem z ĩeba, pravži Buk* ‘я не пророк, я — с неба истинный Бог’ [Stupiński 2009b: 250]).

10. Хотя и в ЗСПз/а встречаются отдельные случаи выпадения согласных (ср. *tera* — лит. *teraz* ‘сейчас’, *jena* — лит. *jedna* ‘одна’, *pšinzų* С. — лит. *pieniędzy* ‘денег’), тем не менее в ВСПв это явление представлено гораздо шире. Особенно часто оно отмечается для согласного *l*: *xop* — лит. *chlōp*, здесь ‘муж’, *sup* — лит. *šlup* ‘столб’.

11. Если в ВСПв отсутствует чередование *e : o* (*metla* — лит. *miotła* ‘метла’, *jedla* — лит. *jodła* ‘ель’, *berē* — лит. *biore* ‘я беру’, *berum* — лит. *biorą* ‘берут’, *ñese* — лит. *niosę* ‘я несю’, *ñesum* — лит. *niosą*, 2 л. ед. ч. императива *ber!* — лит. *bierz!* ‘бери!’), то в ЗСПз/а это чередование распространено даже шире, чем в литературном языке. Альтернант *o* здесь представлен не только перед *t, d, s, z, n, r, l*, но и перед *k*: *pšoke* — лит. *piekę* ‘я пеку’, *pšeces* — лит. *pieczesz* ‘ты печешь’, *pšece* — лит. *piecze* ‘печет’, *pšeceta* — лит. *pieczecie* ‘вы печете’, *pšoko* — лит. *pieką* ‘пекут’; ср. также *oblovajo* — лит. *oblewają* ‘обливают’ (лексически изолированный случай). С другой стороны, в ЗСПз/а отмечаются отдельные примеры с отсутствием чередования *e : a*, например, в парадигме наст.-буд. времени глагола *jechać* и производных от него префиксальных глаголов: 2 л. ед. ч. *pojažes* — лит. *pojedziesz* ‘поедешь’, 3 л. ед. ч. *pšujaže* — лит. *przyjedzie* ‘приедет’, *dojaže* — лит. *dojedzie* ‘доедет’, *pojaže* — лит. *pojedzie* ‘поедет’, 1 л. мн. ч. *pojažem* — лит. *pojedziemy* ‘поедем’ и т. д. В субстантивной парадигме возможно наличие во всех словоформах другого члена чередования *e : a* (ср.: *obžet* — лит. *obiad* ~ по *obžeže*, *žedro* — лит. *wiadro* ‘ведро’ ~ *v žedže*). Впрочем, в этих случаях мы имеем дело, скорее всего, не с результатом аналогического обобщения по основе предложного падежа ед. ч., а с заимствованием гласного из рус. *ведро* и *обед*. Формы *žedro* и *obžet* функционируют наряду с закономерными для ЗСПз/а формами *žadro* и *obžat*.

12. В ЗСПз/а отмечена также типичная для мазовецких говоров форма *śel'i* — лит. *siali* 'сеяли' (с неэтимологическим *e* на месте стяженной группы *-ĕja-). В ВСПв ей соответствует форма *sol'i* (с *o* на месте *ā).

13. В ЗСПз/а зафиксированы формы с мягкими *g* и *k* перед континуантом носового переднего ряда: *moĕe* — лит. *moĕe* 'я могу', вин. п. *Polacke* — лит. *Polķe* 'польку' ('полячку'), *vutķe* С. — лит. *wōdķe* 'водку', местн. п. *v Aleksandrofķe* С. — лит. *do Aleksandrowki* 'в Александровку' и т. п.), что является характерной мазовецкой чертой. В ВСПв перед континуантом носового переднего ряда *g* и *k* твердые (ср. *moge*, вин. п. *muņķe* — лит. *maķe* 'муку', *losķe* — лит. *lasķe* 'палку').

14. В ЗСПз/а отмечаются типичные мазовецкие формы с сужением *a* в *e* после *j* (*jek* — лит. *jak* 'как', *jeķi* — лит. *jaki* 'какой', *jepko* — лит. *jablko* 'яблоко') и в группе *ar* (*pomer*, *pomerli* — лит. *romarł*, *romarli* 'умер, умерли'). Ср. также *ryno* — лит. *raņo* 'утро, утром', где *eN* > *yN*.

15. Типично севернопольскому употреблению числительного *dva* для всех родов в ЗСПз/а (*dva šostry* 'две сестры', *dva gożiny* 'два часа', *dva neżeli* 'две недели', *dva curķi* 'две дочери', *dva żyķi* 'две реки' и *dva domi* 'два дома', *dva braty* 'два брата', *dva żeći* 'двое детей') в ВСПв соответствует совпадающая с ситуацией в литературном языке оппозиция *dva* (м. и ср. р.) ~ *dve* (ж. р.): *dve curķi*.

16. Наличие специфических морфем.

1) Характерной для мазовецких говоров флексии дат. п. ед. ч. м. р. контаминационного происхождения -*ožu* (*u* из **ō*-основ, сегмент *ož* < *oŭ* из **ŭ*-основ) в ЗСПз/а (*ojcožu* 'отцу', *šurkožu* 'мальчику') в ВСПв соответствует совпадающая с литературной флексия **ŭ*-основ -*oŭi* (*pastuxoŭi* 'пастуху', *tatoŭi* 'папе', *kšenzoŭi* 'ксендзу', *biskupoŭi* 'епископу'). В обоих диалектах наряду с флексиями -*ožu* или -*oŭi* употребляется окончание -*u*.

2) Представленному в ВСПв итеративному суффиксу -*uva-* (< *ova*) в ЗСПз/а соответствует -*iva-* (*zapisuwać* × *zapisivać*).

3) В ЗСПз/а отсутствуют образования с суффиксом -*k* типа *do teraska* 'до настоящего времени' (от *teraz* 'сейчас'), характерные для ВСПв.

4) Глагольные окончания презенса и императива в 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.

В ВСПв в 1 л. мн. ч. выступает во всех типах спряжения флексия -*my* (*mytu* — лит. *namu* 'мы имеем, у нас есть', *kuřijimy* — лит. *kuřijemu* 'мы покупаем', *gotovimy* 'мы готовим', польск. лит. *gotujemy*), а в ЗСПз/а флексии дифференцируются в зависимости от типа спряжения: глаголы, соответствующие глаголам 1 и 2 спряжений литературного языка, имеют флексию -*m* (*gotožym* 'мы готовим',

potujim — лит. *potųjėmy* ‘мы помоем’, *važym* — лит. *warzųmy* ‘мы варим’, *my šezim razem* — лит. *razem siedzimy* ‘мы сидим вместе’, *nie żyjim* — лит. *nie żyjemy* ‘мы не живем’ и т. п.), а глаголы ам-спряжения и ем-спряжения — флексии *-ami* и *-emi* (*kupami* ‘мы покупаем’, *visazami* — лит. *wysadzamy* ‘мы высаживаем’, *žemi* — лит. *wieemy* ‘мы знаем’ и т. д.). Во 2-м лице мн. ч. презенса и императива в ВСПв представлена совпадающая с флексией литературного языка морфема *-će*, а в ЗСПз/а — окончание *-ta* (*kupata* ‘вы покупаете’, польск. лит. *kupujecie*, *vita* — лит. *wiecie* ‘вы знаете’, *pšuxoćta* — лит. *przychodźcie* ‘приходите’, *hoćta* — лит. *chodźcie* ‘идите’, *jic̐ta* — лит. *jedzcie* ‘ешьте’, *popróbujta* — лит. *porróbujcie* ‘попробуйте’ и т. д.).

17. К полидиалектным явлениям относится отсутствие в обоих сопоставляемых говорах категории мужского лица. Различие касается форм множественного числа употребляемого в функции форм прошедшего времени генетического причастия на *l* / *l*. Если в ЗСПз/а со всеми существительными употребляются обычно генетические маскулинные формы (*byli*, *chożili* и т. д.), то в ВСПв представлена конкуренция этих форм с генетическими формами женского рода (*były*, *chożyły*). Какой-либо закономерности в распределении этих форм не обнаружено.

18. В каждом из сопоставляемых диалектных анклавов сохранились также типичные лексемы, восходящие к их «материнским» диалектам, в том числе и заимствованные. Малопольские лексемы *xabina* ‘ветка’, *gażina* ‘скот, скотина’, *kaj* ‘где, куда’, *kej* ‘когда’ (и образованные от них неопределенные наречия *kajś* и *kejś*), *tatarcka* ‘гречиха’, малопольско-силезская *żoŕca* ‘девочка, девушка’, полидиалектный (в том числе и малопольский) архаизм *bez* — лит. *przez* ‘через’, словакизмы *цохуће* ‘голубика’, *rusy* ‘тараканы’, *modżyń* ‘лиственница’, германизмы *buŕk* ‘внебрачный ребенок’ и *fest* ‘крепко, сильно; быстро’, *Lejki* — второй день Пасхи (польск. *lany poniedziałek*), название блюда *pażibroda* ‘капуста, приготовленная на молоке’, *plaxta* ‘простыня’, *łaxu* ‘белье’, *gunska* ‘гусеница’ и др. распространены в ВСПв. Лексемы *kokosa* ‘курица’ (< *kokosz*), *bencyk* ‘живот’, *prosek* ‘приглашающий на свадьбу’ (< *proszek*), *zabacać* ‘забывать’, *fčunĭ* — лит. *wciąŭ* ‘постоянно’, *tlo* ‘только’, *xexlać* ‘стирать’ (ср. *še viŭexlami* [Stupiński 2009b: 209], диалектные архаизмы (некогда известные и литературному польскому языку) *śila* ‘много’, *ħizo* — устар. лит. *hyžo* ‘быстро’, *pólbrat* ‘единоутробный брат’, *obacić* ‘увидеть’, *ostać* ‘(о)стать(ся)’, многочисленные локальные германизмы характерны для ЗСПз/а. О лексических германизмах *gruska* ‘бабушка’, *gruzek* ‘дедушка’, *šurek* ‘мальчик’, *šrank* ‘шкаф’, *reŭiska* ‘терка’, *rybovać* ‘тереть’ и *rybaki* ‘драники’, *brak* ‘надо’, *jo* ‘да’, *gafla* // *galfa* ‘вилка’ в этом говоре см. [Ananiewa 2015]. Изучение записей Е. Ступинского позволяет расширить их перечень такими лексемами, как *špruxi* ‘устные тексты, в том числе и молитвы’

(от нем. Spruch ‘изречение’), ср. более полонизированные варианты: *tata mñe pauciŭa po polsku spruŭi* [Stupiński 2009b: 205], *spro“ski fšake roskazivali tam* [там же: 217]), *beŭk* ‘пузо, живот’ (от нем. Balg ‘кожаный мешок; брюхо, пузо’), ср. *taki beŭk ŋau* [там же: 211], *vuršti* ‘колбасы’ (нем. Wurst ‘колбаса’), *lebervuštyn* (искаж. форма мн. ч. нем. Leberwurst ‘ливерная колбаса’), *struzak* ‘сенник’, ‘тюфяк’ (нем. Strochsack). Любопытно, что контекст, из которого извлечен последний германизм, демонстрирует наличие у информанта определенного языкового чутья: *v nasex suovax i ħemecke suova daže uot cukēr po moĩmu eta pa ħemecki, struzak, cukēr i ħešo ta tag znaŭa. a po nasemu ĭa ħe znam* [Stupiński 2009b: 194]. О лексике польских сибирских говоров см. также [Ананьева 2016].

Отметим, что для ВСПв и ЗСПз/а, как и для любых диалектных систем, характерна высокая степень вариативности, разная степень реализации того или иного признака (включая фонетические) по идиолектам.

Перейдем к результатам воздействия русского языка (как в его диалектных, так и в литературной формах) на польские сибирские островные идиомы. Следствием влияния окружающих польский анклав русских говоров является, например, функционирование в ВСПв слов *naževaška* ‘рубашка’, *véxotka* ‘мочалка’, *ćirki* ‘род обуви’, восходящей к бурятскому, но пришедшей из русских говоров лексемы *taras’un* ‘самогон’ и др.

В процессе заимствования взаимодействуют номинативная и экспрессивная функции языка, его внутренние и внешние свойства. Так, номинативная и одновременно внешняя функции реализуются при заимствовании лексики, связанной с сельской хозяйственной и административной жизнью, сферой образования и здравоохранения, окружающей природой и повседневным бытом, проникающими в село городскими и социально-общественными реалиями (ср. частое упоминание в рассказах информантов такой реалии, как *trut’armija* ‘Трудармия’).

Собственно языковая и экспрессивная функции проявляются в заимствовании ярких коллоквиальных средств, так называемых дискурсивных слов (ср. определяющие действие и признак наречия *točna, očeň, tut, zd’es’, daže* // *daze, tud’a, s’ud’a, bistro, družno* (*družno l’uže zili* С.), союзы — сочинительные *da i* // *da*, предлоги *kromě, iz, vrodě, rađi, vñesto, pos’le*, частицы — утвердительная *da*, отрицательная *ñet, vot*, вводные слова и клише *vapśe* // *vopśće, vopśem, napriñ’er, koñešno* // *kañešno, što l’i, fšo* // *fs’o ravn’o, v osnovn’om*), модальные слова (*dolžen*), определенные морфологические формы и синтаксические конструкции, словообразовательные и экспрессивные лексические средства (например, ругательства).

В морфологии обращает внимание развившееся в обоих польских анклавах под влиянием русского идиома отсутствие личных окончаний в прошедшем времени (*my pošli* — лит. *poszlišmy* ‘мы пошли’, *mi robžiłi* — лит. *robilišmy*, здесь — ‘мы работали’, *ja še rožiū* С. — лит. *urodžilem się* ‘я родился’). Чаще личные окончания утрачиваются во множественном числе, тогда как в единственном, например, в ЗСПз/а наряду с формами типа *ja še rožiū* употребляются также формы с личным окончанием: *ne žucauam* ‘я не бросала’, *robžiūam* ‘я работала’, *tužiūam* ‘я говорила’, *ja vijechaūam* ‘я уехала’. Утрата личных окончаний в формах претерита — обычный результат контакта западнославянского идиома с восточнославянским. К такого же рода явлениям относится представленное в обоих польских анклавах функционирование субстантивной флексии дат. п. мн. ч. *-am* (в отличие от польск. *-om*, по диалектам *-im*): *žečam* и т. п.

Под влиянием русского языка возможна утрата чередования *k : c* в парадигме существительных женского рода (ср. *v Aleksandrofke* — лит. *w Aleksandrowce*). Таким образом, в ЗСПз/а функционируют омоформы вин. п. ед. ч. и местн. п. ед. ч. для существительных женского рода с *k*-финалью основы.

Совершенный вид русских беспрефиксальных глаголов *родить(ся)* и *кончить(ся)* повлиял на вид формальных польских соответствий: *ja še rožiū* ‘я родилась’, *końciūa jedenašće klasuf* ‘кончила 11 классов’ [Stupiński 2009b: 166]. Совпадение в русском языке сравнительной степени прилагательных и наречий обусловило употребление формы прилагательного в функции наречного компаратива (*octompta uod nas lepše* ‘лучше отойдите от нас’, вместо *lepiej* [Stupiński 2009b: 164]). Под влиянием русского идиома образуются фиксируемые в обоих польских анклавах гибридные формы суперлатива, состоящие из стяженной формы компаратива и лексемы *sam* (*sama starša* ‘самая старшая’ — польск. *najstarsza*).

Русский язык оказал влияние на употребление количественного числительного для называния десятков при обозначении года (ср. *tšydešci peršy* — лит. *trzydziesty pierwszy* и даже *dvacat' cvartego roku* С.). Калькой русской конструкции является номинация времени типа *f šez'd' gožin* — лит. *o szóstej godzinie* ‘в шесть часов’.

Характерная синтаксическая особенность, возникшая в польских диалектах под влиянием русского идиома, — замена конструкций с глаголом ‘иметь’ конструкциями с глаголом ‘быть’: *jest šostra u mne* ‘есть у меня сестра’, *u mne tšy žėci* ‘у меня трое детей’ [Stupiński 2009b: 166], *Sešože biūo dva lata, a Vale rok* ‘Сереже было 2 года, а Вале год’ [Там же: 167]. Ср. другие примеры синтаксисом, функционирующих у полноязычных диалектоносителей под влиянием русского языка: *do obžadu* — лит. *przed obiadem* ‘до обеда’, *v Aleksandrofke* //

v Aleksandrofke — лит. do Aleksandrowki ‘в Александровку’, *citać na polskem* — лит. czytać po polsku, w języku polskim ‘читать на польском языке’, *tšy roka* — лит. trzy lata ‘три года’ (примеры из ЗСПз/а).

Цитаты (т. е. не полонизированные вкрапления из русского языка) могут быть представлены как целыми предложениями, так и отдельными словосочетаниями или лексемами. Примеры из текстов Е. Ступинского, относящиеся к разным семантическим областям: *rodŋ'a, s'eŋi'a, p'lemaŋik, zamuš, zaijavl'eŋiije, p'aločki, našč'ot haz'aistva, v magaz'in, f'pojest, f'peis'atom god'u, v'rema, r'od'ina, asfal'nyj zav'ot, goř'učeije, pojeļi v'ínogradu, prodolžali, f'streti'm, as'obenó* и мн. др.

Особый интерес представляют русизмы, являющиеся русско-польскими гибридными образованиями. В [Ананьева 2013б] приведены примеры таких русизмов из ВСПв. Опираясь на записи 2013 г. и тексты Е. Ступинского, проанализируем отдельные гибридные образования, функционирующие в ЗСПз/а.

1. Примеры фонетической адаптации русизма.

1) Отражение одной польской особенности:

а) *z'akon* — рус. за́кон, *dum'aļi* — рус. дýмали, *posledŋ'ego* — рус. послéднего, *f'streč'il'i* — рус. встрéтили (парокситоническое ударение);

б) *fšo, fšex, fše* — рус. всё, всех, все («шаканье»);

в) *obmaŋes* — рус. обмане́шь (мазурение);

г) *trudož'ín* — рус. трудоде́нь (суженное *e* на месте **ē*);

д) *p'šitešnaļi* — рус. притесня́ли (сохранение вибранта в континуанте **r*);

е) *na pricepše* — рус. на прице́пе (асинхронное произношение палатального губного, обусловившее наличие чередования *p : š* в парадигме существительного).

2) Отражение нескольких польских особенностей:

а) *otpraž'il'i* — рус. отпра́вили, *ugrobž'il'i* — рус. угрóбили (2 явления: парокситонеза и результат асинхронного произношения палатальных губных);

б) *otvecać* — рус. отве́чать (2 явления: мазурение и парокситонеза);

в) *zaprescaļi* — рус. запре́щали (2 явления: мазурение и твердость *r*);

г) *postupš'v'ca* — рус. поступи́ла (2 явления: асинхронный тип произношения палатального губного и билабиальный характер польского *ļ*);

д) *šiŋka* — рус. ссы́лка (2 явления: совпадение в одном звуке *i* и *y*, билабиальный характер *ļ*).

2. Отражение лексико-фонетических особенностей:

а) *sobraŋe* — рус. собра́ние, *znatny* — рус. знатный, *gr'amatne* — рус. грамотные, *poŋatny* — рус. понятный (стяжение);

б) *sofpadło* — рус. совпа́ло (польское сочетание *dļ*).

3. Отражение морфологических особенностей:

а) глагольные флексии:

peredaĭta — рус. передайте (флексия 2 л. мн. ч. презенса и императива *-ta*); *pońimaĭo* — рус. понимают, *oxłōżdajō* — рус. охлаждают (флексия 3 л. мн. ч. презенса *-o*); *ńe poĭmeńi* — рус. не пойдем (флексия 1 л. мн. ч. глаголов ет-спряжения *-mi*); *xvaci* — рус. хватит (презентное окончание 3 л. ед. ч. *-i*);

б) субстантивные флексии: *trudodńe* — рус. трудодни (флексия им. п. мн. ч. существительных м. р. мягкой разновидности *-e*).

4. Отражение словообразовательной особенности: *ođyħivac* — рус. отдыхать (итеративный суффикс *-iva*).

5. Польские лексические компоненты русизмов и русских клише:

а) *co ĩibuż* — рус. что-нибудь (польск. компонент *co*);

б) *po fšy'stkeĭ ńeroĭatnoŝi* — рус. по всей вероятности (польск. компонент *fšystkeĭ*).

6. Особенности сочетаемости: *dva k'omnaty* (диалектное употребление числительного *dva* с существительными ж. р. — на то, что здесь представлен русизм, а не сохранившийся польский архаизм, указывает место ударения).

7. Смешанные типы гибридов:

а) *oťveca* — рус. отвечает (фонетическое явление мазурения и морфологическая особенность — флексия *-a* 3 л. ед. ч. наст. вр. глаголов *ат-спряжения*);

б) *ŝe poznakuńiĭca* — рус. познакоми́лась (6 фонетических явлений: «шаканье», сужение *o* перед носовым согласным, парокситонеза, асинхронное произношение палатального губного, билабиальное *l*, континуант конечного носового переднего ряда *e*, а также подвижность возвратной частицы);

в) *ŝe ć'ustvuĭe* — рус. чувствую себя (морфологическая особенность — окончание 1 л. ед. ч. презенса *-e*, фонетический облик возвратной частицы и ее предглагольное место).

Таким образом, в условиях внешнего и внутреннего контакта поляков-билингвов с близкородственным русским идиомом в описываемых говорах наблюдаются следующие закономерности:

1) обусловленное частой сменой языкового кода наличие в польской речи диалектоносителей значительного числа русских цитат;

2) возможная утрата польской лексемы и замена ее иноязычной (например, утрата названий месяцев в обоих сопоставляемых польских анклавах);

3) возрастание за счет заимствований числа изофункциональных вариантов, нередко употребляемых в речи одного и того же инфор-

манта (ср. *bloto* // *grás*’, *očeň* // *baržo*, *daže* // *navet*, *tak* // *da*, *baпка* // *pudorožník*, *postupšiца* // *posto^umpšiца*, *što* // *co* и мн. др.);

4) появление гибридных форм различного вида.

В завершение заметим, что если проявление контактологических универсалий 2–4 возможно и при отсутствии внутреннего контакта с вторичной системой, оказывающей воздействие на примарный языковой код, то первая закономерность реализуется только в условиях билингвизма диалектоносителей.

II

Со времени публикации первых описаний островного чешского идиома, сохраняющегося в пос. Кирилловка под Новороссийском и д. Варваровка под Анапой на Черноморском побережье Северного Кавказа [Скорвид, Третьякова 2009; Скорвид, Поляков 2013; Скорвид 2013], география обследованных населенных пунктов, основанных во второй половине XIX и начале XX в. чешскими переселенцами или их потомками на территории современной России, в которых до сих пор в той или иной мере бытуют чешские говоры, заметно расширилась. Кроме уже довольно хорошо изученных кирилловской и варваровской разновидностей северокавказского чешского идиома (далее СКЧк и СКЧв) в ходе очередных экспедиций в указанный регион, предпринятых в 2015 и 2017 гг., удалось зафиксировать идиолект одной из последних носительниц чешского говора села Тешебс в окрестностях Геленджика (далее СКЧт), который оказался близок кирилловско-варваровскому, и, напротив, во многом отличные от него говоры д. Анастасиевка Туапсинского р-на Краснодарского края и хутора Мамацев Шовгеновского р-на Республики Адыгея (далее СКЧа и СКЧм). Перечисленными идиомами с малым числом носителей в основном старшего и, реже, среднего возраста (1–2 в Тешебсе, по 5–6 в Варваровке, Анастасиевке и Мамацевом, 10–15 в Кирилловке), по всей видимости, исчерпывается наследие некогда значительно более распространенных переселенческих чешских говоров на Северном Кавказе. Сопоставимое количество говорящих — около 25 чел. в возрасте от 60 до 80 лет — насчитывает чешский идиом, зафиксированный нами в 2012–2013 гг. в дд. Воскресенка, Новоградка и Репинка Калачинского р-на Омской обл. в Западной Сибири. В отличие от СКЧ, формировавшегося с конца 1860-х годов, западносибирский чешский говор (далее ЗСЧ) возник только в начале XX в. вследствие вторичной миграции части жителей поселения Чехоград (ныне Новгородковка — укр. Новгородківка) в Мелитопольском р-не Запорожской обл. Украины, а также, возможно, его дочерней колонии Новоград в Бессарабии (после 1912 г. — Голубое, совр. Хулубоая в Кагульском р-не Молдовы).

Результаты начатого в 2009 г. изучения всех этих идиомов отражены в целом ряде статей (в частности, из недавних [Скорвид 2014; Поляков 2014; Скорвид 2015; 2016а; 2016б; Skorvid 2016]), а также в дипломных работах магистрантов Карлова университета в Праге Б. Гакеновой (2015) и Оломоуцкого университета Р. Андрейса (2016), дополнивших наш материал собственными записями соответственно ЗСЧ и СКЧа. Весь собранный на данный момент корпус образцов различных чешских говоров на территории РФ содержит более 35 часов аудиозаписей из северокавказского региона и около 18 часов записей из Западной Сибири. Значительная часть этих записей была переведена в текстовый формат (в фонетической транскрипции), в том числе с помощью московских и пражских студентов и волонтеров из внеакадемических кругов. Ряд текстов в более популярной транскрипции вместе с аудиозаписями размещен в Интернете (www.pametnaroda.cz/project/witness/id/54).

В ходе проведенных исследований был прежде всего выявлен различный генезис не только ЗСЧ и СКЧ, но и двух групп идиомов в составе СКЧ: анапско-новороссийской (к которой примыкает также геленджикский СКЧт), с одной стороны, и туапсинско-адыгейской — с другой. Можно уверенно утверждать, что на территории между Анапой и Геленджиком селились выходцы в основном из Южной или Юго-Западной Чехии, на что указывают характерные юго-западно-чешские черты говоров их современных потомков. Напротив, говоры д. Анастасиевка, в которой объединились упоминаемые уже в 1868 г. Георгиевские хутора под Туапсе, и х. Мамацев, основанного в 1880 или 1889 г., со всей однозначностью возводятся к северо-восточным чешским диалектам. Вероятно, прибытие сюда чешских переселенцев представляло собой часть большой волны колонизации, двигавшейся из Северо-Восточной Чехии, которая охватила всю территорию Украины, начавшись на Волыни и распространяясь далее в направлении на юг и юго-восток. По понятным причинам северо-восточночешские корни имеет и ЗСЧ, генетически связанный с говором украинского Чехограда.

Констатация южно- или юго-западночешского (далее юч., юзч.) происхождения одной ветви СКЧ и северо-восточночешского (далее свч.) характера остальных чешских идиомов в России, естественно, не подразумевает вывода о полном единообразии говоров в рамках первой и второй групп. Общими для них являются лишь основные признаки, противопоставляющие две названные диалектные области в Чехии, при наличии частных, а иногда и довольно существенных, специфических особенностей отдельных идиомов, в том числе и территориально близких внутри СКЧ. Часть таких особенностей, возможно, отражает давние расхождения между говорами разных об-

ластей или населенных пунктов соответственно в Юго-Западной и Северо-Восточной Чехии, откуда прибывали первые переселенцы (на Северном Кавказе, согласно имеющимся свидетельствам, к ним позже присоединялись в индивидуальном порядке также выходцы из других регионов Чехии и даже из Моравии), но черты эти в настоящее время проявляются только на идиолектном уровне⁴. Некоторые же своеобразные явления возникли в результате изолированного существования обсуждаемых говоров в иноязычном окружении, с влиянием которого, впрочем, не обязательно связано независимое развитие в них определенных инноваций. Напротив, их контакт с господствующими как в окружении, так в наши дни и в среде самих носителей данных говоров региональными разновидностями русского языка, а в прошлом также с украинскими или смешанными идиомами приводил и приводит скорее к сходным изменениям в первоначальных диалектных системах. При этом под влиянием господствующего языка в одних случаях полностью заимствуется тот или иной фрагмент его системы, тогда как в других устанавливается некоторый внутренне динамичный баланс: исходное диалектное состояние оказывается разрушено, однако переход к новой системе по образцу воздействующего языка до конца не осуществляется.

В нижеследующих разделах работы будут представлены в сравнительном аспекте основные фонетические, морфологические и лексические особенности разных идиомов в рамках СКЧ, с одной стороны, и ЗСЧ — с другой.

Фонетика

Все анализируемые говоры сохраняют в исконных лексемах ударение на первом слоге слова или тактовой группы. Это нарушается в русизмах, хотя и здесь ударение часто переносится на начальный слог, причем ударный в русском неначальный гласный может продляться, ср. в СКЧк *z'iml'anka/z'eml'ánki, k'olxozí/kolx'ozi, do kolx'ozu × n'a ribálku, n'a paróm*; в ЗСЧ *zeml'anki × r'ešili, n'a bazar, k'olxos* и *s'auchos* (< совхоз, в региональном произношении [саўхос]). Особенно сильное инициальное ударение, в том числе также в адаптированных русизмах, слышится в ЗСЧ, что осознается диалектоносителями как яркая отличительная черта их говора: *mi mluvíme uš... jen 'udar'en'ije... slova ruskí a jen 'udar'en'ije stavíme p'o druhím* (мы говорим уже... только ударение, слова русские, только ударение ставим по-другому). Во фразовых условиях прежде всего в СКЧк и СКЧв (реже в других идиомах) ударение иногда может перемещаться на слог и более вправо, в том

⁴ Подробнее об этом на материале СКЧк/в см. [Скорвид 2015: 370–375].

числе на последний слог словоформы или на последнее звено в цепочке энклитик, ср. в СКЧк *v'í ste se um'ořili?* 'вы утомились?'; *ab'í ji nesp'l'ašit* 'чтобы ее не спугнуть'; *ne'učila sem s'e, a fšexno dělala sama* 'я не училась, а всё делала сама'; в ЗСЧ *pož'ili* 'пожили', *uj'eli* 'уехали'. Корни данного явления, которое не находит прямой опоры в чешских диалектах метрополии и никак не связано с влиянием языка окружения, остаются невыясненными.

Так как в основе всех исследуемых идиомов лежат собственно чешские диалекты⁵, иллюстрировать общие для них явления из области исторической фонетики — в частности *ej < ě*, *ī < ē* или протезу *v-* перед *o* — нет необходимости. Как противопоставленная особенность заслуживает внимания наличие *ej < ī* после свистящих в ЗСЧ в соответствии с состоянием в свч. диалектах: *cejtej* 'чувствуют' (ср. инфинитив того же глагола *cítit* в СКЧк); *cejxa* 'пододеяльник'; *blisko lesejka* 'близ лесочка', *na vozejkách* 'на тележках'; *zejma* 'зима' (примеры из СКЧа и СКЧм, где эта черта также могла бы ожидаться, в нашем материале отсутствуют).

Историческое распределение кратких и долгих гласных в СКЧк, СКЧв, СКЧт и в остальных идиомах соотносительно с фиксируемым в юзч. и свч. диалектных областях метрополии: ср. юзч. краткость в инфинитивах типа *nest* 'нести', *donest* 'принести', *přivest* 'привезти' в СКЧк, *lest* 'лезть' в СКЧт × *přivist* 'привезти' в СКЧа, *vodníst* 'отнести' в ЗСЧ [Balhar 2005: 250, карта 159], юзч. долготу во флексии им. (и вин.) п. мн. ч. *klucí* 'парни' в СКЧв [Balhar 2002: 154, карта 90] и свч. рефлексацию в виде *ej* сохраненной предударной долготы в *zejma* 'зима' и в виде *u* (с сокращением) — продленного предударного *o* в *ja vam dam kusu* 'я дам вам косу' в ЗСЧ [Balhar 2005: 200, карта 114; 210, карта 124]. Напротив, почти полное сходство в анализируемых говорах разного происхождения демонстрирует вторичное сокращение *ī, ū* во флексиях, суффиксах и реже корнях (в СКЧк *buráčku sem nasázal hodn'e* 'я свеколок посадил, много', *u t'ěx Viktoru* 'у этих Виктор(овых)', *devjed d'et'ěx* 'девять детей', *f štiricátim roku* 'в 40-м году', *kříčki* 'кустики', *mliko* 'молоко'; в ЗСЧ *pjet klucu* 'пять парней', *hodn'e lid'u* 'много людей', *padesát sídmim roku* 'в 57-м году'; *taťinek* 'папа', *kmotříček* 'крестный', *s košíčkem* 'с корзинкой', *mliko* 'молоко', *jíst* 'есть, edere') и продление краткого корневого *e* случаях типа *péri* 'перья', *zéli* 'капуста'.

⁵ Лишь некоторые моравские изофоны, такие, как краткость гласного в инфинитиве глагола 'иметь' или протеза *h-* перед начальным *u*, на основной территории распространения чешского языка захватывающие также восток Чехии, отражены в СКЧм (*mn'et*), СКЧа (*mn'et/mit*; *humila* 'вымыла') и ЗСЧ (*mn'et/mit*; *huzení* 'копчености').

Разные основания имеет под собой аналогичная во всех обсуждаемых идиомах двоякая реализация согласной фонемы /v/ как шумной губно-зубной звонкой с глухим вариантом [f] и как сонорной губно-зубной с губно-губными вариантами [ɥ] и [w]. В ЗСЧ, СКЧа и СКЧм речь идет, безусловно, о продолжении свч. диалектного состояния; ср. во всех названных идиомах в конце слова после гласных *drif/dři̯u/dři̯u* наряду с *drivejc/dři̯wejc* ‘раньше’, *křxou* ‘кладбище’; в середине слова перед согласным в СКЧа *pravda/prau̯da* ‘правда’, в СКЧм и ЗСЧ *zrovna/z(d)rou̯na* ‘как раз’ и ‘сначала’ (семантическая калька рус. диал. *спразу*), *nádři̯uka* ‘лепешка с начинкой’, во всех говорах *přun’i/-i* ‘первый’ (после слогового [j]); в начале слова перед согласным *fšexno* / (реже) *ušexno* ‘всё’ (СКЧа) / *ušeci* ‘все’ (ЗСЧ), *vzala* ‘взяла’ / *uzala se* ‘вышла замуж’ (СКЧа) и *depak ses tadi uzala* ‘откуда ты тут взялась’ (ЗСЧ); перед начальным гласным [o] речь может идти о протезе (повсеместно *von/ɥon* ‘он’, *ɥosum* ‘восемь’ и т. п.) или этимологическом согласном: *velkej, velki* / *ɥelká* (СКЧа) и *ɥelikej* (ЗСЧ) ‘большой, -ое, -ая’, в ЗСЧ *vozil/ɥozili* ‘возил, -и’, *ɥe sklepu ɥodu nemáš?* ‘в подвале у тебя нет воды?’ / *vodu*; в группе с другим согласным в ЗСЧ *ku̯itka* ‘цветы’, *ɥou̯u babičku* ‘свою бабушку’, *s tima dɥou̯ma d’efčatama* ‘с теми двумя девочками’; во всех трех говорах *ɥjenec* ‘веночек’ < *věньсь (где, впрочем, только с синхронной точки зрения речь идет о группе согласных); в интервокальной позиции в ЗСЧ и СКЧа *takovej* и *takowej/takoʷej* ‘такой’, *mluvi/mluwi* ‘говорит’, *nevím/newím/neʷím* (также с сокращенным -i) ‘не знаю’; в свадебной песне, исполняемой носителями всех трех говоров: *neskej uš seš Sašečkova* (ЗСЧ) / *Pepičkova* (СКЧм) / *Kutnohorskowa* (СКЧа) ‘нынче ты уже Сашечкина / Пепичкова / Кутногорского’; в ЗСЧ также *bejvá/bejwá* ‘бывает’, *pochowáli* ‘хоронили’, *viprawuwała* ‘рассказывала’, *powidam/ɥona pəʷida* ‘говорю/она говорит’, *ɥotpowidáwám* ‘отвечаю’ и т. п. Характерны такие известные свч. диалектам метрополии последствия скользящей билабиальной реализации фонемы /v/, как изменение *w’ > j после гласных в случаях *pojidal* (СКЧм) / *pojđali* (ЗСЧ) ‘говорил, -и’ и *vobuj* ‘обувь’ (ЗСЧ, при *vobuɥ* в СКЧа), а в ЗСЧ также замена *ɥ* > h в выражении *h noci* ‘в ночи’ (см. [Bělič 1972: 50; Jančáková, Jančák 2004: 50, 87]).

Отдельного объяснения требует аналогичная реализация /v/ в генетически южч. идиомах Северного Кавказа, ср. примеры из СКЧк/в и СКЧт: *drif/dři̯u; já sem do Hlebofki jezdila drif... dʰ Varv’arou̯ki* ‘я раньше ездила в Глебовку... в Варваровку’, *přun’i, hlaun’i* ‘главный’, *rou̯n’e* ‘прямо’, *von/ɥon, ɥohen* ‘огонь’, *zuostala* ‘осталась’, *ɥpř’edu* ‘впереди’, *ušecker* ‘всё’; *takowí, uwařenej* ‘сваренный’, *nepomluwým* ‘не поговорю’, *neʷim* ‘не знаю’. Данная особенность, вероятно, проникла сюда вторично из кубанской «балачки», где в результате смешения черт украинской и русской фонетики /v/ «может произноситься как [y] неслоговое, как губно-губное [ɥ] и как [f]» [Борисова 2005: 28].

Помимо этого обращает внимание встречающийся последовательнее в СКЧа, но спорадически и в других чешских идиомах на Северном Кавказе (исключая СКЧк/в), а также в ЗСЧ губно-губной [ʏ] на месте исторически твердого *l*. Ср. примеры: *žijo se pjekn'e* 'жилось хорошо'; *taková mladá zámuš višća* 'такая молодая замуж вышла'; *tuče se másco* 'толчется масло'; *kuci* < *kluci* 'парни' со слиянием -*ци*- (ЗСЧ); *kuci* и вин. п. ед. ч. *kuka* 'парня'; *stopaesát čovjek* '150 человек'; *neučiju se* 'не учились'; *biu* наряду с *bily* и *bili* 'были' (СКЧа); *biu* 'был' (СКЧм). Эта черта отмечалась в прошлом в крайних свч. говорах [Bělič 1972: 28], однако такое произношение *l* представлено в отдельных лексемах и в южночешском идиолекте носительницы СКЧт (*mluvíme/mjuvíme* 'говорим').

В завершение следует отметить некоторые комбинаторные фонетические явления, общие для всех описываемых идиомов (например, «ротацизм» в *svarba* 'свадьба') и более специфические юзч., наблюдающиеся в основном в СКЧк/в, такие, как диссимиляция с йотацией в группах шипящих-свистящих и взрывных геминатах: *hdij_se vrátil* 'когда он вернулся' (-ž > -š ↔ s-), *von se pojtrhnul* 'он подорвался' (-d > -t ↔ t-, семантическая калька рус. глагола)⁶, и свч. в остальных говорах, прежде всего диссимиляции *nn* > *dn* и *sn* > *sm* в ЗСЧ: *Мария пад-на* 'Дева Мария', *писмичка сватеого руженце* 'песня Святого Розария' (примеры кириллицей здесь и далее — из чешских молитв, записанных так для памяти жительницей д. Воскресенка в 1992 г.), аналогично *pismička* в СКЧм, но не СКЧа; при этом первый тип отмечен также в СКЧк: *dřevjednej* 'деревянный'. К комбинаторным явлениям в речи можно отнести и частый в СКЧа пропуск гласных и целых слогов как в заударной позиции, так иногда и предупдарных (в русизмах) также либо даже изначально ударных, ср. *uon'i parx'odama jely d'o_desi* 'они пароходами ехали до Одессы', *ke mn'e se dostlo* 'ко мне попало' (< *dostalo*), *tlen* 'вот этот' (< *tenhleten*).

Морфология

В парадигме настоящего времени глаголов типа *prosit* и *rozumět* в генетически свч. говорах в соответствии с ситуацией в указанной диалектной области Чехии преобладают формы 3-го л. мн. ч. на -*ej(i/í)*, ср. в ЗСЧ *мусей* 'должны', *сповицей* 'спускают', *mluvjej* 'говорят', *křičej* 'кричат', *cejtej* 'чувствуют', *držej* 'держат', *stavjej* 'ставят', *uvažej se* 'сварятся', *viđejí* 'видят', *trílej / strílejí* 'стреляют', *vistřelej / vitřelejí* 'выстрелят', *xoďejí* 'ходят', но *rozumn'ej* и *rozumí* 'понимают'; в СКЧа

⁶ Ср. аналогичную прейотацию шипящей аффрикаты в СКЧт: *vona mušela nas učit* 'она должна была нас учить'.

musej (при единичной форме *musejí*), *mluvjej*, *rozumn'ej*, *umn'ejí* 'умеют', *xod'ej*, *jezd'ej* 'ездят', *stojej* 'стоят', *sázej* 'сажают', *házej* 'бросают', *vařej* 'варят', *vipijej* 'выпивают', *uslišej* 'услышат', *nevýučej* 'не выучат', *vivád'ej* 'выводят', *přivážejí* 'привозят', *potom se vyvracejí* 'потом переворачиваются', в русизме *potok napravjej* 'речку направят'; аналогично *vjeđej* 'знают', *sn'ed'ej* 'съедают'. Напротив, в СКЧк/в довольно частотны формы 3-го л. мн. ч. на *-í/-i* без расширения основы глагола, ср. *mluvjejí/-i*, но *vnuki* <...> *máloco rozumí i nemluví* 'внуки <...> мало понимают и не говорят', *křičejí / křičí*, *xod'ejí / xod'í*, *jezd'ejí / jezd'í*, *stojej / stojí*, *nepouščejí* 'не пускают', но *nohi mn'e bóli* 'ноги у меня болят'; *to ti mezi nohi vitřelí* 'то тебе между ног выстрелят', *voudíte se a potom vás sn'í* 'вы прокоптитесь, а потом вас съедят'; в СКЧт без варианта *von'i nemluví po česki* 'они не говорят по-чешски'. У глаголов, заимствованных из русского языка, иногда после расширения *-ej-* по аналогии с типами *žít*, *krýt* появляется флексия *-ou*, что наблюдается как в СКЧа (*žal'ejou* 'жалеют', *uxážejou* 'ухаживают'), так и в СКЧк (*scepl'ejou se ti vařoni* 'сцепляются эти вагоны', *dostrájejou* 'достраивают'). У собственно чешских глаголов, однако, в СКЧк вместо флексии *-ou* после корневого согласного изредка выступает *-í*, как в типах *prosit* и *rozumět*, например: *a von'i s tej strani takle thučí na vokna* 'а они с той стороны так вот стучат в окна'). В ЗСЧ у *i*-глагола встретились и форма 3-го л. мн. ч. «моравского» типа *jezd'ijou* 'ездят' (впрочем, возможно, скорее построенная по образцу рус. простореч. *ездиюм*).

В повелительном наклонении для СКЧк/в характерны юзч. формы 2-го л. ед. и мн. ч. с заменой корневого свистящего согласного или сочетания с ним шипящим (*otpušč*, *votpušte* 'прости, -те', *poproste / poprošte* 'попросите') и для всех исследуемых идиомов — формы 2-го л. мн. ч. с показателем *-i-*, если он выступает в ед. ч.: в СКЧк/в и СКЧм *nejdíte* 'не идите', *řekn'íte* 'скажите', *sedn'íte si* 'сидитесь' (в СКЧв наряду с *sedn'ete si*); в ЗСЧ *nejezdíte* 'не ездите', *d'íte spát* 'идите спать'. На основной территории чешского языка формы 2-го л. мн. ч. на *-íte* известны говорам на западе и, как окраинное явление, на севере и востоке Чехии, а также в Моравии [Balhar 2002: 482–484, карты 337–339]; на их закрепление в чешских идиомах в России могла повлиять аналогия с русскими формами. Наконец, исключительно под влиянием русского языка во всех рассматриваемых говорах распространились аналитические формы повелительного наклонения 1-го л. мн. ч. со смысловым глаголом в индикативе и вспомогательным *dávat* 'давать' в императиве: в СКЧ к/в *dávej se přiznáme* 'давай признаемся', *dávejte si vypijem* 'давайте выпьем'; в ЗСЧ *dávejte uznáme n'eco* 'давайте что-то узнаем'.

В именном словоизменении заслуживает внимания типичная свч. флексия дат. и местн. п. ед. ч. *-oj* прежде всего одушевленных существ-

вительных м. р. в ЗСЧ (*mladímu klukoj* 'молодому парню', *dědečkoi říkali Antoš* 'дедушку звали Антош', *jednomu Ukrajincoi* 'одному украинцу', *k tátoji* 'к папе', местн. п. *po tatínkoi* 'по отцу'; ср. в молитве: *Слава отцу сыну Сватыму духой*) и в СКЧм, где она отмечена также у существительного ср. р. *děcko* — дат. п. *děckoi* 'ребенку'. В СКЧа эта флексия в местн. п. распространилась шире, проникнув в парадигму неодушевленных существительных м. и даже ср. р.: *na Kaukázoi* 'на Кавказе', *v Novoros 'ijskoi* 'в Новороссийске', *v M'inskoi* 'в Минске', *f tetom rokoi* 'в этом году', *v druhim domoi* 'в другом доме', *u kluboi* 'в клубе' и, с утратой предлога, *haražoi* 'в гараже', *na házoi* 'на газе', *u másloi* 'в масле'. Речь идет о весьма специфической инновации в изолированно развивавшемся островном идиоме, которая не находит ни параллелей в других таких говорах в РФ, ни опоры в чешских диалектах метрополии. В СКЧк/в и СКЧт в дат. и местн. п. ед. ч. одушевленных существительных м. р. выступает общечешская флексия *-ovi* или ее фонетический вариант с конечным *-у*, проникшим из кубанской «балачки»: *Pavlovi, sinovi* 'Павлу, сыну', *dědovi / dědouškovu* 'дедушке', *k tatínkovi / tatínkovu* 'к папе', *neco dá storožovi* 'что-то даст сторожу', *bajzikovi dám papat* 'собаке дам поест', *k tomu kon'ovi* 'к тому коню', местн. п. *po tátovi* 'по отцу' (СКЧк); *nado bylo pomohat Volod'ovi* 'надо было помогать Володе' (СКЧт).

В СКЧа можно отметить также свч. флексию *-ej* в твор. п. ед. ч. существительных ж. р. мягкого типа (*ze zemn'ej bilo teško* 'с землей трудно было'), а в ЗСЧ встретилось несколько форм твор. п. ед. ч. существительных м. р. на *-a* с свч. флексией *-em*: *Aneška z Honzem* 'Анежка с Гонзой', *s Frantem Příbilovim* 'с Франтой Пришибилом' (ср. в СКЧк/в *Frantik Frantou Frantu pohán'i* 'Франтик Франтой Франту погоняет'). Между генетически свч. и юзч. говорами в России имеются и другие различия во флексиях существительных: например, род. п. мн. ч. *děťú/děťu* 'детей' (в СКЧа также *lyďu* 'людей', в ЗСЧ *menú* 'имен') × *děťix* в СКЧк/в, там же аналогично *hodn'e kon'ix* 'много лошадей', *a tex rúžix kolig bilo* 'а роз сколько было', в СКЧт *dve dětix* 'двое детей'.

Под влиянием русского языка, пусть и не совсем по русской модели (и, вероятно, не без предпосылок к такому развитию особенно в свч. диалектах метрополии), во всех островных чешских говорах в России, включая генетически юзч., фактически утратилось выражение одушевленности существительных м. р. по крайней мере твердого склонения во множественном числе. Формы им. п. мн. ч с чередованиями конечных согласных основы перед флексией *-i* типа *Čex — Češi* (наряду с *Čexi*) 'чехи'; *hox — hoši* и *kluk — kluci* (в СКЧв *kluci*) 'парни', *voják — vojáci* 'солдаты', *školák — školáci* 'школьники', *bratr — bratři* 'братья', *kamarád'i* 'друзья', *soused'i* (наряду с *sousedi*) 'соседи', *vľk —*

v|ci ‘волки’, *bejk* — *bejci* (наряду с *bejki*) ‘быки’, *medvjedi* ‘медведи’, в СКЧа даже в русизме *barán* ‘бараны’ имеют только отдельные существительные, у которых, однако, от той же основы с чередованием образуются и другие формы мн. ч.: например, повсеместно *Češu už je málo* ‘чехов уже мало’; в ЗЧЧ *pjet klucu* ‘пятеро парней’; *svím klucam* ‘своим парням’; *n’ekterím Češum* ‘некоторым чехам’ // *Češim*; *spolu ešče s n’ákima Češima* ‘вместе еще с какими-то чехами’ // *s Češami* (!) × в СКЧк *toliká kluci* ‘столько парней’; *ke klucím* ‘к парням’, *mezi Češima* ‘между чехами’. Ввиду этого здесь также не различаются формы им. п. и вин. п. мн. ч., ср. *sebírali fšexni ti mladi kluci* ‘собирали всех этих молодых парней’ (СКЧв), *na kluci dávali zem* ‘на парней давали землю’ (ЗЧЧ), *mi bratři... mn’ela sem dva bratři* ‘мои братья... я имела двоих братьев’ (СКЧа), *ja bila malinká a bejci doč... i čot ti bejci pomatuju* ‘я была маленькая, а быки идут... и вот этих быков я помню’ (ЗЧЧ) и т. п. Точно так же совпадают эти формы у существительных, лишенных морфонологических показателей одушевленности во мн. ч.: *dva siní umřeli* ‘двое сыновей умерли’ и *dva siní mn’el* ‘двоих сыновей имел’, *sedí babički, dědečki* ‘сидят бабушки, дедушки’ и *dědečki ja nepomatuju* ‘дедушек я не помню’ (ЗЧЧ); *vnuki tak taki už máloco rozumí* ‘внуки уже тоже мало что понимают’ и *mn’eli sme malí vnuki* ‘мы имели малых внуков’; *králíki sou... xcete uvidět králíki?* ‘есть кролики... хотите увидеть кроликов?’ (СКЧк/в)⁷. Разные флексии в им. п. мн. ч. могут получать одушевленные и неодушевленные существительные мягкого склонения (например *N’emci* ‘немцы’ × *hřnce* ‘горшки’), но у одушевленных и здесь наблюдается совпадение форм им. и вин. п., ср.: *jak nalítli naše samoloti ruskí, načali bombit ti N’emci, N’emci gdo kam* ‘как налетели наши русские самолеты, начали бомбить этих немцев, немцы кто куда’ (СКЧк); *bilo sokrasčen’i, učitelí ubírali n’ákí...*

⁷ На территории Чехии распространение у одушевленных существительных м. р. основы с чередованиями согласных, исторически закономерными перед флексией *-i* в им. п., на все формы мн. ч. (род. п. *klucu, hošu/hoší*; дат. п. *klucim/klucam*, твор. п. *hošima/hošama*) отмечается в свч. диалектах; совпадение форм им. и вин. п. с флексией *-i* в том числе у существительных мягкого склонения типа *pekaři* ‘пекари’ характерно для более широкого ареала, включающего среднечешскую область; наконец, невыражение одушевленности в им. п. мн. ч. ограничивается в основном лексемами, относящимися к животному миру, типа *ptáčki* наряду с *ptáči* ‘птицы’ [Balhar 2002: 188, 190, 226, 276; карты 123; 150, 188, 166, 97]. Синкретизм форм им.-вин. п. мн. ч. типа *vnuki, dědečki*, по-видимому, развился в островных чешских говорах в России вторично, в результате взаимодействия соответствующих звеньев чешской и русской систем. Впрочем, единичная форма им. п. того же типа встретилась и в собственно свч. диалектном тексте из окрестностей г. Свитава: *sedláki pekli hodně vejraškovi koláče* ‘богатые крестьяне часто пекли пироги из сеяной ржаной муки’ [Lamprecht 1976: 113].

i vot učiteli museli n'ekam ujd'it 'было сокращение, каких-то учителей увольняли... и вот учителя должны были куда-то уйти' (ЗСЧ). Крайне редко это соотношение у одушевленных существительных уступает место соотношению русского типа, т. е. вин. п. = род. п., ср. в СКЧк *vihnal tex Tataru... tix Turku* 'выгнал этих татар, этих турок', *brali fex lidi ruskejx v arm'iju* 'брали в армию этих русских людей'; в СКЧа с субстантивированным прилагательным: *i cizyx tam poxovávaji* 'и чужих там хоронят'. Наконец, совершенно единичны примеры употребления под русским влиянием форм вин. п. = род. п. мн. ч. у обозначающих лиц женского пола существительных ж. и ср. р.: *mám pravnuček* 'имею правнучек' (СКЧк), *jednu neděli kluci nás šmřkustovali, děfčat* 'в одно воскресенье парни стегали прутиком нас, девчат', *a na děvčat už, holka se narodí, už zem nedávali* 'а на девчат уже, если девочка родится, землю не давали' (ЗСЧ).

У прилагательных наиболее примечательны юзч. неизменяемые притяжательные формы на *-ovo/-ino*, выступающие в СКЧк/в, нередко под влиянием русского языка с утратой чередования *k* перед суффиксом *-in-*: *taťinkovo mamka, mamkino mamka* 'папина мама, мамина мама', *mámn'e se d'edouškovo Kateřina říkalo* 'дедушкиной маме Катерина имя было'. Одна из таких форм встретила в сочетании с определяющим исходное существительное местоимением в род. п.: *tátovo mojeho sestra* 'отца моего сестра'. Во всех исследуемых идиомах употребительны и регулярные притяжательные прилагательные, имеющие в им. п. краткие, а в других падежах чаще полные формы: *tadi mám ešte nehde strejčka, jako maminčiniho bratrance* 'тут у меня еще где-то дядя, мамин двоюродный брат' (СКЧк), *taťinkovou babičku já sem nazívala babus'a* 'папину бабушку я называла бабуся' (ЗСЧ). Для обозначения семьи и принадлежности к семье в СКЧк/в и СКЧт используются юч. неизменяемые формы на *-ú/-u*: *Vena Luzumu chodil k tej Fan'e N'emcu* 'Вена Лузум ходил к Фане Немец', *i Kupšú bili vislaní* 'и Кубеши были сосланы' (СКЧк); *soč tadi Čexi, a von'i nemluvi po češski... Šefců, a n'ic nemluvi* 'есть тут чехи, а по-чешски не говорят... Швецы, но они ни слова не говорят'; *teta Marus'a tam žila... fam'ilija <...> Štenglú po mojemu* 'тетя Маруся там жила... фамилия... Штенгель, по-моему'; *s V'it'ou Pánku ja trošku mluvím* 'с Витей Панеком я немного говорю' (СКЧт). В СКЧк однократно встретила также более западная форма, обозначающая принадлежность к семье: *já sem Dušánkojc* 'я Душанек'. Напротив, в ЗСЧ, СКЧа и СКЧм формы на *-ú/-u*, как и в свч. говорах метрополии, являются формами им. п. ед. ч. м. р. притяжательных прилагательных, которые в ЗСЧ склоняются, отчасти сохраняя в косвенных падежах краткие окончания, ср. *Franta Širelú* 'Франта Шиллер', *u Franti Širelova* 'у Франты Шиллера'. Подобные формы служат для обозначения семейной принадлежности мужчин;

их женские соответствия оканчиваются в им. п. ед. ч. на *-ová/-ova*, а в качестве названий семьи используются краткие формы на *-ovi*, ср.: *děd bil Vondrů* ‘дед был Вондра’, *babička bila pan'i Vondrová* ‘бабушка была пани Вондрова’, *naše tat'inki bili dva bratra Vondrovi* ‘наши отцы были два брата Вондры’ (ЗСЧ); *Uodehnalovi uon'i... uona bila Motičkova a uon Uodehnalů bil* ‘они (В)Одегналы... она была Мотычко, а он — (В)Одегнал’ (СКЧА); *Sláv'ik Benešů* ‘Славик Бенеш’, *Ripkovi ja pomatuji... dědečka ne, a babičku da, Ripkowů ja pomatuji* ‘семью Рыбка я помню... дедушку нет, а бабушку Рыбку — да, помню’ (СКЧМ).

Лексика и смешение языковых кодов

Наиболее яркие лексические различия между двумя группами чешских говоров в России также связаны с их юзч. либо свч. генезисом. Противопоставленными являются такие лексемы или варианты лексем, как юзч. *hůde* ‘девочка, девушка’, мн. ч. *hůdata* в СКЧк/в × *deučce*, *deučata* в ЗСЧ и СКЧА; преобладающий в СКЧк/в вариант *d'edoušek* ‘дед, дедушка’ (наряду с *d'edek/d'rek*, *děda* и русизмом *d'ed*) × *d'edeček* в ЗСЧ и СКЧА (в обоих этих говорах наряду с русизмом *d'edečka*); юч. германизмы в СКЧк/в *lox* ‘подвал’ и *bajzik* ‘собака’ от нем. *beißen* ‘кусать’, ср. *bajzek* в Южной Чехии [Janečková 1995: 21]; свч. названия домашней птицы *kačena* ‘утка’, *ťopan* ‘индюк’ в ЗСЧ и СКЧА (× *kačka/kaxna* и *krocán* в СКЧк/в), свч. глаголы *zdel(áv)at* ‘снимать’ и германизм *pusovat* ‘чистить’ в ЗСЧ, СКЧА и СКЧМ (× *sund(áv)at* и *čistit* в СКЧк/в), оценочные наречия *tuze* ‘очень’ и *šeredn'e* ‘плохо’ в ЗСЧ и СКЧА (× *tos* и *škared'e* в СКЧк/в). Употребление некоторых лексем имеет идиолектный характер: таковы, в частности, наречия *nejčkin* ‘сейчас’ и русизм *xar'oš* ‘хорошо’ в речи жительницы с. Тешебс под Геленджиком (в других чешских идиомах соответственно *ted'* и *pjekn'e*).

Уже и эти примеры показывают, что с унаследованными от исходных диалектов ареально дифференцированными собственно чешскими лексемами в исследуемых говорах соседствуют, с одной стороны, также различавшиеся по регионам старые германизмы, а с другой — многочисленные восточнославянские заимствования, в разное время усвоенные переселенцами в новых местах обитания. Здесь в свою очередь выделяется относительно ранний пласт не только русизмов, но и (диалектных) украинизмов, которые, впрочем, могли проникать в чешские говоры через региональные разновидности русского языка или смешанные украинско-русские формации. Это, в частности, известное всем говорам слово *xáta*⁸ или лексемы *x'odak* ‘ходок’, мн. ч.

⁸ При склонении она принимает окончания существительных ж. р. мягкого типа, откуда вторичная форма им. п. ед. ч. *xát'*, см. [Jančáková, Jančák 2004: 124, 64].

x'odaki (с суффиксом *-ak-*, в отличие от рус. *ходок*, но с чешским ударением), *kav'un* 'арбуз', ср.: *'arbus eto po ruski, a mi řikáme po česki kav'uni* (с фиксированным ударением на втором слоге), и *trus* 'кролик', мн. ч. *trusi* в ЗСЧ. Так как данный чешский идиом по происхождению представляет собой ответвление чехоградского говора в Запорожской обл. Украины, присутствие в нем украинизмов не удивительно. Характерно, однако, что они перемежаются с давними заимствованиями как из русских говоров, распространенных в Сибири, так, вероятно, еще и из официального русского языка периода переселения чехов. Например, огород носители ЗСЧ называют адаптированным русским диалектным словом *rosadn'ik*, для обозначения же большего земельного участка (надела) используется слово *plán/plan*, восходящее, видимо, к русской терминологии времен нарезания земли. Из этих слов чехам Северного Кавказа знакомо только второе, обозначающее чаще всего надел за пределами деревни (но на х. Мамацев — огород), а в Анастасиевке наряду с ним употребляется не фиксируемый в собственно русских говорах германизм *plác/plac*, развивший значения 'пустош' и 'участок земли под застройку' (ср. о первых поселенцах: *přijely sem, každěj si zaxvátil plác... ůot jedna s'em'j'a žily jen na placi* 'приехали сюда, каждый захватил себе место... вот одна семья только жила на своем участке'). Число таких примеров, отражающих давние региональные различия в употреблении русизмов и других заимствований между чешскими говорами в России, можно значительно умножить.

Что же касается современной ситуации обсуждаемых идиомов, то сравнительную характеристику функционирования в них русизмов — включая также кальки — затрудняет полное чешско-русское двуязычие всех их носителей при непрерывном переключении и смешении ими языковых кодов в процессе общения на родном говоре. Следует признать, что в настоящее время практически весь запас лексических единиц, известных российским чехам из региональных устных или из более «высоких» форм существования русского языка, вместе с их сочетаемостью вплоть до построения фраз и нередко с сохранением их русского фонетического облика и грамматического оформления, является неотъемлемой составной частью того или иного говора. К этому источнику говорящий на своем идиоме всегда может прибегнуть и без колебаний прибегает, как правило, не сознавая того, что он черпает из арсенала заимствованных средств, и не воспринимая эти средства как чужие. В качестве иллюстрации этого можно привести фрагмент рассказа об основании х. Мамацев из записанного недавно интервью Шуваловой (урожд. Францевой) Анисьи Антоновны 1936 г. р. (с репликой еще одной информантки в самом начале), где в верхнем индексе отмечены относящиеся к разным уровням русизмы: лексические (Рл⁹),

⁹ Повторяющиеся в данном тексте заимствованные из русского языка служебные слова (соединительный союз *i*, частица *ni*) помечены как лексические русизмы только при первом вхождении.

морфологические (Рм), синтаксические или сочетаемостные (Рс) и кальки (Рк):

— *maminka naše rosk'azovala^{Рл}, že tadi bil... ne lesa^{Рм} bili, a jak... kust'arn'iki^{Рл} se nazí(va)^{Рк} / — dubi tadi росли / — aha^{Рл}, nu^{Рл} ne hustej bil les <...> i^{Рл} von'i žili tam hdesi pot Krasnod'arom^{Рм+с} či hde, či za Krasnod'arom^{Рм+с} naši rodiče, a potom jim řekli: je'te hde se vám zalíbí <...> tam i žít budete^{Рс}... nu uon'i štíri človjeka^{Рм} sedli na podvodu^{Рл+с} i jeli... a u n'as tudle to tadi bili <...> rodn'ički^{Рл}, taková voda pjekna, pr'amo^{Рл}... dříu tak^{Рс} xod'ili sp'ic'a'lna^{Рл} tam brali vodu^{Рс} i doma pili jí, abi... neš vikopali studn'i, a jak studn'e vikopali... i pucow'ali, a to každou sobotu — ne, jednou u mn'esic^{Рс} se u trup^Р zbírali^{Рк} i pucovali ti rodn'ički^{Рл} <...> // nu on'i jak přijeli, sem dojeli i koukaj, že řeka... ne řeka, a ruč'ejoch'ig^{Рл} bježí... i von'i se vopustili^{Рк} fšexni štíři, popili^{Рк} tu vodu i prošli se tadi, i jim se tadi zalíbilo // i von'i se tadi zdrouna^{Рк} štíri človjeka^{Рм} uostalo^{Рк}, mužik'a^{Рм} i s'em'ji^{Рл} štíři, a pak roctvenni duše^{Рл} přijížděli i taki se jim to tadi zalíbilo, i načali se strojit, strojit^{Рк} <...> tadi bili N'emci i Češi ' — наша мама рассказывала, что тут был... не леса были, а как... кустарники называются / — дубы тут росли / — ага, ну негустой был лес <...> и они жили где-то там под Краснодаром или где, или за Краснодаром, наши (пра)родители, а потом им сказали: поезжайте, куда вам понравится <...> там и жить будете... ну и они, четыре человека, сели на подводу и поехали... а у нас вот тут вот были <...> роднички, такая вода хорошая, прямо... раньше так специально ходили туда, брали воду и дома ее пили, чтобы... пока не выкопали колодец, а как колодцы выкопали... чистили, каждую субботу — нет, раз в месяц у труб собирались и чистили эти роднички <...> ну а они когда приехали, досюда доехали и смотрят, река... не река, а ручеечек течет... и они опустились, все четверо, попили этой воды, прошлись тут, и им тут понравилось... и они сначала четыре человека остались, четыре мужика и семьи, а потом родственные души приезжали, и им тоже тут понравилось, и они начали строиться, строиться <...> тут были немцы и чехи'.*

В заключение, учитывая всю палитру разноуровневых явлений чешско-русской интерференции в обсуждаемых говорах, остается констатировать, что за полтора века со времени прибытия первых чешских переселенцев на территорию Российской империи их традиционные крестьянские диалекты (там, где они не исчезли) претерпели эволюцию, которая привела к возникновению на настоящем этапе смешанных идиомов.

М. Глушковский, рассматривая ситуацию билингвизма у русских старообрядцев в Польше, констатировал, что некоторые их тексты «выявляют признаки смешанного кода, но было бы преувеличением отнести это понятие ко всей системе» их говора [Głuszkowski 2012: 37]. В отношении западнославянских — как чешских, так и

польских — островных говоров в России, напротив, такой вывод представляется вполне правомерным. В полной мере это смешение сказывается в лексике, в меньшей степени проявляется в морфологии и в наименьшей — в фонетике.

Литература

- Ананьева 2011 — *Ананьева Н. Е.* Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском. Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н. проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва. М., 2011. С. 47–48.
- Ананьева 2013а — *Ананьева Н. Е.* Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.
- Ананьева 2013б — *Ананьева Н. Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 467–478.
- Ананьева 2015 — *Ананьева Н. Е.* Островной польский диалект // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Кн. II. М., 2015. С. 9–18.
- Ананьева 2016 — *Ананьева Н. Е.* Лексика польских говоров Сибири (архаизмы и инновации) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов. М., 2016. С. 85–92.
- Борисова 2005 — *Борисова О. Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар, 2005.
- Гольцекер 1989 — *Гольцекер Ю. П.* Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири // *Interferencje językowe na różnych obszarach Słowiańszczyzny. Rozprawy Slawistyczne.* 4. Lublin, 1989. S. 133–147.
- Гольцекер 1991 — *Гольцекер Ю. П.* Тексты из села Вершина (Иркутская область) // *Studia nad polszczyzną kresową VI.* Wrocław, 1991. S. 209–212.
- Новая Польша 2017, № 7–8 — Беседа Яна Ружджиньского с Сергеем Леончиком. Сибиряки... по собственному желанию // Новая Польша. 2017. № 7–8. С. 28–32.
- Пасько 2011 — *Пасько Д.* Польский островной диалект жителей дер. Вершина в Сибири // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011. С. 72–90.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Поляков 2014 — *Поляков Д. К.* Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // Гибридные формы в славянских культурах. М., 2014. С. 132–147.

- Скорвид, Третьякова 2009 — *Скорвид С. С., Третьякова И. В.* «Тут жил Кирилл, а там — Мефодий...», или Чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М., 2009. С. 40–54.
- Скорвид, Поляков 2013 — *Скорвид С. С., Поляков Д. К.* О проницаемости грамматической системы в ситуации межязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. М., 2013. С. 305–337.
- Скорвид 2013 — *Скорвид С. С.* Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 554–568.
- Скорвид 2014 — *Скорвид С. С.* Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.
- Скорвид 2015 — *Скорвид С. С.* О «культурных диалектах» и переселенческих говорах чехов на Черноморском побережье Северного Кавказа // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 368–382.
- Скорвид 2016а — *Скорвид С. С.* О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Балтославянская акцентология: Материалы VII международного семинара. М., 2016. С. 142–158.
- Скорвид 2016б — *Скорвид С. С.* Генезис чешских переселенческих говоров в РФ в свете данных лексической части «Чешского языкового атласа» // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18. М., 2016. С. 93–111.
- Ananiewa 2007 — *Ananiewa N.* Prasa mniejszości narodowej polskiej (na przykładzie periodyków Ukrainy i Syberii) // Zeszyty łужyckie. T. 41. Europejskie mniejszości etniczne. Łużyczanie jako mniejszości narodowe. Część I. Warszawa, 2007. S. 73–88.
- Ananiewa 2012 — *Ananiewa N.* Niektóre właściwości gwary wyspowej na Syberii // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. 58. Łódź, 2012. S. 5–13.
- Ananiewa 2013 — *Ananiewa N.* Teksty Polaków pisane grażdanką w syberyjskiej wsi Wierszyna // Acta Baltico-Slavica. Warszawa, 2013. S. 287–298.
- Ananiewa 2015 — *Ananiewa N.* Germanizmy leksykalne w dwóch polskich gwarach wyspowych na Syberii // Gwary dziś. T. 7. Poznań, 2015. S. 169–175.
- Balhar 2002 — Český jazykový atlas/ Balhar J. (red.). Sv. 4. Praha, 2002.
- Balhar 2005 — Český jazykový atlas/ Balhar J. (red.) Sv. 5. Praha, 2005.
- Bělič 1972 — *Bělič J.* Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
- Decyk 1995 — *Decyk W.* Próba opisu polskiej gwary we wsi Wierszyna // Poradnik Językowy. Z. 8. 1995. S. 20–30.
- Decyk 1997 — *Decyk W.* Uwagi o języku społeczności polskiej w Rosji // Język poza granicami kraju. Opole, 1997. S. 109–123.
- Figura 2003 — *Figura L.* Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi // Wierszyna z bliska i z oddali. Obrazy polskiej wsi na Syberii. Kraków, 2003. S. 71–132.
- Głuszkowski 2011 — *Głuszkowski M. Vershina — a Polish village in Siberia. Factors influencing language maintenance under changing social, cultural, economic and political conditions // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. ESUKA — JEFUL 2–1. 2011. S. 157–170.*

- Jančáková, Jančák 2004 — *Jančáková J., Jančák P.* Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
- Janečková 1995 — *Janečková M.* Německé přejímky v jihozápadočeské nářeční oblasti // Jazyk a řeč jihočeského regionu. Sborník katedry českého jazyka IV. České Budějovice, 1995. S. 18–23.
- Lamprecht 1976 — České nářeční texty / Lamprecht A. (red.). Praha, 1976.
- Mitrena-Ulitina 2015 — *Mitrena-Ulitina S.* Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.
- Skorvid 2016 — *Skorvid S.* Czech immigrant dialects in the Northern Caucasus and Western Siberia // International Journal of the Sociology of Language. 2016. Vol. 238. P. 127–143.
- Słowiańskie wyspy... 2013 — Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / Red. E. Nowicka, M. Głuszkowski. Toruń, 2013.
- Stupiński 2008 — *Stupiński E.* Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. LIII. Łódź, 2008. S. 207–217.
- Stupiński 2009a — *Stupiński E.* Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. LIV. Łódź, 2009. S. 197–204.
- Stupiński 2009b — *Stupiński E.* Polszczyzna okolic Krasnojarska. Rozprawa doktorska napisana w Katedrze Dialektologii Polskiej UŁ. Promotor Prof. dr. hab. Sławomir Gala. Łódź, 2009 (рукопись).
- Umińska 2013 — *Umińska A.* Polskie cechy fonetyczne i leksykalne w gwarze wsi Wierszyna (Syberia Wschodnia) // Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / Red. E. Nowicka, M. Głuszkowski. Toruń, 2013. S. 27–42.

КВАНТОРНЫЕ СЛОВА В ЯЗЫКАХ ЗАПАДНОКАРПАТСКОГО РЕГИОНА: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Объектом нашего исследования являются кванторные слова в языках западнокарпатского региона, к каковым относятся чешский, словацкий и венгерский языки, при этом в словацком языке система кванторных слов является наиболее богатой, демонстрируя разнообразные ареально-типологические параллели. В статье мы сосредоточим внимание на словацком и венгерском языках, поскольку здесь прослеживается ряд взаимных корреляций между частицами, при помощи которых образованы кванторные слова: постараемся продемонстрировать направленность этих корреляций и их характер. Материалом для исследования послужили данные Словацкого национального корпуса, в том числе входящего в него параллельного словацко-венгерского корпуса, а также данные словацких и венгерских диалектов (словари, описания) и этимологических словарей.

В группе кванторов со значением неопределенности в словацком литературном языке фактически представлена четырехчленная система (неопределенные местоимения с частицами *nie-*, *-si*, *da-*, *voľa-*), в венгерском языке, в свою очередь, система является двучленной (местоимения с частицами *vala-* и *né-*). При этом выделяется два ряда формальных корреляций между словацкими и венгерскими аффиксами: это частицы *nie-* и *né-*, а также *voľa-* и *vala-*.

Вне словацко-венгерских соответствий остаются частицы *-si* и *da-*. Первая распространена в широком западнославянском ареале и в словацком литературном языке употребляется главным образом для выражения фактической неизвестности. В словацких диалектах местоимения с частицей *-si* характерны для западнословацких, восточнословацких и частично для среднесловацких говоров [Lalíková 1998: 282], при этом везде они выражают фактическую неизвестность объекта, что в целом характерно для их функционирования и в литературном языке¹:

¹ Здесь и далее примеры употребления словацких неопределенных местоимений в диалектах взяты из статьи А. Лаликовой [Lalíková 1998].

Čehoška se bojím (Я чего-то боюсь). *Nevjém, čo to bolo, ale čosiak tam utekalo* (Не знаю, что это было, но что-то там убегало); *Ňaňo, chtosig id'e do nás* (Ну вот, что-то идет к нам) [Lalíková 1998: 282]. В некоторых восточнословацких говорах местоимения с *-si* употребляются также для выражения так называемой слабой определенности (информация известна говорящему, но неизвестна слушающему, ср. в [Падучева 1985: 212–214]): ср. пример: *Čosi sa mi snívalo, ale vám to ňepovjém* (Что-то мне снилось, но вам я не расскажу) [Lalíková 1998: 283].

Частица *da-*, также не находящая соответствия в венгерском, в литературном языке употребляется главным образом как разговорный коррелят частицы *nie-*. Неопределенные местоимения с *da-* характерны для восточнословацких [Buffa 1953: 241; Roman 1974: 53] и отчасти для среднесловацких говоров [Stanislav 1932: 321, 429; Habovštiak 1965: 254; Lalíková 1998: 282], при этом чаще они выражают значение не фактической неизвестности, но невыбранности объекта из множества: *Mňa še to vobedz ňevídzi, ta dakomu môže hej, a'e vera mňa ňe* (Мне так совсем не кажется, возможно, кому-то да, но мне точно нет) [Lalíková 1998: 283].

Далее, неопределенные местоимения с частицей *nie-* характерны в основном для западнословацких говоров [Lalíková 1998: 282] и отчасти для среднесловацких [Ripka 1975: 110; Buffa 1966: 133], на основной массе западно- и среднесловацкого континуума они употребляются для обозначения объекта, который еще не выбран из множества: *A'e ňiečo, už čo ňestačíme, to zase navozíme v zime* (А то, что сейчас не успеем, мы привезем уже зимой) [Lalíková 1998: 282]. При этом в самой западной части западнословацких говоров они также выражают значение неопределенности как неизвестности: *Ňiechto búcha, choj'te otvorit'* (Кто-то стучит, пойдите и откройте) [Lalíková 1998: 282]. Именно местоимения с *nie-* являются наиболее частотными в словацком литературном языке [Ващенко 2016].

В венгерском языке представлены неопределенные местоимения с фонетически сходной частицей *né-*. Венгерские лингвисты, как правило, отрицают славянское происхождение частицы и возводят ее к отрицательной частице *ne* [Benkő 1993: 1018] либо к общеуральскому указательному местоимению **na* [Sipos 1991: 395]. Субстантивные и отчасти адъективные кванторы с *né-* (*néki* ‘кто-то’, *némi* ‘что-то’) в современном венгерском литературном языке утрачены либо утрачиваются [Benkő 1993: 1018]. При этом венгерские местоимения с *né-*, вытесняясь на периферию системы, подвергаются лексикализации и в широком употреблении остаются кванторы с определенными категориальными компонентами: в первую очередь речь идет о темпоральном адвербе *néha* ‘иногда’, адъективе *né mely* ‘некоторый, некоторые’, а также о неопределенном числительном *néhány* ‘несколько’. Остановимся на их соотношении со словацкими коррелятами.

Словацкое местоимение *niekedy* (равно как синонимичное *dakedy*) в литературном языке также сужает значение по сравнению с остальными местоимениями с *nie-* и *da-*: в частности, оно крайне редко употребляется для обозначения фактической неизвестности. При этом словацкое местоимение употребляется в расширенном спектре контекстов по сравнению с венгерским, которое используется только в общеэкзистенциальном значении и практически не функционирует в дистрибутивном. Как правило, при этом выражена модальность возможности, понимаемая как внутренняя способность, но не как дозволенность. Ср. примеры², где в (1) необходимая, желаемая ситуация противопоставлена другой, а в (2) и (3) сравнивается множество актуальных ситуаций и ситуация исходная, прецедентная:

1) *Niekedy* však tajomstvo hĺbky duchovného života spočíva v počúvaní, a nie v náhlivej činnosti / De a mélyebb lelkeség titkának felfedéséhez **néha** hallgatni kell, nem pedig sietve tenni valamit (**Иногда** все же для раскрытия глубин духовной жизни необходимо слушать, а не спешно делать нечто) [CHK].

2) *Niekedy* sa cítime ako Alžbeta. Sme neplodní a myslíme si, že Boh na nás zabudol / **Néha** úgy érezhetjük magunkat, mint Erzsébet: terméketlenek vagyunk és elfeledett minket az Úr (**Иногда** мы чувствуем себя, как Елизавета: мы бесплодны, и думаем, что Бог про нас забыл) [CHK].

3) *Niekedy* sme povolani, aby sme boli ako kňazi a slúžili jeho uzdravením a jeho spásou tým, ktorí sú zranení a osamelí / **Néha** a papokhoz kell hasonlitanunk: Jézus gyógyító erejét, megváltását kell elvinnünk azokhoz, akik szenvednek vagy magányosak (**Иногда** мы призваны быть словно священники и передавать благодать и силу Спасителя страдающим и одиноким) [CHK].

В 4) речь также идет о сравнении двух ситуаций: менее типичной и более типичной, часть случаев в дальнейшем конкретизируется на примерах:

4) *Sú realistickí. Uvedomujú sú, že niektorí sú na prahu smrti. Ale Boh aj v týchto prípadoch môže urobiť duchovné a emocionálne uzdravenia... Niekedy sú to aj fyzické uzdravenia. 65-ročnej Marii Cardozovej z austrálskeho Newcastle odstránili v roku 2006 obidva prsníky... / Réálsan gondolkodnak, s tudják, hogy néhányuk már közel jár a halálhoz. Ám még ezekben az esetekben is segíthet az Isten: lelkileg és érzelmileg gyógyítja meg őket... **Néha** pedig a testük is meggyógyul. A Newcastle-ban, Ausztráliában élő, hatvanöt éves Maria Cardozo 2006-ban kétoldalas*

² Здесь и далее примеры без указания источника цитаты взяты из Словацкого национального корпуса [SNK] (Slovenský národný korpus (SNK)), в том числе из главного корпуса, а также из параллельного словацко-венгерского корпуса.

maszektómián esett át... (Они реалисты. Они понимают, что некоторые находятся на пороге смерти. Но Бог даже в этом случае может дать духовное и эмоциональное исцеление... **Иногда** речь может идти даже о физическом исцелении. 65-летней Марии Кардоз из австралийского Ньюкастла в 2006 году удалили обе груди...) [ЧНК].

Для обозначения многократных, повторяющихся ситуаций в словацком языке, как правило, употребляется местоимение, в то время как в венгерском — темпоральное наречие *időnként* ‘временами’. Ср.:

5) *Niekedy jeho láskavosť pripomína výchovu, keď stavia jahňa na vlastné nohy, ošetruje mu rany a brzdi jeho sklony túlať sa / Jósága időnként a nevelésre emlékeztet, mikor saját lábukra állítja juhait, bekötözi sebeiket, és nem hagyja, hogy elkészáljanak* (**Иногда** его благожелательность напоминает воспитание, когда он ставит ягненка на ножки, осматривает его раны и не дает ему сбежать и одичать) [ЧНК].

6) *Niekedy, keď si máme predstaviť Cirkev, máme pred očami našu farnosť alebo diecézu / Időnként úgy gondolunk az «egyház»-ra, mintha az csupán plébániaközösségünkre vagy egyházkerületünkre korlátozódná* (**Иногда**, когда мы пытаемся нарисовать себе образ Церкви, у нас перед глазами встает наш приход или епархию) [ЧНК].

7) *Niekedy sa ocitneme v situáciách, ktoré nás presahujú: neočakávaná choroba, náhla smrť, strata práce, zrada alebo rozčarovanie / Időnként olyan helyzetben találjuk magunkat, amely teljesen letaglóz: egy váratlan betegség, hirtelen haláleset, elbocsátás a munkahelyről, árulás vagy csalódás* (**Иногда** мы оказываемся в ситуациях, которые совершенно выбивают нас из колеи: внезапная болезнь, скоропостижная смерть, потеря работы, предательство или разочарование) [ЧНК].

В 8) *niekedy* употреблено и для обозначения повторяющихся ситуаций, и в экзemplификативном значении, для выделения конкретных примеров из всего множества; в венгерском языке в дистрибутивном контексте употребляется *időnként*, в то время как в экзemplификативном — указательное наречие *olykor*. Ср.:

8) *Miluje ťa aj v tvojej slabosti a neistote. Pre svoju lásku k tebe Boh vie, čo je pre teba najlepšie — aj vtedy, keď s ním nesúhlasiš. Veríš tomu? ... Niekedy je ťažko tomu uveriť, no Boh ťa naozaj miluje. Naozaj chce dobro pre tvoj život. Je prirodzené, že mu niekedy položíš nejakú ťažkú otázku: Prečo sa to deje práve mne? / Gyengeségeinkben és bizonytalanságunkban is szeret minket. Mivel ő ennyire szeret, azt is tudja, mi a legjobb nekünk — még akkor is, ha mi azzal nem értünk egyet. Elhiszük? ... Olykor tényleg nehéz hinni, Isten azonban szeret minket. Jót akar nekünk. Nem baj, ha időnként olyan kérdéseket teszünk föl, hogy: Miért történik ez velem?* (Он любит тебя и в твоей слабости и неуверенности. Из-за своей любви к тебе Господь знает, что для тебя лучше — даже тогда, когда ты с ним не согласен. Ты веришь этому? ... **Иногда** в это сложно поверить,

но Бог нас действительно любит. Он действительно желает тебе добра. Естественно, ты **иногда** задаешь ему тяжелый вопрос: за что это все со мной происходит?) [CHK].

В 9) более распространенные случаи квантифицируются через *néha*, менее распространенные и притом желаемые — при помощи адверба *máskor*:

9) *Ako s odvahou prejdeme úspešne ťažkosťami? Niekedy dosiahneme cieľ tak, že zmeníme smer alebo prístup. Niekedy trváme na svojom. Nech je to akokoľvek, miernosť je kľúčom / Hogyan juthatunk túl a nehézségeken bátran és sikeresen? Néha úgy érhetjük el a célunkat, ha megváltoztatjuk a módszereinket és a hozzáállásunkat. Máskor pedig úgy, ha ragaszkodunk álláspontunkhoz. Bármiről van is szó, a szelídség a kulcs* (Как мы сможем смело пройти через все трудности? «**Иногда** для того, чтобы достичь цели, там необходимо сменить направление или подход. **Иногда** мы настаиваем на своем. Как бы то ни было, смирение является ключом) [CHK].

Для противопоставления двух синхронных ситуаций с экзистенциальным статусом в словацком литературном языке в качестве структурного коррелята *niekedy* может употребляться наречие *inokedy*, ср. (10). В венгерском используются указательные темпоральные адвербы *olykor... olykor* или *olykor... máskor*, ср.:

10) *Niekedy použil rečnícke otázky, inokedy hypotetické. Tak či onak, vždy smerovali k plnšiemu pochopeniu právd o Bohu a jeho príkazaniach / Kérdései olykor retorikaiak voltak, máskor meg feltételezéseken alapultak, de mindig Isten igazságainak és parancsolatainak teljesebb megértésére irányultak* (**Иногда** он использовал риторические вопросы, иногда гипотетические. Так или иначе, но они всегда были направлены на более полное понимание истин о Боге и его заветах) [CHK].

Кроме того, венгерское *néha* содержит в значении сему малого количества: ср., в (11) местоимение употреблено в дистрибутивном контексте, при этом число ситуаций не является небольшим, в венгерском высказывании мы видим наречие *gyakran* ‘часто’, в (12) в множестве ситуаций выделяется подмножество «крайних вариантов», обладающих дополнительными негативными характеристиками, и большее множество квантифицировано адвербом *gyakran*, в то время как меньшее — при помощи *néha* (ср. в словацком *často* и *niekedy*).

11) *Niekedy sa nám zdalo, že horizont sa hýbe, no keď sme pricválali bližšie, zbadali sme, že tento zvláštny úkaz spôsobilo obrovské stádo ovci alebo dobytká / A látóhatár egy darabja gyakran mozogni látszott, és csak mikor közelebb értünk, vettük észre, hogy hatalmas marhacsorda vagy juhnyáj okozta ezt a különös tüneményt* (**Иногда** нам казалось, что горизонт движется, но когда мы подошли ближе, то увидели, что этот необычный эффект был из-за стада овец или крупного скота) [CHK].

12) *Pracovníci sú na trhu práce vykorisťovaní, často nemajú žiadnu sociálnu ochranu a **niekedy** sú tiež nútení prijímať prácu načierno / A munkaerőpiacon a dolgozókat kihasználják, **gyakran** szociális védelem nélkül dolgoznak és **néha** bejelentés nélküli munkát kénytelenek elfogadni* (Работников эксплуатируют на рынке труда, **часто** у них нет никакой социальной защиты, **иногда** они вынуждены работать нелегально) [CHK].

Следующую пару коррелятов представляют адъективы *niektorý* и *némely*, причем значение венгерского местоимения уже, нежели у словацкого: оно не употребляется в общеэкзистенциальном значении и, как правило, обозначает некоторое малое подмножество объектов, выделяемое в другом множестве: в словацком языке сходную функцию выполняют отсутствующие в чешском языке местоимения с частицами *poně-*, *poďa-*, которые являются основными эквивалентами венгерского *némely* по данным параллельного корпуса. Ср.:

13) — *Obrátia mesto na posmech, — vyčítavali **podajedni** / — Nevetségessé teszik a várost! — hánytorgatták **némelyek*** (Они выставляют город на посмешище, — сокрушались **некоторые**) [CHK].

14) *Mračne sedeli vo svojich kreslách; **poniektorí**, ako pán brat Inokay, precítene, len richtárovi na peknej počernej tvári sa ešte leskla smelosť a vzdor / Sötéten ültek a székeikben: **némelyek**, mint Inokai uram, ellágyulva, csak a főbíró szép barna arcán fénylett még bátorság és dac* (Они нахмурившись сидели в своих креслах; **некоторые**, как брат Инокаи, были в смятении, лишь у главного судьи на прекрасном смуглом лице еще оставались написаны храбрость и сопротивление) [CHK].

15) *Ak teda sem-tam v niektorých bodoch ohľaduplne doplním alebo opatrne opravím **poniektoré** tvrdenia môjho nebohého priateľa, nebude to z neuhasiteľnej túžby po vyslovení pravdy / Ha tehát a továbbiakban néhány ponton kiméletesen kiegészítem vagy óvatosan helyesbítem halott barátom **némely** állítását, akkor egyáltalán nem az igazság kimondásának olthatatlan vágya hajt* (Если я кое-где в некоторых пунктах даже и бережно дополню либо осторожно поправлю **некоторые** утверждения моего несчастного друга, это будет отнюдь не от огромной страсти к правде) [CHK].

В (16) венгерскому местоимению соответствует словацкое *niektorí*, при этом речь также идет о выделении подмножества «крайних» реализаций некоторой закономерности. В (17) наблюдается аналогичная ситуация, при этом большее множество не эксплицировано — в обоих случаях коррелируют *niektorý* и *némely*.

16) *Ale toto sú výnimky — a rozhodne nie úplne neprirodzené javy v regióne, kde v **niektorých** dedinách žije až 90 percent Slovákov hovoriacich po maďarsky / Ezek azonban kivételek — és biztos nem egészen természetellenes jelenségek egy olyan vidéken, ahol **némely** falunak*

majdnem 90 százaléka magyar ajkú szlovák (Но это исключения — и уж точно это неудивительно для регионов, где в **некоторых** деревнях живет до 90 процентов словаков, говорящих по-венгерски) [СНК].

17) *Ale do kostola chodí len okolo 20% ľudí (a to **niektorí** pokladajú za ešte optimistický odhad) / Ugyanakkor templomba csupán az emberek 20%-a Szlovákiában és 10% Magyarországon jár (ezt azonban **némelyek** optimista becslésnek tartják)* (Но в костел ходит лишь около 20% людей (и это **некоторые** считают еще оптимистичными данными)) [СНК].

В случае с неопределенными числительными мы видим сходную картину: значение словацких местоимений шире, чем у венгерских, которые фактически употребляются только для выражения небольшого количества. Ср. в 18), где речь о принципиально малом количестве людей:

18) *Mala Padana zabili, ale pätnásťročný následník trónu Abe Padan a **niekoľkí** verní náčelníci kmeňov zutekali s malým legionárskym oddielom / Mala Padant megölték, de Abe Padan, a tizenötéves trónörökös és **néhány** hűséges törzsfő egy kis csapat légionáriussal együtt menekült* (Мала Падана убили, но пятнадцатилетнему наследнику трона Абу Падану и **нескольким** верным вождям племен удалось спастись вместе с верным отрядом легионеров) [СНК].

Ср. корреляцию словацких и венгерских местоимений при употреблении с ограничительными адвербами вида ‘лишь’, ‘только’, ‘все-таки’.

19) ***Niekoľkí** však zostali, skrývali sa u veriacich kresťanov, ale polícia mnohých chytila a odsúdila ich na smrť / **Néhányan** mégis maradtak, hívő keresztényeknél bujkáltak, de sokukat elfogta a rendőrség és halálra ítélte* (**Некоторые, впрочем**, остались, они прятались у верующих христиан, однако многих полиция схватила и приговорила к смертной казни) [СНК].

20) ***Iba niekoľkí** z nás mohli vedieť, že Šera si vzal vražedný nástroj k sebe / **Csak néhányan** tudhattuk, hogy Sera magához vette a gyilkos szerszámot* (**Лишь несколько** из нас могли знать, что Шера забрал оружие убийства себе) [СНК].

21) *Mnísi takto mohli žiť **len niekoľko** týždňov, ale Mária tak žila viac než 40 rokov / No de a szerzetesek egy-egy alkalommal **csak néhány** hetet töltöttek a pusztában, Mária viszont ott élt több mint negyven évig!* (Монахи могли так жить **лишь несколько** недель, но Мария так жила более 40 лет) [СНК].

См. также корреляцию словацких и венгерских местоимений при квантификации небольших промежутков времени:

22) ***Niekoľko** sekúnd som prešľapoval, aby počul moje kroky na zamrznutom snehu a pritom som horúčkovo uvažoval, čo robiť / **Néhány** másodpercig helyben jártam, hogy hallja a lépteim zaját a ropogó havon,*

s közben lázasan próbáltam kitalálni, hogy mitévő legyek (**Несколько секунд** я шлепал ногами, чтобы он слышал звук моих шагов на замерзшем снегу и при этом я лихорадочно размышлял, как поступить) [ЧНК].

23) *Niekoľko okamihov sme sa pozerali jeden druhému do očí, potom Šera odvrátil tvár a pohol sa dolu kopcom / Néhány pillanatig farkasszemet néztünk, majd Sera elfordult, és megindult lefelé a hegyoldalon* (**Несколько мгновений** мы смотрели друг другу в глаза, затем Шера отвернулся и пошел вниз по склону) [ЧНК].

В то же время в сочетании с темпоральными словами типа ‘час’, ‘год’, с числительным ‘тысяча’, а также при фактической неизвестности количества ср. в венгерском наречие *több* ‘больше’ (24, 25) или адъектив *számos* ‘многочисленные’ (26), где часть множества в дальнейшем конкретизируется на примерах.

24) *Niekoľko tisíc mŕtvych a popravených ľudí, poznamenal som vyčítavo, medzi nimi aj môj kamarát / Több ezer halott és kivégzett ember; jegyeztem meg szemrehányón, közöttük a barátom* (**Несколько тысяч** погибших и казненных людей, заметил я с упреком, и среди них мой друг) [ЧНК].

25) *Jedna alebo niekoľko zmlúv v závislosti od organizačných a logistických modalít / Egy vagy több szerződés, a szervezési és logisztikai vonatkozásoktól függően* (**Один или несколько** договоров, в зависимости от организационных или логистических факторов) [ЧНК].

26) *Niekoľko členských štátov má obzvlášť priaznivé environmentálne a poľnohospodárske podmienky na chov včiel, napríklad Francúzsko, Grécko, Maďarsko, Taliansko, Poľsko, Portugalsko, Rumunsko a Španielsko / Számos tagállamban kifejezetten kedvezőek a környezeti és mezőgazdasági körülmények a méhészet számára, ilyen pl. Franciaország, Görögország, Magyarország, Olaszország, Lengyelország, Portugália, Románia és Spanyolország* (**Несколько** государств-членов располагает особенно благоприятными природными и сельскохозяйственными ресурсами для пчеловодства, например, Франция, Греция, Венгрия, Италия, Польша, Португалия, Румыния и Швейцария) [ЧНК].

Наконец, неопределенные местоимения с частицей *vol'a-*, отсутствующие в чешском языке, характерны преимущественно для южной части Словакии. Можно говорить, что они характерны для юго-западных и частично для среднесловацких говоров [Stanislav 1932: 321, 322; Buffa 1966: 133; Ripka 1975: 110; Lalíková 1998: 282]. При этом в диалектах данные местоимения употребляются как для выражения собственно неизвестности, так и в экзистенциальном значении. Вместе с тем уже в литературном языке возникают условия для формирования у частицы нового значения, и она начинает маркировать слабую оп-

ределенность (про слабую определенность в русском языке см., например, [Падучева 1985: 212–214; Падучева 2016: 45]) в случае, если говорящий намеренно скрывает информацию от слушающего — (ср. про значение слабой определенности у местоимений с *voľa-* [Ващенко 2016: 59]). Ср. примеры:

27) *Dobry deň, tu je Miško. Je doma ujo Jojo? — Ahoj, Miško, tak čo? — spýta sa moja mama. — Idem zajtra na vojnu, chcel som sa rozlúčiť (U nás doma sa tiež voľpačo odohráva, a nie je to tak, čo som bola toho svedkom)* (Добрый день, это Мишко. Дядя Йойо дома? — Привет, Мишко, тебе чего? — спрашивает моя мама. — Я завтра иду в армию, хотел попрощаться. (У нас дома сейчас тоже кое-что происходит, но не то, чему свидетелем была я)) [СНК].

28) *Vcera mi môj priateľ prezradil voľpačo, čo ma veľmi prekvapilo, ale je to príliš intímne, aby som o tom písal v diskusii* (Вчера мне мой друг рассказал кое-что, что меня очень удивило, но это слишком личное, чтобы писать об этом в дискуссии) [СНК].

Также ср. примеры интродуктивного употребления местоимений с *voľa-*:

29) *Keď detektív Muro preveroval skriňu, tak sa z nej voľfakto vyrútil a zhodil Mura na dlážku. Zrazu sme si to všetci uvedomili. Tým voľfakto bol Miloš. On nás zradil. A my hlupáci sme mu verili* (Когда детектив Муро проверял шкаф, из него кто-то выскочил и свалил Муро на пол. Мы сразу все поняли. Этим «кто-то» был Милош. Он нас предал. А мы, дураки, ему верили) [СНК].

30) — *Voľpačo som ti priniesla, — povedala a ukázala mi zapalovač. Tvár sa mi rozjasnila, hneď po ňom natiahol ruku* («Я кое-что тебе принесла», — сказала она и показала ему зажигалку. Его лицо прояснилось, он сразу протянул за ней руку») [СНК].

Частица *voľa-*, не находящая соответствия в других славянских диалектах, коррелирует с венгерской частицей *vala*³, *восходящей к причастию настоящего времени való* ‘сущий’ от глагола *lenni* ‘быть’ [Benkő 1993: 1599].

При этом и в словацком, и в венгерском языке имеет место лексикализация темпоральных наречий с *voľa-* и *vala-*, и в этом также прослеживается определенный параллелизм. Так, темпоральное наречие *voľakedy* обозначает фиксированный момент в прошлом, при этом сема неизвестности переосмысливается как показатель темпоральной отдаленности события, фактически лексема употребляется в значении ‘когда-то’, ‘давно’ [Ващенко 2016: 71].

³ В «Кратком этимологическом словаре словацкого языка» приводятся два возможных пути происхождения частицы — от праславянского **voliti* ‘хотеть’, либо же заимствование из венгерского [Králík 2015: 666].

31) «*V našej rodine nebol okrem mňa nijaký kominár, a zdá sa, že ani nebude,*» hovorí Jozef Rózsa a dodáva: «*Ale v dedine, kde som sa narodil a žijem, vo Veľkej Mači, bolo vždy kominárov veľa. Voľakedy v hlavnom meste Slovenska a jeho okolí skutočne pôsobilo až päťdesiat kominárov. Teraz ich počet klesol na pätnásť*» («В нашей семье, кроме меня, не было трубочистов и, кажется, не будет», — говорит Йозеф Рожа и добавляет: «Но в деревне, где я родился, в Велькой Маче, всегда было много трубочистов. **Когда-то** в столице Словакии и ее окрестностях одновременно работали полсотни трубочистов. Сейчас их число сократилось до пятнадцати») [ЧНК].

32) *Neuveríš, ale voľakedy som si bez nich nevedel predstaviť život. Bože, keby som si pamätal, kde som len založil mojich barbar-conanov..., je mi to trochu ľúto, že ich neviem nájsť* (Не поверишь, но **когда-то** я не мог представить себе жизнь без них (без компьютерных игр. — Д. В.). Боже, если бы я помнил, куда я засунул своих конан-варваров... мне немного жаль, что я не могу их найти) [ЧНК].

Аналогичное значение развивают в венгерском языке наречия *valaha, valamikor*, ср. данные параллельного корпуса:

33) *Nepočul som, že by ste to mesto boli voľakedy dobyli / Nem hallottam hírét, hogy valaha elfoglaltatok volna azt a várost* (Я не слышал, чтобы вы **когда-то** занимали этот город) [ЧНК].

34) *Gabriel Porosznoki ... dal ho prosto z ulice zavolať a usadil za zelený stôl medzi mestských starešinov. Počul už voľakto voľakedy čosi takého? / Porosznoki Gábor... behívatta az utcáról, és odaültette a zöldasztalhoz a város vénei közé. Hallott már valaha valaki ilyen dolgot?* (Габриел Поросноки... приказал позвать его и усадил за стол среди городских старейшин. Слышал ли уже **когда-нибудь кто-либо** что-то подобное?) [ЧНК]

35) *Uvedomujem si, že som sa mýlil, keď som voľakedy dávno pozoroval svet zo zorného uhla vedca, sediaceho za laboratórnym stolom, a mýlil som sa aj vtedy, keď som na tejto planéte pod vplyvom svojej slabosti podľahol pocitom strachu a hrôzy z praveku / Tévedtem, mikor valamikor régen laboratóriumim asztalom szemszögéből néztem a világot, tévedtem, mikor gyengeségemben visszaestem ezen a bolygón az őskor rettegetéseibe* (Я понимаю, что заблуждался, когда **прежде** наблюдал мир исключительно глазами ученого, сидящего за лабораторным столом, и заблуждался тогда, когда под влиянием слабости поддавался чувству страха и ужаса от древности) [ЧНК].

Можно допустить, что контакты со славянскими языками оказывали поддерживающее воздействие на сохранение частицы *né-*, которая со временем вытесняется частицей *vala-*, и если местоимения с *né-* обнаруживают тенденцию к лексикализации, то кванторы с *vala-*, напротив, активно грамматикализуются. В свою очередь частица *vala-*

заимствуется словацким языком, где уже в литературном языке начинает развиваться значение слабой определенности, т. е. заполняет собой определенную лакуну в системе кванторных слов.

Следующий круг вопросов связан с семантической группой кванторов со значением произвольности. В словацком языке представлена трехчленная система — с аффиксами *-kol'vek*, *hoci-*, *bárs-*, в венгерском двучленная — *akár-* и *bár-*. Частица *hoci-* / *akár-*, которая в обоих языках возводится к глаголу ‘хотеть’ — ср.: [Králik 2015: 201; Benkő 1993: 16], также отсутствует в чешском языке. В этой связи можно говорить о возможно калькированном характере данной частицы в словацком языке. В то же время частица *bár-* напрямую заимствуется словацким из венгерского, хотя сам венгерский здесь играет роль языка-посредника, так как в нем частица является заимствованной из турецкого языка (ср. [Králik 2015: 62; Benkő 1993: 79]). В венгерском языке данная частица является широко употребительной, в то время как в словацком местоимения с *bár(s)-* сравнительно малочастотны (ср., например, 55 позиций в корпусе у местоимения *bárskto*, 12381 для *tkokol'vek* и 5343 для *hocikto*), при этом они не являются строго стилистически маркированными, употребляясь равным образом во всех функциональных стилях национального языка. Анализ параллельного словацко-венгерского корпуса показывает, что между местоимениями в литературных языках отсутствует сколь-нибудь заметная семантическая дифференциация. При этом в контексте утверждения словацким местоимениям с частицей *hoci-* могут соответствовать как венгерские местоимения как с *akár-*, так и с *bár-*.

36) *Nech už to urobil hocikto, odviedol perfektnú prácu* / *Akárki csinálta is, alapos munkát végzett* (Кто бы это ни сделал, он отлично выполнил свою работу) [CHK].

37) *Hocikto môže hocikedy zaostat', kým je priesmyk dost' široký* / *Bárki bármikor lemaradhat, amíg elég széles a hágó* (Кто угодно может остаться когда угодно, пока перевал довольно широкий) [CHK].

При этом, в отличие от местоимений с *-kol'vek*, только местоимения с *hoci-* могут употребляться с отрицанием. Аналогичное ограничение на сочетаемость прослеживается и у венгерских местоимений с *akár-* / *bár-*: с отрицанием могут употребляться только первые. Ср.:

38) *Povie ti, že on nie je hocikto, pri rieke Sinistre má bustu* / *Azt fogja mondani, nem akárki, mellszobra áll a Sinistra mentén* (Он скажет тебе, что он не какой-то там, его бюст стоит у реки Синистры) [CHK].

39) *...vedeli sme predsa, že Préma napríklad jeho otec aj tak každý večer zbije, a to nie hocijako, mláti ho remeňom, palicou...* / *...jól tudhattuk, hogy a Prémét például minden este amúgy is megveri az apja, és nem akárhogyan, hanem szíjjal, bottal...* (...мы знали, что Према, к примеру, отец каждый вечер бьет и не просто, а колотит его ремнем, палкой) [CHK].

Венгерские лингвисты, как правило, пишут о полной синонимии частиц (ср., например, [Törkenczy 2002; Szita, Görbe 2009]. Исключения составляют лишь две работы. Так, в [Rounds 2009] проводится тезис о том, что местоимения с частицей *akár*- содержат дополнительный смысловой оттенок качественного разнообразия членов множества. Кроме того, в [Szabó 2010] автор, констатируя неполную синонимию частиц, пишет о том, что местоимения с *akár*- обозначают «крайние», «исключительные» объекты множества, в то время как местоимения с *bár*-, как правило, употребляются в общеэзкзистенциальном значении. Данные параллельного словацко-венгерского корпуса дополнительно подтверждают эти наблюдения.

Также в ряде случаев венгерским местоимениям с частицами *akár*- и *bár*- соответствуют словацкие с частицей *nie*-. Так, ср. подобные корреляции в придаточном при выраженности в главном модальности желания:

40) *Nie preto, žeby mi v tom bránilo svedomie alebo niečo podobné, ale preto, lebo by som nebol rád, keby sa čo len **niekto** dozvedel, že páchatel'om som bol ja / Na nem azért, mintha a lelkiismeret vagy valami hasonlő nyavalya akadályozna meg benne, hanem mert nem szeretném, ha **akárki** is megtudná, hogy én voltam a tettes* (Не оттого, что мне не давало сознание или что-то в этом духе, но потому, что я не хотел, чтобы **кто-то** узнал, что преступником был я) [ЧНК].

41) *Nemal som chuť ísť s niekým domov, chcel som sa vyhnúť tomu, aby som s **niekým** musel hovoriť, a tak som na schodisku vystúpil z radu... / Senkivel nem volt kedvem hazamenni, el akartam kerülni, hogy **bárkivel** szót kelljen váltanom, a lépcsőházban kiléptem hát a sorból...* (Я ни с кем не хотел идти домой, и хотел избежать того, чтобы с кем-то разговаривать, и так еще на лестнице я отстал от компании...) [ЧНК].

Ср. также случаи, когда в главном предложении выражена модальность возможности:

42) *Ostatne, vôbec nemám v úmysle pána Lawrencea čo len z **niečoho** podozrievať / Különben eszem ágában sincs, hogy Mr. Lawrence-t gyanúsítsam **akármivel** is* (И вообще, у меня и в мыслях нет **в чем-то** (в чем бы то ни было) подозревать мистера Лоуренса) [ЧНК].

43) *Nepamätám sa, či som rozmýšľal aj o **niečom** inom / És nem emlékszem, hogy gondoltam volna-e **bármí** mást* (Я не помню, чтобы я размышлял о **чем-нибудь** другом) [ЧНК].

44) *Pochodovali celé dni bez toho, že by **dakoho** stretli / Napokig mentek anélkül, hogy **bárkivel** is találkoznának* (Они шли целый день, и **ни с кем не** встретились) [ЧНК].

45) *Zrazu sa rozbehol, a prv ako sme mohli **niečo** urobiť, zmizol za dverami vedúcimi do druhého Dvora / Hirtelen meglódult, és mielőtt még **bármí**t is tehattünk volna, eltűnt a második udvarba vezető ajtónyílás*

mögött (Внезапно он разбежался, и, прежде чем мы смогли **что-нибудь** сделать, исчез за дверями, ведущими в другой двор) [CHK].

Подобные корреляции также возможны в контексте разрешения или запрета в главном:

46) *Pane, nechcem, aby sa **niečo** dostalo medzi nás! / Uram, nem akarom, hogy **bárm**i is közénk álljon!* (Господин, я не хочу, чтобы **что-то** стояло между нами!) [CHK].

47) *Nedovolil, aby sa mu **niečo** postavilo do cesty, keď sa rozhodol vidieť Ježiša — ani zástup, ani jeho nízka postava / Nem engedte, hogy **bárm**i is megakadályozza őt abban, hogy meglássa Jézust — sem a tömeg, sem alacsony termete* (Он не мог позволить, чтобы **что-то** помешало ему увидеть Иисуса — ни толпа, ни его низкий рост) [CHK].

48) *Okrem toho sme sa dohodli, že ak **niekto** spozoruje dačo podozrivé, ihneď to oznámi ostatným / Abban is megállapodtunk, hogy ha **bárki** is valami gyanúsát észlel, azonnal értesíti a többieket* (Кроме того, мы договорились, что если **кто-то** заметит что-то подозрительное, он сразу же сообщит всем остальным) [CHK].

Также см. подобные соответствия в риторических вопросах, которые предполагают принципиальное существование объекта, обозначенного местоимением:

49) *Prečo je pre vás také dôležité, aby **niekto** z nás ostal nažive? / Miért olyan fontos magának, hogy **bárki** is életben maradjon közülünk?* (Почему для вас так важно, чтобы **кто-то** из вас остался в живых?) [CHK].

50) *Povedali ste už tieto slová **niekomu**? / Kimondták már valaha is **bárkinek** ezeket a szavakat?* (Ты уже говорил эти слова **кому-нибудь**?) [CHK].

51) *Ako môže **niekto** naplno vyjadriť, aké je byť takým čistým? / Hogy tudná **bárki** is elmondani, milyen érzés így megtisztulni?* (Как может **кто-то** нормально выразить, как это — быть таким чистым?) [CHK].

Таким образом, в словацком и венгерском языках в указанной сфере лексики имели место двунаправленные процессы заимствования и калькирования словообразовательных частиц. При заимствовании словообразовательных аффиксов либо в том случае, если их формальное совпадение оказывает поддерживающее воздействие, могут наблюдаться процессы тройкого характера. С одной стороны, местоимения с заимствованными аффиксами могут развивать уже на базе литературного языка новое значение и заполнять тем самым определенные лакуны в системе кванторных слов: подобное происходит у словацких неопределенных местоимений с частицей *vol'a-*, которые развивают значение слабой определенности. С другой стороны, может происходить частичная лексикализация местоимений, и корреля-

латы в контактирующих языках обнаруживают значительное сходство значений, что наблюдается у местоимений *vol'akedy* — *valamikor* в значении 'давно, прежде', а также у местоимений *niekedy* — *néha*, *niektorý* — *némely*, *niekoľko* — *néhány*, при этом значение венгерских местоимений с *pé-* значительно уже, нежели у словацких с *nie-*. Наконец, местоимения с заимствованной частицей могут вытесняться на периферию языковой системы, сохраняясь в качестве территориально или стилистически маркированного варианта, что характерно для словацких местоимений с частицей *bár-*. В случае калькированного характера частицы в контактирующих языках можно говорить об определенном семантическом параллелизме между соответствующими кванторами.

Литература

- Ващенко 2016 — Ващенко Д. Ю. Система неопределенных местоимений в словацком языке. М., 2016.
- СНК — Словацкий национальный корпус:
 Slovenský národný korpus — par-skhu-1.0. Bratislava, 2014. Dostupný z WWW: <http://korpus.juls.savba.sk>
 Slovenský národný korpus — prim-8.0-public-sane. Bratislava, 2018. Dostupný z WWW: <http://korpus.juls.savba.sk>
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Однажды как показатель слабой определенности // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 45–55.
- Benkő 1993 — Etymologisches Wörterbuch der Ungarischen / Szerk. Benkő L. Budapest, 1993.
- Buffa 1953 — Buffa F. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
- Buffa 1966 — Buffa F. Častice *nie-*, *da-*, *vol'a-*, *-si* v slovenských nárečiach // Slovenská reč. 1966. № 3. S. 133–136.
- Habovštiak 1965 — Habovštiak A. Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
- Králik 2015 — Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.
- Lalíková 1998 — Lalíková A. Neurčité zámená v slovenských nárečiach // Varia VII. (Zborník materiálov zo VII. kolokvia mladých jazykovedcov. Modra-Piesok. 03–05. 12. 1997.) Bratislava, 1998. S. 280–283.
- Sipos 1991 — Sipos P. A névmások // A magyar nyelv történeti nyelvtana I: A korai ómagyar kor és előzményei / Benkő Loránd (főszerk.), E. Abaffy Erzsébet–Rácz Endre (szerk.). Budapest. 353–399.
- Stanislav 1932 — Stanislav J. Liptovské nárečia. Turčiansky Svätý Martin, 1932.
- Szabó 2010 — Szabó M. K. A bár- és az akár- elemek szintaxisának és szemantikájának a vizsgálata // Nyelvtudomány, 5–6. L. Budapest, 2010. 181–198 old.

-
- Szita, Görbe 2009 — *Szita Sz., Görbe T. Gyakorló magyar nyelvtan.* Budapest, 2009.
- Ripka 1975 — *Ripka I. Dolnotrenčianske nárečie.* Bratislava, 1975.
- Roman 1974 — *Roman J. Kokavské nárečie.* Martin, 1974.
- Rounds 2009 — *Rounds C. H. Hungarian: An essential grammar.* Abingdon, 2009.
- Törkenczy 2002 — *Törkenczy M. Practical Hungarian grammar.* Budapest, 2002.

АСИММЕТРИЧНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ СЛОВАЦКОГО И ЧЕШСКОГО ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В XX ВЕКЕ

Классическая теория языковых контактов, начиная с фундаментальной книги У. Вайнрайха «Языковые контакты» [Weinreich 1953], исходит из того, что их последствием является интерференция языковых элементов, реализующаяся с разной степенью интенсивности в речи индивидов либо при повторении явления разными индивидами переходящая на уровень языка. В результате возникает конвергенция языков, которая может быть как односторонней, так и обоюдной. Следующей ступенью при тесном одностороннем перманентном контакте языков является глубокое воздействие доминирующего языка на принимающий, в результате которого может происходить языковой сдвиг. Однако, как показывает изучение изменений словацкого и чешского литературных языков в XX в., это происходит не всегда. Усиление языкового контакта помимо явлений конвергентного характера может сопровождаться ярко выраженной дивергенцией языков, охватывающей иные грамматические формы и пласты лексики, которые ранее могли находиться в стабильном состоянии.

Хорошо известно, что чешский и словацкий языки в течение многих веков находились в контактном континууме. Не прекратилось их взаимодействие и в XX в. Напротив, в этот период оно еще более усилилось, так как первоначально внешний языковой контакт вследствие создания в 1918 г. общего государства чехов и словаков превратился во внутренний. Многочисленные конвергентные явления как результат тесного контактирования названных языков действительно имели место, что демонстрирует целый ряд работ, посвященных конвергенции этих языков, однако они реализовались главным образом на уровне конкретных форм и лексем. Одновременно с ними, однако, действовала ярко выраженная тенденция к дивергенции этих литературных языков, распространявшаяся в том числе и на системный уровень, что позволяет считать ее доминирующей. При этом активным участником дивергентного процесса выступал словацкий литературный язык,

поскольку именно в нем происходили изменения дивергентного характера, тогда как в чешском литературном языке сохранялось исконное состояние. Такой тип изменения соотношения языков можно назвать асимметричной дивергенцией. Иными словами, в словацком литературном языке, испытывавшем сильное влияние чешского литературного языка, происходили сдвиги целых фрагментов языковой системы, которые ранее находились в относительно устойчивом состоянии. Данное явление было реакцией принимающего языка на интенсивные конвергентные процессы, и эта реакция могла быть как целенаправленной, исходящей от кодификаторов и закрепленной в кодификационных пособиях, так и стихийной, реализующейся первоначально на практике вопреки кодификации, а затем уже находившей отражение в кодификационных трудах. Заметим, однако, что сами языковые контакты еще не являются достаточным условием возникновения дивергентных процессов в контактирующих языках. Эти языки должны быть близкородственными, имеющими общие фрагменты на разных языковых уровнях, причем один из них должен быть очевидно доминирующим. Кроме того, важно то, каким образом эти литературные языки формировались. Как известно, чешский язык проник в Словакию еще в XIV в. и стал использоваться там в качестве литературного языка. Постепенно, однако, он начинает взаимодействовать с юго-западными словацкими говорами, меняя свою структуру. Первоначально эти процессы затрагивают фонетический уровень языка, а затем распространяются на морфологический, тогда как лексический уровень ими был затронут довольно слабо. После кодификации словацкого литературного языка Л. Штуром тенденция его развития меняется на противоположную и он вновь начинает сближаться с чешским [Лифанов 2015]. Дивергентные тенденции снова набирают интенсивность после кодификации С. Цамбела и особенно в первые два десятилетия существования Чехословакии. Центром тяжести изменений опять оказывается грамматика и прежде всего морфология, а также словообразование и лексический состав.

На морфологическом уровне осуществились процессы, приведшие к изменениям системного характера и реализовавшиеся в морфологии разных частей речи. Рассмотрим наиболее значительные из них.

1. Утрата деепричастий прошедшего времени

Ч. *začav* (м. р. ед. ч.), *začavši* (ж. и ср. ед. ч.), *začavše* (мн. ч.)

С. *začav*, *začavši*, *začavše* → *začavši* → #

Деепричастия прошедшего времени функционировали в словацком литературном языке до кодификации Л. Штура (1844–46 гг.) и, как и в чешском литературном языке, их формы в кодификации А. Берно-

лака (1787 г.) различались по родам и числам. В реальной же практике наблюдалось смешение этих форм [Лифанов 2005а]. Л. Штур выводит деепричастия прошедшего времени из словацкого литературного языка, однако предпосылки их возврата наблюдаются уже в «Краткой словацкой грамматике» 1852 г. [Krátka 1852]. Ее автор М. Гаттала хотя прямо и не кодифицирует названные формы, однако описывает их образование в чешском языке. В парадигмах формы деепричастий прошедшего времени приводятся, как правило, в скобках, хотя это формы другого языка. В грамматике словацкого языка Ф. Мраза, опубликованной в 1864 г., образование форм деепричастий прошедшего времени излагается уже без какого-либо упоминания о чешском языке [Czambel 1919: 88], и рассматриваемые формы действительно начинают употребляться в словацком литературном языке:

Sotva že sa navrátili poslovia... *podeliv* vojsko na trojo, hned... *vtrhnul* do Korutanska [Sas: 27] («Едва послы возвратились, он, разделив войско на три части, сразу вторгся в Хорутанию»); Posol Ondrejov, *dohonivši* ho, ponúkal ho smlúvou [Sas: 37] («Посол Ондreja, догнав его, предлагал ему договор»); Tak Ondrej... *pripojiv sa* k Ježišovi... *pravil* k nemu [KN89: 2] («Так Андрей... присоединившись к Иисусу... обратился к нему»); Keď Gréci, *vytrhnuvše* z mesta, hrozili vyhrobením kostí tohože Abu Ejuba, k prekazeniu toho vyzýval Jarid, vodca vojska [KN89: 62] («Когда греки, вырвавшись из города, грозились вытащить из могилы кости этого Абу Эюба, Ярид, военачальник, призывал воспрепятствовать этому»).

Более того, С. Цамбел, автор авторитетной грамматики начала XX в., выполнявшей долгие годы функцию кодификации словацкого литературного языка, всячески поддерживал употребление деепричастий прошедшего времени, отмечая лишь то, что по аналогии с деепричастиями настоящего времени следует употреблять лишь одну неизменяемую форму исконно женского рода, чему следовал сам: *Oddelivši sa* literárne od Čechov, na základe historického práva môžeme si v slovníku zachovať koľko sa nám ľúbi [Czambel 1903: 222] («Отделившись от чехов в литературном отношении, мы на основе исторического права можем оставить в словаре столько (слов чешского происхождения — К. Л.), сколько захотим»).

Словацкие грамматисты Я. Дамборский, Я. Мигал, Й. Орловский — А. Арани и позже включали аналогичные формы в грамматику словацкого языка, вышедшие в 1930-е–1940-е годы [Isačenko 1951–52: 7], и даже лидер словацкого пуризма Г. Бартек в «Правилах словацкого правописания» 1940 г. приводит примеры, содержащие эти деепричастия: *Dieťa poplakavši si zaspalo* [Pravidlá 1940: 115] («Ребенок, поплакав, уснул»). Вопреки усилиям кодификаторов, однако, деепричастия прошедшего времени утрачиваются словацким литератур-

ным языком. Этот процесс в том же 1940 г. отмечал Я. Жиго, который называл деепричастия типа *zavolavši* «позвав», *prosívši* «просив» архаизмами, «мертвыми формами» [Ružička 1956: 282]. Наконец, в 1950 г. Б. Летц в своей грамматике выводит эти формы из словацкого литературного языка [Ondrus 1964: 144], что официально подтверждается в «Правилах словацкого правописания» 1953 г. [Pravidlá 1953].

В чешском же литературном языке деепричастия прошедшего времени сохранились до настоящего времени.

2. Утрата кратких страдательных причастий

Ч. *udělán, udělána, uděláno, uděláni, udělány, udělána*

С. *uroben, urobena, urobeno, urobeni, urobeny* → *urobeno* → #

Иначе сложилась судьба кратких страдательных причастий, употреблявшихся в предикативной функции. Эти формы также не были кодифицированы Л. Штуром. Не были они введены в словацкий литературный язык и в более поздних грамматиках. Тем не менее они употреблялись в текстах второй половины XIX в., однако преимущественно в форме среднего рода, причем как в двусоставных, так и в односоставных предложениях. Ср. примеры из труда Ф. В. Сасинька:

Týmto spôsobom r. 1009 *utvoreno bolo* terajšie *kráľovstvo* Uhorské pod kráľami z krvi *árpádskej* [Sas: 4] («Так в 1009 г. было создано нынешнее Венгерское королевство во главе с королями арпадской крови»); Teraz *uzavreno, nelen* uderiť na *západné a severné hranice*, no i na *južné* [Sas: 25] («Теперь было решено ударить не только по западным и северным границам, но и по южным»).

Похожая ситуация наблюдается и в конце XIX в., однако процесс их утраты продолжался, так как теперь краткие страдательные причастия в двусоставных предложениях употреблялись в предикативной функции преимущественно в предложениях с подлежащим, имеющим числовое значение. Ср. предложения из газеты «Католицке новины» за 1889–1890 гг.:

Sedem baníkov bolo usmrteno, dvaja ťažko a mnohí ľahko ranení [KN89: 104] («Семь шахтеров погибли, двое тяжело и многие легко ранены»); Dňa 19. júna *pokršteno* v misijnej stanici Trappistov v Marianhille v Afrike 36 *dietok* [KN90: 166] («19 июня в миссионерском центре траппистов в Марианхилле в Африке окрестили 36 детей»); Dosiaľ *objednано* je z neho 32 *výtiskov*! [KN89: 72] («До настоящего времени из него (тиража. — К. Л.) заказано 32 экземпляра»); Lebo *večnosť* je len *okolnosťou* a nie *príčinou*; čas *netvorí*, ale len v čase *býva tvoreno* [KN90: 112] («Ибо вечность — только обстоятельство, а не причина; время не создает, но только во времени что-то создается»); Liberáli tvrdia, že je v *obecných školách* o *náboženstvo* *postarano*

[KN89: 52] («Либералы утверждают, что в общеобразовательных школах религия занимает достойное место»).

Краткие страдательные причастия в форме среднего рода вопреки кодификации С. Цамбела продолжали употребляться и в 10-е годы XX в.: *Stará povest' spomína divotvornú zelinu, ktorá otvára pivnicu v zámku, v ktorej nakopeno je mnoho zlata, drahých kameňov a prevšelikých pokladov* [Osvald: 4] («В старой повести упоминается чудотворная трава, которая открывает подвал в замке, в котором накоплено много золота, драгоценных камней и самых разнообразных кладов»); *Zbroje jedovaté užívať, studne, potraviny otráviť je zakázano* [SR14: 314] («Использовать ядовитое оружие, отравлять колодцы и пищу запрещено»). Вскоре, однако, они были полностью утрачены словацким литературным языком. В чешском же литературном языке они употребляются и в настоящее время.

3. Утрата звательной формы

Ч. *dube, rybo*

С. *dube, rybo* → *dub, ryba*

В отличие от кодификации А. Бернолака звательная форма как системное явление не представлена уже в кодификации Л. Штура, который писал следующее: «Вокатив у нас, словаков, равен номинативу, однако некоторые слова имеют особую звательную форму, например: *Boh Bože, oťec oťce, chlapec chlapče, človek človeče, pán paňe, hospod'in hospod'íne*» [Štúr 1957: 190]. Тем не менее, кодификатор включает звательную форму в состав парадигм склонения существительных, что, вероятно, способствует частичному восстановлению звательного падежа как системного явления уже в «Краткой словацкой грамматике», где находим особые звательные формы большей части существительных женского (*rybo, vôňo*) и мужского (*chlape, dube, muž / muži, meču / meči*) рода. Эти формы реально употреблялись и в текстах: *Na prvý pohľad, drahý čitateľu, musí ti byť nápadným* [KN90: 11] («На первый взгляд, дорогой читатель, тебе должно бросаться в глаза»); *O milý, dobrý slávičku, volal, poďže ešte raz sem!* [KN90: 8] («О, милый, добрый соловушка, — звал он, — приди же еще раз сюда»); *Milá manželko, ty dobrá, verná dušo, teba som učinil biednou!* [KN89: 30] («Дорогая супруга, ты добрая, верная душа, тебя я сделал бедной!»).

С. Цамбел оставляет кодификацию звательной формы без изменения [Czambel 1919], однако «Правила словацкого правописания» 1931 г. фактически возвращаются к штуровской кодификации этого явления, так как приводят примеры с употреблением формы им. падежа ед. числа в функции звательной формы: *Priateľ mój, pomôž!* [Pravidlá 1931: 78] («Друг мой, помоги!»). Такая ситуация сохраняется до настоящего времени.

4. Переосмысление структуры составных количественных числительных, обусловившее изменение их синтаксических свойств

- Ч. *Dvacet jeden strom byl vykácen / Dvacet dvě břízy byly vykáceny*
 С. *Dvacat' jeden strom bol vyrúbaný / Dvacat' dve brezy byly vyrúbané* → *Dvadsaťjeden stromov bolo vyrúbané / Dvadsaťdve briez bolo vyrúbané* → *Dvadsaťjeden stromov bolo vyrúbaných / Dvadsaťdva briez bolo vyrúbaných*

В чешском и словацком литературных языках представлены два варианта обозначения составных числительных, в которых единицы предшествуют десяткам и наоборот. Первый вариант в двух языках не претерпел формальных изменений, кроме возможного снижения частотности этих форм в словацком литературном языке. Второй же вариант в словацком литературном языке пережил существенную трансформацию, но сохранился в чешском в первоначальном виде.

Кодификаторы словацкого литературного языка XIX — начала XX в. не уделяли должного внимания рассматриваемым формам, поэтому из их трудов мы получаем лишь фрагментарную информацию о них. Так, Л. Штур пишет лишь об одушевленных формах количественных числительных [Štúr 1957: 218], в «Краткой словацкой грамматике» отсутствует даже они и приводятся примеры составных количественных числительных без освещения их морфологических и синтаксических свойств, в труде С. Цамбела нет даже упоминания о составных числительных [Czambel 1902: 87–93]. Раздельное же написание типа *dvacať jeden* [Krátka 1852: 30] свидетельствует о том, что компоненты составных числительных воспринимались как разные слова.

Тексты конца XIX — начала XX в. показывают, что составные количественные числительные, содержащие компоненты *dva/dve*, *tri*, *štyri* употреблялись с существительными в форме им. падежа мн. числа. Ср. примеры:

Nebožtík na vyučovaní a vychovávaní mládeže pracoval 53 roky... [KN90: 23] («Покойный на ниве обучения и воспитания молодежи работал 53 года»); *Martin Bartoš dostal 64 palice*, *Juro Junáček 50 palíc*, *Pavel Rus 40 a Štefan Vrabec, ktorý pre svoj vysoký vek nebol by viacej vydržal, 24 palice* [Škultéty: 20] («Мартин Бартош получил 64 удара палкой, Юро Юначек 50, Павел Рус 40, а Штефан Врабец, который из-за своего почтенного возраста не смог бы выдержать больше, 24 удара»); *Napchal som si vrecká suchármi a vzal fľašu vody, pretože som chcel ležať v svojej skrýši najmenej 24 hodiny* [Kľačko: 64] («Я набил себе карманы сухарями и взял бутылку воды, так как собирался лежать в своем укрытии не менее 24 часов»).

Процесс переосмысления структуры составных количественных числительных отражают «Правила словацкого правописания». Так, в «Правилах» 1931 г. зафиксирована переходная стадия в развитии этих числительных, так как десятки и единицы пишутся еще раздельно, хотя падеж зависимого существительного определяет либо числительное, обозначающее единицы, либо составное числительное в целом. При этом числительные *jeden / jedna / jedno* и *dva / dve*, входящие в его состав, изменяются по родам: *dvacať jeden človek, dvacať jedna žena, dvacať jedno dieťa; dvaciatí dvaja ľudia, dvacať dve ženy, dvacať dve mestá — dvacať jeden ľud, žien, detí; dvacať dva ľud, stromov, žien, detí* [Pravidlá 1931: 64]. В «Правилах правописания» 1940 г. кодифицируются уже только составные количественные числительные, управляющие формами род. падежа мн. числа существительных, хотя входящие в их состав компоненты *jeden* и *dva* все еще изменяются по родам: *dvadsaťjeden vojakov, dvadsaťjedna žien, dvadsaťjedno detí, dvadsaťdva vojakov, dvadsaťdve žien, dvadsaťdve miest* [Pravidlá 1940: 100]. И только в кодификации 1953 г. составные числительные приобретают современные формы: *dvadsaťjeden vojakov, žien, detí, dvadsaťdva vojakov, žien, miest* [Pravidlá 1953: 88]. Сохранились также одушевленные формы числительных типа *dvadsiati dvaja (ľudia)*. В результате осуществившихся процессов изменения обозначения составных числительных словацкий литературный язык стал самым существенным образом отличаться от чешского, в котором сохранились исходные формы.

Одновременно изменилась синтаксическая связь числительных с глаголами и причастиями, использовавшимися в предикативной функции. Как уже говорилось ранее, первоначально употреблявшиеся в составе именной части составного сказуемого краткие причастия дольше всего сохранялись именно в формах среднего рода ед. числа. Это произошло, вероятнее всего, вследствие того, что возникала проблема синтаксической связи числительного с полным причастием. Примеры показывают, что первоначально замена происходила механически и несклоняемое краткое причастие заменялось полным страдательным причастием в форме им. падежа ед. числа: *Okrem toho malo byť na rozličných miestach nemaďarských oblastí Uhorska postavené 400 nových, tzv. milenárných ľudových škôl s určením, aby sa v nich podporovala maďarizácia krajov Uhorska, obývaných nemaďarským obyvateľstvom* [SV46: 295] («Кроме того, в различных местах невенгерских областей Венгрии должно было быть построено 400 новых, т. наз. миленарных народных школ, предназначением которых была поддержка мадьяризации краев Венгрии, в которых проживало невенгерское население»).

Во второй половине XX в. в подобных предложениях происходит вытеснение полных страдательных причастий в форме им. падежа ед. числа формами род. падежа мн. числа, т. е. устанавливается

согласование этих причастий с формой существительных: *Viac ako 80 % bytových domov bolo postavených formou hromadnej výstavby* [Budovy: 1] («Более 80% жилых помещений было построено формой групповой застройки»).

5. Изменение в склонении существительных мужского рода, обозначающих животных

Ч. *orli, jestřábi, koni, medvědi*

С. *orli, jastrabi, koni, medvedi* → *orly, jastraby, kone, medvede*

Названия животных мужского рода в словацком литературном языке, начиная с кодификации Л. Штура, во мн. числе, как правило, склонялись как неодушевленные существительные и только иногда они «повышались» до уровня одушевленных, которые им «из милости уступали» свое окончание [Štúr 1957: 192]. Этот тезис по сути повторяется и в «Краткой словацкой грамматике» [Krátka 1852: 14]. Расшатывает ситуацию С. Цамбел, который утверждает, что по типу *kráľ* склоняются все одушевленные существительные, например: *chlap* ‘мужчина’, *muž* ‘мужчина’, *žiak* ‘ученик’, *had* ‘змея’, *orol* ‘орел’, *medved* ‘медведь’, *lev* ‘лев’ [Czambel 1902: 38]. И хотя затем он отмечает, что в им. падеже мн. числа названия животных «не любят» принимать окончания одушевленных существительных, но приводит примеры названий животных с этими окончаниями (*vtáci* ‘птицы’, *vlci* ‘волки’, *bujaci* ‘быки’, *baranci* ‘ягнята’, *medvedi* ‘медведи’ и т. д.), что не проясняет реальную ситуацию. Авторы «Правил словацкого правописания» 1931 г. высказываются более однозначно, кодифицируя в им. и вин. падежах мн. числа, как правило, одушевленные формы названий животных: им. *hadi, orli, psi, vtáci, vlci, zajaci, medvedi, vrabci, hýľi, motýľi, jeleni* и т. д.; вин. (videl som) *verných psov, dravých orlov, vlkov, vrabcov, hýľov, jeleňov* и т. д. [Pravidlá 1930: 55–56]. Лишь «Правила словацкого правописания» 1940 г. возвращаются к кодификации Л. Штура, в результате чего рассматриваемые существительные вновь стали склоняться иначе, чем в чешском языке.

Система словацкого склонения и спряжения также подвергалась изменениям, которые отдаляли ее от чешской. Эти изменения были разнообразными и представляли собой появление новой парадигмы склонения, переход существительных в иной тип склонения или глаголов в иной тип спряжения, замену словоформы другой словоформой.

6. Появление новой парадигмы склонения или спряжения

Ч. *kráľovna : kráľovny*

С. *kráľovna : kráľovny / kráľovná : kráľovnej* → *kráľovná : kráľovnej*

Формы существительных, обозначающих прежде всего высокопоставленных особ женского пола (но не только), в кодификациях Л. Штура [Štúr 1957: 200] и С. Цамбела [Czambel 1902: 308] имели в им. падеже ед. числа долгое окончание, а потому и склонялись иначе, чем другие существительные женского рода. На практике же они могли склоняться аналогично последним, о чем свидетельствуют следующие примеры:

† Ján Hyacint Rónay... vychovavateľ arcikňažny Marie Valerie, muž veľmi dobročinný, zomrel v Prešporku dňa 17. apríla v 75. roku veku svojho [KN89: 71] («† Ян Гиацинт Ронаи... воспитатель архикнягини Марии Валерии, мужчина в высшей степени добропорядочный, упокоился в Прешпорке 17 апреля на 75 году своей жизни»); Osy a čmely nemajú kráľovnu doma, smyselní ľudia neznajú duchovnosť, kráľovnu svoju, bez osohu požívajú svet tento [KN89: 74] («У ос и шмелей дома нет королевы-матки, похотливые люди не знают духовности, своей королевы, они бесполезно прожигают свою жизнь»).

Приведенные формы в словацком литературном языке были кодифицированы лишь в «Правилах словацкого правописания» 1931 г., но в «Правилах» 1940 г. они уже отсутствуют. Перестали они употребляться и на практике.

7. Переход существительных в иной тип склонения и глаголов в иной класс спряжения

Ч. *drama* : *dramatu*

С. *dráma* : *drámy* / *drama* : *dramatu* → *dráma* : *drámy*

Существительные греческого происхождения, заканчивающиеся на *-ta*, в чешском литературном языке относятся к среднему роду и имеют специфическую парадигму с наращением. В словацком литературном языке конца XIX — первых десятилетий XX в. можно констатировать наличие дублетных форм, обусловленных тем, что эти существительные могли быть женского и среднего рода. В зависимости от этого в первом случае они склонялись, как и все другие существительные женского рода на *-a*, а в другом — аналогично склонению в чешском языке. Полагаем, что второй способ был достаточно распространен, поскольку С. Цамбел считает необходимым специально подчеркнуть, что их следует склонять по образцу существительных женского рода твердой разновидности: *dráma*, *drámy*, *drámou*, *flegma*, *flegmy*, *flegmou*, а не *drama*, *dramata*, *dramatom*, *flegma*, *flegmata*, *flegmatom* и т. п. [Czambel 1902: 68]. Авторы «Правил словацкого правописания» 1931 г. высказываются относительно склонения рассматриваемых существительных не столь однозначно. По их мнению, «греческие

существительные с конечным *-ma* (напр. *drama*) в словацком языке по большей части склоняются как существительные женского рода на *-ma*, напр. *astma*, *panoráma*, род. *astmy*, *panorámy*; некоторые книжные слова сохраняют исконный средний род и либо не склоняются, напр. *schizma*, *cirkevné schizma*, *cirkevného schizma*, либо склоняются с греческим *-mat*, напр. *staré drama*, *téma*, *starého dramata* или *dramatu* и т.д.» [Pravidlá 1931: 59]. «Правила словацкого правописания» 1940 г., однако, две последние возможности исключают: «Слова *dráma*, *téma*, *panoráma*, *graféma*, *schéma*, *schizma* и т. п. склоняются только по образцу *gyba*» [Pravidlá 1940: 83]. Подобным образом они склоняются и в настоящее время.

Ч. *brát* — *bere*, *tříť* — *tře*

С. *brať* — *bere*, *treť* — *tre* → *brať* — *berie*, *trieť* — *trie*

Дивергенция характеризует спряжение глаголов в настоящем времени, в частности переход некоторой части глаголов из IV класса с тематическим гласным *e* в III с тематическим гласным *ie*. Исходная ситуация, аналогичная чешскому языку, сохраняется еще в труде С. Цамбела и «Правилах словацкого правописания» 1931 г., однако в «Правилах» 1940 г. констатируется наличие в рассматриваемых формах другого тематического гласного: *brať*—*berem*, *drať*—*derem*, *prať*—*perem*, *žrať*—*žerem*, *hnať*—*ženem*, *stlať*—*stlem* [Czambel 1902: 113], *dreť* (*drem*), *mreť* (*mrem*), *vreť* (*vrem*), *treť* (*trem*), *mleť* (*melem*) [Pravidlá 1931: 66] — *triem*, *trieš*, *trie*, *trieme*, *triete*, *trú*; *mriem*, *mrieš*, *mrie*, *mrieme*, *mriete*, *mrú*; *meliem*, *melieš*, *melie*, *melieme*, *meliete* и т. п. [Pravidlá 1940: 103]. При этом С. Цамбел отмечает, что в среднесловацком диалекте формы указанных глаголов имеют гласный *ie*, но словацкий литературный язык отдает предпочтение формам с гласным *e* [Czambel 1902: 118]; в «Правилах» же 1940 г., напротив, последние не рекомендуются употреблять [Pravidlá 1940: 103].

Перечислим некоторые другие морфологические изменения дивергентного характера, произошедшие в словацком литературном языке:

- все прилагательные с основой на *n* перешли в твердую разновидность склонения (*poční*, *počnia*, *počnie* > *počnú*, *počná*, *počné*);

- была выведена из литературного языка флексия твор. падежа мн. числа существительных мужского и среднего рода *-y* / *-i* (*chlapu*, *muži* > *chlapmi*, *mužmi*);

- формы род. падежа мн. числа существительных среднего рода типа *biskupství* были заменены формами типа *biskupstiev*;

- закрепились в литературном языке неопределенные местоимения с частицами *da-* и *voľa-*.

Лексический состав словацкого литературного языка в XX в. также претерпел существенные изменения. Прежде всего это было связано с разработкой терминологии как уже существовавших областей знания, так и вновь возникающих. Этот процесс происходил при самом близком контакте с чешским литературным языком, из которого массово заимствовались термины. Данное явление получило программное обоснование: если в первой половине XX в. оно объяснялось тем, что чешский и словацкий являются ветвями одного чехословацкого языка, а существование двух литературных языков объясняется лишь различиями исторического, политического и культурного развития и имеет преходящий характер, то во второй половине XX в. — сближением языков в социалистическом обществе и необходимостью этого для успешного решения стоящих перед страной задач. На этом основании делался вывод о том, что чешский и словацкий литературные языки преимущественно сближаются, особенно в области лексического состава [Peciar 1973: 259].

Параллельно с этими процессами, однако, реализовались и дивергентные тенденции, которые охватывали существенные пласты лексики основного словарного фонда словацкого литературного языка. Эти тенденции реализовались в самых разнообразных формах.

1. Замена лексемы, общей с чешским языком, оригинальной словацкой лексемой

Лексемой, вытеснившей генетический богемизм, могла быть словацкая инновация. Так, в конце XIX в. в словацком литературном языке употреблялась лексема *výtisk* (чеш. *výtisk*) «экземпляр», позже вытесненное неологизмом *výtlačok*: Počujeme, že znamenitej knižočky „Od kolisky“ mnoho ešte *výtiskov* leží na sklade [KN90: 24] («Мы слышим, что еще много экземпляров известной книжки „С колыбели“ лежит на складе»). Или, к примеру, прилагательное *pilný* «старательный» было вполне регулярным в словацком литературном языке рубежа веков и даже позже: *Pilným, pozorným studiumom by si vyzpýtal, že pred prísťahovaním sa Nemcov, všetek ten slovenský ľud, od nepamäti tu pod Vysokou Tatrou obýdlený, po prijatí kresťanstva slúžil Bohu dľa slovanského obradu* [KN90: 4] («Благодаря старательному и внимательному изучению ты бы узнал, что до переселения немцев весь словацкий народ, с незапамятных времен проживавший здесь, под Высокими Татрами, после принятия христианства служил Богу по славянскому обряду»). Позже оно было вытеснено прилагательным *usilovný*.

На месте генетических богемизмов могли закрепиться также исконно словацкие слова, широко распространенные в народной речи. Так, словакизированный богемизм *ľavný* «дешевый» (чеш. *levný*) (*Živým slovom máme upovedomovať ľud náš, ...obzvlášť všemožne mu*

odporúčať vstúpenie do spolku sv. Adalberta (Vojtecha), od ktorého za ľavý peniaz mnohé a dobré knižky dostať môže [KN90: 26] «Живым словом мы должны убеждать народ наш, ... особенно всячески ему рекомендовать вступить в общество св. Адалберта (Войтеха), где он может за небольшие деньги получать много хороших книжек») вытесняется прилагательным *lacný*, другое генетически чешское прилагательное *pošetilý* «бессмысленный, нелепый» (чеш. *pošetilý*) (Pri rôznych *pošetilých* obradoch, ktoré spojené sú s prijímaním do zakázaného spolku svobodných murárov, býva čakať so zviazanými očami po povraze spúšťaný do „podsvetia“ [KN90: 31–32] «Во время проведения разных нелепых обрядов, которые связаны с принятием в запрещенное общество масонов, претендента с завязанными глазами спускают в „преисподнюю“») — народным словом *pochabý*; глагол *vyľúdiť* «выманить, выудить» (чеш. *vyľúdiť*) (Křčmár, úžerník stonásobným spôsobom vie jich prilákať a *vyľúdiť* od nich ten ostatný groš [KN90: 28] „Трактирщик-ростовщик сотнями способов может их завлечь и выманить у них последний грош“) — словакизмом *vydrankať*; глагол *poličkovať* «бить по лицу» (чеш. *poličkovať*) (Kto sa modlí, pri tom ale hreší, je podobný tomu, čo ústami chváli dobrodinca svojho, rukou ho ale *poličkuje* [KN90: 1] «Кто молится, но при этом грешит, подобен тому, кто устами хвалит благодетеля своего, а рукой бьет его по лицу») — глаголом *zauškovat'* или сочетанием глагола и существительного *dávať zaucha*, наречие чешского происхождения *zatým* «пока» (чеш. *zatím*) (Však *zatým* zostaneš u malej, Žofia? [KN90: 31] «Ты ведь пока останешься у малой, Жофия?») — исконно словацким наречием *zatiaľ*.

Примечательно, что осознание того или иного слова как богемизма происходит постепенно. Так, в словарики лексики литературного языка С. Цамбела [Czambel 1902], призывавшего к замене богемизмов словами словацкого происхождения, находим общие с чешским языком лексемы, которые позже были вытеснены оригинальными словацкими словами: *kulhavý* (чеш. *kulhavý*, совр. слов. *chromý* «хромой»), *karafiát* (чеш. *karafiát*, совр. слов. *klinček* «гвоздика»), *dosavád* (чеш. *dosavad*, совр. слов. *doteraz* «до сих пор»), *nastydnúť* (чеш. *nastydnout*, совр. слов. *prechladnúť* «простудиться»), *rozvstekliť* (чеш. *rozvzteklit*, совр. слов. *rozzúriť* «разгневать»), *pytel* (чеш. *pytel*, совр. слов. *vrece* «мешок»), *spozdilý* (чеш. *zpozdlý*, совр. слов. *nerozumný*, *hlúpy*, *naivný* «отсталый»), *slyšať* (чеш. *slyšet*, совр. слов. *počuť* «слышать»), *poľúbiť* / *pobozkať* (чеш. *políbit*, совр. слов. *pobozkať* «поцеловать»), *pluť* / *plávať* (чеш. *plout*, совр. слов. *plávať* «плавать») и др.

2. Замена лексемы, общей с чешским языком, заимствованной лексемой

Вытесняющая лексема могла быть заимствованной или образованной от заимствованного слова. Интересно то, что вытесняемое

слово, имеющее параллель с чешским языком, также могло быть заимствованным, причем из того же языка, что и вытесняющее. Среди вытесняющих лексем можно обнаружить:

- латинизмы: *Kde poslušnosti neni, tam zmáha sa zmätok a nekážeň* (чеш. *nekážeň*, совр. слов. *nedisciplinovanost'* «недисциплинированность») [KN90: 14] («Где отсутствует послушание, там расцветает хаос и отсутствие дисциплины»);

- германизмы: *Ale nevedla ma za ruku, a tak som zavadila* (чеш. *zavadiť* о koho, со, совр. слов. *natrafiť* na koho, čo ‘натолкнуться, зацепить’) о *kvetník, že sa rozbil* [KN90: 31] (“Но она не вела меня за руку, и я наткнулась на горшок с цветком, который разбился”);

- мадьяризмы: ... *dostal som zo všetkých strán, zo všetkých kruhov, z blízka i ďaleka, z mesta i vonkova* (чеш. *venkov*, совр. слов. *vidiek* «сельская местность») *najrozmanitejšie a najdojemnejšie osvedčenia tohto súcitu* [KN89: 29] («я получил со всех сторон, со всех кругов, из близких и далеких мест, из города и из деревни самые разнообразные и самые трогательные доказательства этого сочувствия»).

С. Цамбел также включает в свой словарь богемизмы, которые впоследствии были вытеснены заимствованиями из других языков, например из латинского (*limes*, чеш. *límes*, совр. слов. *golier* «воротник») или немецкого (*mäsopest*, чеш. *masopust*, совр. слов. *fašiangy* ‘масленица’).

Интересно, что слово иностранного происхождения также могло восприниматься как богемизм. Например, прилагательное *barevný* «цветной, разноцветный» (чеш. *barevný*), образованное от существительного *barva* «цвет, краска», уступает прилагательному *farebný*, образованному от существительного *farba* — вероятнее всего, того же германизма (*die Farbe*), но в иной огласовке: *Oblečení sú v ľahučkých barevných šatách, majú zlaté krýdla na pleciah a blyštiace sa obrúčky zlaté okolo čela* [KN90: 29] («Они одеты в легонькие цветастые платья, у них золотые крылья за плечами и сверкающие ореолы вокруг чела»). Другой германизм *hrabenka* (чеш. *hraběnka*; производное от существительного *hrabě*, восходящего еще к древневерхненемеckому *grāveo*, «графиня»), вытесняется германизмом *grófka* (производное от слова *gróf*, восходящего к более позднему немецкому *der Graf*): *Dôležitú však babravú tú prácu skladania školských kníh sebe poverenú a v Pešti započatú, končil v Majcichovskej fare, ktorú obdržal od ruskej hrabenky Olgy Bezobrazov, vydanej Eszterházy* [KN90: 66] («Важную, кропотливую работу составления школьных книг, доверенную самому себе и начатую в Пеште, он завершил в Майциховском приходе, который получил от русской графини Ольги Безобразов, по мужу Эстерхази»).

3. Выпадение лексемы из цепочки синонимов без появления замены

Вытесняемое слово могло выпадать из синонимического ряда, а взамен новое слово не появлялось. Ср. примеры: *Mnohokrát si o tom podumám a predsa vysvetliť neviem, že tí, ktorí sú Bohom obdarení nadaním skvelým uspokojujú sa predsa púhym pozeraním na svízele* (чеш. *svízel*, совр. слов. *trápenie, ťažkosti* «затруднение») а *neresti ľudu svojho* [KN90: 26] («Я много раз об этом думал, но все же объяснить не могу, почему те, кого Бог одарил прекрасным талантом удовлетворяются всего лишь наблюдением мук и пороков своего народа»); *Môže katolícky, apoštolským duchom naplnený kňaz ľahostajne na to hľadeť, ako zo srdca katolíkov mizne nevinnosť a viera porád* (чеш. *pořád*, совр. слов. *vždy, stále, ustavične, neprestajne* «постоянно») *viacej?* [KN90: 6] («Может ли католический, наполненный апостольским духом католический священник равнодушно смотреть на то, как из сердец католиков все более исчезает невинность и вера?»); *Teprv* (чеш. *teprve*, совр. слов. *iba, len* «только») *keď sa rozodnilo, sa vrátili a dali sa pri dobrej mysli do práce* [KN90: 41] («Только когда рассвело, они вернулись и взялись с благими намерениями за работу»).

4. Изменение семантики или сочетаемости слова

Тенденция к дивергенции лексического состава словацкого и чешского литературных языков могла реализоваться путем утраты словацким языком одного из значений слова или изменения его сочетаемости. Так, например, в современном словацком литературном языке глагол *čítať*, в отличие от своего чешского коррелята *čítat*, не употребляется в значении «насчитывать», т.е. он был вытеснен глаголом *mat*, тогда как в конце XIX в. употребление в этом значении было возможно: *Keď daktory úd Katolickej Národnej Jednoty umre, dokud' Jednota 400 údov nečíta, dedičovia zomrelého úda dostanú od Jednoty toľko dollarov, koľko údov číta Jednota* [KN90: 29] («Если какой-нибудь член Католического Национального Объединения умрет и если Объединение насчитывает менее 400 членов, наследники получают от Объединения столько долларов, сколько членов насчитывает Объединение»). Прилагательное *vznetlivý* (чеш. *vznětlivý*) в современном словацком литературном языке употребляется только по отношению к материалам («легковоспламеняющийся»), тогда как ранее, как и в чешском языке, оно могло употребляться и по отношению к людям («вспыльчивый»): *Určité kraje na Slovensku sa vyznamenávajú vznetlivou mládežou, ale d'aleko nie tak ako celé krajiny na severozápade Európy* [SV44: 238] («Отдельные области Словакии отличаются вспыльчивой молодежью, но совсем не

в такой степени, как целые страны на северо-западе Европы»). В настоящее время в этом значении употребляются прилагательные *prchký* и *popudivý*.

Иногда лексемы чешского происхождения все еще продолжают входить в лексический состав словацкого литературного языка, однако их употребление ограничено стилистической маркированностью. Так, глагол *vykúzliť* ‘создать колдовством/по волшебству’ (чеш. *vykouzlit*) в современном словацком литературном языке квалифицируется как книжный, тогда как нейтральным глаголом с тождественным лексическим значением является глагол *vyčariť*. Или, например, существительное *bázeň* (чеш. *bázeň*) в настоящее время в словацком литературном языке употребляется лишь в устойчивых сочетаниях типа *žiť v bázni božej* ‘жить богобоязненно’, *rytier bez bázne a hany* ‘рыцарь без страха и упрека’, тогда как еще в 40-е годы XX в. оно употреблялось в свободных сочетаниях, как и в чешском языке: *Kým Spengler hovorí ako chladný učenec o biologickej podstate človeka a odhaľuje bez bázne a strachu animálnu stránku človeka, vyslovuje Nitzsche normatívne zásady, ktorými sa človek môže stať nadčlovekom a hrdinom* [KN90: 109] («В то время как Шпенглер холодно по-научному рассуждает о биологической сущности человека и раскрывает посредством боязни и страхов его животную сторону, Нитцше высказывает нормативные принципы, благодаря которым человек может стать сверхчеловеком и героем»).

5. Изменение словообразовательной модели

Тенденция к дивергенции лексического состава словацкого и чешского литературных языков была тесно связана с дивергенцией рассматриваемых языков на словообразовательном уровне. Здесь мы также обнаруживаем множество примеров асимметричных изменений, осуществившихся в словацком литературном языке. При этом данные изменения могли затрагивать как целый словообразовательный тип, так и быть уникальными, характерными лишь для отдельных лексем. Подчеркнем также то, что вследствие этого процесса не заполнялись лакуны в словацком литературном языке, а видоизменение затрагивало пласты лексики, которые уже долгое время в нем существовали.

Наиболее значительным изменениям подверглись следующие словообразовательные типы:

- *javište* (чеш. *jeviště*) > *javisko* ‘сцена’: A spisovateľ „Rozkola“ ako by práve zakryval pomery, otáčavšie *javište*, na ktorom od konca 18. stoletia hýbali sa Slováci, oduševňovaní láskou k svojmu národu [Škultéty 1920: 76] («И автор „Раскола“ как бы скрывает отношения, поворачивавшие сцену, на которой с конца XVIII века действовали словаки, одухотворенные любовью к своему народу»);

• *zachovalý* (чеш. *zachovalý*) > *zachovaný* ‘сохранившийся’, *ospalý* (чеш. *ospalý*) > *ospanlivý* ‘заспанный’: *Takýchto lepšie zachovalých hrobiek „columbaria“ menovaných jesto viacej v Ríme...* [KN89: 18] («Таких хорошо сохранившихся погребений, названных „колумбариями“, в Риме много...»); *Dobre činiš tak, milý kresťane, len však pamätaj na slová Pána a Spasiteľa nášeho Ježiša Krista, ktoré povedal k ospalým apoštolom...* [KN90: 1] («Ты хорошо поступаешь, дорогой христианин, только лишь помни о словах Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, который обратился к заспанным апостолам...»). В XX в. активно протекал процесс утраты отглагольных прилагательных с суффиксом *-l-* прилагательными с иными суффиксами;

• *miláček* : *miláčka* (чеш. *miláček* : *miláčka*) > *miláček* : *miláčka* > *miláčik* : *miláčika* ‘любимчик’.

Вытеснение формы уменьшительных существительных мужского рода с суффиксом *-ček-* — аналогичным соответствующим чешским, в им. падеже ед. числа (у неодушевленных также в вин. падеже ед. числа) и в других формах не совпадало во времени, поскольку в им. падеже это произошло раньше. Вследствие этого в словацком литературном языке временно произошла контаминация двух парадигм и появилось беглое *i*. Процесс вытеснения первоначальной формы продолжается и в настоящее время; см. подробно в [Лифанов 2005б].

В «Правилах словацкого правописания» 1953 г. у большей части рассматриваемых существительных были узаконены форма им. падежа ед. числа с суффиксом *-čik-* и дублетные формы в остальных падежах. В выполняющем функцию кодификационного труда «Кратком словаре словацкого языка» 1987 г. [Krátky 1987] значительная часть этих существительных имеет уже только формы без выпадения гласного *i*.

• *vášnive* (чеш. *vášnivé*) > *vášnivo* ‘страстно’

Активному вытеснению подвергались также наречия с суффиксом *e* (*Články také, jaké hlásal a vášnive zastával Ján Hus, rovno čelia proti učení a proti zriadeniu sv. Cirkve, áno ohrožujú poriadok a pokoj spoločnosti a smerujú na jej rozpad...* [KN90: 14] «Догмы, которые проповедовал и яростно отстаивал Ян Гус, направленные непосредственно против учения и организации св. Церкви, также угрожали порядку и спокойствию общества и были направлены на его распад») наречиями с суффиксом *o*.

Изменения в области словообразования дивергентного характера были весьма разнообразными и охватывали как группы слов, так и единичные лексемы (см. подробнее в [Lifanov 2017]).

6. Изменение фонетического облика лексемы

Дивергенции чешского и словацкого литературных языков способствовало изменение фонетического облика слов в последнем,

обусловленное разными причинами. Прежде всего это было связано с закреплением в нем мягкого *ř*, отсутствующего в чешском литературном языке, и точным разграничением сферы его функционирования. В конце XIX в. оно фиксировалось довольно хаотично, в частности отсутствуя в тех лексемах, в которых оно должно было быть этимологически представлено: *Staroslavná Tyrna, čili Sobotín, u riečky Trnávky od pamäti rozložená, pôsobí na myseľ* (чеш. *mysel*, совр. слов. *mysel'* 'мысль') *žiacku čarovne* [KN90: 47] («Стародавняя Тирна, или Собо́тин, с незапамятных времен расположенная у речки Трнавки, волшебным образом воздействует на мысль ученика»); *Mesto New-York v Severnej Amerike má 80 katolíckých kostolov, v ktorých každú nedelu* (чеш. *nedele*, совр. слов. *nedel'a* 'воскресенье') *slúži sa 392 mší sv.* [KN90: 32] («В городе Нью-Йорке в Северной Америке находятся 80 католических костелов, в которых каждое воскресенье служат 392 мессы»); *Redaktor Palárik, jehož pera práce inde oceňujeme, hlásal mužne: „Rečou sa ľud učí, šlechtí, vzdelávajú jeho mravy, — jazyk jeho je kľúč* (чеш. *klíč*, совр. слов. *kl'uč* 'ключ') *zlatý, ktorým sa mu zámok svatý — otvára osvetu a slávu...»* [KN90: 52] («Редактор Паларик, чьи работы мы оцениваем в другом месте, мужественно провозглашал: „С помощью речи народ учится, облагораживается, возвышаются его нравы, — язык его является золотым ключом, которым открывается святой замок просвещения и славы...“»).

Кроме того, изменения затронули отдельные лексемы, которые ранее содержали чешские, а не словацкие рефлексy различныx процессов: *Pálenku, ktorá len dráždi a rozpaľuje krv* (чеш. *krv*, совр. слов. *krv* 'кровь'), *neobčerstvuje, ale tupí i ducha i telo, odmrští od seba, aby ti nesožierala ani ducha ani telo ani majetok, a pripravíš si lepší rok* [KN90: 2] («Паленку, которая лишь раздражает и расжигает кровь, не освежает, а притупляет и дух, и тело, отбрось от себя, чтобы она не сожрала ни дух, ни тело, ни имущество, и настанут для тебя лучшие времена»); *Je pravda, že nie ste pustevníci, aby ste boli ustavične odlúčení od sveta, ale máte prirodzenú túhu po spoločnosti* (чеш. *společnost*, совр. слов. *spoločnosť* 'общество') *a po vyrazení ducha...* [KN90: 2] («Правда, что вы не отшельники, чтобы быть постоянно удаленными от мира, в вас есть естественное стремление к обществу и к выражению духа...»); *Na rozkoše a nádheru vyhadzujú i ten posledný groš, ktorý by mali pre nejistú* (чеш. *nejistý*, совр. слов. *neistý* 'неопределенный') *budúcnosť odložiť* [KN90: 2] («На наслаждение и роскошь они выбрасывают последнюю копейку, которую нужно было бы отложить на неопределенное будущее»). Дивергенция также находила реализацию в изменении количества гласного, при его сохранении в чешском: *Ludkovia, pomyslite si, ona hovorila s mŕtvým* (чеш. *mŕtvý*, совр. слов. *mŕtvý* 'мертвый')... [KN90: 15] («Люди, подумайте, она говорила с мертвым...»; *Nové slavnosti* (чеш.

slavnost, совр. слов. *slávnosť* „торжество“) *blahorečenia odbývať sa budú v Ríme* [KN90: 8] («Новые торжества благословения будут проходить в Риме»); ...*každý osvedčenejší Slovák rád užíval pravopis český, ovšem nie bez odchýliek* (чеш. *odchylka*, совр. слов. *odchýlka* ‘отклонение’) *k vôli ľubozvučnej slovenčine* [KN90: 45] («...каждый более менее образованный словак любил использовать чешское правописание, хотя и не без отклонений из-за благозвучности словацкого языка»).

Проанализированный языковой материал явственно свидетельствует о том, что на протяжении XX в. в словацком литературном языке активно действовали тенденции, которые отдаляли его от чешского литературного языка. Эти тенденции были следствием тесного языкового контакта между этими языками, т. е. дивергенция была явлением вторичным, реакцией на явления конвергентного характера. Асимметричная дивергенция охватила все языковые уровни, но наиболее интенсивно она реализовалась на морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях и сыграла важнейшую роль в истории словацкого литературного языка, так как она препятствовала такому сближению чешского и словацкого литературных языков, при котором мог произойти языковой сдвиг, т. е. поглощение словацкого литературного языка чешским.

Литература

- Лифанов 2005а — *Лифанов К. В.* Деепричастные и причастные формы в словацком литературном языке конца XVIII–XX вв. // *Scando-Slavica* 51, 2005. С. 13–30.
- Лифанов 2005б — *Лифанов К. В.* Взаимодействие словацкой письменной традиции с народной речью (на примере деминутивов на -ček, -čok, -čik) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* 50, 2005. С. 85–98.
- Лифанов 2015 — *Лифанов К. В.* Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга II. М., 2015. С. 338–353.
- Budovy — *Budovy pre budúcnosť*. <https://www.bpb.sk/navrh-opatreni-pre-verejne-politiky-v-oblasti-byvania/>, доступ 16.07.2017.
- Czambel 1902 — *Czambel S.* *Rukoväť spisovnej reči slovenskej*. Turč. Sv. Martin, 1902.
- Czambel 1903 — *Czambel S.* *Slováci a ich reč*. V Budapešti, 1903.
- Czambel 1919 — *Czambel S.* *Rukoväť spisovnej reči slovenskej*. 3. vydanie. Turč. Sv. Martin, 1919.
- Isačenko 1951–52 — *Isačenko A. V.* O prechodníkoch v slovenčine // *Slovenská reč*. XVII. Č. 1–2. 1951–1952. S. 4–14.
- Kľačko — *Zajackij S.* *Rozprávky starého námorníka*. Preložil Rudolf Kľačko. Turč. Sv. Martin, 1932.
- KN89 — *Katolícké noviny*. Trnava, 1889.

- KN90 — Katolícké noviny. Trnava, 1890.
- Krátká 1852 — Krátka mluvnica slovenská. V Prešporku, 1852.
- Krátky 1987 — Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1987.
- Lifanov 2017 — *Lifanov K.* Asymetrická divergencia spisovnej slovenčiny a spisovnej češtiny na slovotvornej rovine // Slovo a slovesnosť. 78. Č. 4. 2017. S. 305–321.
- Ondrus 1964 — *Ondrus P.* Morfológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1964.
- Osvald — *Gierlová E.* Kvety s kríža. Slovensky podáva Fr. Rich. Osvald, dekan-farár, censor deices. Trnava, 1910.
- Peciar 1973 — *Peciar Š.* O jazykových kontaktoch // Slovenská reč. 38. Č. 4. 1973. S. 257–264.
- Pravidlá 1931 — Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Praha, 1931.
- Pravidlá 1940 — Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným slovníkom. Turč. Sv. Martin, 1940.
- Pravidlá 1953 — Pravidlá slovenského pravopisu s pravopisným a gramatickým slovníkom. Bratislava, 1953.
- Ružička 1956 — *Ružička J.* O používaní prechodníkov // Slovenská reč. XXI. Č. 5. 1956. S. 282–293.
- Sas — *Sasínek F. V.* Dejiny kráľovstva uhorského. Diel I. V Banskej Bystrici, 1869.
- SR14 — Svätá rodina. V Liptovskom Sv. Mikuláši, 1914.
- SV44 — Slovenská vlastiveda. Zväzok III. Turčiansky Sv. Martin, 1944.
- SV46 — Slovenská vlastiveda. Zväzok IV, Dejiny. Turč. Sv. Martin, 1946.
- Škultéty — *Škultéty J.* Sto dvadsaťpäť rokov zo slovenského života. 1790–1914. Odpoveď na knihu Dr. Milana Hodžu, nazvanú «ČESKOSLOVENSKÝ ROZKOL». V Turčianskom Sv. Martine, 1920.
- Štúr 1957 — *Štúr L.* Náuka reči slovenskej // *Štúr L.* Slovenčina naša. Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Bratislava, 1957. S. 153–253.
- Weinreich 1953 — *Weinreich U.* Languages in Contact: Findings and Problems. New York, 1953.

«СЛОВАРЬ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В конце 50-х годов XX в. все отчетливее ощущалась необходимость создания такого труда, который обобщил бы все накопленные за многие десятилетия собирательской деятельности материалы по диалектной лексике и фразеологии. Русскими диалектологами и любителями народного слова были собраны богатейшие материалы, которые публиковались лишь частично, а в основной своей части остались в рукописном виде. Разбросанные по многочисленным источникам, они по существу не были доступны для исследователей. Так возникает идея создания «Словаря русских народных говоров» – второго (после «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему) сводного словаря русской диалектной лексики¹.

Создание таких словарей сопряжено с обсуждением ряда сложных теоретических проблем. Первой из них является сама возможность объединения в одном лексикографическом издании материалов, характеризующих разные говоры, входящих в разные языковые (= диалектные) системы.

Замысел словаря и начало работы над ним сопровождались полемикой, связанной с обсуждением основных направлений развития русской диалектной лексикографии. Нерешенность многих вопросов теоретической лексикографии, слабая изученность проблемы взаимоотношений между общенародным языком и диалектами осложняли и обостряли полемику.

Споры сводились в основном к трем вопросам: 1) какая лексика должна войти в областной словарь, т.е. должен ли областной словарь включать в свой состав всю лексику, которой владеют носители местных говоров, в том числе и лексику литературного языка, или он

¹ С 1905 г. Ф. И. Покровский и Е. Н. Яценко подготавливали к изданию Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря», которое, однако не было осуществлено. Работа над изданием рукописи начата в ИЛИ РАН.

должен быть строго дифференциальным, включая только диалектную лексику; 2) какие цели должен преследовать областной словарь — историко-диалектологические, т.е. быть пособием для изучения современного состояния и прошлого местных диалектов, или историко-лексикологические, т.е. быть пособием для изучения истории диалектных слов — с географической и, по возможности, хронологической их характеристикой; 3) как относиться к словарным материалам по местным говорам, накопленным в XIX — начале XX в. (можно ли их использовать при составлении областных словарей или следует отказаться от них).

Принципы описания слов в СРНГ изложены в «Проекте Словаря русских народных говоров» Ф. П. Филина [Филин 1961]. Позже, по мере освоения диалектного материала, разработки технологии его исследования и описания в словаре, инструкция для составителей была углублена и расширена (см. [Сороколетов, Кузнецова 1987]).

«Словарь русских народных говоров» представляет собой результат длительного труда профессиональных диалектологов, собирателей — любителей народного слова. В ходе работы над ним сменилось несколько поколений авторов-составителей и редакторов. Значительная часть материалов по лексике русских народных говоров хранится в основной картотеке Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. Согласно приблизительным подсчетам, в ней насчитывается около 3 миллионов карточек-цитат.

В настоящее время работа над словарем близится к завершению, и авторскому коллективу уже можно аналитически осмыслить как свершения, так и недостатки, которые отражены на его страницах.

К текущему моменту в русской диалектной лексикографии уже насчитывается не один десяток словарей, составленных за последние полвека. «Словарь русских народных говоров» является словарем сводным, и любой вышедший в свет новый диалектный словарь сразу же используется в качестве источника.

В состав «Словаря русских народных говоров» включаются только диалектные слова и значения. В нем находят место также диалектная фразеология, разнообразная терминологическая лексика, архаизмы и даже элементы арготизмов, если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не представлены в литературном языке. Дифференциальный принцип распространяется и на структуру слова.

Достоверность материала². Реалия и лексикографический конструкт

Довольно часто оценка достоверности диалектного материала вызывает серьезные трудности. Имеются весьма спорные случаи, которые на страницах СРНГ особо не оговаривались. В ряде случаев при наличии сомнений в корректности материала авторы идут на то, чтобы сохранять аутентичность данных, представленных в лексикографических источниках.

Автор «Словаря областного архангельского наречия...» допустил ошибку, поместив следующее толкование слова *кагáч*: 'устраиваемый над стогом сена естественный навес: стог складывается между двумя деревьями (преимущественно березами, как более гибкими), а потом стягивают над стогом верхи деревьев и привязывают их в воткнутому в середину стога колу' Онеж. [Подвысоцкий 1885: 61]. СРНГ, в силу своей специфики и толерантности к источникам, организует материалы, состоящие из прекрасно изложенного и понятного описания Г. Куликовского³ и ошибочного конструкта А. Подвысоцкого, как двухступенчатую иерархию значений, что на самом деле является по-разному понятым изложением представления об одной и той же реалии. Если из первоисточника (словаря Подвысоцкого), домысливая, еще можно уловить суть реалии, то опосредованное переложение СРНГ нас такой возможности уже лишает, ср. *кагáч* 'естественный навес над стогом сена, устраиваемый из ветвей деревьев, под которыми расположен стог' [СРНГ 12: 297].

В ряде случаев источники дают для сводного словаря материалы, которые не верифицируются, и помещение некоторых из них в словарь СРНГ ведет к критике словаря со стороны специалистов. Критические замечания в адрес диалектных словарей начали появляться с момента выхода в свет «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г. Можно не сомневаться в том, что отмечаемое в [Опыт] слово *хáлина* 'дурная погода'⁴ (Смол.) является опечаткой, поскольку в смоленских, псковских, новгородских говорах фиксируются следующие лексемы: *хáлена* 'снег с дождем; дождь со снегом' (в Солецком, Старорусском районах Новгородской обл.) [НОС 12: 6], *хáлена* 'то же' (в Порховском, Пушкиногорском районах Псковской области, на

² В данной работе не ставится задача полного обозрения критического разбора материалов СРНГ.

³ 'Две ветки, связанные вершинами и положенные на стог сена; ряд таких попарно связанных ветвей кладут поперек вершины стога с той целью, чтобы ветер не разносил сено' Заонежье (Шуньга) [Куликовский 1898: 86].

⁴ В СРНГ эта единица уже не была помещена.

территории Смоленской, Калужской, Орловской областей) [КСРНГ], *хָлипа* ‘мокрый снег с дождем’ (в Духовщинском, Новодугинском, Рославльском, Гагаринском, Дорогобужском, Ельнинском, Руднянском, Сафоновском, Тёмкинском, Холм-Жирковском, Ярцевском районах Смоленской области) [ССГ 11: 44], *хָлипа* ‘дождь со снегом’ (в Пушкиногорском, Опочечком, Дновском, Порховском, Славском районах Псковской области) [КСРНГ]. Кроме того, в орловских говорах встречаются менее частотные варианты *хָлиба*, *хָлибень*, *хָльба* ‘дождь со снегом’ [КЛАРНГ], в которых [б] явно сопоставляется с [п].

Нередко тождество семантического описания позволяет выявлять единицы, которые появились в словнике словаря в результате недоразумения. Рассмотрим следующую словарную статью: *Рисуй*, м. Рыболовное орудие в виде сети, натянутой на деревянные обручи. Пск., 1912–1914. *В рисеу два горла по сажени, рисуй снетовые ставят весной, только это обручный невод, он длинный.* Пск., 1968. [СРНГ 35: 106].

Совершенно ясно, что заголовочная единица сконструирована из записи *рисеу*, что является неправильно прочитанным *рисце*, ср. материалы СРНГ: *Ризец*, м. Рыболовное орудие в виде сети, натянутой на деревянные обручи Пск., 1912–1914. *Запинка стоит стеной в ризцах, рыба вдоль запинки и идет в ризец.* Пск. «Орудие типа мережи для лова снетка, но больших размеров». Пск., 1968. Селигер, Брян. [СРНГ 35: 102].

Семантическое описание

Разработка семантики слов в СРНГ имеет ступенчатую градацию: 1) значение, 2) оттенок значения, 3) употребление. Выделение отдельного значения слова, показ соотношения сем внутри значения, установление их субординации, характеристика условий их реализации является одной из наиболее сложных проблем в лексикографии. Ее решение предполагает выработку определенных принципов и методов семантического описания слов. Лексическое значение устанавливается на основании показаний диалектных словарей, записей собирателей, фольклорных текстов, цитат из научных статей.

Семантические вариации значения — употребления, обозначающие один и тот же предмет, явление, но отличающиеся каким-либо дифференциальным признаком, показываются за знаком «черный ромб». За ним же показывается терминологизированное применение значения или оттенка слова.

Семантическая единица, обозначающая тот же предмет, но отличающийся размером, длиной, высотой и другими второстепенными признаками, также выделяется за знаком «черный ромб».

Убоина. 1. Туша убитого животного. Ярослав., 1991. 2. Свежее мясо домашнего забоя. Слов. Акад. 1847. Саратов., 1848. Пск., Твер., Ряз., Тамб. *У соседа вчера была убоина.* Трубч. Брян. Орл., Тул., Влад., Ярослав., Волог. *Своей убоины не было, я хотел у соседа побольше взять, а она заветрила.* Глубок. Вост.-Казах. Новосиб., Том., Иркут. Сегодня у нас убоина, скотину убили. Тунк. Бурят. АССР. ♦ Говядина. Тул., 1820. Новг., Твер., Моск., Влад., Калуж., Ряз., Орл., Курск., Тамб., Волог., Ярослав., Костром., Нижегород., Перм., Нарым., Сиб. ♦ Баранина. Волог., 1822. Твер., Макарьев. Костром., Нарым. У нас убоина вышла. Сиб. ♦ Свиная. Ряз., 1820. *Сегодняшний год убоина была, на базе свиней убивали.* Краснояр. ♦ Оленина. Камч., 1842 [СРНГ 49: 130–131].

Нередко коллектору неизвестна реалья, скрывающаяся за представляемой информантом лексемой, и семантическое описание следует строго за контекстом, что может привести к весьма серьезным ошибкам, которые в сводном словаре уже нелегко обнаружить и трудно исправить. Так, в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» слово *ускáйка* дано в значении ‘доска’ исходя из неправильно понятого контекста: *Есть всяки лодки, как корыто, а сверху доски — ускайка.* Медвежьегор. Карел. [СРГК 6: 635]. В действительности речь идет о лодке, которая широко известна в Заонежье под названием *ушкóй, ушкóйка* ‘лодка-долбленка’. На небольших водоемах использовались выдолбленные из осины лодки с двумя прибивными досками-балансирами по бокам; кроме того, борта надставлялись дощатым набоем. Об этом и пытался рассказать информант. Таким образом, помещая эту лексему в словарь, составители СРНГ корректируют дефиницию, предложенную СРГК:

Ускáйка. Лодка-долбленка. *Есть всяки лодки, как корыто, а сверху доски — ускайка.* Медвежьегор. Карел., Карел. слов., 2005. [СРНГ 48: 55].

Еще один пример:

Кáра. Деньги. *Была у нас турецкая кара.* Казаки-некрасовцы, 1969. *Пара-то пара, да в кармане-то кара.* (Не имеет ни копейки). Лодейноп. Ленингр., 1933 [СРНГ 13: 63].

Здесь составителями неправильно понята иллюстрация: *в кармане кара* — значит, в кармане дыра (ничего нет). В данном случае следует выделить еще одно значение, относящееся к гетерогенному омониму.

В большинстве случаев верификация формы строится нами на включении (по возможности) диалектной единицы в этимологический контекст.

Различные лексические классы и группы слов нуждаются в особых приемах семантизации, учитывающих свойства слов каждой категории. Типы и виды лексических значений различаются прежде всего по отношению к реальному миру вещей и явлений, они по-разному связаны с

теми или иными сторонами и фрагментами внеязыковой деятельности. В СРНГ применяются: а) словесное или дефинитивно-описательное толкование; б) эквивалентное, осуществляемое путем приведения литературного эквивалента или коррелята; в) толковательные формулы (*то же, что ...; уменьш.-ласк. к...; увелич. к...; относящийся к...; действие по знач. глг.*). Умелое их применение обеспечивает наиболее точную и адекватную передачу лексического значения слов.

Разработка семантики при лексикографировании требует одинаковой или сходной толковательной формулы для однотипного материала. Большой частью мы стараемся соблюдать это правило. Однако в сводном словаре, слепо следуя таким принципам, можно, во-первых, потерять своеобразие данных, собираемых на протяжении более двухсот лет, во-вторых, допустить множество собственных составительских и редакторских ошибок, которые уже будет трудно распознать. В качестве примера можно привести диалектные материалы, которые, переходя из одного источника в другой, меняют свою семантику: *хартáть* ‘заниматься каким-либо делом во избежание праздности’ Пск., Осташк. Твер., 1855 [Карпов 1885]. В то же время в Дополнении к «Опыту областного великорусского словаря», авторы которого использовали данные И. И. Карпова, можно уже обнаружить другую дефиницию: *хартáть* ‘жить кое-как, перебиваться в нужде’ Пск., Осташк. Твер., 1855 [Доп. Опыт].

Диалектные материалы, на которых строится СРНГ, не всегда позволяют определить семантику слова и сконструировать толкование. В этих случаях авторы словаря оставляют дефиницию под вопросом. Так, в 49 томах примерно 3850 единиц ее не имеют, например:

Кали́чки. [Знач.?]. *Тяну, тяну* [невод], *Рыбы ловлю. Плотнички на калички* (песня). Лодейноп. Ленингр., 1928 [СРНГ 12: 362].

К настоящему времени, в связи с расширением круга источников и пополнением диалектных данных, некоторые затемненные в семантическом плане лексические единицы можно прояснить, например:

Калю́га [Знач.?]. *Вода спадает, рыба заходит в калюги и в лето остается*. Трубч. Брян., 1971 [СРНГ 13: 9]. Ср. *калю́га* ‘лужа’ Зап. Брян. [Расторгуев 1973: 129].

Омонимы в СРНГ

Основная особенность СРНГ — отражение лексики всех русских говоров послужила отправной точкой, определившей выработку принципиальных положений и понятий, в особенности понимания варианта и вариантности, синонимии, омонимии и их показа в сводном диалектном словаре. Автор уже обращался к проблеме подачи омонимов в диалектной лексикографии [Мызников 2001]; см. также [Дискуссия

по вопросам... 1960; Качурин 2013]. Однако выходящие в свет словари предоставляют в наше распоряжение новый материал, который нуждается в аналитическом осмыслении. В СРНГ главным является широкое понимание омонимии, когда выделяются как омонимы только гетерогенные единицы, тогда как лексемы, имеющие значения в различных понятийно-тематических рядах, но гомогенного происхождения, подаются в словаре в иерархии значений. О трудностях, связанных с репрезентацией гомогенной омонимии в словарях, говорил Б. А. Ларин, отмечавший, что «нелегко бывает с полной уверенностью и обоснованностью разграничить слова с древней богатой многозначностью от омонимов распада. Составители областных словарей предпочитают расчленение на “ряд омонимов”, избегая громоздких статей с развернутой полисемией, в которых необходимо бывает проявить и проницательность при раскрытии семантической филиации (всегда сколько-нибудь исторической), и сочетать точность формулировки каждого значения с единой пронизывающей смысловой доминантой, образующей логический стержень статьи» [Ларин 1962: 264–265]. Исходя из сложности задач, которые неизбежно встретятся на пути авторов сводного «Словаря русских народных говоров» ввиду спорности признаков гомогенной омонимии, Ф.П. Филин считал, что очевидным является лишь одно: нельзя смешивать и считать за одно слово омонимы гетерогенные [Филин 1961: 38].

В большинстве случаев разграничение гетерогенной омонимии в СРНГ представлено вполне корректно, например:

1. **Кáрья**. Выбоина на дороге. Разныта дорога, сплошь карьи, тяжело ехать. Лодейнод. Ленингр., Калинин.

2. **Кáрья**. Скот. Лодейноп. Ленингр., Еремин [СРНГ : 113].

В ряде случаев в СРНГ, ввиду этимологической неисследованности материала, гетерогенные омонимы могут быть представлены в полисемантической структуре одного слова. Так, в одной статье (под разными значениями) даны слова, которые, на наш взгляд, являются гетерогенными омонимами: **кíбка** ‘шапочка’ Пенз., Орл. и **кибкá** ‘женская рубаха, надеваемая поверх обычной одежды’ Казан. [СРНГ 13: 194]⁵. Первое из этих слов связано с **кúпá** (иврит: כִּיפָּה **кипа**, мн.ч. **кипот**, идиш: קלמריץ ‘ярмолка, традиционный еврейский мужской головной убор’; второе – чувашского происхождения, ср. чуваш. **кёпе** ‘рубаха; женская рубаха; белье, сорочка’, при турец. **kāpānäk** ‘дождевой плащ, зимнее платье янычар’, татар. **кəбə** ‘панцирь, кольчуга’ [Федотов 1996 1: 275].

⁵ Ср.: казач. **кíбка** ‘чувашская женская верхняя рубаха, которую и русские бабы носят в работе, как ломовые извозчики в Нижнем (Новгороде) мордовские рубахи’ [Даль 2: 106].

Лексика фольклора в СРНГ

Наличие фонетико-морфологических диалектных примет языка фольклора признается всеми исследователями языка и стиля устного народного творчества. Фольклорные произведения использовались как материал для формирования словника русских областных словарей; из этого же источника черпались и цитаты, подтверждающие наличие слова в том или ином диалекте. Например, в словаре Г.И. Куликовско-го представлено 789 единиц по фольклорным записям Барсова, 136 по записям Рыбникова [Рыбников 1862]. Такого рода статистика стала возможна по всему тексту СРНГ.

В СРНГ включается лексика фольклора, не функционирующая в системе языка вне фольклорного текста [Сороколетов 1974], даже несмотря на то, что ее лексикографическая разработка нередко связана с серьезными трудностями, среди которых такие, как: выделение заголовочной формы слова, осознание семантической сущности фольклорного слова для практической реализации ее в виде толкования и др. Именно фольклорный материал вызывал и вызывает критические замечания по поводу его лексикографической репрезентации, причем следует отметить, что слова с пометой *фольк.* довольно многочисленны в СРНГ — 3237 единиц (по выпускам: 1 — 0, 2 — 38, 3 — 19, 4 — 7, 5 — 71, 6 — 24, 7 — 65, 8 — 10, 9 — 16, 10 — 23, 11 — 63, 12 — 66, 13 — 44, 14 — 78, 15 — 156, 16 — 75, 17 — 97, 18 — 145, 19 — 66, 20 — 110, 21 — 126, 22 — 61, 23 — 55, 24 — 115, 25 — 22, 26 — 28, 27 — 1, 28 — 5, 29 — 0, 30 — 52, 31 — 91, 32 — 56, 33 — 149, 34 — 195, 35 — 138, 36 — 110, 37 — 157, 38 — 149, 39 — 182, 40 — 245, 41 — 127, 42 — 197, 43 — 94, 44 — 96, 45 — 128, 46 — 169, 47 — 198, 48 — 96, 49 — 83).

При этом в ряде случаев, особенно на страницах первых томов словаря, несмотря на явно фольклорный характер материалов, отсутствует помета, относящая эти данные к устному народному творчеству или определяющая конкретный фольклорный жанр, например:

Зарянка, ж. Эпитет дочери. *Солнце за лес закатилось, Дочка у матки отгостилась, Провожу свою дочку, Провожу свою **зарянку**.* Смол., 1914.

По 49 томам словаря можно увидеть статистику представленности диалектных слов в разных жанрах фольклора:

былина — 1166 единиц: **Долговидный**. 1. Длинный. *Еще брал себе полотенце долговидное* (былина). Помор. Арх., Григорьев [СРНГ 8: 106];

сказка — 1602 единицы: **Зачади́ть**. Наполнить что-либо пахнущим дымом. *Черти испугались и побежали к сатане, и сказали ему,*

что Соломон хочет зачадить ладаном весь ад (сказка). Черепов. Новг., 1902 [СРНГ 11: 171];

песня — 6261 единица: **Аля́ться**. Алеться, краснеть. *На лужку цвели три цветика, Алы цветики аляются* (песня). Волог., Соболевский [СРНГ 1: 249];

заговор — 128 единиц: **Белолáдный**. Фольк. Крепкий, основательный и белый. *На океан-море, на белоладном камне, стоит сам Иисус Христос* (заговор). Валд. Новг. [СРНГ 2: 221];

загадка — 876: **Голя́шки**. В загадке: оглобли. *Развалю голяшки, Ввалю голяшка* (отгадка: оглобли и лошадь). Ставроп. Самар., Садовников [СРНГ 6: 352];

частушка — 1266: **Жа́ющий**. Жалящий (о животных). *Под окошком липа сохни, У милого matka сдохни, Сдохни, жгучая змея, Сиротой останусь я!* (частушка). Новг. [СРНГ 9: 93];

причитание — 451: **Забéрчатый**. Вытканый выпуклыми узорами, узорчатый. *Узористый, клетчатый, Пропусти меня В путь за занавеску, За злодейку, заберчатую* (причитание). Сольвыч. Волог., 1896 [СРНГ 9: 253].

Представлены также в словаре поговорки:

пословицы — 604: **Каза́к**. Наемный рабочий, батрак в крестьянском хозяйстве, Волог., 1822. *Хозяин свистнул, а казак уже смыслит* (пословица). Волог. [СРНГ 12: 307];

поговорка — 418: **Капе́ль**. *Во дворе тают капли*, в доме окна запотели (поговорка) Ворон. [СРНГ 13: 50].

Кроме того, в вышедших выпусках СРНГ представлено примерно 450 единиц, где толковательная формула дается в виде «эпитет кого-, чего-л.», например: **Типу́ха**, ж. Фольк. Эпитет мухи. *Муха буруха, за ногу тинуха* (сказка). Юрьев. Влад., 1910 [СРНГ 44: 132].

Имеются материалы, в которых довольно сложно разграничить эпитет как таковой и случаи дивергентной редупликации, например: **Ласко́тушка**. Фольк. Эпитет ласточки [?]. *Уж я лучше спрошу, беднушка, У косатой летной ластушки — Тая ластушка-ласкотушка Она летит ровнешенько* (причит.). Север., 1960 [СРНГ 16: 278].

Ономастика в словаре

При определении особенностей формирования словника СРНГ декларировалось, что «в основу Словаря кладутся непосредственные наблюдения живой народной речи, записанные как в прошлом, так и в наше время. Используются также произведения устного народного творчества, в которых содержится много словарных особенностей местной речи. В отдельных случаях привлекаются свидетельства писателей, имеющие в тексте художественных произведений явно эт-

нографический характер» [СРНГ 1: 5]. Отмечается, что «собственные имена, как правило, в Словарь не включаются. Однако в конце словарных статей в качестве дополнительного иллюстративного материала (при наличии нужных сведений в нашей картотеке) могут приводиться собственные имена, образованные от имен нарицательных, толкуемых в Словаре... В виде исключения включаются в Словарь отдельные собственные имена, представляющие особый историко-лингвистический интерес. В Словаре помещаются нарицательные слова, образованные от собственных, а также прозвища, клички и т. п., имеющие и нарицательное значение» [Там же: 7].

Авторы «Большого словаря русских прозвищ», выделяя традиционные русские деревенские и городские прозвища, указывают, что «эта группа генетически предшествовала русским фамилиям и до сих пор в живом диалектном и просторечном узусе нередко остается их заменителем» [Вальтер, Мокиенко 2007: 10]. Отмечается, что диалектные прозвища — основа для создания и постоянной актуализации прозвищного лексикона всех других его разновидностей [Там же]. Выделяются следующие группы прозвищ и кличек: 1) традиционные русские деревенские и городские прозвища; 2) прозвища учителей, учеников, преподавателей, студентов, профессиональные клички и т. п.; 3) прозвища известных деятелей и знаменитостей; 4) коллективные прозвища [Там же: 10–16].

В целом типология русских народных прозвищ в основном построена по семантическим доминантам номинации. Так, Т. Н. Чайко предлагает следующую классификацию: 1) внешность человека: а) оценка внешности человека в целом, б) выделение отдельных частей внешности, в) характеристика качеств органов чувств; 2) свойства человека: а) особенности характера, б) привычки, в) поведение, поступки, деятельность; 3) особенности речи; 4) связь с какими-либо событиями из жизни человека; 5) занятие или профессия; 6) имя или фамилия; 7) прозвища с неизвестной мотивацией [Чайко 1971: 150–152].

Типология В.А. Флоровской целиком построена на материале кубанских говоров: 1) внешний вид; 2) по принципу контраста; 3) черты характера, особенности поведения, привычки; 4) особенности произношения; 5) прозвища, образованные от имен и фамилий; 6) специальность и характер деятельности; 7) наличие того или иного физического недостатка; 8) место жительства; 9) семейные отношения; порядок и место рождения [Флоровская 1971: 145; Флоровская 1976].

В 49 выпусках СРНГ зафиксировано примерно 1600 прозвищ. Дифференциация их в зависимости от типа номинации весьма многообразна⁶. Ниже перечислены примеры признаков номинации, лежащих в основе прозвищ.

⁶ См. [Чайкина 1969].

1. Внешний вид человека: **Белобры́ська** ‘прозвище белокурого человека’ Березовка Дмитров. Орл., 1898 [СРНГ 2: 216]; **Белотёлец** ‘прозвище ярославцев’: *Наши ярославцы-белотельцы, красавцы: пуд мыла извели, родимого пятна не свели*. Рыб. Яросл., 1901 [СРНГ 2: 225].

2. Традиционная или рабочая одежда: **Рóкан** ‘прозвище жителя Терского берега’: *Так роканам нас и зовут. Рокана, рокана, у вас непарны рукава* (дразнилка). Мурман. [СРНГ 35: 169] (ср. **рóкан** ‘непромокаемый рыбацкий костюм’ Кандалакш. [Меркурьев 1979: 135], **рóкан** ‘пальто из домотканой шерсти или другой материи’ Терск. Мурман., 1932 [СРНГ 35: 169]).

3. Особенности поведения: **Босíха** ‘прозвище женщины, которая ходит босиком’ Курск., 1900–1902 [СРНГ 3: 123].

4. Особенности речи: **Ера́хта-барáхта** ‘прозвище картавого человека’: «Так называли старуху за то, что она плохо выговаривала слова». Ветл. Костром., Марков, 1898 [СРНГ 8: 365]; **Кýчи** ‘прозвище жителей Усть-Сысольского уезда’. «От зырянского кытче — куда?». Волог., 1883–1889 [СРНГ 16: 208].

5. Социальный статус: **Богáтко** ‘прозвище крестьянина’: «У нас даются клички не по недостаткам, как часто у крестьян, а по состоянию хозяйства. Царь, князь, богатко». Урал, 1930 [СРНГ 3: 44].

Нередки и метафорические прозвища, ср. примеры зоометафор.

1. Названия животных: **Бабúк** ‘крестьянское прозвище’ Мокш. Пенз., 1899 [СРНГ 2: 27] (ср. **бабúк** ‘животное *Dipus jaculus*, отряд грызунов; земляной заяц, табарган, тушканчик’ Южн., Южн.-Сиб. [Там же]); **Куя́н** ‘прозвище робкого, трусоватого человека’ Челяб., 1946–1956. Оренб. [СРНГ 16: 198] (ср. **куя́н** ‘заяц’ Том., Тобол., Оренб., Челяб., Курган., Свердл., Перм., Волго-Камье [СРНГ 16: 198]).

2. Названия птиц: **Кýкиа** ‘прозвище’ Медвежьегор. [КСРГК], ‘несообразительный человек’ Терск. [СРГК 3: 55] (ср. **кýкиа** ‘лесная птица свиристель *Bombycilla garrula*’ Арх., ‘лесная хищная птица *Lanius infaustus*’ Онеж., Шенк., ‘птица (какая?)’ Пинеж. (Кобелево, Рогатка, Шардонемь) [Сими́на]; ‘неряшливо, неопрятно одетая женщина’ Шенк. Арх., 1846 [КСРНГ], Шенк. Онеж. [Подвысоцкий 1885: 77]; ‘непристойно одетая женщина’ Шенк. Арх. [Опыт: 96]; ‘женщина, которая нарядилась не по времени’ Хакас. Краснояр. [СРНГ 6: 49].

В некоторых случаях вопрос о природе прозвища является спорным. Ср.: **Лóхи** ‘прозвище жителей Пижмы, которые считаются плохими рыбаками, так как ловят только отощавшую после нереста семгу, лосося, т. е. лохов’ Печор., 1955 [СРНГ 17: 160]. Это слово имеет финно-угорское происхождение. Так, например, Я. Калима приводит ряд соответствий для севернорусской единицы: ливв. *lohi*, вепс. *lohi*, водск. *lehi*, эст. *lõhi* ‘лосось’ [Kalima 1915: 155]. См. также [Фасмер 2: 524]. Авторы SSAP указывают на то, что из прибалтийско-финских языков

слово было заимствовано саамскими диалектами. В прибалтийско-финских языках слово балтийского происхождения, ср. литов. *lāšis*, *lašisà*, латыш. *lasis*, др.-прусс. *lasasso* ‘лосось’, при этом ливв. *laš* заимствовано из латышского [SSAP 2: 85]. По-видимому, следует отграничить прозвище *Лоху* от арготической единицы, ср. офенские данные: *лох* ‘мужик’ Влад. Офен., Галич, Нерехта, Костром. Офен., Калуж. Прасол., Самарск. Офен., Симб. Швец., Калуж. Портн., Твер. Коновал., Ряз. Нищ., Гомельск. Нищ., Белорусск. Нищ., Могил. Нищ. [Приемышева 2009 2: 554].

Довольно много прозвищных единиц неисконного происхождения зафиксировано в зоне этноязыковых контактов: *Пёрзя* ‘прозвище: брюхан’ Черепов. Новг. [СРНГ 26: 281], *пърза* ‘полный, толстый, толстомордый, толстобрюхий человек’ Подпорож. [ПЛГО], *пярзà* ‘бранное слово’ Подпорож. [СРГК 5: 377], *пёржа* ‘здоровый, дородный человек’ Крестец. Новг. [НОС 7: 129], *пёрзák* ‘толстый полный человек, толстяк’ Подпорож. (Шеменичи) [ПЛГО; СРГК 4: 478]. Лексемы с [з] восходят к вепс. *perze* ‘задница — часть тела’ [СВЯ: 409], ср. словопотребление у вепсов: *sangen perze* ‘толстозадый’. В SKES показан общеприбалтийско-финский характер этого гнезда: фин. *perse*, эст. *perse*, водск. *perze*, ливск. *pierz*, кар. *peršo* ‘зад, задняя часть чего-л.’; из финского языка слово вошло также в швед. диал.: *pårssö* ‘жадный, алчный, привередливый человек’ [SKES: 525–526].

Особо остановимся на таком виде имен собственных, как зоонимы. При начале работы над СРНГ зоонимика находилась в зачаточном состоянии, к настоящему времени имеются значительные результаты такого рода исследований по разным регионам, например: по Ярославской и Вологодской областям [Варникова 2011], псковским говорам [Фонякова 1984], Поволжью [Романова, Салмина 2001; Смирнов 1971], а также работы по языкам России [Архипов, Иванов; Баскаков]. И хотя зоонимия представляет собой открытую и динамичную подсистему ономастической номинации со своим центром и периферией, в СРНГ ядро зоонимии представляет собой большей частью клички домашних животных, в том числе, свиней: *Зю́ра* ‘кличка свиньи’ Пск. 1902–1904 [СРНГ 12: 44]; лошадей: *Игре́нько* ‘лошадь игреневого масти; кличка такой лошади’: *Игренька-то запряги в корень, он смиреннее под горы-те, а чубарка в пристежки*. Перм., 1856. Урал., Сиб. [СРНГ 12: 70]; коров: *Нё́жка* ‘кличка коровы’ Медын. Калуж., 1972. Тул. [СРНГ 21: 43]; овец: *Па́тенька* ‘кличка овцы’ Яран. Вят., 1887 [СРНГ 25: 272].

Встречаются зоонимы, соотносимые с разными видами животных:

Лы́ско. 1. Кличка лошади. Шадр. Перм., 1930. 2. Кличка собаки. *Лесовать я хожу с Лыском, он умен, славно векош ищет*. Перм., 1856. Вят., Твер., Горьк., Новг., Арх. [СРНГ 17: 224].

В ряде случаев в дефиниции упускается ономастический характер толкуемой единицы: *Жд́ана* ‘корова, рождения которой ждали долго и с нетерпением’ Галич. Костром., 1898 [СРНГ 9: 94].

Поскольку фиксация зоонимов не является основной целью в работе над СРНГ, то на его страницах не удастся найти их полного репертуара (включающего зоонимы, образованные от личных имен, названий животных, растений, географических объектов, явлений природы, космических тел, обозначений отвлеченных понятий, научных терминов, индивидуально мотивированные клички, непонятные для окружающих) [Вересиянова 2016: 188]. Всего в вышедших томах СРНГ представлено около 300 словарных статей, относящихся к зоонимам, причем в последнем (49) томе такого рода единицы даются в словнике в полном объеме, причем обычно в толковании предпринимается попытка показа мотивационной основы лексикографируемого слова, например:

Уш́оня, ж. Кличка белой коровы с черными ушами. *А то уши черны, а сама бела, дак Ушоха, Ушоня*. Низ. Печора, 2005 [СРНГ 49: 25].

Февра́лька, ж. Кличка домашнего животного, родившегося в феврале. Первомайск. Оренб., 1951–1958. *Февралька — телочка, рожденная в феврале*. Соль-Илец. Чкал. *Февралька, Апрелька, Майка. Февралька — корова, родившаяся в феврале*. Прииссыккул. Киргиз. [СРНГ 49: 82].

Элементы арго в словаре

Как констатируется в предисловии к 1-му тому СРНГ, носители говоров иногда усваивали слова из арго, из речи представителей господствующих классов и из разных других источников. Однако какого бы значения и происхождения ни было слово, оно, как правило, будет включаться в словарь лишь в том случае, если его употребляют не повсеместно, если оно не является фактом современного литературного языка. Таким образом, на практике элементы арго нередко помещаются в словник СРНГ.

Разло́шиться. Обабиться (о мужчине). *Мас (мужик) разлошился*. Ветл. Костром., 1933 [Из арго] [СРНГ 33: 369].

Кубафея. [удар.?). Баба. Углич. Ярослав., 1820. [Из арго] [СРНГ 15: 379].

Лей́ма. Корова. Галич. Костром., 1820. [Из арго] [СРНГ 16: 341].

Наси́зывать. Задолжать что-либо кому-либо. Ветл. Костром., 1933 [СРНГ 20: 160]. Ср. *сизы́менька* ‘денежка’ Костром. Шерстоби-ты. [Приемышева 2009 2: 620].

В ряде случаев помещение арготической единицы в словарь обуславливается лексикографической традицией. Например, слово *си́ка*

‘свинья’ Галич. Костром. [Опыт: 202] отмечается также в СРНГ [СРНГ 37: 299], несмотря на то, что имеется вполне верифицированная версия о недиалектной арготической основе лексемы *сика*, которая по своей сути диалектной не является [Попов 1955: 18; Приемышева 2: 620].

* * *

В заключение несколько слов о перспективах работы над словом. К настоящему времени в 49 томах СРНГ представлен богатейший материал, например, имеется 9371 наименование растений, 1280 названий грибов, 172 названия рыболовных сетей и т.д. После окончания работы над алфавитным лексиконом (и, вероятно, дополнений к нему) вполне возможна разработка тематического словаря на базе данных СРНГ.

Литература

- Архипов, Иванов — *Архипов Г. А., Иванов В. И.* Зоонимы в Удмуртии // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 306–309.
- Баскаков — *Баскаков Н. А.* Клички собак у каракалпаков // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 206–209.
- Вальтер, Мокиенко 2007 — *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.
- Варникова 2011 — *Варникова Е. Н.* Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. № 1. С. 51–62.
- Вересиянова 2016 — *Вересиянова В. В.* Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб., 2016. С. 188–189.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.
- Дискуссия по вопросам... 1960 — Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР // Лексикографический сборник. 1960. Вып. 4.
- Доп. Опыт. — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Карпов — *Карпов И. И.* Краткий очерк простонародных слов, преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской губернии и Осташковского Тверской. 1855 (Рукопись СРНГ).
- Качурин 2013 — *Качурин Д. В.* Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- КЛАРНГ — картотека «Лексического атласа русских народных говоров».
- КСРГК — картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

КСРНГ — картотека «Словаря русских народных говоров».

Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Ларин 1962 — *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. 1. Труды Первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 1962. С. 252–271.

Меркурьев 1979 — *Меркурьев И. С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск, 1979.

Мызников 2001 — *Мызников С. А.* Омонимы в областных словарях // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). Псков, 2001. С. 145–156.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

ПЛГО — Полевое лингвгеографическое обследование автора.

Подвысоцкий 1885 — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Попов 1955 — *Попов А. И.* Из истории славяно-финно-угорских лексических отношений // *Acta linguistica*. Budapest, 1955. Т. 5. Ф. 1, 2. С. 1–19.

Приемышева 2009 — *Приемышева М. Н.* Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. 1–2. СПб., 2009.

Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.

Романова, Салмина 2001 — *Романова Т. П., Салмина О. В.* Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) // Разноуровневая характеристика лексических единиц: сб. науч. ст. по материалам докладов и сообщений конференции «История языка и диалектология. Ономастика». Смоленск, 19–20 июня 2001. Ч. 2. Смоленск, 2001. С. 174–184.

Рыбников 1862 — *Рыбников П. Н.* Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1, 2. М., 1861–1862.

СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.

Смирнов 1971 — *Смирнов А. А.* Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. С. 299–302.

Сороколетов 1974 — *Сороколетов Ф. П.* Произведения фольклора и диалектные словари // Диалектная лексика. 1973 / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л., 1974. С. 193–204.

Сороколетов, Кузнецова 1987 — *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Принципы разработки вариантов слова в «Словаре русских народных говоров» // СРНГ. Вып. 22. Л., 1987. С. 4–8.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–49. М., Л., СПб., 1965–2016.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Т. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 1–2.
- Филин 1961 — *Филин Ф. П.* Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.
- Флоровская 1976 — *Флоровская В. А.* Прозвища в русских говорах Кубани // Ономастика Кавказа / Отв. ред. В. А. Никонов. Махачкала, 1976. С. 300–304.
- Флоровская 1971 — *Флоровская В. А.* Прозвища в русских говорах Кубани // Этнография имен. Сб. статей / Отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М., 1971. С. 141–145.
- Фонякова 1984 — *Фонякова О. И.* О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1984. С. 111–116.
- Чайкина 1971 — *Чайкина Ю. И.* О традиционных прозвищах в Белозерье // Филологические науки. 1969. № 3. С. 104–109.
- Чайко 1971 — *Чайко Т. Н.* О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) // Вопросы топонимистики / Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск, 1971. Вып. 5. С. 150–154.
- Kalima 1915 — *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ

Настоящий доклад посвящен метрике древнерусских светских стихотворных текстов X–XII вв. Их метрической системой является *неравносложная силлаботоника* (§ 2). Впервые такая древнерусская система была обнаружена в «Слове о полку Игореве» [Николаев 2014: 38; 2018 (в печати)]. Установление регулярной метрики в «Слове о полку Игореве» стало возможным благодаря гипотезе А. Ю. Чернова и А. В. Дыбо, согласно которой в памятнике представлено факультативное прояснение слабых редуцированных.

В докладе рассматривается метрическая структура древнерусских стихотворений (двусложник и трехсложник, «пропуски слогов» и спондеи, § 2–5) и анализируются сами стихотворения (§ 6). В качестве типологической параллели приводятся две уральские былины из собрания Кириши Данилова, в которых представлена неравносложная силлаботоника, сходная с древнерусской (§ 7).

Очевидно, что древнерусские фрагменты, содержащие стихотворный метр, не были опознаны исследователями текста «Повести временных лет» потому, что до недавнего времени древнерусское ударение в конкретных словах и словоформах было недостаточно известно. После выхода древнерусского акцентологического словаря А. А. Зализняка [Зализняк 2014] реконструкция ударения в неакцентуированных древнерусских текстах получила научное обоснование. См. § 2 о принципах расстановки ударения в древнерусских неакцентуированных текстах. Приводимые в § 6 реконструкции метра древнерусских стихотворных текстов свидетельствуют о том, что применение методов исторической акцентологии к древнерусским текстам может быть продуктивным для истории русского стихосложения.

Сергей Львович Николаев,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Автор выражает глубокую благодарность М. Н. Толстой и А. Ю. Чернову за помощь в написании настоящего доклада.

§ 1. Введение

§ 1.1. Стихотворный метр — упорядоченное чередование в стихе сильных мест (иктов) и слабых мест, по-разному заполняемых. В «идеальном» силлаботоническом стихосложении (без спондеев, пиррихий и других метрических нарушений) иктами являются слоги, на которых находится фонологическое ударение или (если слоги фонологически безударны) — метрическое ударение. Слабыми местами являются безударные — с точки зрения как фонологии, так и метрики — слоги.

«Классическая» силлаботоника — система построения стиха, в основе которой лежит равносложие, т. е. одинаковое количество слогов в каждой стихотворной строке или регулярное чередование равносложных строк. Однако силлаботоникой нужно считать и системы, в которых равносложие и регулярное чередование строк с одинаковым количеством не соблюдается, а регулярным является только упорядоченное чередование сильных (метрически ударных) и слабых (метрически безударных) слогов в строке при условии, что фонологический икт совпадает с метрическим. Такие системы стихосложения можно назвать *неравносложной силлаботоникой*.

В приводимых ниже стихах метр отдельных строк может быть двусложным или трехсложным (соответствовать дактилю, амфибрахию или анапесту). Количество слогов в строках приводимых ниже стихотворных текстов не регламентировано, поэтому между метрами неравносложной силлаботоники и «классическими» равносложными силлаботоническими метрами нет полной аналогии: не задан выбор определенного количества стоп в формальных ямбе, хорее, дактиле и т. д.

§ 1.2. Принципы расстановки ударения в древнерусских неакцентуированных текстах

Определение метра и размера стихотворного текста непосредственно зависит от его правильной акцентуации. Приводимые ниже тексты цитируются из рукописей, в которых ударение не проставлено.

Многие слова и словоформы имеют фиксированное ударение во всех восточнославянских диалектах и в древнерусских памятниках. Таких форм (не считая односложных) с «надежным» ударением много — не менее двух третей текста. На первом этапе реконструкции ударение расставляется в подобных формах.

К сфере лексического акцента относится принадлежность слова к одному из *акцентных типов* (а. т.). Акцентные типы являются рефlekсами праславянских *акцентных парадигм* (а. п.), которые имеют регу-

лярные рефлексy в сохраняющих разноместное ударение славянских языках и диалектах. Акцентная парадигма каждого праславянского слова является его лексической характеристикой: *mǎkŭ; *rǎriti (на пару) — а. п. а (колонное ударение на корне), *dvŏgъ («смежно-подвижное» ударение — на корне или аффиксе); *xodŭiti — а. п. b, *dŏmъ; *raŭiti (в воздухе) — а. п. с («маргинально-подвижное» ударение, перенос ударения на клитики).

Праславянская оппозиция акцентных парадигм в перестроенном виде сохранилась в русском языке в виде *акцентных типов*. А. т. а мак (на мǎк), Р. мǎка, Им. мн. мǎки; нǎритъ, 1 ед. нǎрю, 3 л. нǎрит — основы праслав. а. п. а. А. т. b: двор, дворǎ, дворы; ходитъ, хожу, ходит — основы праслав. а. п. b. А. т. с: дом (на дом), дѡма (из дому); паритъ, парю, парит — основы праслав. а. п. с. Ожидается, что и в реконструируемой акцентуации стиха не будут свободно варьировать «на воду» и на воду, со дворǎ и «со двора», 3 ед. нѡситъ и «носѣтъ» и т. д. — формы, характерные для разных акцентных типов.

Для раннего периода древнерусского языка предполагается существование двух ударений — нисходящего автоматического и восходящего автономного. Фонетическая реализация древнерусского автономного ударения неясна: подударные слоги скорее всего отличались от безударных не только тоном, но еще и интенсивностью и долготой.

Специального комментария требуют так называемые формы энклиномены, или просто *энклиномены* — формы праслав. а. п. с. В праславянском и раннем древнерусском энклиномены были фонетически низкотональными, фонологически — безударными: рѡдъ, на родъ, из рода, двѣ рода; рѡдилъ, родилъ сѧ. В абсолютном употреблении (будучи отделены речевой паузой от соседних слов) энклиномены приобретали *автоматическое ударение* на первом слоге. После утраты тональных различий в позднедревнерусскую эпоху фонологический статус энклиноменов заменился морфонологическим, поэтому энклиномены уже могли иметь самостоятельное ударение и не в абсолютном положении: на ѡзеро на месте исторически регулярного на ѡзеро. В цитируемых ниже древнерусских стихотворениях автоматическое ударение энклиноменов поставлено только в тех случаях, когда оно совпадает с метрическим.

Энклиномены противопоставлены словам с *автономным ударением* — оно могло находиться на любом слоге, в том числе в а. п. с: из дому, но домѡвъ; рѡдилъ, но родилǎ, родѣти. Все формы а. п. а и b имеют автономное ударение. Праславянское и раннедревнерусское автономное ударение характеризовалось высокотональными интонациями акута и неоакута. Формы с автономным ударением также называются *ортотоническими* [Зализняк 2014: 9–12].

При реконструкции ударения в конкретном тексте желательно, чтобы слова каждого из акцентных типов имели единую *акцентную кривую* — регулярную схему распределения ударения по словоформам. Например, если установлено ударение форм инф. *но́сити*, 1 ед. *но́шу*, 3 ед. *но́ситъ* от глагола а. т. b_1 , то у глагола этого же акцентного типа *вози́ти* в этих формах будет аналогичное ударение, а не 1 ед. «*во́жу*» или 3 ед. «*вози́тъ*». Реконструированное лексическое и парадигматическое ударение на протяжении всего текста стихотворения должно оставаться единообразным. На начальном этапе недопустимо, чтобы в тексте свободно варьировали *По́лотьскъ* и *Поло́тьскъ*, *приво́дити* и *приво́дити*, *от то́го* и *от то́го* — несмотря на то, что оба варианта представлены в акцентуированных памятниках и современных восточнославянских диалектах.

Реконструированная акцентологическая система памятника не должна экстравагантно отличаться от известных науке древних и современных восточнославянских систем; она должна найти свое место на восточнославянской лингвогеографической карте.

Для реконструкции ударения в древнерусских текстах я пользовался собственными познаниями в древнерусской и восточнославянской диалектной акцентологии и древнерусским акцентологическим словарем А. А. Зализняка [Зализняк 2014].

В своей реконструкции я стремился не прибегать к эмендациям без крайней на то необходимости. Эмендации, кажущиеся неизбежными, заключены в ломаные скобки (◊). Многие эмендации связаны с приведением текста к древнерусскому виду: *на ко́н<и>хѡ* вместо *на конѣхъ* в летописи.

В каждом конкретном стихотворении есть определенная зависимость акцентологической реконструкции от метра, и необходимость соблюдать единое ударение в максимальном числе строк, вероятно, ведет к перфекционизму: ведь в оригинале могли находиться обусловленные творческим замыслом «неритмичные» строки; вариативность ударения встречалась чаще, чем допускает системная реконструкция; текст мог быть неоднократно искажен при копировании. Однако в целом тексты производят впечатление хорошо сохранившихся, иначе бы затруднений с реконструкцией ударения и доказательством регулярной системы стихосложения было неизмеримо больше. Метрические нерегулярности в основном сводятся к «пропускам слогов» (§ 3) и спондеям (§ 4).

Ниже метрические схемы стихотворных строк даются в следующей нотации: — ударный слог (совпадают метрическое и фонологическое ударения), — условно-ударный слог (метрически слог ударный, фонологически безударный); S — спондей (метрически слог безударный, фонологически ударный); U — безударный слог (метрически и

фонологически слог безударный). Символы в скобках: (—) — пропуск условно-ударного слога; (U) — пропуск безударного слога. В реконструкции «пропуск слога» обозначается знаком ||. Двусложник дается прямым шрифтом, трехсложник — курсивом, буквами *ѿ* и *ѣ* обозначены «звучащие» слабые редуцированные. В угловых скобках приводятся эмендации и коньектуры в тексте.

§ 2. Стихотворные размеры: двусложник и трехсложник

Как уже было сказано выше, метрической системой стихосложения приводимых ниже древнерусских стихов и уральских былин является *неравносложная силлаботоника*. В приводимых ниже стихотворных текстах представлено два размера — *двусложный* (состоящий из двусложных стоп) и *трехсложный* (состоящий из трехсложных стоп), сокращенно — *двусложник* и *трехсложник*.

С современной точки зрения, *двусложник* — свободно чередующиеся разностопные хорей и ямб. *Трехсложник* — свободно чередующиеся разностопные дактиль, амфибрахий и анапест. Слоги, предшествующие первому метрическому ударению в стихотворной строке, в древнерусском стихосложении, по-видимому, не имеют значения для метрики. Вследствие этого ямб и хорей, с одной стороны, и дактиль, амфибрахий и анапест — с другой, свободно варьируют между собою внутри фрагментов, состоящих из стиха одного размера — двусложника или трехсложника.

Стихотворные строки с разными размерами иногда свободно чередуются, однако чаще значительные по объему фрагменты имеют единый размер — чаще двусложник, реже трехсложник.

Например, в «Слове о полку Игореве»:

Текст	Метрическая схема
<u>«Двусложный» блок (V.2.3–12):</u>	
Сѣ нощѣ сѣ вѣчера	—U—U—U—
одѣваѣху ^т мя рече	—U—U—U—
⁵ чѣрною паполомѣю	—U—U—U—U—
на кровѣты тѣсовѣ	—U—U—U—
чѣрпаху ^т ми сѣнее вино	—U—U—U—U—
сѣ трудѣмѣ смѣшено	—U—U—U—
сыпаху ^т ми тѣщими тулы	—U—U—U—U—
¹⁰ погѣныи толковѣно	U—U—U—U—
великыи женчугѣ на лоно	U—U—U—U—U—
и нѣгую ^т мя	U—U—U—

«Трехсложный» блок» (V.3.18–26):

<i>и великое буйство подаста хыновѣ</i>	UU-UU-UU-UU-UU
<i>на рѣцѣ на Каялѣ темѣ свѣт покрыла</i>	UU-UU-UU-UU-U
²⁰ <i>по русьскѣй земли простроша ся полѡвци</i>	U-UU-UU-UU-U
<i>а́кы пардуже гнѣздѡ</i>	-UU-UU-
<i>уже снесѣ ся хула на хвалу</i>	-UU-UU-UU-
<i>уже трѣсну ну́жа на волю</i>	SU-U(U)-UU-U
<i>уже верже сѣя Дѣвѡ на зѣмлю</i>	SU-UU-UU-U
²⁵ <i>се бо готьскыи красныи дѣвы</i>	SU-UU-UU-U
²⁶ <i>вѡспѣша на бѣрезѣ Сѣнѣюму морю</i>	U-UU-UU-UU-U

Строка завершается произвольным слогом двусложной или трехсложной стопы, в общем независимо от метра данной строки и метра соседних строк, хотя наблюдается тенденция к группировке строк с «мужскими» и «женскими» окончаниями в двусложнике, «дактилическими» и «усеченными» окончаниями в трехсложнике.

§ 3. «Пропуск слога»

Спорадически встречаются строки с пропуском слога в середине строки: ¹⁵ да не воюемѡ || за три лѣта¹. Эта строка имеет формальную метрическую схему U-U-U-(U)-U-U. Как правило, пропускаются только метрически безударные открытые слоги на конце слова.

§ 4. Спондеи

Как в двусложнике, так и в трехсложнике встречаются спондеи, когда на месте метрически безударного слога находится слог с фонологическим ударением. В двусложнике спондеи обычно обнаруживаются в одном из двух начальных слогов, в трехсложнике они встречаются только в трех начальных слогах. Например, ¹⁶ *Аще ли́ нѣше́ мѹ́же удѣ́рѹтѣ* — UU-SU-UU-UU.

В качестве спондеев нельзя рассматривать слоги под автоматическим ударением в формах-энклименах (§ 3.5), поскольку эти формы могут иметь безударный статус, и в этом случае метрическое ударение может падать на любой слог, не противореча фонологическому ударению.

¹ § 6.2, «Рассказ о Кожемяке и Печенежине».

§ 5. Образец древнерусского стихотворения

Ниже приводится отрывок из «Рассказа о Кожемяке и Печенежине» (§ 6.2), содержащий двусложник и трехсложник, «пропуски слога» и спондеи:

Текст	Метрическая схема
«...Да аще твои мужё	U—U—U—U
удáритё моймё,	U—U—U—U
¹⁵ да не воюёмó зà три лѣта.	U—U—U—(U)—U—U
Аще ли нáшё мужё удáритё,	UU—SU—UU—UU
да воюёмó зà три лѣта».	—U—U—(U)—U—U
И разидóста ся р<о>зно.	—UU—UU—U
«А» Володímѣрō же	—UU—UU—
²⁰ придé вѣ товáры	U—UU—U
«и» посóлá бирич<ѣ>	—UU—UU—
по товáромō, глаго́ля:	—U—U—U—U
«Нѣту ли так<а>го мѹжа,	—U—U
йже бы ся я́лō	—U—U—U
И узѣрѣ и печенѣж<и>нō	U—U—U—U—U—
и посмѣя ся,	U—U—U
бѣ бó середѣнии тѣ́ломō.	U—U—U—U—U—
⁸⁰ И р<о>змѣ́ривōше	UU—UU—
ме́жй обѣ́мá полкомá,	U—UU—UU—
пусти́ша <ѣ> кō собѣ́,	U—U—(U)—U—
и я́ста ся».	U—U—

§ 6. Древнерусские стихотворения с неравносложной силлаботоникой

Следующие фрагменты дошли до нас в составе Повести временных лет и не отделены от окружающего прозаического текста. Они на-верное воспринимались переписчиками летописи как прозаические: в них пропущены слабые редуцированные, произносившиеся в эпоху сочинения текста, а без последних в стихе пропадает метр. После восстановления слабых редуцированных во фрагментах обнаруживается силлаботоника, в некоторых — изысканная структура. Все это позволяет считать эти фрагменты стихотворными, а не образцами случайно ритмизованной прозы.

В демонстрируемых ниже древнерусских стихах обнаруживается *неравносложная силлаботоника*, причем в двух ранних стихотворениях она представлена только одним из размеров — двусложником. Это доказывает, что силлаботоника сложилась в русской светской поэзии до падения редуцированных и для автора древнерусских стихотворений была традиционной стихотворческой техникой. Последнее относится и к уральским былинам из собрания Кириши Данилова (§ 7). В древнерусском церковном (точнее, древнерусско-церковнославянском) стихосложении неравносложная силлаботоника не отмечена. По-видимому, стихосложение на русском церковнославянском языке² восходит к южнославянской традиции и по своей технике дистанцировалось от светского, которое начиная с древнерусской эпохи опиралось на восточнославянские диалекты³.

§ 6.1. «Похвала Святославу Игоревичу»

Возможно, древнейшее из дошедших до нас древнерусских стихотворений — «Похвала Святославу Игоревичу», с известным «хочу идти на вы», находящаяся в Повести временных лет под 964 г.⁴ Начальная и заключительная часть «Похвалы» написана прозой.

Ниже дается реконструкция текста по Лаврентьевской летописи с исключением фразы *такоже и прочии вои его вси блху* (вероятно, она первоначально находилась после *хочу на вы ити*), с заменой *ядаху* на *ѣдяше* и с добавлением слова *грядина* из Новгородской I летописи⁵. Предполагаемая акцентуация отрывка соответствует представлениям об ударении в юго-западном ареале древнерусского языка. Размер — разностопный двусложник. Стихотворение состоит из трех строф, каждая из которых включает по 6 строк. В тексте X в. слабые редуцированные произносились во всех позициях.

² [Федотов 2017: 79–110]. Традиция русского церковнославянского стихосложения продолжалась вплоть до недавнего времени. О церковнославянских стихах XVII в. см. книгу А. М. Панченко [Панченко 1973].

³ О недавно обнаруженных древнерусских стихах, в которых основным стихотворным приемом является звукопись, см. [Гиппиус 2017; 2018а; 2018б].

⁴ По воспоминаниям А. Ю. Чернова (устное сообщение), стихотворный характер фрагмента уже предполагался кем-то ранее. Этот и еще ряд предположительно стихотворных древнерусских отрывков цитирует А. Ю. Чернов [Чернов 2006: 97–108], однако метрика стиха не была выявлена.

⁵ См. [Гиппиус 2008].

Текст	Метрическая схема
¹ Лёгко ходя	—U—U—
² аky пародусь	—U—U—U
³ воины мнѡгы	—U—U—U
⁴ творяше	U—U
⁵ ходя возъ по собѣ	—S—U—U—
⁶ не возяше	—U—U
⁷ ни котѣла ни мясь варя	U—U—U—U—U
⁸ нѡ по тонѡку изрѣзавъ	—U—U—U—U—
⁹ конину ли звѣрину ли	U—U—U—U—
¹⁰ или говядину «грядину»	U—U—U—U—U
¹¹ на углѣхъ испекѡ	U—U—U—U
¹² «ѣдяше»	U—U
¹³ ни шатѣра имяше	U—U—U—U
¹⁴ нѡ подѡкладѡ постѣлавъ	U—U—U—U—U
¹⁵ а седѣло въ головахъ	U—U—U—U—U
¹⁶ посылаше къ странамѡ глаголя	—U—U—U—U—U—
¹⁷ хочю на вы ити	U—U—U—
¹⁸ и иде.	U—U

Источники реконструкции:

Лаврентьевская летопись: Кнѧзю Сѣославу възрѣстѣшю . и възмужавшю^ю . нача вои совокуплати . многи и храбры и ле|гко хода . аки пардусь . воины многи тво|раше хода . возъ по собѣ не возаше . ни ко|тъла ни мась варѧ . но по тонку изрѣ^завъ . кон^н|ну ли . звѣрину ли . или говадину . на оуглѣ^х испекъ ядаху . ни шатра имаше . но подѣкладъ по|славъ . и сѣдло в головахъ . тако же и прочии вои | его вси бл^х . посылаше къ странамъ глѧ . хочю н^а | вы ити . и иде на Ѡку рѣку и на Волгу .

Ипатьевская летопись: Кнѧзю Сѣославу възрѣстѣ|шю . и възмужавшю . нача | воя съвокуплати . многы | и храбры . бѣ бо и самъ хоробръ и | легокъ . хода акы пардусь . воины многы | твора^ше . возъ бо по себѣ | не возаше . ни котла ни мѧ|сь варѧ . но по тонку изрѣ|завъ . конину . или звѣрину . или говадину на оугъ|лехъ испекъ ядаше . ни | шатра имаше . но подѣкл^а|дъ постилаше . а сѣдло въ | голова^х . тако же и прочии | вои е^г вси бл^ху . и посылаш^е къ страна^м . глѧ хочю на | вы ити . и иде на Ѡку рѣку . и на Волгу .

Новгородская I летопись младшего извода: Кнзю Святославу върастьшю и возмужавшю нача воя совокуплати многы храбры и бѣ бо и самъ храборъ и легко хода акы пардусъ воины многы творяше ходя а возовъ по собѣ не вожаше ни котла ни мясь варяше нъ потонку мяса изрѣзавше, конину или звѣрину грядину на угълехъ испекъ ядыше ни шатра имяше нъ подклад постилаше а сѣдло въ головахъ такоже у него и прочии вси вои бѣху .

§ 6.2. «Рассказ о Кожемяке и Печенежине»

Еще одно раннее стихотворение находится в Лаврентьевской летописи под 993 г.⁶ Это известный рассказ о бое Кожемяки с Печенежином. Текст состоит из 90 строк и разбивается на строфы, содержащие по 3–4 строки. Почти безупречная (за вычетом немногих «пропусков слогов») неравносложная силлаботоника, представленная двусложником и трехсложником, проходит по всему стихотворению. Строка ⁸¹ *межѣ обѣмá полкомá*, вероятно, указывает на принадлежность *пѣлкѣ* к а. п. с, как и в некоторых памятниках [Зализняк 2014: 485].

В X–XI вв. слабые редуцированные произносились во всех позициях.

Текст	Метрическая схема
<i>И стá Володѣмѣрѣ</i>	U–UU–UU
на сѣи сторонѣ,	U–U–U–
а печенѣзи на онѣи.	U–U–U–U–U
И не сѣмѣху сѣ	U–U–U–
⁵ на онѣ стѣороу,	UU–UU–
ни онѣ на сю стѣороу.	UU–UU–UU
И приѣха кѣнязѣ	UU–UU–U
печенѣжѣскыи кѣ рѣцѣѣ,	–U–U–U–U–
«и» возѣвá Володѣмѣра,	–UU–UU–UU
¹⁰ И рече ему:	–U–U–
«Выпусти ты своѣ мѣжѣ,	U–U–U–U–U
à я своѣ дá сá бѣрета.	–U–U–U–U–

⁶ Сочинено и вставлено в летопись оно могло быть и позже, но не позднее конца XI в., иными словами, до падения редуцированных. Текст этого же стихотворения в Ипатьевской летописи (л. 46–46об.) искажен гораздо сильнее и для реконструкции не используется.

Да аще твои мѹжѣ	U-U-U-U
ударите моимѣ,	U-U-U-U
¹⁵ да не воюемѹ за три лѣта.	U-U-U-(U)-U-U
Аще ли наші мѹжѣ ударите,	UU-SU-UU-UU
да воюемѹ за три лѣта».	-U-U-(U)-U-U
И рѹкозидѹста ся рѹкознѹ.	U-U-U-U-
«А Володимѣрь же	-UU-UU-
²⁰ приде въ товары	U-UU-U
«и» посѹла биричѣ	-UU-UU-
по товаромѹ, мѣлвѹ:	UU-UU-U
«Нѣту ли такѹго мѹжа,	-U-U-U-U
иже бы ся ялѹ	-U-U-U
²⁵ сѹ печенѣжиномѣ?»	-UU-UU-
И не обрѣте ся никѹдѣже.	U-U-U-(U)-U-U
Заутра приѣхаша печенѣзи	U-UU-UU(-)UU-U
и свои мѹжѣ приведѹша,	U-U-U-U-U
и въ нашихѹ не быстѣ.	-U-U-U-U
³⁰ И почѹ тужити Володимѣрь,	-U-U-U-U-U-
сѹля по вѣсѣмѹ воемѹ.	U-UU-UU-U
И приде «ѹдино старѹ	-U-U-U-U
мѹжѣ ко кѹнязю.	-U-U-U
И рече емѹ: «Кѹняже!	-U-U-U-U
³⁵ Ёстѣ у менѣ «ѹдино	-U-U-U-U
сынѹ менѣшеи дѹма.	-U-U-U-U
А сѹ четырьми	-UU-UU
есмѣ вышело, а ѹнѹ дѹма.	-U-U-U-U-U
От дѣтѣства бо егѹ	-UU-UU-
⁴⁰ нѣстѣ кѹто имѣ ударилѹ.	-U-U-U(-)U-U-
«ѹдиною бо ми и свѹрящю,	U-U-U-U-U-
и ономѹ мѣнѹщю ѹсние,	U-U-U-U-U-
«и» разгнѣвавѹ ся на мя	U-U-U-U-
«и» пѣретѹрге чѣреви рукамѹ».	U-U-U-U-U-U

45 Кѡнязѣ жѣ се слышавѡ, радѡ бы ^к вѡ посѡла по нѣ. <i>И приведѡша ^кего^б ко кѡнязю, и кѡнязѣ повѣда ему^у вѣся.</i>	U—U—U—U— —U—U—U—U— —UU—UU—UU—U UU—UU—UU—(U)U—
Сѣ жѣ рече: «Кѡняже! 50 Нѣ вѣдѣ могу ли ся и да искуситѣ мя.	U—U—U—U —U—U—U— —UU—UU—
Нѣту ли быка ^а велика и силѣна?» И налѣзоша быкѡ 55 великѡ и силенѡ.	—U—U— U—UU—UU UU—UU—U U—UU—UU
И повелѣ раздраж ^и ти быка ^а . «И» возлож ^и ша на нѣ желѣза горяча ^а и быка ^а пустиша.	—UU—UU—UU— U—U—U—U U—U—U— —U—U—U
60 И побѣже быкѡ мимо ѡ. И похвати быка ^а рукою за бокѡ,	—U—U—U—U— U—U—U— U—U—U—
и выня кожу со мяса, елико «же» ему рука зая. 65 И рече ему Володѣмѣрѡ: «Мѡжеши ^к ли ^а ся со нѣмѣ борѡти?»	U—U—U—U— U—U—U—U—U— U—UU—UU—UU —UU—UU—UU—U
И наутрия придѡша печенѣзи, почаша зѡвати: «Нѣ ли мѡжа? Се наше доспѣло».	—U—U—U—U—U—U —U—U—U—U—U— U—UU—U
70 Володѣмѣрѡ же повелѣ тои но ^ч и ся об ^о лоч ^и вѡ ѡружѣ.	UU—UU— —U—U—U—U U—U—U—U—U
И приступиша ту ѡбои. Выпустиша печенѣзи мѡжѣ свои, 75 бѣ бо прѣвеликѡ зѣло и страшенѡ.	—UU—UU—UU —U—U—U—U—U—U U—UU—UU—UU—U

И вы́ступи му́жѣ Володи́мѣрѣ.	U-U-(U)-U-U-U-
И узѣрѣ и печенѣжѣинѣ	U-U-U-U-U-
и посмѣя ся,	U-U-U
бѣ бо́ середѣнии тѣломѣ.	U-U-U-U-U-
⁸⁰ И рѣомѣривѣше	UU-UU-
межу́ обѣма́ полкома́,	U-UU-UU-
пустиша <ѣ> ко́ собѣ, и я́ста ся.	U-U-(U)-U-U-U-
И поча́ста ся крѣпо держа́ти.	UU-UU-UU-U
И удави́ печенѣжѣина	-UU-UU-UU
⁸⁵ во́ руку́ до со́мерти,	UU-UU-U
и уда́ри имѣ ѡ́ землю, и кли́кнуша.	-U-U-U-U-U-U-U-
И печенѣзи побѣгоша,	-UU-UU-UU
и ру́сѣ погѣна́ша,	U-U-U-U
по ни́хѣ сѣку́че,	U-U-U-U
⁹⁰ и прогѣна́ша.	U-U-U

Источник реконструкции:

Лаврентьевская летопись: и ста | Володимеръ на сеи сторонѣ . | а Печенѣзи на ѡнои . и не смѡху си на ѡну страну . ни ѡни | на сю страну . и приѣхѡ кнѡзѣ Печенѣжѣскѣи к рѣкѣ . во||зѣ Володимера и ре^ч ѣму . вы|пусти ты свои мужъ а я сво|и да сѡ борета . да аще твои мужъ оударить моимъ . да не во|юемъ за три лѣта . аще ли | нашъ мужъ оударить . да во|юемъ за три лѣта . и разидо|ста сѡ разнѡ . Володимеръ же | приде въ товары . посла бирѣ|чи по товаромъ глѡ . нѣту лѣ | такого мужа . иже бы сѡ я|лѣ с Печенѣжиномъ . и не ѡ|брѣте сѡ никдѣже . за-
утр^а| приѣхаша Печенѣзи . и сво|и мужъ приведоша . и въ наши^х | не бы^с . и поча тужити Воло|димеръ сѡ по всѣ^м воемъ . и прѣ|де ѣдинъ старъ мужъ ко кнѡзю . и ре^ч ѣму кнѡже . естъ оу | мене ѣдинъ сѣ меншеи до|ма . а с четырьми ѣсмъ выше|лѣ . а ѡнѣ дома . ѡ дѣтства | бо ѣго нѣ^с кто имъ оударилъ . | единою бо ми и сварѡщю . | и ѡному мнущю оусниѣ . ра|згнѣвавъ сѡ на ма преторже | черевѣ рукама . кнѡзѣ же се | слышавъ радъ бы^с . посла по | нѣ и приведоша и ко | кнѡзю . и кнѡзѣ | повѣда ѣму всѡ . се же | ре^ч кнѡже не вѣдѣ могу ли | сѡ и да искуситъ ма . нѣту ли || быка быка велика и силнѡ . | и налѣзоша быкъ великъ и сѡ|ленъ . и повелѣ раздраждити бѣ|ка . возложиша на нѣ желѣза <го>рача . и быка пустиша . и побѣ|же быкъ мимо . и и похвати бѣкѡ|а рукою за бокъ . и вынѡ ко|жю сѡ масы . елико ему рука за|я . и ре^ч ѣму Володимеръ . може|ши сѡ с ни бороти . и наоутри|я . | придоша Печенѣзи . почаша зѡва|ти нѣ ли мужа . се нашъ достѣ|лѣ . Володимеръ

же повелѣ то|и нощи въ ѡружь . и приступи|ша ту ѡбои . выпустиша Пече|нѣзи мужь свои . бѣ бо превелки|къ зѣло . и страшень . и высту|пи мужь Володимерь . и оузрѣ | и Печенѣзинъ и посмѣя сѧ . бѣѣ | бо се-реднии тѣломь . и размѣ|ривше межи ѡбѣма полкомъ|а . | пустиша я к собѣ . и яста сѧ . по|часть сѧ крѣпо держати . и оу|дави Печенѣзина в руку до с|ме|рти . и оудари имь ѡ землю . | и кликнуша . и Печенѣзи побѣ|гоша . и Русь погнаша по ни^х сѣкуще . и прогнаша я .

§ 6.3. Метр «Рассказа о полоцкой язве»

«Рассказ о полоцкой язве» дошел до нас в составе Повести временных лет (*sub* 1092 г.) в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях⁷. Слабые редуцированные читаются все без исключения, что соответствует фонетике конца XI в. Реконструируется в основном по тексту Лаврентьевской летописи, с исключением слов *и юго ѡбласть*. Исправления по Ипатьевской летописи и необходимые графические эмендации даются в ломаных скобках.

Размер — разностопный двусложник. Стихотворение состоит из трех строф, каждая из которых содержит по девять стихотворных строк и завершается четырехсложной строкой.

Акцентуация может быть определена как отчасти древнепсковская или древнеполоцкая, на что указывают ударения *во ночи, нача́ша, со́ то́го, Поло́тскѣ, поло́чаны*⁸.

Текст	Метрическая схема
Прѣдивѣно быстѣ чѹдо	—U—U—U—U
Поло́тскѣ.	U—U—
Во мѣчѣтѣ ны	U—U—U
быва́ше во ночѣи:	U—U—U—
5 ту́то́нѣ стѹнѣ́ше	—U—U—U—
«полу́ ночи»,	U—U—

⁷ В частности, в варианте из Лаврентьевской летописи сохранился «имперфект будущего времени» *будяше*.

⁸ Ст.-в.-русский вариант *Поло́тскѣ* а. п. а отмечен в списке Новгородской IV летописи. Ср. ударение прилагательного: Лет. Им. ед. *поло́мскы*^u 87б, Р. мн. *поло́мскы*^x 131б, Увар. *ѡ поло́тскаго* 828; в Строевском списке Псковской III летописи: Р. ед. *от Поло́тска* 48об, Д. ед. *к Поло́тску* 34об, 48об, *к Поло́тскоу* 39, 69об. Однако этот вариант не «новый», поскольку название города происходит от р. *Поло́та* — таково местное ударение этого гидронима, ср. Лет. *на рѣчкѣ поло́тѣ* 70б [Зализняк 2014: 649]. Вариант *Поло́та* а. п. с представлен в памятниках с иной диалектной локализацией. Ударения типа *от то́го, ничѹ́го* характерны, в частности, для северо-западных и западных русских говоров.

яко человекѣ	—U—U—U
рищу<ч>е бѣси	—U—U—
«по у́лицѣ».	U—U—
10 Аще кѣтѣ выльѣзаше	U—U—U—U—
и<з> хорѣмины	—U—U—
хѣтѣ видѣти,	—U—U—
а<б>и<е> уязв<л>енѣ	—U—U—U—
бѣдѣше невидѣмо	—U—U—U—
15 от бѣс<ѣ> язвоу,	U—U—U—
и сѣ тѣго умираху	—U—U—U—U
и не сѣм<ѣ>яху излѣзѣти	U—U—U—U—U—
и<з> хорѣмѣ.	—U—U—
По сѣмѣ же начѣша во дѣне	U—U—U—U—U—
20 явлѣти сѣ на кѣнихѣ.	U—U—U—U—
И нѣ бѣ ихѣ видѣти самѣхѣ,	U—U—U—U—U—U—
нѣ кѣнѣ ихѣ видѣти кѣпыта.	U—U—U—U—U—U—
И тако уязвляху	—U—U—U—
люди п<ѣ>лѣтѣскѣ<ѣ>.	U—U—U—U—
25 Тѣмѣ и* человекѣ глаголаху,	—U—U—U—U—U—
яко «наѣви» б<и>ютѣ	—U—U—U—U—
полѣчаны.	U—U—

Источники реконструкции:

Лаврентьевская летопись: Предивно бы^с Полотьскѣ | въ мечтѣ ны бываше в ноци тутѣ|нѣ станаше по улици . яко члѣвци | рищуше бѣси . аще кто выльѣ|заше ис хорѣмины . хѣтѣ видѣ|ти . а бѣе оуязвенѣ будаше не|видѣмо ѿ бѣсовѣ . язвоу и с тѣ|го умираху . и не смѣху излѣ|зѣти . ис хорѣмѣ . по сѣмѣ же на|чѣша в дѣне явлѣти сѣ на кѣни|хѣ и не бѣ ихѣ видѣти самѣхѣ . | но кѣнь ихѣ видѣти кѣпыта . | и тако уязвляху люди Плѣтѣ|скѣя и кѣго ѿблѣсть . тѣмѣ и | члѣвци глѣху . яко наѣвѣ бѣють | Полѣчаны . сѣ же знаменѣе полѣча бѣти ѿ Дрьютѣска .

Ипатьевская летопись: Предивно бы^с чѣдо оу Полѣтѣ|скѣ . оу мечѣтѣ . и в ноци бѣ|вшѣ тутѣнѣ . стѣнаше полѣнощи . яко члѣвци рыщѣтѣ . || бѣси по оулицѣ . аще кто выльѣ|заше . ис хорѣмины хѣтѣ видѣ|ти . ѿ а бѣе оуязвенѣ бѣше не|видѣмо ѿ бѣсовѣ . и с тѣго оу|мираху .

* При буквальном прочтении в хореической строке обнаруживается «лишний слог» (*тѣмѣ и человекѣци*). Однако последовательность ...и... на-верное составляет один фонетический слог, но неясно, как она произносилась в данном тексте: [ɛj], [ji] или [i:].

и не смѣяху . изла|зити їс хоромъ . по сѣмъ же на|чаша . во днѣ явлати^с
на конѣ^х . | ї не бѣ и^х видити самѣ^х . | но ко|ни ихъ видити копыта . и та|ко
оуязвѣлаху люди Плоть|скыя . ї его вѣласть . тѣмъ и | члѣвци глѣху . яко
навѣе бѣють | Полочаны . се же знаменьє по|ча быти от Дрьюцька .

§ 6.4. Метр «Рассказа о золотом плаще Якуна»

В «Рассказе о Якуне и его золотом плаще»⁹ также представлена неравносложная силлаботоника в двух ее разновидностях — двусложнике и трехсложнике, которые группируются в блоки. Количество слогов (resp. стоп) в стихотворной строке в этом стихотворении не регламентировано.

Стихотворение имеет изящную композицию, а именно «рамку» — начинается с «*..И възвративъ ся Ярославъ, поиде къ Нову городу, и посылѣ Ярославъ за море по варягы, и прииде Якунь съ варягы, и бѣ Якунь съ лѣпъ, луда бѣ у него золотъмъ истѣканъ*», а заканчивается на «*и побѣже съ Якуньмъ, кнѣзьмъ варяжьскымъ, и Якунь ту отбѣже луды золотыѣ, а Ярославъ прииде къ Нову городу, а Якунь иде за море*». Окружающий текст — неритмическая проза.

Текст стихотворения реконструирован мною из сравнения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (sub 1024 г.). Из Ипатьевской взят фрагмент, отсутствующий в Лаврентьевской, и ряд форм, показавшихся мне восходящими к оригиналу.

Реконструкция ударения в этом фрагменте была опубликована мною на сайте, посвященном юбилею А. А. Зализняка¹⁰. В тексте расставлено ударение, предположительно свойственное западнодревнерусской диалектной зоне, поскольку стихотворение считалось мною новгородским. По этой причине некоторые из слабых редуцированных приходилось считать «немыми».

Повторный анализ текста показал, что стихотворение сохраняет достаточно регулярный метр, если все редуцированные в нем считать «звучащими», что более вероятно для поэтического текста 1-й трети XI в. В связи с этим пришлось скорректировать ударение в целом ряде форм.

В частности, немаловажное значение имеет ударение в имени *Якунь* и в существительном *луда*. Вариант *Якунь* представлялся мне более вероятным для заимствованного скандинавского имени, хотя в списке Новгородской IV летописи (Нв.) многократно отмечено ударение *Яку́нь* ([Зализняк 2014: 726]; в Феод. однократно представлено ударение Р. *Якуна* наряду с *Якоу́н*). *Луда* засвидетельствовано в

⁹ См. также [Гиппиус 2007; Литвина, Успенский 2016].

¹⁰ <http://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Nikolaev.pdf>.

единственном акцентуированном памятнике (Лет.), где имеет формы *лудá*, В. ед. *луду*. Это слово известно также из Академического словаря 1824 г. с ударением *луда́* ‘верхняя одежда; плащ’ и из нижегородского говора с ударением *лудá* ‘верхняя одежда типа плаща’ [СРНГ, 17: 178]. Посчитав, что ударение *луда́* более приемлемо для германизма в западном древнерусском ареале, я принял его для реконструкции ударения в «Рассказе о Якуне». Теперь я выбираю варианты *Якунъ* и *лудá*.

Новый вариант реконструкции ударения приближает акцентуацию «Рассказа о золотом плаще Якуна» к стандартной древнерусской системе, описанной А. А. Зализняком [Зализняк 1985; 2014] и базирующейся в основном на данных старовеликорусских памятников восточной локализации. По-видимому, «Рассказ о золотом плаще Якуна» был сочинен носителем диалекта, который относится к восточному древнерусскому ареалу, — например восточноновгородского (ильменско-словенского) или ростово-суздальского.

За основу реконструкции текста принят вариант Лаврентьевской летописи. В ломаных скобках даются фрагменты, заимствованные из Ипатьевской летописи, и несколько моих буквенных эмендаций.

Фрагмент состоит из 11 четырехстиший. Стихотворная организация текста также видна в тенденции к группировке строк с разноstopными двусложником и трехсложником и «пропусками слогов».

Текст	Метрическая схема
... Ярославѣ	—U—U
прииде Новѹ городу.	U—UU—UU—
И посѣлѣ Ярославѣ	—UU—UU—U
за море по вѣрагы.	—U—U—U—
⁵ И прииде Якунѣ сѣ вѣрагы	UU—UU—UU—UU
и бѣ Якунѣ сѣ лѣпо.	—UU—UU—U
Лудá бѣ у негѣ	U—U—U—
зѣлотѣмѣ истѣкана.	—U—U—U—U
И прииде кѣ Ярославу,	UU—U(U)—UU—U
¹⁰ <и Ярославѣ сѣ Якунѣмѣ иде на Мѣстислава>	U—U—U—U—U—S—U—U—U
Мѣстиславѣ же слышавѣ,	UU—UU—UU
вѣзиде противу имá кѣ Листвѣну.	U—UU—UU—(U)U—UU

Мѣстислávѥ же сѡ вечера	UU-UU-UU-
исполчívѥ дружину,	UU-UU-U
¹⁵ и постави сѣверѡ	-U-U-U-
вѡ челѡ протíву вáрягомѡ,	-U-U-U-U-U
а самѡ стá сѡ дружиною	-UU-UU-UU
своею по крилѡма.	UU-UU-U
И бывѡши нѡчи <и> быстѣ тѣма,	U-UU-UU-UU-
²⁰ молн<ии> и грѡмѡ и дѡждѣ.	U-UU-UU-U
Речѣ Мѣстислávѡ дружинѣ своѣи:	U-UU-UU-UU-U
пойдѣме на нѣ.	-U-U-U
И пойдѣ Мѣстислávѡ	-U-U-U-U
и Ярославѡ протíву собѣ.	-UU-UU-UU-
²⁵ И сѡступи ся челѡ	-UU-UU-
сѣверѡ сѡ вáрягы.	-U-U-U-
<И трудíша ся вáрязи>	UU-UU-UU
<сѣкуче сѣверѡ>.	-UU-UU
<И по сѣмѣ наступí>	-U-U-U-
³⁰ <Мѣстислávѡ сѡ дружиною своею>	-U-U-U-U-U-U
<и начá сѣчи вáрягы>,	U-U-U-U-
и быстѣ сѣча силѣна,	U-U-U-U-
яко посвѣтяше мѡлн<ии>,	U-U-U-U-U
блѣщáшетѣ ся ѡружие,	U-U-U-U-U
³⁵ и бѣ грозá велика,	U-U-U-U
и сѣча силѣна и страшѣна*.	U-U-U-U-U-
Видѣвѡ же Ярославѡ,	-UU-UU-U
яко побѣжáемѡ ёстѣ,	U-UU-UU-U
побѣже сѡ Якúнѡмѣ	U-U-U-U-
⁴⁰ кѡнязѣмѣ вáряжѣскимѣ.	U-UU-UU-U
И Якúнѡ тѹ отбѣже	-U-U-U-U
луды зѡлоутыѣ.	U-UU-U
<А> Ярославѡ пр<и>идѣ Новѹ городу,	-UU-UU-UU-UU-
а Якúнѡ идѣ за море.	-U-U-U-U-

* А. Ю. Чернов [Чернов 2006: 103–107] считает, что в тексте летописи переставлены строчки, и первоначально пейзажное описание было единым:
¹⁹ И бывѡши нѡчи <и> бысть тѣма, // ²⁰ мѣлнии и грѡмѣ и дѣждѣ, // ³² и бысть сѣча сильна. // ³³ Яко посвѣтъяше мѣлнии // ³⁴ блѣщáшетѣ ся оружье. // ³⁵ И бѣ гроза велика, // ³⁶ и сѣча сильна и страшна. Однако мне кажется, что эмендация не нужна и в пользу «летописного» порядка строк говорит звуковой повтор между смежными стихами: и начá сѣчи вáрягы // и бысть сѣча сильна — ср. аналогичный в ³⁸ яко побѣжáемѣ ёстѣ, // ³⁹ побѣже сѣ Якúнѣмѣ.

Источники реконструкции:

Лаврентьевская летопись: ... и възвративъ сѧ | Ярославъ приде Нову но городу . и посла за море по Варагы . и прїде Якунъ с Варагы . и бѣ Якунъ с лѣпъ луда бѣ оу него золо|томъ истъкана . и приде къ Я|рославу иде Ярославъ съ Яку|номъ на Мьстислава . Мьстиславъ же слышавъ взиде про|тиву има к Листвену . Мьсти|славъ же с вечера исполчивъ | дружину и постави Сѣверъ | в чело противу Варагомъ . а сѧ^м | ста с дружиною своею по крилома . и бывши нощи бы^с тма | молонья и громъ . и дождь ре^ч Мьстиславъ дружинѣ свои | поидемъ на не . и поиде Мьсти|славъ и Ярославъ противу со|бѣ и сступи сѧ чело Сѣверъ съ | Варагы <.....> и бы^с сѣча силна . яко | посвѣташе молонья блещ^а|шетъ сѧ ѡружье . и бѣ гроза ве|лика и сѣча силна и страшна .| видѣвъ же Ярославъ яко по|бѣжаемъ есть . побѣже съ Яку|номъ княземъ Варажскы^м и Якунъ ту ѡбѣже луды златоѣ Ярославъ же приде Нову | городу . а Якунъ иде за море .

Ипатьевская летопись: ... и възвра|тивъ сѧ Ярославъ . и поиде | к Нову городу и посла Яро|славъ за море ^{по} Вараги и при|де Акунъ с Варагы . и бѣ Акунъ с лѣпъ и луда оу него златомъ истъкана . и приде ^{ко} Я|рославу и Ярославъ . съ Аку|номъ поиде на Мьстислава | Мьстиславъ же слышавъ . и|зииде противу има . къ Ли|ствѣну . Мьстиславъ же с ве|чера исполчи дружину . и по|стави Сѣверъ въ чело проти|ву | Варагомъ . а сѧ^м ста с дружи|ною своею по крилома . и быв|ши нощи . бы^с тма . и громове и | молнѣя и дождь . и ре^ч Мьстиславъ дружинѣ свои пои|демъ на нѣ . и поиде Мьстиславъ | и Ярославъ проти|ву . и съступи^{ша} сѧ ^{въ} чело Варазѣ съ Сѣверомъ и трудиша сѧ Варази сѣку|ще Сѣверъ и по семь наступи | Мьстиславъ . с дружиною сво|ею и нача сѣчи Варагы и бы^с | сѣча силна . яко посвѣта|ше мълнѣя и блиста|ша сѧ | ѡружья и бѣ гроза велика .| и сѣча силна и страшна . видѣ|въ же Ярославъ . яко побѣжа|емъ есть . и побѣже съ Якоу|номъ княземъ Варажски|мъ и Акунъ ту ѡбѣже лу|ды златое . а Ярославъ же | приде к Нову городу а Якунъ иде за море.

§ 6.5. Стихотворная часть «Поучения Владимира Мономаха»

Для некоторых исследователей «бессоюзие» (когда в начале повествовательного предложения отсутствует союз) было аргументом в пользу позднейшего происхождения «Слова о полку Игореве». А. А. Зализняк в разделе, посвященном «бессоюзию» в «Слове о полку Игореве», пишет: «Нет ли все же в древнерусских сочинениях хотя бы каких-нибудь фрагментов, сходных с СПИ по коэффициенту бессоюзия? Мне удалось найти лишь следующий маленький фрагмент, — впрочем, весьма знаменитый, — который почти удовлетворяет этому

условию» [Зализняк 2008: 199], — далее цитируется отрывок из «Поучения Мономаха», о котором идет речь. «Коэффициент бессоюзия» у Мономаха (начало XII в.) 50%, в более позднем «Слове о полку Игореве» (конец XII в.) он заметно выше — 66,4%. В древнерусской прозе XII–XIII вв. коэффициент бессоюзия всего 12–14%.

Судя по «бессоюзия» в «Слове о полку Игореве» и в стихотворном отрывке в «Поучении» Мономаха, эта синтаксическая черта была традиционным признаком древнерусского поэтического языка.

«Поучение» Владимира Мономаха дошло до нас в составе Лаврентьевской летописи и датируется началом XII в. По большей части это добротная проза, однако «охотничий» отрывок в нем является стихотворным. Это небольшое стихотворение сочетает в себе разноstopные двусложный и трехсложный размеры, что приближает его к системе «Слова о полку Игореве».

Часть этого фрагмента А. А. Зализняк использует для демонстрации расстановки древнерусского ударения согласно акцентологическим валентностям [Зализняк 1985: 158]. Оно расставлено по «идеальной» (праславянской) модели. Анализ древнерусских стихов показывает, что при акцентуации текстов XI–XII вв. необходимо учитывать диалектные и хронологические различия. По-видимому, в «Поучении» отражена древнекиевская акцентуация начала XII в.

Размеры стиха — в основном разноstopный трехсложник, реже двусложник. Строфическая организация отсутствует. В начале XII в. слабые редуцированные в большинстве позиций еще не пали или их произношение было опциональным. В следующих случаях предполагается падение редуцированных: *два, двáшѣды, медвѣдь, мною и топтáлѡ*.

Текст	Метрическая схема
<i>А сѣ въ Черниговѣ дѣялѡ есмѣ.</i>	U-UU-UU-UU-U
<i>Конѣ дикѣхѡ своѣма рукама</i>	-UU-UU-UU-U
<i>сѡвязáлѡ есмѣ въ пущахѡ –</i>	UU-U(U)-UU-UU
<i>«дѣсятѣ» и «дѡвáдесятѣ»</i>	SU-UU-UU-
<i>₅ живѣхѡ конѣ.</i>	U-U-U
<i>А кромѣ того же,</i>	-U-U-U
<i>иже по рови ѣздя,</i>	UU-UU-U
<i>ймáлѡ есмѣ своѣма рукама</i>	-UU-UU-UU-U
<i>тѣ же конѣ дикѣѣ.</i>	UU-UU-U
<i>₁₀ Тура мя два метáла на рѡзѣхѡ</i>	UU-UU-UU-UU
<i>и сѡ конѣмѣ.</i>	-UU-U

Оленё мя оди́нѡ бо́лѡ,	U-U-U-U-U
а <дѡва> лѡси,	-UU-U
оди́нѡ ногáма топтáлѡ,	U-UU-UU-U
15 а дрúгыи рогóма бо́лѡ.	U-U-U-U-U
Вéпрѣ ми нà бедрѣ	-UU-UU
м<е>чѣ ѡттялѡ.	SU-UU
Медвѣ́дь ми у колѣ́на	U-U-U-U
подѡкла́да укуси́лѡ.	-U-U-U-U
20 Лю́тыи звѣ́рѣ скочи́лѡ	-UU-UU-U
кѡ мѡнѣ́ нà бедры	-UU-UU
и ко́нѣ со мно́ю пов<е>рже.	U-UU-UU-U
И Бо́гѡ неврѣ́жена мя сѡблюда́.	U-UU-UU-UU-
И сѡ ко́ня мѡно́го па́дахѡ.	U-U-U-U-U-
25 Голо́ву сѣ́ розби́хѡ двáшѣды.	U-U-U-U-U-
И руцѣ́ и нѡзѣ́ свои́ вереди́хѡ,	U-UU-UU-UU-U
вѡ уно́сти своѣ́и вереди́хѡ,	U-U-U-U-U-U
не блю́да живо́та свое́гѡ,	UU-UU-UU-
ни щадя́ голо́вы свое́ѣ.	UU-UU-UU-

Источник реконструкции:

Лаврентьевская летопись: ... а се в Черниговѣ дѣяль ѥсмь . конь дикѣ^х своима рукама свазаль ѥсмь . въ пуша^х ꙗ· и ꙗ· живы^х конь . а кромѣ того иже по рови Ъзда ималь ѥсмь своима рукама тѣ же кони дикѣ^х . тура ма ꙗ· метала на розѣ^х и с конемъ . влень ма вдинъ боль . а ꙗ· лѡси || вдинъ ногами топталъ . а другиѣ рогама боль . вепрь ми на бедрѣ мечь отталъ . медвѣ́дь ми оу колѣ́на подѡклада оукусилъ . лютыѣ звѣ́рь скочилъ ко мнѣ́ на бедры . и конь со мною поверже . и Бѣ неврежена ма сѡблуде . И с кона много пада^х . голову сѣ́ розби^х дважды . и руцѣ́ и нозѣ́ свои вереди^х . въ оуности своѣ́и вереди^х не блю́да живота своего . ни щада́ головы своѣ́а .

§ 7. Неравносложная силлаботоника в русских былинах

§ 7.1. Былина о Соловье Будимировиче

В уральской былине «[Про] Саловья Будимеровича» из собрания Кирши Данилова XVIII в. [Кирша Данилов 1977: 9–15] по всему тексту проведена единая неравносложная силлаботоника с двусложными (хорей и ямб) и трехсложными метрами (дактиль, амфибрахий и анапест). По-видимому, в части русских былин отмечается неравно-

сложная силлаботоника, типологически близкая к раннедревнерусской, представленной в приведенных выше древнерусских стихотворениях. Аналогичная стихотворная система обнаруживается в большинстве уральских былин из собрания Кирши Данилова.

В тексте мною проставлены ударения, наиболее вероятные для севернорусских нецерковнославянских текстов XVII–XVIII вв. центральной, «ближнесеверной» или «ближней северо-восточной» локализации [Зализняк 2014].

Некоторые из необычных для современного слуха, «былинных» ударений отражают акцентуацию XVII–XVIII вв. Однако большинство специфически «былинных» ударений являются вторичными, заимствованными из текстов, исполняемых нараспев. Ударения типа *ка́рбля* (здесь вторичное ударение очевидно — оно стоит на слоге с аканьем), *мо́лодец*, *дѣ́вица* и т. п. не находят параллелей в диалектах и древнерусских акцентуированных рукописях и скорее всего возникли в песенной традиции на месте регулярных *корабля́* (прилагат. *корабле́ный*), *молоде́ц* (мн. ч. *моло́дцы*), *дѣ́вица* и т. д. Из популярных былин и песен такие слова с «песенным» ударением, как *мо́лодец*, *дѣ́вица*, проникли в литературный русский язык. Судя по сохранности метрики, уральские былины при заучивании, как правило, проговаривались, а не пелись.

Иная (инновационная) стихотворная система представлена в онежских былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом [Гильфердинг 1873]: в них смешаны фонологическая и «песенная» акцентуации, в результате чего многие слова и словоформы имеют разноместное ударение, не снимаемое реконструкцией.

Расстановка ударений последовательно учитывает материалы акцентологического словаря древнерусского (в основном старовеликорусского) языка А. А. Зализняка [Зализняк 2014]. Расстановка фонологического ударения делает стих былины неравносложным силлаботоническим: длина строк нерегулярно колеблется между 9 и 17 слогами. В этом отношении стихотворная структура анализируемой былины очень близка к структуре, представленной в древнерусских стихотворениях.

В былине нередки «пропуски слога» (§ 3), которые, наверное, при распевном исполнении компенсировались удлинением предшествующих слогов до двух мор. Также отмечены немногочисленные спондеи в первых трех слогах строки (§ 4). В большинстве случаев «пропуски слогов» кажутся результатом пропуска слов при «олитературивании» текстов Киршей Даниловым (ср. их последовательное сохранение в собрании Гильфердинга): склоняемой частицы / определенного артикля *тъ*, союзов *и*, *а*, повторенных предлогов и т. д. Последние по возможности восстановлены мною в тексте. Другая причина «пропуска слогов» — утрата слоговости глагольными окончаниями *-ти* (ин-

финитив), *-ши* (2 ед.), звучащих слабых редуцированных в предложениях и приставках. В былинах есть и другой способ заполнения слоговых лакун — с помощью односложных служебных слов с «пустым» значением (*да, тут* и т. п.).

Таким образом, заслуживает внимания гипотеза, разрабатывавшаяся Ф. Е. Коршем, А. И. Никифоровым [Никифоров 1940] и Л. И. Тимофеевым [Тимофеев 1963]. Ф. Е. Корш справедливо указывал, что «господствующим и, так сказать, образцовым стихом в Слове является былинный стих» [Корш 1909: IX]. Необходимо уточнить, что не любой «былинный стих» (например, тонический), а только неравносложный силлаботонический. Единственное, чего не хватило исследователям, — это точных сведений о русской диалектной и особенно о древнерусской акцентуации, в результате чего «былинная» метрика зачастую интерпретировалась неправильно, а в «Слове о полку Игореве» было невозможно расставить адекватное древнерусское ударение.

Ниже к строкам 1–58 дается метрическая схема и разным подчеркиванием обозначены метры. Одинарное подчеркивание обозначает хорей и дактиль: Из-за моря, моря синева; Славнова гостя богатова. Двойное подчеркивание обозначает ямб и амфибрахий: Подёрнута беседа рытым бархотом; От славного <от> города <от> Лёденца. Пунктирное подчеркивание обозначает анапест: Хорошо карабли изукрашены.

Текст былины приводится с начала (строка 1) по строку 131. Круглые и квадратные скобки принадлежат издателям текста.

<u>Высота́ ли, высота́ поднебе́сная,</u>	—U—U—U—(U)—U—U—
<u>Глубо́та, глубо́та акия́н-море,</u>	—U—(U)—U—(U)—U—U—
<u>Широ́ко раздо́лье по все́й земли́,</u>	—U—U—U—(—)U—U—
<u>Глубо́ки о́моты днепро́вския.</u>	—U—(U)—U—U—U—
<u>⁵ Из-за мо́ря, мо́ря си́нева,</u>	—U—U—U—U—
<u>Из глухо́мо́рья <из> зеле́нова,</u>	U—U—U—U—U—
<u>От сла́вного <от> го́рода <от> Ле́денца,</u>	U—U—U—U—U—U—
<u>От то́го-де ца́ря ве́дь заморска́го</u>	—U—U—U—U—U—
<u>Выбега́ли-выгреба́ли три́дцать кора́блей,</u>	—U—U—U—U—U—U—
¹⁰ <u>Три́дцать кора́блей еди́н кора́бль</u>	—U—U—U—U—
<u>Сла́внаго го́стя бога́това,</u>	—UU—UU—UU
<u>Молода́ Соловьё́я сы́на Буди́меровича.</u>	UU—UU—(UU)—UU—UU—U
<u>Хорошо́ кара́бли изукра́шены,</u>	UU—UU—UU—UU
<u>Оди́н кора́бль полу́тче все́х.</u>	U—U—U—U—
¹⁵ <u>У то́го было́ <у> сокола́ у кара́бля</u>	—U—U—U—U—U—U—
<u>Вме́сто оче́й было́ вста́влено</u>	—UU—UU—UU
<u>По доро́гу ка́меню по я́хонту;</u>	—U—U—U—U—U—

<u>Вместо бровей было прибывано</u>	S-U-U-U-U-
<u>По чёрному соболю якутскому</u>	U-UU-UU-UU-
²⁰ <u>И якутскому ведь сибирскому:</u>	U-U-U-U-U-
<u>Вместо уса было воткнуто</u>	-U-U-U-U-
<u>Два острѣя ножики булатныя;</u>	-U-(U)-U-U-U-
<u>Вместо ушей было воткнуто</u>	-UU-UU-UU
<u>Два востра копѣя мурзаметцкия,</u>	UU-UU-UU-UU
²⁵ <u>И два горнасталя повешены,</u>	U-UU-UU-UU
<u>И два горнасталя, два зимняя.</u>	U-UU-UU-UU
<u>У тово было <у> сокола у карабля</u>	-U-U-U-U-U-U-
<u>Вместо гривы прибывано</u>	SU-UU-UU
<u>Две лисицы бурнастыя;</u>	UU-UU-UU
³⁰ <u>Вместо хвоста повешено</u>	-UU-(U)U-UU
<u>На том было <на> соколѣ <на> кораблѣ</u>	U-U-U-U-U-U-
<u>Два медведя бѣлыя заморския.</u>	-U-U-U-U-U-
<u>Нос, корма – по-туриному,</u>	SU-UU-UU-
<u>Бока взведены по-звериному.</u>	U-UU-UU-UU
³⁵ <u>Бегут ко городу <ко> Киеву,</u>	U-U-U-U-U-
<u>К ласкову князю Владимиру.</u>	-UU-UU-UU
<u>На том <на> соколѣ <на> кораблѣ</u>	U-U-U-U-U-
<u>Сделан муравлен чердак,</u>	-U-U-U-
<u>В чердаке была беседа дорог рыбей зуб,</u>	-U-U-U-U-U-U-U-
⁴⁰ <u>Подёрнута беседа рытым бархотом.</u>	U-U-U-U-U-U-U-
<u>На беседе-то сидѣл купав молодец,</u>	-U-U-U-(U)-U-U-
<u>Молодой Соловей сын Будимерович.</u>	UU-UU-UU-UU-
<u>Говорил Соловей таково слово:</u>	-U-(U)-U-U-U-U
<u>«Гой еси вы, гости-карабѣльщики</u>	-U-U-U-U-U-
⁴⁵ <u>И все целовальники любимыя!</u>	-U-U-U-U-U-
<u>Как буду я во городе <во> Киеве</u>	U-U-U-U-U-U-U-
<u>У ласкова <у> князя <у> Владимира,</u>	U-U-U-U-U-U-U-
<u>Чѣм мне-ка будет князя дарить,</u>	-UU-U(U)-UU-
<u>Чѣм света жаловати?».</u>	-UU-UU-
⁵⁰ <u>Отвѣчают гости-карабѣльщики</u>	-U-U-U-U-U-
<u>И все целовальники любимыя:</u>	-U-U-U-U-U-
<u>«Ты славной, богатой гость,</u>	U-U(-)U-U-
<u>Молодой Соловей сын Будимерович!</u>	UU-UU-UU-UU-
<u>Есть, сударь, у вас золотá казнá,</u>	-U-U-(U)-U-U-
⁵⁵ <u>Сорок сороков чёрных соболей,</u>	-U-U-(U)-U-U-U
<u>Вторая сорок бурнастых лисиц;</u>	-UU-UU-UU-
<u>Есть, сударь, дорогá камка,</u>	-U-(U)-U-U-
<u>Что не дорогá камóчка – узóр хитёр:</u>	-U-U-U-U(-)U-U-

Хитрости были Царя-града
⁶⁰ А и мудрости Иерусалима,
 Замыслы || Соловья Будимеровича;
 На злате, на серебре – не погнется».

Прибежали карабли под славной Киев-град,
 Якори метали в Непр-реку,
⁶⁵ *Сходни броса́ли на кру́т береже́к,*
Това́рную по́шлину || в тамо́жне плати́ли
Со все́х корабе́й || се́мь ты́сячей,
Со все́х корабе́й, со все́го живо́та.
 Бра́л Солове́й свою́ || зо́лоту казну́,
⁷⁰ Со́рок сороко́в || че́рных собо́лей,
Вто́рое со́рок бу́рна́стых лиси́ц,
 Поше́л он <к> ла́скову <ко> кня́зю <ко> Влади́меру.
 Иде́т во гри́д<н>ю во светлу́ю,
 Как бы на пету || двéри отворя́лися,
⁷⁵ Иде́т во гри́дню ку́пав молодё́ц,
Молодо́й Солове́й сын Буди́мерович,
Спа́сову образу мо́лится,
Влади́меру-кня́зю || кла́неется,
Кня́гине Апра́ксевной || на осбо́ицу
⁸⁰ И подно́сит кня́зю своё доро́ги пода́рочки:
 Со́рок сороко́в || че́рных собо́лей,
Вто́рое со́рок бу́рна́стых лиси́ц;
 Кня́гине подне́с || камку́ белохру́щету́ю
 Не доро́га камоч́ка || – узо́р хите́р:
⁸⁵ Хитрости Царя-града,
 Мудрости Иерусалима,
 Замыслы || Соловья сына Будимеровича;
 На злате и серебре – не погнется.
Кня́зю да́ры полюб́илися,
⁹⁰ А кня́гине наипа́че то́го.
 Говори́л || ла́сковой Влади́мер-кня́зь:
 «Гой еси́ ты, || бога́той го́сть,
Солове́й сын Буди́мерович!
Займу́й дво́ры кня́жене́цкия,
Займу́й ты боя́рския,
⁹⁵ *Займу́й дво́ры и дво́рянския».*
 Отве(ча)е(т) Солове́й || сы́н Буди́мерович:
 «Не на́до мне дво́р(ы) || кня́жене́цкия,
И не на́до дво́ры || боя́рския,
¹⁰⁰ *И не на́до дво́ры || дво́рянския,*
 То́лько ты дай мне заго́н земли́,
Непахáныя и неара́ныя,
 У своёй, асуда́рь, кня́жене́цкой племя́ннице,
 У молоды́ <у> За́пáвы Пу́тятичной,
¹⁰⁵ В её, осуда́рь, <во> зеле́ном саду́,
 [В] ви́шенье, в оре́шение
 Постро́ить мне, Соловьёу, снаря́ден дво́р».

Говорил судáрь, || лáсковой Влади́мер-князь:
 «На то́ тебе с княги́нею подúмаю».
¹¹⁰ А подúмавши, отда́вал Соловьó
 Загón земли, || непахáныя и неарáныя.
 Походил || Соловёй на свóй червлén карáбль,
Говорил Соловёй сын Будимéрович:
 «Гой еси́ вы, мо́и лю́ди || рабóтныя!
¹¹⁵ Берите вы тапóрики булáтныя,
Подите́ к Запáве в зелёной <во> са́д,
 Постро́йте мнé снаря́ден двóр
 [В] ви́шенье, в о́решенье».
 С вéчера поздýм-поздó,
¹²⁰ Бúдто дятлы в дéрево пощóлкивали,
 Рабóтали ево́ дружи́на || хора́брая.
 Ко полу́ноче и двóр поспéл:
Три́ терема́ златове́рховаты,
Да́ трои сéни косящеты́,
¹²⁵ *Да́ трои сéни решéтчеты́.*
Хорошо́ в терема́х изукра́шено:
На́ небе со́лнце – в<о> тéреме со́лнце,
На́ небе ме́сяц – в<о> тéреме ме́сяц,
На́ небе звéзды – в<о> тéреме звéзды,
¹³⁰ *На́ небе за́ря – в<о> тéреме за́ря*
И вся́ красота́ поднебéсная.

§ 7.2. Былина о Вольхе Всеславьиче

В былине «Волх (В)сеславьевич» [Кирша Данилов 1977: 32–36] структура стиха такая же, как в былине о Соловье Будимировиче (§ 7.1). Ниже строки 1–41 снабжены метрической схемой. Курсивом выделены строки с трехсложником.

Текст	Метрическая схема
По́ саду, саду, по зелёному,	–U–U–(U)–U–U–
Ходила -гуляла молодá княжна́	U–U–(–)U–U–U–U–
Ма́рфа Всесла́вьевна,	–U–U–U–
Она́ с ка́меню скочи́ла на лю́това на зме́я;	–S–U–U–U–(–)U–U–U–U
⁵ Обвива́ется лю́той зме́й	–U–U–(U)–U–
<i>О́коло че́бота зе́лен сафья́н,</i>	–UU–UU–UU–
<i>О́коло чуло́чика шелко́ва,</i>	–U–U–U–U–U
Хоботом б<и>е́т по белú стегну́.	–U–U–(–)U–U–U–
<i>А втапóры княги́ня понóс понесла́,</i>	UU–UU–UU–UU–
¹⁰ <i>А понóс понесла́ и дитя́ родила́.</i>	UU–UU–UU–UU–

- А и на́ небе просвѣ́та свѣ́тел мѣ́сяц,
 А в Ки́еве || роди́лся мо́гуч бога́тырь,
 Ка́к бы мо́лоды || Во́льх Всесла́вьевич.
 Подрожа́ла || сыра́ земля́,
 15 Стресло́ся сла́вно ца́рство Инде́йское,
 А и си́няя мо́ря сколы́балося
 Для-ра́ди рождѣ́нья бога́тырско́ва,
 Мо́лода Во́льха Всесла́вьевича;
 Ры́ба пошла́ в«о» морску́ю глуби́ну,
 20 Пти́ца полете́ла вы́соко в«о» небеса́,
 Ту́ры да оле́ни за́ горы пошлѣ́,
 Зайцы́, лиси́цы по ча́щицам,
 А во́лки, медвѣ́ди по е́льникам,
 Собо́ли, куни́цы || по о́стровам.
 25 А и бу́дет Во́льх в«о» полтора́ часа,
 Во́льх || говори́т, как гро́м греми́т:
 «А и гой еси́, суда́рыня || ма́тушка,
 Мо́лода Ма́рфа Всесла́вьевна!
 А не пелена́й во пѣ́лену чер(в)ча́тую,
 30 *А не по́яс«ай» в поѣ́сья шелко́вые, –*
 Пелена́й меня́, ма́тушка,
 В кре́пки ла́ты була́тныя,
 А на бу́йну го́лову клади́ || зла́т шелом́,
 По пра́ву ру́ку – па́лицу,
 35 А и тяжку́ па́лицу сви́нцовую́,
 А ве́сом та па́лица в три́ста || пуд́.
 А и бу́дет Во́льх семи́ годо́в,
 Отдава́ла ево́ ма́тушка || гра́моте учи́ться,
 А гра́мота Вол(ь)ху́ в нау́к пошла́;
 40 Посади́ла ево́ уж перо́м писа́ть,
 Письмо́ ему́ в нау́к пошла́.

А и бу́дет Во́л(ь)х || десяти́ годо́в,
 Втапо́ры поу́чился Во́льх ко премудро́стям:
 А и перво́й мудро́сти училсѣ́ –
 45 Обве́ртоватьсѣ́ я́сным со́колом́,
 Ко друго́й-та мудро́сти училсѣ́ он, Во́льх, –
 Обве́ртоватьсѣ́ се́рым во́лком́,
 Ко третей-та мудро́сти училсѣ́ || Во́льх –
 Обве́ртоватьсѣ́ гне́дым ту́ром-зо́лот«ы» рога́.
 50 А и бу́дет Во́льх || во двена́дцать ле́т,
 Ста́л себе́ Во́льх он дру́жину приби́ра́ть,
 Дру́жину приби́рал в«о» три́ годы;
 Он на́брал дру́жину себе́ || семь́ ты́сячей;

Сám он, Вóльх, в пятнáдцать лёт,
 55 И вся ево дружина по пятнáдцати || лёт.
 Прошлá та слáва || великáя
 Ко стóльному гóроду Кíеву:
 Индéйской цáрь нарежáется,
 А хвалíтся-похваля́ится,
 60 Хóчет Кíев-град || за щитóм весь взя́ть,
 А бóжьи цéркви || на дым спустíть
 И пóчестны монасты́ри || розарíть.
 А втапóры Вóльх || он дога́длив был:
 Со всею дружи́ною <хр>áброу
 65 *Ко слáвному цáрству || Индéйскому*
 Тут же с ними во похóд пошёл.
 Дружина спíт, так Вóльх не спíт:
 Он обвернётся сéрым вóлком,
 Бéгал-скака́л || по тёмным по лесáм и по ра́мению,
 70 *А бьёт он <и> зvéри сохáтые,*
 А и вóлку, <и> медвéдю спúску нёт,
 А и собо́ли, ба́рсы – любíмой || кúс,
 Он зáйцам<и>, лиси́цам<и> не брэзгивал.
 Вóл(ь)х пойл-кормил дру́жину || хорóброу,
 75 *Абува́л-адева́л || до́брых мо́лодцов,*
 Наси́ли оне шúбы собо́линыя,
 Пере́мнныя шúбы-то ба́рсовыя.
 Дружина спíт, так Вóльх не спíт:
 Он обвернётся я́сным соколóм,
 80 Полетёл он далечé на сíне мóре,
 А бьёт он <и> гусéй, <и> бéлых лебедéй,
 А и сéрым ма́лым у́ткам спúску нёт.
 А пойл-кормил дру́жинушку хорóброу,
 А всё у нево бы́ли ёства пере́мнныя,
 85 *Пере́мнныя ёства, саха́рныя.*
 А ста́л он, Вóл(ь)х, вражбу́ чини́ть:
 «А и гой еси́ вы, у́далы до́бры мо́лодцы!
 Не мно́го <и> не ма́ло вас – семь ты́сячей,
 А<ли> ёст(ь) у вас, бра́тцы, тако́в челове́к,
 90 Ктó бы обверну́лся гне́дым ту́ром,
 А сбéгал бы ко цáрству Индéйскому,
 Прове́дал бы про цáрство Индéйское,
 Про цáря Салтыка́ Ставрúльевича,
 Про ёво буйну́ гóлову Баты́евичу?»
 95 Как бы лист || со травóю пристíляется,
 А вся ево дружина приклоня́ется,
 Отвеча́ют ему у́далы до́бры мо́лодцы:
 «Нету́ у нас тако́ва мо́лодца́,
 Опри́чь тебя́, Вол(ь)ха́ Всесла́вьевича».
 100 А ту́т таковой || Всесла́вьевич
 Он обверну́лся гне́дым ту́ром-зóлот<ы> рога́,
 Побежа́л он ко цáрству <ко> Индéйскому,

Он первую ско́к || за целу версту́ скочи́л,
А друго́й || ско́к || не могли́ найти;
¹⁰⁵ Он оберне́тся я́сным соколóм,
Полете́л он ко ца́рству <ко> Индейскому.
И бу́дет он во ца́рстве Индейском,
И се́л он на пола́ты белока́менны,
На те́ на пола́ты <на> ца́рския,
¹¹⁰ Ко то́му <ко> ца́рю Индейскому,
И на то́ око́шечко кося́щето́е.
А и бу́йныя ве́тры || по́ насту тя́нут,
Ца́рь со ца́рицею в разгово́ры гово́рит.
Говори́ла ца́рица Аздя́ковна,
Мо́лода Еле́на Алекса́ндровна:
¹¹⁵ «А и го́й еси́ ты, сла́вной Индейско́й || ца́рь!
Изво́лиш<и> ты нарежа́ться на Ру́сь воева́ть,
Про то́ не зна́ешь <и> не ве́даешь:
А и на́ небе просве́тя све́тел ме́сяц,
¹²⁰ А в Ки́еве роди́лся || могу́ч бога́тырь,
Тебе ца́рю сопроти́вничик».
А втапо́ры Во́л(ь)х || он дога́длив бы́л:
Сидю́чи на око́шке кося́щето́м,
Он те́-та де ре́чи повы́слушал,
¹²⁵ Он оберну́лся горноста́лем,
Бе́гал по подва́лам, || по погреба́м,
По те́м по вы́соким || терема́м,
У туги́х луко́в тити́вки || наку́сывал,
У кале́ных стрел́ желе́зцы || повы́нимал,
¹³⁰ У тово́ ружья́ ве́дь у огне́ннова
Кременья́ и шомпо́лы повы́дергал,
А все́ он в зе́млю || зака́пывал.
Обверне́тся Во́лх || я́сным соколóм,
[В]звился́ он вы́соко по поднебе́сью,
¹³⁵ Полете́л он далече́ во чи́сто по́ле,
Полете́л ко сво́ей ко дру́жине́ хорóбрыя.
Дру́жина́ спит, так Во́лх не спит,
Разбуди́л он удалы́х добры́х мо́лодцов:
«Го́й еси́ вы, дру́жина́ хорóбрая,
¹⁴⁰ Не вре́мя спа́ть, пора́ встава́ть,
Пойдем мы ко ца́рству Индейскому!».
И пришли́ оне́ ко сте́не белока́менной,
Крепка́ стена́ || белока́менна,
Ворот<а> у го́рода желе́зные,
¹⁴⁵ *Крю́ки-засо́вы все ме́дныя,*
Стоят карау́лы денны́<е>-нощны́<е>,
Стои́т подворо́тня || до́рог ры́бей зу́б,
Му́дрены вы́резы вы́резено́,
А и то́лько в вы́резу || мурашу́ пройти́.
¹⁵⁰ И все́ мо́лодцы́ закручи́нились,
Закручи́нились <й> запеча́лилися,

Говорят таково слово:
 «Потéрят*и*» бóдет голóвки напрáсныя,
 А и кáк нам бóдет стéна || прóйти?».

¹⁵⁵ Молоды́ || Вóльх || он дога́длив бы́л:
Сáм обверну́лся мура́шиком
И всех дóбрых молóдцов мура́шками,
 Прóшли онé || стéну белока́менну,
 И стáли молóдцы ужé на другóй сторóнe,

¹⁶⁰ В слáвном цáрстве Индейским,
 Всех оберну́л || дóбрыми молóдцами,
 Со своéю стáли сбру́ею со рáтною,
 А всéм молóдцам он прикáз отдáет:
 «Гой ес*и* вы, дру́жина хорóбрая!»

¹⁶⁵ Хóдите по цáрству «по» Индейскому,
 Руби́те стáрова «а» máлова,
 Не оstäвьте в«о» цáрстве на сéмена,
 Оstäвьте тóлько вы по вы́бору
 Не мнóго не máло – сeмь т*ы*с*я*чeй

¹⁷⁰ Ду́шечки крáсны дев*и*цы!».

А и хóдят ево || дру́жина по цáрству «по» Индейскому,
 А и рубя́т стáрова «а» máлова,
 А и тóлько оstäвляю́т || по вы́бору
 Ду́шечки крáсны дев*и*цы.

¹⁷⁵ А сáм || он, Вóльх, во полáты пошóл,
 Во тé во полáты «во» царския,
 Ко томú цáрю ко Индейскому.
 Двéри бы́ли у полáт желéзные,
 Крю́ки || -прóбои по булáту зóлачeны,
 Говорит тут Вóльх Всеслáвьевич:

¹⁸⁰ «Хóтя нóга изломить, а двéри вы́ставить!».

Пнёт ногóю» во двéри желéзные –
 Изломáл все прóбои булáтныя.
 Он берёт цáря за белы́ руки,

¹⁸⁵ А слáвновa цáря || Индейскова,
 Салтыкá Ставрúльевича,
 Говорит тут Вóльх таково слово:

«А и вáс-та, цáрей, не б*и*ю́т-не кáзнят».

Ухвáтя ево́, ударил о кирпището́й пóл,
 Расши́б ево́ в крохи говéнныя.

¹⁹⁰ И тут Вóльх сам || цáрем насёл,
 Взя́вши цáрицу Азвя́ковну,
 А и мо́лоду Елéну Алексáндровну,
 А и тé ево́ дру́жина || хорóбрыя

¹⁹⁵ И на тéх на дев*и*цах || пережени́лися.
 А и мо́лоды Вóльх тут цáрем насёл,
 А то стали || лю́ди поса́дския,
 Он злáта-серебрá || вы́катил,
 А и конéй, корóв || табунóм дели́л,

²⁰⁰ А на вся́кова брáта || по́ сту т*ы*с*я*чeй.

§ 8. Заключение

В докладе приведены примеры метрической организации нескольких древнерусских текстов и параллели подобной метрической системы в былинах. По-видимому, целесообразно было бы изучить с метрической точки зрения и другие древнерусские тексты, чтобы сделать более надежные выводы о распространении, функциях и типах метрической организации текста в древнерусских памятниках.

Для древнерусской эпохи в «речитативном» (эпическом) стихе до сих пор реконструировалась только силлабика, она же предполагалась и для древнерусского «говорного» («пароимического») стиха. На основании русских былин и сербской героической эпики реконструируется силлабический стих: в первую очередь десятисложник, далее (в основном согласно русской эпике) двенадцати-, восьмисложник и т. д. [Топоров 1998: 209–216]. Однако светские стихи древнерусского периода (до падения редуцированных и в эпоху их опционального произношения), сочиненные на древнерусском языке, оставались неизвестными. Настоящий доклад имеет целью представить научному сообществу новый материал, свидетельствующий о том, что древнерусскому стиху была свойственна своеобразная неравносложная силлаботоника. Предполагаемая на основании внешнего сравнения силлабика в стихах на древнерусском языке пока не обнаружена.

Литература

- Гильфердинг 1873 — Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.
- Гиппиус 2007 — Гиппиус А. А. Бегство от плаща (заметки о «золотой луде» Якуна «Слепого») // *Terra Balcanica / Terra Slavica*. К юбилею Т. В. Цивьян. Балканские чтения 9. М., 2007. С. 52–58.
- Гиппиус 2008 — Гиппиус А. А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 47–54.
- Гиппиус 2017 — Гиппиус А. А. «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // *Russian Linguistics*. 2017. 41. Р. 261–282.
- Гиппиус 2018а — Гиппиус А. А. Гимнографический текст из церкви Благовещения на Городище в Новгороде // Доклад на Сорок девярых Виноградовских чтениях. Институт русского языка РАН им. В. В. Виноградова. 18 января 2018 г.
- Гиппиус 2018б — Gippius A. A. An Eleventh-Century Poetic Divination from St. Sophia's, Novgorod // *The Russian Review* #77 (April 2018). Р. 207–23.
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008.

- Зализняк 2014 — *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: общие сведения и словарь, М., 2014.
- Ипатьевская летопись — Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, 1: Повесть временных лет, изд. 3-е. Петроград, 1923.
- Кирша Данилов 1977 — Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е дополн. изд. М., 1977.
- Корш 1909 — *Корш Ф. Е.* Слово о полку Игореве. СПб., 1909.
- Лаврентьевская летопись — Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, 1: Повесть временных лет, изд. 2-е. Л., 1926.
- Литвина, Успенский 2016 — *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Почему варяг Якун «отбеже луды знатое»? Сцены Лиственской битвы 1024 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (63). М., 2016. С. 27–39.
- Никифоров 1940 — *Никифоров А. И.* Проблема ритмики «Слова о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского. 1940. Т. IV. Вып. 2. С. 214–250.
- Николаев 2014 — *Николаев С. Л.* Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // *Slověne*. 2014. № 2. С. 7–109.
- Николаев 2018 (в печати) — *Николаев С. Л.* «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста (in litt.).
- Новгородская I летопись — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Панченко 1973 — *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Тимофеев 1963 — *Тимофеев Л. И.* Ритмика «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1963. № 1.
- Топоров 1998 — *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). М., 1998.
- Федотов 2017 — *Федотов О. И.* Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха. Кн. 1. Метрика и ритмика. М., 2017.
- Чернов 2006 — *Чернов А. Ю.* Хроники изначального времени. «Слово о полку Игореве»: текст и окрестности. СПб., 2006.

ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ МНОГОЯЗЫЧНОГО РЕГИОНА: ПУБЛИЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА УКРАИНСКОМ ПОДОЛЬЕ В НАЧАЛЕ XIX В.¹

Динамика языкового развития Правобережья в XIX в. тесно связана с процессом включения украинских земель прежде всего в политическое, но также культурно-языковое пространство Российской империи, начавшимся фактически после третьего раздела Польши (1795 г.). Нас будет интересовать прежде всего территория Подолья и бывшего Брацлавского воеводства, языковой ландшафт которых в рассматриваемый период поражает как своим многоязычием, так и чрезвычайной динамичностью на самых разных уровнях. Временные рамки статьи охватывают период до 1831 г. — времени польского (ноябрьского) национального восстания, спровоцировавшего ужесточение мер российского правительства по регулированию ситуации, в том числе в языковой сфере.

Важно отметить, что присоединение Правобережья к России на начальном этапе не привело к резким социокультурным трансформациям: включение польской и (полонизированной) украинской шляхты в имперскую сословную иерархию прошло, по крайней мере внешне, относительно безболезненно, не вызвав явных дискриминационных мер [Капеллер 1997: 130–140]. В то же время депутаты местных дворянских собраний — Подольского, а также соседнего Волынского — неоднократно выказывали свое недовольство политикой Петербурга, сетуя на нарушение сословных привилегий, местных и имущественных прав, а также непризнание польских чинов [Свербигуз 1999: 113–115; 118]. Царские власти, в свою очередь, сочли целесообразным ввести «наблюдение за настроением и поведением чиншевой шляхты

¹ В статье развиваются основные положения статьи [Остапчук 2005], воспроизведенные без моего ведома и согласия Д. Будняк в ее монографии 2005 г.

и помещиков территории, присоединенной к России»². Враждебные настроения части подольского (так же, как волынского и киевского) дворянства, главным образом польского происхождения, приобрели форму открытого противостояния с официальными российскими властями уже в ходе войны 1812 г., выходцы из западных губерний проявили явный интерес также к движению декабристов [Свербигуз 1999: 120, 122]. Так, незадолго до восстания 1825 г., в ходе совместного съезда «Южного общества» декабристов (штаб которого размещался в подольском Тульчине) и Польского патриотического общества, прошедшего под Киевом, в частности, были озвучены идеи создания славянской конфедерации³. Именно здесь в защиту третьей славянской нации — «малороссов» якобы выступил подольский поэт с польскими корнями и украинофильскими взглядами Т. Падурра [Михальчук 1914: 83]. Предположительно, именно знакомство с поляком-украиномфилом стало для К. Рылеева толчком к написанию «Дум» и поэмы «Войнаровский» [Єфремов 1918: 13]. В свою очередь, якобы именно по просьбе русских декабристов С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина, Т. Падуррой была написана «боевая песнь на малорусском наречии» под названием «Рухавка» [Щурат 1968: 80; O życiу 1874]⁴. Кстати, слово «Рухавка» для обозначения общественных волнений было прямо перенесено в украинский текст из польского языка⁵.

Особо следует отметить, что изменение политических границ и включение Правобережья в имперскую систему существенно не повлияло на структуру общества: дворянство довольно долго остается если не польским, то польскоязычным⁶, в среде мещанства и купечества сохраняется высокий процент евреев и немцев, также владеющих польским языком⁷. Это объясняет тот факт, что польский язык, по крайней мере до ноябрьского восстания 1830–1831 г., прочно сохраняет свои позиции как язык высоких коммуникативных функций и свой

² Вінницький державний обласний архів — далее: ВДОА. Ф. Д-678. Оп. 1. № 67.

³ О славянофильских идеях декабристов и концепции украинской автономии в этот период, в том числе членов Кирилло-Мефодиевского братства, см. [Єфремов 1926: 4].

⁴ Биография поэта была составлена В. Пшиборовским на основе данных, предоставленных ему М. Васютинским; она предвещает посмертное издание произведения Падурры.

⁵ *Ruchawka* — разг. ‘rozruchy, niepokoje społeczne’ — общественные волнения: Słownik języka polskiego, интернет-ресурс, режим доступа: <https://sjp.pwn.pl/sjp/ruchawka;2518016.html> (дата обращения 23.09.2017).

⁶ О структуре общества на Правобережье и месте в нем русского дворянства см. [Миллер 1997: 147].

⁷ Анализ коммуникативного потенциала и сферы использования идиш и немецкого заслуживает отдельного исследования.

социальный престиж, вопреки распространенному мнению среди украинских лингвистов [Плющ 1971: 12]. Своеобразная административно-культурная автономия западных губерний в царствование Павла I, а затем и Александра I, выражавшаяся, в частности, в сохранении за выходцами из местной шляхты ключевых позиций в органах самоуправления, судопроизводства и т. д.⁸, создавала условия для беспрепятственного функционирования польского языка в публичной коммуникации. В судопроизводстве присоединенных западных губерний польский язык используется фактически параллельно с официальным языком империи — русским, тем более что судьи выбираются из местной шляхты, да и судебные служащие прошли через систему польского в своей основе образования. Когда же оказалось, что в созданном для Подольской, Волынской и Киевской губерний в 1801 г. Житомирском надворном суде большинство составляют русские служащие и дела ведутся на русском языке, это явилось причиной многочисленных жалоб [Свербигуз 1999: 126–128]. Прошения дворян западных губерний возымели свое действие: в 1806 г. высочайше утверждается решение общего собрания правящего Сената, позволяющее вести судебные дела по-польски в магистратах и местных судах, а в Главных судах параллельно на польском и русском языках [Там же: 129]. Известно, что делопроизводство также остается по преимуществу польскоязычным: так, в 1823 г. родословная книга дворян Подольской губернии по-прежнему составлялась на польском языке, и даже спустя шесть лет не нашлось средств для ее перевода на русский язык [Там же: 114]. Важнейшие правительственные документы (в их числе жалованные грамоты дворянству и городам) также публиковались с параллельным текстом на русском и польском языках⁹. Вся официальная документация, в том числе в сфере образования, также велась по-польски, включая личные дела учеников Винницкой гимназии, где не только официальные свидетельства об окончании классов и похвальные листы, но и все прошения от имени учащихся оформлены по-польски¹⁰. Как видно, декларируемый еще в конце 90-х годов XVIII в. перевод делопроизводства на русский язык оставался в течение нескольких десятилетий мерой чисто внешней и не предполагал устранения польского языка из публичной сферы.

⁸ О специфике инкорпорации западных губерний в имперскую систему см. [Thaden 1984: 35, 53, 68, 78, 124; Velychenko 1992: 131–133]. Ср. замечания П.Н. Батюшкова о продолжении политики «ополячивания» в этот период [Батюшков 1891: XV].

⁹ ВДОА. Ф. Д-678. Оп. 1. № 2.

¹⁰ См., например: Личные дела учеников Винницкой гимназии. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 125. Л. 346–842.

Этому способствовала также традиционная издательская практика. После присоединения Правобережья к Российской империи в связи с необходимостью обеспечить присоединенные губернии печатной продукцией на русском языке возникают типографии при городских магистратах и других «присутственных местах», в том числе при судах, одна из старейших — при Житомирском главном суде (гражданская типография существует с 1753 г.). В Тульчине с самого начала XIX в. функционирует типография главного штаба 2-й армии, где печатаются в основном официальные бумаги внутреннего пользования: приказы, распоряжения, документы об увольнении личного состава, наградах и т. д. [Петров 1956]. В 1807 г. в Каменце-Подольском начинает действовать типография губернского правления, там же в 1830-е годы издаются официальные «Подольские губернские ведомости» на русском языке, выходившие вплоть до 1917 г.¹¹

В условиях практикуемого в официальной сфере польско-русского двуязычия гражданские типографии издают книги как на русском, так и на польском языках. Так, казённая типография в Бердичеве (существует с 1760 г.) дважды — в 1780 и 1794 гг. выпускает «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» с параллельным текстом на русском и польском языках. Известно, что в Бердичеве печатались также польские учебники для первых классов католических приходских школ. Для издания необходимых документов и учебников привлекаются также типографии, специализирующиеся на издании духовной литературы (часто церковным кириллическим шрифтом), действовавшие при монастырях. С конца XVIII в. точно известно о существовании православной типографии в Могилеве-Подольском, созданной в 1795 г. по инициативе молдавского протопопа Михаила Стрельбицкого [Подольские типографии 1903: 1383–1384]. Сохранились сведения и о деятельности «славянской» типографии при женском Вознесенском монастыре в г. Виннице, просуществовавшей вплоть до 1835 г.¹² Главное церковное издательство Правобережья — Почаевское при Успенском (василианском) монастыре¹³ заполняло нишу духовного чтения, предназначенного как для униатов, так и для православных, выпуская, среди прочего, и популярную литературу для народа, как например, знаменитый «Богогласник», несколько раз переиздававшийся в 1790-х годах и представлявший собой своеобразную антологию украинских, польских и латинских песен духовного

¹¹ Историю книгоиздания на Подолье см. [Подольские типографии 1903: 1379–1382].

¹² Упоминание об этом см. [Описание 1863: 310].

¹³ Исследованию издательской деятельности Почаевской типографии посвящена большая литература, см., в частности, [Исаевич 2011; Лось 2013: 139–143] и др.

содержания¹⁴. Впрочем, язык популярных изданий получает неоднозначные оценки специалистов: так, например, «Книжица для господарства» расценивается некоторыми исследователями едва ли не как одно из первых произведений на народном украинском языке [Лось 2013: 140]; неизменно подчеркивается и связь языка почоевских изданий с традицией литературы на «простой мове», как это показывает на примере катехизиса «Науки парохияльные» от 1794 г. авторитетная польская специалистка по этому периоду Й. Гетка [Getka 2012]. Получив по указу 1800 г. право, помимо духовной литературы, печатать по особому распоряжению цензуры светские произведения на польском языке [Лось 2013: 142], типография включилась в издание учебной литературы. Так, именно в Почаеве в 1809 г. увидела свет составленная М. П. Бутовским «Грамматика российского языка в пользу польского юношества в Волынской гимназии» [Книги 1971] — книга с названием, продублированным по-польски «Gramatyka języka rosyjskiego dla użytku młodzieży polskiej w Gymnazyum Wołyńskiem» и с параллельным текстом на двух языках [Бутовский 1809]. Это двуязычное издание представляет собой прекрасную иллюстрацию языковой ситуации того времени: несмотря на то, что текст сознательно был составлен на двух языках, что призвано было уравновесить их статусы, очевидно, что именно польский язык являлся первым и основным для М. П. Бутовского. Об этом свидетельствуют как характерные переводческие трансформации¹⁵, так и стилистический характер фрагментов текста: в ряде случаев на месте разговорных и нейтральных польских фраз отмечаются искусственные и стилистически явно им не соответствующие русские¹⁶. Из польской грамматики О. Копчинского, на которую как на образец прямо ссылается автор труда, были перенесены некоторые термины (например *двугласные (notaенные)* ср. *dwugłoski* применительно к я, ю, е, ъ, приравненное к польскому *ie*), фонетическое

¹⁴ О распространении этого униатского издания в том числе и на левом берегу Днепра см. [Franko 1892: 721–723].

¹⁵ Речь здесь может идти как о сокращении текста за счет изъятия стилистических фигур речи, как в случае характеристики Петра I: *Ten mądry monarcha, który nową północy nadał postać* ср. *Мудрый образователь севера* (с. 7–8 введения); так и о наличии в русском переводе ряда калек, в том числе синтаксических: *Przysłówek dla tego tak jest nazwany, że się po większej części kładzie przy słowie, kładzie się jednak czasem i przy imieniu* ср. *Напречие или над- глаголие потому так называется, что по большей частиставляется при глаголе, иногда же полагается оно и с именами* (с. 81–82).

¹⁶ Достаточно сравнить примеры, приводимые в качестве иллюстраций грамматических правил и объяснений, например: *Budynek przecudnie ustawiony* ср. *Строение преудивительно сделано* (с. 78–79); или сравнить стилистическую адекватность междометий (называемых *междометиями*) в таких контекстах: *Ach! Jak że to straszno* / *Ух! Как это ужасно!* (с. 69–70).

значение русских букв также объясняется через польский язык; только приложение написано полностью по-русски и содержит образцы стихотворений русских поэтов эпохи классицизма. Известно также об издании в Почаеве в 1818 г. «Букваря» с поучениями, оформленными в стихотворной форме [Лось 2013: 141].

В целом можно констатировать, что русификация в данный период носит по большей части декларативный характер, что дает основания для характеристики ее как внешней и сугубо административной¹⁷. Например, при выборе священников для служения в правобережных монастырях и храмах предпочтение отдавалось выходцам из местного населения или малороссийских уездов, а не великороссиянам, более того, от них требовали не только достаточного уровня образования и соответствующих моральных качеств, но и знания польского языка [Лось 2013: 75]. Правда, в чиновничьей среде постепенно увеличивается количество русских служащих, однако они долгое время воспринимаются как представители «чужого» мира и по своему языку, и по воспитанию. Ситуация кардинально меняется лишь после польского восстания 1830–1831 гг., вызвавшего целый ряд репрессивных мер, в том числе и решительное вытеснение польского языка из официальной сферы.

Польско-русский культурный билингвизм отмечается и в такой важной сфере публичной коммуникации, как образование. В целом период до 1830 г. в сфере образования может быть охарактеризован как культурное соперничество между польским и русским языками при фактическом польском доминировании¹⁸. После включения Правобережья в Российскую империю царское правительство оказалось перед фактом наличия на данной территории уже сложившейся системы образования — польской. Создание сети школ низшего уровня, связанное с деятельностью Эдукационной комиссии, относится к 80-м годам XVIII в., Впрочем, их численность была явно недостаточной. По данным визитаций, в 1805 г. в Подольской губернии насчитывалось всего 16 приходских (католических или униатских) школ, где обучались 268 учеников; в 1811 г. их было соответственно 24 и 488 учеников, а в 1822 г. — 43 и 828 учеников [Beauvois 1991: Tab. 27. S. 376; Tab. 30. S. 401]¹⁹. К началу XIX в. на территории Подольской и Волынской губерний существовала также сеть средних учебных заведений: из них семь академических школ состояли на содержании

¹⁷ Термин «административная русификация» использован впервые Э. Таденом [Thaden 1984].

¹⁸ Ср. характеристику периода 1793–1831 как польско-русскую борьбу за господство в сфере образования на Волыни [Джаман 1999: 3].

¹⁹ О приходских школах см. также [Beauvois 1991: 321–323, 327–328, 408].

государства, а девять существовали на частные пожертвования при монастырях [Zasztowt 1997: 203–298; Beauvois 1991: 18]. Организация школ — как среднего так и низшего уровня — являлась одним из важнейших и едва ли не единственным после присоединения Правобережья к Российской империи направлением культурно-просветительской деятельности униатского монашеского ордена василиан (базилиан) [Лось 2013: 131]. Как правило, при крупных монастырях (Винница, Бершадь, Каменец-Подольский) действовали учебные классы для послушников («новициат»), предполагающие обязательное чтение старых «руських» рукописей, т.е. практическое освоение церковнославянского языка. При содействии меценатов василиане содержали средние школы, преимущественно для детей шляхты; известно о существовании таких школ во Владимире-Волынском, Шаргороде (открыта в 1749 г. на средства Ст. Любомирского), Умани (открыта в 1764 г. при поддержке Фр. Потоцкого)²⁰, Баре [Описание 1875]. По решению Эдукационной комиссии, к ордену перешли также бывшие иезуитские школы в Житомире, Кременце, Каменце-Подольском и других городах Правобережья, и василиане активно включились в реализацию разработанной комиссией образовательной программы [Біднов 1995: 56–59]. Проводимая василианами концепция образования была в основе своей польской и полоноцентричной (особенно это касается средних учебных заведений), однако в униатских школах происходило также знакомство учащихся с традиционным корпусом православной литературы на церковнославянском языке, что само по себе имело важное значение для формирования принципиально многоязычного коммуникативного опыта. Так, по воспоминаниям учеников Уманской василианской школы, «богослужение, на которое ежедневно ходили ученики в школьную часовню, проводилось по униатскому обряду, т.е. по-церковнославянски, только проповеди и разные церковные песнопения были польскими, молитвы же обычно произносились на латыни»²¹.

Подолье и Волынь вместе с бывшими белорусскими и литовскими землями Речи Посполитой в 1803 г. вошли в состав Виленского

²⁰ К 1830 г. — моменту закрытия — в ней насчитывалось до 800 учеников в семи классах, преимущественно детей местной шляхты, об Уманской школе см., в частности, [Кузнец 2000: 10–13].

²¹ «Nabożeństwo, na które codziennie chodzili uczniowie (m.in. Bohdan Zaleski) do kaplicy szkolnej, odprawiało się w obrządku unickim, a więc w języku słowiańskim, tylko kazania i różne śpiewy kościelne były polskie, litanie zaś odmawiano zwykle po łacinie» [Tretiak 1911: 36, 103] (здесь и далее перевод с пол. мой. — О. О.); здесь приведен фрагмент из воспоминаний Ю. Б. Залеского — одного из ярких представителей «украинской школы» в польской поэзии.

учебного округа, попечителем которого стал кн. А.Е. Чарторийский, бывший также куратором Виленского университета. Руководство деятельностью гимназий осуществлялось при содействии инспекторов-визитаторов. Визитатором Подольской, Волынской, а также Киевской губерний с 1803 по 1812 г. был другой не менее известный деятель польского национального движения, Т. Чацкий. Это ему принадлежат слова: «*Już nie masz Polski, zachowajmy język*» — «*Уже нет Польши, сохраним же язык*». Именно по его инициативе в 1805 г. в Кременце создается Волынская гимназия, которая позже была преобразована в лицей — второй в России после Царскосельского²². По мысли Чацкого, лицеем предстояло стать элитарным высшим учебным заведением с 10-летним сроком обучения, и тем самым сделаться основным центром образования на правобережных землях, составив конкуренцию Виленскому университету и тем самым закрыв вопрос о русском университете в Киеве вплоть до 1832 г.²³ Достаточно сказать, что книги для библиотеки лицея поставляет Краковский университет, возможно, также Варшавское общество друзей науки и другие польские культурные и издательские центры [Beauvois 1991: 300, 324–326]. Известно также о щедрых частных пожертвованиях для библиотеки Кременецкого лицея [Булатова 1997], о заимствованиях из монастырских библиотек [Лось 2013: 131]. Учебники для Кременецкого лицея печатались также в местной типографии [Beauvois 1991: 300, 304, 363], как известно из переписки Т. Чацкого, была достигнута договоренность и об издании польских книг в церковных типографиях Почаева и Луцка, возможно, именно благодаря этим договоренностям был напечатан уже упоминавшийся учебник М. П. Бутковского.

Сохранение польской в своей основе системы образования на Правобережье создавало условия для своеобразной языковой и культурной автономии западных губерний и укрепляло позиции польской культуры как альтернативы культуре русской, в том числе в публичной коммуникации. Общность научно-образовательного пространства на всей территории бывшей Речи Посполитой поддерживалась, среди прочего, благодаря налаженной системе распространения книг и периодических изданий. Преподаватели, в большинстве своем сами выпускники польских гимназий и Виленского университета, связанные по своему происхождению с Правобережьем (как и Т. Чацкий), способствовали этому [Beauvois 1991: 18–32]. Сохранение в крае польского языка обосновывалось с точки зрения политической целесооб-

²² О деятельности Т. Чацкого в деле организации образования в Западном крае, а также о его образе в польской и русской публицистике и мемуаристике см. [Булкина 2011: 250–259].

²³ О «польской партии», заблокировавшей идею русского университета в Киеве в начале XIX в. см. [Булкина 2012: 75–76].

разности: «Языку польскому в учебных заведениях царства надо учить наравне с русским. Если мы будем учить ему недостаточно, то поляки будут доучиваться ему дома гораздо с большим рвением и успехом, как то бывает со всяким запрещенным предметом, и мы не только не достигнем своей цели, но еще более отдалимся от нее и сверх того будем вооружать тайных врагов... Но нужно водворять, как то уже делается, учение русского языка — это другое дело. Всякий поляк должен знать по-русски» [Отрывок 1867: 29–30].

Университетский устав 1804 г. предусматривал, что обучение в учебных заведениях всех четырех уровней (приходских и уездных училищах, губернских гимназиях и университетах) должно вестись исключительно по-русски [Очерки 1973: 392]. Однако фактически на Правобережье в школах среднего звена доминировал польский язык и использовались несколько откорректированные программы Эдукационной комиссии. Так, некоторые изменения произошли в наборе дисциплин для учащихся академических школ (последние позже были преобразованы в гимназии), к польскому и латыни добавились новые языки: русский и греческий, как отдельный предмет была введена русская словесность. Одновременно за учебными заведениями устанавливается строгий надзор со стороны властей, идет постепенный пересмотр программ. Однако в документах того времени то и дело возникают жалобы на «недостаток в хороших учителях российского языка» [Отчет 1898: 675]. Кроме того, тех учебных заведений, которые действовали при монастырях (чаще всего это были именно василиане), реформа вообще не коснулась; например, василианские школы в Баре и Малеевцах фактически в неизменном виде просуществовали вплоть до 1828 г. [Подолія 1891: 62–67, 228–232], можно предположить, что так же обстояло дело и с другими униатскими школами разного уровня.

Реорганизация системы польских учебных заведений в соответствии с новыми требованиями растянулась на десятилетия и завершилась фактически только к середине 1820-х годов. Так, в Подольской губернии к этому времени на базе католических и униатских приходских школ были образованы 59 приходских училищ. На основе четырех бывших академических школ начали действовать уездные училища: Гайсинско-Брацлавское (Немиров, 1815), Летичевское (Меджибож, 1819), Могилевское (Бар, 1819), Каменецкое (Каменец-Подольский, 1825)²⁴. Вершиной системы образования являлась губернская

²⁴ О судьбе Каменецкой коллегии, основанной в XVIII в. иезуитами, действовавшей под покровительством местного судьи М. Радецкого, затем перешедшей в подчинение Краковской академии, после присоединения к Российской империи имевшей статус училища, и наконец в 1832 г. ставшей основой губернской гимназии см. [Памятная книга 1859: 14].

гимназия (Волынская гимназия в Кременце и Подольская гимназия в Виннице, позже переведенная в Каменец-Подольский), директор гимназии также осуществлял надзор за всеми учебными заведениями округа.

Основной контингент учащихся школ среднего звена, окончание которых давало право поступления в университет, в данном случае — Виленский, составляли выходцы из шляхты, польской или полонизированной. В Каменце-Подольском, например, соотношение учащихся было таким: 229 католиков и всего 12 православных, в Немирове из 296 учеников — 236 католиков, 38 православных, 10 униатов, 12 протестантов, в Меджибоже из 293 учеников — 261 католик, 25 православных, 4 униата, 2 протестанта, 1 иудей, в Баре из 500 учеников — 436 католиков, 46 православных, 16 униатов, 2 протестанта. Дополняли систему образования частные институты и пансионы для благородных девиц — знак нового времени (Пансион г-жи Бессон²⁵ и Мончинской в Виннице, Гензель в Меджибоже, Гонзаль в Немирове, Коморовской в Каменце-Подольском). Статистика показывает, что и здесь преобладали католики²⁶, фиксируя тем самым факт несовпадения демографического и коммуникативного потенциала языков, сосуществующих в данном культурном пространстве. Украинцы, составлявшие большинство населения на этих территориях, как видно, имели лишь ограниченный доступ к учебным заведениям: элита — к польским гимназиям и академическим школам, крестьянство — к школам приходским, однако их процент в общей массе учащихся был очень низким. Так, согласно данным об учащихся Винницкой гимназии и городской приходской школы в 1825 г. из 171 учащихся лишь один был униатом, двое — сыновьями (православных) священников, один из мещанского сословия (еврей?), один протестант (немец?)²⁷. Скорее как исторический курьез, подтверждающий общее правило о невозможности сословно-этнической эмансипации (даже при успешной культурно-языковой ассимиляции), выглядит история С. Н. Олейничука (1798–1852), крестьянина из с. Антонополь Винницкого уезда на Подолье, который тайно окончил Подольскую гимназию в Виннице (1818–1824), затем в течение 15 лет под чужим именем учительствовал на Волыни и в Белоруссии, преподавая польский язык и латынь. После возвращения в 1839 г. на

²⁵ См. о ее деятельности, составе учениц и наборе предметов: *Książka do zapisywania wiadomości o Pannach, umieszczonych na Pensyi w mieście Winnicy przez J. Pannę Małgorzatę Besson*. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 113.

²⁶ Рапорт директора Винницкой мужской гимназии и директора Подольских училищ о состоянии училищ в губернии: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 168.

²⁷ *Księga wpisowa uczniów gimnazium podolskiego i szkół powiatowej i parafialnej Winnickiej wedle nowego urządzenia szkół w r. 1825.*: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 113.

Подолье был подвергнут суду, в 1845 г. отпущен помещиком на свободу, после чего смог уже официально продолжить учительствовать. Любопытна в этом контексте дальнейшая эволюция его взглядов: поводом для повторного ареста в 1849 г. стало участие в народнической деятельности [Сергієнко 1971: 276–283].

Первые попытки нарушить культурно-языковую автономию округа предпринимаются уже в 1810 г. На уровне правительства разрабатываются меры, способные «распространить в провинции русский язык и сделать его предметом обучения, доминирующим над остальными». Предполагается, в частности, введение штрафов за отказ от обучения русскому языку, однако из-за приграничного положения западных губерний и возможного недовольства столь суровые меры откладываются «до более благоприятного времени» (цит. по [Beauvois 1991: 361]). Прекрасной иллюстрацией того, как эти решения внедрялись в жизнь, является деятельность организованной в 1814 г. Подольской мужской гимназии, созданной на базе академической школы в Виннице (в свою очередь, наследнице капуцинского коллегиума). После преобразования число классов в ней увеличилось с четырех до шести, были учреждены два подготовительных класса, но польский язык был сохранен не только как язык преподавания. Именно по-польски оформлялись протоколы заседаний школьных советов и акты экзаменов, в которых, в частности, излагалось содержание программы по русскому языку для 1–3 классов гимназии²⁸. По-польски произносили речи руководство гимназии и учителя на открытии и закрытии учебного года, на торжествах по случаю инаугурации или награждения лучших учеников. Об этом, в частности, сохранились упоминания в дневнике, составленном анонимным сотрудником гимназии и посвященном событиям 1814–1817 гг.²⁹ Язык этой рукописи в целом соответствует нормам польского языка того времени, хотя и содержит немногочисленные, но явные региональные черты³⁰. Библиотека гимназии считалась одной из лучших в округе: ее основу составили книжные собрания бывших иезуитских (польских) коллегий, в частности каменецкой [Памятная книга 1859: 14]. В дальнейшем библиотека пополнялась в соответствии с заказами директора гимназии из Петербурга (в заказах фигурируют все наиболее популярные русские периодические издания: «Сын

²⁸ См. фонд Подольской мужской гимназии: *Acta examinów szkolnych odprowadzonych w marcu 1816 r.* ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. № 33. Л. 300. *Treść nauki języka rosyjskiego w kl. 1 w 1–2 kwartale.* Лл. 329–331. *Treść nauki języka rosyjskiego w klasie 2 i 3.* Аналогичный пример представляет академическая 6-классная школа в Баре [Описание 1875].

²⁹ Дело о ежедневных случаях в гимназии: ВДОА. Ф. 849. Оп. 1. Д. № 14. *Dziennik wydarzeń podolskich.*

³⁰ Подробный лингвистический анализ источника см. [Ostapczuk 2001].

Отечества», «Вестник Европы», «Русский инвалид», «Северный архив»), но в основном из Вильно и Варшавы: именно отсюда поступали основные учебники, а также польская научная и художественная литература и периодика³¹. Прессе принадлежала особая роль в поддержании связи с «метрополией», так, в упомянутом дневнике содержатся переписанные от руки статьи о местной гимназии из польских газет: это были «Gazeta Korespondenta Warszawskiego i Zagranicznego» (№ 86. 25.10.1814) и «Kurier Wileński» (статьи за 1817 г.), а также набросок статьи, предназначенной для печати, очевидно, также в польском издании.

Перелом в образовательной политике центра наступает с середины 1820-х годов. В 1824 г. производится смена руководства Виленским учебным округом, за этим последовала реформа Виленского университета и учебного округа в целом. С 1823 г. обязательными в школах всех уровней становятся занятия по православной религии, а в польских гимназиях католического священника сменяет православный [Beauvois 1991: 331–336]. С 1828 г. согласно новому школьному уставу вводятся единые для всех учебных заведений империи программы и учебники, русский язык, а затем и история России становятся обязательными предметами во всех учебных заведениях [Bieliński 1899–1900: 546; Zasztowt 1997: 280–298].

Польское восстание 1831 г. положило конец легальной польско-русской конкуренции в культурно-языковой сфере на Правобережье. В числе репрессивных действий властей была фактическая ликвидация системы польского образования: в 1832 г. закрывается ее центральное учреждение — Виленский университет, а вместе с ним и гимназии и большинство академических школ, не стали исключением и пансионы для девочек, которые оценивались как «очаги латинско-польской пропаганды» [Подолія 1891: XX]. На базе ликвидированного Кременецкого лицея создается русский университет св. Владимира в Киеве, одной из задач которого являлось противодействие польскому влиянию в крае. В Виннице вместо закрытой польской гимназии открывается русская (1832–1847 гг.). В течение 1837–1839 гг. ликвидируются приходские школы, часть средних школ при монастырях, в том числе униатских, преобразуется в православные семинарии, как, например, в Шаргороде. В то же время появляется ряд новых русских гимназий и начальных школ, например, в Немирове. Прорусская переориентация всей системы образования становится главным направлением деятельности правительства. Увеличивается число недельных занятий по русскому языку, устанавливается ряд льгот для его преподавателей [Там же: 239]. Однако наладить эффективную систему

³¹ Acta prenumeraty gazet i pism peryodycznych. 1822. Vol. II: ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. Д. № 29. См. также: Spis książek biblioteki Gymnazium Podolskiego. 1819–1825. ВДОА. Ф. Д-849. Оп. 1. Д. № 51.

начального образования на Правобережье российскому правительству так и не удалось, несмотря на то, что у русской школы был мощный союзник в лице православной церкви. Причина крылась в недостатке как средств, так и русских учителей, способных заменить поляков, — а отсюда мизерное количество школ, а также отсутствие продуманной программы народного просвещения. Школа действительно стала по преимуществу русскоязычной, однако эффективность ее была крайне низкой. В 1834 г. в средних учебных заведениях Подольской губернии работал всего 81 учитель, что давало наихудшее в империи соотношение к количеству учеников (1:631) [Шип 1991: 51]. Даже спустя 20 лет в 1856 г. ситуация в целом не меняется: в Подольской губернии действуют 143 школы, где обучалось 4 432 учащихся (0,25 на 100 душ) [Біднов 1995: 63–64].

Завершение периода культурного двуязычия в практике книгопечатания приходится также на 30-е годы XIX в. и непосредственным образом связано с резким изменением курса издательской политики правительства. К этому времени большинство польских типографий, и прежде всего частных³², ликвидируются³³, а вместе с этим сокращаются и возможности для наполнения книжного рынка местной печатной продукцией. Именно к этому времени относится уничтожение типографии в Житомире, где печатались, в частности, буквари и популярные книги для народа. Известно, что ее фактическим основателем и главным меценатом был выпускник Подольской гимназии и Кременецкого лицея, литератор А. Гроза: «Он старался, чтобы книги были как можно дешевле, чтобы их больше читали среди бедноты. Когда предприятие было уничтожено, члены издательства отданы под суд, и конфискованы, изъяты книги, больше всех пострадал Гроза как самый известный и самоотверженный»³⁴. Язык империи — русский — ста-

³² В XVIII в. на территории нынешней Винницкой области действуют три частные польские типографии: в Ярышеве Могилевского уезда и в Тульчине при поддержке Потоцких, а также типография Валериана Дзедушицкого в Мильковцах Ушицкого уезда, где шляхтич печатал собственные законы, постановления и латинские проповеди для своих крестьян [Подольские типографии 1903: 1385]. О десятках подобных инициатив в XIX в. см. [Ersztein 2005].

³³ См., например, «Дело Количева, жителя м. Янова», которому в 1809 г. было предъявлено обвинение в том, что он печатает «секретно и без цензуры книги польские к богомолию, как и свои раскольничьи и оные продает»: ВДОА. Ф. Д-604. Оп. 1. № 6, а также «Дело о запрещении жителю г. Литина Количеву содержать типографию (1821–1826)»: ВДОА. Ф. Д-604. Оп. 1. № 28.

³⁴ «Usiłował, aby były majtańsze, aby ich najwięcej wśród ubogich klas czytano. Gdy zostało to przedsięwzięcie zniesione, członkowie wydawnictwa oddani pod sąd, i skonfiskowano, zabrano książki, drukarnię, najwięcej ucierpiał Groza, bo był najśłynniejszym i siebie zawsze poświęcał» [Helleniusz 1876: 332].

новится фактически единственным языком светского книгопечатания, подобно тому, как стандартный церковнославянский язык господствует в изданиях духовного содержания, в которых к тому же нередко используется церковный шрифт³⁵.

Воспоминания современников помогают установить, как соотношение языков в публичном пространстве влияло на их статус и престиж в языковом сознании. В этом смысле особо следует отметить отношение к русскому языку в польских шляхетских семьях, где дети часто получали также домашнее образование. Так, еще один известный поэт «украинской школы» в польской поэзии С. Гошинский вспоминает не только о своих домашних учителях по латыни, немецкому и французскому языкам, но и утверждает, что «сам по букварю научился читать по-церковнославянски и по-русски»³⁶. Одновременно в дневниковых записях его современников обнаруживаем многочисленные свидетельства нежелания изучать русский язык в школах: «Учителя языков были всегда какими-то чудаками, которые вместо уважения вызывали смех... Посему языков не учили, тем более русского. Что до русского языка, то мы его не учили из ненависти к Москве, был обычай ходить на этот язык из высших классов в низший, а учителям отвечать резко и шалить, и как-то это все сходило с рук»³⁷. Впрочем, обучение русскому языку, видимо, все же приносило свои плоды, как это показывает, например, случай, описанный биографом польско-украинского поэта более позднего периода А. Шашкевича: «Задержанный во время рейда (в ходе восстания 1863 г. — О. О.) московским офицером, Шашкевич, с московским акцентом уверенным тоном смело сказал “Патруль девятой дивизии”»³⁸. Скорее, не соответствуют действительности также упоминания в дневниках о том, что дворянство якобы вообще не читало русских книг. Русских печатных изданий в шляхетских библиотеках на Правобережье действительно было гораздо меньше, чем польских и французских, однако это не значит, что их

³⁵ О возрождении церковного шрифта в русской духовной литературе в царствование Николая I см. [Живов: 467–493].

³⁶ «Sam z bukvara nauczył się czytać język cerkiewny i po rosyjsku» [Goszczyński 1924: 21].

³⁷ «Nauczyciele języków byli to zawsze jacyś dziwacy, zamiast szacunku wzbudzający śmieszność... Toteż języków mało się uczono, a po moskiewsku wcale nic. Co do moskiewskiego języka, tośmy się go nie uczyli z nienawiści ku Moskwie; był zwyczaj chodzić na ten język z klas wyższych do najniższej, a nauczycielowi ostro się stawić i figle płatać; i jakoś to wszystko uchodziło...» [Jełowicki 1970: 19].

³⁸ «Podczas wyprawy zatrzymany przez oficera moskiewskiego Szaszkie-wicz nie namyślając się z akcentem moskiewskim i tonem pewności powiedział śmiało: Patrol (!) dziewiątej dywizji» [Pieśni 1890: 17].

не было вовсе, как это отмечает Т. Эпштейн, исследовавший частные книжные собрания того времени [Epsztein, 2005].

Еще более противоречивы свидетельства, связанные с использованием языка подавляющего большинства населения Правобережья — украинского, фактически отсутствующего в публичном пространстве. Так, например, биограф уже упоминавшегося подольского поэта Т. Падурры сообщает, что в годы учебы (еще в Подольской гимназии) он якобы общался с соучениками исключительно по-украински: «Знали его все хорошо, ведь он всегда напевал украинские мелодии и обычно в беседах с друзьями употреблял только украинское наречие. К наречию этому испытывал он уже с младенчества особую тягу: любимейшей забавой его было слушать пересказы древних легенд на “руськом” языке и стоны украинской лиры»³⁹. Интересные наблюдения в связи с популярностью польско-украинского творчества так называемых торбанистов на Волыни и Подолье формулирует литературный критик того времени Е. Прусиновский: «Черпая краски и настроение для своих песен в неисчерпаемом богатстве украинских дум и непосредственно сталкиваясь с украинским народом, и даже употребляя наполовину польский, наполовину украинский языки, они создавали, неосознанно, возможно, своеобразное равновесие в этих двух провинциях Польши, благодаря чему весь цикл песен периода торбанистов, еще больше, чем у лирников и бандуристов, был связан с польской стихией, проникающей все больше и больше в поэтические и мифологические памятники украинской народной литературы. В целом мы вынуждены признать, что торбанист не был уже результатом потребностей и жизни народа, а лишь свидетельствовал о том, что взоры живущей на Украине шляхты обратились к обычаям и вкусам местных жителей»⁴⁰. Примечательно, что некоторые из стихотворений, принадлежащих перу польских по своему происхождению авторов, стали по-настоя-

³⁹ «Znali go dobrze wszyscy, gdyż wyśpiewywał im zawsze rzewne melodie ukraińskie i używał zazwyczaj w rozmowie z kolegami tylko narzecza ukraińskiego. Do narzecza tego nabrał bowiem już od małości szczególniejszego pojęcia: najulubieńszą jego zabawą było, przysłuchiwać się opowiadaniom dawnych podań w języku ruskim i ‘jękom liry ukraińskiej’» [O życiu 1874].

⁴⁰ «Czerpiąc zaś barwę i nastrój do swoich pieśni w nieprzebranem bogactwie dum ukraińskich i stykając się bezpośrednio z ludem, a nawet używając na poły polskiego i ukraińskiego języka, stanowili, bez wiedzy może, punkt równowagi dwóch prowincyj Rzeczypospolitej, przez co cały cykl pieśni z okresu teorbanistów, silniej jeszcze niż dwóch poprzednich, lirników i bandurzystów, zbratany jest z żywiołem polskim, przenikającym coraz bardziej poetyczne i podaniowe pomniki ludowej ukraińskiej literatury. W ogóle jednak przyjść musimy do uznania, że teorbanista nie był już wynikiem potrzeb i życia ludu, a tylko świadczy o zwrocie wyobrażeń zamieszkanej na Rusi szlachty do nawyków i upodobań miejscowych» [Prusinowski 1861: 194].

щему народными украинскими песнями, пройдя процесс так называемой “фольклоризации” через утрату авторской принадлежности: так, например, произошло с песней «Гандзя» Д. Бонковского и песней о Кармалюке Я. Комарницкого, а также, возможно, с песней «Соколы», которую приписывают перу того самого Т. Падурры. Более того, коммуникативная эмансипация украинского языка на Правобережье происходит впервые именно благодаря деятельности польских пропагандистов: именно они предпринимают первые попытки введения украинского народного языка по крайней мере в «квази»-публичное пространство, пытаясь распространять рукописные (в 1831 г.) — а позже и печатные (1848 г.) воззвания к крестьянству с призывами к участию в восстании под польским флагом [Остапчук 2010]. В то же время приходится констатировать, что их усилия не привели к кардинальному изменению ситуации в публичном пространстве: языки, наиболее распространенные на Правобережье в начале XIX в. (если учитывать количество их носителей, а именно украинский и идиш) фактически отсутствуют в сфере официальной/высокой коммуникации и языковом ландшафте региона, сохраняя за собой сферу повседневного бытового общения в рамках этнических групп.

Литература

Батюшков 1891 — *Батюшков П. Н.* От издателя // *Петров Н. И.* Подолия. Историческое описание. СПб., 1891.

Біднов 1995 — *Біднов В.* Школа і освіта на Україні // *Українська культура.* Київ, 1995.

Булатова 1997 — *Булатова С.* Книжне зібрання Яблоновських у бібліотеці Кременецького ліцею // *Наукові записки НАНУ. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. Збірник праць молодих вчених та аспірантів.* Київ, 1997. Т. 2. С. 209–231.

Булкина 2011 — *Булкина И.* «Известная фамилия»: польский патриот граф Тадеуш Чацкий // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова.* Тарту, 2011. С. 250–265 (электронный ресурс: http://www.ruthenia.ru/Stud_Russica_XII/Bulkina.pdf, режим доступа — свободный); текст почти полностью воспроизведен также в: *Булкина И.* Польский патриот граф Чацкий и Чацкий из комедии Грибоедова // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели : Коллективная монография. Тарту, 2012. С. 479–493 (электронный ресурс: http://www.ruthenia.ru/territoria_et_populi/texts/3.4.1.Bulkina.pdf, режим доступа — свободный).

Булкина 2012 — *Булкина И.* Борьба за «русскую» Малороссию при Николае I // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели : Коллективная монография. Тарту, 2012. С. 71–90.

Бутовский 1809 — *Бутовский М. П.* Грамматика русского языка в пользу польского юношества в Волынской гимназии = *Gramatyka języka rosyjskiego dla użytku młodzieży polskiej w Gymnazyum Wołyńskiem.* Poczajów, 1809.

(электронный ресурс: <http://arch.rgdb.ru/xmlui/handle/123456789/33531#page/0/mode/2up>, режим доступа — свободный).

Джаман 1999 — *Джаман Т. В.* Розвиток народної освіти на Волині (XVIII–XIX ст.). Автореферат ... к.п.н. Тернопіль, 1999.

Єфремов 1918 — *Єфремов С.* Масонство на Україні // Наше минуле: журнал історії, літератури і культури. Число 3. Київ, 1918.

Єфремов 1926 — *Єфремов С.* От легенди до історичної правди (місцеве підґрунтя в декабристському рухові) // Декабристи на Україні: збірник праць комісії для дослідів громадських течій на Україні / За ред. С. Єфремова и В. Міяковського. Київ, 1926. С. 1–11.

Живов 1996 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Ісаєвич 2011 — *Ісаєвич Я.* Книговидання і друкарство в Почаєві: ініціатори та виконавці // Друкарня Почаївського успенського монастиря та її стародруки. Київ, 2011.

Капеллер 1997 — *Капеллер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 130–140.

Книги 1971 — Книги гражданського друку, видані на Украєні. XVIII — перша половина XIX ст. / Каталог. Склад С. Й. Петров. Харків, 1971.

Кузнець 2000 — *Кузнець Т. В.* До історії освіти на Уманщині (XVIII — початок XIX ст.). Київ, 2000.

Лось 2013 — *Лось В.* Уніатська церква на Правобережній Україні наприкінці XVIII — першій половині XIX ст.: організаційна структура та культурно-релігійний аспект. Київ, 2013.

Миллер 1997 — *Миллер А. И.* Россия и русификация Украины в XIX веке // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 145–155.

Михальчук 1914 — *Михальчук К. П.* Из украинского былого // Украинская жизнь. Кн. VII–X. 1914.

Носов 2004 — *Носов Б. В.* Установление российского господства в Речи Посполитой, 1756–1768 гг. М., 2004.

Описание 1863 — Историческое описание Винницы, уездного города Подольской губернии // Прибавление к Подольским епархиальным ведомостям. Каменец-Подольский, 1863. № 8. Часть неофициальная.

Описание 1875 — Историко-статистическое описание г. Бара // Подольские епархиальные ведомости. 1875. № 17. С. 502–512.

Остапчук 2005 — *Остапчук О. А.* Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII — первой половине XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 53–93. (см. также сайт www.empires.ru).

Остапчук 2010 — *Остапчук О.* Мовні шати пропаганди: відозви польських повстанців до мешканців України під час повстань 1830–31, 1848 рр. (тексти та лінгвістичний коментар) // Slavia Orientalis. T. LIX. № 4. S. 511–546.

Отрывок 1867 — Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам, 1839 // Польской вопрос. Собрание разсуждений, записок и замечаний М. П. Погодина. 1831–1867. М., 1867.

Отчет 1898 — Отчет попечителя Виленского учебного округа за 1806 г. // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. 1805–1807. СПб., 1898. Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях.

Очерки 1973 — Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII — первая половина XIX в. М., 1973.

Памятная книга 1859 — Памятная книга Подольской губернии на 1859 год, изданная редакцией Подольских губернских ведомостей. Каменец-Подольск, 1859. (электронный ресурс: http://chigirin.narod.ru/podolia1859_1.pdf, режим доступа — свободный).

Петров 1956 — *Петров С. О.* Книги гражданской печати XVIII в. (Каталог книг, хранящихся в государственной публичной библиотеке Украинской ССР). Киев, 1956.

Плющ 1971 — *Плющ П. П.* Історія української літературної мови. Київ, 1971.

Подолья 1891 — Подолья. Историческое описание. СПб., 1891.

Свербигуз 1999 — *Свербигуз В.* Старосвітське панство. Варшава, 1999.

Сергієнко 1971 — *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. Київ, 1971.

Подольские типографии 1903 — Подольские типографии и издания // Подольские епархиальные ведомости. 1903. № 46. 15 ноября. С. 1379–1387.

Шип 1991 — *Шип Н. А.* Интеллигенция на Украине. Историко-социологический очерк. Київ, 1991.

Щурат 1968 — *Щурат С. В.* Про зв'язки Т. Падури з декабристами // Український історичний журнал. 1968. № 11. С. 80–85.

Beauvois 1991 — *Beauvois D.* Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832. Lublin, 1991. Т. II. Szkoły podstawowe i srednie.

Bieliński 1899–1900 — *Bieliński I.* Uniwersytet Wileński. Т. 3. Kraków, 1899–1900.

Epsztein 2005 — *Epsztein T.* Z piórem i paletą: zainteresowania intelektualne i artystyczne ziemiaństwa polskiego na Ukrainie w II połowie XIX. Warszawa, 2005.

Franko 1892 — *Franko I.* Charakterystyka literatury ruskiej XVI–XVIII w. // Kwartalnik Historyczny. 1892. Т. VI.

Getka 2012 — *Getka J.* Prosta mowa końca XVIII w. Język «Nauk Parafialnych» (Poczajów, 1974). Warszawa, 2012.

Goszczyński 1924 — *Goszczyński S.* Podróż mojego życia: urywki wspomnień i zapiski do pamiętnika. 1801–1842 / Wyd. St. Pigoń. Wilno, 1924.

Helleniusz 1876 — *Helleniusz (E.-A. Iwanowski).* Wspomnienia lat minionych. Т. II. Kraków. 1876.

Jelowski 1970 — *Jelowski A.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1970.

О życiu 1874 — О życiu і пismach Тymka Падуры // Pyśma Tymka Падуры. Wydanie posmertne z awtohrafu. Lwiv, 1874.

Ostapczuk 2001 — *Ostapczuk O.* Naleciałości regionalne w «Dzienniku codziennych wydarzeń w Gimnazjum Podolskim» z pierwszej połowy XIX wieku // Studia nad polszczyzną kresową. Т. X. Warszawa, 2001. S. 277–285.

Пісні 1980 — Пісні Antoniego Szaszkiewicza wraz z jego życiorysem wydał St. Buszczyński. Kraków, 1890.

Prusinowski 1861 — *Prusinowski J.* Grzegorz i Kajetan Widortowie, śpiewacy-teorbaniści na Wołyniu // Tygodnik ilustrowany. 1861. T. II. №87. S. 192–195.

Thaden 1984 — *Thaden E. C.* Russia's Western Borderlands, 1710–1870. Princeton, 1984.

Tretiak 1911 — *Tretiak J.* Bohdan Zaleski. Do upadku powstania listopadowego. 1802–1831. Życie i poezya. Karta z dziejów romantyzmu polskiego. Kraków, 1911.

Velychenko 1992 — *Velychenko S.* National History as Cultural Process. A survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914.

Zasztowt 1997 — *Zasztowt L.* Szkolnictwo na ziemiach litewsko-ruskich (od 1795 roku) // Historia i współczesność języka polskiego na Kresach Wschodnich. Warszawa, 1997. S. 203–298.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОГО КОЛИЧЕСТВА В ДРЕВНЕРУССКОМ И СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

0. Современная аппроксимативно-количественная конструкция вида *человек сто* неоднократно становилась объектом лингвистического описания — в первую очередь, в формально-синтаксическом аспекте, но также и в семантическом; см., в частности, [Супрун 1962; Мельчук 1985; Толстопятова 1986; Billings, Yadroff 1999; Matushansky 2013]; см. также [Plank 2004], где, однако, русский материал обсуждается очень кратко.

В историческом же аспекте данная конструкция описана заметно лаконичнее, см. [Bogusławski 1966] (о способах выражения аппроксимативности в языке XVII–XVIII вв); [Жолобов 2006] (краткий обзор эволюции этих способов в древнерусском и старорусском¹).

Между тем данный сюжет, безусловно, заслуживает более подробного обсуждения, а возникший относительно недавно исторический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — Корпус) значительно упрощает задачу сбора соответствующего материала.

Именно на данных исторического подкорпуса в первую очередь и основаны наблюдения, изложенные ниже.

1.0. Анализ древнерусских памятников XI–XIV вв. дает следующую картину.

Конструкции, тем или иным способом указывающие на приближительное количество, весьма редки в течение всего данного периода: в Корпусе обнаруживается около 40 таких употреблений (при том, что список памятников, доступных для поиска, весьма обширен, и в него входят тексты разных типов: это корпус берестяных грамот (далее бер. гр.); летописи — Повесть временных лет (далее ПВЛ), Галицкая (далее ГЛ), Волынская (далее ВЛ), Киевская (далее КЛ), Суздальская, I Новгородская по Синодальному списку (далее НПЛ); Вопросание

¹ К числу таких способов, кажется, нужно добавить сочетание предложения *до* с числительным, см. раздел 1.2.

Кириково (далее ВК); Изборник 1076 г., сочинения Кирилла Туровского, Житие Андрея Юродивого (далее ЖАЮ), Пчела, История Иудейской войны И. Флавия (далее Ист. Иуд. в.) и некоторые другие.

1.1. Одной из наиболее распространенных разновидностей аппроксимативно-количественной конструкции является для указанного периода сочетание числительного в форме ВИН с предлогом *съ* и существительного. Эти контексты составляют примерно половину всех зафиксированных случаев; существительное в составе таких сочетаний может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к числительному.

Приведем несколько примеров на препозицию существительного, т. е. с инверсированным порядком слов, который позднее закрепляется в русском языке в качестве единственно возможного для передачи данного значения:

(1) и брани бывши побѣди а токмо египтанѣ оутече съ ·н· (Ист. Иуд. в., 400 г.) — «И когда случилось сражение, он победил их; одних только египтян бежало около пятидесяти».

(2) си же оутанвишеса ѿ рати и ꙗхаша на село члвкъ съ тритьчать (ВЛ, л. 294об., 1282 г.) — «А эти, спрятавшись от ратных, поехали в село [в количестве] человек тридцати».

(3) но волю емоу дагахуѣтъ · гдѣ хочеть · тоу ꙗздашеть · и ястребомъ ловашеть · а свои слоуѣтъ съ ·ѣ· и съ ·ѣ· с ѿмь ꙗздашеть (КЛ, л. 226об., 1185 г.) — «Но волю ему давали: где хочет, там ездил и с ястребом охотился, и своих собственных слуг человек пять или шесть ездило с ним».

Рассмотрим чуть подробнее следующий пример:

(4) <...> воложи олова со цетыри безмене полотенеца со дова черелененаа (бер. гр. 439, 1200–1220 гг.) — «Возьми с собой олова примерно четыре безмена [и] примерно два красных полотенца (по-видимому, листы красной меди)» (пер. А. А. Зализняка; см. [ДНД 2004: 436]). В [Словарь XI–XVII 16: 246] этот пример дан в статье «полотенец»; значение существительного определяется здесь как ‘кусок, штука... ткани тонкой выработки’ — таким образом, интерпретация автора статьи расходится с переводом А. А. Зализняка (основанным на гипотезе, предложенной В. Л. Яниным, см. [ДНД 2004: 436]). Важно отметить, однако, что обе версии предполагают, что полотенец обозначает здесь не просто физический объект, а некоторую меру, единицу измерения, и это кажется оправданным не только потому, что современное значение слова полотенец фиксируется не ранее XVI в. (см. [Словарь XI–XVII 16: 246]), но еще и потому, что в древнерусском подкорпусе не встречается иных примеров, где числительное дѣва, указывающее на малое количество, сочеталось бы в составе аппроксимативно-количественной конструкции с названием физических объектов — не единиц измерения.

Аналогичным образом, в современном русском возможно *километра два, часа два, килограмма два, литра два; мешка два* — но невозможно или затруднено *ножа два, стула два, яблока два, человека два*. И.А. Мельчук называет единицы измерения «типичными счетными словами» [Мельчук 1985: 154] и также отмечает, что в некоторых пограничных в отношении нормы случаях именно и только они остаются допустимыми в конструкциях со значением приближительности².

Отметим, что сама по себе инверсия числительного и существительного в древнерусском этого периода не способна передавать идею приближительного количества, значение аппроксимативности передается именно конструкцией **съ + ВИН**; см. [Словарь XI–XVII 23: 8; Срезневский 1912 III: 638]. Ср. инверсированный порядок слов в контекстах с указанием на точное количество объектов: **но приставиша к нему сторожовъ · ѿ · ѿ сновъ своихъ · а господичичевъ платъ · то тѣхъ всихъ · ꙗ ·** (КЛ, л. 226об, 1185 г.) — «Но приставили к нему пятнадцать сторожей из числа своих сыновей, и пять господских сыновей — итого всех двадцать»; и **оуби вепревъ шесть · а самъ же оуби иꙗ рогатиною · ꙗ · а три · ѿтрочиꙗ его ·** (ГЛ, л. 277об, 1255 г.) — «И убил шесть вепрей: сам убил рогатиной трех, а трех его отроки»; **башеть во оу болеслава сыновѣць · ѿ · сомовитовича · ꙗ · кондратъ же болеславъ а казимиричи трне · лестько земомысль володиславъ** (ВЛ, л. 292об, 1280 г.) — «Было у Болеслава пять племянников: двое Сомовитовичей <...> и трое Казимиричей <...>».

Рассмотрим несколько примеров на постпозицию существительного:

(5) **<...> а водае и бога дьла съ · ѿ · гривъ(нъ)** (бер. гр. 296, 1180–1200 гг.) — «Дай, хотя бы и Бога ради (т. е. хотя бы как милостыню) гривен пять» (пер. А. А. Зализняка; см. [ДНД 2004: 433]).

(6) **<...> а со берковеско соли послн сѣмо <...>** (бер. гр. 624, 1160–1180 гг.) — «Да с берковец соли пошли сюда» (пер. А. А. Зализняка; см. [ДНД 2004: 302]; *берковец* — меру веса, равную 10 пудам — здесь можно условно принять за числительное, потому что оно является «типично счетным словом»).

(7) **на соли резана · на рыбахъ резана · на копоу съ · д · векше** (бер. гр. 882, 1140–1160 гг.) — «За соль резана, за рыб резана, на выплату <...> примерно четыре векши» (пер. А. А. Зализняка; см. [ДНД 2004: 370]).

(8) **поѣха ис города · доѣха до прощенника въ днь недѣлын · обечерившиса за прощенникомъ съ едину версту на рѣцѣ · на чересѣ · стаща** (НПЛ, л. 169, 1352 г.) — «Поехал он [архиепископ Василий] из

² Правда, случай, обсуждаемый И. Мельчуком, иной: это затруднительность формы ТВОР в конструкциях вида *Он работал группами с двадцатью при допустимости рублями с пятьюдесятью*.

города, доехал до Прощеника в воскресный день, и, будучи застигнуты темнотой примерно в версте за Прощеником, они встали на реке Чересе».

Является ли выбор позиции существительного свободным в подобных сочетаниях? Видимо, не всегда. И. Мельчук констатирует для современного русского запрет на аппроксимативно-количественную конструкцию (с обязательной инверсией числительного и существительного) для числительного *один*: нельзя сказать, например: **Привезли тонну одну*. Правда, автор отмечает, что «неправильность носит чисто синтаксический характер, поскольку по смыслу эти выражения вполне нормальны» [Мельчук 1985: 148].

Вполне возможно, что и в древнерусском существовал запрет на инверсию для сочетаний с *одинъ/единъ*, т. е. не исключено, что конструкции типа *верстоу съ единоу* и, может быть, даже *солн съ берьковецъ* были невозможны или нежелательны; в этом случае единственным примером, где мы можем ожидать свободной вариативности, остается *съ ·ѣ· гривъ(нъ) / гривень съ ·ѣ·*.

Нужно отметить, что степень приблизительности, выражаемая данными сочетаниями, может быть немного разной для различных случаев, а иногда речь, видимо, может идти о почти точных указаниях на количество; ср., с одной стороны, контексты (1)–(8), где имеется в виду приблизительная оценка количества объектов и расстояния, и, с другой стороны, контексты (9) и особенно (10):

(9) *а молозива рече лихѡ негодно бы части кѡ тако съ кровью ксть да быша со три дни телати давали а потомъ чѣток сами гали* (ВК, Рогож. № 342³, л. 38а) — «А молозива, — сказал он, — ни в коем случае нельзя есть, потому что оно с кровью. Надо, чтобы дня три (три дня?) давали [его] теленку, а потом чистое ели сами».

(10) *азѣ ли первѣхъ заповѣдати кмоу с лѣто или съ ·ѣ· или съ ·г· еже штинюу⁴ не вѣсти мѣсъ ему ни медоу пити на великъ днь* (ВК, Увар. № 791⁴, л. 35а–35б) — «Можно ли, во-первых, установить ему запрет (примерно?) на год, или на два, или на три, чтобы он никогда не ел мяса и не пил меда на Пасху?». В последнем случае степень точности максимальна, так как понятно, что епитимья налагается на строго определенный срок.

Итак, в большинстве случаев количественная аппроксимативность в древнерусском передается при помощи сочетания существительного и числительного в форме ВИН с предлогом *съ*; при этом существительное может занимать пре- или постпозицию к этой предложно-падежной конструкции.

³ Список XVI в.

⁴ Список XV в.; цит. по [Мильков, Симонов 2011: 394].

Обратим попутно внимание на то, что, как и в современном русском, собственно числительное может и не участвовать в выражении данного значения — если количественная семантика передается существительным, ср. *БЕРЕКОВЕСКО* в (6), *ЛѢТО* в (10), а также:

(11) *и вѣстася по слѣдоу его знаменне въ вѣбразѣ змыа великаго и стоа по небоу съ ча^ѣ дневныи и разидеса* (КЛ, л. 116об., 1144 г.) — «И остался по следу его знак в образе большого змея, и держался на небе около часа дневного, и исчез».

(12) *аще по ноуѣи тако нѣкого нарядити слоужити за сѧ да не слоужитъ с не^алю · и паки начнетъ слоужити* (ВК, Увар. № 791, л. 166⁵) — «Если будет безвыходная ситуация, когда некого назначить служить вместо себя, то пусть не служит примерно неделю, а потом пусть снова приступит к службе».

(13) <...> (о)[въ]са съ возъ и вези же в село (бер. гр. 793, 1160–1180 гг.) — «<...> Овса примерно воз и вези [его] в село».

1.2. Еще один частотный способ выражения аппроксимативности, составляющий около трети всех случаев, — сочетание с предлогом *до*:

(14) *ци ти многи повон а присли и до ѣти повон* (бер. гр. 717, 1160–180 гг.) — «... Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти» (пер. А. А. Зализняка; см. [ДНД 2004: 396]).

(15) *горожани же рекоша шедше печенѣгомъ · поимете к собѣ тали наша · а васъ до ·і· мѹжь · идете в гра^адъ* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 48, 997 г.) — «Горожане же, пойдя, сказали печенегам: “Возьмите себе заложников наших. А вас примерно десять человек, идите в город”».

(16) *и оузри кго прѣдъ амвономъ кланяющася и на възду^{сѣ} висаща ѿ зѣмля до четырь лакотъ* (ЖАЮ, строка 1881⁶) — «И увидел, что он кланяется перед амвоном и висит в воздухе на расстоянии примерно четырех локтей от земли».

Отметим, что как в (14)–(16), так и в прочих подобных случаях конструкции с *до*, сопровождающейся инверсией числительного и существительного, в историческом подкорпусе НКРЯ не зафиксировано.

Значение этой конструкции можно истолковать как *до* + *X* (РОД) ‘X или немного меньше X’ (см. [Словарь XI–XIV II: 474]; [Словарь XI–XVII 4: 253]; [Срезневский 1893 I: 670]).

В современном русском существует конструкция вида *до* + *ЧИСЛ*, однако ее значение отличается от (14)–(16), ср.: *При ведении боевых действий в Афганистане и Чечне до 70 процентов войск приходилось задействовать для охраны коммуникаций* («Отечественные записки»,

⁵ Цит. по [Милюков, Симонов 2011: 358].

⁶ Цит. по [ЖАЮ 2000: 249], где издание дается по списку Тип. 182.

2003); В 1998 г. японская полиция раскрыла сеть «подпольных банков», посылающих с нарушением закона до 176 млрд. иен («Вопросы статистики», 2004).

Здесь значение *до + X (РОД)* можно сформулировать следующим образом: ‘Существует несколько ситуаций или объектов, обладающих некоторым количественным показателем, значение которого различно для этих ситуаций или объектов; максимальное значение этого показателя — X’. Отметим, что в древнерусском материале также возможны подобные контексты: *ѡбни бо поповѣ ѡдиною женою ѡженивсѧ слѹжати · а друзѣи до семи женѣ · помѡюще слѹжати* (ПВЛ по Ипат. сп., л. 43об, 988 г.), а также, вероятно, и *и коли бываеѣтъ рати с мора и тѹ держат корабли и катарги до тремьсотѣ* (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1349 гг.). Указанные контексты, строго говоря, не относятся к числу аппроксимативных, так как указывают не на приблизительность, а на верхнюю границу диапазона⁷.

1.3. Значение аппроксимативности могло передаваться в древнерусском и сочетанием предлога *о* с числительным в форме МЕСТН (два случая в историческом подкорпусе⁸, оба — с инверсией):

(17) *и паде головѣ о стѣ кѣметѣства* (НПЛ, л. 48, 1187 г.) — «И погубило человек сто из войска»⁹.

1.4. Единжды в древнерусской части исторического подкорпуса зафиксирован контекст, где аппроксимативная семантика выражается лексемой *любо*:

(18) *и оуслышавѣше новгородѣци любо въ ·ѿ· съ водью идоша по нихѣ* (НПЛ, 26об., 1149 г.) — «И услышав [о том, что емь пришла на воду], новгородцы числом примерно пятьсот с водью пошли за ними».

[Словарь XI–XVII 8: 328] дает для *любо* значение ‘может быть, вдруг’, однако здесь уместнее толковать его как ‘примерно’, ‘около’.

1.5. Всего в одном случае в древнерусском подкорпусе встретилось также сочетание предлога *около* с числительным и препозицией существительного:

(19) *видѣхомъ же и заградоу великоу сапфирнаго каменна и имоущу степенѣи ·рѣ· и врѣхоу цркви кругла имоущи стлѣпѣ сапфирныѧ ѡколо ·рѣ·* (Александрия, 098) — «Мы видели и большую ограду из сапфиров, имеющую сто пятьдесят ступеней, а сверху круглая церковь, имеющая столбов сапфирных около ста».

⁷ В современном русском встречаются употребления, аналогичные (14)–(16), но они, как кажется, являются не вполне нормативными; ср.: ²*До 300 видов насчитывает обширный род аконит* («Первое сентября», 2003).

⁸ В словарях древнерусского языка и в [Жолобов 2006] примеров, отличных от этих двух, не содержится.

⁹ См. также контекст (22).

¹⁰ В [Жолобов 2006: 212] приводится еще два подобных контекста, оба из ПВЛ: и придо҃ста на вѣлоозеро и вѣ оу нѣе людинѣ нѣ ·ѣ· (Лавр. лет., л. 50, 1071), при этом в Радзивиловском и Академическом списках читается люден инѣхъ; и вѣхохѣмъ сквозѣ полкы половычѣ · нѣ въ ·р̣· дружинѣ и с дѣтми и с женами (Лавр.лет., л. 82, 1096).

С другой стороны, как указывается в той же словарной статье, элемент **нѣ** может иметь и другое происхождение: в местоименных сложениях типа **нѣчьто** «природа долготы *ѣ [...] иная — продление, по всей видимости, аффективное, и тем самым вторичное», при этом «*не-* в связанном виде не ведет себя практически как отрицание, оно ближе к употреблению в качестве сравнения» [Там же].

В интересующих нас случаях **нѣ** употребляется в качестве самостоятельной лексемы, что заставляет склоняться скорее в пользу первой из двух этимологий, несмотря на то, что семантика сравнения сама по себе не чужда семантике приблизительности. Постараемся, однако, показать, что и семантика отрицания не вступает в конфликт с идеей аппроксимативности¹¹.

Что дословно могли выражать сочетания типа **Х нѣ съ Y**, **Х нѣ ов Y-е** и **Х нѣ въ Y-е**? Исходя из гипотезы, что эти конструкции содержали встроенное отрицание, им, как кажется, следует дать следующее толкование: 'Количество объектов X примерно равно Y-у, но немного не достигает Y-а'. Никакого другого способа интерпретировать отрицание, видимо, нет: указывать, что количество X существенно не совпадает с Y-ом, прагматически бессмысленно, потому что это не дает никакого представления о численности X-ов; для указания же на небольшое превосходство численности X-ов используются, как правило, лексемы со значением 'более', ср.: **живоуѣтѣ болѣ ста лѣтъ простоты дѣла пища** (Ист. Иуд. в., 385 г.).

Для подкрепления выдвинутого предположения сопоставим рассматриваемые случаи с аналогичными конструкциями в латыни. Здесь количественное-аппроксимативное значение передается сочетанием предлога *ad* ('к'), *cirticer* ('около') и некоторых других с числительным: *Oppida sua omnia, numero ad duodecim, vicos ad quadringentos [...] incendunt* (Caes., b. G. 1 5, 2) — «Все свои города, числом около 12, деревни, около 400 [...], они поджигают».

Отметим, что распространенный вариант этой конструкции, так же, как и в русском, включает инверсию существительного по отношению к числительному: *Omnam suam familiam, ad hominem milia decem, undique coegit* (Caes. b. G. 1 4, 2) — «Всю свою челядь, около 10 тысяч человек (дословно: "до человек десяти тысяч"), отовсюду он собрал».

Существительное и числительное, правда, ставятся при этом справа от предлога; такой порядок в древнерусском корпусе не зафиксирован, но в современном русском он не невозможен, ср. примеры, приводимые И. Мельчуком: а) *Через дней пять-шесть* (М. Булгаков); б) *В шагах пяти он замер* (К. Федин).

¹¹ Впрочем, «*не-* отрицание и *не-* сравнение целесообразно не отрывать этимологически друг от друга» [ЭССЯ 24: 93].

Легко видеть при этом, что *cirticer* идеально соответствует предлогу *o*, а предлог *ad*, указывая на приближение к некоторой количественной границе, но в то же время на недостижение ее, хорошо соотносится именно с сочетаниями **нѣ съ / о / въ** + числительное в предполагаемом значении.

Аналогичные конструкции существуют и в греческом. Во-первых, это сочетание числительного с превосходной степенью наречия *μάλιστα* ('самое большее'): *ἄνδρῶν μάλιστα τρισμυρίων* — «человек самое большее тридцать тысяч».

Интересно при этом, что, например, выражение *πεντήκοντα μάλιστα* («самое большее пятьдесят») у Фукидида означает 'сорок девять', т. е. здесь мы имеем дело с той же стратегией обозначения небольшого недостижения некоторой числовой отметки. Во-вторых, это сочетание предлога *εἰς* ('до') с числительным в форме ВИН: *εἰς ἑκατόν* — «до ста, около ста», близкое латинской конструкции с *ad*. Отметим, что и в греческом существительное выносится в препозицию¹².

Вернемся к древнерусскому. Крайняя немногочисленность варианта с **нѣ** заставляет предположить, что акцент на недостижении какого-либо количественного значения не был существен для рассматриваемых конструкций — востребованной, видимо, оказывалась сама по себе идея близости к какой-то числовой отметке. Заметим, в частности, что, если для примеров из берестяных грамот и ВК, где аппроксимативно-количественная конструкция употребляется или в контекстах императива (бер. гр.) или в контекстах, передающих модальность долженствования (ВК), отсутствие **нѣ** можно объяснить исходя из его внутренней формы (смысл «не есть» семантически связан с индикативом), то в примерах, подобных (2) и (3) (из ВЛ и КЛ соответственно), никаких семантических препятствий к употреблению **нѣ**, вообще говоря, не существует. Например, теоретически можно было бы ожидать: **и ѿхаша на село члѣкъ нѣ съ тритъчать**.

1.8. Кроме перечисленных, в древнерусской письменности существовал еще один способ передачи идеи аппроксимативности — использование лексемы **ѿако**, воспроизводящее традицию старославянских переводов; см. [Жолобов 2006: 212]; такие контексты также весьма немногочисленны в древнерусском подкорпусе, ср., например:

(24) **кнѧзь бо переѧславьскыи · володимѣръ глѣбовичь · в то время бѧшетъ малъ · ѿако · вѣ · лѣѣ** (КЛ, л. 198об, 1172 г.) — «Ибо переяславский князь Владимир Глебович в то время был мал — около двенадцати лет».

¹² Нужно заметить, что в цитировавшейся работе [Мельчук 1985] инверсия определяется как специфический восточнославянский прием; между тем, как минимум данные латыни и греческого доказывают, что инверсия выходит за пределы не только восточнославянского, но и вообще славянского мира.

2.0. Рассмотрим данные старорусского подкорпуса.

В его базу входят тексты XIV–XVIII вв. разных жанров, в частности, «Сказание о Мамаевом побоище» XV в., «Великие минеи четыи» митрополита Макария XVI в., поздние летописи (Новг. Карамзинская летопись XV в., псковские летописи XV в., Вологодско-Пермская XVI в.; Пискаревский летописец), послания Ивана Грозного и А. Курбского, деловые тексты (договорные, жалованные, указные и другие грамоты), сочинения И. Посошкова и др.

Важно отметить, что способы выражения идеи приблизительности становятся разнообразнее.

2.1. Для малых чисел наиболее употребительными являются синтагмы, содержащие инверсию числительного и существительного, в которых количество задается сочетанием названий двух идущих подряд чисел, соединенных союзом *или*; ср. из памятников XVI в.:

(25) *Чтобы еси послал в Асторохань с Васильем с Вышеславцовым своих добрых людей человека два или три, кому веришь* (Посольская книга по связям Московского государства с Ногайской Ордой. Книга 5-я. 1557–1561 гг.

(26) *Взяв с собою патриарших дворцовых сел попов, и старост, и целовальников, и крестьян добрых человека три или четыре, <...> отмежеввал Василью да Ивану Федоровым детям Соболева, к Васильеву старому поместью* (Запись грамоты п. Иова во Владимир к В. Патрикееву, 1598 г.).

Интересно, что в корпусе встречается ровно три типа подобных сочетаний: *два или три, три или четыре, пять или шесть*.

2.2. Наряду с конструкцией вида *человека два или три* в старорусском подкорпусе находятся и конструкции с бессоюзным соединением вида *человека два-три* (всегда с инверсией), правда, всего в двух случаях — в Посольской книге Московского государства по связям с Золотой Ордой XVI в и в сочинениях И. Посошкова:

(27) *И мы, государь, с ними билися, ис пищалии стреляли, человек пять-шесть ранили* (Посольская книга по связям Московского государства с Золотой Ордой, кн. 5, 1557–1561 гг.).

(28) *И ты, чадо, греха сего <...> не наводи на себя, и безумства такова не чини, чтобы тебе, накопя поклонщиков многое число, да вытти к ним; но аще человек пять-шесть сойдется, то немедля и выдь, да поклонясь с ними, рцы: «Мир вам»* (И. Т. Посошков, 1718–1725 гг.).

(29) *Такожде и своих собери человек сто-другое, и подьячих десятка два-три набери* (И. Т. Посошков, 1718–1725 гг.).

Для последнего контекста отметим, что выражения *сто-другое* и *десятка два-три* можно условно отнести к той же группе малых чисел («одна-две сотни», «два-три десятка»).

2.3. В старорусском по-прежнему возможно использование предложно-падежных конструкций, причем набор предлогов отчасти меняется; зафиксированы сочетания: *съ* + ВИН (наиболее употребительное, как и в древнерусском), *въ* + ВИН, *близъ* + РОД; в абсолютном большинстве случаев здесь имеется инверсия числительного и существительного.

(30) *Старець Іосифъ сказалъ: постриженъ де онъ <...> у Николы чудотворца въ скитѣ, отъ Кіева верстъ съ двѣстѣ; а постригалъ де его черной поць Ісаія въ меншой образъ, <...> а какъ де онъ постригся, тому года съ два* (Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, 1623–1624 гг.).

(31) *И онъ де Степашко съ нимъ Ивашкомъ жили у сестры его Степашиковой родной <...>; недѣль въ двадцать* (Челобитная архимандрита Антония о побеге монастырского стряпчего Степана Лапезовского, 1694–1695 гг.).

(32) *Закона у нихъ никакова нетъ, а уже летъ близъ дватцати есть, какъ учинились подъ рукою великаго Государя нашего* (И.Т. Посошков, 1718–1725 гг.).

2.4. В соответствии с древнерусскими конструкциями, описанными в разделе 1.8, находим в старорусском подкорпусе конструкцию с *аки*, причем здесь возможен как прямой, так и инверсированный порядок расположения числительного и существительного; отметим также комбинацию *аки* с конструкцией *до* + числительное в форме РОД:

(33) *Ихъ же бѣше конныхъ тысящъ аки пятънадесять, такожде и пешихъ множество ишедшихъ въ стреление* (А. Лызлов, 1692 г.).

(34) *Мы же, преплываясь чрезъ великую Оку-рѣку со многими потчаниемъ того дня, зѣло скоро устремившися и преѣхавши аки тринадесять миль* (Андрей Курбский, 1564–1583 гг.).

(35) *И егда ихъ бысть числомъ яко сто, и нарекоша его надъ собою старейшину разбойникомъ; и егда бысть ихъ числомъ яко и до тысящи, тогда уже княземъ его зваху* («Повесть о Темир Аксаке», 1402–1418 гг.).

(36) *Събравшимъ же ся мнихомъ не зѣло множайшимъ, но яко численемъ до двою надесяте* (Епифаний Премудрый, 1417–1418 гг.).

2.5. Первые употребления современной количественно-аппроксимативной конструкции, в которой для выражения соответствующей идеи достаточно лишь инверсии числительного и существительного, без лексической подкрепленности предлогами или союзом *аки* и вне кратной синтаксической конструкции, по данным старорусского подкорпуса, относятся ко второй половине XVI — XVII в.; приведем все три зафиксированных контекста:

(37) *А записывати у нихъ дьякомъ земскимъ, выбравъ изъ земскихъ людей изъ полочанъ человека два* (Записная книга Полоцкого похода, 1562–1563 гг.).

(38) *Корм давали Ивану в Азове и до походу, а как из Азова пошел, и Айдар его послал проводить человек сорок до государевых царя и великого князя атоманов* (Статейный список И. П. Новосильцева, 1570 г.).

(39) *И ныне нам великим государем учинилось ведомо, что в Темникове в приказной избе сидят в подъячих старинные тяжлые посацкие люди и поповы дети и внучата человек десять и большии* (Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей стольнику и воеводе Я. Г. Козловскому в Темников о разборе подъячих приказной избы, 1689 г.).

Сюда же относится и более поздний пример, содержащий предлог *по* в распределительном значении (не выражающий идею аппроксимативности):

(40) *Естьли они пули по три выпустят, то всех побьют* (И. Т. Посошков, 1718–1725 гг.).

Литература

- ДНД 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е издание. М., 2004.
- ЖАЮ 2000 — Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Жолобов 2006 — Жолобов О. Ф. Числительные. Историческая грамматика русского языка. Т. 4. М., 2006.
- Мельчук 1985 — Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 16. Vienna: Institut für Slawistik der Universität. Wien, 1985.
- Милюков, Симонов 2011 — Милюков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011.
- Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
- Словарь XI–XIV — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. II. М., 1989; Т. V. М., 2002.
- Словарь XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977; Вып. 8. М., 1981; Вып. 16. М., 1990; Вып. 23. М., 1996.
- Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893; Т. III. СПб., 1912.
- Супрун 1962 — Супрун А. Е. Обозначение неточных (приблизительных) количеств при помощи определенно-количественных числительных // Вопросы лексики и грамматики русского языка: ученые записки филологического факультета Киргизского университета. Фрунзе, 1962. Вып. 8.
- Толстомятова 1986 — Толстомятова М. Ф. Семантика и прагматика аппроксимативных конструкций с числительным в русском языке // Zeitschrift für Slawistik. 1986. № 3.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 24. М., 1997.
- Billings, Yadroff 1999 — Billings L. A. and M. Yadroff. Prosodic correspondence in syntax: Russian approximative inversion // Phrasal Phonology/ R. Kager and W. Zonneveld, eds. Nijmegen, 1999. P. 46–71.

- Bogusławski 1966 — *Bogusławski A.* Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia v języku rosyjskim. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966.
- Matushansky 2013 — *Matushansky O.* On Russian Approximative inversion // FDSL 10. Leipzig, 2013.
- Plank 2004 — *Plank F.* Inevitable reanalysis: From local adpositions to approximative numerals, in German and wherever // *Studies in Language* 28. 2004. P. 165–201.

IV.

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАРПАТСКОГО РЕГИОНА: ГЕНЕЗИС ОСОБЕННОСТЕЙ (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

За более чем полувековой период изучения карпатского региона лингвисты и этнологи убедились в том, что здесь происходили сложные, неоднозначные и нелинейные процессы. Литература по карпатскому языкознанию, включая лексикографию, лингвистическое картографирование, этимологию, этнолингвистику, внушительна (см. хотя бы библиографию, собранную И. Е. Можаяевой [Можаяева 1972, 1973, 1978, 1989], и обзор истории карпато-южнославянских исследований В. В. Нимчука [Нимчук 1988]).

Интерес к Карпатам не удивителен, регион принадлежит к одной из архаических зон расселения славян. Славянские племена, говорившие на разных диалектах праславянского, появились здесь не ранее III в. н. э. [Иллич-Свитыч 1960: 222]. «Приблизительно к IV в. славяне уже занимали обширный ареал от бассейна Одера на западе до бассейна центрального Днепра на востоке» [Бирнбаум 1986: 21]. Для этого раннего периода предполагают наличие языковых и культурных диалектов, в том числе диалектов мифологической системы, имевших в своей основе ряд общих мифонимов, составлявших наиболее древний пласт этой группы лексики.

За время пребывания на Карпатах не могли не произойти лингвокультурные изменения [Иллич-Свитыч 1960; Клепикова 1990; 1988; 1988а]. Часть карпатских инноваций вместе с миграционными потоками населения в VI–VII вв. была перенесена разными путями на Балканы. Так же очевидно, что из области северных Карпат примерно в

*Марина Михайловна Валенцова,
Институт славяноведения РАН (Москва)*

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ по проекту № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С. М. Толстая).

то же время славянские племена двигались и в других направлениях¹, в том числе на запад и северо-запад, на территорию современной Моравии, Чехии и Лужицы; древнелужицкие племена, переселившиеся с юга, должны были войти в область между Эльбой и Заале не позднее чем около 600 г. [Шустер-Шевц 1983: 41].

На внутренней территории, опоясанной Карпатскими горами, начиная с V в. славяне пришли в соприкосновение с германскими, романскими, фракийскими, иллирийскими, затем тюркоязычными (авары) племенами, а с конца IX в. с мадьярами. Позже, в XIV–XVI вв., заметными для славянской культуры и языка данного региона были валашская колонизация и с середины XVI в. — миграционные потоки балканского населения, бежавшего от турецких завоевателей. Эти иноязычные и иноэтнические элементы разного уровня и разного времени сформировали специфическую культуру Карпатского региона, отразились они, в том числе, и в мифологической лексике проживавших здесь славянских народов.

Этимологически в славяно-карпатской мифологической лексике выделяется славянская лексика (*мара, ночница, баба яга, упырь, знахарь* и др.) и заимствованная, прежде всего из венгерского языка, в связи с его многовековым статусом государственного языка в тех политических образованиях, в которые входили славянские народы, а также из румынского и немецкого. Заимствованные слова имеют практически тождественное значение в разных карпатских идиомах, поддаются инвентаризации (см. словари унгаризмов и румынизмов в славянских языках: [Hadravics 1967–1984; Tamás 1966; Лизанец 1976; Décsy 1959; Rocchi 1999–2010; Dobrițoiu-Alexandru 2013] и др.)² и составляют яркую специфику региона на общеславянском фоне.

Карпатскую специфику имеют и некоторые славянские лексемы — либо общеславянские слова, изменившие исконную семантику (*волколак, упырь, богиня, (земной) бог, чернокнужник*), либо новые, образованные на Карпатах для обозначения собственных мифологических понятий (*двоедушник, градовник, хмарник* и др.). И те, и другие варьируют в разных традициях, сохраняя, тем не менее, общие для Карпат семантические тенденции. Смена значений и появление новой лексики, в свою очередь, обусловлена новыми мифологичес-

¹ «Yet they soon and rapidly expanded to the south, the west and the north-east, covering a vast territory extending from Greece in the south to northern Russia and central Germany» (Однако они (славяне. — М.В.) вскоре и очень быстро распространились на юг, на запад и северо-восток, покрыв обширную территорию, простирающуюся от Греции на юге до северной России и центральной Германии) [Birnbaum 1998: 128].

² О германских заимствованиях в чешском и словацком языках с этимологическим анализом лексики см. [Newerklá 2004].

кими сюжетами и мотивами, которые также могут быть как трансформированными под влиянием новых географических условий славянскими представлениями (мотив непреднамеренности глаза; мотив выворачивания (видимости) внутренностей у мифологического персонажа (далее — МП) и др.), так и заимствованными (мотив двоедушия; мотив изменения роста МП и др.). Некоторые карпатские мотивы встречаются и на Балканах в более развитой, яркой или гиперболизированной форме. Вектор распространения лексики и поверий в карпато-балканском ареале требует специального изучения каждого отдельного случая.

Например, комплекс представлений о волколаке — о.-слав. **vlko(d)lak* ‘человек-волк, оборотень’ — принадлежит северноевропейскому региону (славяне, балты, германцы, отчасти кельты)³, мифоним распространен только у славян и балтов — во всей видимости, это славянское словосложение⁴, заимствованное в литовский [Fraenkel 1962–1965: 1253, Дукова 2015: 89], либо общее балто-славянское слово. В севернославянских, включая карпатские, традициях (польской, белорусской, украинской, также в словацкой, чешской и сербо-лужицкой) этот МП имеет значение ‘колдун, способный превращаться на время в волка’, ‘человек, насильно превращенный колдуном в волка’, ‘человек, вынужденный по своей природе оборачиваться на время в волка’.

В карпатских традициях с этим персонажем связываются также астрономические мотивы: превращение человека в волколака во время летнего и зимнего солнцеворота [ELKS 2: 309], в полнолуние (у словаков на Ораве — соб. зап., 2009), во время смены месяца (ср. гуцул. *місячник* (*місьишник*) ‘волколак’ в поверье, согласно которому некоторые люди способны превращаться в волка в тот час, когда пропадает старый месяц и появляется новый — [Хобзей 2002: 72–73]). У румын *vîrcolac* (аромун. *vurcolác*, *vurcoláci* ‘вампир, призрак’ — [Иванов 2007: 75]) — демон, поднимающийся в небо и пожирающий луну и солнце, виновник затмений. Румынский образ *вырколака* вообще демонстрирует большую вариативность: он выступает в виде змеи, ящерицы, червя, кошки, собаки, небесного зверя [Кабакова 1989: 135, 136].

Мотив поедания луны и солнца чрезвычайно древний. Согласно электронному каталогу мифологических мотивов Ю. Е. Березкина,

³ Понятие ликантропии в греческой и романской традициях отличаются от северноевропейского комплекса представлений.

⁴ В греч. *βουκόλακας*, *βρουκόλακας* и под. ‘вампир’, румын. *vîrcolác*, *vărcolác*, *virgolác* ‘волк-оборотень, в которого превращается умерший некрещенным ребенок’, албан. *vurkollák*, *vurvollák*, диал. *vrkollak*, аромун. *vurculák*, *vîrcólac*, *vurcólac*, тур. *vurkolak* — признаются заимствованиями из славянских языков, в том числе через греческий [Дукова 2015: 92].

мотив А.12. «Затмения: нападение чудовища» известен индоевропейским, финно-угорским, тюркским и другим народам мира. Но у германских, романских и славянских народов виновником затмения является именно «волколак» — нем. *solulf*, *wehrf-wolf* (*sonnen-wolf*), швед. *solvarg*, фр. *loup-garou*, румын. *вырколак* (т. е. *vircolác*. — М. В.), слав. (ю.-слав., ст.-слав.) *врколак* [Березкин, Дувакин].

На Балканах у *волколака* утвердилась новая семантика — ‘вампир’ (через смешение персонажей *упырь* и *волколак* — видимо, под тюркским влиянием), хотя местами сохранилось и старое значение: словен. *volkodlak* ‘волк-оборотень (человек, на которого наложено проклятие быть волком до тех пор, пока его не освободят)’ [Pleteršnik II: 785], босн. *vukodlak*, словен. *volkodlak* ‘волк-оборотень’ [Плотникова 2016: 199–200]⁵, а также, по данным Л. Раденковича, в верованиях и преданиях из Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины. Интересно, что в поверье из Требиня способ, каким женщина обернулась волком, аналогичен подобным превращениям в Полесье: «положила веревки в круг, сняла с себя одежду и бросила внутрь круга, потом трижды перекувырнулась через голову. Таким же образом позже обратно превратилась в женщину» [Раденковић 2009: 280].

Изменение славянских верований и их терминологии на Карпатах, связанное, в том числе, с иноэтническими влияниями, подробнее проследим на примере одного из наиболее характерных карпатских персонажей — облакопрогонника.

Собственно, метеорологическая магия (вызывание дождя, защита от града, бури и т.п.) является органичной частью общеславянских представлений о природе. «Градоотгонная» магия распространена в очень сходных формах практически во всех славянских традициях: это превентивные (соблюдение запретов или совершение ритуальных действий в определенные календарные праздники), пассивные (выбрасывание во двор во время града печной утвари, острых орудий, зажигание освященной или покойницкой свечи и т. п.) и активные (закливание, махание на тучу ритуальными или освященными предметами, крик, шум, стрельба) способы защиты от градоносных туч [Толстой 1995: 536–537]⁶.

Активные способы защиты от града распространены преимущественно в карпатских и балканских традициях; в центре этих сюже-

⁵ См. также географическую репрезентацию значений лексики **vukodlak* (и ряда других) на южнославянской территории — карта № П-3-2 «Вампир, ходячий покойник: названия, типы», показывающую в том числе распространение значения ‘волк-оборотень’ в западных регионах Южной Славии [Плотникова 2004: 634–645].

⁶ Сопоставление ритуалов и магических практик защиты от града в разных славянских традициях дано в статье [Толстые 1982].

тов — облакопрогонник, который, как правило, защищает всю общину, а не только свои поля.

Записи о людях, имеющих силу воздействовать на погоду, известны и в Полесье, правда, у этих персонажей нет специального названия (*дед, стара пани, один, который знает*), изредка это *знахарь, колдун* и т.п. Эти «знающие» отгоняли град маханием на тучу палкой, которой разняли змею и лягушку, черным платком, шапкой; закрепощиванием тучи хлебной лопатой; при этом произносили молитвы и приказывали тучам расходиться [Виноградова, Левкиевская 2010: 472–475]. Но таких представлений в Полесье немного, чаще информанты вспоминали только, что такие люди были [Толстые 1982: 56, 67, 68]. Об их «западном» происхождении (если только основным мотивантом не послужил концепт «чужой») мог бы говорить сюжет о «знающем» чехе, пахавшем землю, который научил повернуть волов рогами к туче и заставить ее предводителя Илью высыпать град в ров [Виноградова, Левкиевская 2010: 473], — сюжет, который вписывается в поверья об особом магическом знании инородцев вообще.

Близка полесской градоотгонная магия в моравской традиции, в которой, однако, функции облакопрогонника приписываются либо знахарю, либо особому специалисту: *božec, bohoň, zaklínač* (валаш. — [Sobotka 2005: 7–8]), *zařikávač, zařikač*, который с помощью тайных заговоров, трав и специальных книг умел отводить градовые тучи (*vodiť mračna*) [Václavík 1930: 432], *zaklínač*, или *vodič mračen* [Zíbrt 1894: 122], чеш.-морав. *krupovidač* ‘заклинатель, тучеводитель’ [Kott 7: 1306], *krupovodič* ‘кто отводит, прогоняет (градовые) тучи’ [Kott 6: 755], *zaklínač mračen* «заклинатель туч» или *sváděč krup* «отводящий град»⁷. Свои заклинания знахарь читал из (черной) книги, и этот факт сближает его с польскими, словацкими и украинскими «чернокнижниками»⁸, т. е. учеными монахами, а следовательно и с латинской христианской культурой.

Еще более специализированная и разветвленная система магического отвода бури и града функционирует в карпатоукраинских поверьях об облакопрогонниках, называемых *градівник, градобур(ник), планета, планітник, тучник, хмарник* [Тяпкина 2006: 59], *бурівник* [Гнатюк 1904: 253], *борéць б́ури* ‘человек, который может управлять бурей и отворачивать грозовые тучи’ [ГС: 642–643], *ѓрадяник* ‘градовник, чернокнижник — те, что от града’ [ГС: 93, 200], *вітрениця* ‘ветряная ведьма’, которая может портить погоду, красть дождь [Тяпкина 2006: 43; Хобзей 2002: 90–93, 154], *вітреник* — одновременно и демон, управляющий змеем-шарканем, и человек-облакопрогонник,

⁷ Подробнее об этих сюжетах см. [Валенцова 2017].

⁸ О чернокнижнике см. [Белова, Виноградова 2012: 51–513].

защищающий село, пользуясь слепотой шарканя [Левкиевская 1999: 151]. Как земной знахарь (*землений бог, непростий, градівник* и т. п.) облакопрогонник противопоставляется духам (как правило, душам «заложных» покойников и умерших новорожденных), приводящим (несущим) градовые тучи. Он заставляет эти души, которые просят пропустить их и стонут от тяжести туч, высыпать град на леса, горы, на другие края [ГС: 236, 284]. Двойственную функцию выполняет гуцул. *чорнокнижник* — это и ‘тот, что бурей управляет, может отворачивать градовые тучи’, и ‘тот, кто град делает’ [ГС: 496, 644], а также *планетник*, или *планета* — ‘чорт, дидько’, живущий в Змеином озере в Черногоре и производящий град [ГС: 470].

Среди карпатоукраинских материалов есть и такие, которые составляют параллели к полесским и моравским быличкам, например: один *буріўник* умел, выйдя навстречу туче, перекрестить ее и произнести заклинание — тогда туча распадалась на части (галиц. — [Гнатюк 1904: 253]). Как и в Полесье, облакопрогонник может называться описательно: *той, що бурі відвертає; той, що хмари розганяє; той, що дощ запирає* [Левкович 2012: 56], *чоловік, що бурев орудує* и др.; он тоже разгоняет тучи палкой, которой отогнал ужа от лягушки (гуцул. — [ГС: 642–643]). Аналогию полесским и сербским тучам-говядам (коровам / быкам)⁹ представляет образ туч-баранов в галицкой быличке о том, как некий человек пришел просить у старосты разрешения прогнать через село своих баранов — вместо этого через село прошел град [Гнатюк 1904: 207–208]. Также в бойковской быличке тот, что вел град, пришел к облакопрогоннику, спрашивая: «*Куда я маю піти зо своїми стадами?*» — и *хмарник* позволил ему идти пустырями и лесами [Левкович 2012: 56].

В севернословацкой традиции образ облакопрогонника практически слился с демоном бури, называемым *čiernokňažník, planetník, chmurník, chmarník, veterník* [ELKS 1: 72]. Этот демон летал на драконе, с помощью которого управлял тяжелыми тучами, замораживал воду и вызывал бурю и град. В поверьях он предстает чародеем, знающим черную магию, которой научился по Христофовой книге [ELKS 1: 72–73]. Он летает в черных облаках или на драконе, вызванном заклинаниями из пещеры [Slovensko 1975: 1029], чернокнижника считали злым духом бури, показывающимся в виде черной коровы или черной курицы (Кисуцка долина — [Sborník 1927: 177]). Появляясь

⁹ Сербские заклинания от града из зоны Драгачево, в которых обращаются к утопленнику или висельнику из села с просьбой отвести своих «белых говяд», «свой скот», «свое стадо» от сельских угодий, повернуть их в пустынные места — см. в [Толстые 1981: 55]; см. также о тучах-говядах [Толстой 2003: 253–266].

на земле в виде высокого мужчины в черном, изорванном молниями, плаще, или в образе нищего, он просит только молоко от черной коровы или козы, чем его можно умиловать, иначе он наведет на поля град и бурю [Dobšinský 1880: 114]. Хорошему человеку или тому, кто угостит его молоком от черной коровы, он мог подсказать, как уберечь урожай, или предупредить о буре. Верили, что над каждым краем в тучах живет один планетник [Blagoeva-Neumanová 1976: 82–83; Horehronie 1969: 334].

Словацкий образ черной коровы¹⁰ как ипостаси чернокнижника реализует общеславянскую метафору градовых туч. Мотив молока от черной коровы (козы) и яиц от черной курицы, которые пьет и ест планетник (чернокнижник), и которые являются оберегом от бури и града¹¹, имеет параллель в полесском обряде, по которому «с черной коровы молоко на вокна ставляли, як гроза» (Хильчицы, гомел. — [Толстой 2003: 259]) и в болгарском поверье о том, что гром и молния (= змей *хала*) выпивает мед у пчел и молоко у коров [Георгиева 1993: 112]. Объяснение апотропеическому значению (молока) черной коровы содержат сербские мифологические представления о противоборстве черных и белых говяд «как метафоре градобития» [Толстые 1981: 113].

Аналогичные словацким былички, образы и мотивы представлены в южнопольской традиции. Здесь управление тучами приписывается людям с демоническими свойствами, чаще всего называемым *planetnicy* или (локальные названия) *chmurnicy*, *obłocznicy*, *czernoksiężnicy*, *trzymacze chmur*, *przewodnicy* и *rozganiacze chmur*, *czarownicy od chmur*, *chmurotwórcy* (жешов. и люблин.), и лишь изредка — овчарам, знахарям и старым девам [Pełka 1987: 66, 68]. Такой полудемон способен не только отвести град от своего села, но и водить градовые тучи по своему усмотрению, подниматься («втягиваться») в тучи при их приближении или пребывать в них постоянно, временно попадая на землю и проживая в селе; на земле он появлялся в виде странника в черном одеянии (или странствующего монаха), который ест только яйца от черной курицы и пьет молоко от черной коровы. Того, кто не даст ему требуемого, он наказывал, насылая на его поля град.

¹⁰ В большинстве сербских заклинаний градовых туч «небесный скот называется белым говядом, стадом, овцами, волами, а земной — черным», однако в с. Алия Поток западнее Драгачева «в вопле-отгоне фигурируют черные небесные говяды, а не белые» [Толстые 1981: 55]. Подобная инверсия, вызванная, помимо прочего, символикой черного цвета, представлена и в словацких поверьях.

¹¹ По словацким поверьям пожар, возникший от молнии, тушили молоком черной коровы, бросали в огонь яйца от черной курицы [ELKS 1: 52].

Карпатские трансформации образа облакопрогонника — превращение его в демона или полудемона, не характерные для славянских традиций к северу от Карпат, но представленные и развитые в южно-славянских, дают основания искать их истоки в карпатских неславянских традициях, в первую очередь в восточнороманской.

У румын персонажи, занимающиеся метеорологической магией, называются *соломонари/шоломанари* (*solomonar, șolomănar* — ‘путешествующий через тучи’, знахарь-полудемон). В этом персонаже в конце XIX в. смешались образы облакопрогонника и атмосферного демона непогоды; однако на Буковине и в некоторых зонах Трансильвании они сохранили различие: *соломонари* как демоны противостоят *контрсоломонарям*, или *градовникам* (*grindinar*, народный ворожбит, «прогонщик туч»). *Соломонар*, как и словацкий, польский, карпато-украинский *планетник*, *чернокнижник*, венгерский *garabantzás Diák*, хорв. *graboncijaš dijak*¹² — летает верхом на драконе и управляет градовыми тучами, варит в тучах лед; свое знание он получил в семилетней школе, где дьявол учил его волшебствам и гаданиям; он ходит по селам и просит милостыню [Мойсей 2006: 254]. Как отмечает Антоний Мойсей, на Буковине слияния названных образов не произошло благодаря контактам восточнороманского населения с восточнославянским. Автор приводит также румынские поверья, имеющие славянские параллели, например: «*градовники* выходили на край села, приговаривая заклинания, отворачивая град в безлюдные места при помощи ветки лещины. Если *соломонари* не подчинялись их воле, *градовники* резали тучу накрест косами — в результате *соломонар* верхом на драконе падал на землю, сверху на него рушился весь лед» [Мойсей 2006: 257]. В этом поверье узнаваемы и магическое орудие отгона (ореховая ветка аналогична используемой у славян палке, которой разнимали ужа и лягушку), и размахивание косою навстречу туче¹³. Упомянутые действия румынских *градовников* имеют очень давнюю традицию: упоминания о «прогонщиках туч» (*nubifugus*) и о практике «грозить небесам

¹² Хорв. *graboncijaš dijak* известен только у градищанских хорватов, заимствовавших образ и лексему из венгерского [Плотникова 2016: 133], см. также другие варианты терминов и связанные с ними верования: хорв. диал. *grebencijaš*, венг. *garboncás diák, barboncás* [Там же: 159–160].

¹³ Выбрасывание во двор острых, режущих и колющих орудий характерно для всех славян — чтобы пресечь, остановить град (верили, что град рассекается в дождь). «Нередко сербский крестьянин в прошлом крестил градовую тучу и замахивался на нее косою...» [Толстые 1981: 61]. В Чехии засвидетельствовано махание мечом навстречу тучам, несущим бурю [LK 2: 57], в Словакии в области Шариш против града высовывали из окна топор и косу, в области Спиш выбрасывали во двор вилы, чтобы тучи разорвались [EJKS 1: 283].

окровавленными топорами» найдены А. Мойсеем у римских авторов I и IV в. н. э., а у восточных романцев впервые упоминаются в середине XVII в. [Мойсей 2006: 258, сн. 3].

Если градоотгонные действия с помощью острых предметов следует признать универсальными, архетипическими¹⁴, то конкретные поверья об облакопрогоннике-знахаре или о профессиональном облакопрогоннике, актуальные в карпатском регионе (у румын, карпатских украинцев, мораван) являются, по-видимому, романским элементом метеорологической магии, распространявшимся в Средние века и особенно — в период валашской колонизации.

В формировании образа карпатского облакопрогонника приняли участие также финно-угорские элементы верований, например известные по описанию венгерского колдуна *талтоша*, который «во время грозы исчезает в туче или уносится в виде вихря в небо» (ср. аналогичные польско-словацкие верования), который может превращаться «в коня или быка и сражаться в таком виде с другим *талтошем*» (ср. сербские сюжеты о борьбе «своего» и «чужого» *змая*), а в виде коня-талтоша помогает герою сказки сражаться с драконом-шарканем [Петрухин 2003: 427]. Эти венгерские поверья, переплетенные с архаическими славянскими мифологическими элементами, более заметны в словацких и южно-польских представлениях о предводителях грозовых туч, т.е. на территориях, входивших в состав Венгерского государства, позже Австро-Венгрии (1000–1918), границы которого постоянно менялись.

Комплекс рассмотренных мотивов и поверий включен также в образы южнославянских персонажей, воздействующих на погоду, называемых *облачар*, *градобранитель* (серб.), *здуваћ*, *стуха* (черногор.), *кр(е)сник* (хорв., словен.) [Плотникова 2013: 54, 58], а ряд мотивов в разной мере включен в образы демонов, управляющих градоносными облаками: *хала*, *аждаја*, *ламја*, *водени бик*, *змај*, *вила*, *ђаво* [Раденковић 2001: 446]. Этим персонажам, связанным с ними сюжетам и терминологии посвящен ряд специальных работ (например [Толстые 1981; Раденковић 2001; Плотникова 2000; 2004; 2006; Бјелетић 2002; 2004] и др.).

Можно говорить о том, что славянские верования и магические действия защиты от града на Карпатах и Балканах были значительно обогащены романскими и венгерскими элементами¹⁵.

¹⁴ Если только этот факт не является этнолингвистическим подтверждением соседствования протославянских и протоиталийских племен в северной Европе в период древнейших миграций индоевропейцев (ср. о северной прародине италийцев в: [Кузьменко 2011: 148–149, 151]).

¹⁵ На Балканах также тюркскими (например, сюжеты о демоне-защитнике локуса), греческими, иранскими, албанскими.

Под венгерским влиянием появился и другой яркий карпатский мотив — **двоедушие** демонов, в том числе погодных, или людей с демоническими свойствами¹⁶: у венгров, как у других финно-угорских народов, широко распространено представление о двух душах — душе-дыхании *лелек*, покидающей тело после смерти, и душе-тени, которая путешествует вне тела во время сна [Петрухин 2003: 435; Moszyński 1967: 590–591].

Влияние венгерских и восточнороманских традиций не ограничивается мифологическими и метеорологическими представлениями, оно особенно заметно и в соответствующей лексике славянских диалектов Карпатского региона, отчасти уже рассмотренной выше. Некоторые мифонимы имеют широкое распространение и даже выходят за границы исследуемого ареала («босорка», «стрига», «шаркан»)¹⁷, другие — более узкое («дюг», «бетяг», «фрас») или даже локальное («фена») бытование. Основная часть мифонимов (названий МП или персонифицированных болезней) заимствована из венгерского языка, что объясняется его высоким статусом в Карпатском регионе на протяжении долгого времени. Романские заимствования принадлежат в основном к пастушеско-животноводческой лексике¹⁸, среди мифонимов их меньше: *стрига* (о которой ниже), *гарабанциаш* ‘чернокнижник’ (венг. *garaboncias*, *garbonciás*, *bargoncias*, *barboncás*, серб. *грабанцијаш*, словен. *grabancijaš dijak*)¹⁹, общеславянские *драк(он)*, *Люцифер* и под. Нередки и германские заимствования в языках региона, например: *Berggeist*, *Bergmann*, *Wasserman*, *Schrat*, *Schrätzmännel*, но они характерны не исключительно для карпатской, но и для ряда других контактных славяно-германских зон (польско-, лужицко-, чешско-, словацко-немецких (австрийских)).

В помещенном ниже алфавитном списке заимствований, появившихся в карпатском регионе, обобщается имеющийся материал словарей, атласов и исследований и отчасти дополняется новыми данными.

⁺**betAG**²⁰: **словац.** *bet'ah*, *bet'eh*, *bet'äh* ‘злое существо, приносящее болезнь; демон, дьявол; эпилепсия; водянистая кровь с гноем; больной человек’, **хорв.** диал. *beteg* ‘болезнь’, **словен.** *beteg*, *betež* ‘боль, мучение’, **карп.-укр.** *бетегь*, *бетюг* ‘болезнь’, *бетегя* ‘болезнь; никчемный человек’; **румын.** *beteag* ‘болезнь, больной’.

¹⁶ Подробнее см. [Валеницова 2016].

¹⁷ Здесь дается условное обозначение терминов, которые будут представлены ниже в аутентичном виде.

¹⁸ О румынских заимствованиях см. [Клепикова 1982; 1998; 2004] и др.

¹⁹ Из ит. *gramanzia* < *scaramanzia* < *scaramansia* < *negromanzia* ‘колдовство’ [EWU: 446].

²⁰ Заглавные буквы обозначают аллофоны.

Из венг. *beteg* ‘больной’ [Rocchi 1999: 40]. Единично в пол. *beteh*, укр. *bét’ix*, *beťižnyi*, *betéha*, з.-румын. *beteag*, *betegos*, молд. диал. *betjág* [Клепикова 2008: 209].

⁺**BOSOR-**: словац. *bosorka*, *bosurka* ‘ведьма’, ‘злая женщина’, ‘ночная бабочка’; редк. ‘большая жаба’; ‘вихрь, водоворот’; *bosorák*, *bosorkaň*, *bosor*, *bosor(k)oš*, *bosurkoš* ‘колдун’, *bosorák*, *bosorkaň* ‘ночной мотыль’, *bosorča*, *bosurče* ‘ребенок босорки’; *bosorča* ‘ребенок, которого по отлучении от материнской груди вновь стали кормить грудью’; орав. *bosárka* 1. ‘ведьма’; 2. ‘сказочный персонаж устрашающего вида, наводящий порчу, более слабый, чем *богинка*’, *bosorka* ‘ведьма’, (*po*)*bosárzič* ‘околдовывать кого-л., делать вред кому-то с помощью злых сил’ — глагол, образованный уже на польской почве; ю.-пол. подгал. *bosiorka* ~ *bosorka* ‘ведьма; прозвище для женщины’ и спиш. *bosiorka* ‘ведьма’ — из словац. *bosorka* (в XVII в.) ‘ведьма’, которое в свою очередь из венг. *boszorkány* (1552) id. или венг. диал. *boszorka* (1798) [Németh 2008: 34], *vozokák*, *vozorka* [Зайцева 1975: 274]; пол. *buosorka*, *baśorka*, *basorka*, *bąsorkyňa*; *bisurkania* ‘ведьма’ (саноц.-кросн.) [Pełka 1987: 207]; морав. *bosorka*, *bosora* ‘дикая женка, злая колдунья’, *bosorák* ‘злой колдун’, ‘человек, который засиживается долго ночью’; *bosorča* ‘ребенок босорки, которого она подбросила в колыбель’; чеш. (< словац.): *bosorka*, *bosorkyně*, *bosořice* ‘ведьма’, *boz(k)orka*; карп.-укр.: *босорка*, *босорканя* ‘ведьма, колдунья’, ‘жаба’; *босирка*, *бісурка*, *бісурканя*, *борсуканя*, *босурганя*, *босюрканя*, *бусурканя*, *пошурканя* ‘знахарка, ведьма’, *босорканя* ‘ночной мотылек’, ‘жаба’; *босоркун* ‘упырь’, *bosorkán’a* ‘ведьма, колдунья’, детск. ‘стрекоза’, *bosorkin* ‘колдун, ведьмак’; русин. *босоркánя* ‘ведьма, колдунья’; *босоркун* ‘колдун, оборотень; ведьмак’; *босорак*, *босóрош*, и др. [Хобзей 2002: 47–48; Тяпкина 2006: 43; Зайцева 1975: 274]; словен. *bosaruna* ‘ведьма’ [Kropej 2008: 315]; румын. *bosorcoi* «босоркой» — один из видов оборотней, главным образом, в фольклоре Трансильвании [Свешникова 1998: 198], распространено близ границ с Венгрией (Угоча, Бихор) и Украиной (Марамуреш) [Усачева 2008: 172].

Займствование из венг. *boszorkány*, первоначально ‘дух умершего, привидение’, потом ‘ведьма’ и под., далее из тюрк. **basyrkan* ‘мора’, от *bas-* ‘давить’ [Machek 2010: 61]). Словац. *bosorka* формально могло бы быть заимствовано из венг. вар. *boszorka* (1798), но по хронологическим причинам в этом случае надо признать обратное заимствование из словацкого в венгерский. Венг. *boszorkány* при заимствовании в словацкий было осмыслено как существительное м. р., поэтому была «восстановлена» форма ж. р. *bosorka*, от которой вновь образовано сущ. м. р. *bosor*. Словац. *bosorkaňoš* ‘колдун’ в венгерском является прилагательным: *boszorkányos* ‘магический’ [Rocchi 1999: 49–50].

⁺**ĐuG:** **словац.** *ďug* (с XVIII в.), *diuk*, *ďuk* ‘эпизоотия, болезнь свиней; сухая слизь; сухой навоз на ногах скота; шум, гам; дьявол, черт (в проклятиях)’, *ďeg* ‘грязь’; **пол.** диал. *dziuk*, *diuk*; **укр.** диал. *дюк*, *дюг* ‘демон, злой дух; болезнь домашнего скота’; **румын.** *diug* ‘падаль; бездельник, лентяй’ [Rocchi 1999: 82]. **Укр.** бойк. *дюг* ‘упир’ (< пол. *dziug* ‘то же’) [Тяпкина 2006: 107].

Из **венг.** *dög* ‘болезнь, эпидемия’, соврем. ‘дохлятина, падаль’ [Rocchi 1999: 82].

⁺**fenA:** **словац.** *fena* ‘черт’, **карп.-укр.** *фена*, **румын.** *fene* ‘то же’. Из **венг.** *fene* ‘дикий, страшный, ужасный, проклятый’, ‘зверь; язва, зло, гангрена; черт (в проклятиях)’ [Rocchi 1999: 90].

⁺**fras:** **словац.** *fras* ‘дьявол, черт (в проклятиях)’, **карп.-укр.** *фрас* ‘то же’, **румын.** диал. *fras* ‘эпилепсия’ (в румын. возможно и из немецкого); **ст.-словац.** *fras(a)* (XVII в.) — напрямую из немецкого. Источник — **венг.** *frász* ‘эпилепсия’, совр. употр. — в проклятиях [Rocchi 1999: 106]. **Пол.** орав. *ki fras* < *kiz ta fras* ‘эмоциональный вопрос о причине необъяснимой ситуации’; в Подгале употребляется *ki fras* в значении ‘какого черта (со do licha)’, в спишских говорах *fras* ‘черт’. Основное значение в **словац.** — *fras* ‘черт (в проклятиях)’, употребляется в оборотах, подобных оравским: *Ký fras kopasný! Kieho frasa! Do frasa! Bodaj ta fras vzal!* [Németh 2008: 70].

⁺**STRIG-:** **словац.** *striga* ‘ведьма’, ‘ночное видение’, ‘ночная бабочка’, ‘злая, сварливая женщина’, *strigon*, *strigôň* ‘колдун’, з.-словац. *striga* ‘упырь (вампир)’ [ОКДА 4: 40]; **морав.-словац.** (ок. Грозенкова) *striga* ‘ведьма’ [Machek: 582], **тешин.** *striga* ‘злая женщина’, ‘упырь’ и ‘любопытная девушка’, *strigůň* ‘любопытный человек’, **опав.** *sřiha* ‘ведьма’ [Vážný 1955: 89]; **пол.** *strzyga*, *strzyg*, *strzygoń* ‘вампир’, *strzyga* ‘жигалка обыкновенная’ (муха) [Vážný 1955: 88], **пол. подкарпат.** *ščyga* ‘колдунья, ведьма’, ю.-пол. *ščyga* ‘упырь (вампир)’ (Подгале), *ščšyga*, *ščygoj* ‘оборотень, нечистая сила, ночное видение’, ‘злая, сварливая женщина’; **пол.** *stšyga* ‘живая, подвижная женщина’ [ОКДА 4: 40], **пол. подляс.** *strzyga* ‘упырь, занимающийся, якобы, по ночам заплетанием гривы коням’ [Maryniakowa et al. 2014: 232]; **укр.** **лемк.** *striga* ‘колдунья, ведьма’; **укр.** (молд.) *strigojka* ‘злая, сварливая женщина’; **укр.** *strega* ‘овца, отбившаяся от стада’, ‘ребенок, род-ся 7-месячным и умерший’ [ОКДА 4: 40], **подкарпат.рус.** *striga*, *sriga* = босорка = ‘жаба’, ‘ведьма’ [Vážný 1955: 89], **укр.** (< молд.) *спригойка* ‘гибкая палочка’ (‘магическая палочка, использованная в разных детских играх’ < ‘ведьма’), заимствование из вост.-роман. яз. [ЕСУМ 5: 440–441]; **рум.** *strigoj* ‘седьмой (или девятый) сын, родившийся с хвостом’, ‘(женщина) с хвостом, которую обливали водой, чтобы пошел дождь’; **рум.** (молд.) *strigoj* ‘упырь’, ‘оборотень’, ‘нечистая сила, ночное видение’, ‘колдун’ [ОКДА 4: 40], *strigă* также ‘сова, филин’, ‘ночная бабочка’, **арум.** *strigă*

‘ведьма’ [Клепикова 1994: 94], румын. *striga* ‘ведьма’, ‘бабочка «мертвая голова»’ [PPC]; м. *strigoi*, *strigóiu*, *strígóiu*, *stregoi*; ф. *strigoaică*, *strigoaie*, *stregină* ‘оборотень’, ‘вампир’ [Свешникова 1979: 217]; **алб.** *shtrigë* ‘персонаж поверий (в виде старухи), приносит людям зло’; алб. черногор. *штрига* ‘ведьма’ [ОКДА 4: 40], алб. диал. *štrige* [Клепикова 1994: 94]; **серб.** черногор. *striga* ‘злая, сварливая женщина’ [ОКДА 4: 40]; **с.-х.** диал. *striga* ‘ведьма’, ‘ночная бабочка’ [Vážný 1955: 89]; **хорв.** *štriga* ‘ведьма, колдунья’ [Клепикова 1994: 94–95]; *štriga*, *štrigna* ‘ведьма’ [Плотникова 2004: 649], *stržica* (Истрия) ‘вештица’, ‘ночная бабочка’ [Vážný 1955: 89]; **словен.** *štrija* ‘ведьма’ [Плотникова 2004: 648] *strigōn* ‘то же’ [Клепикова 1994: 94], *štriga*, *štrija* ‘ведьма’, *štrigōn* ‘высасывающий кровь, упырь’ [Vážný 1955: 89]²¹.

Заимствование из румын. или ит. *strega* ‘колдун’ и др., ит. диал. *striga*, *stria*, *striye* ‘то же’ < лат. *strīx*, *-gis* далее из греч. στρίγγα, др.-гр. στρί(γ)ξ ‘сова’ [Клепикова 1994: 94–95].

⁺**šarkaN:** **словац.** *šarkan* (в.-словац., из венг.) 1. сказочное существо, приносит (летом) бурю и гром, крылатый дракон, *šarkan preleteľ*; 2. домовый-hospodáříček, *šarkanie mlieko* ‘самогон, паленка’, *šarkanový* = драконий [Kálal: 669]; *šarkan* ‘летающий змей, олицетворение бури’, “*šarkan preleteľ*”, представляют в виде змея [Dobšinský 1880: 116]; *šarkan* [EAS: 84, карта 9]; **морав.** *šarkan* ‘какое-то злое существо, чудовище с длинным хвостом’, словац. и морав. *Šarkan* — название горы (в районе Братиславы) [Kott 8: 399]; **укр.-карпат.** *шаркань* ‘летающий змей, поедающий солнце, которое от этого уменьшается’ [Гура 1997: 286], слепой дракон, предводительствующий бурям и граду, его ведет «ветряник» [Гура 1997: 291–292]; **лемк.** *шаркан* ‘сильный ветер, буря’ [Гринченко: 486]; **пол.** *siarkan* ‘многоголовый крылатый дракон’ [Санникова 1990: 110]; хорв. (славон.) *šarkanj* ‘летающий змей, водящий градовые тучи, шаркань’ [Плотникова 2013: 53–54], **с.-х.** *шаркань*, возможна семантическая аттракция с *шарка змија* (термины сообщены Л. Раденковичем), **болг.** *шаркань* (Банат) ‘летающий змей’, битва двух шарканей вызывает ливень [Гура 1997: 289], румын. *șărcăn* ‘летающий змей, предводитель грозовых туч’ [Плотникова 2013: 53].

Заимствование из венг. *sárkány* ‘дракон’ [Király 1957: 102].

⁺**táLtoš:** **словац.** *tátoš(ik)*, *táltoš* ‘захудалый сказочный конь, обычно золотой или огненный’ [Kálal: 709]; *Tátoš*, -а, т — 1. (в сказках) конь-огонь; 2. экспр. резвый, ретивый, быстроногий конь [VSRS: 34]; *táltoš* ‘человек с врожденной силой’ [EAS: 84, карта 10], ю.-з.-словац., смешанное словацко-венгерское население); *tátoš*, *táltoš* ‘волшебный конь; дикий, быстрый конь’, у А. Бернолака также ‘proteus, vertumnus,

²¹ Подробнее о лексеме см. [Валенцова 2012: 347–353].

magus, praestigiator' [хитрец; непостоянная натура; маг, жрец; фокусник, обманщик]; **чеш.** *tátoš* 'сказочный конь', **пол.** *Tatok, tataś* 'волшебный конь в венгерских сказках'; **укр.** *tamou* 'жрец (в языческих культах); волшебный конь' < **венг.** *táltos, tátos* 'шаман, чародей', 'магический конь' [Roschi 2010: 61]. **С.-х.** *tamou* 'мифическое существо, которое предводительствует тучам' (Срем, Бачка, Баранья, сербы в Венгрии — [Раденковић 2001: 449, 451]). Ср. венг. *талтош* 'шаман', родится в новолуние с зубами или с волосатым телом; в семилетнем возрасте во время грозы исчезает в туче или уносится в виде вихря на небо; может защитить свое село от чужого чародея; талтошем в сказках может называться и волшебник, и чудесный конь — помощник героя [Петрухин 2003: 427].

Слово, видимо, было заимствовано в славянские языки в разное время: в словацких сказках прижился образ *tátoša* — волшебного коня, а у сербов и хорватов — образ облакопрогонника, более близкого исходному образу колдуна. В южнославянских верованиях много сходного с описанием венгерского талтоша, например: во время грозы в тучах сражаются «свой» и «враждебный» чародеи, и победа «своего» приносит хороший урожай; *талтош* может превратиться в коня или быка и сражаться в таком виде с другим *талтошем* (см. [Петрухин 2003: 427]).

Тема изоглоссных связей карпатской мифологической лексики и связанных с нею мотивов и сюжетов остается актуальной для исследования как с южнославянским, так и с севернославянским вектором. В частности, перспективно ее сопоставление с моравской, чешской, серболужицкой традициями (сформированными, как считают, одновременно с карпатским потоком славянских миграций на запад), а также с западноукраинской, полесской, восточнопольской (подлясской), белорусской традициями — предположительно исходных ареалов распространения славянских племен на Карпаты. На основе такого разностороннего этнолингвистического сопоставления славяно-карпатских традиций можно будет судить об инновациях времен карпатской миграции славян²². Необходимым условием при этом является вычленение в карпато-балканских верованиях иноэтнических заимствований и влияний и наоборот, заимствований из славянских языков и верований в неславянские. Подобные исследования должны быть многоаспектными и проводиться с учетом хронологической динамики, так как обе стороны сравнения постоянно и непредсказуемо менялись на протяжении веков и меняются до сих пор в историческом, языковом, социальном, культурологическом планах.

²² П. В. Шувалов на основании информации письменных источников, отмечавших «привычность склавинов и антов к труднопроходимой гористой местности», считает, что это «может указывать на относительно длительное пребывание их предков в Карпатах» [Шувалов 1998: 9].

Литература

- Березкин, Дувакин — *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>.
- Бјелетић 2002 — *Бјелетић М.* Духовна култура словена у светлу етимологије: јсл. *(x)ala* // *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Kraków, 2002. S. 75–82.
- Бјелетић 2004 — *Бјелетић М.* Јужнословенска лексика у балканском контексту. Лексичка породица именице *xala* // *Balcanica XXXVI* 2003. Belgrade, 2004. S. 143–155.
- Бирнбаум 1986 — *Бирнбаум Х.* Праславянський язык: достижения и проблемы в его реконструкции / Пер. с англ. С. Л. Николаева, вступ. ст. В. А. Дыбо. М., 1986.
- Валенцова 2012 — *Валенцова М. М.* Из карпато-балканских схождений в области мифологической лексики // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах*. М., 2012. С. 345–362.
- Валенцова 2016 — *Валенцова М. М.* Мультипликация души: славянские поверья о двоедушниках // *Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Т. 1. Dusza w oczach świata. Warszawa, 2016. S. 487–499.
- Валенцова 2018 — *Валенцова М. М.* Моравская демонологическая лексика. Краткий обзор // *Славянский альманах*. № 1–2. М., 2018. С. 234–260.
- Виноградова, Левкиевская 2010 — *Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е.* Народная демонология Полесья. Т. 1. Люди со сверхъестественными свойствами. М., 2010. С. 472–475.
- Георгиева 1993 — *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1993
- Гнатюк 1904 — *Гнатюк В.* Знадоби до галицько-руської демонології // *Етнографічний збірник*. Т. XV. Львів, 1904.
- Грінченко — *Словарь української мови*. Зібрала редакція журналу «Кієвская Старина». Упорядкував, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Т. IV. Київ, 1909.
- ГС — *Хобзей Н., Ястремська Т., Сімович О., Дидик-Меуш Г.* Гуцульські світи. Лексикон. Львів, 2013.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дукова 2015 — *Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке / Отв. ред. И. А. Седатова. М., 2015.
- ЕСУМ 5 — *Етимологічний словник української мови*. Т. 5. Київ, 2006.
- Зайцева 1975 — *Зайцева Н. И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Дисс. канд. филол. наук. Минск, 1975.
- Иванов 2007 — *Иванов Вяч. Вс.* Балканские имена «вурдалака» и их происхождение // *Terra Balkanica/Terra Slavica*. К юбилею Т. В. Цивьян. Балканские чтения 9. М., 2007. С. 70–79.
- Иллич-Свитыч 1960 — *Иллич-Свитыч В. М.* Лексический комментарий к карпатской миграции славян (Географический ландшафт) // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. М., 1960. Т. XIX. № 3. С. 222–232.

- Кабакова 1989 — Кабакова Г. И. Материалы по румынской демонологии // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София 30.VIII.1989 г. — 8.IX.1989 г. Проблемы культуры. М., 1989. С. 161–164.
- Клепикова 1982 — Клепикова Г. П. К проблеме стратификации романских заимствований в лексике языков балканской (resp. карпато-балканской) зоны // Общеславянский лингвистический атлас 1980 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1982. С. 56–86.
- Клепикова 1988 — Клепикова Г. П. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии. 1. // Общеславянский лингвистический атлас 1983 / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 93–105.
- Клепикова 1988а — Клепикова Г. П. Проблема «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвистической географии. 2. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985—1987: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 121–129.
- Клепикова 1990 — Клепикова Г. П. Гипотеза В. М. Иллич-Свитыча относительно роли «карпатской миграции славян» в свете новых данных лингвогеографии // Конференция Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе. Памяти В. М. Иллич-Свитыча. 6–9 февраля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990. С. 21–23.
- Клепикова 1994 — Клепикова Г. П. Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского *striga* (*štriga*) // Балканские чтения 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994. С. 94–99.
- Клепикова 1998 — Клепикова Г. П. Изоглоссы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала — типологический аспект // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 168–265.
- Клепикова 2004 — Клепикова Г. П. Особенности румынского влияния на языки карпато-балканского ареала // Проблемы изучения межъязыковых влияний в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2004.
- Клепикова 2008 — Клепикова Г. П. К проблеме стратификации венгерских заимствований в карпатоукраинских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 203–212.
- Кузьменко 2011 — Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
- Левкиевская 1999 — Левкиевская Е. Е. Духи атмосферные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 150–153.
- Левкович 2012 — Левкович Н. Жіночі демонологічні персонажі українців Карпат // Народознавчі зошити. 2012. Вип. 2. С. 261–267.
- Лизанец 1976 — Лизанец П. М. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Будапешт, 1976.
- Мойсей 2006 — Мойсей А. О соотношении терминов *соломонар/градовник* в плювиальной практике румыноязычного населения Буковины // *Romanoslavica* XLI. 2006. С. 253–262.

- Можаева 1972 — *Можаева И. Е.* Библиографический указатель работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованным в СССР с 1946 по 1969 гг. // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972. С. 478–576.
- Можаева 1973 — *Можаева И. Е.* Вопросы интерференции языков и диалектов карпатского ареала в освещении советских ученых // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.). Тезисы докладов и сообщений. М., 1973. С. 37–39.
- Можаева 1978 — *Можаева И. Е.* Аннотированная библиография работ по проблемам интерференции языков и диалектов карпатского ареала, опубликованных в СССР в 1973–1977 гг. // Справочно-информационные материалы по ОКДА. М., 1978. С. 115–130.
- Можаева 1989 — *Можаева И. Е.* Аннотированный библиографический указатель по проблемам карпатского языкознания // Лексика в ОКДА I. М., 1989. С. 164–169.
- Нимчук 1988 — *Нимчук В. В.* Карпатоукраинско-южнославянские языковые параллели и тождества (история и перспективы проблемы) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1984: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1988. С. 294–313.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Вып. 1. Кишинев, 1989; Вып. 2. М., 1994; Вып. 3. Warszawa, 1991; Вып. 4. Львів, 1993; Вып. 5. Bratislava, 1997; Вып. 6. Budapest, 2001; Вып. 7. Београд; Нови Сад, 2003.
- Петрухин 2003 — *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. М., 2003.
- Плотникова 2000 — *Плотникова А. А.* Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 243–258.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 222–231, карты с. 658–676.
- Плотникова 2006 — *Плотникова А. А.* Народная мифологическая лексика на западе Южной Славии. Мотивы воздушной битвы // Ethnoslavica. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 65. Wien, 2006. S. 261–273.
- Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2013.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Раденковић 2001 — *Раденковић Љ.* Митолошки господари градоносних обала. Словенске паралеле // Зборник Етнографског музеја у Београду. 1901–2001. Београд, 2001. С. 445–453.
- Раденковић 2009 — *Раденковић Љ.* Вампир — вукодлак — вѣрколак // Моћ књижевности. In memoiam Ана Радин / Уредник Мирјана Детелић. Балканолошки институт САНУ, Посебна издања 110. Београд, 2009. С. 279–286.
- РРС — *Болокан Г., Медведев Т., Воронцова Т.* Румынско-русский словарь. Dicționar Român — Rus. Москва; Бухарест, 1980.
- Санникова 1990 — *Санникова О. В.* Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

- Свешникова 1979 — *Свешникова Т. Н.* Волки-оборотни у румын // *Balcanica. Лингвистические исследования.* М., 1979. С. 208–221.
- Свешникова 1998 — *Свешникова Т. Н.* Оборотничество у румын: *bosorcoi* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2. С. 198–204.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Толстой 2003 — *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества / Сост. и отв. ред. С. М. Толстая. М., 2003.
- Толстые 1981 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // *Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст.* М., 1981. С. 44–120.
- Толстые 1982 — *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье // *Обряды и обрядовый фольклор.* М., 1982. С. 49–83.
- Тяпкина 2006 — *Тяпкина Н. І.* Демонологічна лексика української мови. Дис. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 2006.
- Усачева 2008 — *Усачева В. В.* Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе // *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой.* М., 2008.
- Хобзей 2002 — *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- Шувалов 1998 — *Шувалов П. В.* Проникновение славян на Балканы // *Основы славянского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2 (славянские языки / Под ред. А. В. Десницкой и Н. И. Толстого.* СПб., 1998. С. 5–28.
- Шустер-Шевц 1983 — *Шустер-Шевц Г.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // *Вопросы языкознания.* 1983. № 2. С. 33–50.
- EWU — *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen.* Herausgeber L. Benkő. Budapest, 1993.
- Birnbaum 1998 — *Birnbaum H.* The Issue of Balto-Slavic Revisited // *ПОЛЮ-ТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова.* М., 1998. С. 126–133.
- Blagoeva-Neumanová 1976 — *Blagoeva-Neumanová T.* Ľudová démonológia na Zamagurí v kontexte a v koreláciách s démonologickými predstavami východných, južných a západných slovanov. Rigorózna práca (Univerzita Komenského). Bratislava, 1976.
- Décsey 1959 — *Décsey Gy.* Die ungarischen Lehnwörter der bulgarischen Sprache. Wiesbaden, 1959.
- Dobrițoiu-Alexandru 2013 — *Dobrițoiu-Alexandru T.* Elemente lexicale românești în graiurile slovice și cehe din Moravia. București, 2013.
- Dobšinský 1880 — *Dobšinský P.* Prostonárodné obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. S. Martin, 1880.
- EAS — *Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov ľudovej kultúry.* Bratislava, 1990.
- ELKS — *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska.* [Bratislava], 1995. T. 1, 2.
- Fraenkel 1962–1965 — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. B. I. Heidelberg; Göttingen, 1962. B. II. Heidelberg, 1965.

- Hadrovics 1967–1984 — *Hadrovics L.* Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1967–1984.
- Horehronie 1969 — Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu. Bratislava, 1969.
- Kálal — Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Slovensko-český diferenciálny. Na základe slovníkov, literatúry aj živej reči spracovali Kar. Kálal a Mir. Kálal. V Banskej Bystrici, 1923.
- Király 1957 — *Király P.* Latsny Adamus: Dictionarium saec. XVIII // Studia Slavica Academiae scientiarum Hungaricae. T. III. F. 1–4. Budapest, 1957. S. 59–107.
- Kott — *Kott Fr. Št.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1–7. Praha, 1878–1893 (<http://kott.ujc.cas.cz>).
- Kropej 2008 — *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Celovec; Ljubljana, 2008.
- LK 2 — Lidová kultúra. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. 2. svazek / Hl. red. S. Brouček a R. Jeřábek. Praha, 2007.
- Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 2010.
- Maryniakowa et al. 2014 — *Maryniakowa I., Rembiszewska D., Siatkowski J.* Różnojęzyczne słownictwo gwarowe Podlasia, Suwalszczyzny i północno-wschodniego Mazowsza. Warszawa, 2014.
- Moszyński 1967 — *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 2: Kultura duchowa, cz. 1.
- Németh 2008 — *Németh M.* Zapożyczenia węgierskie w gwarze orawskiej i drogi ich przenikania. Kraków, 2008.
- Newerkla 2004 — *Newerkla S. M.* Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. Frankfurt/M. et al., 2004.
- Pelka 1987 — *Pelka L.J.* Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.
- Pleteršnik — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894. I del. 1895. II del.
- Rocchi 1999–2010 — *Rocchi L.* Hungarian loanwords in the Slovak language. I (A — K). Trieste 1999. II (L — R), 2002, III (S — Ž), Supplement, 2010.
- Sborník 1927 — Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt, národopis, dejepis a literárnu historiú. Martin. R. 5. 1927. № 3–4.
- Slovensko 1975 — Slovensko. D. 3. Ľud. II časť. Bratislava, 1975.
- Sobotka 2005 — *Sobotka R.* Bajné bytosti na Valašsku. Sestavil. graficky upravil, Uvodom a doslovom opatřil Richard Sobotka. 2005.
- Tamás 1966 — *Tamás L.* Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest, 1966.
- Václavík 1930 — *Václavík A.* Luhačovské Zálesí. Příspěvky k národopisné hranici Valaška, Slovenska a Hané. Luhačovice, 1930.
- Vážný 1955 — *Vážný V.* O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava, 1955.
- VSRS 5 — Vel'ký Rusko-Slovenský slovník. V. diel. Bratislava, 1995.
- Zibrt 1894 — *Zibrt Č.* Seznam pověr a zvyklostí pohanských z VIII. věku. Praha, 1894.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПИЩЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ИНОСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ)

Диалект и народная культура, которую он представляет, предлагает свой вариант видения и категоризации мира, как предметного, так и ментального. Если рассмотреть отдельную лексическую группу, например слова с «пищевыми» значениями, можно выявить особенности традиционных представлений о пище: ее составе, категоризации блюд и символических функциях в языке и обряде. Существуют такие смысловые зоны, которые свойственны диалектной лексике, но не характерны или в меньшей степени характерны для городской современной культуры, вербализуемой общенародным или литературным языком. Например, в диалектной лексике Русского Севера выделяются специфические семантические группы «неудачная выпечка», «пирог без начинки», «жидкие, пустые супы», «коллективно приготовленные блюда, напитки» и др.

Специфика традиционной пищи и представлений о ней заключается в особенностях ее состава (на Русском Севере – похлебки из толокна, каши из муки, блюда из молозива и пр.), приготовления (запекание и варка в русской печи или на открытом огне, заквашивание или сушка и пр.), сочетаемости продуктов (квас с хлебом и луком, простокваша с толокном и пр.), количественном соотношении блюд (преобладание блюд из круп, выпечки, растительной пищи и пр.), а также особенностях категоризации пищи и ее символики. Если информация о составе, технологии приготовления, сочетаемости продуктов выявляется на уровне этнографического описания рациона, подкрепленного идеографическим анализом соответствующей лексической группы, то особенности категоризации в большей степени проявляются при семантико-мотивационном и контекстном анализе лексики.

*Ксения Викторовна Осипова,
Уральский федеральный университет им. Первого президента России
Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

Этнолингвистическому изучению таких знаков и признаков языка культуры, как блюда и «пищевые» категории, рассмотренным (в том числе) через призму лексической семантики и мотивации, посвящены работы многих славистов [см. Валенцова 2008; Кабакова 2015; Коды повседневности 2011; Морозов 2008; Седакова 2000; Толстая 2002; 2006; Якушкина 2003; Kubiak 1981; Łeńska-Bąk 2002; 2006 и др.]. Проведенные исследования подтверждают, что культурную значимость имеют категориальные признаки пищи, которые отражают ее непосредственные свойства и особенности приготовления, роль в составе трапезы, социальные, обрядовые функции и оценку (например «растительная — животная», «жидкая — густая», «праздничная — повседневная», «коллективно и индивидуально приготовленная» и др.). Большинство категорий универсальны для всего славянского ареала, однако в каждом из регионов они находят свое языковое и предметное воплощение. Например, для традиционного застолья важной была оппозиция «блюдо, которое подается первым (или не последним)» — «последнее из подаваемых блюд», при этом последним в разных традициях выносили разные блюда (поляки, украинцы — кашу, русские — кисель, лапшу, пивную гущу и др.).

Развитие языкового значения и формирование символических функций «пищевых» знаков нередко происходит с опорой не на все свойства реалии, но лишь с учетом ее категориальных признаков. Так, во многих обрядах символическую значимость имеет вкусовое противопоставление «горький — сладкий». На свадьбе в Польше и России молодых призывали целоваться: в Польше, когда подавался борщ или блюдо из капусты, гости кричали *gorzki barszcz!* (борщ горький!), *gorzka kapusta!* (капуста горькая!) (мазовец.) [Dworakowski 1935: 80] или *gorzka wódka!*: «Gorzka wódka, trzeba ją osłodzić, / Jak Jasio Hanię pocałuję, to się ją osłodzi» (Горькая водка, нужно ее подсластить, / Как Ясь Ганну поцелует, то ее подсластит) (мазовец.) [FOL]; кашубы выкрикивали *goŕkå kawa!* (кофе горький!) до тех пор, пока молодожены не поцелуются [Sychta II: 149]. У русских получил распространение обычай *подслащивать* поцелуем горькие хмельные напитки¹: волог. *подслащивать водку* ‘целоваться молодым на свадьбе под крик гостей «горько»’ [СРНГ 28: 184], [без указ. места] *нить сычёное* <подслащенная медом вода> ‘быть на сговоре, на помолвке, где молодые должны сыттить горькое вино, по требованию гостей, т. е. целоваться’ [Даль IV: 377], общенар. *горько* ‘возглас гостей за свадебным столом как побуждение, обычно для жениха и невесты, целоваться’. Основное значение в описанных ритуалах несет оппозиция «горький — сладкий»: этими качествами могут символически наделяться блюда, которые в действи-

¹ Ср. рус. карел. *горькая вода* ‘водка, спиртной напиток’ [СРГК 1: 210].

тельности ими не обладают (например, борщ и капуста), в то время как прочие, реальные свойства пищи становятся менее важными. Благодаря этому в обрядах задействуются столь разные варианты блюд: капуста, борщ, кофе, водка и пр.

Не преследуя цель собрать все варианты реализаций «пищевых» категорий в славянских культурах, представим пример этнолингвистического анализа пищи, характерной для такой значимой территории славянского мира, как Русский Север. «Пищевая» традиция этого региона будет рассмотрена через призму ее категориальных признаков, а также в свете сопоставления с иными славянскими культурами. Иноязычные, преимущественно западнославянские, параллели призваны выявить специфику севернорусского региона — уникальные и типологически сходные черты в представлении категориальных признаков пищи в разных славянских ареалах. Изучаемые севернорусские территории включают Архангельскую и Вологодскую области, а также северо-восток Костромской области: их расположение вдали от экономических и политических центров способствовало большей сохранности диалектной системы и традиционной культуры. Факты языка и культуры Русского Севера достаточно полно описаны в лексикографических, фольклорных и этнографических источниках XIX–XXI вв., а кроме того, здесь на протяжении многих лет работала Топонимическая экспедиция Уральского федерального университета, лексическая и этнографическая картотека которой стала одним из главных источников материала.

«Пищевые» оппозиции можно выявить в результате анализа мотивационных особенностей, контекстов и устойчивых словесных формул, связанных с пищей. Они эксплицируются:

- во внутренней форме слова: например, оппозиция «наваристый, густой — жидкий» выражается в арх. *добро, доброта* ‘калорийный, питательный продукт’ [АОС 11: 191; 203–204], волог. *крутоварка* ‘суп с мясом и картофелем’ [СВГ 4: 6] — костром. *голожопица* ‘пустой суп’ [ЛКТЭ], волог. *ничеёуха* ‘суп из молока, яиц, картофеля и муки’ [СВГ 5: 109], диал. шир. распр. *пустовар* [СРНГ 33: 144], волог. *скуной* ‘ненаваристый (о мясном супе, бульоне)’ [СВГ 10: 37–38];
- в словообразовательной структуре слова: таким образом противопоставлены названия постной и скоромной пищи, например, арх. *безгрешная уха* ‘похлебка из сухарей, соли и перца’ [СРГК 6: 659] — костром. *грешное* ‘масло, сметана и др. скоромные продукты’ [ЛКТЭ]; обозначения удачной и неудачной выпечки, ср. костром. *удача* — *неудача* [Там же];
- через системно-языковые связи, например устойчивую антонимию прилагательных в «пищевых» и «непищевых» значениях. Так, в «пищевом» значении противопоставлены прил. *тонкий* ‘жид-

кий, некрепкий' и *толстый* 'крепкий, насыщенный (о напитке)', ср. арх. *тонкое пиво, тончина* [Даль IV: 415; СРНГ 27: 18; 44: 231, 235], польск. диал. *ćanke pivo (ćankuś)* [SK 1: 70], польск. *ciemna herbata* [SJP 2: 31] — арх. *толсто́е пиво* 'крепкое пиво' [Даль IV: 414], польск. *wino tłuste* 'густое' [SW 7: 71]. Для других прилагательных, имеющих в качестве исходной или вторичной семантику 'полный, толстый', также характерны значения 'крепкий, насыщенный (о напитках)', например, волог. *дородное пиво* [СРНГ 8: 134], с.-х. *debelo vino, debelo mleko* [SP 2: 30];

- в контекстах, устойчивых выражениях и фольклоре. Так, текстовое противопоставление *суп* и *бурдома́га* является частным вариантом оппозиции «качественное — некачественное» блюдо, ср. волог. «Ну, какую бурдомагу съдня наварила, не суп, а настоящая бурдомага» [СГРС 1: 220]; оппозиция *вода* — *квас* прочитывается в контексте: «Вохмяки — водохлёбы, а ветчанията квасом напоят» [ЛКТЭ]. Некоторые словацкие присловья строятся на оппозиции «вода — спиртной напиток»: *Na studni voda, na čepe vino* (В колодце вода, в бочке вино), *Pivo še peni, voda še nepeni* (Пиво пенится, вода нет), *To vino muselo ís' cez mnohé vody* (Это вино должно было пройти через много воды) [Záturecký 1965: 157, 158].

Далеко не всегда оба члена оппозиции получают симметричное лексическое выражение: нередко эксплицируется лишь один из признаков, а другой или не выражен, или представлен меньшим количеством языковых единиц. Например, на Русском Севере лексически оформлена и символически осмыслена идеограмма 'некачественная выпечка' (волог., костром. *неуда́ча, кулеба́ка, чечу́ля* [ЛКТЭ] и пр.), тогда как единицы со значением 'удачная выпечка' менее распространены.

Подробнее рассмотрим отдельные «пищевые» оппозиции. К **собственным свойствам пищи**, которые наделяются символическими функциями, относятся такие ее признаки, как происхождение («растительный — животный»), вкусовые особенности («горький — сладкий», «соленый — сладкий», «кислый — сладкий» и др.), специфика термической обработки («сырой — вареный», «жареный — вареный» и др.), питательная ценность («некалорийный», «пустой» — питательный») и пр. Так, названиям блюд, соответствующим пищевой норме, противопоставлены обозначения неудачной пищи — плохо приготовленной, испорченной или невкусной (например неподнявшейся выпечки, невкусных, жидких похлебок и напитков, плохо сваренного пива). Многие славяне объясняли изменение нормальных свойств пищи проникновением в нее какого-либо «субъекта». В севернорусских говорах скисание похлебок и молока связывалось с именем *Афонас*: костром. *Афонька пальцем ткнул, Афоня в лаптях прошёл, Афонька набздел*

[ЛКТЭ], ср. укр. *Нате й мої штани в квас, щоб і я був Опанас* [ПП-укр: 212]. В Польше о пригоревшей пище шутливо говорили, что ее лиса хвостом помешала (кашуб. *v strave lěs ogõnem zameřał* ‘пища пригорела’ [Sychta II: 356]), в нее влез сапожник (ср. малопольск. *sefc włáz do kasy* [Kosiński 1914: 57], малопольск. *szewc wszedł do izby* (сапожник в избу вошел) ‘если пища в камине пригорит’ [Wasilewski 1892: 204]), оставил тапочек монах (малопольск. *Bernardyn pantofel zostawił* [Там же]).

Символика «пищевых» оппозиций связана с **религиозно-обрядовой ролью** блюда. В каждой традиции различалась пища повседневная и праздничная, ритуальная, приготовление которой было приурочено к определенным дням; существовали «чистые» и «нечистые» блюда, которые брезговали употреблять в пищу. Основополагающим для рациона славян можно считать противопоставление постной и скоромной пищи. Неотделимая от христианской традиции, эта оппозиция воспринимается как этическая: «безгрешный — грешный». К безусловно чистой, божественной пище относился хлеб (ср. словац. *Chlebiček dar boží* (Хлебушек — дар божий), *Vo chlebe pán boh býva* (В хлебе бог бывает) [Záturský 1965: 156], малопольск. *boski* ‘о хлебе, чаще — шутливо’ [Kucała 1957: 193]), тогда как представление об употреблении скоромной пищи в постные дни входило в народную концепции греха и приравнивалось к иному недостойному поведению, ср. волог. *скорóмиться* ‘сквернословить’ [СВГ 10: 29], костром. *грех* ‘жирные скоромные продукты’: «Греха какого тебе в кашу-то?» [ЛКТЭ]. К категории «грешной» пищи относились не только мясные, молочные продукты, но и спиртные напитки, ср. костром. *грех* ‘спиртные напитки’, *носить (давать) грехá* ‘носить (давать) кому-л. спиртное’: «Будешь носить греха — в ад попадешь» [ЛКТЭ]. Внутренняя форма многих названий алкогольных напитков воплотила образы сатаны и черта, ср. волог. *сатанá* ‘самогон’ [СВГ 9: 94], новг. *как черт пиво варит* ‘весело’ [НОС 12: 54], польск. кочев. *čarči rosól* (чертов бульон) ‘водка’ [SK 2: 65].

Всякой пище отводилась своя **роль в застолье**: установленной была очередность перемены блюд («первое — последнее»), функция блюда как основной пищи или лакомства, форма подачи блюда (например, в общей посуде или индивидуально и пр.), порядок употребления (начиная со старшего или по кругу, как, например, пили пиво на больших застольях) и пр. Традиционно в состав пищи входило несколько блюд, служивших основой рациона, и лакомства, которые в связи с сезонностью или дороговизной, употреблялись реже. У восточных и западных славян основными в рационе были хлеб, каша и похлебки: словаки говорили: *Kaša — mať naša* (Каша — мать наша), *Chlebiček náš tatiček* (Хлебушек — наш батюшка) [Záturský 1965: 157, 156], украинцы: *Борщ — найстарша страва, борщ-хазяин* [Агапкина 1995: 239].

На Русском Севере в качестве основного блюда употребляли щи (похлебки), кашу и хлеб. Капустные щи считались самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, ср. арх. *Шти капусте замена, капуста особая перемена* [Ефименко 2: 250], волог. *Голодному Федоту и щи в охоту* [Тенишев 7/2: 201]. Каша была эталоном домашней пищи, а ее варка расценивалась как прототипическая ситуация приготовления пищи, поэтому слова, связанные с *кашей*, формируют обобщенные значения ‘пища вообще’, ‘готовить пищу’, ‘стряпуха’ и пр., ср. новг. *Хороша кашка, да мала чашка* ‘о любимом блюде, которое редко едят’ [Там же: 207], печор. *кашник* ‘кашевар’, арх. ‘о том, кто любит кашу’, арх. *кашница* ‘стряпуха’ [СРНГ 13: 153], волог. *кашеварничать* ‘варить пищу’ [СРНГ 13: 149]. В Новгородской обл. в основное меню входил квас, ср. *квас целовал нас* ‘основной едой был квас’ [НОС 4: 35], *щи с квасом* ‘угощение’: «Спасибо за хлеб, за соль, за щи с квасом» [НОС 12: 117]. Употребление каждого блюда сопровождал хлеб — трапезничать без хлеба было не принято, поскольку такая пища считалась пустой и несытной. Об обеде без хлеба говорили: арх. *впустую*, арх. *напорóжно* [АОС 6–7: 13], арх., волог. *гóлью* [АОС 9: 287; СВГ 1: 120]. Хлеб входил в пищевой минимум, который должен быть на столе в самое бедное время: волог. *Хлеб да чесноковица — вот вся еда* [СВГ 11: 38], волог. *Хлеба ни куска, дак и в горнице тоска* [Тенишев 5/1: 45]. Приветствием «Хлеб-соль! — Хлеба есть!» обыкновенно обменивались хозяева и гости, зашедшие во время обеда [АОС 13: 156; ЛКТЭ; СВГ 11: 186].

Обед считался неполноценным и невкусным без соли, которая использовалась как обязательная и самая привычная приправа к еде, ср. олон. *кривой² обед*, арх. *кривой стол* ‘обед без соли’ [СРНГ 15: 245–246], арх. *непристойно* ‘не так, как подобает, невкусно’: «Несолено-то непристойно, без соли и не хлебается и не естся, все надо присолить» [СРНГ 21: 128]. Соленый вкус ассоциировался с вкусной пищей, ср. арх. *подсолить* ‘прибавить для вкуса, сдобрить’: «Чаек-то ваш подсолю молочком, скусней будет» [СРНГ 28: 188–189], *солóный* ‘приятный, вкусный’ [Меркурьев 1979: 148]. Отсутствие соли приравнивалось к отсутствию вкуса (ср. волог. *бессóлой* ‘безвкусный’ [СГРС 1: 109], волог. *малосóлый* ‘то же’: «Не положу мятой, чай кажется малосолый» [КСГРС]) или пищи вообще (ср. *бессóлица* ‘голод’: «Бесхлебица, бессолица есть в дому рассорица» [СРГК 1: 71]). С солью, как и с хлебом, связаны представления о гостеприимстве, щедрости и друж-

² По наблюдению С. М. Толстой, вторичные значения корня **kriv-* «основаны на том же общем семантическом компоненте “ненормативности”, что и “пространственные” значения, но здесь этот компонент полностью доминирует» [Толстая 1998: 219].

бе, ср. арх. *как несолоно ели* ‘несолоно нахлебавшись’ [АОС 13: 155], *солосóб* диал. шир. распр. ‘о человеке, который любит соленую пищу’, волог. ‘о гостеприимном, хлебосольном человеке’ [СРНГ 39: 290], арх. *хлебосóл* ‘знакомец, приятель’ [КСРНГ].

Чай на Русском Севере относился к напиткам, которые считались «желательными, но не обязательными»: крестьяне любили пить чай, но в силу дороговизны могли себе его позволить лишь несколько раз в неделю. Питье чая не заменяло трапезу, хотя в некоторых районах чай пили вместо полноценного приема пищи, если отсутствовала другая еда. Обычно чаепитие рассматривалось как ритуал, вид времяпрепровождения после работы, сопровождаемого беседой, ср. арх. *гонять чай*: «Сено скошено — только чай и гонять» [АОС 9: 314], общенар. *гонять чаи* ‘сидеть за чаепитием’, костром. *бочёрничать* ‘пить чай и вести беседу’: «Давай бочерничать! Вот сидят люди, угощаются, чай пьют, вкусное чего едят, разговор ведут» [ЛКТЭ]. Связь чая с отдыхом и общением сделали его питье синонимом безделья и легкой жизни, ср. костром. *бочёрничать* ‘бездельничать’, костром. *чебáрничать* ‘долго пить чай и вести беседу’ [ЛКТЭ].

Лакомством признавалась сладкая пища. Сладкие блюда, будучи редкими и праздничными, считались самыми вкусными, ср. волог., олон. *сáхарный* ‘вкусный, наилучший (о кушаньях)’ [СРНГ 36: 155; 157]. Лакомства носили в гости и готовили к встрече гостей, ср. арх. *гостíнец* ‘нечто вкусное, сладкое, лакомство’ [АОС 9: 391]. Вкусная пища ассоциировалась с баловством и изнеженностью: сладкими угощениями родители баловали детей, парни угощали девушек, ср. костром. *лебездítь* ‘кормить сладкой, вкусной едой’, *лебездínка* ‘лакомство’: «Сама не ела, а мальчонка всё лебездила» [ЛКТЭ], волог. *пáточить* ‘баловать, нежить’ [СВГ 7: 15] при общенар. *патока* ‘густое сладкое вещество’, волог. *усáхарить* ‘угодить’ [СВГ 11: 143]. На вологодской свадьбе жених или дружка угощали невесту, ее подруг и свах пряниками, конфетами и орехами (ср. песня девушек к жениху: «... Ты дари красных девок по поклону / Да сладких пряников по подолу» (волог.) [Тенишев 5/2: 474; 648]), что символизировало «сладость» молодой и предвещало будущую благополучную жизнь. С точки зрения народной этики употребление лакомой пищи могло иметь и негативные коннотации, поскольку ассоциировалось с привередливостью, бездельем и завистью. Подобный спектр значений формирует, например, волог. *калау́шник* ‘тот, кто стремится незаметно утащить лакомый кусочек’, ‘тот, кто привередлив в еде’, ‘попрошайка’, *калау́шничать* ‘выпрашивать лакомый кусочек’, ‘есть скоромную пищу’, ‘сидеть или стоять у стола, за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду’, ‘болтать, говорить без дела’ [СГРС 5: 28–29]. (О семантико-мотивационных особенностях диал. *калаушка*, *калаушничать* см. [Кучко 2016].)

Разные символические функции свойственны пище, которая подавалась на стол первой, в качестве основного блюда, и последней. Первое блюдо пробуждало аппетит (арх. *захлёбка* 'первое блюдо за обедом' [СГРС 4: 229]), а последнее ели, заедая основное блюдо для полного удовлетворения, «поверх» основной пищи (арх. *наверхосытку* 'на закуску после обеда или ужина' [Ефименко 2: 266]). Последняя рюмка или вкусный десерт считалась завершающим «штрихом» всей трапезы, ср. арх. *позолотить выть* 'выпить в конце трапезы' [Там же], простореч. *залакировать* 'выпить пива после водки', 'съесть десерт после основной трапезы', жарг. *лаком покрывать* 'пить пиво после закуски', 'запивать ликером «на дорожку»' [Криптогlossарий: 7]. Первое и последнее блюдо подавалось не столько для насыщения, сколько для того, чтобы организовать застолье. Первое блюдо собирало и объединяло гостей, задавало символический тон всей трапезе. Так, пиво и хлеб-соль были обязательным элементом встречи гостей или молодоженов, обеспечивая благополучие и достаток семьи. На вологодской свадьбе в качестве первого блюда дружка выносил рыбный пирог как знак изобилия и плодovitости невесты [Тенишев 5/2: 733]. В это время отец невесты угощал водкой всю семью жениха: кто не пьет, был обязан хотя бы пригубить и поздравить гостей с приездом [Там же: 558] — таким образом утверждалась общность и родство участников. Для сравнения на Балканах было принято в первую очередь предлагать гостю варенье с водой [Николаева 2016].

Предметный «пищевой» код помогал выпроводить гостей в достаточно мягкой, игровой форме, не нарушая норм этики. «Разгонным» блюдом на праздничных обедах могли служить или десерт, или пища, которая не соответствовала пищевым нормам (например сырой гусь, сухая корка, пироги без начинки, сырое молоко), или пустая тарелка. На Русском Севере существовал обычай завершать трапезу киселем. Названия киселя как последнего блюда образованы от глаголов с семантикой 'выгонять, выталкивать, выпроваживать', например, *гон-*: арх. *выгон* [АОС 6–7: 168], волог. *выгонщик* [СГРС 2: 217–218], арх. *кисель-погонялка* [СГРС 5: 148]; *шиб-*: арх., волог. *вышибало*, волог. *вышибаловка* [КСГРС]; *би(ть)*: волог. *выбивало* [Там же]; костром. *выжива(ть)*: *кисель-выживатель* [ЛКТЭ]. Выпровождение гостей строилось как антитеза встрече: если при встрече званых гостей угощали крепким пивом первого слива, что выражало почтение и уважение, то в конце трапезы подавали пиво с осадком. Когда выносили пивной осадок-*друзг*, все понимали, что пора расходиться, ср. костром. *друзг подать* 'намекнуть на завершение трапезы': «Уж друзг подали, пиво кончилось, пора нам расходиться» [ЛКТЭ]. В конце обеда могли угощать блюдом низких вкусовых качеств, вызывающим неприятие: так, в Вологодской обл. в заключение обеда свахе предлагали «пирог

вонючий с редькой» и ставили на стол два пустых блюда, прикрытые одно другим [Тенишев 5/2: 643].

Семиотика последнего блюда характеризует как восточно-, так и западнославянскую традиции. Западные и восточные славяне последней нередко подавали кашу: полешуки — в конце поминальной трапезы, поляки, чехи, русские — в конце свадебного пира. В Полесье в канун Масленицы варили *разгонную кашу*, которая обозначала конец посиделок [БДПА: Верхние Жары; Копачи]; полешуки говорили: *Po kaszy to už nie budzie paszy* (После каши уже не будет еды) [Jeleńska 1891: 513], украинцы: *Каша розгониха наша* [Номис 1864: 540], поляки: *Kaszą wystraszą* (Кашей распугивают) [Witkoś 1978: 201].

Пища выступала **социальным маркером**: по характеру рациона можно было узнать богача и бедняка, горожанина и крестьянина, своего и чужого. Существенно отличалась пища скудная, бедная, которую употребляли в голодное время или постоянно ели бедняки, и богатая, которую обычные крестьяне могли себе позволить в изобильное время, а состоятельные употребляли постоянно. На Русском Севере одним из эталонов скудной, простой пищи была репа — волог. *дешевле пареной репы* ‘о низкой цене, дешевом товаре’ [СГРС 3: 221], пустые пироги — волог. *загибёнька с мóхом* ‘о бедном столе’ [СГРС 4: 43], жидкие, некалорийные супы — костром. *нужда* [ЛКТЭ], арх., волог. *голожóница*, волог. *голозадница* [СГРС 3: 80]; квас — *Ешь ци с мясом, а нет, так хлеб с квасом; Кроме квасу, нет запасу* [Даль II: 103]. В Польше символом бедной, простой пищи считались жидкие похлебки на закваске, например, жур (*żur*) и «квас» (*kwas*), которые ели в основном в пост (ср. *Wczoraj kwas, dzisiaj kwas, zęby w te kucharkę piorun trzas* (Вчера квас, сегодня квас, вот бы в ту кухарку молния ударила) [NKPP 2: 262]), борщ, свекольный отвар (ср. *za barszcz tylko* (за борщ только) ‘за бесценок’ [Poszukiwania X/2: 351]), и даже просто вода (ср. *Czasem z kwasem, a czasem i z wodą* (Порой с квасом, а порой с водой) [NKPP 2: 262]). Бедной, скудной признавалась постная пища, ср. волог. *поговётъ* ‘поголодать’ [СВГ 7: 83], волог. *постно хлебать* ‘жить бедно, ограничивая себя в еде’ [СВГ 11: 187]; польск. диал. *jałowy* ‘постный, без жира (о пище)’, ‘бедный’, ‘без имущества’ [KSGP], *chudo* ‘без жира’, ‘бедно, убого’ [SGOWM 1: 315].

Сытные вкусные продукты считались признаком высокого социального положения. Так, в Лешуконском и Пинежском районах Архангельской обл. выражение *царская еда* обозначало изысканную пищу, поскольку отсюда были организованы поставки грибов и дичи в Петербург: «Рыжики — царская еда называется, их когда отваришь»; «Рябков тогда в Питер коробами возили, это была царская еда, своим санным путём возили» [АОС 13: 33]. В Костромской области записано выражение *комиссарская еда* ‘сытная, вкусная, богатая пища’: «Ко-

миссары-те всё отбирали — вот, говорили, хорошо живут. Кто хорошо ест — вот, скажем, комиссарская еда» [ЛКТЭ]: такое обозначение отсылало ко времени продразверстки (продналога), когда комиссары продотрядов осуществляли сбор продовольствия у крестьян, в результате чего возникало социальное расслоение «по пищевому» признаку на голодных крестьян и сытых *комиссаров*, у которых продукты были в достатке. Здесь же пекли лепешки из картофельных очисток или жмыха, которые также называли *комиссарики*: энантиосемия слова объяснялась тем, что блюдо готовили из того, что сохранилось у крестьян после визита комиссаров [ЛКТЭ].

Материальный достаток символизировала жирная пища, ср. арх. *сытоёд* ‘обильная еда’ [КСРНГ], *масляно ешь* ‘роскошно живешь’ [Даль II: 302], а также выражения о жизни в достатке — укр. *жѐти як сир* (вареник, *пиріг*) *у маслі* [СУМ 4: 639], польск. *opływać we wszystko jak pączek w maśle* (купаться в роскоши как пончик в масле) [SJP 4: 492]. Значения ‘жирный’, ‘богатый’ сочетаются в рус. *жирный*, польск. *maśny* ‘жирный’, ‘дорого продающий товары’, ‘богатый’ [Karłowicz III: 122], чеш. *mašťný: to je mašťné* ‘дорого (о цене)’ [ЧРС: 246]. Признаком благополучной и безбедной жизни была сладкая пища (мед, патока, сахар): новг. *одна нога в меду, другая в патоке* ‘о человеке, который живет в достатке’ [НОС 7: 105], *У богатого все сладко, все гладко* [Даль IV: 216], а также лакомства, которые крестьянам приходилось покупать, — например чай, кофе, конфеты, пряники и пр. Так, в Грязовецком уезде Вологодской губ. существовал обычай: возвращаясь с заработков из Питера, крестьянин, чтобы показать, как ему хорошо жилось в столице, ехал по деревне на тройке, разбрасывая пряники [Тенишев 5/2: 28].

В южнославянских и западнославянских языках значения ‘дорогой; обеспеченный’ были связаны с солью, ср. польск. *ślona cena* ‘высокая цена’ [SJP 8, 401], *Przedać co z solą i pieprzem* (Продать что-л. с солью и перцем) ‘дорого’ [SW 6: 215, 273], с.-х. *ślâne цене* ‘высокие цены’ [СХРС: 550]. Соль считалась одной из основных статей расхода и мерилom цен на прочие товары, ср. польск. диал. *nie mieć ani na sól* (не иметь даже на соль) ‘быть совсем без денег’ [KSGP], *Sól na sery, a sery na sól* (соль на сыр, а сыр на соль) ‘ничего не заработал, доход равен расходу’ [НКРР 3: 273].

Выделялись блюда, которые было принято готовить всей деревенской общиной. Коллективно пищу варили к некоторым календарным праздникам и обрядам, что объяснялось символическим значением совместного употребления блюда, а также трудоемкостью и сложностью индивидуального приготовления (например варка пива). На Русском Севере существовал обычай коллективной варки каши в храмовые праздники: ее готовили в больших котлах, а все ингредиенты —

крупу, соль, масло жертвовали прихожане (волог.) [Тенишев 7/2: 43]. По случаю окончания жатвы угощали *отжинной кашей* (арх.) [СРНГ 13: 148]: ее варили как поочередно, по мере завершения жатвы каждой семьей, так и коллективно, после окончания работ всей общиной, ср. арх., волог. *каша* 'праздник по окончании жатвы': «Всё, у меня сегодня каша, всё, поле сделала» [СГРС 5: 110; Ефименко 2: 262; СРНГ 13: 148]. Особое распространение этот обычай имел в Пинежском районе Архангельской обл.: здесь *кашей* называли не только трапезу и празднество, но и — метонимически — самих жней, ср. «*Чья каша идет?*» [СРНГ 13: 148]. Связанный с *кашей* мотив коллективности проявляется в названиях совместных трапез и групп людей, объединенных общим делом, например, [без указ. места] *каша* 'общий стол в артели', волог. *кашехлёб* 'насмешливое прозвище бурлаков и сплавщиков леса' [СРНГ 13: 148, 150]. В Архангельской обл. существовал обычай сообща варить *бригадную уху*: «Раньше было принято собираться на бригадную уху. Едят сначала житкость. Берут тазы, молитву читают. И едят рыбу. Водят на эту общую уху» [КАОС]. В Костромской обл. рекруты собирали продукты и совместно готовили яичницу-*селянку* из молока, яиц и мелкой рыбы или курицы [ЛКТЭ].

Специфичной для Русского Севера была традиция устраивать *братчины* — совместно варить и пить пиво по случаю важных календарных дат или по окончании сельскохозяйственного сезона. В его приготовлении непременно участвовала вся деревня, а праздновать приходили и жители соседних деревень — это отличало братчины от рядовых посиделок или семейных застолий. Родство, братство участников составляло один из главных принципов ритуальных *братчин*: костром. «Братчина, если звали как братья, соседи раньше были как братья, братчину, общину пили»; «Все братья, как говорится, стали. Родня и не родня — все братья. Вот называли братчина» [ЛКТЭ]. Каждый из представителей общины должен был участвовать в варке пива, вложив свою часть, долю: отсюда такие названия братчин, как костром. *складчина* [Там же], волог. *складины*, *складки*, *складщина*, *складья* [СВГ 10: 21, 22]. Именно пиво и, видимо, позднее, другой алкоголь играли роль объединяющего начала на застолье, а ритуал его варки и употребления поддерживал ценности дружбы и коллективности: в некоторых регионах само празднество называлось *пиво* или *пива* (арх.) [Подвысоцкий: 8], ср. волог. *быть у пивов* [СВГ 7: 57], костром. *о (на, у) пивах* 'на празднике, где варят пиво' [ЛКТЭ].

Оппозиция «свое — чужое» противопоставляла пищу жителей отдельных деревень, регионов, а также соседствующих этнических групп. Например, костромские прозвища *водохлёбы* и *квасники*, называющие соответственно жителей бассейна р. Вохма и Вохомского района и Вятки, содержат оппозицию *вода* — *квас*. «Вохмяков» за при-

вычку пить и хлебать воду, которая намекала на их бедность, называли *водохлёбы*, а «вятченят» звали *квасники* (*водоквасы*, *квасная пучина*) за любовь к квасу: «Вохмяки-водохлёбы. Пей или не пей <квас>, а всё воды хочется. А вятские квас пили» [Осипова 2017: 92]. Отличие пищи инородцев всегда чувствовалось особо остро, поскольку она знакомила с новыми продуктами, вкусами и технологией приготовления. Например, у русских было принято замораживать мясо для хранения, тогда как финно-угорские народы мясо и рыбу чаще солили, вялили и сушили, вследствие чего оно приобретало специфический запах. На Русском Севере память об особенностях кухни северных народов сохранили некоторые коллективные прозвища. Так, мотив употребления сырого, испорченного или заквашенного мяса прослеживается в антропонимах. «За пристрастие к мясу “с душком” жителей куста деревень Ротковец Коношского района Архангельской обл. называли *ротковская говядина*: “Изгниет мясо, а они его едят”. Жителей д. Заозерье Мезенского района Архангельской обл. звали *кислая камбала* (*кислые камбалы*), поскольку они “заквашивали” рыбу: “Они все по камбалы ходили, камбалы сквасят, закислят и едят”. По данным “Словаря коллективных прозвищ”, “слово *камбала* в Архангельской губернии имело значение ругательства. На Онеге было распространено выражение *косая камбала* в значении ругательства. Жители этой деревни в большом количестве ели морскую камбалу особого печорского посола”, а “печорский” посол рыбы как раз предполагал приготовление рыбы “с душком”. Прозвище населения Каргопольского уезда и жителей полуострова Канин Нос Архангельской обл. *сыроёды* также отражает особенности приготовления рыбы и мяса: “Жители очень любят есть сырую рыбу и сырое мясо. И сейчас любят они рыбку сырком есть и приговаривают: “Рыбка сыра и вкусна, да в ней сила наша, в жилах кровинушка наша текёт””, ср. *сыроёд* р. Урал “о том, кто ест сырую, невареную пищу”, том. “о том, кто ест сырую рыбу”. Действительно, пожалуй, самой специфичной чертой “чужой” кулинарии является приготовление мяса или рыбы, тем более что для русских они не являлись основным продуктом питания. Интересно, что в [СРНГ] слово *сыроёды* подается в одном ряду с прозвищем *чудь белоглазая*: “Каргопольцы — *чудь белоглазая, сыроеды*”» [Осипова 2017: 94–95].

Некоторые заимствованные блюда прижились в севернорусской кухне. От финно-угров пришла технология приготовления пресных пирогов в виде оладий или круглых лепешек, смазанных сверху начинкой или без нее (арх., волог. *калитка* [КСГРС; СГРС 5: 35]). Возможно, в силу контактов с финским населением, в рационе которого главным овощем была брюква (об этом пишет В. В. Похлебкин [Похлебкин 1982: 5]), репа стала регулярно употребляться русскими крестьянами, а ассортимент блюд из нее значительно расширился: репу вялили, гото-

вили из нее кашу, суп, запеканки, квас, компот (показательно, что ареал слова *рэпница* в значении ‘блюдо из репы’ ограничивается Русским Севером) (см.: [СРНГ 35: 71]). На Русском Севере репа использовалась во многих обрядах (см.: [Березович, Усачева 2009]), ее образ был характерен для больших и малых форм фольклора (так, общеизвестная сказка «Репка» была впервые опубликована А. Н. Афанасьевым в вариантах, записанных именно в Архангельской и Вологодской обл.).

Когда заимствованный продукт начинал употребляться за пределами одного социума, оппозиция «свое – чужое» отражалась в мотивации слова. Так произошло в XIX в. с наименованиями сливочного масла, технологию приготовления которого внедрил Н. В. Верещагин. Новое масло из пастеризованных сливок получило три названия, которые воплотили разные мотивационные признаки: *парижское*, поскольку рецептура копировала особенности приготовления масла, увиденного Н. В. Верещагиным на выставке в Париже, *петербургское*, так как масло экспортировалось в Европу из Санкт-Петербурга, и *вологодское*, потому что готовилось из молока, полученного в Вологодской губернии [Твердохлеб и др. 2002]. Его противопоставляли маслу *русскому* [Даль II: 302], которое перетапливалось после приготовления, *чухонскому* [Там же], которое взбивали из произвольно скисших сливок, и *голиштинскому*, маслу из специально заквашенных сливок (от *Голиштиния*, исторический регион Германии) [Твердохлеб и др. 2002; Гранат].

Модель, осмысляющая непривычную пищу как чужую, является типичной для славянских языков. Например, в названиях некоторых польских блюд прослеживаются «русские» образы³: «московскими» называются незатейливые овсяные блинчики, ср. польск. *moskal* ‘овсяная лепешка’: *wesele w jednym moskalu, o kwaterce wody* (свадьба с одной оладьей, квартой воды); квас, а также крепкие алкогольные напитки: *kwas pieterburgski* ‘напиток из муки, изюма и дрожжей’ [Karłowicz II: 541], *moskiewski spirytus* ‘настойка стручкового перца’ [Там же III: 186]. (Подробнее о «московских» названиях в польском, украинском и др. языках см. в статье [Березович, Кривошапова 2015: 141].)

Некоторым польским блюдам приписывается немецкое происхождение: польск. выражение *kawa niemiecka* ‘цикорий’ [SJP 2: 301], вероятно, связано с тем, что первоначально цикорий был особенно распространен во Франции и Германии, где научились культивировать цикорий и получать из него напиток. Мазовецкое название *miemiec* ‘фасоль; рождественское блюдо из фасоли’ [Dworakowski 1964: 33] также объясняется тем, что в польскую кухню это блюдо пришло из Германии.

³ О выражении этнических стереотипов через «пищевой» код см. [Березович 2014: 267–273], где рассмотрены названия, образованные от этнонима *русский* и топонимов *Русь, Россия*.

* * *

Интерпретация пищевой традиции региона может проводиться не только через представление отдельных блюд, но и через анализ символики категориальных признаков пищи: собственных свойств блюда, его роли в застолье, религиозно-обрядовых и социальных функций. Так, диалектные материалы показывают, что к основной пище на Русском Севере относились каша, похлебки, хлеб и квас, к лакомствам — чай, выпечка из пшеничной муки и сладости (пряники, конфеты и пр.). Бедной пищей считались постные блюда, жидкие похлебки, ржаные, пустые пироги, богатой — жирная и сладкая пища и пр. Для пищи этого региона символически важными были категории постной — скоромной пищи, последнего блюда, коллективно приготовленной пищи (каша, уха, ячница, пиво) и пр. Влияние на рацион русских крестьян оказало соседство с финно-угорскими народами.

Большинство «пищевых» категорий приобретает дополнительную ценностную и смысловую нагрузку в языке и культуре, которая проявляется в мотивационных связях соответствующей лексики, а также символической роли пищи в обрядах и фольклоре: например, употребление лакомой, изысканной пищи ассоциировалось с привередливостью и бездельем, некачественные блюда использовались в разгонной функции, скромные блюда и алкоголь считались «грешной» пищей и т.п. Категории, через которые описываются пищевые традиции, служат основой для выводов сопоставительного характера, выделяющих семантические универсалии и уникальные характеристики региона: например, в русской традиции символом богатства в большей степени являются жирные и сладкие блюда, тогда как для южных и западных славян устойчива связь соли и достатка; знаком бедной пищи у русских крестьян были жидкие похлебки, квас, у поляков также жидкая, приготовленная путем заквашивания пища; в качестве разгонного блюда на русском застолье подавали кисель, поляки и украинцы — кашу.

Литература

- Агапкина 1995 — Агапкина Т. А. Борщ // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5-и т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 239.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоной. М., 1980–2015–. Вып. 1–.
- БДПА — Полесский архив этнолингвистической экспедиции Института славяноведения РАН: база данных (Институт славяноведения РАН, сектор этнолингвистики и фольклора).

- Березович 2014 — Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Березович, Кривошапова 2015 — *Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А.* Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков. Человек. Культура. Политика и экономика // *Quaestio Rossica*. 2015. № 1. С. 129–152.
- Березович, Усачева 2009 — *Березович Е. Л., Усачева В. В.* Репа // *Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5-и т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 92–112.*
- Валенцова 2008 — *Валенцова М. М.* Магические функции еды // *Традиционное русское застолье: сборник статей. М., 2008. С. 202–215.*
- Гранат — Гранат: энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://granat.wiki/enc/m/maslo-i-maslodelie> (Дата обращения: 10.10.2017).
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
- Ефименко — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность. М., 1877–1878.
- Кабакова 2015 — *Кабакова Г. И.* Русские традиции гостеприимства и застолья. М., 2015.
- КАОС — картотека Архангельского областного словаря (МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка).
- Коды повседневности 2011 — Коды повседневности в славянской культуре: Еда и одежда. СПб., 2011.
- Криптогlossарий — Криптогlossарий. Отрывок. Представление глагола «выпить». СПб., 1891.
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- КСРНГ — картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Кучко 2016 — *Кучко В. С.* К этимологизации диалектных омонимов волог. *калаушка* // *Русский язык в научном освещении*. 2016. № 2 (32). С. 188–205.
- ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Меркурьев 1979 — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Морозов 2008 — *Морозов И. А.* Обычай, верования, магия, связанные с началом и завершением трапезы // *Традиционное русское застолье: сборник статей. М., 2008. С. 16–35.*
- Николаева 2016 — *Николаева Т. М.* Об одном «балканизме» у Пушкина // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Выпуск 9. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова / Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска А. А. Пичхадзе, Ю. В. Кагарлицкий. М., 2016. С. 484–503.*
- Номис 1864 — *М. Номис.* Українські приказки, прислів'я и таке инше. СПб., 1864.

- НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–12.
- Осипова 2017 — *Осипова К. В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Похлебкин 1982 — *Усивирта Х.* Финская национальная кухня // Предисл. к рус. изд. В. В. Похлебкин. М., 1982. С. 3–10.
- ПП-укр — Прислив'я та приказки: Людина. Родина. Життя. Риси характеру. Київ, 1990.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 1–12.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- Седакова 2000 — *Седакова И. А.* О сладком в языке и культуре болгар // *Etnolingwistyka*. XII. Lublin, 2000. С. 155–165.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–49–). М.; Л., 1965–2016–. Вып. 1–49–.
- СУМ — Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.
- СХРС — *Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М., 1976.
- Твердохлеб и др. 2002 — Вологодское маслоделие. История развития: Монография / Г. В. Твердохлеб, В. О. Шемякин, Г. Ю. Сажин, П. В. Никифоров. СПб., 2002.
- Тенишев 5/1 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007.
- Тенишев 5/2 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007.
- Тенишев 7/2 — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., 2009.
- Толстая 1998 — *Толстая С. М.* Культурная семантика слав. **kriv-* // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 215–229.
- Толстая 2006 — *Толстая С. М.* О семантике каритивности (слав. *prěsnъ* и его парадигматические партнеры) // *Ad fonts verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006. С. 363–380.
- Толстая 2002 — *Толстая С. М.* Оппозиция «постный — скромный» в свете диалектной семантики // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–24 октября 2002 года. Екатеринбург, 2002. С. 128–132.
- ЧРС 1989 — Чешско-русский словарь. М., 1989.
- Якушкина 2003 — *Якушкина Е. И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. МГУ. М., 2003.

- Dworakowski 1935 — *Dworakowski S.* Zwyczaje rodzinne w powiecie wysokomazowieckim. Warszawa, 1935.
- Dworakowski 1964 — *Dworakowski S.* Kultura społeczna ludu wiejskiego na Mazowszu nad Narwią. Białystok, 1964.
- FOL — Folbas. Baza pieśni i wierszy z Dziej wszystkich Oskara Kolberga (Instytut Filologii Polskiej UMCS, Lublin).
- Karłowicz 1–6 — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. T. 1–6.
- Kosiński 1914 — *Kosiński W.* Słownik okolicy Czchowa // MPKJ. VII. Kraków, 1914. S. 27–74.
- KSGP — Kartoteka Słownika gwar polskich (Zakład Dialektologii Polskiej IJP PAN, Kraków).
- Kubiak 1981 — *Kubiak I., Kubiak K.* Chleb w tradycji ludowej. Warszawa, 1981.
- Kućała 1957 — *Kućała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Łeńska-Bąk 2002 — *Łeńska-Bąk K.* Sól ziemi. Wrocław, 2002.
- Łeńska-Bąk 2006 — *Łeńska-Bąk K.* Obrzędowa funkcja miodu // Literatura Ludowa. № 4–5. 2006. S. 31–48.
- NKPP — Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło S. Adalberga / Red. J. Krzyżanowski, S. Swirko. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
- Poszukiwania X/2 — Poszukiwania // Wisła. T. X. 1896. S. 342–363.
- SGOWM — Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur. T. 1–4. Wrocław etc., 1987–2004.
- SJP — Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. T. 1–11.
- SK — *Sychta B.* Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1980–1985. T. 1–3.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974–2001. T. I–VIII.
- SW — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1900–1927. T. 1–8.
- Sychta — *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
- Jeleńska 1891 — *Jeleńska E.* Wieś Komarówicze w powiecie Mozyrskim // Wisła. T. V. Z. 3. 1891.
- Witkoś 1978 — *Witkoś St.* Zwyczaje i wróżby związane z wigilią Bożego Narodzenia // Lud. T. LXII. 1978. S. 199–203.
- Wasilewski 1892 — *Wasilewski Z.* Przyczynek do etnografii krakowiaków // Wisła. T. VI. Z. 1. 1892. S. 184–204.
- Záturecký 1965 — *Záturecký A. P.* Slovenské příslovía, porekadlá a úslovía. Bratislava, 1965.

КАРПАТО-БАЛКАНСКИЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Речь в работе пойдет о лексике народной духовной культуры общего славянского происхождения, а также о существенных текстуальных совпадениях в кратких фольклорных жанрах у славян в восточных Карпатах и на Балканах. Карпато-балканские этнолингвистические соответствия в терминологической лексике народной духовной культуры, заметно выделяющиеся на общеславянском фоне, можно разделить на несколько групп, связанных с ареальными характеристиками рассматриваемых явлений. Во-первых, наблюдается большое число соответствий у южных славян на Балканах и в Южных Карпатах на территории Румынии. Нередко культурно-языковые явления этого типа составляют общий севернобалканский ареал. Во-вторых, в последнее время обнаруживается все больше этнолингвистических параллелей у южных славян восточной части Балкан и у славян, населяющих Западные Карпаты (в частности, в процессе применения балканославянского этнолингвистического вопросника в полевых исследованиях в Средней Словакии). Такие параллели во многом объясняются процессами так называемой валашской колонизации на север в XIV–XV вв. В-третьих, обнаруживаются эксклюзивные сходства в терминологической лексике и корреспондирующих явлениях народной культуры у балканских славян и у славян в Восточных Карпатах (украинское Закарпатье), которые весьма архаичны и, по всей вероятности, связаны с двумя этапами заселения славянами Балканского полуострова.

Рассмотрим несколько карпато-балканских этнолингвистических параллелей, характеризующих, с одной стороны, центральную зону Южной Славии, с другой — аналогичные явления в Западной Украине, зафиксированные на Гуцульщине:

- (I) наименования, связанные с магией и колдовством (от **činiti*);
- (II) названия мифологических персонажей, предсказывающих судьбу ребенка (от **sqd-*);
- (III) фольклорные мотивы, касающиеся запретов и предписаний, которые высказываются в песнях мифологических персонажей типа ю.-слав. ⁺*vila*.

Все рассматриваемые параллели относятся к архаическому слою культурно-языковой народной традиции.

I. Наименование ведьмы *čirilica* известно на достаточно большой территории центра Южной Славии. Это следует из диалектных и этнографических источников XIX–XX вв., а также из материалов собственных полевых записей автора в западной Сербии (1997, 2001, 2014, 2016 гг.) и центральной Боснии (2011–2012 гг.). Ареал термина охватывает среднюю и северную Боснию, примыкающие области в Хорватии, западной Сербии и Черногории. На территории Хорватии наименование ведьмы *чинилица* было отмечено у сербов-границар в заклинаниях против зла, наносимого ведьмами, при этом наряду с *чинилица* упоминается и название *вјештица*. Проследивая далее термин *чинилица* в западной части южнославянской территории, находим его в Боснийской Краине, также наряду с *вјештица*; персонаж описывается как вредоносный для людей: дух ведьмы в виде маленькой птицы вылетает из ее тела во время сна, чтобы творить зло по ночам, если же тело ведьмы перевернуть во время сна, то ее дух не сможет вернуться обратно. На пограничье со Славонией в Боснийском Посавье фиксируется рассказ о пойманной среди чужих коров ведьме, которую и здесь называют *čirilica*. В северной части Боснии, в Маглае, также отмечены оба наименования ведьмы: и *вјештица*, и *чинилица* (список источников см. в работе [Плотникова 2014: 8]). По данным конца XIX в., ведьмы, называемые и *чинилице*, и *вјештице*, собираются вместе на заброшенном гумне (Гласинац в северо-восточной Боснии [Лилек 1894: 669]). В Фоче (средняя Босния) также известно наименование ведьмы *чинилица*; с помощью магических действий она отбирает у чужих коров молоко [Там же: 670].

Данные о лексеме *čirilica* ‘ведьма’ в Боснии следует дополнить полевыми материалами, собранными у мусульман Боснии в 2011–2012 гг. Так, в мусульманском селе Дуймовичи, расположенном между горными массивами Белашница и Трескавица, отмечено (2011 г.): *čirilice* ‘ведьмы’, т. е. женщины, которые умели наносить порчу (*znale učiniti*). По сведениям жителей Дуймовичей, *čirilica* могла сделать так, чтобы у коровы не было молока и чтобы овцы в хозяйстве болели. Ведьму, называемую *čirilica*, старались подкараулить ночью, поймать, при этом она была голой и с распущенными волосами; зафиксирован и типичный сюжет былички о поимке и наказании ведьмы ночью с целью распознать наутро в пришедшей женщине сельскую ведьму. Старое наименование у мусульман Боснии сохраняется наряду с новым, представляющим собой турцизм арабского происхождения: *si(h)irbasica* или *si(h)irbašica* [Škaljić 1979: 563–564]; ср. босн. *sihir* ‘магия, чары’; ‘зло’. Несколько реже, чем турцизм, у боснийских мусульман встречается дублет *vještica*, более употребительный у сербов. Впрочем, в северной

Боснии в округе Приедора (Республика Сербская)¹ повсеместно у православных и мусульман: *vještica* ‘ведьма’, реже — *чаралица* в том же значении, тогда как результат действия данного персонажа обозначаются термином *čini* ‘магия, порча’ в устойчивых сочетаниях: *nabacila (metnula) čini* (т. е. навела порчу, букв. «набросила»)².

В западной Сербии известны оба наименования ведьмы славянского происхождения: и *чинилица*, и *вјештица*. По этнографическим источникам, эти дублиеты фиксировались еще в конце XIX в. в Шабачком и Ужицком краях (см. переизд. Миличевича [Миличевич 1984: 197])³. В этих краях известен и традиционный набор вредоносных функций ведьмы: ведьма пьет кровь новорожденных, вредит роженице; насыляет на людей порчу, а также устраивает непогоду; с целью нанесения вреда ночью окружающим ее душа вылетает из тела в облике бабочки (подробнее см. [Зечевић 1984: 348–349]). По собственным записям автора, в Драгачеве (западная Сербия) употребляется и *вјештица*, и *чинилица*, а также и *чињарица* (1997 г.) как наименование женщины в селе, которая наводит порчу и отбирает молоко у скота. В селе Рудно в области Голия также отмечено *чињарица* в качестве названия женщины, занимающейся вредоносной магией: она наводит порчу (в основном на молодоженов), отбирает молоко у скота и насыляет на него болезни (запись 2002 г.). В селах в округе Косьерича регулярно отмечается: *чинилица* ‘ведьма’, часто с удвоенным акцентированием злокозненных действий ведьмы: *чинилица чинила* (ведьма колдовала) (села Мионица, Скакавци, запись 2016 г.).

Полевые данные 2014 г. из экспедиции по Приепольскому и Прибойскому регионам⁴ дополняют картину распространения наименований ведьмы от **činiti* ‘делать’. На востоке от города Приеполе, в населенных пунктах Хисарджик и Качево, где проживают мусульмане, отмечен дериват *чињарица* ‘ведьма’, с тем же расширением, что и

¹ Полевые исследования 2017 г. проводились в рамках проекта Еленки Пандуревич «Защита нематериальных духовных ценностей Республики Сербской» в селах: Доня Драготиня, Горня Драготиня, Орловцы, Сводна, Радомировац, Брезичани, Бистрица, Прусци, Цикоте, Козарац.

² Ср. аналогичные данные из дипломной работы по лексике в округе Баня-Луки Д. Савич [Савић 1997: 80].

³ Отметим, что по записям коллег из Шабачкого края, работавших по программе А. А. Плотноковой «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» (переизд.: [Плотнокова 2009]) уже в начале XXI в., названия ведьмы от **činiti* уже не отмечаются (зафиксировано лишь *вјештица*) [Якушкина 2006; Петровић 2006].

⁴ Экспедиция осуществлена в рамках сербского проекта «Полимье: мультидисциплинарные исторические исследования» под рук. С. Пушицы, которому автор статьи выражает благодарность за помощь во время полевых исследований.

в православном Рудно, находящемся восточнее Приепольского края. На западе от города Приеполе, в православном селе Горне Бабине, прибойских селах Калафати и Слатина, черногорском — Боляничи, фиксируется форма *чинилица* ‘ведьма’, как и в боснийских селах вблизи Сараева. Функции ведьмы во всех исследованных селах приблизительно одинаковы: отбирает у скота молоко, насылает болезни на людей и скот, особенно активизируется в канун больших праздников, может навести порчу на свадьбе.

Для уточнения ареала наименований *činilica* ‘ведьма’ следует также упомянуть термин *чињелица* в том же значении в северной Черногории (Ускоки) [Станић 2: 486], регионе, близком по языковым диалектным признакам западносербскому и образующем вместе с западносербским и боснийским регионами единый центральный ареал по ряду этнолингвистических признаков (подробнее об этом см. [Плотникова 2004: 321–330, 718]).

Если обратиться к словарям сербскохорватского языка XIX–XX вв., то обнаружим лексему *činilica* ‘ведьма’ без каких-либо помет, указывающих на диалектный характер слова, что отчасти связано и со спецификой местной лексикографической традиции (см. об этом [Плотникова 2000: 30–31]). Так, большой загребский словарь, начатый Дж. Даничичем и издаваемый в течение столетия, включает оба наименования ведьмы от **činiti* — и *činilica*, и *činarica*, наряду с *čini* ‘чары’. В статье *činilica* (f., incantatrix) [RJAZU 2: 28] при толковании «*žensko čeljade koje čini čini*» (женщина, которая насылает чары) дается синоним (*čaralica*), а также указание на время активного употребления лексемы (od prošloga vijeka (начиная с прошлого века)) и приводится некоторое количество примеров-иллюстраций из художественной и этнографической литературы, в частности, цитаты из работ того же М. Миличевича, фиксировавшего лексему в западной Сербии; из трудов боснийского францисканца С. Маргитича (Vračī, vištice i činilice nisu li svi sluge tvoje? (Знахари, ведьмы и колдуньи — не твои ли слуги?); Zaradi nevirnika i činilica (Из-за неверных и ведьм))⁵. К заглавному слову *činarica* [RJAZU 2: 37] дается лишь толкование: «*žensko čeljade koje u oči đurñeva dne čini da bi stoka imala mlijeka preko godine. U Srbiji*» (женщина, которая накануне Юрьева дня делает так, чтобы скот в течение года давал молоко. В Сербии), из которого ясно, что речь идет о сверхъестественных действиях женщины, способной повлиять на удои скота, по всей видимости, — о ведьме. Наиболее объемной, содержащей множество иллюстраций, ссылок и помет, в словаре является статья *čini* ‘чары’ [RJAZU 2: 28], она включает сведе-

⁵ Со ссылкой на труд «Fala ot sveti(h)», изданном Фра Стьепаном Маргитичем в Венеции в 1708 г.

ния о частом употреблении слова в XVII в., ссылки на предшествующие словари, в том числе на словарь Вука Караджича, где эта лексема представлена в сочетании *нагазио на чини* (наступил на порчу), а также при соответствующем глаголе как цитата из сербского фольклора: «Чїни чини сеїи Ивановој» (Насылает чары на сестрицу Иванову...) [Вук Рј: 902].

В современном стандартном хорватском языке сохраняется только: *čini* ‘uroci koji se na nekoga bacaју da mu nanesu зло (*baciti čini/čine; ovel/ovi čini*)’ (чары, которые насылаются на кого-либо, чтобы нанести зло (бросать чары))⁶. Словарь современного боснийского языка из всей совокупности народной лексики колдовского дискурса от **činiti* ‘делать’ (см. выше свидетельства из этнографических источников) оставляет только *čini* с пометой «etnol.» («этнографическое»), толкованием — ‘uroci, vradžbine i čari’ (сглаз, магия и чары) и указанием на фразеологизм *baciti čini na koga* ‘začarati koga, dovesti koga u stanje da nema potpunu kontrolu nad svojim ponašanjem i djelovanjem’ (бросать чары на к.-л., «заколдовать кого-либо, довести до состояния потери полного контроля за своим поведением и действиями») [RBJ: 139].

Обращаясь к материалу других славянских языков, видим, что значения лексем с корнем **čin-*, связанные с магическими действиями и субъектом их исполнения, отмечены в серболужицком⁷ и украинском, причем в последнем — лишь в западных его диалектах — на Карпатах. В этих же языках и диалектах дериваты самого глагола **činiti* в его основном значении ‘делать’ более употребительны, чем его эквиваленты (см. [ОЛА 8: карта № 43]).

К сожалению, данные «Общекарпатского диалектологического атласа» не позволяют судить о распространении названий ведьмы (колдуна), образованных от **činiti*, поскольку в отношении народной мифологической лексики авторами была выбрана несколько иная стратегия: в основе вопросника (и соответствующих карт) лежит лексический, а не семантический принцип фиксации названий мифологических персонажей (в частности ведьмы) при полевом обследовании: вопросы 313 и 314 ориентированы на распространенную лексему

⁶ Hrvatski jezični portal (Хорватский языковой портал): <http://hjp.novi-liber.hr/index.php?show=search>.

⁷ В лужицком языке существует не только глагольная лексема *čini* и под. (см. пункты 235, 236, 237 в ОЛА), но и специальная лексика народной духовной культуры, относящаяся к колдовству, которая имеет тот же корень: *činkar* ‘колдун’, *činkarka* ‘колдунья’, *činkarski* ‘колдовской’, *činkarstwo* ‘колдовство’ и *činki* ‘чары; магические предметы’ [Zeman 1967: 44–45] и, видимо, вторичного образования — *činkować* ‘колдовать’, ср. аналогичную словообразовательную модель в других славянских языках (укр. *видьма* — *видьмувати* [Гринченко 1901: 468]). Лужицкие аналоги в этом и других случаях требуют особого анализа в отдельном исследовании.

⁺*bosor*- на Карпатах, вопрос 316 — на ⁺*strig*- с указанием в качестве первого значения ‘женщина-ворожея’ (313), ‘мужчина, обладающий, по поверью, нечистой силой’ (314), ‘ворожея, колдунья’ (316) [ОКДА 1987: 137]. Карта ОЛА по данной теме указывает на единичное некартографируемое *činilica* ‘ведьма’ в восточной Боснии, что совпадает с нашими данными о центральном ареале Южной Славии, где такая лексема достаточно распространена как единственное название ведьмы или наряду с другими (*vještica*, *sihirbašica*).

Наибольшее разнообразие параллелей к южнославянским дериватам от **činiti* при обозначении действий, деятелей и реалий колдовства обнаруживается в восточных Карпатах, а именно в гуцульских и соседних карпатоукраинских говорах. В своем словаре «Гуцульская мифология» Н. Хобзей приводит следующие наименования из рассматриваемой сферы: *чинтар* ‘человек, способный наносить людям вред, порчу’ с коррелирующим обозначением женщины — *чинтарка*, а также: *чинаторка* ‘ведьма, чаровница’, *чінкар* ‘колдун’, *чинки*, *чінки* ‘чары’ (с. Бродина), *чінки* (Верховина) [Хобзей 2002: 182]. Основные ссылки в этой статье даются на Шухевича и Кобылянского. Приводимое в статье описание персонажей у Б. В. Кобылянского включает термин *ч’інтарі*, толкуемый как ‘злые волшебники, насылающие на людей беду, несчастья, сеющие раздоры, брань и драку в семьях’; про них говорят: «Тут хтос нач’иниў, хтос поробиў...» [Хобзей 2002: 182]. Отметим, что у В. Шухевича в 4-м томе «Гуцульщины» фиксируется отглагольный дериват *чінкі* ‘чары’ [Шухевич 4: 228], а в 5-м томе в одном из двух рассказов из с. Космач о колдунах и ведьмах (называемых здесь *чинатарі*) дается и лексема *чинатарка* ‘ведьма’ [Шухевич 5: 212]. Очевидно, что словообразовательные и фонетические варианты наименований колдуна / колдуньи от **činiti* на Гуцульщине далеко не единичны.

В лексикографическом труде «Гуцульські світі» в алфавитном порядке можно найти: *чинатор* ‘человек, который наносит вред человеку или скоту, колдун’ с примером из с. Гринява: «Уні мають менé за чинатора» (Они держат меня за колдуна) [ГС: 640–641]; *чинаторка* ‘женщина, которая наносит вред человеку или скоту, колдунья’ с примером из с. Зелена Верховинского р-на Ивано-Франковской области: «Я ни віру у чинаторі и чинаторкі» (Я не верю в колдунов и ведьм) [ГС: 641], а также заглавное слово *чінки* ‘чары’ с примером из Верховины: «Ше й сегодни віре гуцули ў чінкі» [ГС: 641]. Во всех случаях приводятся также иллюстрации из более раннего фольклорно-этнографического источника — многотомного труда В. Шухевича.

По нашим полевым исследованиям Гуцульщины (2012 г.), такая лексика встречается в селе Замагора, которое находится как раз недалеко от сел Зелена и Гринява, упомянутых выше в труде по Гуцульщине. Дериваты от **činiti* в соответствующих значениях отмечены в заклина-

нии и заговоре (т. е. в устойчивых текстах) с. Замагоры: *чинáторі* ‘люди, занимающиеся колдовством’. Лексемы были зафиксированы в двух текстах — заговоре при рождении теленка и магическом заклинании во время доения коровы, произносимых с целью, чтобы колдуны и ведьмы не отбирали манну: молоко и сметану. В повествовании об опасных календарных днях также упоминались *чинáторники*, характеризующиеся как люди, обладающие сверхзнанием и причиняющие вред хозяевам скота, отбирая у коровы молоко (запись от информанта 1938 г. р.).

В обобщающем труде по русинским говорам — словаре И. Керчи *чиньба́* определяется как ‘сглаз’ (по данным при заглавном слове пометам, слово фиксируется в закарпатских гуцульских и мараморошских говорах на закарпатско-румынском пограничье: селах Косовская Поляна, Росишка Раховского р-на на территории Украины, а также в селе Поляни в Румынии) [Керча 2: 571]. Более ранние свидетельства находим в «Малорусско-немецком словаре» Е. Желеховского: «Чиніта, m. s. Чарівнік; Чинкі, pl. s. Чáри» [Желеховский 1886: 1071], что представляется важным, поскольку автор словаря, как известно, опирался на языковые факты западноукраинских говоров.

Как следует из собранных материалов, наиболее полная картина наименований от **činiti* в значениях, связанных с колдовством, в украинских говорах фиксируется на Гуцульщине. Этот факт может подтверждать некоторые выводы, сделанные в исследовании С. Л. Николаева о балкано-карпатских изоглоссах как реликте позднеславянского лингвистического ландшафта [Николаев 2008]. Гуцульско-центрально-южнославянские лексические соответствия — дериваты от **činiti* с развитым значением субъекта злокозненных действий (с.-х. *činilica*, з.-укр. *чинаторка* и под. ‘ведьма’), возможно, связаны с общностью данных диалектов в прошлом и предположительно — с процессами второй волны заселения Балкан славянами, потомки которых в настоящее время населяют центральную часть Южной Славии (см. работы по лексике южнославянского центра и периферии Н. И. Толстого [Толстой 1997: 122–143]).

II. Названия мифологических персонажей, предсказывающих судьбу новорожденного ребенка, образованные от **sqd-*, распространены на достаточно широкой территории центра Южной Славии: известны в западной Болгарии и северной Македонии и далее регулярно фиксируются до региона Крань на западе Словении (см. картографирование термина и соответствующих контекстов в [Плотникова 2004: 694–705])⁸. Вместе с тем, среди наименований с корнем *-суд-* в раз-

⁸ Соответственно восточнее ареала терминов от **sqd-* фиксируются дериваты от **rekti* (наре́чница и под., Македония, южная Болгария) и от *†-(o/y)рис-* (ср. греч. *ορίζω* ‘определять’: *орисница* и под., преимущественно в Болгарии); западнее — от **rod-* (*rojenice* и под., Словения).

ных лексико-морфологических вариантах в восточной, южной и центральной Сербия, в Черногории, Боснии, Хорватии, северной Словении, западной Болгарии и северной Македонии преобладает термин *суђенице*. На севере Сербии (в Воеводине) и примыкающих к ней славонских областях прослеживаются видоизмененные по отношению к основному ареалу термина *суђенице* варианты, например: *судѣје*, *судбине*, наряду с *суђенице* (южный Банат и Оток в Славонии); *судбенице* (в устье Тиссы), см. [Якушкина 2004]. Для узкой центральной части Южной Славии, о которой идет речь в нашем исследовании, характерно функционирование лексемы *усуд* ‘мужской мифологический персонаж, определяющий судьбу человека’, при этом прослеживается употребление дериватов той же лексемы для обозначения женских мифологических персонажей, предсказывающих судьбу младенца: серб. *усуда*, что наблюдается в западном Среме (Оролик), в северо-восточной Боснии (Маевица), Ужицко-Пожегском крае в западной Сербии (Годлево), в Чачакском крае (с. Вуетичи в районе Мрчаевцев) и на севере Драгачева (источники фиксируемых наименований см. в [Плотникова 2004: 249]). Как видим, средоточие терминов *усуд(а)* определяется именно на пограничье западной Сербии, а по мере удаления от бассейна Западной Моравы на запад и восток они все чаще дублируются иными дериватами **sɔd-*, преимущественно лексемой в форме *суђеница*. Отметим и тот факт, что главным образом на этой территории центра Южной Славии встречаются «поздние» сведения о том, что судьбу ребенка определяют ангелы (западная Сербия, Черногория, отчасти — Босния и Герцеговина), см., например, Петровић 1948: 325–326; Дучић 1931: 307–310; Ножинић 1998: 78], а также — *усуд* и два ангела (окрестности Пожеги в западной Сербии [Зечевић 1984: 346]). По нашим полевым данным из западной Сербии, как правило, о предначертании судьбы младенца говорится: *усуд усудио* («усуд» назначил) с последующим рассказом традиционной для этих мест былички о том, как жених «утопился» на заколоченном колодце (с. Скакавци, Мионица, 2016 г.).

На Карпатах именно на Гуцульщине обнаруживаются параллели к термину *усуд(а)*. Е. С. Узенёва отмечает в с. Устерики на слиянии Белого и Черного Черемоша: «В селе верили, что сразу после рождения ребенка у окна дома являлись “ангелы” и определяли ему судьбу (*судѣци судѣли*)» [Узенёва 2008: 342]. Данные подтверждаются более ранними сведениями о 12 невидимых «судцах», определяющих судьбу ребенка, — термин народной духовной культуры представлен в форме *судѣцї*: «Как только рождается ребенок, собирается 12 невидимых *судѣцїв*, которые садятся на подоконнике; 11 из них судят по-всякому, но с ребенком случится то, что предскажет 12-ый, самый старший. Эти *судѣцї* назначают для ребенка одну звезду, которая светит так долго,

сколько живет ребенок; если звезда падает, то умирает человек, которому на родинах она была предназначена» [Шухевич 3: 12].

III. Еще один сюжет, имеющий карпато-балканские параллели именно в обозначенных выше зонах (центр Южной Славии и карпато-украинский регион), дает также продолжение и в Полесье. Речь идет о так называемых русалочьих песнях (з.-серб. *вилинске песме*). Во время полевых исследований 2014 г. у мусульман Полимья был зафиксирован мотив наказания обычных людей сверхъестественными существами (вилами) в случае, если первые не выполняют предписаний вил, высказанных ими в песенной форме. Причина выбора очередной жертвы (*streljanje*) вилами лежит в нарушении «песенных» запретов, что может быть реконструировано на основании новейших полевых данных при сопоставлении их с уже опубликованными данными из этнографических и фольклорных источников XIX–XX вв.

В мусульманском⁹ селе Калафати в окрестностях Прибоя было записано, что мифологические персонажи вилы рано утром сидят на скалах вокруг места, где работают люди, и кличут одна другую. При этом ткнут полотно и поют песни, в которых обучают людей правильному поведению в повседневной жизни. Так называемые *вилинске песме* подразумевают некоторый вид тайного знания, известного сверхъестественным существам вилам, — не случайно в конце каждого высказанного в песне запрета добавляется рефрен *чини су чини*, букв. «магия есть магия»:

Не ваља, не ваља воду на воду сипати, чини су чини;

Не ваља, не ваља ногу под ногу прати, чини су чини;

Не ваља, не ваља краву крављачом тући, чини су чини. (Учиниш сама себи да немаш млијека.)

(Не нужно, не нужно воду на воду лить, магия есть магия;

Не нужно, не нужно ногу об ногу мыть, магия есть магия;

Не нужно, не нужно корову ведром бить, магия есть магия. (Сделаешь сама себе, что молока не будет)) (Хатиджа Алагич, село Калафати, Прибойский край).

Вилске (вилинске) песме, которые прямо выражают запреты в жизни людей, — достаточно редкое явление у южных славян, что делает указанные полевые записи особенно ценными. Вместе с тем существуют восточнославянские параллели из западного Полесья и Карпат, относящиеся к аналогичным действиям «русалок». Л. Н. Виноградова в своей статье «Песни-нравоучения, приписываемые русалкам» [Виноградова 2012] выделяет эксклюзивные зоны, где обнаруживается сюжет с «песнями русалок»: это компактный ареал западного Полесья,

⁹ О проблематике лучшей сохранности архаических мотивов у славян-мусульман см. [Плотникова 2016: 169–204].

а именно волынско-ровенско-житомирский регион на Украине вместе с южными районами Брестской области в Белоруссии. В Полесье предписания сверхъестественных персонажей называются *русалчыны писни*, при этом необходимо отметить, что восточнославянские «русалки» и южнославянские «вилы» не являются полностью идентичными персонажами¹⁰. Помимо многочисленных сходных характеристик, между ними наблюдаются ощутимые различия. Так, полесские русалки, в отличие от персонажей типа «вилы»¹¹, появляются лишь в определенный сезонный период (на Троицкой неделе, полес. *Русальни тыждень*); происходят от душ умерших людей; имеют внешний вид не только красивых девушек, но и маленьких девочек, а также и мужчин. При всем при этом *русалчыны* и *вилске* песни, в которых перечисляется ряд запретов для людей, имеют даже текстуальные совпадения. Учитывая тот факт, что именно языковые данные предоставляют свидетельства о предшествующих этапах народной традиции, эти совпадения являются особенно ценными.

По содержанию запреты в обоих случаях касаются повседневной жизни людей: нельзя мыть ногу об ногу, бить домашних животных инструментами для работы или предметами домашней утвари, пить воду из посуды, которая для этого не предназначена, и т. п. В Полесье наиболее популярны сюжеты песен, касающиеся запретов мыть ногу об ногу и сеять муку на крышку от дежи (вариант: класть на дежу, т. е. квашню, готовый хлеб): Например: «Нэ можна сіяты на вйчко од дйжки муку. [Почему?] — Мўсыть, от тогó, шо так русáлки спэвáлы. Жэньшчына адна чу́ла, як русáлки спэвáлы: “Нэ бый нйжка об нйжку, / Нэ сий мукы на дйжку, / Нэ сий мукы на дэжу, / Бо я Бо́говы скажу”» (ПА, с. Олтуш, Малоритски р-н, Брестская обл., зап. А. В. Гуры, 1985); «Я русáлку сама́ бачыла. Шла́ я з своей ма́терью — там мы на ху́торе жылы́. Идем мы с ма́терью тудá... А ййх двы́ нзвельчэньных... биленькие пла́тьячка, о так она завьэзаны под моко́шэчки [рисунок] биле плато́чки. И так о по жы́тэ ска́чут. “Нэ тры нйжка ў нйжку, не бий косы кисткой [рукой], не сий му́ки на дежу́, Бо я Бо́гови скажу”, — так оны ска́чутэ и спива́ють. И так я кажу́ на ма́тэра: “Ма́мо, а шо такбе?” “Ой, ході́, — ка́жэ, — ході́, то русáлочки”» (ПА, с. Ветлы, Любешовский р-н, Волынская обл., зап. Г. И. Берестнева, 1985); «Оны́ ка́жуть, спева́ють: “Нэ кладі́тэ хлиб на дйжку, бо не будэ́ спóру”» (ПА, с. Нобель, Заречнянский р-н, Ровенская обл., зап. О. В. Санниковой, 1984).

¹⁰ См., например: [Толстая 1995 (Вила)].

¹¹ О распределении различных наименований персонажей типа «вила» (болг. *самодива*, макед. *самовила* и т. д.) на территории Южной Славии см. [Плотникова 2004: 200–212, 614–624].

Что касается формальной структуры запретов, выражаемых русалками, то речь, как правило, идет о речитативе, часто рифмованном, например: «Не бий коня дугою, / Не мий ноги ногою...» (Овручский район, Житомирская область; [Галайчук 2008: 352]); «Русалки спийають: „Нэ сий муку́ на дэгу́ [дежу], / Бо грих будэ. / Нэ мый ногá об нóгу, / Бо рáна будэ“» (ПА, с. Ласицк, Пинский р-н, Брестская обл., зап. О. В. Санниковой, 1985); «Русáлка гóвóрит кумé своéй, як та еé побáчила, каже: „Не стый кума с кумóю [так как будут сплетничать], не мый ногá с ногóю [т. е. ногу ногой, так как есть руки], бо то, кáже, грих (ПА, с. Щедрогор, Ратновский р-н, Волинская обл., зап. А.А. Архипова, 1980).

Отметим и тексты других жанров, которые, очевидно, производны от рассматриваемых песен-запретов со стороны русалок. Так, в совсем противоположной от бытования «русалочьих песен» зоне, а именно на Черниговщине, «русалочий» текст следует в обратном порядке — как провокация предполагаемых нежелательных действий: «Там русалка сидэ у Михеева орешника на березе; вона песню спивае: “Угу-угу, обмий нóгу аб нагу́”» (ПА, с. Плёхов, Черниговский р-н, Черниговская обл., зап. Т.Л. Ермолаевой, 1980). В том же ареале, где фиксируются «русалочьи песни», текст может приписываться некому иному мифическому существу, которое угрожает людям, что передаст сведения о нарушении запрета русалкам: «Сіяты хлиба нэ мо́на на дижу́. Однá сія́ла хлиб, а з ди́жыэ чу́е го́лос: “Нэ сий хлиба на дижу́, бо русáлкам розкажу́”. Нэ мо́на на дижу́ хлиб сія́ты, коб русáлки чо́го пога́ного нэ поробы́лы» (ПА, с. Любязь, Любешовский р-н, Волинская обл, зап. М.В. Готман, 1985). В данном случае можно говорить не только о запрете, но и о возникновении присловья на основе традиционных предписаний, которые выражаются русалками посредством песен.

Л. Н. Виноградова отмечает, что вне Полесья «русалочьи песни» фиксируются в некоторых гуцульских и подольских селах, т.е. в карпатской зоне. Там они встречаются очень редко, могут контаминироваться с другими фольклорными жанрами, в том числе с «русалочьими песнями» иного содержания (т. е. не включающими запреты), ср., например, данные, записанные В. Гнатюком: «Русалки виглядають як маленькі діти. Вони скачуть одна протиі другої, плещуть руками та співають: “Не мий ноги об ногу, / Не сій муки на діжу. / Ух, ух солом’яний дух, дух! / Мене мати уродила, / Нехрещене положила”» [Гнатюк 2000: 130]¹². Вторая часть «песни», где русалка жалуется на свою судьбу умершей девочки, часто встречается в текстах, не являющихся запретами для людей и характерных для восточного Полесья (в отличие от западного). Вместе с тем, как можно видеть из приведенного примера, запрет по сути сохраняется и здесь — у гуцулов, впрочем,

¹² Цитируется по [Виноградова 2012].

Гнатюк и сам часто представляет в своей книге контаминацию народных представлений из разных краев Украины. Пример из Ивано-Франковской области заслуживает больше доверия, поскольку здесь речь о русалках/вилах, которые называются аутентично для гуцулов – *лісні*:

*Лісні на їх данцовишу так собі співають:
Не мий ногу ногою
Не пий воду рукою!
Йик би не лук-чеснок
И не оделен-зілля,
Мать би сина
На світ не сплodiла!* [Шухевич 5: 199].

При этом во второй части песенки *лісні* явно угрожают людям, перечисляя традиционные средства оберега от русалок и нечистой силы: чеснок, сильно пахнущие травы.

У южных славян *вилинске песме*, подчеркнем, также не являются обычным явлением. Они известны в строго определенном ареале так называемого центра Южной Славии, который выделяется как культурно-языковой диалект и по другим характерным признакам: летний обычай с факелами для обеспечения плодovitости скота *лиле* (западная Сербия, северная часть Черногории, восточная Босния и Герцеговина, северные края Боснии); вера в мифологического зверя/птицу *дрекавац* и под. (от **derti* ‘кричать’) (в тех же краях); принесение помертвой жертвы *душино*, (*по*)*душини брав* ‘овца, баран для души [умершего]’ (центральная и западная Сербия, восточная и северная Босния) и др. (подробнее см. [Плотникова 2004: 322–329, 718]).

Вилинске песме — песни мифологических персонажей «вил», в которых излагаются запреты и предостережения о карах за их нарушения, опубликовал в начале прошлого века Т. Драгичевич в «Вестнике музея краеведения». Он открывает свою подборку замечанием о том, что во Власенице (восточная Босния) народ все еще придерживается «правил вил» (*вилинских правила*):

*Не мети кући храстићем,
Не носи воде на воду,
Не пиј воде прилогом,
Не крпи штогод ујамком* [Dragičević 1908: 449].
(*Не подметај дом дубовој веткој,
Не приноси воду на воду,
Не пей из руке,
Не латај што-либо обрезамаи от полотна.*)

При объяснении этих сельских запретов автор уточняет, что не следует подливать только что принесенную воду ко вчерашней, не надо ложиться вниз животом на землю к источнику, чтобы зачерпнуть

воду рукой, нельзя зашивать что-либо, используя обрезки и остатки, «только если не вденешь в иголку, которой шьешь, три нитки сразу, в противном случае человек был бы неудачлив при покупках» [Там же]. Эти примечания показывают, что речь идет о «тайном знании», которое доступно вилам; нарушив их правила, человек оказывается во власти беды и несчастья. То же следует из «дешифровки» правил вил, известных в близлежащей Сребренице:

*Не тари се рукавом,
Не удри коња уларом,
Не зови драгог именом,
Не удари вола тельгом,
Не ломи прута за плота,
Не држи бијела кокота [Там же: 450].
(Не вытирайся рукавом,
Не бей коня уздечкой,
Не называй милого по имени,
Не бей вола ярмом,
Не ломай прут из забора,
Не держи белого петуха.)*

В приведенной песенке помимо практических замечаний содержатся и предписания, которые вилы сообщают человеку, чтобы он был счастлив и успешен. Запреты толкуются таким образом: утирающийся рукавом не будет счастлив до тех пор, пока носит эту рубашку; уздечка ведет коня вперед, поэтому, если ею ударить коня, то и конь, и счастье пойдут назад (*онда и коњ и сређа (напредак) иде у назадак*)¹³; белый петух же приносит в дом несчастье [Dragičević 1908: 450]. Формальное выражение «тайного знания» (*чини су чини*) засвидетельствовано в восточнобоснийском регионе Забрдже:

*Тешо Јелић у Забрђу, вели, да су виле пјевале:
Не међи ногу на ногу,
Не лјевај воду на воду,
Не преди на уломак — вретено,
Не једи нагорјелом кашиком,
Чини су чини! [Там же].
(Тешо Елич в Забрдје говорит, что вилы пели:
Не закидывай ногу на ногу,
Не лей воды на воду,
Не выпрядай на обломок — веретено;
Не ешь пригоревшей ложкой,
Магия есть магия!)*

¹³ Подразумевается своего рода вербальная магия: *напредак* букв. 'счастье, которое впереди', т. е. 'процветание'.

Существуют свидетельства из Ужицкого края о том, что вилы наказывают прежде всего людей, нарушающих запреты, сходные с теми, которые указываются в «вилинских песнях»¹⁴. Р. Познанович в своей классификации народных песен выделяет «самые старые, или мифологические, песни», среди которых приводит следующую:

Вила Вилу напремас дозива:

– ‘Ајде, вило да стрелямо војску!

– Кога ћемо прво устрелити?

– Прво ћемо сина Радована,

Њему мајка није веровала (*sic!*)

Од ујамка и од урезника...

Понајприје Тадију дијете,

Што га мајка није варовала

Од урока и урезника...

И од онога дана уторника...

(с. Гостиница, 1974) [Познановић 1988: 237].

(Вила вилу напрямик зовет:

– Давай, вила, постреляем войско!

– Кого первым застрелим?

– Сначала застрелим сына Радована,

Его мать не верила

В силу остатков и обрезков,

А прежде всех — Тадию сына,

Потому что его мать не защищала

От сглаза и остатков...

И от того дня вторника...)

В окончании песни, очевидно, речь идет о том, что у южных славян (в отличие от восточных и западных) вторник считается самым несчастливым днем в неделе (ср. серб. *умрли дани* ‘мертвые дни’), когда нельзя начинать какие бы то ни было работы, подробнее см. [Толстая 1995 (Вторник): 456]. При разъяснении архаических терминов приведенной мифологической песни Познанович отмечает: «Ујамци и урезници — это то, что остается по завершении тканья, то, что отрезают и выбрасывают, веря, что этот материал заключает в себе негативную магическую силу» [Познановић 1988: 58].

Если обратим внимание на начало песни — *Вила Вилу напремас дозива* («Вила вилу напрямик зовет»), то обнаружим, что оно имеет большое количество параллелей в сербской эпике о героях и их встречах с вилами, о том, как вилы преследуют героев, чтобы помочь или

¹⁴ Ср. замечание М. Детелич о том, что «вила» наказывает за «несоответствующее поведение» и, как вариант, за «нарушение границы ее пространства» [Детелић 1992: 65–66].

наказать. Автор опубликованной песни из Ужицкого края подчеркивает, что *напремас* подразумевает оклики вил друг друга с одной горы на другую (*с брда на брдо*), поскольку речь идет о скалистом регионе. Целый ряд эпических песен о героях, которые как-либо оказываются связанными с вилами, содержат лексику «вызывания» (по всей видимости, с горы на гору или вниз, если вила обращается к герою или к народу, проговаривая свое «тайное знание», причины и следствия каких-либо исторических событий):

Ал' **покличе** пребијела вила
Са Авале изнад Биограда... (Бой на Чачку [Вук IV: 46]);
Бијела је **кликовала** вила
Од Јаворја зелене планине... (Бой Морачана с Турцима [Там же: 49]);
Док бијела **покликнула** вила
Из Дервиша зелене планине... (Опет то али другачије [Там же: 56]);
Док **покликта** са Јавора вила,
Виче вила у Сјенцу града... (Чавић Мустај бег и Кара-Ђорђије [Там же: 38]);
Но **повика** са планине вила,
Она **зове** у Српску ордију... (Бой на Кукутници [Там же: 37]).
(Но зовет пребелая вила
С Авалы над Белградом... (Бой за Чачак);
Белая вила звала
От Яворья, зеленой горы... (Бой морачан с турками);
В это время белая вила позвала
С Дервиша, зеленой горы... (То же, но по-другому);
В это время позвала с Явора вила,
Кричит вила в Сьенцу-городе... (Чавич Мустай бег и Кара-Джордже);
Но закричала с горы вила,
Она зовет сербское войско... (Бой на Кукутнице)).

Список подобных примеров обширен и его можно продолжать и далее. Употребление выделенного лексического материала в эпической народной поэзии (*покличе, покликнула, покликта, закликну, кликовала, покликта, виче, повика, завика*) указывает на достаточно большую дистанцию между человеком и мифическим существом — вилой (буквально и метафорически). Вила зовет, окликает (вызывает) человека обязательно с горы, географическое название которой почти всегда тут же и приводится. И это, в частности, означает, что громкий речитатив отличает тип речевого поведения этих мифологических персонажей на Балканах.

Гора (*брдо*) как обязательная часть пространства, где обитают вилы, упоминается и в других фольклорных жанрах, например в заговорах, как обязательное начало магического текста. В области между Приеполем и Прибоем (полевые исследования 2014 г.) к вилам об-

ращаются и женщины в случае, если с их ребенком случится что-то нехорошее. На мой заурядный вопрос «Что нужно делать, если ребенок постоянно плачет?» собеседница-мусульманка Хатиджа Алагич из Калафатов ответила, позволив дословно записать следующий текст заговора:

*Једно брдо према брду,
Друго брдо према брду,
Треће брдо према брду... (до 9 брда),
И за брдом јела, и под јелом — вила.
«Вило, вилице, по Богу сестрице,
доста плакао мој син за твојом кћери,
одсад твоја кћер за мојим сином,
ево ти соли и љеба, вечерај,
а сутра доручка не чекај!»
(Одна гора напротив другой горы,
Другая гора напротив горы,
Третья гора напротив горы... (до 9 гор),
И за горой — ель, а под елью — вила.
«Вила, вилица, по Богу сестрица,
Достаточно плакал мой сын за твою дочь
Теперь твоя дочь — за моего сына¹⁵,
Вот тебе соли и хлеба, ужинай,
А завтра завтрака не жди!»)*

Заговор из Калафатов сопровождается традиционными магическими действиями, которые должны повысить эффективность проговариваемых фраз: произносящая заговор женщина выносит хлеб и соль, чтобы бросить крошки в сторону горы и покормить обитающих там «вилу и ее дочь». Заговор произносится троекратно, в это время следует также повернуть три раза плачущего младенца: *Три пута да преврнем и да баџим да поједе вила, чоече! И њена ћер!* (Три раза поверчу <ребенка> и брошу, чтобы вила поела, люди! И ее дочь!). Таким образом, в этом тексте выделяется гора как обязательное пространство пребывания вилы (и ее дочери), хлеб и соль выступают как пища мифологических персонажей; используется прием ритуального кормления с целью задобрить опасных для человека вил; исполнитель прибегает и к числу «три» как обязательному при исполнении заговора

¹⁵ Не исключено, что здесь отражаются следы поверий о подмене ребенка вилой на своего — болезненного и плаксивого, что у южных славян сохраняется лишь в некоторых верованиях мусульман Боснии: так, в с. Гине в Високском крае автор в 2012 г. имел возможность записать поверья о так называемом подменыше — ребенке вилы, которого она подкладывала, забирая младенца у людей, поэтому «матери всегда строго следили за своими детьми, чтобы этого не случилось» (соб. зап.).

(ср. аналогичные приемы в других южнославянских регионах [Раденковић 1996: 99, 122–126, 127–128]).

Как показывает исследованный материал, *вилске/вилинске песме* характерны для центрального южнославянского ареала, который охватывает западную Сербию, северную Черногорию, восточную Боснию и Герцеговину, а также некоторые области на севере Боснии, безотносительно к конфессиональной принадлежности населения, поскольку данные относятся к древнейшему фонду традиционной духовной культуры, сохраняющемуся в архаических представлениях южнославянских народов. Текстуальные совпадения в запретах из центрального ареала Южной Славии и Гуцульщины (а также и из Полесья) составляют важную фольклорную параллель в сфере народной мифологии. Несмотря на то, что лексика считается наименее «надежным» языковым фактором в подобных связях, можно говорить об общих культурно-языковых чертах центра Южной Славии и гуцульского ареала, подтверждающих уже на этнолингвистическом материале предположение о второй волне заселения славянами Балканского полуострова, происходящей с восточногалицийской территории (ср. выводы о сходстве гуцульских и центральносербских языковых данных из области исторической и диалектной акцентуации [Николаев 2008]).

Литература

- Виноградова 2012 — Виноградова Л. Н. «Песни-нравоучения», приписываемые русалкам // Живая старина. 2012. № 4. С. 24–28.
- Галайчук 2008 — Галайчук В. Демонологічні уявлення Середнього Полісся про русалок // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 43. Львів, 2008. С. 320–381.
- Гнатюк 2000 — Гнатюк В. Нарис української міфології. Львів, 2000.
- Гринченко 1901 — Гринченко Б. Д. Из уст народа. Чернигов, 1901.
- ГС — Гуцульські світи: Лексикон. Львів, 2013.
- Дучић 1931 — Дучић С. Живот и обичаји племена Куча // Српски етнографски зборник. 1931. Књ. 48.
- Вук IV — Караџић В. Ст. Народне српске пјесме. IV. Беч, 1833.
- Вук Рј — Караџић В. Ст. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским рјечма. Београд, 1818.
- Детелић 1992 — Детелић М. Митски простор и епика. Београд, 1992.
- Желеховский 1886 — Желеховский Е., Недільский С. Малоруско-німецкий словарь. Т. 2. Львів, 1886.
- Зечевић 1984 — Зечевић С. Из народне митологије ужичког краја // Гласник Етнографског музеја у Београду. 48. Београд, 1984.
- Керча — Керча И. Словник русинсько-руський. Русинско-русский словарь. Т. 1–2. Ужгород, 2007.
- Лилек 1894 — Лилек Е. Вјерске старине из Босне и Херцеговине // Glasnik Zemaljskog muzeja. 11. Sarajevo, 1899.

- Милићевић 1984 — *Милићевић М.* Живот Срба селяка. Београд, 1894.
- Николаев 2008 — *Николаев С. Л.* Балкано-карпатские изоглоссы как реликт позднепраславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Вып. 1: Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 125–138.
- Ножинић 1998 — *Ножинић Д.* Митолошка бића која одређују судбину детета // Расковник. 1998. Бр. 93–94. С. 71–78.
- ОКДА 1987 — Общекарпатский диалектологический атлас. Вступ. вып. Скопје, 1987.
- ОЛА 8 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-образовательная. Вып. 8: Профессии и общественная жизнь / Под ред. Я. Басары и Я. Сятковского. Warszawa, 2003.
- ПА — Полесский архив. Хранится в Отделе этнолингвистики Института славяноведения РАН.
- Петровић 1948 — *Петровић П. Ж.* Живот и обичаји у Гружи // Српски Етнографски зборник. 1948. Књ. 58.
- Петровић 2006 — *Петровић М.* Из лексике обичаја и веровања у Рађевини // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 12. М., 2006. С. 324–344.
- Плотникова 2000 — *Плотникова А. А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009 (Переиздание: Москва, 1996).
- Плотникова 2014 — *Плотникова А. А.* К исследованию славянских параллелей: **činiti* и его дериваты как термины народной культуры // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Вып. 3. 2012–2014. М., 2014. С. 7–20.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские архаические ареалы: архаика и инновации. М., 2016
- Познановић 1988 — *Познановић Р.* Традиционално усмено народно стваралаштво Ужичког краја. Београд, 1988.
- Раденковић 1996 — *Раденковић Љ.* Народна бајања код Јужних Словена. Београд, 1996.
- Савић 1997 — *Савић Д.* Из лексике духовне културе у говору Великог Блашког (код Бањалуке). (Дипломски рад). Нови Сад, 1997.
- Станић 2 — *Станић М.* Ускочки речник. Београд, 1990. Књ. 2.
- Толстая 1995 (Вила) — *Толстая С. М.* Вила // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 369–371.
- Толстая 1995 (Вторник) — *Толстая С. М.* Вторник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 455–458.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- Узенёва 2008 — *Узенёва Е. С.* Этнолингвистические материалы с юго-западной Украины (с. Устерики, Верховинский р-н, Ивано-Франковская обл.) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Вып. 1: Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 323–347.

- Хобзей 2002 — *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія: Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- Шухевич 3 — *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. 3. Верховина, 1999.
- Шухевич 4 — *Шухевич В.* Гуцульщина. Ч. 4. Верховина, 1999.
- Шухевич 5 — *Шухевич В.* Гуцульщина: фізіографічний, етнологічний і статистичний огляд. Ч. 5. Львів, 1908.
- Якушкина 2004 — *Якушкина Е. И.* Южнославянская лексика судьбы с точки зрения ареалогии // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 10. М., 2004. С. 168–182.
- Якушкина 2006 — *Якушкина Е. И.* Этнолингвистические материалы из западной Сербии (с. Ставе, Валеvский край) // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 12. М., 2006. С. 299–323.
- Dragičević 1908 — *Dragičević T.* Narodne praznovjerice // Glasnik Zemaljskog muzeja. XX. Knj. 4. Sarajevo, 1908. S. 449–466.
- RBJ — *Halilović S., Palić I., Šehović A.* Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo, 2010.
- RJAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1966. D. 1–18.
- Škaljić 1979 — *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.
- Zeman 1967 — *Zeman H.* Słownik górnołużyczko-polski. Warszawa, 1967.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА БОЛГАРСКОМ И ИНОСЛАВЯНСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

В статье анализируются лексико-фразеологические, фольклорные и этнографические материалы с целью реконструкции концепта «любовь» в патриархальном обществе, его языке и культуре. Любовь как понятие многоаспектное в данном случае ограничивается сферой человеческих отношений (любовь между мужчиной и женщиной), отчасти с включением типичных для народной культуры мифологических представлений о связи человека с умершим супругом и/или демоническим персонажем.

Концепт «любовь» (и предикат *любить*) хорошо изучен, например, применительно к современному русскому языку (работы Ю. Д. Апресяна, Анны А. Зализняк [Апресян 2000б; Зализняк 2006] и др.). Общеславянские корни «любви», семантические связи «любовной лексики» и мотивационные модели исследованы С.М. Толстой и М. Якубович [Толстая 2012а; 2012б; Jakubowicz 2000]; понятие «любить» с точки зрения семантических универсалий описано А. Вежицкой [Wierzbicka 1971]. Немалое число работ посвящено лингвокультурологическому анализу концепта «любви», чаще всего в сопоставлении с данными европейских языков [Вильмс 1997; Кузнецова 2006].

Этнолингвистического анализа концепта «любовь» с комплексным изучением языковых, фольклорных и этнографических материалов, насколько нам известно, пока что не проводилось. В полном объеме и в общеславянском контексте в рамках статьи охватить концепт «любовь» не представляется возможным, поэтому мы ограничимся

Ирина Александровна Седакова,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Выражаю благодарность российским и болгарским коллегам за помощь с полевыми материалами.

обозначением основных аспектов для последующего более подробного этнолингвистического анализа, сосредоточившись на болгарском материале (с некоторым русскими и инославянскими параллелями).

Семантика той «любви», которая является предметом анализа, подробно описана в «Новом объяснительном словаре синонимов», где она соотносится с предикатом ЛЮБИТЬ в значении 1.1. — «Обождать, вздыхать по кому-либо», а также «Желать, хотеть, вожаделеть, т. е. испытывать страсть» [Апресян 2000а]. Согласно Ю.Д. Апресяну, лексема *любовь* называет один из фундаментальных культурных концептов — «положительное чувство-отношение, которое рассматривается как главная созидательная сила жизни» [Там же]. В патриархальном обществе любовь и ее начальная стадия — влюбленность, их социальное и ритуальное выражение — ухаживание с дальнейшим вступлением или невступлением (что особенно важно) в брак строго регламентируются. Забегая вперед, скажем, что рефлексия по поводу любви различается по своей открытости/закрытости в собственно языковых и нарративных материалах и в фольклоре (любовные песни и баллады). Любовь подвергается аксиологической характеристике по многим параметрам («ранняя», «поздняя», «первая», «последняя», «законная», «запрещенная», «взаимная», «неразделенная», «с инородцем», «с иноверцем» и др.), она служит ключевым мотивом в создании и разрешении ряда жизненных и обрядовых ситуаций и находит отражение в разных фольклорных жанрах. Любовь коррелирует с базовыми ценностными оппозициями «жизнь — смерть», «тайное — явное», «счастье — несчастье», «здоровье — болезнь», «ум — безумие», «порядок — хаос», «моральный — аморальный»¹ и др. С любовью сопрягаются такие понятия, как «верность», «измена», «ревность» [Вольф 1989; Апресян 2000а], «страсть» [Валиулина 2006], что важно для человека социального, особенно в небольшом закрытом обществе, где жизнь проходит «на виду у всех». Любовь апофатически входит в сферу нелюбви, ее отсутствия («безответная, несчастная любовь») или даже ненависти, что создает определенные коллизии, важные для социума, для обсуждения, сельских пересудов и сплетен или для непосредственных действий, например, магических («присушки»).

Разные предикаты, субъекты и объекты, выражающие концепт «любовь», образуют определенную лексико-семантическую группу. Кроме обозначения самого чувства (эмоции и состояния, по Ю. Д. Апресяну), сюда входят предикаты 'любить', 'желать'/'хотеть', 'дорожить', экспрессивные 'сохнуть по кому-л.', 'сходить с ума по кому-л.' и, как мы увидим далее, некоторые другие, казалось бы, удаленные

¹ Особенно важно в связи с концептом любви понятие греха, на эту тему есть много пословиц, ср. *Љубав на гријех не пази* (Любовь от греха не уберегает) [Влајинац 1975: 44].

от изучаемой эмоции глаголы действия. Множество фразеологизмов и устойчивых сравнений (хотя специальный анализ словесных клише не входит в задачи данной публикации) передают разную степень чувства и состояния: рус. *потерять голову*, *утратить рассудок*, *быть без ума от кого-л.*, что означает сильную влюбленность, близкую к безумию, ср. обозначение молодого парня (ухажера) – *лудо-младо* (безрассудный-молодой) в южнославянских песнях. Кроме того, важную роль для анализа концепта играют субъекты и объекты ‘возлюбленный’, ‘возлюбленная’, ‘любимый’, ‘любимая’, ‘[чей-то] парень’ ‘[чья-то] девушка’ и т. д., которые в языке бытовом и фольклорном получают разное выражение и, можно сказать, составляют два отдельных словника.

Любовь как чувство и состояние в традиционной картине мира уподобляется болезни, ср. рус. *тоска* [Топорков 2015], болг. *мерак* ‘любовь, страсть, томление’ (подробнее см. ниже), нередко объясняется магией и колдовством. В болгарском фольклоре особенно много мифологических баллад, которые посвящены теме любви как болезни в результате наведения порчи с целью предотвратить брак или разрушить семейное счастье. Отдельную область представляют собой поверья и баллады о «болезненной» любви между девушкой и мифологическим персонажем (болг. *змейчова болестъ* [БМ 2006: 138]), юношей и самодивой/самовилой, девушкой и Солнцем, между живым и умершим супругом. Состояние такой влюбленности мучительно, «больной»/«больная» буквально сохнет или горит/сгорает, чахнет и может умереть. Обычная («не мифологическая») любовь также приносит страдания, может довести до самоубийства и смерти от страданий, о чем повествуют в большом количестве фольклорные песни и нарративы.

Любовь как эмоция и состояние, как поведение относится к интимной сфере, что не так просто обсуждать в экспедициях при общении с носителями традиции; собирать такие сведения, как и «женские» темы, не всегда удается [Дугушина 2017]². Добрачная любовь и любовь между супругами различается по степени, качеству и ко-

² Разговоры с носителем культуры на интимные темы, в том числе о любви и эротике, требуют атмосферы доверительности и в немалой степени особых качеств собирателя фольклора. Так, по устному сообщению исследователя болгарской народной культуры Хр. Нейкова, его односельчане стали делиться с ним «сокровенным» (болг. *блажен*) знанием после того как он достиг 18 лет и смог участвовать наравне со всеми во взрослых застольях с алкогольными напитками. В экспедициях 1999 и 2001 гг. в с. Шипково (Ловечская обл.) и Стакевцы (Видинская обл., Болгария) я стала свидетелем уникальных способностей сербского ученого Драголюбa Златковича выводить собеседника на самые сложные темы и записывать самые уникальные, очень личные материалы. На основании своих бесед с информантами Д. Златкович опубликовал немало книг, в том числе и по интимной теме [Златкович 2001].

личеству описаний. «Как выражается любовь к жене? — спрашивает в 1904 г. Ольга Семенова-Тянь-Шанская, первая в России женщина-этнограф. — Этот вопрос меня давно уже интересовал, и одно время я думала, что “никак”, благодаря тому, что внешних выражений нежности мужа к жене положительно нет, даже у молодоженов... Но последнее время я думаю несколько иначе...». Далее она описывает некоего замечательного Петруху, который выражает любовь к жене чисто хозяйственным способом: «Летит в деревню, чтобы сделать, что “баба просит”. “Хозяйка моя удумала просо скорей связать, а того и гляди дождь — я уж ей и скосил паюшечку”...» [<https://snob.ru/selected/entry/110642>].

Как это характерно для языка и традиционных представлений в целом, обозначаются (хранятся в народной памяти), маркируются и более частотны негативные или трагические случаи — неразделенная любовь, внебрачные связи, измены, «разлучницы» и пр. К примеру, любовь и следствия любовной связи («плоды» любви), как верят, могут воздействовать не только на узкий круг людей. В результате «греха» оказываются наказанными пара влюбленных, семья, род и целое село. Измена вследствие любви к «чужой», не к жене, рождение внебрачного ребенка, как известно, может навлечь на село беды вплоть до стихийных бедствий, засухи и эпидемий [Кабакова 2001].

В подобных случаях любовь выступает в своем физиологическом воплощении, что также находит отражение в языке, повседневной и обрядовой жизни и в фольклоре. Эротика составляет отдельную тему и в последние годы подробно освещена во многих славянских исследованиях и публикациях материалов [Бадаланова 1993; РЭФ 1995; Подюков, Хоробрых 2001; Володина, Федосик 2006].

Еще одной сферой, раскрывающей специфику и роль любви в традиционной картине мира, являются этиологические фольклорные произведения. Любопытная болгарская легенда подтверждает важность любви в «формировании» анатомии человека и вместе с тем служит предупреждением опасности любовного увлечения:

При създанието на човека Господь билъ направилъ сглобата на главата. му да се отхлупва отъ горе, тъй що кога ги нападнатъ гадовете, наречени въшки, да няматъ нужда да са пощятъ едни други, ами да може всякои да си отхлупя гърнето—капакътъ на главата и да си се опосква. Но една мома като си била отхлупила главата да я пощи, дошълъ любовникътъ ѝ, а тя са заглъвикала да се либятъ и забравила горния си черепъ тамъ дето го пощела, а една свиня идва, грабва отхлупения черепъ отъ главата на го изяда; момата така се била повела подиръ иргеня, щото забравила и посканьето и върхътъ на главата си. А иргеньтъ така билъ са предать къмъ момата, щото не я съгледаль, че ѝ няма капакътъ на главата ѝ, или не му смислилъ,

че може до сушь да фиряса мозъкът ѝ. Ама Господь видель и казалъ: то не става тъй; тези хора единъ за други и безъ глави ще останатъ, ами да имъ заваря азъ капака о главата, а че като се либятъ единъ други нека се и пощатъ както могатъ: инакъ рекълъ ще са забравятъ ся да ходятъ безъ капакъ, та ще изветрява мозакътъ имъ и ще останатъ съвсемъ безъ мозъкъ. И тъй взелъ та утвърдилъ и заварилъ сглобата на главата имъ да се не отхлупва вече. И така е станалъ този днешни среденъ човешки родъ, и така се осъвършенствувала човешката глава.

Создав человека, Господь так собрал (смонтировал) его голову, чтобы в случае, если на него нападут паразиты, называемые вшами, людям не надо было бы искать вшей друг у друга, а каждый мог бы сам открыть горшок-голову, снять крышку с головы и искать у себя вшей. Но случилось так, что одна девушка сняла крышку со своей головы, а в это время пришел ее возлюбленный, она увлеклась своим приятелем и оставила верхнюю часть своего черепа там, где сидела и искала у себя вшей. В это время к крышке, которую сняла с головы девушка, подошла свинья, схватила ее и съела. Девушка так увлеклась своим парнем, что забыла и о вшах, и о крышке на голову. А парень так увлекся девушкой, что не заметил, что у нее нет крышки на голове, или просто не догадался, что мозг-то у нее может испариться. Но Господь увидел и сказал: так дело не пойдет; эти люди один из-за другого могут без головы остаться, я прикреплю крышку к голове, чтобы когда влюбленные вдвоем находились, они бы и искали друг у друга вшей, иначе, сказал он, они совсем обо всем позабудут и будут ходить без крышек, и у них мозг выветрится, и они останутся совсем без мозгов. И он так и сделал, закрепил голову, чтобы она уже не открывалась. И так и остался до сегодняшнего дня человеческий род, так была усовершенствована голова человека.

[СБНУ 1890/2: 165–166]³.

Теперь обратимся собственно к словарю любви. С. М. Толстая, исследуя ключевые способы выражения представлений о любви в славянских языках, вслед за Х. Бирнбаумом приходит к выводу о достаточно позднем формировании данной семантической сферы [Birnbaum 1978: 155–156; Толстая 2012a]. С максимальным учетом диалектных материалов, а также с привлечением заимствований для балканославянских языков картина становится еще более пестрой, а

³ Апелляция к любви и первородному греху, безусловно, представлена в значительном количестве фольклорных этиологических текстов. Отметим особо этиологические тексты, описывающие появление определенных видов животных и растений в результате гибели влюбленных [Белова, Кабакова 2014].

семантические нюансы в их ареальной проекции — разнообразнее (включая общеслав. корни **l'ubiti*, **dorgъ*, **milъ*, **vol-* и др.). Очевидно, что народный словарь любви в значительной степени отличается от словаря литературного, он опирается на традиционные архаические воззрения и практики, которые в современном обществе и его языке полного отражения не находят. С другой стороны, авторская поэзия привносит свою метафорику любви, которая может основываться как на архаических образах, так и быть совершенно свободной от аллюзий, окказиональной. Очень важно то, что лексика любви диалектна. Прежде всего, диалектный характер общеславянской лексики проявляется в разной частотности, употребительности/неупотребительности словообразований от определенных корней, их семантики в разных регионах страны. В Болгарии при общebolгарском глаголе *обичам* 'любить', встречается и глагол от *l'ub-*: *л'уб'а* 'любить': *Пък то ѝа л'убил змей* (А ее любил змей); *л'уб'а са* 'проявлять любовь': *Тугас на вал'енки и пу с'ед'енки са л'уб'ехм'е* (В то время мы на толоках да на посиделках свою любовь показывали) (Еркеч, Варненская обл.) [Керемидчиева и др. 2012: 171]). При этом у *любя се* более распространено значение 'заниматься любовью', 'вступать в половую связь', отсюда на свадьбе после первой брачной ночи нечестная невеста обозначается *любе облюбено* (любимая, которую любил другой) [Гура 2012: 622]. Добавим, что немало глагольно-именных конструкций в славянских языках выражают именно физиологические аспекты любви, ср. макед. *води љубов* 'находиться в любовной связи' [Ширилов 2008: 136]. К ним можно добавить и болг. глаголы *мамя*, *лъжа* 'обманывать', которые могут подразумевать не только ухаживание, но и любовную связь вне брака.

Словник любви различается по узусу — литературный или диалектный, народный фольклорный язык. Так, распространенное в болгарской речи заимствование *гадже* 'мой парень, возлюбленный; моя девушка, возлюбленная' и мн. ч. *гаджета* 'влюбленные' из цыганского *гаджо* 'не цыганин', 'чужой' [БЕР 1: 223] совершенно не встречается в народной поэзии и прозе. Болг. заимствование из греч. *харесвам* 'нравиться, быть влюбленным' в народном лексиконе любви фигурирует в контексте диалогов на сватовстве, помолвке, но в фольклорных песнях практических не фиксируется. Таким образом, в каждой традиции определенные слова строго привязаны к этнографическим реалиям и к конкретному фольклорному жанру. Более того, в зависимости от обрядового сценария, от социальной ситуации, от конкретного фольклорного жанра используемая лексика даже в одной традиции будет различной. Рассмотрим это на примере болгарской лексики со значениями 'любовь', 'любить' и 'возлюбленный', 'возлюбленная' (в том числе и в функции обращений) в фольклорных текстах. К этим

словам относится как славянская лексика — *любя/либя, копнея, горя/изгарям, либе, лудо младо, изгора*, так и заимствования из турецкого: *мерак* ‘любовь, страсть, томление’ и *севда* ‘любовь’. Если сравнить жанры, то по использованию некоторых лексем песни близки пословицам, а других — различаются. Так, болг. *харесвам* весьма частотно в афористике, но не в народных песнях. А слово *севда* характерно и для песен, и для пословиц: *Севда става на нямане и на боклука* (Любовь случается и в нищете и в мусорной яме); *Севда от огън по-пари* (Любовь обжигает сильнее огня) [Славейков 1972: 445], то же относится и к *мерак*.

В балладах нередко лексемы, обозначающие любовь или предмет любви, представляют собой перечень, т. е. соединение нескольких синонимов: ср. *изгора, либе, севда: Изгоро първа изгоро. / Първо либе, първа севдо, / не копней, недей се вайка, / че каил за нас не стават / моят татко, твойта майка* (Любовь моя первая, возлюбленная, любовь первая, не страдай, не охай, что не дают нам жениться мой отец, твоя мать) [РБЕ 6: **изгора**]. Ср. также ряд синонимов *лудо, мерак, севда: Не забравяй, лудо, старите мераци! Лудо ле, първо севдо ле, старите мераци от две, три години. Старите мераци мъчно се забравят* (Не забывай, парень, старую любовь! Первую любовь, парень, старую любовь двухлетнюю, трехлетнюю. Старую любовь трудно забыть) (зап. Христо Нейков).

Нередко в народных песнях лексема *изгора* используется и изолированно: *Учи ме, мамо, научи, / какво да земем Дилиана — / Дилиана мома хубава, / Дилиана пуста изгора* (Учи-научи меня, мама, как мне взять Дилиану, Дилиану, красавицу, Дилиану, любовь проклятую) [СБНУ 1949/44: 257]; *Я мор, Тодороо! синко изгоро! / Който ти земне / тойзик венцец, / да го не носи / по дъж, по вятър, / най да го носи / в черната земя!»* (Ах Тодоро, любовь моя, кто возьмет твой венец, пусть не носит его в дождь и на ветру, а носит его в черной земле) [СБНУ 1924/36: 44]. В слове *изгора* соединяется собственно значение корня ‘гореть’ и переносное ‘сгорать от любви’, поскольку любовь в народной картине мира соотносится с пламенем, огнем, что особенно проявляется в любовной магии. *Копнея* в фольклорном контексте также сочетает в себе два значения — ‘желать что-нибудь, кого-нибудь’ и ‘таять, худеть’ [БЕР 2: 618], т. е. и причину, и следствие. Однако это слово совсем не частотно в народных произведениях, скорее, оно используется фольклористами при классификации мотивов любовных песен «Копнеж по мома» (Любовь к девушке), ср. [Молерови 2006: 105].

Изгора, как и *мерак* (см. ниже) обозначают возлюбленного до брака, вне семьи, тогда как *либе/любе, севда* могут быть обращены к супругу/супруге, ср. и серб. *љубе*, которое может означать не только любимую девушку, невесту, но и жену.

Турцизм *севда* в функции обращения или субстантива весьма частотен в любовных песнях с разными мотивами: *Станко ле, Севда голяма* (Станко, Любовь великая); *Керимо, бяла ханъмо, Аз имам севда на тебе* (Керимо, белая госпожа, я к тебе испытываю любовь); *Удавили са двамата, либи за либи отиде, Севда за севда потъна* (Утонули двое, любовь за любовью ушла, любовь за любовью утопилась) [Геров 5: 218]. Интересна с точки зрения адаптации заимствования морфологическая форма родопского диал. *севдъо*: *Бекиро, либе Бекиро, от севдъо да са умира, ѝе веке да сом юмрела, лю ми се сохне и вехне. Суха съм вейка станала* (Бекира, любовь Бекира, от любви если умирают, я бы уже умерла, я сохну и увядаю. Я уже сухой ветвью стала) (зап. Хр. Нейков). Добавим, что отмеченная С. М. Толстой тенденция формирования имен собственных от корней со значением 'любовь' и смежных понятий [Толстая 2012a] распространяется на болг. заимствованное из турецкого *Севда*. Это женское имя, которым даже крестят в православных церквях Болгарии, более того, вместе с Верой, Надеждой, Любовью и Софией болгарки по имени *Севда* празднуют именины 17 сентября.

Самое распространенное обращение к возлюбленной *либе*, его варианты *любе, първо любо, любне, любене* встречаются во всех локальных вариантах песен [Молерови 2006: 182, 220, 217].

Мерак в этом контексте заслуживает особого внимания. В словарях балканославянских языков *мерак* выступает как полисемичное слово, при этом значение 'любовь', 'страсть' указывается как устаревшее и (или) диалектное. Однако даже в словарной статье примеры с *мерак* очень показательны — они всегда передают драматическую коллизию: *Напуснал е отечеството си още преди петдесет години — от някакъв мерак по жена* (Он покинул отечество пятьдесят лет тому назад — из-за любви к женщине) (Ив. Вазов) или апеллируют к изначальной ситуации выбора «по любви»: *Но кажи ми, защо я биеш? Не си ли я взел у дома си по мерак?* (Но скажи мне, почему ты ее бьешь? Ты же привел ее в дом по любви?) [РБЕ 9: **мерак**]. Ср. также глагол *мераклайсам се*, толкование которого включает сведения из заговорной традиции: 'влюбиться, сильно пожелать'. *За да одвратат маж од жена, ако се мераклайсал в некая друга жена* (Чтобы разлучить мужчину с женщиной, если он вдруг влюбился в другую) [Щепенков 1998: 438].

Фольклорных песен со словом *мерак* в болгарской традиции огромное множество. *Мерак* в этом случае в зависимости от контекста по своей аксиологии располагается на оценочной оси от положительного до отрицательного. Различия в концентрации чувства, эмоции приводят к тому, что это слово может обозначать явления и состояния, которые на шкале оценки находятся на противоположных полюсах.

Любовь-мерак может давать счастье, а может и вызывать страдания и быть причиной смерти.

Обычно в песнях *мерак* получает эпитет — это или первая любовь, или проклятая любовь, или старинная любовь; известны песни с клишированным зачином: *Ах мерак, стар (пуст) мерак*.

Песни с этим словом воспроизводят несколько ситуаций. Нередко они сопрягают представления о любви и браке: *Ох мерак, мила мамо, тоз мерак, / той ще ме, майко, юмори. / Който се, мила майко, със мерак, / със мерак, майко, йожени, / булчето да му ѝ, мамо, циганче, / нему се струва, майко, царкинче* (Ох любовь, милая мама, эта любовь, она меня, мама, со света сживет, кто по любви женится, жена его, мама, цыганочка, покажется ему, мама, королевишной) (воспроизводится ситуация «с милым рай и в шалаше») [РБЕ 9: **мерак**]; *Руске ле, любе ле, / чакай ми, вярвай ме, / служба да изкарам, / .. / Двама да се вземем, / с мерак да се водим* (Руска, любовь моя, подожди меня, поверь мне... отслужу службу, ... Поженимся, по любви под венец пойдем) [Там же].

Брак без любви (*без мерак*) в народных представлениях заведомо считается несчастливым. *Ах, мерак мамо мари пак мерак, кой са без мерак, мамо ожени. Кой са без мерак, мамо ожени, кой не знай мамо, що е либене. Либе ми беше, мамо сиромаш, мен ми са струва, мамо богаташ. Къщи му бяха, мамо, колиби, мен ми са струват, мамо, налати. Либе ми беше мамо дюлгерин, мина са времи стана майстурин. Сега си, мамо, друга залюби, че е по-млада и по-хубава. Ах, мерак, мамо мари, пак мерак, тоз мерак, мамо, ша ма изгори. Той ни ще мамо, пък аз го любя, мерака, мамо, гори изгаря* (Ах, любовь, мама, и вновь любовь, кто, мама, без любви женится (два раза), тот не знает, мама, ничего про любовь. Был мой милый, мама, бедняк, а мне казался он, мама, богачом. Домом ему был, мама, шалаш, а мне он казался, мама, дворцом. Парень мой был плотником, время прошло, стал мастером. Сейчас, мама, другую полюбил, красивее и моложе. Ах, любовь, мама, любовь, и вновь любовь, она меня, мама, без огня сожжет. Он не хочет меня, мама, а я люблю его, любовь горит-сжигает меня) [<https://textove.com/binka-dobрева-ah-merak-mamo-tekst>]. Повторим, что образ любви как пламени, влюбленности как ожога архаичен и присутствует в языке, фольклоре и магии, ср. и сербскую песню: *Ужего се Будим без пламена, ужегла га с очима девојка* (Обжегся Будим без пламени, обожгла его взглядом очей девушка) [Пешикан Љуштановић 2012: 210].

Мерак может означать влюбленность, но может и соотноситься с тяжелой болезнью (и душевными страданиями). В других фольклорных жанрах — заговорных текстах, которые служат приворотами (для взаимной любви) или, наоборот, отсушками (для того, чтобы загуляв-

ший муж вернулся к жене), также встречается эта лексема, причем, как это типично для заговоров, в сочетании с рядом однокоренных словообразований.

Эти примеры можно значительно умножить. Можно сказать, что в фольклоре законсервировано слово *мерак* в его связи с любовью и объектом страсти, желания, которое в современном болгарском (и в ряде других балканославянских языков) чаще используется как ‘желание’, ‘интерес’, ‘склонность’, ‘одаренность’.

В балканославянских диалектах производные от *мерак* могут включать в себя семы любви и страсти, плотского желания — так, макед., серб. *мераклика* ‘любовница; женщина легкого поведения’ [Митровић 1984: 179; Ширилов 2008: 170]; болг. врачанско *мераклендисвам се* ‘ощутить страсть’ [БД 9: 276]. В Пироте *врљи мерак* значит ‘влюбиться’: *Девојчето врљило мерак на њега и само си по њега иде* (Девушка в него влюбилась и лишь за ним всё ходит), ср. и другие сербские материалы: *На тој девојче мерак имам* (Я люблю эту девушку); *Загазија у године, а мераклија је на убаво женско* (Ему уже много лет, а большой любитель по женской части) [Златановић 2014: 373].

Известны и менее распространенные заимствования, общербалканские турцизмы, которые встречаются в разговорной речи и в песенном фольклоре. Так, заимствование из тур. *aşık* ‘возлюбленный’ фиксируется в болгарском, сербском, македонском, албанском и греческом языках [Петровић 2012: 57]. В словарях болгарского языка *ашик* дается с пометой «простонародное», «диалектное» и имеет по крайней мере три значения: 1) ‘возлюбленный’; 2) ‘исполнитель любовных песен’; 3) неизм. прилаг. ‘влюбленный, возлюбленный’ — *Подуна ветар, Стано, / де гиди, ашик Стано ле, моме / по Вардарско поле* (Подул ветер, Стана, / возлюбленная Стана, девушка, / по Вардарскому полю) [РБЕ 1: **ашик**].

В славянских диалектах содержится немало обозначений возлюбленных, ухажера и объекта ухаживаний. Вот, например, русское (вологодское) словообразовательное гнездо *масёт*, включающее лексику, которая упоминается в частушках и в обиходной речи: *масёт* (жен. *масётка*) ‘милый, возлюбленный; ухажер, кавалер’: *Масет — то же, что дроля, относится к девушке и парню. Пели: «Ты масетка, я масет, сошей, масеточка, кисет»; масётить* ‘иметь любовные отношения с кем-л.; ухаживать за кем-л.’: *Масет с масеткой масетят — значит, ведут тайную любовную беседу; масётиться* ‘то же’: *Сидела, сидела, с парнем масетится, дролится* [КСГРС; СРНГ 9: 381].

Лексика этого гнезда встречается в любовной лирике, частушках наряду с такими типичными общерусскими актантами, как *миленок*, *дроля*, *дролька*, *дролочек*, *забавничек* [СРНГ 8: 198–199; 9: 240] и др. В каждом диалекте есть свои обозначения возлюбленной, которые

характерны для определенных фольклорных жанров. Так, бойковские говоры украинского языка для обозначения возлюбленной используют *кохан(к)а*, а также словообразование от *люб-*: *любка, любаска, любочко* [Матіїв 2013: 263]; сербск. *љуба*, кашуб. *Luba*, польск. *kochaneczka*⁴ и др., ю.-серб. *љубе* уменьш. от *љуба*: *Трећу травку дом да носиш на тој твоје верно љубе да ти роди мушко дете* (Третью травку домой носи своей верной возлюбленной, чтобы родила тебе сына) [Златановић 2014: 355].

Безусловно, эти локальные лексемы, привязанные не только к диалекту, но и к определенному фольклорному жанру, дают возможность для более подробного анализа общеславянского ареального распространения корней. Так, в связи с южнослав. *воleti* ‘любить’ отметим, что однокоренные слова с подобным «любовным» значением встречаются в других ареалах: в частушках Среднего Урала *воля* обозначает милого, любимого, а в кашуб. фольклорных песнях — ‘любовь’: *Sy do mnie woli ni mos* — Или у тебя ко мне воли нет (сердце не лежит)? (цит. по: [Гура 2012: 611–612]).

Приступая к анализу концепта «любовь» sub specie этнографии, начнем со свадьбы, где эмоциональные мотивы должны бы, казалось, быть наиболее яркими. Свадьба — основной хронотоп любви, однако любовь как эмоция здесь скрывается, редко выражается вербально (возможно, чаще в благопожеланиях и тостах), идеи любви передаются через реальные/вещные или акциональные коды, через метафоры соединения.

Приведем здесь вариант песни на тему «брак без любви»: *Който се жени, маля, със мерак, той зима булче циганче, за него булче царкинче. Който са жени без мерак, той зима булче царкинче, за него булче циганче* (Кто по любви, мама, женится, берет невесту-цыганку, а для него она невеста-принцесса, Кто без любви женится, берет невесту-принцессу, а для него она — невеста-цыганка) (зап. Хр. Нейков), см. и примеры выше. На эту тему есть немало пословиц, ср. болг. *Жени са без любов, ходи без пушка на лов* (Жениться без любви, что идти без ружья на охоту) [Славейков 1972: 203]. В Полесье брак без любви включал в себя элементы погребения, невесту оплакивали, как покойницу, ибо без любви замужество равносильно смерти: [Голосили ли на свадьбе?] — *Голосіла яки шла як не в любові. Голосіла як по небоўшчыку. Люді білі ў хата, да ўсё голосіли. На посаде гóлосом голосіла* [ПА, с. Замощье, Лельчицкий р-н, Гомельская обл.]. Ср. также рус. карел. *нравство* ‘взаимное влечение, любовь’: *С милым везде хорошо, если взамуж по нравству выйдешь; нравый* ‘такой, который

⁴ *Kaj sie ty obraca / moja kochaneczka* (Когда же ты вернешься, моя миленькая) [Бартминьский 2005: 457].

нравится’: *Если он тебе не нравен, так венчать не будут* [СРГК 4: 52]. «Семейная жизнь без любви — как еда без соли», — констатирует народное выражение, ср. *не в любовь: Я как без соли еду ел, так жизнь свою проводил, не в любовь живу* [СРНГ 17: 239].

Корреляция «любовь — брак» должна была бы быть главенствующей в материалах по сватовству и свадьбе. Есть монографии, посвященные свадьбе [Узенева 2010; Гура 2012 и др.], однако тема любви и влюбленности при вступлении в брак специально почти не оговаривается. В энциклопедической монографии А.В. Гуры о славянской свадьбе упоминается «любовное ухаживание» с подробным перечнем терминов, венчание «по любви» без разрешения родителей и неверность в браке, т. е. любовные связи на стороне [Гура 2012: 21, 25, 41]. По особому сценарию проходят свадьбы с умыканием — т. е. именно по любви, но без согласия родителей. Это всегда отмеченные свадьбы, как по ритуальному оформлению, социальной оценке, так и по терминологии (болг. *бегалка, бегалица, бегулка, пристануша, пристанала* и др. [Узенева 2010: 180; Гура 2012, по указ: **умыкание, похищение невесты**]).

Значительное место в свадебных комплексах уделяется магическим действиям, направленным на любовь в браке, которая понимается как со-гласие, со-переживание, со-вместная жизнь и другие представления о взаимности и мире в семье. Поэтому основная символика ритуалов и магических актов включает в себя совместные, одновременные действия (откусывание, поедание яблока/пирога, кормление молодых с одной ложки, питье воды, смотрение в зеркало и мн. др.), соединение и связывание молодых на разных этапах свадьбы. С проекцией на будущую любовь соблюдались рекомендации: в западной Словакии считалось, что если молодые спят первую ночь вместе, значит, буду любить друг друга [Гура 2012: 524]. Очевидно, что в свадьбе акцентируется физиологическая сторона любви, нередко через сладкое (мед, сладости, яблоко — эротические символы), в основном как магия продуцирования, направленная на рождение в браке детей. На брачном застолье у русских требуется подтверждения взаимной любви молодых, которые целуются, подтверждая свои чувства, после криков «Горько!».

В этнографии собственно любовь и влюбленность, предшествующие свадьбе или уже в браке, полномасштабно не описаны. В работе с информантами иногда удается записать рассказы о любви/нелюбви, желании/нежелании вступить в брак, однако эти темы для патриархальной среды чаще всего соединяются с семейным укладом и послушанием, важностью родительской воли. *Гулям мерак имах да взема Стуян, амь не ма послушаха* (Я так хотела выйти за Стояна, но меня не послушали) — это частый мотив в рассказах собеседников.

Д. Маринов пишет о том, что сыновей лишали наследства и не пускали в дом в случае нежеланного выбора невестки: *Вземи я, ама да видим, на чии врата ще я доведеш* (Бери ее, но посмотрим, к чьим воротам ты ее приведешь). С другой стороны, при первом посещении сватов девушку спрашивают про ее чувства и прислушиваются к ее мнению, хотя оно нередко обусловлено предварительным решением родителей. Нередко ссылаются на «правило»: *Стерпится — слюбится* или болг. *Обич доожда и след венчило* (Любовь приходит в браке).

Нередко случается записывать истории о том, что помолвка совершалась в отсутствие парня, который даже не знал имени невесты (с. Стакевцы, Видинская обл., 2001), что молодые познакомились на помолвке (старообрядцы Тульчи, Румыния, 2008) и т. д. Так, старообрядка Хима (Евфимия) в Тульче пригласила меня, чтобы рассказать о том, как она выходила замуж, и ее рассказ включал описание тяжелого положения в семье отца-вдовца, который вынужден был выдавать ее замуж. Желания Химы он не спрашивал, более того, она увидела своего жениха впервые на помолвке. Гости угощались в комнате за столом, а молодых отвели в соседнее помещение, где жених после долгого молчания спросил: «Тебе Хима звать?», после чего они стали беседовать и договариваться о свадьбе. К моменту нашего разговора Хима была уже вдовой, ее соседи рассказали мне, что они с мужем очень любили друг друга. Таким образом, любовь как условие вступления в брак, по свидетельствам традиционной культуры, — очень относительный фактор, во всяком случае, имеющиеся нарративы подтверждают, что она не является гарантией счастливой семейной жизни.

Терминология, связанная с женихом и невестой, в словнике традиционной свадьбы не включает в себя слов со значением ‘любить’, ‘дорожить’, с редкими исключениями — болг. *миловник* (пловд.). Венчание же у западных славян обозначается словообразованиями от **lub-*: пол. *ślub*, силез. *zaślubiny*, словац. *śl'ub*, чеш. *slub* (по мысли А.В.Гуры, «названия церковного венчания связаны с клятвенным обещанием, обетом, присягой...») [Гура 2012: 408]. Общеболгарский термин венчания *венчило*, обычно *първо венчило*, в фольклоре обозначает супруга/супругу и служит синонимом сильной любви (преимущественно в песнях и причитаниях и пр.).

Действительно, в причитаниях нередко встречается обозначения умершего мужа (причитаний по умершей жене не фиксируется) через «первый венец». Сравнение разных славянских традиций требует большего внимания и более детального изучения, поскольку различия в назывании умершего мужа и в обращениях к нему очень разнятся. Тема любви, даже в случае раннего ухода супруга, практически не звучит, доминируют мотивы «хозяина», «опоры», «отца детей». В болгарских причитаниях самым частым субстантивом можно счи-

тать «хозяин» (болг. *домакин*, ср. также белор. *гаспадарочак* и др.). В восточнославянских плачах очень сильна общефольклорная поэтика, ср. обращение к умершему супругу с помощью традиционных образов, ср., например, в белорусских причитаниях «А дубочак ты мой зялёненькі, а бярозка мая кудрявая» [ППГ 1986: 279]. Используются и ласковые эпитеты «А мой жа ты родненькі, а мой жа ты міленькі, мой харошанькі... мой галубчiк», «Мае саколіку, мае орліку» [Там же: 281]. О любви прямо не говорится⁵, хотя в обрядовом комплексе фиксируются эротические мотивы, связанные с потенцией умершего молодого мужчины.

В родильной обрядности доминируют аспекты любви, которые не являются предметом этой статьи, — любовь и привязанность к родным. Однако мотивы вступления в брак и магия, направленная на наделение мальчика/девочки привлекательностью, занимают в комплексе ритуалов значительное место. Уже упоминавшийся образ любви как огня, пламени (отсюда ряд магических действий со свечой [Белова, Седакова 2008; Sedakova 2015]) дополняется предикатами, обозначающими физические признаки желания и страдания, ср. болг. *топя се* ‘таять (о воске)’, *лепя се* ‘клеиться’, отсюда использование по народной этимологии летучих мышей (болг. *прилеп*) и «клеяких» растений (*лепка* и др.). Этимологическая магия основана на созвучии слов — так, посыпают пол *просом*, чтобы девочку в последствии *просили*, т. е. сватали [Седакова 2007]. Магический ряд родинной обрядности включает в себя акты и вербальные формулы, направленные на то, чтобы ребенка впоследствии любил противоположный пол, чтобы у девочки были ухажеры, а у мальчика поклонницы. Выражаются эти идеи через метафорическую лексику любви, некоторые акты напоминают любовную магию [Топорков 2004; 2008].

Любовная же магия — это та часть народного знания, которая очень неплохо сохранилась и при изучении концепта «любовь» лучше всего фиксируется в экспедициях. Публикации по любовной магии бесчисленны. Сами же магические действия могут иметь диаметрально противоположную направленность — способствовать влюбленности и пробуждению любви или, наоборот, избавлять от этого чувства. Магические акты были адресованы как юношам и девушкам до брака, так и семейным мужчинам и женщинам в случае измены, охлаждения. Знаниями магических приемов присушек и отсушек обладают многие сельские жители. В далеком 1977 г. мы, студенты-болгаристы МГУ, приехали в болгарское село Твардица (тогда МССР) и познакомились с местными парнями. Первое, что они нам рассказали, — как девуш-

⁵ В с. Пирин (Благоевградская обл.) было зафиксировано причитание, в котором вдова подробно описывала свою любовь к ушедшему мужу. Однако односельчане сочли, что она «не в своем уме» (зап. Хр. Нейков).

ка может приворожить парня (известный способ с использованием месячных). Это, так сказать, общее знание, но встречаются и весьма экзотические действия, трудные для выполнения: влюбленный парень должен посмотреть на девушку, которая не испытывает к нему чувств, через вырезанное в задку живого волка отверстие. Такие же действия нужно осуществить в браке по отношению к тому супругу, который охладел (болг. ю.-зап.) [Молерови 2006: 411]. Мужей, заподозренных в измене, которые «поглядывали на женщин» (*мъже вадели очите по чужди жени*), пытались вернуть в семью магическим образом: на Преображение тайком смотрели через отверстие в подсолнухе на мужа, считая, что и он преобразится и будет смотреть на них (*слън-чоглед*) [Там же].

* * *

В заключение отметим, что исследование концепта «любовь» в этнолингвистическом аспекте на общеславянском фоне при общем сходстве основных корней словника позволяет выявить лингвистическую, фольклорную и обрядово-ритуальную специфику. Словники любви будут различаться по многим параметрам в ареальном (распространение словообразований от общих корней, наличие заимствований, как в балканославянских языках, и др.), контекстуальном (в зависимости от наличия конкретного фольклорного жанра в традиции — ср. коломийки, частушки, мифологические песни у разных славян), обрядовом и социальном (в том числе и в зависимости от степени консервативности уклада, роли конфессии — православия, католичества, ислама и др.) отношениях. При этом общеславянский континуум выявляет интересные переходы и наслоения словообразований от общих для всех славян корней, которые требуют дополнительного исследования с учетом той области, в которой они функционируют. Важно и то, что степень экспликации любовных чувств неодинакова в языке описания обрядов (даже свадебного комплекса) и в фольклоре. Это само по себе представляет важный ракурс этнолингвистических разысканий и, кроме того, позволяет исследователю посмотреть на лексику любви значительно шире и обратить внимание на развернутый спектр ее символических и метафорических обозначений.

Литература

- Апресян 2000а — *Апресян Ю. Д.* Любить 2, Обожать; Любоваться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. Вып. 2. С. 180–187.
- Апресян 2000б — *Апресян Ю. Д.* Многозначность и синонимия слова *любить* // *Etnolingwistyka. Lublin*, 2000. Т. 12. S. 77–95.

- Бадаланова 1993 — *Бадаланова Ф.* Български еротикон. София, 1993.
- Бартминьский 2005 — *Бартминьский Е.* Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005.
- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 1—. София, 1968—.
- Белова, Кабакова 2014 — *Белова О. В., Кабакова Г. И.* У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды. М., 2014.
- Белова, Седакова 2008 — *Белова О. В., Седакова И. А.* Свеча // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 4. М., 2008.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. София, 1962—. Т. 1—.
- БМ 2006 — Българска митология. Енциклопедичен речник / Ред. А. Стойнев. Второ изд. София, 2006.
- Валиулина 2006 — *Валиулина С. В.* Средства репрезентации эмоции «страсть» как фрагмента русской языковой картины мира. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
- Вильмс 1997 — *Вильмс Л. Е.* Лингвокультурологическая специфика понятия «Любовь» (на материале русского и немецкого языков). Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 1997.
- Влајинац 1975 — *Влајинац М.* 3. Жена у народним пословицама. Београд, 1975.
- Володина, Федосик 2006 — *Володина Т. В., Федосик А. С.* Белорусский эротический фольклор. М., 2006.
- Вольф 1989 — *Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904. Ч. 1–5.
- Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.
- Дугушина 2017 — *Дугушина А. С.* «Женские» темы в этнографии Балкан: нужно ли быть «своим», чтобы говорить об интимном // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы *извне и изнутри*. (Балканские чтения 14. Тезисы и материалы) М., 2017.
- Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Любовь и сочувствие: содержание концептов в русском языке и в романе М. Кундеры «Невыносимая легкость бытия» // *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 374–391.
- Златковић 2001 — *Златковић Д.* Срамотно и погано у пиротском говору. София, 2001.
- Златановић 2014 — *Златановић М.* Речник говора Југа Србије. Врање, 2014.
- Кабакова 2001 — *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела. М., 2001.
- Керемидчиева и др. 2012 — *Керемидчиева С., Кочева А., Василева Л., Първанов К., Сертова З., Гаравалова И., Чернева Р.* Еркеч — паметта на езика. София, 2012.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, УрФУ, кафедра русского языка общего языкознания и речевой коммуникации).

- Кузнецова 2006 — *Кузнецова Л. Э.* Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты. Краснодар, 2006.
- Матіїв 2013 — *Матіїв М.* Словник говірок центральної Бойківщини. Київ; Сімферополь, 2013.
- Митровић 1984 — *Митровић Б.* Речник Лесковачког говора. Лесковац, 1984.
- Молерови 2006 — *Молерови Д. и К.* Сборник за Банско и банскалий. Банско, 2006.
- ПА — Полесский архив отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, (Москва).
- Петровић 2012 — *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. Београд, 2012.
- Пешикан Љуштановић 2012 — *Пешикан Љуштановић Љ.* Лирске народне песме. Нови Сад, 2012.
- Подюков, Хоробрых 2001 — *Подюков И., Хоробрых С.* (собр. и сост.) И смех, и грех. Эротика в Пермском фольклоре. Сказки, бывальщины, заговоры, загадки, песни, частушки. Пермь, 2001.
- ППГ 1986 — Пахаванні. Памінкі. Галашэнні. Мінск, 1986.
- РБЕ — Речник на българския език. Т. 1–15. София, 2001–2015.
- РЭФ 1995 — Русский эротический фольклор / Сост. А. Л. Топорков. М., 1995.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения. София, 1889–.
- Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родинный текст. М., 2007.
- Славейков 1972 — *Славейков П. Р.* Български притчи и пословици или характерни дума. София, 1972.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Соколова, С. А. Мызникова. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- Толстая 2012а — *Толстая С. М.* Лики любви в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 587–597.
- Толстая 2012б — *Толстая С. М.* Этимология и семантическая типология: еще раз о любви // *Empiricism in Slavonic Diachronic Linguistics*. Praha, 2012. S. 199–218. (*Studia Etymologica Brunensia*–15).
- Топорков 2004 — *Топорков А. Л.* Любовная магия // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 3 К (Круг) — П (Перепелка). М., 2004.
- Топорков 2008 — *Топорков А. Л.* Любовные заговоры славянских народов в компаративном отношении // Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 484–502.
- Топорков 2015 — *Топорков А. Л.* «Лежит доска, на ней тоска»: Тоска в любовных заговорах // *Русская речь*. 2015. № 3. С. 114–120.
- Узенева 2010 — *Узенева Е. С.* Болгарская свадьба: Этнолингвистическое исследование. М., 2010.
- Цепенков 1998 — *Цепенков М.* Фолклорно наследство. Т. 1. София, 1998.

- Ширилов 2008 — *Ширилов Т.* Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Т. 1–3. Скопје, 2008.
- Birnbaum 1978 — *Birnbaum H.* The sphere of love in Slavic. Some preliminary observations // American contributions to the eighth International congress of slavists. Zagreb and Ljubljana, sept. 3–9, 1978. Vol. 1. Columbus, Ohio. P. 155–179.
- Jakubowicz 2000 — *Jakubowicz M.* Dwa oblicza miłości. Porównanie językowych obrazów miłości, tkwiących w etymologii i frazeologii // Język a kultura. Wrocław, 2000. T. 14. S. 234–243.
- Sedakova 2015 — *Sedakova I.* Magico-Religious Symbolism of a Candle in the Slavic Calendar Rituals // The Ritual Year 10. Magic in Ritual. Ritual in Magic. Innsbruck; Tartu, 2015. P. 141–151.
- Wierzbicka 1971 — *Wierzbicka A.* Kocha, lubi, szanuje. Medytacje semantyczne. Warszawa, 1971.

СЛАВЯНЕ-МУСУЛЬМАНЕ ЮЖНОЙ СЛАВИИ: ТЕРМИНОЛОГИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются терминологические системы разных сфер традиционной культуры (календарь, семейная обрядность, мифология) славян-мусульман региона Балкан в этнолингвистическом аспекте. Задачей исследования является изучение заимствований (прежде всего турцизмов) в их соотношении с исконной лексикой в терминологии традиционной духовной культуры. Кроме того, на материале календарной, семейной обрядности и мифологии будут проанализированы различные культурные диалекты мусульманских анклавов Южной Славии в целом: общая исламская культурная традиция балканских славян, понимаемая нами как макродиалект, и ее отдельные поддиалекты, в том числе болгарской помакской традиции.

Основой исследования стали данные языка и культуры болгар-мусульман (общеполг. *помаки*, родоп. *ахряне*) — этнических болгар, говорящих на болгарском языке, проживающих в различных регионах страны и представляющих разные культурные диалекты одной традиции. Они сравниваются с культурно-языковыми традициями других представителей исламского мира Южной Славии: славянами-мусульманами Боснии и Герцеговины (*босняки*, *бошняки*), Македонии (*торбеши*), Горы (*горанцы*). Автор опирается на собственные полевые материалы, собранные в экспедициях за последние пятнадцать лет*, а также на опубликованные болгарские источники [Родопи; Сребранов 2007] и данные ученых из Санкт-Петербурга и Болгарии о славянах-мусульманах Албании [Голо Бордо 2013¹; Тончева 2009], в том числе

* Экспедиции в Боснию были осуществлены совместно с А.А. Плотниковой в 2011–2012 гг. Их результаты представлены в книге [Плотникова 2016: 169–241].

¹ К сожалению, сборник не содержит материалов по свадебной обрядности, а данные по мифологии очень скудны.

Елена Семёновна Узенёва,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Язык и культура в полиэтнических и поликонфессиональных сообществах Юго-Восточной Европы XXI века: междисциплинарное исследование» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.1.24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (2018–2020).

отдельных частей области Гора: Кукинской [Антонова-Василева 2016; Тончева 2012 и Призренской (Косовской) [Младенович 2005; Hasani 2007; Колева 2014], а также Македонии [Лимановски 2003; Мангалакова 2010; Мехмед 2013; Мирчевска 2014] и др.

Наше изучение традиционной культуры болгар-мусульман проходило в различных регионах Болгарии: Восточных Родопях (с. Аврен, область Крумовграда, 2001 г.; совместно с А. А. Плотниковой); Средних Родопях (сс. Виево (2012), Кутела и Тырын (2013), Смилян, Полковник-Серафимово (2014), область Смоляна; с. Старцево (2012), область Златограда); Северной Болгарии (с. Галата, область Тетевена, 2013)². В апреле 2018 г. совместно с эллинистом К. А. Климовой была осуществлена экспедиция к поймакам северной Греции (сёла Термес, Демерджик, Котили, Главке, Пулево, Долап области Ксанти), но материалы данной экспедиции используются в настоящей статье лишь в отдельных случаях в качестве параллелей к исследованию.

При работе с информантами мы пользовались этнолингвистическим вопросником А. А. Плотниковой [Плотникова 2009], первоначально созданным для нужд Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ), но хорошо зарекомендовавшим себя в полевой работе во многих странах и переведенным на несколько языков карпато-балканского региона.

Кроме того, для целей нашего исследования был сделан также отдельный список вопросов, ориентированный на работу с мусульманским населением, куда были включены вопросы о появлении новых и сохранении старых праздников в среде магометан, об их взаимодействии, об историческом прошлом, о взаимоотношении с соседями-христианами и др.

При анализе культурных диалектов помаков Болгарии была выявлена общая тенденция: элементы мусульманской культуры (равно как и обслуживающая их лексика) отмечены в ритуалах, непосредственно связанных с исламом (*сюнет* ‘обрезание’, религиозные праздники типа *Байрама*), и включены в общую канву праздничной обрядности, характерной для болгар-христиан. Однако в традиционной культуре мусульман, имеющих более компактный, чем православные болгары, календарь, действует компенсаторный механизм по принципу замещения, усиления магических действий в различных ритуалах и верованиях, которые наполняют эти ритуалы дополнительным (часто забытым христианами) содержанием.

Календарь. Самыми важными в году для болгар-мусульман являются праздники *Курбан-байрам* и *Шекер-байрам*: Большой байрам,

² Предварительные результаты анализа собранного материала были опубликованы в работах [Плотникова, Узенёва 2002; Узенёва 2013; 2013а; Терзиева, Узенёва 2014; Узенёва 2017].

отмечаемый «для здоровья», когда совершали жертвоприношение (*курбан*), и Малый байрам или Сахарный байрам, посвященный поминовению усопших, когда раздают сладости и сахар (*шекер*). Однако традиционная культура болгар-мусульман сёл области Смоляна в средних Родопах содержит ряд дохристианских компонентов, сохранившихся после принятия ислама и включенных в празднование христианских праздников, таких как обряды Юрьева дня (*Гергивден*), Иванова дня (*Еньовден*), обычай установления ритуального родства (кумления) между девушками (*посестримство*) и др. У помаков девичьи гадания о замужестве совершались в канун Рождества (*Бъдни вечер*), так же как и у христиан. Сохранилось и название недели с Рождества до Крещения, связанное с разгулом злых сил в этот период, — *Буганска седмица* (*буганец*, ср. *поганец* ‘злой дух, караконджул, дух-покровитель дома’)³.

В Новый год так же, как и христиане, болгары-мусульмане пекут лепешку (*пита*), в которую запекают монету и веточки кизила. В последнее время кроме кизила и монеты в лепешку кладут листочки с указаниями других видов «везения/счастья» (*късметчета*): работа, любовь, дорога, обучение, брак и т. д. Раньше в селах бытовал традиционный для всех болгар обычай новогоднего колядования *сурвакане*. В селе Старцево в обл. Златограда сохранился этот обычай новогодних детских обходов домов, в ходе которых дети бьют (*сурвакат*) домочадцев «для здоровья» украшенными белой и красной шерстью кизильовыми прутиками (*сурвачки*), приговаривая: «Сурва, сурва, весела година!» Детей одаривали сладостями. На Новый год пекли слоеный пирог *баница* со знаками удачи (*с късмет*): клали туда монету, свернутый листок с пожеланиями «для удачи», почки кизила «для урожая».

Ритуальный комплекс, связанный с праздником начала весны (*Баба Марта*), не сохранился у помаков Средних Родоп, но известен болгарам-мусульманам с. Старцево, обл. Златограда. Его называют здесь *Стара Марта*, *Наша Марта* и празднуют 14 марта (по старому стилю). В этот день в каждом дворе зажигали большой огонь и перепрыгивали через него, «чтобы не кусали блохи и не “хватали” болезни». К празднику изготавливали *мартеницы* (скрученные шерстяные нитки; их привязывали детям на запястье, а молодняку скотины на рога «для здоровья»), называемые здесь *баянички*, они не только красно-белые, как в Златограде и во всей Болгарии, но и пестрые (желтые, зеленые, синие и др.). Их украшали долькой чеснока и свернутой в круг веткой айвы с плодовыми почками, иногда пришивали и синее *монисто* (*каркатюл*). В прошлом плести мартеницы могли только из-

³ Подробно терминология демонологических персонажей в Родопах проанализирована и частично картографирована в монографии Евгении Троевой-Григоровой, см. карту № 6 [Троева-Григорова 2003: 244].

бренные женщины, которые получали для этого специальное разрешение (*изин*) от мусульманского священника *ходжи*, поскольку считалось, что мартеницы обладали лечебной силой.

В с. Галата, обл. Тетевена в Северной Болгарии, праздник отмечается также по старому стилю 14 марта и имеет свою специфику, связанную с мотивацией ритуальных действий. Они обращены прежде всего к Бабе Марте, персонифицированному женскому мифологическому персонажу⁴. В этот день по обычаю надо было «развеселить» этот персонаж, для чего вывешивали белые и красные предметы одежды на ограду. Другие действия были направлены против болезней и блох (*працат бълхите* ‘выпроваживают блох’), которых выгоняют вместе с собранным в этот день мусором, выбрасывая его на восток к ближайшим соседям, приговаривая: «Прибери си болестите!» (Забери свои болезни!). Наряду с этим совершают еще несколько «очистительных» ритуалов — 22 марта (это дата православного праздника св. Сорока мучеников по старому стилю, св. *Четирийсет мъченици*, который в с. Галата носит название *Българско четирийсе*, поскольку 27 марта отмечают *Турско четирийсе*, когда посещают могилы умерших родственников), и на Благовещение (*Благовец*), именуемое также «Змеиным праздником» (*Зъмски празник*), поскольку его отмечают «против змей». В эти дни из села «выгоняют злых духов»: чистят дома и дворы, обходят их с воскуряемым ладаном, перепрыгивают через костры, в которых сжигают мусор, «чтобы змеи не вползали в дом и в рот».

Юрьев день, день св. Георгия (6.V), у болгар-мусульман сс. Виево и Кутела в обл. Смоляна сохранил славянское название *Гергивденъ*, *Празник на овчаря*, *Празник на селото* и считается одним из самых почитаемых праздников в году после *Баиряма*. В других мусульманских селах региона Родоп праздник носит название *Хадерлез*, *Адерлез*, *Адрелез*, *Ъдрелез* [Райчевски 1998: 45]; ср. термин *Edrelez* у помаков Греции, где это едва ли не единственный календарный праздник, не связанный с исламом. Юрьев день здесь сохраняет семантику начала не только весеннего цикла, но и нового года: с ним связаны общие ритуалы первого умывания специально приготовленной накануне водой/росой, сбор трав, превентивные меры против магии, змей и др. В народе верили — что будешь делать в этот день, будешь делать целый год: если считаешь деньги, будешь их считать (иметь в изобилии) весь год. Дети должны были поваляться, покувыркаться в росе утром в этот день, вымыть ею глаза, лицо и волосы, после чего отправлялись

⁴ Отметим, что наряду с персонификацией Бабы Марты в традиции села существует и персонификация мифологического персонажа *Баба Сряда* (*рунтава Сряда*), которая появлялась в образе высокой, замотанной в платок женщины, стучала вечером в окно, могла войти в дом и посыпать пепел из очага на голову хозяйки, если та нарушила запрет мыть голову накануне среды.

брызгать водой специально приготовленными накануне букетами из цветов и дикой герани дома своих родственников и соседей, за что получали от них вознаграждение в виде денег и лакомств. Уходя, дети оставляли в домах часть цветов и герани. Эти обходы домов детьми напоминают новогодние посещения (*сурвакане*) домов у болгар-христиан, когда дети бьют кизилowymi прутиками всех домочадцев «для здоровья», за что также получают награду. Юрьев день был единственным днем в году, когда заквашивали молоко с помощью росы, а не закваски. До рассвета ходили на святые источники (*аязмо* < греч.) в христианские села, приносили оттуда воду, поили домашних и готовили на ней пищу, обязательно «цельную» (клубни картофеля, фасоль, чечевицу), чтобы «всё было полным и ровным» (ср. Виево и Кутела, обл. Смоляна). Отметим, что животноводческий цикл завершался поздней осенью на праздник *Касъм*, 26.X/8.XI, приходящийся на православный праздник — день св. Димитрия, *Димитровден*, когда с пастухами расплачиваются за работу.

Помаки в Златограде и Старцево день св. Георгия (*Адрелез*) отмечают вместе с христианами. Накануне праздника девушки брали сосуд с водой, делали букеты из душистой герани, шиповника, веток айвы и яблони, листьев ореха и оставляли их в воде «под звездами» переночевать. Сверху на ведро клали два ножа крест-накрест. А наутро пили три глотка воды из сосуда и умывались этой водой. Ходили «мыться» в росе, где трижды кувыркались, а мужчины купались в реке. Теперь ходят на термальные источники в г. Термез, где есть мусульманское святилище *теке*, характерное для алиан (одно из течений в исламе). Там ежегодно отмечают общий праздник помаки северной Греции и их единоверцы из пограничных районов Болгарии.

В этот день в Старцево обязательно пили свежее молоко и украшали двери домов зелеными растениями (*млечка* < болг. *мляко*, *млеко* ‘молоко’) и хвоей «против злых сил и духов». Так же поступали и в канун Великого четверга. Адрелез отмечали с целью защиты от змей: обходили с горячей головней дом, «чтобы змеи не вползали в сарай к скоту», не прикасались к иглам и ножам, «чтобы змеи не кусали летом».

День св. Георгия у помаков Тетевена также сохранил общеполгарское название праздника *Гергьовден*, но его именуют еще «цыганским днем» (*цигански ден*), так как этот праздник почитают цыгане. В с. Галата считают, что в этот день обладают магическими свойствами роса, которая дает здоровье, и травы, поэтому их собирают накануне праздника⁵. Детей заставляют кувираться по утренней росе, а хозяева украшают свои дома и хлевы зеленью — ветками бука, чтобы было

⁵ Травы собирали и в день св. Иоана (24/VI), который также сохранил свое болгарское наименование *Еньовден*.

плодородие в самом широком смысле: «*За да бучи на мляко, на народа и хората*» (Чтобы село бурлило от молока и людей).

У боснийцев-мусульман также сохраняется славянское по происхождению наименование праздника — *Jurjevo*, иногда информанты использовали и сербский термин *Đurđevdan* (ср. *Джурджевден* у македонцев-мусульман [Мангалакова 2010: 63]). Здесь, как и у других славян-мусульман, особое значение придавалось первому умыванию, совершаемому девушками до восхода солнца водой, взятой из-под мельничного колеса, «чтобы волосы хорошо росли». В крутящуюся воду бросали и первое рукоделие, сделанное маленькой девочкой, чтобы она была ловкой в работе, матери брызгали такой водой своих детей и пр. [Плотникова 2016: 181].

Среди славян-мусульман Албании в Голо Бордо день св. Георгия, имеющий славянское название *Žurden/ Žurdeven/ Žurževden*, также является почитаемым праздником, когда совершаются различные животноводческие, продуцирующие и апотропеические ритуалы: выгоняют скот на пастбище, доят овец, сбивают масло в украшенной цветами и монетами маслобойке, девушки качаются на качелях, держа в руках камень, «чтобы получалось больше масла», танцуют на лугах и вяжут венки из клевера, «чтобы лучше росли волосы», умываются до рассвета и едят кусок хлеба, «чтобы не быть голодными», в этот день делают оберег от сглаза из головы убитой змеи и пр. [Голо Бордо 2013: 136–137].

Таким образом, во многих мусульманских традициях Южной Славии сохраняется целый комплекс обрядов праздника начала весны, скотоводческого года, приуроченных ко дню св. Георгия, имеющих древнее, языческое происхождение, и направленных на обеспечение плодovitости скота и урожайного года, а также здоровья, красоты и благополучия людей. Важным фактором сохранения этих ритуалов является его животноводческая основа и отсутствие явной религиозной составляющей, что и обеспечило его существование вплоть до наших дней.

День св. Иоанна, *Еньов день* (24.VI), связанный с летним солнцестоянием и сбором целебных трав, в селах Виево и Кутела в округе Смоляна отмечен ритуальными девичьими гаданиями, которые совершались в этот день и болгарскими христианами. Накануне девушки собирали букеты из цветов (*китки*), украшали их узнаваемыми деталями (мартеницей, цветными нитями, кольцами, синими бусинками), в каждый букет обязательно втыкали крапиву — оберег от колдовства и сглаза (*уроки*) и оставляли «переночевать» в медном котелке под открытым небом под кустом дикой розы. Ранним утром девушки собирались в центре села и брызгали друг друга водой (как в день св. Георгия), пели песни, главным образом любовные, и гадали (*наричали*): одна из девушек доставала букет из ведра и предсказывала будущее его обладательнице.

В Боснии одним из важных моментов в году был *Alidun*, праздник 2 августа. Согласно сведениям наших информантов, это праздник города или села, называемый еще *teferič*. Боснийцам-мусульманам известен и день св. Ильи, отмечаемый православными в тот же день (по старому стилю), праздник считается «общим», ср. поговорку (обл. Високо): *Dopodne Ilija, popodne Alija* ‘до полудня — Илья, после полудня — Алия’.

По сведениям А. Н. Соболева, славяне-мусульмане Албании отмечают и ряд христианских праздников, не имеющих у них христианского содержания и посвященных отдельным граничным датам календаря или сельскохозяйственной и домашней деятельности, ср. *eremija* — день полеводческих практик и апотропеических ритуалов, *mitrovden* — день начала зимы и оплаты работы пастухов, *letnik* — день защитных и обеспечивающих здоровье ритуалов, *veligden* — день ритуалов, обеспечивающих плодородие; шелухой от лука красят яйца, которые раздают детям и другим членам семьи, а одно хранят в доме целый год; яйца нарекают по именам членов семьи, особо выделяя яйцо «для дома», через год старое яйцо выбрасывают в поле, «чтобы был урожай» и др. [Голо Бордо 2013: 137–138].

В с. Галата в Болгарии также сохранились и некоторые народные обряды, приуроченные к христианским праздникам. Эти ритуалы направлены главным образом на обеспечение благополучия людей (плодородия, урожая, здоровья, богатства) и на защиту от «злых сил», диких животных и птиц (*Мишовден* букв. ‘мышиный день’, *Вълчите празници* ‘волчьи праздники’, *Гаргинден* ‘день галки’ и др.) и характерны для северноболгарского ареала. При этом обряды остаются частью народной духовной культуры, которую местное население определяет как помакскую. Однако они неизвестны родопским болгарам-мусульманам. Ср. карты в книге А. А. Плотниковой, показывающие, что «Волчий праздник» и «Мышиный праздник» практически повсеместно известны в восточной части Южной Славии болгарам, македонцам и части сербов [Плотникова 2004: 342–358].

Из приведенного выше материала становится очевидным факт, что в лексике календаря болгар-мусульман, как и у их собратьев в Боснии и Албании, доминирует славянская по происхождению обрядовая терминология, характерная и для христиан. Особенно выделяется терминосистема календарной обрядности с. Галата, обл. Тетевена, где известны и отмечаются многочисленные народные и христианские праздники: *Благовец*, *Вратоломей*, *Средлято*, *Горецняци*, *Русаловден*, *Петровден*, *Кръстовден* и др.

Родины. Терминология родинного обряда у болгар-мусульман практически целиком является идентичной терминологии болгар-христиан и имеет славянские корни: Северная Болгария, с. Галата:

ялова, ‘бесплодная женщина’, *тежка* ‘беременная’, *родилка* ‘роженница’, *баба* ‘повитуха’, *риза* ‘околоплодный пузырь’, *последък* ‘послед, детское место’ и т.д. Отмечаются и общие для южных славян представления о демонах судьбы (*орисниците*), которые определяют судьбу ребенка (*орисват*) на третий день после его рождения. Данные верования совсем неизвестны болгарам-мусульманам Средних Родоп в южной Болгарии. В с. Галата верят в магические свойства «сорочки» новорожденного, способной охранять воинов от пули на поле битвы; в способность ребенка, дважды отлученного от груди, наносить вред людям в виде сглаза (*да урочасва, има лóшии очи*); в необходимость «разделения» рожденных в один и тот же месяц детей (*едномесечета*) с помощью яйца с двумя желтками для сохранения их жизни и здоровья. Сразу после рождения младенца ему должны испечь лепешку «для пеленок» (*за повои́ник*) и совершить ритуал посещения (*пону́да*) новорожденного близкими семье женщинами, чтобы ребенок «не уснул в первую ночь не посещенным» (*непону́дено*), т. е. не принятым в социум. Для младенца пекут специальную лепешку, в которую запекают монету, называемую «младенец» (*бе́бе*). Тот, кто найдет монетку в хлебе, станет ребенку «как бы отцом». В настоящее время обряд носит христианское название *кръщение* и совершается лишь по истечении шести месяцев со дня рождения ребенка. Ранее праздник отмечали очень широко, с музыкой, и назывался он турецким (из араб.) термином *зефет*. Во время ритуала мусульманский священник *ходжа* зажигал свечу за ребенка и нарекал ему имя.

Средние Родопы: *бездетна*, *ялова* ‘бесплодная женщина’, *тежка* (Златоград), *корместа* (Виево, Кутела) ‘беременная’, *родилка* ‘роженница’, *баба* ‘повитуха’, *ризница* (Златоград), *риза* (Виево, Кутела) ‘рубашечка, околоплодный пузырь’, *последък* (Златоград), *последак* (Виево, Кутела) ‘послед, детское место’, *престъница* ‘лепешка, выпекаемая для ритуала первых шагов ребенка’ (Виево, Кутела), *дете е с парáтики* (< нгреч. ‘плохой’) *óчи / лóшии óчи* ‘ребенок, дважды отлученный от груди, в будущем человек с дурным глазом’ (Виево, Кутела), *лóшии óчи* ‘сглаз’ (Старцево).

Первое угощение после рождения ребенка у помаков Средних Родоп во время обряда посещения новорожденного женщинами носит название *молитва*. Для ритуала готовили лепешки из кукурузной муки (*смидал* < нгреч. *σμιδαλις* ‘пшеничная мука’ [БЕР 7: 176]), которые затем крошили в большом противне, обжаривали в масле и посыпали сахаром и грецкими орехами (у христиан соседнего села Момчиловци блюдо носит то же название и готовится по сходному рецепту). У помаков Златограда, Старцево и северной Греции ритуал первого посещения младенца получил свое название от наименования угощения *смидал* или *smidar* — обл. Ксанти, а термин *molitva* у славян-мусуль-

ман Греции обозначает ритуал жертвоприношения в честь рождения ребенка, совершаемый до 40 дня после его рождения, для которого резали барана (одного для девочки и двух для мальчика).

В Средних Родопах (сс. Виево и Кутела) на сороковой день после родов женщина совершает обряд «очищения» (*къркладисва* < от тур. *kirk* ‘сорок’; данный термин отмечен и у помаков Греции), подобный христианскому, провожая Богородицу (*мехрем анайка*), помогавшую в родах: печет лепешку, отламывает от нее четыре куска, капает на каждый грудное молоко и раскладывает по четырем углам дома (крестнакрест) вместе с сахаром.

Восточные Родопы (Аврэн, обл. Крумовграда): *ялова*, *яловица* ‘бесплодная женщина’, *корместа* ‘беременная’, *родилка* ‘роженица’, *баба* ‘повитуха’, *ризичка*, *риска* ‘рубашечка, околоплодный пузырь’, *последък* ‘послед, детское место’ и т. д. Выявлены и общие для южных славян поверья о способности к сглазу (*зима на зър од нега*; *урчасва се од нега*; *зима се урци* ‘от него появлялась болезнь/сглаз’) дважды отлученного от грудного молока ребенка (*пофторак*), о магических свойствах «рубашечки» новорожденного защищать человека от пули в сражении и др. (ср. [Плотникова 2013: 358]).

У бошняков в Боснии турцизмы в лексико-семантической группе «рождение ребенка» также практически отсутствуют. Славянская по преимуществу лексика обслуживает родинную терминологию: *trudna*, *trudnica* ‘беременная женщина’, *babine* ‘праздник по случаю рождения ребенка’, *babica* ‘акушерка, повитуха’, *posteljica* ‘послед’, *и košuljici* ‘рожденный с остатками околоплодного пузыря младенец’, *hodalica*, *prohodolica*, *maslanica* ‘мучное изделие, приготовляемое для ритуала первых шагов ребенка’ [Плотникова 2016: 177]. Отметим, правда, наличие некоторых дублетов в исследуемой лексике: роженица — *porodilja/lohusa*⁶, ритуальный хлеб (сдоба, сладкое пирожное), выпекаемый по случаю первых шагов ребенка или первого посещения роженицы — *hodalica/prohoda* и *hurmašica (gurmašica)* [Там же: 213].

Родинная терминология славян-мусульман Албании также демонстрирует преобладание общеславянской лексики: *truna*, *žena so tef* ‘беременная женщина’, *na ml'eko* ‘праздник по случаю рождения ребенка, куда приносят сладкие мучные изделия (*баклава*, *тиганицы*, *равания*) и, уходя, желают молодой матери «оставаться с молоком»»; *znae da roždat / fil'an žena / fil'anka* ‘акушерка, повитуха’; *postilok / postiloče* ‘послед’; *so košul'če* ‘рожденный с остатками околоплодного пузыря младенец’; такой мальчик будет красивым и счастливым (*se roždat so kosul'a — imat k'ismet*); *da ne faštat oko* ‘защита новорожденного от сглаза’ [Голо Бордо 2013: 145, 147, 151].

⁶ Термин является грецизмом по происхождению, но получил широкое распространение, будучи заимствованным в болгарский язык из турецкого.

Данные обрядовой терминологии родинного цикла отчетливо показывают, что турцизмы здесь также единичны.

Свадьба. Свадебный обряд славян-мусульман в своей основе имеет много общих черт с обрядом христиан: сватовство, договор, помолвку, подготовку к свадьбе (приготовление обрядовых блюд и реквизита), заключение брака, встречу молодых в доме жениха, свадебный пир, брачную ночь, послесвадебное посещение невестой водного источника, посещение дома родителей невесты. Специфику свадебного сценария у помаков определяют реалии и ритуалы мусульманского происхождения, такие, как предсвадебный обряд *кана 'хна'*, на котором подружки красили хной волосы и пальцы невесты; отсутствие праздничного угощения и пира в доме жениха, куда приглашают только братьев молодой; организация свекром традиционных состязаний (*гюреш, гиреш*) борцов (*пехливани*), характерные для Восточных и Западных Родоп и славян-мусульман Голо Бордо в Албании. Вместо помолвки существует ритуал подписания брачного соглашения (болг. *подписване, никях*), оговаривающего сумму компенсации жене в случае развода, совершаемый в присутствии служителя культа (*ходжи*). Центральным событием свадьбы часто становится движение свадебного поезда по селу от дома новобрачной к дому ее мужа, которое сопровождается многочисленными ритуалами испытания поезжан (в их числе особый женский конный эскорт невесты — так называемые *сватки* — Вост. Родопы). Главными персонажами помакской свадьбы вместо посаженных отца и матери становятся шафер (*девер, мижу*) и золовка (*леля*). Вместо свадебного хлеба готовят обрядовое блюдо из вареного молотого зерна (*кешкек, булгур, трахана*), а также лепешки и слоеные пироги (*клинье*). Свадебное покрывало невесты состоит из двух платков (*чумбери*) темно-красного и желтого цвета (*дувак*), последний повязывается сверху (Вост. Родопы). Характерным атрибутом помакской свадьбы, известным, однако, и христианам Южной и Юго-западной Болгарии, является свадебный барашек — дар родителям невесты (*годиш, курбанлок*).

Хотя свадебная терминология и содержит определенное число турцизмов, они не занимают доминирующего положения в словаре (*дюнюрджии* 'сваты', *кебьо* 'подарок, который дают приглашаемому на свадьбу', *гезия* 'посещение родителей невесты молодыми', *кябин, никях* 'подписание брачного договора'), преобладает исконная славянская лексика (*момари, слюбници, девеснопове* 'сваты', *главеник/главеница* 'просватанный/проставанная', *главене, главеш* 'обручение', *сватба* 'свадебный обряд', *мумие* 'покрывало невесты', *млади-не* 'новобрачные', *повренки, гостие* 'посещение родителей невесты молодыми'). Иногда турецкое заимствование имеет славянское соответствие (например, *гелина* и *невеста, гьове* и *зет* 'жених', *мижсо* и

девер, кябин, ниях и венчавка, сватба и на гезет ‘свадебный обряд’), а в отдельных случаях на месте турцизма, наиболее часто встречающегося в других диалектах, отмечается грецизм (*прике, тирке* ‘приданое’ вм. *чеиз*). О полной адаптации заимствований в болгарском языке свидетельствует существование ряда сложных терминов, один из компонентов которых — турцизм, а второй — славизм: *писване ниях* ‘подписание брачного договора’, *чукане тесе* ‘танец в доме невесты за день до свадьбы, исполняемый под удары противня вместо барабана’, *деверски аглок* ‘красный платок — знак шафера’.

Более всего сходств с христианской свадьбой демонстрирует свадебный обряд с. Галата. Здесь главными обрядовыми лицами являются посаженные отец и мать (*кумец* и *кумица*; название *кръстницата* является новым, оно характерно для Северной Болгарии в целом); на свадьбу приглашают (*калясват*) с музыкой, а *сватове* (сваты) сватают молодую. Если новобрачная сохранила девственность до свадьбы, ее называют «честной невестой, хорошей, почтенной» (*чесна булка, хубава, свясна*). В этом случае готовят горячую сладкую фруктовую водку (*греяна ракия*), которую относят родителям молодой в белом котелке, покрытом красной вуалью невесты в знак «честности» их дочери. Если же девушка окажется невестой, то музыка перестает играть, гасят все костры и возвращают молодую ее родителям. При этом свекровь отправляется в хлев и сообщает своей скотине: «Наша невеста оказалась нечестной» (*Булката ни не е свясна*), — чтобы избежать мора скота и других возможных убытков и несчастий в семье. Подобные обряды широко известны и в других регионах Болгарии [Узенёва 2010: 77–81].

Особый интерес представляют термины, связанные с православным богослужением: *венчавка* ‘помолвка с участием духовного лица, букв. венчание’, *венчаница, венчаник* ‘помолвленные девушка и парень’, при том что в мусульманской обрядности неизвестен обряд венчания. Наиболее проницаемы для турцизмов лексико-семантические группы свадебных чинов и атрибутов, поскольку термин заимствуется вместе с реалией, тогда как консервативной остается терминология, обозначающая сам обряд; здесь заимствования единичны (*гюреги* ‘мальчишник’, *куше* ‘девичник’ — Вост. Родопы). Таким образом, мы можем говорить о взаимовлиянии и взаимодействии «христианской» и «мусульманской» культур, а свадебный сценарий на уровне обрядов демонстрирует взаимопроникновение и смешение «ориентальных» и «славянских» слоев.

Что касается свадебных обрядов боснийцев, то здесь также является некоторое число турцизмов: *boščaluk* ‘подарок, который готовит невеста для каждого из родственников жениха’, *bula* ‘женщина после свадьбы’, *duvak* ‘фата невесты’, *miraz* ‘недвижимая часть при-

даного невесты', *nićah* 'свадьба, пир; брак, венчание (шариатское)', *sejsana* 'приданое' (ср. [Плотникова 2016: 213–216]). Наряду с последним термином используется эквивалент славянского происхождения *darovi, ruho* 'подарки, которые состоят из одежды' и *oprema* 'подарки бытового текстиля' (Високский край, [Там же: 216]).

В современной Боснии, несмотря на сильные тенденции последних лет к «возвращению» к истокам ислама в повседневной культуре (бракосочетание, *nićah* 'свадьба', совершается в мечети, свадебное знамя *barjak* имеет зеленый цвет, как и исламское знамя, *sejsana* 'приданое'), славянская лексика продолжает доминировать в таком важном обряде жизненного цикла, как свадьба: *ugovor* 'помолвка', *zaručiti* 'совершить помолвку', *prosci* 'сваты', *vera* 'кольцо для помолвки', *vjencani kum* 'посаженный отец', *mlada* 'невеста', *mladoženja* 'жених', *svadba* 'свадьба', *zvanici* 'приглашенные на свадьбу гости', *svatovi* 'участники свадьбы', *vjenčanje* 'заключение брака, совершаемое ходжой', *ruho, oprema* 'приданое или подарки невесты родственникам жениха' и др.

Одной из общих черт традиционной культуры славян-мусульман ряда регионов Балкан является предсвадебный обряд украшения тела невесты⁷. Западные Родопы Болгарии имеют свои особенности в этой части свадебной обрядности. В частности, характерный для данного ареала ритуал «расписывания» (украшения) хной волос, пальцев рук и ног, а также лица невесты белилами, красками и пайетками, совершаемый женщинами накануне свадьбы и известный также помакам с. Галата и славянам-мусульманам области Гора, носит славянское или смешанное название: *лепене на гелина* (*лепя* 'лепить', *гелина* 'невеста' < из тур. *gelin* 'невеста, снаха' [БЕР 1: 236]) — с. Рибново, область Гоце Делчева, *тельосване* (от *тел* 'проволока', здесь — 'металлические нити, используемые для украшения невесты') — с. Церово, область Благоевграда и сс. Сырница и Драгиново, область Велинграда, у ловчанских помаков (обл. Тетевена, северная Болгария) — *писане на булка* 'расписывание невесты' [Тончева 2012: 116].

У славян-мусульман Албании разрисовывают красной хной только руки невесты: в с. Шишавец, область Кукуяска Гора в Албании, *шарет руке мланесте* 'украшают, разрисовывают' руки невесты [Тончева 2012: 112], в сс. Борье и Шишавец украшают и лицо белилами — *шарене, образ нашарен* [там же: 116]. А в области Голо Бордо, Албания, ходят на *къна, накона* (*къна* 'хна', Тончева 2009: 54), ср. макед. *боа* 'краска'. У помаков области Ксанти в Северной Греции этот ритуал также известен, но под названием *каниска, кона* (*невястата каносват* 'красят хной невесту'), однако информанты отмечали, что это новый обряд, возник-

⁷ Подробнее о балканских чертах в свадебном обряде см.: [Узенёва 1999].

ший под турецким влиянием, ранее его не существовало (зап. автора 2018 г.). В Болгарии, в Восточных Родопах существует сходный обряд *кана*, в ходе которого хной красили только волосы невесты (с. Аврен, регион Крумовграда, область Кырджали; зап. автора 2001 г.).

Похороны. Погребальная обрядность болгар-мусульман наиболее тесно связана с религией (исламом), что обусловило и появление специфической терминологии, имеющей турецко-арабское происхождение. В частности, в Средних Родопах в области Смоляна значительная часть обрядовых терминов является турцизмами, ср.: умерший, покойник — *мейтин*, загробный мир, тот свет — (*другана*) *диньйё*, ад — *жёндем*, рай — *женнётъ*, гроб — *табът*, саван, риза, полотно, которым покрывают покойника, — *кефін*’, поминальные дни в течение календарного года — *арфа* (ср. *мезар*’ ‘могила’, *мезария* ‘кладбище’ — с. Страцево, обл. Златограда; *mezár, mezarlák* — с. Пулево, обл. Ксанти). Главные поминки (*мевлид*) совершают на 52-й день после смерти; в этот день режут барана и варят похлебку (*курбан*). В этот день раздают «за (упокой душ) умерших» так называемые *фитри* — деньги по цене одного хлеба, спички, мыло, свечу. Во время похорон стоящий у выхода с кладбища родственник умершего дает уходящим по одному леву (деньги эти называются *кеферёт*) и по пакету печенья. Деньги нельзя тратить ни на что другое, кроме еды. Вместо кутьи на поминки готовят кашу из кукурузы и фасоли (*тра́хана*), как на родины. Однако сохраняются отдельные лексемы болгарского происхождения: могила — *гроб*, кладбище — *гробие*, душа человека — *душе*, загробный мир, «тот свет» — *ейно свет*, в том числе и название древнего ритуала оплакивания покойника — *нарёдане*.

Погребальные обычаи помаков Тетевена, проживающих компактно в христианском окружении, также имеют свои специфические особенности, что находит отражение и в использовании соответствующей обрядовой терминологии. Для обозначения различных реалий и понятий погребального комплекса часто используются дублетные лексемы общеславянского и турецко-арабского происхождения: *мейя* и *душа*, *дженезе* и *смърт* ‘погребение’, *катран* и *ад(ъ)*, *пъкъл* ‘ад’, *дженет* и *рай*, *табут* и *сандък* ‘ковчег’, *мевлид* и *помен* ‘поминки на 52 день’ (ср. *обряване* и *сюнет* в родинной обрядности). Но в лексике, которая меньше связана с характерными чертами мусульманского ритуала, почти всецело доминируют славянские наименования: *мрътавец* ‘умерший’, *бёре душе* ‘находится в агонии’, *гроб* ‘могила’, *гробишта* ‘кладбище’, *седминки* ‘поминки на 7 день после смерти’, *камик* ‘надгробный памятник’. Траур соблюдают до 52 дня (*жалее се*), при этом символом траура является белый цвет одежды (например белые женские платки), что является очень архаичным явлением и относится еще к языческому периоду [Толстой 1995: 153].

В Восточных Родопах (Аврэн, обл. Крумовграда) для обозначения понятий похоронно-погребальной обрядности употребляются дублиеты турецкого и славянского происхождения: *жenezé* и *погребёние* 'похороны', *катрэн* и *ад(ъ)* 'ад', *кюфён* и *платно* 'полотно, в которое заворачивают покойного', *ейлики* и *спóмен* 'поминки на 52 день'. Однако зафиксирована и общеславянская лексика, как правило, непосредственно не связанная с мусульманским ритуалом погребения: *пътник* 'умирающий', *бéре дýше* 'агония', *дрýги свет* (*свят*) 'тот свет', *грон* 'могила', *грóбье*, *грóбиште* 'кладбище' и т. д. [ср. Плотникова 2013: 358].

В Албании же (область Голо Бордо) подавляющая часть погребальной терминологии (13 / 6) имеет славянские корни: *smort* 'смерть', *davat duše / duša* 'отдавать душу, находиться в состоянии агонии', *ženaze* 'покойник', *k'efin* 'саван', *sondok* 'гроб', *grop* 'могила', *grobišta* 'кладбище', *ukopfen'e* 'похороны', *ponosilo* 'погребальные носилки', *jat* 'траур', *nedel'a* 'поминки на 7-й день', *sest nedeli* 'поминки на 40-й день', *godina* 'поминки на годовщину', *ženet* 'рай', *ženem* 'ад', *tožba* 'плач по покойнику', *dorvo* 'временный деревянный надгробный памятник', *ukopat / pokrie* 'хоронить' [Голо Бордо 2013: 169]. Отметим, что здесь сохраняется принятая у христиан система поминовения усопшего: на седьмой и сороковой день, тогда как в большинстве других мусульманских регионах это 52 день, а также плач по усопшему.

Общее неславянское (арабско-турецкое) происхождение лексики похоронной обрядности славян-мусульман подтверждает почти тотальное совпадение подобной терминологии у помаков и боснийцев, ср.: *mejт* 'покойный' *džehenem* 'ад', *dženet* 'рай', *dženaza* 'намаз по умершему, погребение', *mezar* 'могила', *tabut* 'вид гроба', *nišan / bašluk* 'надгробный памятник' [ср. Плотникова 2016: 216–218].

Языковые данные убедительно свидетельствуют о том, что в тесно связанной с религиозными практиками погребальной обрядности для обозначения различных реалий и понятий часто используются или исключительно слова турецко-арабского происхождения, или дублетные лексемы, как общеславянские, так и заимствования (турцизмы).

В мифологической лексике болгар-мусульман наиболее распространёнными, общими для разных регионов, являются турцизмы (точнее, арабские по происхождению лексемы, заимствованные через посредство турецкого языка), обозначающие понятие 'злой, нечистый дух, дьявол': *джин/ове*, *жсин/е*, *шейтан/е*, *шейт/ун*, или 'ангел' *мелекэ*, ср. то же у боснийцев: *džin*, *šejtan*, *iblis* 'дьявол', *melek* 'ангел' [Плотникова 2016: 221, 225–226]. В Боснии известно также понятие *džinovski vjetar* 'плохой ветер, разносящий болезни' (Плотникова 2016: 222), что коррелирует с болг. представлениями о самовилах, летающих с ветром и приносящих несчастье, и о «красном» ветре, приносящем соответствующую болезнь (ср. также среднеродоп. *юда* 'сильный ве-

тер, ураган, вихрь'). Мусульмане с. Виево считали, что и душа самоубийцы (*максузин*) становится злым духом (*враг*), который пугает живых и заставляет их также покончить с собой.

В рассказах о духах в Средних и Восточных Родопах часто употребляются заимствованные выражения *угради́свам*, *угради́сваш* (ср. босн. *orgaisati*) 'разболеться после попадания на «нечистое место»', что характерно для всей восточной части балканославянского региона [Плотникова 2013: 362], ср. в словаре Шкалича — 'наступить на чары или круг джинов и от этого разболеться' [Škaljić 1979: 500].

Жителям с. Галата известны поверья о ходячем покойнике (*шеит*, *шеитин*)⁸, им мог стать любой мертвец, через тело которого передадут какой-либо предмет. Такой персонаж мог ночью беспокоить домочадцев, шумя на чердаке, являться запоздавшим путникам у неизвестной, проклятой могилы (*проклет гроб*), его могли видеть выходящим с кладбища до 52 дня с момента смерти (аналог христианских сорока дней). Одна из записанных нами быличек повествует об умершем супруге, долго навещавшем по ночам свою жену, которая даже родила от него ребенка. Однако, мучимая страхом, она рассказала о произошедшем ходе, после чего тайное стало явным, и мертвеца и его ребенка убило молнией — они превратились в лужицу слизи (ср. сходные характеристики у *вампира*).

У помаков Средних Родоп название *жсин* имеет водный демон, ср. также *джин* 'злой лесной дух'. Верили, что до рассвета нельзя ходить за водой, так как в воде живут *жсинове*, которых можно разбудить и рассердить. Если выпить эту воду или умыться ею, можно заболеть. У воды запрещалось также справлять малую нужду — заболеешь (*угради́сваш*).

В Восточных Родопах отмечен еще один турцизм в лексико-семантической группе «народная мифология», связанный с наименованием ведьмы. Так, в с. Аврен колдуний называли *жиди́е*, *жедие*⁹ < тур. *cadı* 1) 'вампир', 2) 'уродливая женщина, ведьма' [Барболова 2013: 122]¹⁰, соответственно *жедьтък* 'вредоносные колдовские действия'. Более старая форма слова *джадия* / *джедия* 'старая ведьма' (Тетевен [БЕР 1: 353]) — *câdi*, оно заимствовано из н.-перс. *ğādu* 'волшебник, колдун, чародей, маг', которое восходит к др.-иран. *yāti*- 'волшебник' [Дукова 2015: 172].

⁸ В Албании, область Голо Бордо, также существуют поверья о ходячем покойнике, называемом *senka*, *voper*, *vapir*, *vampir* [Голо Бордо 2013: 141].

⁹ Ср. *žadija* 'колдунья' у славян-мусульман Голо Бордо в Албании. Наряду с этим термином употребляются и *kafrija*, *mažišnarica* [там же: 141].

¹⁰ В словаре турецко-болгарских гибридных имен существительных отмечено наличие сходного наименования с тем же значением *джадия* — в областях Родоп, Ботевграда, Разграда, Сливена; *джадийе* — в области Шумена, *джедия* — в районе Тетово, Черногорово, Пазара [Барболова 2013: 122], т. е. термин распространен значительно шире региона Восточных Родоп.

Персонажи *жидие* активизировались во время православной Пасхи (*Велигден*) и наносили урон окружающим с помощью волшебного помощника *мамниче*, выведенного особым способом из яйца. В Боснии во время полевых исследований нам удалось выявить еще один турцизм: *sihirbasica* / *sihirbašica* ‘ведьма’ < тур. *sihir* ‘порча, магия’, который не представлен в подобной форме в «Словаре боснийского языка», где дается следующее определение: «*sihirbaz* ар.-перс. муж. (*sihirbazica* жен.) тот, кто делает, разбрасывает, подкладывает *sihire*, колдун [RBJ: 1189; Плотникова 2016: 229–230]. Отметим, однако, что наряду с этим термином существует и аналог славянского происхождения: *vještica* / *činilica*.

Важным для нашего исследования является термин *перие*¹¹, обозначающий вредоносного женского духа, по своим характеристикам и функциям близкого балканской *самовиле*, *самодиве*, *юде*. Термин заимствован через турецкий *peri* ‘фея’ из н.-перс. *pari*, в том же значении. Последнее восходит, вероятно, к др.-иран. **pārīkā* и означает ‘ведьма, колдунья’, ‘метеор’¹² [Дукова 2015: 189; Троева-Григорова 2003: 115]. По мнению ряда авторов, этот демонический персонаж у болгар-мусульман функционально смешивается с персонажами типа *вампир* ‘ходячий покойник’ и *сайбия* ‘дух-покровитель локуса’ [Dukova 1997: 44] и имеет ряд отличительных особенностей [Бергельс 1979]. Так, в сс. Виево и Кутела считали, что *перие* — это очень красивая молодая женщина, одетая в белое (редко в черное), которая появляется в лесах и лугах. Она спускается сверху, говорить с ней нельзя. Если скажешь слово, то ты уже *записан*, букв. ‘сохранен, записан’, т. е. начинаешь страдать от нервных болезней. У славян-мусульман Голо Бордо данный персонаж считался опасным для рожениц, которые могли увидеть это «привидение» *peri* в зеркале. Поэтому существовал запрет молодым матерям смотреться в зеркало в течение шести недель после родов [Голо Бордо 2013: 15].

Болгары верили, что распознать *перие* можно по очень тонким, как спички, ногам и по передвижению по воздуху (она как бы летит над землей). Верили, что пери танцуют круговой танец хоро (*играт хоро перий*). Если увидишь танец этих персонажей и будешь с ними танцевать, нельзя никому говорить об этом, в противном случае можно умереть. Одна роженица увидела, как танцуют *перие*, и отправилась с ними. Вернулась вся вспотевшая, и муж подумал, что она была с другим мужчиной. Женщина отреклась, но сказала, что не может

¹¹ Ср. *перия* 1) ‘фея’; 2) ‘орисница’ (с. Жылтуша, р-н реки Арды); 3) *перийе* ‘дух убитого человека; вампир’ (с. Ахляне, обл. Смоляна); 4) ‘дух карлика’ (с. Лыджа, обл. Смоляна) — [Барболова 2013: 314].

¹² Среди болгар широко распространено представление о том, что ведьма светится во время полета [Дукова 2015: 189].

признаться, с кем и где была. Как только муж догадался, что она танцевала с *перие*, женщина умерла. Всё это сближает данный персонаж по основным характеристикам с самовилой.

В с. Галата, у тетевенских помаков, известен общебалканский мифологический персонаж *самодива*. Самодива могла появляться в виде вихря и невидимой ночной свадьбы. Говорили, что самодивы — красивые молодые женщины, одетые в белые одежды, с распущенными волосами и венками на голове, которые танцуют круговой танец, после чего остаются следы в виде круга из примятой травы (*самодивско игрище*). Существуют представления и о трапезе самодив (*самодивска трапеза, гнездо на самодиви*), невидимого для человека и опасного места, наступив на которое он может разболеться неизвестной болезнью или эпилепсией и умереть. Информанты поведали нам историю о семилетнем мальчике, который наступил на трапезу самодив (*попаднало на самодивите в трапезата*) во время строительства новой школы и умер, став жертвой (*станало курбан*) строящегося здания¹³.

У носителей традиции с. Аврен в Восточных Родопах представления о трапезе персонажей типа «самодива» сливаются с представлениями о трапезе нечистой силы вообще — *софр́ата на дяволи, шейтáнска софр́а* ‘дьявольский стол’, наступив на который человек заболевает неведомой болезнью и умирает (*ст’бнала на софрата им, уради́свала на софр́р*). Подобные верования о невидимой трапезе самодив, юд, самовил широко известны и в других регионах восточной части Балкан, но не отмечены у помаков Средних Родоп.

В сфере терминологической лексики народной мифологии на крайнем востоке родопского массива встречаются, однако, и общеславянские наименования, в частности персонифицированных болезней: *чу́ма* ‘чума’, *го́ска, го́стинка* ‘оспа’ (пример использования табу с целью задабривания болезни); обозначения людей, обладающих сверхъестественными знаниями: *бай́ч* ‘знахарь’, *бай́чка* или *вра́чка* ‘знахарка’; лексика, связанная с магическими действиями, известными во всех славянских традициях: *у́р’ци, урча́сване* ‘сглаз, порча’. Для обозначения нечистой силы, «дьявольщины» наряду с *шейтан* ‘дьявол’ употребляется *дявол, дяволи́те, г’яволи* и под. [Плотникова 2013: 358].

Славизмы встречаются и в мифологической лексике мусульман Средних Родоп. Например, в сс. Виево и Кутела считали, что злой дух *морáва* (ср. общеслав. *мóра, ма́ра* < **mora*) приходит ночью через дымоход и душит людей, давя им на грудь (*натиска го морáвата, притиснала го е морáва*) и оставляя синяки на теле жертвы. Чтобы обезопасить человека от духа (*да не го яха мороáвата* ‘чтобы она не

¹³ В данном случае сплелись воедино представления о самодивах и строительной жертве.

садилась на него верхом'), клали рядом с кроватью ножницы. Если человек проснется и почувствует, что его что-то душит, нужно дернуть себя за мизинец, и дух исчезнет.

Отметим, что для балканских мифологических представлений характерно заимствование тюркских и арабских терминов вместе с понятиями и реалиями мусульманской культуры. К таковым, в частности, относится понятие о святом человеке, страннике *евлие*, *авлия* (< тур. *evliya* 'святой'), известном и болгарам-мусульманам, и боснийцам, но имеющем у последних славянское наименование *dobri*.

В терминологии традиционной культуры боснийцев число турцизмов на первый взгляд выше, чем у других славян-мусульман. Особо внимания заслуживают турцизмы, не имеющие эквивалентов в славянских языках (возможно лишь описательное наименование), но связанные вместе с тем с важнейшими балканскими концептами. К таковым относится широко известное на Балканах понятие «предопределенная счастливая судьба, доля, удача» (болг. *късмет* < через посредство тур. *kismet* 'счастье, судьба, участь' от араб. *qisma(t)* 'то же'; известно и с.-х. *кисмет*, *касмет* (Косово), *крсмет* (Босния) — [БЕР 3: 231; Стаменов 2011: 776], которое имеет характерное для Боснии наименование *nafaka*, лексема, имеющая различные значения в словаре турцизмов Шкалича: 1) «пища, еда и питье», 2) «то, что человеку от Бога суждено съесть и выпить на этом свете» [Škaljić 1979: 482–483].

У болгар-мусульман Родоп это понятие неизвестно, хотя в этимологическом словаре болгарского языка и диалектном архиве Института болгарского языка БАН данная лексема присутствует и отмечена в основном в родопском регионе: *нафака* 'судьба, късмет' (обл. Кюстендила и Штипа, Македония), 'работа, урожай' (с. Селча, обл. Смоляна), 'пропитание' (Самоков), 'данное безвозмездно благодеяние' (обл. Смоляна, Мадана, Асеновграда; бассейн реки Арды), заимствовано через тур. < *nafaka* 'средство пропитания, проживания, содержания' от араб. *nafaqa* 'средство пропитания'; заимствовано также в румынский *năfăcă* и с.-х. [БЕР 4: 564].

У славян-мусульман северной Греции и Албании, в том числе области Гора, также существует представление о *нафаке* как пище, предопределенной человеку свыше, счастливой судьбе, подарке судьбы, удаче. Считалось, что судьба каждого человека заранее предопределена: *Nafaka ti e pishena; ubava nafaka* 'Судьба его записана'; 'хорошая судьба' (с. Демерджик, обл. Ксанти, зап. автора); ср. босн. *svak svoju nafaku nosi* 'каждый свою долю несет' (с. Умоляни, Босния [Плотникова 2016: 227]). Ср. также пожелание счастья молодоженам на свадьбе: *Da budete sretni, berićetni i nafakali...* 'Будьте удачливыми, плодовитыми и счастливыми' (с. Подвине, Босния, [Там же]).

В Албании, в Кукинской Горе (с. Шишавец), представления о «хорошей доле» и необходимости ее создания трансформировалось в

ритуал угощения в честь новорожденного, который носит название *нафака*: через 10–15 дней после рождения ребенка в дом приглашали на трапезу, где основным блюдом была мамалыга (*бакърдан*) из кукурузной или пшеничной муки (т. е. вид каши), близких родственников со стороны его матери и отца, которые приносили подарки и дарили младенцу деньги. Считалось, что нельзя оставить ребенка без этого праздника: «Не бидуе да го остаиш да не прайш нафака» [Тончева 2012: 107]. В последнее время кроме каши стали готовить и мясо с горохом. Ритуал совершался, чтобы новорожденный был счастливым: «Да има икбал, икбал. Да има късмет...» [Антонова-Василева 2017: 220].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что исследованные нами различные региональные традиции помаков Болгарии, с одной стороны, имеют много сходств между собой, а с другой, обладают рядом специфических черт, что позволяет выделять их в отдельные культурные диалекты (Восточные, Западные и Средние Родопы, Тетевен). Кроме того, материал убедительно показывает близость народной культуры болгар-мусульман и иных славян-мусульман Боснии, Македонии, Албании.

Важным является и вывод о том, что славянская по происхождению лексика традиционной культуры составляет большую часть всей терминологической системы разных традиций славян-мусульман Южной Славии, тогда как турцизмы закрепились в основном в религиозной сфере и связанных с ней ритуалах и представлениях, в том числе в погребальной обрядности: мусульманские праздники босн. *Kurban Bajram* ‘праздник жертвоприношения’, *Ramazan(ski) Bajram* ‘праздник разговления’; болг. *сюнет* ‘обрезание’ и босн., горан., помак.-греч. *nafaka* в родинах; болг. *дженезе*, босн. *dženaza* ‘погребение’, болг. *джин*, *перие* ‘мифологические персонажи’, болг. *авлия*, *евлие* ‘мусульманские святые’.

Литература и источники

- Антонова-Василева 2016 — Антонова-Василева Л. Диалектната система на с. Шишевец, Кукьска Гора — един говор в границите на българската граматика. София, 2016.
- Барболова 2013 — Барболова З. Речник на турско-български хибридни съществителни имена. София, 2013.
- БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–. София, 1971–.
- Бергельс 1979 — Бергельс А. Пери // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 123–128.
- Голо Бордо 2013 — Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под ред. А. Н. Соболева и А. А. Новика. СПб.; München, 2013.

- Дукова 2015 — *Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015.
- Колева 2014 — *Колева К.* Homo slavicus & homo balcanicus — Проблемы идентичности в эпоху глобализации (ситуация в Косово) // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / Отв. ред. Е. С. Узенёва. М., 2014. С. 97–116.
- Кръстева 2003 — *Кръстева В.* Тълковен речник на турцизмите в българския език с илюстративен материал от литературата, фолклора, пресата, радиото и телевизията. София, 2003.
- Лимановски 2003 — *Лимановски Н.* Исламизацијата и етничните промени во Македонија. Скопије, 1993.
- Мангалакова 2010 — *Мангалакова Т.* Нашенци в Македония. Сред торбешите в Македония и самуиловите българи в Гърция и Албания. София, 2010.
- Мехмед 2013 — *Мехмед Х.* Помаците и торбешите в Мизия, Тракия и Македония. София, 2013.
- Мирчевска 2014 — *Мирчевска М.* Современные конструкции идентичности на примере македонцев-мусульман // Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность / Отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014. С. 117–133.
- Младенович 2005 — *Младенович Р.* Говоры трех мусульманских славянских этнокультурных групп на юго-западе Косово и Метохии. (Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 11–12 июня 2004 г.) Институт лингвистических исследований РАН, Комиссия по балканскому языкознанию при Международном комитете славистов. СПб.; München, 2005. С. 52–82.
- Петровић 2012 — *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериџића. Београд, 2012.
- Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. 2-е изд. М., 2009.
- Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М., 2013.
- Плотникова 2016 — *Плотникова А. А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
- Плотникова, Узенёва 2002 — *Плотникова А. А., Узенёва Е. С.* Экспедиция в болгарское село Аврен, область Кырджали // Живая старина. 2002. № 4. С. 42–44.
- Райчевски 1998 — *Райчевски С.* Родопски народен календар. София, 1998.
- Родопи — Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
- Сребранов 2007 — *Сребранов Р.* Чечкият говор. София, 2007.
- Стаменов 2011 — *Стаменов М.* Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София, 2011.
- Терзиева, Узенёва 2014 — *Терзиева Д., Узенёва Е. С.* Этнолингвистические материалы из сёл Виево и Кутела (область Смоляна, регион Средник Родопы) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2012–2014. Вып. 3. М., 2014. С. 307–347.

- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Белый цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. М., 1995. С. 151–154.
- Тончева 2009 — *Тончева В.* Българите от Голо Бърдо, Албания. Част 1. София, 2009.
- Тончева 2012 — *Тончева В.* Непознатата Гора. София, 2012.
- Троева-Григорова 2003 — *Троева-Григорова Е.* Демоните на Родопите. София, 2003.
- Узенева 1999 — *Узенёва Е. С.* Балканские черты в словаре болгарской и македонской свадьбы // В поисках «балканского» на Балканах. Балканские чтения–5: тезисы и материалы симпозиума. М., 1999. С. 72–74.
- Узенёва 2010 — *Узенёва Е. С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010.
- Узенёва 2013 — *Узенёва Е. С.* Болгары-мусульмане Средних Родоп в XXI веке: взгляд этнолингвиста // Славяноведение. 2013. № 6. С. 21–27.
- Узенёва 2013а — *Узенёва Е. С.* Этнолингвистическая экспедиция в Средние Родопы: 50 лет спустя // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 277–286.
- Узенёва 2017 — *Узенёва Е. С.* К вопросу о культурно-языковой идентичности славян-мусульман северной Греции // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Этнокультурная и этноязыковая ситуация. Языковой менеджмент. Языковая политика. Кн. 3 / отв. ред. Г. П. Нецименко. М., 2017. С. 243–260.
- Dukova 1997 — *Dukova U.* Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Bd. 115. München, 1997 (Specimina philologiae slavicae).
- Hasani 2007 — *Hasani H.* *Migrations of Goranies* // Kosovo and Metohija: Living in the Enclave / ed. by Dušan T. Bataković. Beograd, 2007. S. 143–154.
- RBJ — *Halilović S., Palić I., Šehović A.* Rječnik bosanskoga jezika. Sarajevo, 2010.
- Škaljić 1979 — *Škaljić A.* Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1979.

МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ НАЗВАНИЙ ЛУННЫХ ФАЗ В ЯЗЫКАХ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Известно, что мифологические представления о луне и ее влиянии на жизнь человека принадлежат к древнейшим пластам традиционной духовной культуры, составляя раздел народной астрономии и космологии, а лунный календарь у многих народов на протяжении веков и практически до нашего времени регулировал хозяйственную жизнь, обрядовое и бытовое поведение. Вследствие этого анализ семантических моделей номинации луны и лунных фаз (равно как и анализ семантики, сочетаемости, вторичных значений «лунной» лексики, а также ее функций в культурных контекстах) позволяет реконструировать стоящие за лексикой когнитивные механизмы восприятия и категоризации мира.

Анализ названий лунных фаз показывает, что в народном сознании лунное время воспринимается целостно и системно структурировано: лунный цикл делится на четыре или две части, при этом двоичное членение — более архаичное. Соответственно, системность номинации лунного времени более заметна именно в названиях половин (не четвертей) лунного месяца, которые почти всегда взаимобусловлены, например, полес. *молодой*, *молодик* 'о растущей луне' — *старой*, *старик* 'об убывающей луне' [Чёха 2006: 488]. В этой связи лексический материал, использовавшийся в настоящем исследовании, условно подразделяется на а) номинации новолуния (безлуния), б) номинации полнолуния, в) номинации половин лунного цикла в рамках модели «молодая — старая луна», г) номинации половин лунного цикла «увеличивающаяся — уменьшающаяся луна». При этом в болгарской, а также в греческой традиции обращает на себя внимание разработанность номинаций второй половины лунного цикла (представленных десятком мотивационных моделей) и практически отсутствие номинаций безлуния — времени, которому в сербской традиции уделяется самое пристальное внимание.

Номинации новолуния (безлуния)

По наиболее распространенной версии, один лунный месяц состоит из тридцати дней¹. Отсчет очередных тридцати дней нового лунного месяца начинается в новолуние, а середина лунного цикла приходится на пятнадцатый день; например, у македонцев: «кад се јаде месечината на петнаест дена се јадела, петнаест дена се пунила» (когда месяц «едят» (т.е. когда луна убывает), пятнадцать дней «поедается», пятнадцать дней наполняется) (Пеширово) [Вражиновски 1998: 65–66]. Подобным представлением объясняются названия полнолуния у других балканских народов типа греч. фракийск. *δεκαπέντισμα* (досл. пятнадцати[дневие] < *δεκαπέντε* ‘пятнадцать’) [Μέγας 1941: 142], греч. родос. *εδεκαπέντησεν το φεγγάριον* (досл. «месяц стал пятнадцатидневным») [Παπαχριστοδούλου 1969: 279] или *pêsmlete* (пятнадцать дней) ‘полнолуние’ у албанцев Скопской котлины [Филиповић 1939: 233]².

В терминологии лунных фаз получает отражение идея, что одна луна сменяется другой во время новолуния: болг. *менà* (Банат) [Телбизови 1963: 175], босн. *мена* [Филиповић 1949: 204]; черногорск. *мијена* [Дучић 1931: 331], макед. *менена месечината, промена* [Вражиновски 1998: 67], равно как и греч. *αλλαγήν* (мена) (о. Крит) [Αικατερινίδης 1957: 588], *αλλαξοφεγγαριά* (меняющийся месяц) [Μέγας 1941: 142]³.

¹ Отмечаются и другие версии, например, македонская: «Дванајсе Месеци, ама тринајсе Месечини излезваат у годината. Они (месечините) не одат по триесе дена или триесет и еден как месецот. **Двајсе и осум дана се**. (В году двенадцать календарных месяцев и тринадцать месяцев лунных. Лунные месяцы не длятся тридцать или тридцать один день, как календарные месяцы. В них двадцать восемь дней) [Вражиновски 1998: 62], или в греческой легенде из Пелопоннеса о свадьбе Солнца и Луны, в которой читаем, как «от большой своей ревности, <муж-Солнце> желал, чтобы ни один взгляд не упал на его жену. Поэтому он отпускает ее только ночью, а весь день ходит один. На **каждый двадцать восьмой день, когда она сменяет все свои фазы**, <солнце с луной> сближаются, ненадолго сходятся и целуются, и снова расходятся» [Σαράλης 2003: 331–332].

² В этой же связи можно вспомнить легенду из с. Вакарел (Болгария) о грешнике Каине, поставленном Богом на луну: «Когато Каинъ убилъ брата си Авеля, Богъ наказалъ убиецъ, като го поставилъ на Луната и му казалъ: “Ти, грѣшникo, тука ще се мѣчишъ вѣчно, като **всѣки 15 дни умирашъ и други 15 дни се съживявашъ**”» (Когда Каин убил Авеля, Бог наказал убийцу, поставил его на луну и сказал ему: «Ты, грешник, здесь будешь мучиться вечно, каждые пятнадцать дней будешь ты умирать, а следующие пятнадцать дней — оживать») [Ковачев 1914: 31].

³ Интересны тексты хозяйственных запретов, в которых «обыгрывается» внутреннее значение термина «мена», и создаются неологизмы, пополняющие «лунный» словарь: например, в Банате на мената (в новолуние) не играли свадеб и не объявляли помолвок, «за да не се уменѣ булката» (чтобы

Восприятие времени перемены луны как «рубежного» (и опасного как всякое другое пограничное время) лежит в основе такого названия новолуния, как болг. *на мѣжду* (на меже) (с. Тешево) [Пирин 1980: 459].

Отсутствие месяца на небе становится мотивирующим признаком для номинаций, описывающих период безлуния как «пустое» время: болг. *празну лунату* [Пловдив 1986: 295], *на празно* [Странджа 1996: 263]; макед. *на празно, на празна месечина* (Пеширово) [Вражиновски 1998: 65–66]; серб. *празан месец* (Скопска котлина) [Филиповић 1939: 212]; также греч. *δεν έχει φεγγάρι* (нет месяца) (о. Лесбос) [Οικονομίδης 1962: 494], болг. *няма месечина* (Узункюпрійско) [БЕР 1986 III: 757].

Через номинацию же даются объяснения такого отсутствия, и поскольку для народного восприятия природного времени «характерен биологизм: каждый временной цикл имеет начало (рождение), расцвет, увядание (старость) и смерть, за которой следует возрождение и новый цикл» [Усачёва 1999: 172], то нередко безлуние называют временем «гибели» или «(пере)рождения» месяца. Так, он «прячется» — болг. *скриена е* (месечина) (Вълче поле) [Родопи 1994: 30], греч. *κρυφή του φεγγαρκού* (сокрытие луны) (о. Кипр) [Παλαγγέλου 2001: 1299]; «гибнет» — болг. *пѣгibel месеца* [Маринов 1981: 49], греч. *χάση* (гибель, пропажа) (о. Родос) [Παλαχριστοδούλου 1969: 280], «рождается» — макед. *се раѓа* (с. Чумово) [Вражиновски 1998: 64]; болг. *ражда се* [Пловдив 1986: 295], *роди се месечината* (Гоцделчевско) [Родопи 1994: 30], *γέννησαν του φεγγαρκού* (рождение луны) (о. Кипр) [Παναρέτου 1967: 52]; «переворачивается» — *ανακάτωση φεγγαριού* (Сими) [Μέγας 1941: 143]; «выковывается» — болг. *кѡвне се* [Пловдив 1986: 295].

Номинации полнолуния

Главным универсальным мотивационным признаком номинации полнолуния служит полнота, совершенство лунного диска:

болг. *пълна* [Пловдив 1986: 295; Пирин 1980: 459; Родопи 1994: 11], *пълна месечина* [Пирин 1980: 459; Капанци 1985: 261], *пълн месец* (Банат) [Телбизови 1963: 175], *пълн месец* [Ловеч 1999: 270], *пълн месец* (Бели осъм, троянск.) [БЕР 1986 III: 755], *пъл месец* (троянск., тетевенск.) [Ловеч 1999: 270], *пълна свещ* [Маринов 1981: 48], *пълнѣж* [Пирин 1980: 459; Сакар 2002: 233], *пълнеш, изпълни се* [Родопи 1994: 11]; макед. *полна* (месечина) (Мариово, Нерези, Осој, Старавина, Чаниште) [Вражиновски 1998: 58–60]; серб. *пун месец* [Ђорђевић

невеста не изменяла мужу) [Телбизови 1963: 175]; про одежду или полотно, постиранные о мѣјени (в новолуние), черногорцы говорили, что они «омијениле су се», т.е. вылиняли и истончились [Дучић 1931: 331] и др.

1958: 32; Филиповић 1939: 212]⁴. То же и у греков: *γέμωση, γεμωσῖά* ‘полнолуние’ (о. Кипр) [Παπαγγέλου 2001: 198], *γεμόφεγγο* ‘то же’ [Μέγας 1941: 143], *γεμοφέγγαρο* ‘то же’ (о. Касос) [Σόφος 1986: 60], *ολόγιομο, ολόγεμο φεγγάρι* ‘то же’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1247], *φεγγάρι ολόγιομο* ‘полная луна’ [Ψυχογίος 1953: 261], *εγίμωσεν το φεγγάρι* (наполнился месяц) ‘о периоде полнолуния’ (о. Родос) [Παπαχριστοδούλου 1969: 280] от деривационной основы *γεμάτος* ‘полный, наполненный’, *γεμίζω* ‘наполнять’; *φουσκοφεγγαριά* ‘полнолуние’, *φεγγάρι φουσκώνει* ‘месяц наполняется’ (Пилия) [Μέγας 1941: 143, 144] от основы *φουσκώνω* ‘надувать, наполнять’.

болг. *цяла* [Пловдив 1986: 295; Родопи 1994: 11]; греч. *ολόφεγγο, ολοφέγγαρο* ‘полнолуние’ [Μέγας 1941: 143] от *όλος* ‘целый’;

макед. *права месечина* (Галичник) [Вражиновски 1998: 62] греч. *φεγγάρι σωστόν* ‘полнолуние’ (Понт) [Οικονομίδης 1972: 6] от *σωστός* ‘правильный, точный’.

Другой мотивационный признак в основе номинации полнолуния — яркость полного лунного диска: болг. *лампѐж* ‘то же’ (с. Слащен) [Пирин 1980: 459], *ясна месечина(та)* ‘то же’ [Маринов 1981: 48]; серб. *чистина* ‘то же’ [Филиповић 1939: 134]; греч. *φέξη* (свечение) ‘полнолуние’.

Номинации половин лунного цикла (молодая — старая луна)

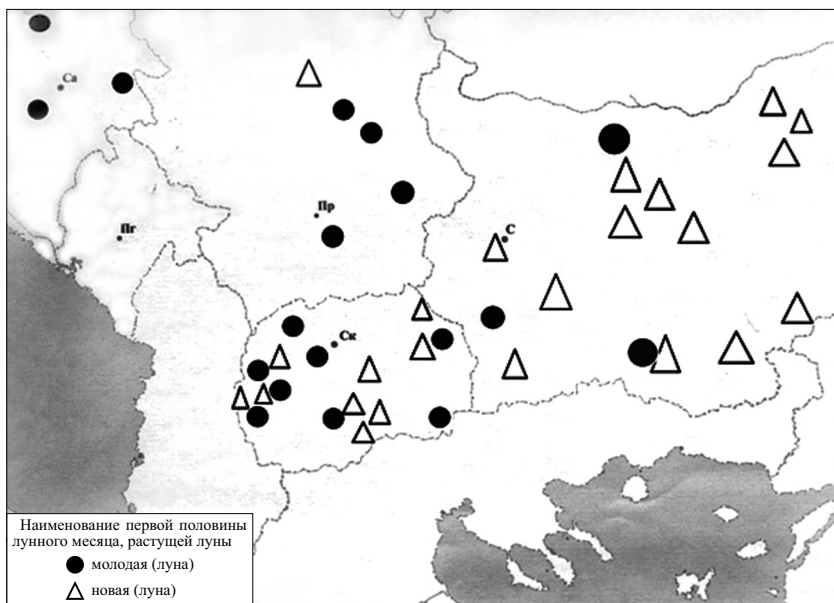
Рассматриваемая модель номинации отражает представления о «жизни» месяца, растущая луна называется молодой, убываю-

⁴ Желанием сообщить окружающим предметам это свойство полноты объясняется приуроченность некоторых хозяйственных работ к периоду полнолуния. Приведем несколько примеров. Так, на полную луну сажали на яйца насадку «за да няма “празни” яйца» (чтобы яйца не были пустыми) [Пловдив 1986: 295; Капанци 1985: 262], покупали поросят «за да бъдат “дубели”» (чтобы (те) были толстыми) [Телбизови 1963: 175]. Сеяли жито «за да бъдат “пълни” зърната» (чтобы зерна были полными) [Пловдив 1986: 295], сажали фасоль и бобы — «шушулките и да са пълни» (чтобы стручки были полными) [Капанци 1985: 262], картофель — «за да бъдат пълни гнезда» (чтобы были полными гнезда) (Банат) [Телбизови 1963: 175]. Осенний сев требовалось начинать в полнолуние, «да бъде пълен хамбара» (чтобы амбар был полон) [Капанци 1985: 262]. Сербы на полнолуние переселялись в новый дом, чтобы «кућа увек бити пуна» (всегда дом был полон) [Vlahović 1972: 66]. Ритуальный хлеб для празднования первых шагов ребенка болгары замешивали в полнолуние, чтобы жизнь этого ребенка была «полной» [Седакова 2007: 303]. Боснийцы верят, что «пун мјесец добро је у кући спомињати, јер ће и кућа свега пуна бити» (хорошо говорить дома о наступлении полнолуния, чтобы дом всегда был полон) [Ђорђевић 1958: 34]. См. также в приметах: болгары считали, что полнолуние (месеџт е пълен) в Дмитриев день (26.X/8.XI) предсказывает хороший приплод скота, если же луна окажется «пустой» (месеџт е празен), то «пустым» останется и хлев [Ловеч 1999: 272].

шая — старой (ср. с названиями новолуния типа болг. *ражда се* ‘то же’ [Пловдив 1986: 295]; макед. *раѓа се* (месечина) ‘о периоде новолуния’ [Вражиновски 1998: 64]; греч. *γέννηση* (рождение) (Ликия) [Δελήσαβας 1988: 118] и т.п.). Для сербской и словенской традиций — это единственная (за редким исключением) модель: *млади месец*, *младина*, *млађак* ‘растущая луна’ — *стари месец* ‘убывающая луна’ [Јанковић 1951: 107], *млади дани* ‘первая половина лунного цикла’ — *стари дани* ‘вторая половина лунного цикла’ [СМР 1970: 207], см. также *млада недеља* ‘первая неделя растущей луны’ — *стара недеља* ‘вторая неделя после полнолуния’ [Јанковић 1951: 107]; *v mlaji*, *v mladih dnevih* ‘на растущей луне’ — *ob starem* ‘на убывающей луне’ [Möderndorfer 1946: 98–100]. В болгарской и македонской традициях рассматриваемая модель представлена не так последовательно, и нередко первая половина лунного цикла называется *новой*, а не *молодой* луной: болг. *млада* (месечина) ‘растущая луна’ — *стара* (месечина) ‘убывающая луна’ [Пловдив 1986: 295], *стара месечина* ‘убывающая луна’ (с. Долен) [Пирин 1980: 458; Koseska 1972: 92]; макед. *на млада* ‘о первой половине лунного месяца’ — *на стара* ‘о второй половине лунного месяца’ (Старавина) [Вражиновски 1998: 59]; макед. *новина* ‘растущая луна’ — *стара* ‘убывающая луна’ (Чаниште, Мариово) [Там же: 58], болг. *нова месечина* ‘молодая луна’ — *постарява се* ‘об убывающей луне’ (Павелско, Рибново, Сърница, Жълтуша) [Родопи 1994: 11].

Известно, что в некоторых традициях названия появляющегося после новолуния месяца и — шире — названия первой половины лунного цикла, образованные от корней **mold-* выступают полными синонимами образованиям с корнем **nou-* и различаются только ареалом распространения, напр., *молодой* — *старый* месяц (ю.-рус.) и *новый* — *ветхий* месяц (сев.-рус.). Мотивационной основой в обоих случаях является представление о том, что с началом лунного цикла месяц рождается, а в конце — стареет и умирает. В балканской картине мира, однако, номинации с корнем **mold-* и **nou-* отражают различное осмысление того, что происходит с месяцем в течение одного лунного цикла, а именно — месяц рождается и умирает (сербский вариант), месяц наполняется и пустеет (болгарский и греческий вариант); в рамках македонской традиции представлены оба типа интерпретации и, соответственно, две группы номинаций (**mold-* и **nou-*). Смотри карту⁵.

⁵ Предложенная модель распределения номинаций с корнями **mold-* и **nou-* очень схематична и во многом условна. Это касается и географии распространения терминов (в некоторых болгарских селах фиксируются образования от корня **mold-*, а в Сербии, Боснии и Далмации — номинации с корнем **nou-*), и структурной организации лунного времени (например, *нова свет* ‘новолуние’ — *вета свет* ‘не нова луна’ [Добруджа 1974: 407]). Однако она позволяет расставить основные акценты, намечая тем самым дальнейшее направление исследования.

Карта. Наименования первой половины лунного месяца, рождающейся луны, производные от корней *mold- и *nou-.

То, что изменения, происходящие с месяцем, интерпретируются по-разному, нагляднее демонстрирует внутренняя форма номинации первой и второй половины лунного цикла. В терминологии новолуния и названиях новой луны эти различия мало заметны. Но общее направление развития сюжета о метаморфозах месяца задают именно эти номинации: там, где встречаются «молодую», родившуюся луну (см. хорв. обращение к показавшемуся месяцу — *млади млadenaц* [Торђевић 1958: 32]), в конце месяца провожают луну «старую»; напротив, про «новую» луну уже на следующий день после ее появления говорят, что она «наполняется», а в дальнейшем «рассыпается», «заворачивается», «сдается», «истончается» и т.п. Соответственно, представление о «жизни» месяца, которое лежит в основе разбираемых номинаций и актуализируется при непосредственном столкновении названий типа *молодой* — *старый*, прослеживается менее четко⁶.

⁶ Вне зависимости от того, насколько последовательно рассматриваемая номинационная модель представлена в языке, можно с уверенностью заявлять об универсальности восприятия лунного времени через категории молодой и старый. Наглядный тому пример — общебалканское (и шире) представление, что люди, родившиеся «на старой луне», рано старятся или же обладают «недетским» умом, ср. в этой связи болг. *на стар месец е роден 'о мудром человеке'* [Седакова 2007: 96].

Номинации половин лунного цикла (увеличивающаяся — уменьшающаяся луна)

Мотивационная основа рассматриваемой модели — видимое увеличение и уменьшение лунного диска. Внутренняя форма лексем, репрезентирующих эту модель, отражает различные точки зрения носителей традиции на то, какие именно изменения происходят с луной. Разбираемая модель является доминирующей для болгарской традиции и единственной (за исключением отмеченных Г. Мегасом для Тсаконии наименований *νιο φεγγάρι* (молодая луна) ‘растущая луна’ и *παλιό φεγγάρι* (старая луна) ‘убывающая луна’ [Μέγας 1941: 144]) для греческой традиционной культуры. Македонский материал демонстрирует сосуществование обеих моделей: «первая и вторая половины лунного цикла: ‘молодая’ — ‘старая’ луна» и «первая и вторая половины лунного цикла: ‘увеличивающаяся’ — ‘уменьшающаяся’ луна».

Главная отличительная черта рассматриваемой модели — относительная устойчивость первого ее члена, названия растущей луны (*новина*, *γέμωση*), и вариативность второго, названия убывающей луны. Очевидно, что более значимым для традиционной культуры представляется объяснение уменьшения лунного диска; увеличение же, вероятно, воспринимается как процесс возвращения в исходное состояние.

В связи с этим небезынтересно обратиться к этимологической трактовке славянского «месяц как ‘уменьшающееся светило’», предложенной О. Н. Трубачевым, который в частности, пишет: «Существование [...] таких обозначений (полу)месяца, как франц. *croissant*, собств. “растущий”, иначе говоря, *oppositum* понятию “меньший, уменьшающийся”, вселяет в нас уверенность в правильности избранной интерпретации, над которой размышлял задолго до нас Сократ: “Месяц (μεῖς) мог бы от уменьшаемости (μειοῦσθαι) правильно быть назван μεῖης” (Платон. Кратил)» [Трубачев 1980: 6]. Этимология Сократа представляется спорной (так как, строго говоря, месяц является настолько же уменьшающимся, насколько и увеличивающимся светилом), но она является ценным свидетельством того, что и в древнегреческий период именно опадание (а не наполнение) лунного диска привлекало к себе внимание.

Современный греческий вариант модели выглядит следующим образом: в первый день появления луну называют новой, затем до полнолуния *наполняющейся* (*γέμωση*), после полнолуния — *пропадающей* (*χάση*), *уменьшающейся* (*λίγωση*, *λείψη*); в период новолуния она *оборачивается* (*γυρίζει*) и появляется *новой*. Сходным образом у македонцев: *нова месечина* (шо полни месечината), *полна месечина* (почиње да губи, погигел) (Дебар) [Вражиновски 1998:62]. Однако более частотный болгарский и македонский вариант *новина* ‘период

от новолуния до полнолуния’, *погибел, кратеж, расип* и т. д. ‘период от полнолуния до новолуния’, см. макед.: «две недели е новина, две недели погибел» (Битуше) [Вражиновски 1998: 61], и только в день полнолуния луна называется *полной*.

(болг., макед.)	Новина	Погибел
(греч.)	γέμωση (< γεμίζω ‘наполнять’*)	χάση (< χάνω ‘терять, пропадать, гибнуть’)

Как отмечалось выше, мотивационные модели номинации второй половины лунного цикла отличаются разнообразием и тем не менее даже среди этого многообразия можно выделить несколько наиболее продуктивных основ, представляющих месяц **уменьшающимся**: болг. *кратеж* [Геров II, 1976: 411; Сакар 2002: 233], *кратена мясчина* [Сакар 2002: 233], *кратеж* [Koseska 1972: 89], *кратуи* [Странджа 1996: 260], *кратии* (Вълче поле), *на кратюна, на кратеж* (Чепеларе) [Родопи 1994: 30]; *секрѝца се* (месечина) [Родопи 1994: 30], *кратѝ се, скрѝца се* [Пловдив 1986: 295], *крѝта се* (Долно Луково, Покрован) [Родопи 1994: 11]); греч. *χάση* [Δελησαββας 1988: 117; КЛ 1995: 468; Κωστάκης 1962: 44; Μέγας 1941: 143] и др. от *χάνω* ‘пропадать, терять’; *λείψη* [Μέγας 1941: 143; Παπαγγέλου 2001: 1299], *λείψη του φεγγαριού* (о. Керкира) [Σαλβάнос 1929: 142], *λειψό φεγγάρι* ‘луна в первой или второй половине’ и др. от *λείπω* ‘не хватать, не доставать’; *λίγωση του φεγγαριού* [КЛ 1995: 468; Μέγας 1941: 143], *πόλιγος, απόλιος* (Хиос) [Μέγας 1941: 144]; *λι(γ)αίνει το φεγγάρι* (Касос) [Σοφος 1986: 60] от *λιγώνω* ‘уменьшаться’.

Помимо этого убывающую луну представляют **рассыпающейся, разбивающийся**⁷: болг. *месецьт е нащърбен* ‘об убывающей луне’ [Ловеч 1999: 270], *нащърби се* ‘безлуние’ (Видин) [Koseska 1972: 87], макед. *уштиб* ‘месяц через несколько дней после полнолуния’ (Чаниште, Мариово) [Вражиновски 1998: 58], *се уштинне месечината* ‘луна убывает’ (Нерези) [там же: 60], серб. *уштан* ‘убывающая луна; безлуние’ [Јанковић 1951: 108]; болг. *у́рив* ‘последняя лунная четверть’

⁷ См. в этой связи следующую запись: «При движението си, луната губи от се частици, та за това намалѣва, а при връщането си обира изгубенитѣ частици и така пораства» (Двигаясь, луна теряет частички и потому уменьшается, при возвращении она собирает потерянные частички и таким образом вырастает) (с. Вакарел) [Ковачев 1914: 31].

* Внутренняя форма подобных наименований лунного времени актуализируется в запретах сажать и подрезать садовые деревья на молодую луну, чтобы в них не завелись черви (досл. «чтобы они не наполнились червями») («να μην γεμίζουν σκουλήκια») [Τσαμπούρης 1986: 65]; сводить в это время бородавки, чтобы не покрыться (досл. «не наполниться») «να μην γεμίσεις» ими [Κεφαλληνιάδης 1965: 12] и др.

(с. Гега, Яворница) [Пирин 1980: 458]; серб. *месец растуран* ‘последняя неделя лунного месяца’ (Хомолье) [Јанковић 1951: 108]; болг., макед. *на расип* [Пловдив 1986: 295], *расип* (с. Падеш) [Пирин 1980: 458], (софийск.) [БД 1962 II: 102], (Дулица) [Вражиновски 1998 II: 67], *разсип* [Ловеч 1999: 270], серб. *месец расипан*, *расипна недеља* [Јанковић 1951: 108; Ђорђевић 1958: 34]; болг. *на усип* [Родопи 1994: 30], *усип* [Пловдив 1986: 295; (с. Ощава, Раздол) Странджа 1996: 217]; *усип* ‘окончание одного лунного месяца и начало другого’ (Родопи) [БД 1962 II: 102], *усуп* [Пловдив 1986: 295], *дсип* [Странджа 1996: 217], *насип* (Ловеч) [Koseska 1972: 90]; болг., макед. *расипува се* [Пловдив 1986: 295; Вражиновски 1998: 79], болг. *усипува се* [Пловдив 1986: 295], *изсипва се* (Странджа) [Koseska 1972: 87], *сине се* (Долно Луково) [Родопи 1994: 30], также и греч. (ἄ)πόσχησιν ‘убывающая луна’ (о. Кипр) [Κύπριος 1874: 128] от ‘откалывать’, *τσιπήθηκε το φεγγάρι* ‘об убывающей луне’ [Μέγας 1941: 143], *τ'ἄκκισήν, τ'ἰάκκισμον του φεγγαρκού, τ᾿άκκισμαν του φεγγαρκού* ‘убывающая луна’ (о. Кипр) [Παλαγγέλου 2001: 1299] от *τσιπώ* ‘отщипывать’, ‘откалывать’⁸.

Вероятно, именно представлением о «разбивающейся» луне обусловлены запреты произносить слово «месяц» в день его первого появления на небе, чтобы в доме не разбивалась посуда: увидев новую луну (*нова свеиц*), не следует говорить этого дома, потому что иначе в течение всего месяца будут часто биться глиняные горшки [Маринов 1981: 47; Ковачев 1914: 32]. Не следует дома упоминать про новый месяц (*нов месец*), потому что до следующего новолуния (*до друге младине*) в доме будут постоянно биться горшки и другие глиняные и стеклянные изделия. А если уж ошибся и помянул его, сразу надо убежать на улицу и, повернувшись к месяцу, трижды на него плюнуть (Хомолье) [Ђорђевић 1958: 33]. На Кипре не показывали пальцем на луну, потому что иначе все, чтобы человек не взял в эту руку, ломалось и билось; помочь этому можно было только одним способом — потерев руку об шкурку змеи [Κύπριος 1874: 130].

⁸ Внутреннее значение терминов, входящих в рассматриваемую номинативную группу, получает отражение в ряде сельскохозяйственных и обрядовых практиках. Например, болгары начинали сев *на расип* «за да се расипува житото» («чтобы пшеница рассыпалась») [Пловдив 1986: 295]. Широко распространен обычай заговаривать болезнь на убывающей луне: «бае се, кога се расипва месецо, та да расипе и болката» («заговаривается на рассыпающемся месяце, чтобы и болезнь рассыпалась») [Тодорова-Пиргова 2003: 44]. И, напротив, в этот период запрещается приступать к работе, потому что иначе «всичко се расипувало» («все рассыплется, разрушится») [Пловдив 1986: 295]. См. также семантику «рассыпающегося» времени убывающей луны во фразеологизме *облечен е у расито* (его впервые одели <во взрослую одежду> при убывающем месяце) применительно к человеку, быстро снашивающем одежду [Седакова 2007: 99].

«**Выцезенный**», «**опорожненный**» месяц. Идея убывания лунного диска не всегда связана с представлением о его физическом разрушении. Внутренняя форма номинаций следующей группы предполагает, что все видимые изменения, происходящие с луной — которая в данном случае мыслится как некий сосуд — касаются ее «содержимого» (воды или молока): его объем увеличивается — уменьшается, сама же она остается неизменной. См. греч. *ἀδείαση* (< *αδείάζω* ‘опорожнять’, ‘освобождать’) ‘убывающая луна’, *ἀλόχυση* (< *αποχύνω* ‘выливать’, ‘опорожнять’) ‘то же’ [Μέγας 1941: 143], *πόσ’σ’υση* [< *αλόχυσις*] ‘то же’, *Επόσ’σ’υσεν* το φεγγάρι (Вылился, т.е. уменьшился, месяц) (о Кипр) [Γιακούλλης 2005: 424].

Македонцы об убывающей луне говорили, что она *се цедит* (Чумово) [Вражиновски 1998:64], что, с одной стороны, отсылает нас к многочисленным нарративам о том, как ведьмы спускают и доят месяц, который оттого уменьшается, а с другой — к корпусу погодных примет. Например, болгары называют молодой месяц, выходящий с опущенными к земле рожками, «выцезенным» (*мѣсець изцѣденъ*) [Ковачев 1914: 35] и считают, что он предвещает ясную погоду. Другими словами, «выцезенная» луна, которая несет с собой не дожди, а только сухую погоду, и сама воспринимается как «сухая». Это же свойство сухости приписывается месяцу, который *се цеди*, уменьшается. Потому на убывающей луне запрещается рвать мяту [Κυπριανου 1976: 38] или подрезать виноградную лозу [Παλαχριστοδοῦλος 1963: 192], чтобы они не засохли. И именно это время повсеместно на Балканах (и не только) считается самым подходящим для заготовки дерева для строительства, веток для плетения корзин и вершей [Κωστάκης 1963: 371], рубки дров и камыша [Παναρέτου 1967: 246; Σόφος 1986: 54; Родопи 1994: 12].

Название уменьшающейся луны с внутренней формой «**разрезаемый месяц**» отмечено только на греческом материале (*φεγγοκοπή* ‘убывающая луна’ [Μέγας 1941: 144] < *φέγγω* ‘луна’ + *κοπή* ‘отрезание’), однако, при привлечении экстралингвистических данных, мотив разрезания месяца оказывается знакомым и другим балканским традициям. В частности, болгары объясняют уменьшение месяца тем, что «бабичките го магьосват и режат от него» (старухи его заколдовывают (т.е. спускают на землю) и отрезают от него (куски)) (Васильово) [Ловеч 1999: 270].

Некоторые из рассмотренных ранее названий новой и полной луны (греч. *φέξη* (досл. освещение < *φέγω* ‘светить’) ‘растущая луна’ [Μπαμπινιώτης 2002: 1875], болг. *ламπεж* ‘полнолуние’ [Пирин 1980: 459], *чистина* ‘полнолуние’ (Скопска Котлина) [Филиповић 1939: 134] и проч.) демонстрируют, что мотивационной основой последовательной номинации всех отрезков лунного цикла является в том числе и

признак интенсивности свечения лунного диска. Показательно в этой связи следующее описание изменений, происходящих с луной в течение одного лунного месяца: «Тя, виж, изпърво каква е ясна. Смила се, изстрила се, минало ѝ всичко. От 24-тия ден насетне една мътна. Тогава ѝ дошъл месеца. Па като се прекрати, излезе една ясна» (Она, знаеш, сперва такая ясная. Умылась, обтерлась, все у нее изменилось. С 24-го дня до конца она мутная. Тогда ей пришел срок. После того как закончится, выходит ясная) (с. Гоцделчевско) [Родопи 1994: 11]. Закономерно потому, что заходящая луна может именоваться **темной**: макед. *темнува се* 'об убывающей луне' (Битуше) [Вражиновски 1998: 61], см. также серб. *мра̋к* 'время између два пуна месеца, уштапа' [РСКНЈ III, 1990: 433]⁹.

Д. Младенова пишет о том, что в балканской традиционной культуре и в балканских языках ставится знак равенства между светом, излучаемым небесным светилами, и «глазами», «взглядом» солнца, луны и звезд, т.е. между концептами света и зрения [Младенова 2002: 83]. Восприятием убывающей луны как «темнеющей» и «тускнеющей», с одной стороны, и установлением причинно-следственной связи между светом луны и ее «зрением», с другой стороны, объясняется тот факт, что в уменьшающейся луне видят «слепнущее» светило — болг. *слеп мессец* 'третья лунная фаза, убывающая луна' (Банат) [БЕР 1986 III: 755].

Болгарские помаки о переменившемся месяце говорят, что он *накърмил се*, наелся [Koseska 1972: 90]. При этом, по македонским и болгарским представлениям, появляющийся после новолуния месяц необычайно прожорлив: «Во тија дни кога расти од се нешто животно од Земја ќе јади; од човек, од доби-ток, ќе му отпије крфта, од јајце, од дрво ќе му отпије соко (В те дни, когда растет, ест все, что есть на земле живого: человека, скотину, чью кровь он пьет, яйца, дерево, у которого он пьет сок) [Ристески 2005: 358]¹⁰. Возможно, однако, и дру-

⁹ Осмысление убывающей луны как «темной», «черной» на практике выливается в предписания стричься на уменьшающейся луне, чтобы волосы не поседели (т. е. «не посветлели») (также у албанцев [Elsie 2001: 181]), или запретить сеять в это время чеснок, мочить лен или белить полотно [Ђорђевић 1958: 34], чтобы они не потемнели.

¹⁰ В Боснии (Высочка Нахия) луне приписывают способность есть пряжу и вязаные вещи: «Не ваља прести од кад се мени Месец па до уштапа, јер ће се појести чарапе и свако плетиво. Ни католичке жене не ткају и не перу кад је мена» (Нельзя прясть с того времени, когда меняется месяц, и до ущерба, потому что он «съест» чулки и все вязаное. И у католиков женщины не ткнут и не стирают, когда месяц меняется) [Филиповић 1949: 204]. Многочисленны свидетельства, что луна ест или пьет яйца. В Болгарии под наседку подкладывали только те яйца, которые были снесены на полнолуние, одни они считались «полными» — «безъ всѣка праздниѧа» — потому что «тогава Луна била сита и не пие яйца» (тогда луна была сытой и не пила яйца)

гое развитие сюжета о голодной и прожорливой луне: месяц «питается» только в первой половине лунного цикла, а после полнолуния сам оказывается **съдаемым**. Отсюда такие названия убывающей луны, как макед. *месечината се јаде, дојде на јадење, на изедовина е, се зајадува, ќе јади од се* [Вражиновски 1998: 63, 65–66], болг. *изет месец* [БЕР III, 1986: 755], *изяжда се* (Белоградчик) [Koseska 1972: 87], серб. *месец једе се* [Јанковић 1951: 108], *једе се* [Филиповић 1939: 212].

Записано несколько сообщений о том, кто и с какой целью «поедает» луну. В Пловдивском крае, например, о последней лунной четверти говорят, что солнце «изяждало месечината» (съедало луну) и потому луна ущерблялась [Пловдив 1986: 295]. Согласно македонским представлениям, уменьшение месяца происходит оттого, что солнце его хватает (*ја фака*), ест (*ја јаде*), и потому «месечината је изедена од Сонца. На секој месец ќе ја јади мало по мало Сонце, и ќе ја изеди до краја» (месяц съедается солнцем. Каждый месяц солнце понемногу отъедает от месяца, пока не съест его совсем) [Ристески 2005: 359]. Такого рода сообщений в Греции не записано, хотя в Адрамитти в полнолуние, если месяц всходил багрово-красный, верили, что на него нападает солнце — *πὸς πᾶ'σκι* [φεγγᾶρι] *μι τοὺν ἥλιον* — и палили из ружей, «чтобы они расцепились, не грызлись как звери» [Μέγας 1941: 143]. Кроме того, верили, что сильная, полная луна способна поедать облака (с. Пороминово), но облака, в свою очередь, способны съесть слабую, убывающую луну, и тогда облачной ночью мы не видим ее на небе (с. Николаево) [Ковачев 1914: 35]. Рассказывают также, что месяц ест Бог: «Господь яде Мѣсечината, за да става нова, та съ това да познаваме врѣмето, т.е. да можемъ да броимъ мѣсецитѣ и годинитѣ. (Господь ест месяц, чтобы тот обновился и с его помощью мы бы определяли время, т. е. могли бы исчислять месяцы и годы) (с. Гърло) [Ковачев 1914: 31]¹¹.

[Ковачев 1914: 32, 34]. Когда словенцы находили под скорлупой вареных яиц пустоту с одного конца, они верили, что «је jajce Mesec pojedel» (яйца поел месяц) (Метлики) [Möderndorfer 1946: 273], ср. также болг. диалект. родоп. *месечина* ‘пустота с одного конца сваренного яйца’ [БД V: 187; БЕР 1986 III: 757], софийск. *месец* ‘то же’ [БЕР 1986 III: 755]. Потому, вероятно, в Скопской Котлине первые семь недель жизни в колыбель младенцам клали яйца, чтобы детей «не выпил» месяц [Филиповић 1939: 137].

¹¹ В Сербии выражение *месец се једе* объясняют легендой о пророке Илье, который грызет луну: «Свети Илија је седео на морској обали и јео ракове. Све би их и појео, тако су му пријали, да то није Бог спречио подигавши јаку буру која Илију однесе на Месец, одакле је он морао гледати како ракови расту. Када опет огладни, Илија поче јести сам Месец, одгризајући и гутајући комад по комад, па би цео Месец појео и онда пао на Земљу, да Бог није уде-сио да Месец опет нарасте као што је био (Святой Илья сидел на морском берегу и ел раков. И съел бы их всех — так они ему понравились, но этого не

Отметим также способность некоторых номинаций, представляющих эту модель, порождать обрядовые практики. Например, в Болгарии (с. Велес) предписание начинать прикорм младенцев на «съедаемый месяц» — *на изет* — объясняли тем, что в противном случае ребенок будет плохо есть. Фрукты и овощи нового урожая первый раз пробовали *на изет*, чтобы все оставшееся время есть их с аппетитом [Ковачев 1914: 32]. Последний пример интересно сравнить с греческим сообщением из Эпира, где фрукты и овощи нового урожая предписывалось «облунить» (ξεφεγγιάζω), т.е. первый раз попробовать на молодую луну, чтобы иметь их в изобилии в течение всего сезона [Αραβαντινός 1909: 69]. Очевидно, что именно внутренняя форма номинации лунной фазы становится причиной того, что одно и то же предписание по-разному мотивируется и приурочивается к разному времени.

* * *

Рассмотрение номинаций лунного времени в традициях балканских славян и их греческих соседей позволяет говорить о существовании двух разных концепций лунного времени, двух точек зрения на то, что именно происходит с луной в течение лунного цикла. Первая модель, представленная сербской, словенской и (частично) македонской традициями, — антропоцентрична, она в большой степени основана на представлениях о «жизни» и «смерти» месяца. Отсюда такие названия половин лунного цикла, как молодая и старая луна, а также акцент на периоде безлуния, который интерпретируется как время ее «смерти». Вторая модель, представленная греческой, болгарской и (частично) македонской традициями, видит в луне уменьшающийся и увеличивающийся в объеме предмет, а не рождающееся, растущее и умирающее существо (хотя представление о луне как о живом существе в этих традициях, безусловно, присутствует). Во второй модели акцент ставится на номинации первой и (особенно) второй половине лунного цикла; многочисленные наименования убывающей луны представляют ее гибнущей, пропадающей, рассыпающейся, разбивающейся, разрезаемой, сворачивающейся, съедаемой, темнеющей, слепнущей и др.

Сопоставительный разбор мотивационных моделей номинации лунного времени наглядно демонстрирует, с одной стороны, сходения в области греческой и болгарской, (реже) македонской «лунной»

допустил Бог, поднявший сильный ветер, который отнес Илью на месяц, откуда он должен смотреть, как раки растут. Вот когда Илья проголодается, он начинает есть месяц, отгрызая и проглатывая кусочек за кусочком, и съел бы месяц целиком и свалился бы на землю, если бы Бог не устроил так, что месяц снова нарастает и становится таким, каким и был) [Јанковић 1951: 108].

терминологии; с другой стороны, юго-восточная зона греческого пространства в ряде случаев органично вписывается в средиземноморскую традицию.

Литература

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 1–10. София, 1962–1981.
- БЕР — Български етимологичен речник / Ред. В. И. Георгиев. София, 1971 — Т. 1 —.
- Вражиновски 1998 — *Вражиновски Т.* Народна митологија на македонците. Етнографски и фолклорни материјали. Скопје; Прилеп, 1998. Кн. II.
- Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. Фототипно издание. София, 1975–1978.
- Добруджа 1974 — Добруджа: Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974.
- Дучић 1931 — Живот и обичаји племена Куча // Српски етнографски зборник. 1931. Књ. 48.
- Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
- Јанковић 1951 — *Јанковић Н. Ђ.* Астрономија у предањима, обичајима и умотворинама срба. Београд, 1951. (Српски етнографски зборник. 1951. Књ. 63.)
- Капанци 1985 — Капанци. Бит и култура на старото българско население в североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Ковачев 1914 — *Ковачев Й. Д.* Народна астрономия и метеорология // Сборник за народни умотворения. София, 1914. Кн. 30. С. 1–85.
- Ловеч 1999 — Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
- Маринов 1981 — *Маринов Д.* Избр. произведения. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1981. Т. 1.
- Младенова 2002 — *Младенова Д.* ‘Глаза’ и ‘Зрение’ небесных светил: связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре // Славяноведение. № 6. 2002. С. 72–86.
- Пирин 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Пловдив 1986 — Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.
- Родопи 1994 — Родопи. Традиционна народна духовна и социално нормативна култура. София, 1994.
- РСКНЈ III, 1990 — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. 1–.
- Сакар 2002 — Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.
- Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.
- СМР 1970 — *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.

- Странджа 1996 — Странджа. Ματεριαλνα и духовна култура, София, 1996.
- Тєлбизови 1963 — *Тєлбизов К., Векова-Тєлбизова Μ.* Τραδιτιονєν бит и култура на банатските бєлгари // Сборник за народни умотворєния. София, 1963. Кн. LI.
- Тодорова-Πιργова 2003 — *Тодорова-Πιργова И.* Баяния и магии. София, 2003.
- Τрубачєв 1980 — *Τрубачєв О. Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. 3. С. 3–15.
- Усачєва 1999 — *Усачєва В. В.* Луна и век человека. СПб., 1999.
- Φилиповић 1939 — *Φилиповић Μ. С.* Обичаји и веровања у Скопској Котлини // Српски етнографски зборник. 1939. Књ. 57.
- Φилиповић 1949 — *Φилиповић Μ. С.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. 1949. Књ. 61.
- Чєха 2006 — *Чєха О. В.* Языковой и культурный образ лунного времени в полєсской традиции (молодой и старьй мєсяц) // Славянский и балканский фольклор. Μ., 2006. С. 485–501.
- Elsie 2001 — *Elsie R.* A Dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture. London, 2001.
- Koseska 1972 — *Koseska V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Prace językoznawcze 63. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Möderndorfer 1946 — *Möderndorfer V.* Verovanja, uvere in običaji Slovencev. Narodopisno gradivo. T. 5. Borba za pridobivanje vsakdanjega kruha. Celje, 1946.
- Vlahović 1972 — *Vlahović P.* Običaji, verovanja i praznoverice naroda Jugoslavije. Beograd, 1972.
- Αικατερινίδης 1957 — *Αικατερινίδης Γ. Ν.* Επωδαί εξ Ανατολικής Κρήτης υπό Αικατερινίδου // Λαογραφια. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1957. Τ. IZ'. Σελ. 577–588.
- Αραβαντινός 1909 — *Αραβαντινός Π.* Ηπειριотикόν γλωσσάριον. Αθηναι, 1909.
- Γιαγκούλλης 2005 — *Γιαγκούλλης Κ. Γ.* Θησαυρός Κυπριακής διαλέκτου. Ερμηνευτικός και етνμολογικός της Μεσαιωνικής και Νεότερης Κυπριακής. Λευκωσία, 2005.
- Δєλησαββας 1988 — *Δєлησαββας Μ. Π.* Λαογραφικά Μάκρης και Λιβισίου Λυκίας Μικράς Ασίας. Αθηνα, 1988.
- Κєφαλληνιαδης 1965 — *Κєφαλληνιαδης Ν.* Από την λαογραφία μας. Η Σελήνη στις Ναξιακές παραδόσεις. Νάξος, 1965.
- ΚΛ 1995 — Κυθηραϊκό λεξικό. Συλλογή 10.000 λέξεων του Κυθηραϊκού γλωσσικού ιδιώματος / Επιμέλεια Δ. Α. Κομη. Αθηνα, 1995.
- Κυπριανού 1976 — *Κυπριανού Π. Χ.* Δοξασιєς για το φєγγάρι // Λαογραφικά του Παλαίκυθρου. Λευκωσία, 1976.
- Κυπριός 1874 — *Κύπριος Γ. Α.* Φιλολογικά επισκέψεις των εν τω βίω των νεώτερον κυπριων. Μνημείων των αρχαίων. Αθήνα, 1874. Τ. I.
- Κωστάκης 1963 — *Κωστάκης Θ. Π.* Η ελιά και το λάδι στην Τσακόνια // Λαογραφια. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1963–1964. Τ. ΚΑ'. Σελ. 367–415.
- Μєγας 1941 — *Μєγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρις του λαογραφικού αρχείου. Εκδιδόμενη επιμελεια του διευθυντού του αρχείου. Αθηνα, 1941–1943. Τριτο етос.

- Μπαμπινιοτης 2002 — *Μπαμπινιοτης Γ.* Λεξικό της Νεας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.
- Οικονομίδης 1962 — *Οικονομίδης Δ. Β.* Όνομα και ονοματοθεσία εις τας δοξασίας και συνηθείας του ελληνικού λαού // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1962. Τ. Κ΄. Σελ. 446–542.
- Οικονομίδης 1972 — *Οικονομίδης Δ. Β.* Η τύχη εις την προφορικήν παράδοσιν του ελληνικού λαού // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1972–1973. Τ. ΚΗ΄. Σελ. 2–26.
- Παναρέτου 1967 — *Παναρέτου Α.* Κυπριακή γεωργική λαογραφία. Λευκωσία, 1967.
- Παπαγγέλου 2001 — *Παπαγγέλου Ρ.* Το Κυπριακό ιδίωμα. Μέγα Κύπρο-έλληνο-αγγλικό (και με λατινική ορολογία) λέξικο ερμηνευτικό, ετυμολογικό, προφοράς, όρθης γραφής και με πλήρη διασταύρωση. Εκδόσεις Ιωλκός, 2001.
- Παπαχριστοδούλος 1963 — *Παπαχριστοδούλος Χ. Ι.* Λαογραφικά σύμμεικτα Ρόδου, μέρος δεύτερος // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1963–1964. Τ. ΚΑ΄. Σελ. 113–214.
- Σαλβάνος 1929 — *Σαλβάνος Γ. Ι.* Λαογραφικά σύλλεκτα εξ Αργυράδων Κερκύρας // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Θεσ-νικη, 1929. Τόμος Ι΄. Σελ. 113–163.
- Σαρλής 2003 — *Σαρλής Β. Π.* Λαογραφικά σύμμεικτα του Δήμου Φενεού Κορινθίας. Παραδοσιακή καθημερινή ζωή, επαγγέλματα: Καταγραφή 1962–2000. Ακαδημία Αθηνών, 2003. Τ. Β΄.
- Σόφος 1986 — *Σόφος Α. Μ.* Τα λαογραφικά της Κάσου. Αθήνα, 1986. Τ. Δ΄ (Συμμεκτα).
- Ψυχogiός 1953 — *Ψυχogiός Ν. Δ.* Ηλειώτικα παιδοκομία // Λαογραφία. Δελτίο της ελληνικής λαογραφικής εταιρείας. Αθήνα, 1953–1954. Τ. ΙΕ΄. Σελ. 248–273.

МОТИВЫ, СВЯЗАННЫЕ СО ЗРЕНИЕМ, В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ СЛАВЯН: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Зрение является одной из важнейших способностей человека, которая в традиционных представлениях славян выступает в качестве знака принадлежности к этому миру, тогда как причастность к иному миру маркируется слепотой и невидимостью. Соответственно, этот свет обладает свойством «быть видимым», он называется рус. *белый свет*, болг. *бело видѣло*, а тот свет наделяется свойством «быть невидимым» и представляется как царство темноты и слепоты (а также неизвестности, так как «невидимое» является также и «неведомым»). Тема зрения присутствует как в похоронной и поминальной обрядности славян, так и в поверьях, запретах и предписаниях, а также фольклоре, связанном с покойниками — похоронных причитаниях, балладах, мифологических рассказах и пр. На актуальность оппозиций «видимого/невидимого» и в связи с этим «ведомого/неведомого» указывает в своей монографии О. А. Седакова: «Оппозиция видимого/невидимого очень важна для сферы смерти, невидимостью обладают душа, смерть... именно как невидимые и неведомые характеризуются и он-ный свет, и душа, и деды, и смерть» [Седакова 2004: 38]. В настоящей статье на общеславянском фольклорном, этнографическом и языковом материале будут рассмотрены мотивы, связанные со зрением, а также их роль и место в похоронной и поминальной обрядности славян. Статья написана в рамках этнолингвистического направления в широком понимании, когда в центре внимания исследователя оказывается «“план содержания” культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. п.)» [Толстой 1995с: 39].

Мотивы, связанные со зрением, присутствуют в похоронном обряде и поминальных ритуалах, проявляясь в различных обрядовых кодах. На **вербальном** уровне данные мотивы встречаются во фра-

Мария Владимировна Ясинская,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 16-04-00101 «Образ человека в языке и культуре славян».

зеологии, связанной со смертью (витеб. *глядець ў дуб, бел. поглядаць до дому* ‘находиться на грани жизни и смерти’ [Седакова 2004: 218], рус. диал. *песку на глаза положить* ‘похоронить’ [Толстая 2012: 60]), в обрядовой терминологии (полес. *промываць глаза покойнику* ‘стирать одежду покойника и полотно, на котором гроб опускали в могилу’ [Седакова 1983: 255], псков. *разметать глаза покойнику* ‘подметать на могиле’ [Лобкова 2000: 36]), в формулах проклятий, содержащих аллюзии на похоронный обряд (болг. «Да даде Господь единъ часъ по-скоро да ти хвърля една рѣка земя на очить») (Пусть Господь Бог даст, чтобы я бросил тебе пригоршню земли на глаза) [Дабева 1934: 5]). На **акциональном** уровне тема зрения проявляется в ритуальных действиях (закрывании глаз покойника, смотре в дежу или заглядывании в печную трубу после возвращения с похорон) и запретах (запрет смотреть на покойника во время беременности). На **предметном** уровне с мотивом зрения связаны: свеча, которая должна гореть при покойном, предметы, которыми закрывают глаза покойника (монеты, черепки и др.). На **признаковом** уровне тема зрения отражается в атрибутах: слепой/зрячий (представления о слепоте покойника), светлый/темный, черный/белый (цвет траурной одежды). С помощью семантических категорий «видимый/невидимый» маркируются границы этого и того света, эти границы строго не фиксированы: при определенных условиях видимые объекты могут становиться невидимыми и наоборот. Видимость/невидимость представляет собой границу между пространством жизни и пространством смерти. Всю совокупность представлений о зрении, растворенных в многоплановом тексте обряда, можно назвать «визуальным кодом» ритуала [Байбурин 1993: 204].

О. А. Седакова выделяет в похоронном обряде «три функциональные группы актов: 1. Обрядовые действия, направленные на разрыв границы жизнь/смерть. Цель их — помощь умершему в достижении *онного* (того. — М. Я.) света. 2. Обрядовые действия, направленные на восстановление, укрепление границы жизнь/смерть. Цель их — замкнуть смерть, оградить живых от ее нового вторжения. 3. Обрядовые действия, направленные на установление контакта через границу жизнь/смерть. Следствием этого контакта ожидаются плодородие и обилие, посылаемые из области Смерти, от “родителей”» [Седакова 2004: 79]. В каждой из перечисленных групп присутствуют действия, так или иначе связанные с глазами или зрением: например, к первой группе относятся освещение умершим пути на тот свет с помощью свечи, «промывание глаз» — обмывание тела умершего каждым вечером до похорон; ко второй группе — закрывание глаз покойного, к третьей — высматривание «дедов» на поминках.

Представления о зрении в похоронном обряде сопряжены с этим/тем светом, двумя мирами, которые соприкасаются в момент смерти;

задачей похоронного обряда является их разделение и восстановление границы между ними. Следовательно, мотив зрения в похоронном обряде и поминальных ритуалах имеет несколько аспектов, связанных с различными участниками обряда: с одной стороны, это покойник¹, с другой — живые. Обрядовые действия участников обряда главным образом направлены на покойника как на объект и адресат, с глазами которого производят определенные манипуляции (целью данных действий может быть как забота о посмертном благополучии покойника, так и забота о безопасности живых).

Глаза покойника как канал связи между тем и этим светом

Особая значимость представлений о зрении в контексте похоронного обряда обусловлена еще и тем, что, согласно верованиям, в глазах может локализоваться душа. Душа покидает тело с последней слезой: *дыхне два раза, слѣзки выкоцять з очей* (полес. гом.) [Седакова 1983: 261], ср. обычай бросать в могилу «слезные платки» (сев.-рус.) [Седакова 2004: 62]. Двоедушником мог считаться тот, у кого два зрачка в глазах (у кого *два чоловічка* — закарпат. [Богатырев 1971: 272]). То есть душа иногда представляется именно как зрительная способность.

В традиционных представлениях достаточно много внимания уделяется тому, что происходит с глазами человека после смерти. Мотив зрения присутствует в эвфемистических номинациях смерти и умирания через утрату зрения: рус. *засмуриться* ‘умереть’, *на леву сторону глаза выворачивать*, полес. *очи в гору пошли*, рус. диал. *свет из глаз выкатился, глаза завешало, глаза попонкой завернуть/заванесить/задернуть, Бог глаза закрыл* [Кабакова 2012: 46], *умереть — только глаза запереть* [ФСРГП 2: 352]. В севернорусских причитаниях момент смерти описывается через утрату зрения: «Выкатилось зрѣнье и смотрѣнице / Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей!» [Олонецкий сборник 1886: 43]. О последней слезе, выкатившейся из глаза покойника, в Полесье говорят *зрение утекло* [Толстая 2009: 113]. Перед окончательной утратой земного зрения покойник должен проститься с белым светом: македонцы выносили умирающего на улицу, чтобы он простился с белым светом (*да се простат со белото видело*) [Ристески 1998: 248]. Согласно традиционным представлениям, зрение — последнее чувство, которое человек теряет, переходя в мир иной. В Полесье верили, что смерть приходит к умирающему в виде женщины, она постепенно разворачивает черное полотно, закрывая человеку лицо — сначала рот,

¹ При этом следует различать покойника как объект, с которым производятся действия в рамках похоронного обряда, и покойника как субъекта, персонажа мифологических рассказов и поверий.

затем нос, наконец, глаза, после чего человек умирает [Левкиевская 2004: 124]. По различным поверьям русских, покойник перестает видеть или в сам момент смерти, или когда во время похорон родные бросают землю в могилу [Новичкова 1995: 539], или же через определенное время после смерти — на 3-й, 9-й, 40-й день. Слепота мертвых у балканских славян объясняется поверьем, что змея (паук) выедает или высасывает им глаза в могиле [Галанова 2011: 286].

Важную роль играют действия, совершаемые с глазами умершего в ходе похоронного обряда. Это объясняется тем, что глаза покойника воспринимаются как один из каналов, по которому смерть проникает в мир живых, и этот канал необходимо закрыть, чтобы защитить все живое от ее вредоносного действия. Во время пребывания покойника в доме вплоть до погребения родные пристально следят за тем, чтобы глаза умершего были закрыты. Чтобы глаза покойного случайно не открылись, в различных славянских традициях известен обычай класть на них монеты (на один глаз вверх орлом, на другой — решкой, пол.), черепки (хорв.), белый платок (словен.), осиновые листья (полес. гомел.) [Агапкина, Плотнокова 1999: 57; Толстая 2009: 113]. Во многих сербских областях умершего накрывали полотном сразу, как только закрывали ему глаза; нередко это делали с наступлением ночи [Плотнокова 2009: 526]. Обычай накрывания глаз умершего полотном был зафиксирован и у русских Нижней Печоры (Республика Коми): *«на глаза полотно надеть — выкраивают полотно, чтобы только голову накрыть, потом кладут на лицо, все попрошшаются, уже на кладбишшэ, тогда кладут на лицо. Это на глаза полотно надевают. Потом крышку кладут и опускают в землю»* [ФСРГП 2: 293]. В Гомельском Полесье, если у покойника открыты глаза, *цягнуць за пальцы, штоб засліпіліся вочы* [Седакова 2004: 156]. Македонцы остерегались смотреть в лицо и глаза покойнику, а также называть его имя [Ристески 1998: 244]. Поляки в Люблинском воеводстве опасались брать для изготовления гроба древесину с сучками, потому что потом через дырку от сучка покойник может «выглянуть» в мир и забрать с собой кого-либо из родственников [Fischer 1921: 122].

Особенно опасными считались незакрытые глаза покойника в том случае, когда у него подозревали наличие двух душ: на украинских Карпатах такого покойника хоронили, набив ему рот и глаза боярышником [Агапкина, Усачева 1995: 243]. Согласно представлениям болгар, открытые глаза покойника являются признаком того, что умерший станет после смерти вампиром [Левкиевская 1995: 284]. В Лесковацкой Мораве чтобы покойник не стал вампиром, ему лили воду от только что сваренной кутьи и горячее вино в глаза, уши и рот [Толстой 1995а: 373]. В Болгарии в таких случаях засыпали рот, уши, глаза песком [Толстая 2009: 114]. У поляков покойнику, в котором подозревали

вампира, при похоронах завязывали платком глаза, чтобы лишить его возможности вредить живым после смерти. Как символическое закрывание глаз покойного может трактоваться и обычай выпивать за упокой его души: у чехов, среди других формул-приглашений на поминки, отмечено выражение с буквальным смыслом «приходите залить глаза покойному» — *zalít mu oči* [Толстая 2009а: 165].

Закрывание глаз, равно как и закрывание других отверстий на теле умершего (ушей, рта) или за его пределами (дверей в доме, ворот на кладбище и пр.) в ходе похоронного обряда должно было препятствовать возвращению покинувшей тело души обратно, в результате чего покойник мог бы превратиться в опасного демона.

Для живых открытые глаза покойника выступают как дурная примета — предвестие еще одной смерти в доме или по соседству, так как умерший «высматривает» следующего покойника. Встречаются и более дифференцированные приметы, связанные с незакрытыми глазами покойника: если у покойника, хозяина дома, приоткрыт правый глаз или правая нога кажется длиннее левой — умрет еще кто-либо из домашних, в противном случае (приоткрыт левый глаз и левая нога длиннее) умрет кто-либо из села (Босанская Краина) [Толстой 1995b: 385]. Согласно русскому поверью, если незакрытые глаза покойника обращены к входной двери, то в доме будет еще один умерший [Виноградова, Толстая 1999: 29]. Чехи полагали, что если у покойника остается открытым правый глаз, то следующим в доме умрет кто-то из мужчин, если левый — то умрет женщина [Толстая 2004: 557]. У балканских славян незакрытые глаза умершего могут свидетельствовать о том, что он отошел в мир иной с неисполненными желаниями (болг., серб.) [Галанова 2011: 289]. Несоблюдение некоторых запретов и предписаний грозило человеку тем, что после смерти у него будут открыты глаза (это расценивалось как злая посмертная участь): после выпечки хлеба в печь бросали несколько поленьев, иначе у человека, оставившего печь пустой, после смерти будут открыты рот и глаза [Плотникова 2009а: 146]. В Орловской губ. не разрешалось перед трапезой класть ложку «вверх лицом», иначе умрешь с раскрытым ртом и глазами [Топорков 1991: 196]. Характерным в этом смысле представляется болгарское проклятие: *Да те видя облъщенъ (умръль съ несклопени очи)* (Чтобы я тебя увидел с выпученными глазами после смерти (чтобы ты умер с незакрытыми глазами)) [Дабева 1934: 9]. Открытые глаза покойника представлялись каналом, по которому можно было «связаться» с умершим. Если кто-то был виноват перед покойником, для того, чтобы вступить с ним в контакт и попросить прощения, нужно было открыть глаза умершего: «В случае невольного убийства... в Орловской губернии виноватый кланялся покойнику, открывал ему глаза, просил простить, затем закрывал их и кланялся с мертвым крестами» [Новичкова 1995: 381].

Посмертная участь глаз покойника

В верованиях южных славян значительное место уделяется тому, что происходит с глазами умершего в могиле. По некоторым поверьям, глаза мертвеца лопаются в могиле на 40-й день (болг. *се пукват очите*). Сербы полагают, что глаза покойника в могиле выпивает змея на 3-й день после погребения [Гура 1997: 286–287]. После того, как глаза покойного супруга будут выпиты, допускается вступать в повторный брак [Галанова 2011: 286]. В болгарских и македонских балладах умершая девушка жалуется, что змея свивает гнездо в ее волосах, пожирает ее лицо и высасывает глаза, причиняя ей мучения [Беновска-Събкова 1992: 19]. На юге Болгарии существует поверье о могильном уже (*гробна змия*), который обитает под землей и питается глазами мертвецов. Сербы Алексинацкого Поморавья верят, что глаза мертвым выедает паук, поэтому пауков необходимо убивать [Гура 2004: 646]. Мотив поедания глаз змеями нашел отражение и в южнославянских проклятиях: болг. *Ега му змии очи изпиятъ!* (Пусть змеи выпьют ему глаза!) [Дабева 1934: 13], серб. *Змија га у очи запунула!* (Чтоб ему змея в глаза дунула!), *Змија му очи испила!* (Змея бы ему глаза выпила!) [Марковић 2000: 44]. Такие проклятия можно трактовать как пожелание адресату проклятия злой посмертной участи — в том числе, посмертной слепоты и темноты.

Слепота покойника

С одной стороны, ряд поверий, связанных с покойниками, позволяет сделать заключение об их *слепоте*. Белорусы верили, что «мертвые с того света не видят и не слышат» [Federowski 1897: 219]. Слепота мертвых отражается в номинации покойника, например, рус. диал. *жмурик*, *жмурчок* — ср. рус. простореч. *зажмуриться* ‘умереть’ [Успенский 1982: 152]. «До суда нет муки, но все (умершие) слепы» [Завойко 1917: 89]. Слепота покойника может выступать в текстах заговоров как неоспоримый факт, своего рода аксиома: «В доме как умрет человек, так чтобы гроб сделать, его измеряют палкой какой-нибудь. Так эту палку потом тихонько подобрать, омерить свой огород и сказать: “Как покойник не видит, так и вор не увидит”. И вор, если зайдет во двор, не сможет оттуда выйти, только хозяин сможет его вывести» (архангел. обл., ленск. р-н) [Аникин 1998: 371]. Глаза (и подразумеваемая слепота) покойника могут использоваться и во вредоносной магии: в Болгарии ведьма печет специальный калач, соблюдая особые ритуалы при его изготовлении. Этот хлеб она кладет на одну ночь на глаза покойника, а затем смотрит через него на своего врага и говорит: «Сколько знает мертвец, столько знает и тот, на кого смот-

рю» [Беновска-Събкова 1997: 140]. Если через такой калач посмотреть на судей, то они онемеют и не смогут вынести приговор. Предметы, участвовавшие в похоронном обряде (так называемые покойницкие предметы, см. [Плотникова 2009b]), использовались в магии с целью обездвижить противника, лишить его голоса и органов чувств, чтобы он не мог ни видеть, ни слышать, ни говорить, ни действовать. Слепота покойника символически обозначала отсутствие знания, неосведомленность, беспомощность, которые необходимо было сообщить объекту магического воздействия. Ср. русский диалектный фразеологизм *словно на глаза полотно надеть*, который означает 'не замечать очевидного' («надевание на глаза полотна» — возможно, здесь имеет место аллюзия на закрывание лица покойника полотном в ходе похоронного обряда): «Он словно на глаза полотно надел, ничё чисто не видит, как его жёнка-то с другими мужиками шляется»; 'вводить в заблуждение': «Ты мне на глаза полотно не надевай, не ври тут. На глаза полотно надеват, врёт опеть» [ФСРГП 2: 293].

Забота о посмертном зрении покойника

С другой стороны, в обрядах и верованиях славян большое внимание уделяется посмертному зрению, о чем подробно писал в своей статье Н. И. Толстой [Толстой 1995]. С утратой человеческого земного зрения покойник приобретал более совершенное, потустороннее. В представлениях всех славян в том или ином виде присутствует мотив освещения пути на тот свет. Согласно некоторым украинским поверьям, навстречу душе умирающего с неба падает звезда, чтобы осветить ей путь в загробный мир. Сербь при виде падающей звезды говорили, что «кому-то идет свеча на могилу» [Плотникова 1999: 291–292]. Сами души умерших нередко представлялись в виде блуждающих огоньков [Виноградова 2011].

Позаботиться о свете для покойника должны были его родственники, этой цели был посвящен целый ряд обрядовых действий. Прежде всего, это распространенный у всех славян обычай зажигать свечу при покойнике. Как правило, свечу давали в руки умирающему: место, где пребывают души после смерти, «точно не определено, но дорога до него темна, и потому умирающему дают в руки свечу, чтобы он мог ею осветить себе дорогу» [Потушняк 1938; Толстая 2000: 89]. Поляки Спиша использовали для этих целей «громницу» — свечу, освященную на Громничную Божью Матерь (*Matka Boska Gromniczna* — 2 февраля), на юге Подлясья зажигание громницы при покойном мотивировалось тем, что нужно *rozświecić drogę do Pana Jezusa* (осветить дорогу к Господу Иисусу) [экспедиционные материалы автора]. У гуцулов в Закарпатье известен обряд *світыны*, согласно которому «в доме, от-

куда вынесли тело покойника, три дня должна гореть свеча» [Толстой 1995: 189]. Русские верят, что покойники видят свет, когда их родные ставят за них свечу в церкви или вынимают за них просфору на богослужении [Левкиевская 2009: 566]. Македонцы обычай зажигать свечу при покойнике мотивировали так: «да оде со видело на Бога, дури умира да му свете, да му го осветлат патот» (Чтобы он/она со светом шли к Богу, умирали чтоб со светом, чтобы им путь освещался) [Ристески 1998: 248]. Сербский этнолог С. Зечевић отмечал бытующее на северо-востоке Сербии поверье, что если не зажечь свечу при умирающем, он на том свете будет пребывать в вечной темноте, хотя будет все слышать, но не сможет видеть. Если обычай не был соблюден, то старались «послать» покойнику смертную свечу позже, при этом три человека или семь человек соблюдали особый длительный и строгий пост, чтобы покойника «вывести на свет» (*извести на светлост*)» [Зечевић 1978: 385]. У сербов существовали специальные обряды, связанные с передачей смертной свечи покойнику, называвшиеся *привег*, *црни пост*, *рајска свећа*, *бела помана* [Зечевић 1982: 84–85]. В Полесье верили, что душа, разлучившись с телом, всю ночь сидит возле изголовья умершего, для нее должна гореть свеча: «Никто нэ бачить, як душа выходить. Зажигают свичку, целую нич горить в голове, так як душа в головах сидеть, чтобы ей свитло було» [ПА, Речица Ратнов. р-на Волын. обл.]. Согласно некоторым представлениям, душа пребывает в доме в течение 12 дней после смерти, поэтому все это время нужно держать свет зажженным: «Свит треба свитить. Так кажут, треба, бо душа ходит. Даже ше й 12 дней треба щоб не тухло, горило» [ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл.]. У южных славян свеча должна была гореть 40 дней, ее ставили на то место, где лежал и умер больной, так как именно там, согласно верованиям, обитала в течение этого времени душа умершего [Vukanović 1986: 315, 323]. В Полесье свечу зажигали также и во время поминальной трапезы. Там же рассказывали о том, как видели ночью целую процессию покойников, направлявшихся на *деды* (поминальные дни) с кладбища к своему селу с зажженными свечками [Толстая 2005: 85]. У сербов юго-восточной Сербии (Хомолье) в поминальные дни (задушницы) специальная свеча зажигалась в доме или пускалась на дощечке по воде. В родительскую субботу женщины ставили поминальную пищу на маленький круглый столик (софрицу), зажигали свечу и подносили это кому-либо из мужчин, кого любил покойник. При этом женщина говорила: «Да се види пред нашего Мијајла!» (Пусть будет видно нашему Михаилу (покойнику)). Ответом было: «Бог да го прости!» (Бог да простит его!) [Толстой 1995: 191–192]. Хомольцы верили, что задушная свеча горит и светит на том свете от одной задушницы до другой, если нарушить обычай и не зажечь свечу — покойник будет

пребывать в темноте. Хомольцы также пускали свечу по воде в Великий четверг; эта свеча предназначалась покойным и небесным светилам. При этом они произносили: «Да се види на оноем свету мом Јовану, Лазару...» (Пусть будет видно на том свете моему Ивану, Лазарю...) и перечисляли имена покойников, а затем небесных светил [Милосављевић 1913: 41–42]. Русские крестьяне полагали, что свеча, горевшая при покойнике, приобретала свойства магического предмета: например, если подержать на этой свече лопату, прежде чем начать копать, можно выкопать зачатый клад [Новичкова 1995: 236].

Другой формой обеспечения покойников светом можно считать обычай разжигания костров, приуроченный к дням поминовения усопших и календарным праздникам, когда, по представлениям славян, покойники временно пребывают на земле [Толстая 2000а: 18]. Как правило, он мотивировался необходимостью «греть» покойников, но также мог связываться и с «освещением» для них дороги с того света. Например, на северо-востоке Болгарии его объясняли тем, что при выходе из могил предки нуждаются в свете [Капанци 1985: 221]. Сербь Заечара и румыны на северо-востоке Сербии с помощью костров компенсировали недостаток света покойникам, умершим «без свечи» [Зечевић 1967: 77]. Украинцы Закарпатья зажигали костры на кладбищах в Страстную субботу, так как верили, что свет необходим душам умерших, которые в это время выходят из могил и посещают церковную службу [Богатырев 1971: 236].

Еще одним способом позаботиться о зрении умерших на том свете можно считать обычай мести могилы, чтобы «прочистить глаза» покойникам. В качестве одного из первых свидетельств об этом обычае у русских Н. И. Толстой в своей статье приводит сообщение А. С. Пушкина: «Есть в некоторых местах обычай троюпкими цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза» [Толстой 1995: 189]. Этот обычай был связан с представлением, что в поминальные дни мертвые возвращаются на землю, навещают родных, видят и слышат все, что у них происходит. Согласно верованиям белорусов, «ў ночы між Ёсіх Сьвятых а Задушным днём душы змарлыя з неба, з пекла, з атхлані і з чысьца прыходзяць да дому, аглядаюць свае дзеткі, жыўіну, гаспадарку, але іх ніхто ні бачыць, а ены ўсіх і ўсенько бачаць і з добрага пацешацьсе, над ліхім паплачуць. Перад самым сьветам ідуць да касьцёла і ім іх ксьндз мшу правіць, а пот мшы ідуць ўсе на сваё месца. А каторыя душы жывуць у пеклі, то ім туолькі можна праз окна да хаты і касьцёла паглядаць» [Federowski 1897: 221, №1045]. На Псковщине родные шли на кладбище, веником или веткой проводили по могиле снизу вверх, как бы открывая умершим глаза, а уходя с кладбища — мели сверху вниз, закрывая им глаза. Этот обычай назывался *разметать глаза покойникам* [Лобкова 2000: 36]. Он был

распространен в Витебской, Смоленской, Новгородской, Псковской губерниях [Агапкина 2002: 307]. По свидетельству Л. Ристеского, архаичный обычай перекапывания могил и вторичного погребения в некоторых районах Македонии в числе других мотиваций (например, погреть кости на солнце), мог также мотивироваться тем, чтобы покойник «посмотрел на белый свет» (*виде бело видело*) [Ристески 1998: 249]. Если при захоронении находят кости ранее погребенного, македонцы с. Теово их собирают, моют и заворачивают в белое полотно, чтобы они «снова увидели белый свет» (*пофторно да видаат коските бело видело*) и снова закапывают [Плотникова 2006: 217].

Как «промывание глаз» покойника трактовался и обычай на третий день после похорон мыть на дворе одежду покойника и полотно, на котором гроб опускали в могилу, зафиксированный в восточном Полесье: «на 3 день мертвому *очи промывают* — стирают его вещи, постель, холст, на котором опускали гроб в могилу: чтобы *душе было легче, чтоб усе через воду прошло*» [Седакова 1983: 255].

С заботой о зрении покойников Н.И. Толстой связывает и обычай носить траурную одежду белого цвета, особенно это касалось траура по ребенку. Так, у сербов в р-не Враня зафиксировано поверье, что после смерти ребенка в возрасте до одного года его мать не должна носить черного платка и черной одежды, а должна повязывать голову только белым платком, чтобы «ребенок видел на том свете и чтобы у него не было темно в глазах» [Николић-Стојанчевић 1974: 458]. После смерти первого ребенка мать должна надеть белый платок, чтобы дети продолжали рождаться и были здоровы, а умершему «да му се види бело на онај свет» (чтобы был виден белый свет на том свете) [Там же: 304–305]. Н. И. Толстой сравнивает представления, распространенные в Сербии, с записанным на Русском Севере (в Череповецком р-не Вологодской обл.) обычаем «ображать покойника во все светлое, чтобы жизнь светлая была, а темное покроешь, так темной и будет» [Толстой 1995: 193]. Сербы из с. Свинице в Румынии верили, что от черного траура «покойник ништа не види на другоме свету» (покойник ничего не видит на том свете) [Зечевић 1971: 92]. Прекращение траура в с. Свинице ознаменовано исполнением особого «танца для мертвых» (*коло за мртве*), танцующие должны были во время танца наступать на платок с деньгами. Если бы они не наступали на платок, то они, «танцуя, всегда топтали бы глаза покойника» (*покойник би се газио по очима*) [Там же: 93]. Сербские женщины на Косовом поле (с. Лешак) не носили траур по своим детям, чтобы им на том свете «не била тама, тмуша и не би видело ништа» (не было тьмы, мрака и ничего не было невидно) [Vukanović 1986: 316].

Необходимость света для покойников (и, следовательно, наличие у них зрения) иллюстрирует и обычай, известный на Русском Севере,

в Карпатах и Польше, делать гроб с прорезанными или нарисованными «окошками». Это были отверстия, расположенные на уровне плеч покойника, иногда в них вставляли оконное стекло. Гуцулы в детском гробе в головах вырезали с правой стороны одно окошко, во взрослом — два. Окошко, иногда прикрытое доской, имелось и в гробах-колодах. Это делалось для того, чтобы покойник видел живых (сев.-рус.), чтобы душа видела свое тело (укр.), чтобы умерший мог видеть других покойников и общаться с ними (пол.); чтобы умерший мог выглядывать (смотреть) из своей «хаты» (гуцул.). В Польше окошки делали в гробах, которые стояли в костелах, чтобы родные видели своих умерших сородичей [Афанасьева, Плотникова 1995: 554]. С этим обычаем соотносится практика изготовления антропоморфных надгробий с изображением глаз или глаз, превращающихся в листья растений [Толстой 1995: 195–205].

Свет мыслился одной из самых насущных потребностей покойника в загробном мире. Об этом свидетельствует и болгарское проклятие *Да му се не види!* (Чтобы ему не виделось!), в котором проклинаемому желается, чтобы он ничего не видел на том свете (оно входило в ряд других проклятий на тему злой доли на том свете) [Толстой 1995: 205]. При этом существовало опасение, что мертвый мог остаться слепым (или же в темноте) на том свете, и на этот факт могли повлиять именно живые. Действия, направленные на обеспечение покойников зрением, входили в ряд других обрядовых действий, призванных гарантировать покойникам благополучное пребывание на том свете: «угощение» покойников, обычай «греть» покойников и др.

Разновидностью заботы о зрении предков можно считать соблюдение запретов на определенные виды работы в дни поминаения усопших. Считалось, что в это время мертвые пребывают на земле, и живые должны позаботиться об их безопасности. Запреты мотивировались опасением засорить глаза предкам или другим мифологическим персонажам, связанным с умершими предками (Пятнице, русалкам). Запреты строятся на следующем принципе: в первой (запрещающей) части звучит запрет на определенное действие, а в части мотивировки это действие выступает уже в метафорическом значении ‘лишить возможности видеть’: например, «не пряди, чтобы не запрять глаза предкам».

Регламентация «зрительного» поведения человека в обряде

В похоронном обряде и поминальной обрядности уделяется особое внимание также «зрительному» поведению человека. Здесь можно выделить три аспекта, связанных со зрением.

Во-первых, это зрительные запреты. Запрещалось смотреть на покойника определенным категориям людей, например беременным, для них опасен даже взгляд на похоронную процессию. Взгляд участников похоронной процессии мог быть опасен — если кто-либо из них оборачивался, его взгляд в этот момент мог причинить вред. Поляки в Мазовии верили, что если оглядываются участники похоронной процессии, это может привести к негативным последствиям, спровоцировать еще одну смерть [Barthel de Weydenthal 1922: 7]. Это верование соотносится с представлениями о том, что покойник способен «высмотреть», увести с собой на тот свет кого-то из окружающих. Опасность, исходящая от покойника, также распространяется и на участников обряда, которые, вступая в обрядовый контакт с покойником, как бы пребывают в пограничном пространстве между этим и тем светом, куда они провожают умершего. Запреты касались также смотрения в зеркало: у многих славян был распространен обычай завешивать зеркала в доме умершего сразу после смерти (другое толкование данного обычая — чтобы не отразился покойник, чтобы ситуация смерти не повторилась). Опасным считался взгляд в окно на похоронную процессию. На Прусском Мазовье верили, что кто смотрит через окно на покойника, может заболеть желтухой, в окрестностях Мальборга полагали, что от этого выпадают зубы. Буковинские евреи не заглядывали в окно дома, где лежит умерший, иначе можно было услышать его плач и умереть самому. В Чехии считалось, что, пока тело находится в доме, нельзя выглядывать в окно ночью, иначе умрешь, потому что в этот момент покойник обходит хозяйство [Fischer 1921: 321].

Во-вторых, взгляд и смотрение в похоронном обряде могли выполнять также апотропеическую функцию: например, в Пермском крае, вернувшись с кладбища после похорон отца, дочь осматривала дом, двор и все хозяйственные постройки со словами: «Нету папы? Ну, если нету тебя, то к нам больше не ходи» [Усольские древности 2004: 152]. При выносе покойника все брали хлеб и глядели в окно — чтобы хлеб был (карпат.) [Богатырев 1971: 268]. С помощью взгляда можно было избавиться от тоски по покойнику: чтобы забыть умершего, родные глядят в печь, в подполье, на копыта коня [Седакова 2004: 45]. В Житомирском Полесье полагали, что нужно было заглянуть в дежу и сразу же закрыть ее крышкой, таким образом символически заперев в ней свой взгляд: «Як выносять мэрця з хаты, открываў дэжку, шоб забываў скорэй, шоб нэ стояў ў очях... хто-ныбудь открываў да подывыцца...» [Агапкина 2012: 77].

В-третьих, живые могли установить визуальный контакт с иным миром (подробнее см. [Ясинская 2011]). В Полесье верили, что в поминальные дни можно было увидеть, как покойники посещают дома своих родных. Чтобы увидеть покойников, следовало соблюдать пост

в течение некоторого времени; сидеть на печи и смотреть сквозь зубья бороны и т. д. Нерегламентированный контакт с покойниками считался опасным.

«Зрительное» поведение человека в похоронном обряде прежде всего связывается со второй и третьей функциональными группами актов (по терминологии О. А. Седаковой): с действиями, направленными на восстановление границы (зрительные запреты и предписания) и на установление контакта через границу (регламентированный визуальный контакт с покойниками в поминальные дни). Первая функциональная группа актов (обрядовые действия, направленные на разрыв границы жизнь/смерть, цель которых помочь покойнику достичь того света) включает в себя ритуалы, адресованные покойнику: это «освещение» дороги на тот свет и обеспечение умершего потусторонним «зрением».

Таким образом, мотив зрения в похоронно-поминальном ритуальном комплексе имеет сложную структуру, он выражается в виде семантических оппозиций «видимый/невидимый» («ведомый/неведомый»), «зрение/слепота», «свет/тьма», которые непосредственно связаны с категориями «живой/мертвый», «хороший/плохой» и др. Тема «зрения/слепоты», «визуальный код», реализуется в обряде в различных формах: вербальной, акциональной, предметной, атрибутивной. При этом ритуальные действия, связанные со зрением, могут иметь своим адресатом как покойника (различные действия, призванные обеспечить покойнику зрение на том свете), так и живых участников обряда (действия, позволяющие избавиться от тоски по умершему, «зрительные» запреты). Ряд действий адресован одновременно и живым и мертвым. К таким действиям относятся, например, закрывание глаз покойного, установление визуального контакта с умершими предками в поминальные дни.

Литература

- Агапкина 2002 — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Агапкина 2012 — Агапкина Т. А. Смотреть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 75–81.
- Агапкина, Плотникова 1999 — Агапкина Т. А., Плотникова А. А. Деньги // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 56–60.
- Агапкина, Усачева 1995 — Агапкина Т. А., Усачева В. В. Боярышник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 242–244.
- Аникин 1998 — Русские заговоры и заклинания / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

- Афанасьева, Плотникова 1995 — *Афанасьева Н. Е., Плотникова А. А.* Гроб // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 553–558.
- Байбурин 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.
- Беновска-Събкова 1992 — *Беновска-Събкова М.* Змеят в български фолклор. София, 1992.
- Беновска-Събкова 1997 — *Беновска-Събкова М.* За една негативна магическа употреба на хляба // Хлябът в славянската култура. София, 1997.
- Богатырев 1971 — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Виноградова 2011 — *Виноградова Л. Н.* Светоносные ночные духи в мифологии западных и южных славян // Балканский спектр: от света к цвету. Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. М., 2011. С. 40–44.
- Виноградова, Толстая 1999 — *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* Дверь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 25–29.
- Галанова 2011 — *Галанова М.* Представи за окоето и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи // Етнографски проблеми на народната култура. Т. 8. София, 2011. С. 283–318.
- Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в традиционной культуре славян. М., 1997.
- Гура 2004 — *Гура А. В.* Паук // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 646–648.
- Дабева 1934 — *Дабева М.* Български народни клетви. Принос към изучаването на народната душа и народния живот. София, 1934.
- Завойко 1917 — *Завойко Г. К.* В Костромских лесах по Ветлуге-реке // Этнографический сборник. Труды Костр. НО по изучению местного края. Кострома, 1917. Вып. VII. С. 3–41.
- Зечевић 1967 — *Зечевић С.* Самртни ритуал и неки облици култа мртвих у становништва влашког говорног језика Крајине и Кључа // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1967. Књ. 30. С. 47–78.
- Зечевић 1971 — *Зечевић С.* Народна веровања у Свињици // Зборник радова Етнографског института. 1971. Књ. 5. С. 89–99.
- Зечевић 1978 — *Зечевић С.* Самртни обичаји у околини Зајечара // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1978. Књ. 42. С. 383–398.
- Зечевић 1982 — *Зечевић С.* Култ мртвих код Срба. Београд, 1982.
- Кабакова 2012 — *Кабакова Г. И.* Слепота // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 46–49.
- Капанци 1985 — *Капанци:* Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Левкиевская 1995 — *Левкиевская Е. Е.* Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 283–286.
- Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Лицо // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 124–128.

- Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Свет — тьма // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 565–567.
- Лобкова 2000 — *Лобкова Г.* Древности Псковской земли. Жатвенная обрядность. Образы, ритуалы, художественная система. СПб., 2000.
- Марковић 2000 — *Марковић Р.* Српске народне клетве и заклетве. Београд, 2000.
- Милосављевић 1913 — *Милосављевић С. М.* Српски народни обичаји из среза Хомољског // Српски етнографски зборник. 1913. Књ. 19. С. 1–442.
- Николић-Стојанчевић 1974 — *Николић-Стојанчевић В.* Врањско Поморавље. Етнолошка испитивања. Београд, 1974 (Српски етнографски зборник. Књ. 86).
- Новичкова 1995 — *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.
- Олонекский сборник 1886 — Малиновский Л., учитель Петрозавод. духовного училища. Причитанья или заплачки по умершим // Олонекский сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонекского края. Вып. 2. Петрозаводск, 1886. С. 42–47.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).
- Плотникова 1999 — *Плотникова А. А.* Звезды // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 290–294.
- Плотникова 2006 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // Исследования по славянской диалектологии. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. Вып. 12. М., 2006. С. 192–227.
- Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Саван // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 526–527.
- Плотникова 2009а — *Плотникова А. А.* Полный — пустой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 145–147.
- Плотникова 2009б — *Плотникова А. А.* Покойнические предметы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 124–127.
- Потушняк 1938 — *Потушняк Ф. М.* Душа в народнім повір'ю села Осій // Науковий зборник Товариства «Просвѣта». Ужгород, 1938. Роч. 13–14. С. 33–34.
- Ристески 1998 — *Ристески Љ.* Митските представи на светот на мртвите во традиционалната култура на Македонците // *Studia Mythologica Slavica*. 1998. № 1. S. 243–257.
- Седакова 1983 — *Седакова О. А.* Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнографический сборник. М., 1983. С. 246–262.
- Седакова 2004 — *Седакова О. А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Толстая 2000 — *Толстая С. М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 52–95.

- Толстая 2000a — *Толстая С. М.* Мир живых и мир мертвых: формула сосуществования // *Славяноведение*. 2000. № 6. С. 14–20.
- Толстая 2004 — *Толстая С. М.* Оппозиции семантические // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 557–558.
- Толстая 2005 — *Толстая С. М.* Полесский народный календарь. М., 2005.
- Толстая 2009 — *Толстая С. М.* Покойник // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 112–118.
- Толстая 2009a — *Толстая С. М.* Поминки // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 162–169.
- Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Смерть // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 58–71.
- Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Глаза и зрение покойников // *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М., 1995. С. 185–205.
- Толстой 1995a — *Толстой Н. И.* Вино // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 373–374.
- Толстой 1995b — *Толстой Н. И.* Внутренний — внешний // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 385.
- Толстой 1995c — *Толстой Н. И.* Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М., 1995. С. 27–40.
- Топорков 1991 — *Топорков А. Л.* Структура и функции сельского застольного этикета у славян // *Этнознаковые функции культуры*. М., 1991. С. 190–203.
- Усольские древности 2004 — *Подюков И. А., Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.* Усольские древности. Традиционная культура русских конца XIX — XX в. Усолье, 2004.
- Успенский 1982 — *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- ФСРГП — *Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2-х т.* / Сост. Н. А. Ставшина. Сыктывкар, 2008.
- Ясинская 2011 — *Ясинская М. В.* Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // *Славянский и балканский фольклор. Виноградье. К юбилею Л. Н. Виноградовой*. М., 2011. С. 109–120.
- Barthel de Weydenthal 1922 — *Barthel de Weydenthal M.* Uroczne oczy. Lwów, 1922.
- Federowski 1897 — *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897.
- Fischer 1921 — *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
- Vukanović 1986 — *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. Т. 2.

Научное издание

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

XVI Международный
съезд славистов

Белград, 20–27 августа 2018 г.

ДОКЛАДЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Ответственный редактор
С. М. Толстая

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 03.08.2018. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 34,0.

Заказ № 37.
Тираж 500 экз.